E 77
76

Не копировать

На копировать

[2 вкл]

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ

РѢЧИ О РЕЛИГІИ

КЪ ОБРАЗОВАННЫМЪ ЛЮДЯМЪ
ЕЕ ПРЕЗИРАЮЩИМЪ

МОНОЛОГИ

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

С. Л. ФРАНКЪ

МОСКВА—1911

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1911 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

(Годъ изданія 32-ой.)

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

При постоянномъ сотрудничествѣ: К. Д. Бальмонта, А. Н. Бенуа, Н. А. Бердяева, В. Я. Брюсова, С. Н. Булгакова, Андрея Бѣлаго, В. И. Вернадскаго, Л. И. Гальберштадта, М. О. Гершензона, В. Ф. Гефдинга, З. Н. Гиппіусъ, Л. Я. Гуревичъ, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, А. С. Изгоева, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, С. В. Лурье, В. А. Маклакова, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, П. И. Новгородцева, А. М. Ремизова, А. М. Рыкачева, Ѳ. Сологуба, кн. Е. Н. Трубецкого, кн. Гр. Н. Трубецкого, Д. В. Философова, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Въ литературно-критическомъ отдѣлѣ ближайшее участіе принимаетъ В. Я. Брюсовъ.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу . . .	**17** „	**12** „ **75** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ только для иногородн. внутри Россіи **1** руб. **25** коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** руб. **50** коп.

Е 77
76 [2 вкл]

Ф. Д. Шлейермахеръ.

91-78
13981

РѢЧИ О РЕЛИГІИ

КЪ ОБРАЗОВАННЫМЪ ЛЮДЯМЪ,
ЕЕ ПРЕЗИРАЮЩИМЪ.

МОНОЛОГИ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
С. Л. Франкъ.

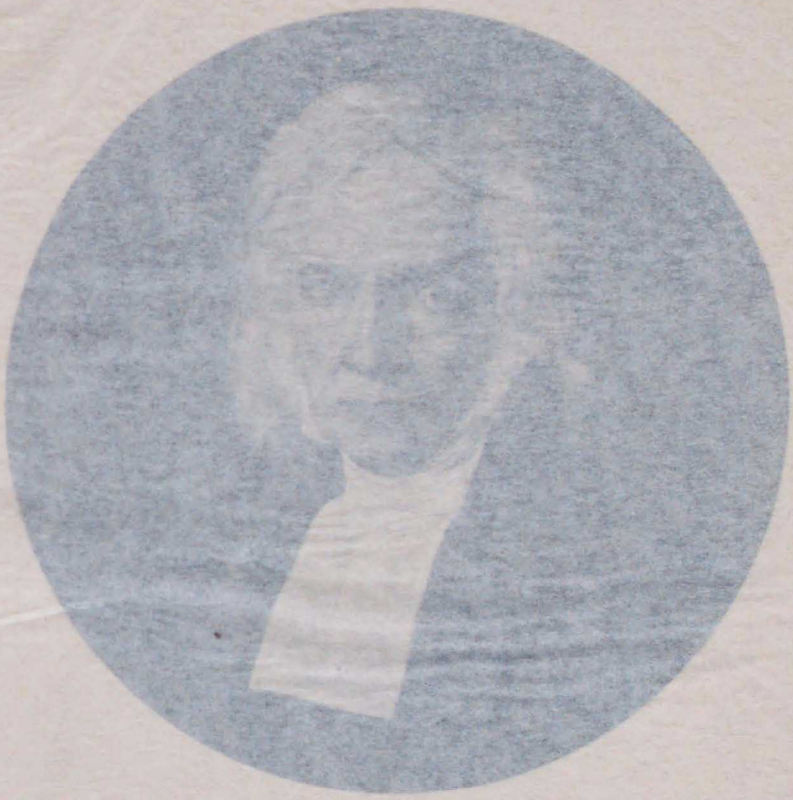
СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА
И ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ ШЛЕЙЕРМАХЕРА.

N 25732

Книгоиздательство „Русская Мысль“.
МОСКВА—1911.

2011111319

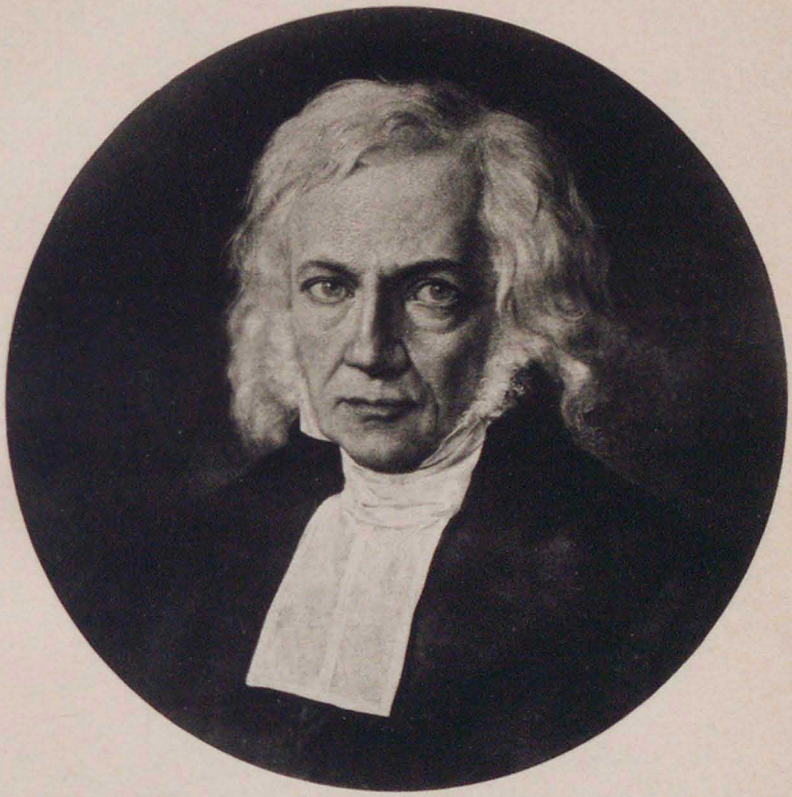
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1911.



Ф. Д. Шлейермахеръ.

2011111319

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1911.



Ф. Д. Шлейермахеръ.

в книге поместили

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197 г.
29					2	4	209	

37

93.

№

	Акцептован	Дата получения

дата

	СУММА СЧЕТА		
	по расчетной цене	разница объединен.	наценка на ком. товар

Личность и міровоззрѣніе Фр. Шлейермахера.

I.

Личность и воззрѣнія Шлейермахера мало извѣстны у насъ. А между тѣмъ онъ былъ одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ того нѣмецкаго духовнаго движенія конца XVIII и начала XIX вѣка, которое зовется „романтической школой“. И — что, быть можетъ, самое замѣчательное — онъ былъ, кажется, единственнымъ мыслителемъ этой эпохи, идеи котораго непрерывно вліяли и продолжаютъ доселѣ вліять на нѣмецкую мысль. Многіе единомышленники и соратники Шлейермахера сохранили для насъ лишь историческій интересъ, наприм., Фридрихъ Шлегель; другіе, какъ Фихте и Шеллингъ, только теперь начинаютъ возрождаться изъ несправедливаго забвенія; романтическіе поэты, за единственнымъ исключеніемъ геніальнаго юноши Новалиса, также не могутъ оказывать сколько-нибудь сильнаго вліянія на современныя души. Отъ одного только Шлейермахера идетъ въ Германіи непрерывная нить традиціи и духовнаго воздѣйствія вплоть до нашихъ дней. Конечно, сужденіе даже цѣлаго столѣтія не есть еще окончательный „приговоръ исторіи“; но оно, по меньшей

мѣрѣ, свидѣтельствуетъ, что идеи Шлейермахера обладаютъ исключительной жизнеспособностью и что онѣ были менѣе всего подчинены узкимъ мѣстнымъ и временнымъ вліяніямъ. Можно также сказать, что оно свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ здоровомъ реализмѣ и жизненной широтѣ его воззрѣній, ибо все фантастическое, субъективное и вычурное не можетъ сохраниться въ смѣнѣ даже немногихъ поколѣній. Шлейермахеръ живетъ доселѣ въ нѣмецкой научной мысли: его религіозно-философскія воззрѣнія образуютъ основу и исходную точку всего нѣмецкаго протестантскаго богословія, и его историко-философскія изысканія, на ряду съ „Исторіей философіи“ Гегеля, также положили начало всей нѣмецкой исторіи философіи. Что касается его этическихъ взглядовъ, сущность которыхъ выражена въ «Монологахъ», то, по крайней мѣрѣ, относительно 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда нѣмецкій идеализмъ и романтическое міровоззрѣніе были болѣе всего забыты и презрѣны въ Германіи, біографъ Шлейермахера говоритъ: „Среди всѣхъ моральныхъ сочиненій современныхъ мыслителей только „Монологи“ дѣйствуютъ доселѣ на широкіе круги. Гдѣ они встрѣчаются болѣе глубокимъ натурамъ въ рѣшающіе годы развитія, они почти всегда оказываютъ опредѣляющее вліяніе. Каждый внимательный наблюдатель знаетъ не малое число людей, которые обязаны именно „Монологамъ“ толчкомъ къ болѣе сознательной и высокой нравственной жизни“ [1]). Съ того времени это вліяніе, несомнѣнно, скорѣе возросло, чѣмъ понизилось.

---

[1]) *W. Dilthey:* „Leben Schleiermachers“. B. I. Berlin, 1870. Стр. 450. Эта книга замѣчательнаго, еще недостаточно оцѣненнаго берлинскаго мыс-

Но, конечно, главное значеніе Шлейермахера тѣсно связано со всѣмъ тѣмъ кругомъ идей и настроеній, которыя волновали нѣмецкую мысль въ эпоху романтизма, и можетъ быть правильно оцѣнено лишь на фонѣ того, что̀ есть объективно вѣрнаго въ этомъ движеніи, или что̀, по меньшей мѣрѣ, сохраняетъ силу для нашего времени. „Рѣчи о религіи“ Шлейермахера являются одной изъ высшихъ вершинъ этого замѣчательнаго движенія мысли, и ихъ значеніе для той эпохи—а, слѣдовательно, косвенно для историческаго развитія идей вообще—начинаетъ въ полной мѣрѣ уясняться только теперь. Правда, Шлейермахеръ самъ испыталъ на себѣ вліяніе Канта, Фихте, Шеллинга (не считая болѣе раннихъ мыслителей, главнымъ образомъ, возрожденнаго трудами Якоби Спинозы). Но своеобразный синтезъ этихъ идей и ихъ сліяніе въ религіозно-философское міровоззрѣніе есть самостоятельное дѣяніе Шлейермахера, въ которомъ впервые, за исключеніемъ болѣе раннихъ натурфилософскихъ сочиненій Шеллинга, былъ совершонъ переходъ отъ интеллектуалистическаго идеализма Канта и Фихте къ религіозному реализму. Шеллингъ, который вначалѣ встрѣтилъ „Рѣчи о религіи“ отрицательно и въ извѣстномъ стихотворномъ «Эпикурейскомъ исповѣданіи» противопоставилъ религіозному міровоззрѣнію Шлейермахера жизнерадостную любовь къ природѣ, какъ

лителя есть не только лучшее обстоятельное жизнеописаніе Шлейермахера (къ сожалѣнію, не доведенное до конца), но, кажется, и лучшая по глубинѣ и богатству идей исторія нѣмецкой романтики и всего нѣмецкаго умственнаго движенія конца XVIII и начала XIX в. Изъ сочиненій, имѣющихся на русскомъ языкѣ, укажемъ на (гораздо болѣе слабую) книгу *Гайма*: „Романтическая школа“ (М., 1891 г.), одна глава которой посвящена спеціально Шлейермахеру.

основной мотивъ своей натурфилософіи, вскорѣ затѣмъ призналъ себя повиннымъ въ „непростительной небрежности“ и объявилъ „Рѣчи о религіи“ „прекраснѣйшимъ выраженіемъ, или скорѣе даже образомъ вселенной“, а ихъ автора — великимъ и вдохновеннымъ мыслителемъ [1]). „Рѣчи о религіи“, несомнѣнно, предвосхитили одну изъ самыхъ глубокихъ, тогда еще не высказанныхъ основъ шеллинговой философіи — новое, реалистическое пониманіе „интеллектуальнаго созерцанія“. Еще болѣе рѣшающее вліяніе оказали „Рѣчи“ на Гегеля. Правда, это вліяніе было скрытымъ, и если не считать мимоходомъ высказаннаго одобренія въ первомъ сочиненіи Гегеля „О различіи между философскими системами Фихте и Шеллинга“, гдѣ онъ признаетъ въ „Рѣчахъ“ „влеченіе лучшаго духа согласовать разумъ съ природой и избавить природу отъ насилій, творимыхъ надъ нею системами Канта и Фихте“, то значеніе Шлейермахера для міровоззрѣнія Гегеля внѣшнимъ образомъ нигдѣ не видно изъ произведеній послѣдняго, а его позднѣйшая рѣзкая оцѣнка богословскаго ученія Шлейермахера [2]) свидѣтельствуетъ о глубокомъ антагонизмѣ между этими двумя умами. Однако въ отношеніи Гегеля къ Шлейермахеру сказывается лишь его общая неблагодарность къ романтическому міровоззрѣнію, изъ котораго родилась его система. И въ настоящее время, благодаря работѣ Дильтея о юношескомъ развитіи Гегеля и опубликованнымъ по его

---

[1]) *Dilthey*, стр. 440 и сл.

[2]) Въ предисловіи къ „Философіи религіи“ Hinrichs'a, гдѣ Гегель говоритъ, что если религія состоитъ въ чувствѣ, и притомъ въ „чувствѣ зависимости“, то „собака есть лучшій христіанинъ“. Ср. „Briefe von und an Hegel“, 1887, Th. 2, стр. 66.

почину раннимъ работамъ Гегеля [1]), мы знаемъ, что основная идея гегелевской философіи — идея объективнаго духа, или соборнаго сознанія, какъ носителя историческаго развитія, возникла изъ религіозно-историческихъ размышленій, на которыя непосредственно натолкнули Гегеля „Рѣчи о религіи“ Шлейермахера. На ряду съ этими философскими вліяніями „Рѣчей“ надлежитъ отмѣтить ихъ могущественное дѣйствіе на религіозную поэзію Новалиса и на замыслы его философскихъ романовъ.

Но мѣсто Шлейермахера въ этомъ духовномъ движеніи опредѣляется еще и иначе. Если исключить Гёте, который стоялъ въ сторонѣ отъ этого броженія мыслей и чувствъ или, вѣрнѣе, надъ нимъ, и съ высоты своего гармонически-цѣлостнаго умонастроенія спокойно учитывалъ какъ сильныя и плодотворныя, такъ и слабыя и незрѣлыя стороны въ идейномъ мятежѣ романтизма,—то Шлейермахера придется признать единственнымъ трезвымъ въ средѣ опьяненныхъ. Онъ одинъ умѣрялъ порожденную дѣйствіемъ его же собственныхъ воззрѣній фантастическую мечту о сліяніи поэзіи съ наукой въ единое религіозное знаніе, незрѣлые замыслы поэтическаго миѳотворчества и всякаго рода упованія на возрожденіе религіи литературными средствами. Уяснивъ единство научнаго и поэтическаго созерцанія съ мистическимъ сознаніемъ въ ихъ исходныхъ точкахъ, онъ отчетливо отмѣтилъ ненарушимыя грани между этими духовными сферами въ ихъ дальнѣйшемъ самостоятель-

---

[1]) *Dilthey:* „Jugendgeschichte Hegels. Abhandl. der Preuss. Akademie der Wissenschaften“, 1905. *H. Nohl:* „Hegels theologische Jugendschriften“. Tübingen, 1907. Ср. *Dilthey:* „Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften“. Berlin, 1910. Стр. 24 и сл.

номъ развитіи. Онъ хорошо понималъ религіозную слабость „фантастическихъ натуръ", которымъ, говоря словами его „Рѣчей", „недостаетъ силы проникновенія во внутрь, способности овладѣвать существеннымъ" и которыя „привыкли останавливаться на призрачномъ, и потому вмѣсто здоровой и сильной жизни имѣютъ лишь разсѣянныя и бѣглыя душевныя движенія"; онъ понималъ также односторонность замкнутаго, обращеннаго лишь во внутрь субъективизма, въ которомъ „высшее чувство неразвито и скудно" и „истинное внутреннее общеніе съ міромъ болѣзненно и ограниченно". Онъ ставилъ себѣ задачу, съ одной стороны, показать безграничную широту и здоровую жизненную насыщенность религіознаго сознанія, не мирящуюся ни съ какой сектантской узостью и болѣзненной усѣченностью духовнаго бытія, и съ другой стороны—уяснить самобытную природу религіи, не допускающую смутнаго, безформеннаго отождествленія ея съ метафизикой, моралью или поэзіей. Онъ сознавалъ, что религія, будучи сама по себѣ верховнымъ и абсолютнымъ началомъ духовной жизни, должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ все же понята, какъ *одна изъ функцій* духа, не стѣсняющая остальныхъ его отправленій и не сливающаяся съ ними; эту трудную проблему іерархіи духовныхъ сферъ, органической неразрывности и вмѣстѣ дифференцированности функцій духовной жизни онъ, по крайней мѣрѣ, ясно постигалъ и пытался разрѣшить, тогда какъ окружавшая его идейная среда порождала либо явленія духовной безформенности—всякаго рода фальсификацію религіи или игру въ религію, будь то „естественная религія" просвѣтительства или поэтическая религія романтиковъ,—либо

же явленія духовнаго деспотизма религіи въ формѣ сектантскаго догматизма и фанатическаго изувѣрства. Въ Шлейермахерѣ болѣе зрѣлое человѣческое сознаніе XIX в., преодолѣвшее раціонализмъ XVIII вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ насыщенное духовнымъ наслѣдіемъ всей новой европейской культуры, какъ бы опознало свое религіозное содержаніе. Онъ съумѣлъ найти слова для невыразимаго, вскрыть тайну религіознаго чувства и утвердить для него мѣсто среди сложныхъ и, повидимому, враждебныхъ ему элементовъ новаго жизнепониманія.

Это историческое значеніе Шлейермахера есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его современное значеніе. Мыслящему наблюдателю современныхъ духовныхъ теченій бросается въ глаза ихъ поразительное сходство съ умственнымъ движеніемъ начала XIX вѣка, Конечно, въ исторіи ничто не повторяется, и на ряду со сходствомъ можно отмѣтить и существенныя черты различія. Уже научное и, главнымъ образомъ, историческое значеніе, накопленное XIX вѣкомъ, опредѣляетъ важную разницу между нашимъ временемъ и началомъ прошлаго столѣтія. Матеріалъ мысли расширился и утончился во всѣхъ направленіяхъ, опытъ безконечно возросъ, и соотвѣтственно этому всякаго рода надежды и замыслы должны считаться съ большими трудностями, и вмѣстѣ съ юношеской наивностью теряютъ и смѣлость юношескаго размаха. Но главные, господствующіе нынѣ мотивы все же въ основныхъ своихъ чертахъ повторяютъ мотивы начала XIX вѣка: глубокое разочарованіе во всѣхъ формахъ раціонализма, перенесеніе центра тяжести интереса съ внѣшней стороны жизни на внутреннюю, мечты о возрожденіи утра-

ченной органической цѣлостности духовнаго бытія. Философское движеніе нашего времени, начавъ съ рецепціи міровоззрѣнія Канта, уже возродило въ новой формѣ философскія идеи Фихте и Якоби и неизбѣжно наталкивается на проблемы Шеллинга и Гегеля. Соціологическая мысль, среди крушенія соціализма, посвящена той же критикѣ соціальнаго раціонализма, которая лежитъ въ основѣ философско-историческаго міровоззрѣнія Берка и Бональда, Гегеля и исторической школы. Что все современное искусство стоитъ подъ знакомъ романтическаго бунта и раздѣляетъ и его сильныя, и его слабыя стороны—это не требуетъ особыхъ поясненій. Достаточно извѣстно также, что это броженіе идей снова поставило на очередь проблему религіи. Можно указать даже на книгу, которая почти ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ „Рѣчей о религіи“ Шлейермахера выдвинула и освѣтила вопросъ о природѣ и правахъ религіознаго сознанія, и для нашего времени имѣетъ приблизительно то же значаніе, что книга Шлейермахера—для той эпохи: это—„Многообразіе религіознаго опыта“ Джемса[1]); основныя идеи этой книги почти совершенно совпадаютъ съ идеями Шлейермахера, и можно, не умаляя цѣнности этой книги, съ полнымъ основаніемъ сказать, что Джемсъ только снова нашелъ для современныхъ людей ту Америку, которая за 100 лѣтъ до него была открыта и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо точнѣе описана Шлейермахеромъ.

---

[1]) См. нашу статью о ней: „Философія религіи В. Джемса“, *Русская Мысль*, 1910 г., № 2.

II.

Фридрихъ Даніель Шлейермахеръ родился въ 1768 г. въ Бреславлѣ. Его отецъ и оба дѣда были пасторами, и въ особенности его дѣдъ со стороны отца, Даніель Шлейермахеръ, былъ даровитой и страстной религіозной натурой, жизнь которой протекла въ бурныхъ религіозныхъ увлеченіяхъ и разочарованіяхъ. Въ 1783 году, на пятнадцатомъ году, Шлейермахеръ поступилъ въ гимназію гернгутерской „братской общины“ въ Ниски (въ Силезіи, около Герлица) и черезъ два года перешелъ въ гернгутерскій богословскій синиарій въ Барби. Гернгутерскія „братскія общины“ распространились въ Германіи въ первой половинѣ XVIII вѣка усиліями графа Цинцендорфа и представляли какъ бы церковныя организаціи піэтизма. Центромъ ихъ религіознаго настроенія была идея грѣховности и искупленія, и въ своихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ они съумѣли сдѣлать эту идею личнымъ опытомъ каждаго члена, заставлять переживать ее ежедневно и ежечасно. Характерная черта религіозности гернгутеровъ состояла въ томъ, что религія не была въ ихъ жизни обособленнымъ началомъ, а пропитывала и опредѣляла всю ихъ семейную и общинную жизнь, всѣ условія быта и дѣятельности. Когда Шлейермахеръ поступилъ въ гернгутерскую школу, піэтизмъ внѣ братскихъ общинъ находился уже въ упадкѣ, отчасти потерявъ внутреннюю духовную силу, отчасти побѣжденный просвѣтительскимъ богословіемъ школы Вольфа. Но тѣмъ строже ограждался аскетическій религіозный духъ въ школахъ гернгутеровъ отъ соприкосновенія съ новой наукой и философіей, со

всякимъ вѣяніемъ новаго міровоззрѣнія. Новыя мысли проникали въ богословскій синанарій Барби контра бандой, наставники умѣли только насильственно подавлять, а не внутренне разрѣшать религіозныя сомнѣнія юношей; и одинъ за другимъ лучшіе воспитанники синанарія уходили изъ него въ университеты. Покинулъ его и Шлейермахеръ послѣ тяжкаго религіознаго кризиса и, несмотря на увѣщанія и угрозы отца, перешелъ въ галльскій университетъ.

Этотъ юношескій кризисъ не нарушилъ, однако, въ Шлейермахерѣ преемственности религіознаго развитія. Религіозность была не только привита ему средой, воспринята въ дѣтскихъ и отроческихъ впечатлѣніяхъ; она лежала у него въ крови, какъ органическая сила, унаслѣдованная отъ предковъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ „Рѣчахъ о религіи“: „Благочестіе было материнскимъ тѣломъ, въ святой тьмѣ котораго питалась моя юная жизнь и подготовлялась еще къ скрытому отъ нея міру; въ немъ дышалъ мой духъ, пока онъ еще не нашелъ соотвѣтствующей себѣ сферы въ наукѣ и жизненномъ опытѣ; оно помогало мнѣ, когда я началъ провѣрять вѣру отцовъ и очищать мысли и чувства отъ мусора прошедшихъ временъ; оно осталось у меня, даже когда Богъ и безсмертіе поры дѣтства изчезли передъ моимъ сомнѣвающимся взоромъ“. Правда, это „благочестіе“ въ теченіе долгаго, десятилѣтняго періода ученичества и скитаній—отъ вступленія въ галльскій университетъ, весною 1787 года, до начала берлинской жизни, осенью 1796 года—находилось какъ бы въ скрытомъ состояніи. На міровоззрѣніе Шлейермахера оказываетъ вліяніе сперва философія нѣмецкаго просвѣтительства, представителемъ которой въ

Галле былъ извѣстный противникъ Канта Эбергардъ, и вскорѣ затѣмъ философія Канта, которая навсегда осталась однимъ изъ элементовъ жизнепониманія Шлейермахера. Философскіе и моральные интересы занимаютъ его умъ и въ студенческую пору, и въ слѣдующіе за ней годы, проведенные имъ въ роли домашняго учителя въ семьѣ графа Дона, и затѣмъ на мѣстѣ проповѣдника въ маленькомъ городкѣ Ландсбергѣ, недалеко отъ Франкфурта-на-Одерѣ. Опубликованные Дильтеемъ „Памятники внутренняго развитія Шлейермахера“ [1]) показываютъ, съ какой независимостью юный мыслитель относился ко всѣмъ дѣйствовавшимъ на него идейнымъ теченіямъ. Мы не можемъ найти въ его развитіи какую-либо систему, которая оказала бы на него такое внезапное и рѣшающее вліяніе, какое воспринялъ, напр., Спиноза отъ Декарта или Фихте отъ Канта. Онъ медленно и упорно трудился надъ усвоеніемъ философіи Канта, но вмѣстѣ съ тѣмъ сразу же отнесся критически къ слабымъ ея пунктамъ, обнаруживъ противорѣчія въ ученіи Канта о „вещахъ въ себѣ“ и о свободѣ воли и не найдя удовлетворенія въ моральной и религіозно-философской сторонѣ доктринъ Канта. Существенное вліяніе оказали на него и сочиненія Якоби, но и къ нимъ онъ сразу же обнаружилъ независимое и критическое настроеніе. Ознакомившись черезъ Якоби съ системой Спинозы (сочиненія Спинозы были тогда еще недоступны въ Германіи), онъ съ присущей ему историко-философской интуиціей понялъ ихъ гораздо вѣрнѣе и глубже,

[1]) „Denkmale der inneren Entwicklung Schleiermachers“, въ приложеніи къ цитированной выше біографіи Шлейермахера.

чѣмъ Якоби; міровоззрѣніе Спинозы во многихъ отношеніяхъ привлекло его, но и здѣсь онъ подмѣтилъ слабый пунктъ въ вопросѣ объ отношеніи безконечнаго къ конечному и индивидуальному; и пониманіе проблемы индивидуальности, опредѣлившее позднѣе міровоззрѣніе Шлейермахера, не дало ему возможности удовлетвориться раціоналистическимъ пантеизмомъ. На ряду съ этимъ изученіемъ новой философіи идетъ самостоятельное изслѣдованіе философіи Аристотеля и, въ особенности, Платона, къ которому Шлейермахеръ испытываетъ тяготѣніе съ юношеской поры. Итогомъ всѣхъ этихъ работъ и размышленій, какъ и непрерывнаго внутренняго духовнаго развитія, явилось разочарованіе не только въ обычной раціоналистической морали и религіозной философіи, но и въ болѣе тонкихъ, въ конечномъ счетѣ все же раціоналистическихъ, идеяхъ Канта о морали и религіи. Но такъ какъ коренной интересъ Шлейермахера сосредоточивался именно на проблемахъ морали и религіи, на самой моральной и религіозной жизни, то этотъ отрицательный отвлеченный итогъ самъ собою претворился въ положительное духовное переживаніе—въ сознаніе самобытности нравственности и религіи, какъ особыхъ жизненныхъ началъ, въ потребность уяснить эти начала изъ нихъ самихъ, изъ ихъ собственныхъ глубочайшихъ корней. „Приматъ практическаго (и религіознаго) разума“ надъ теоретическимъ, отвлеченно-формулированный Кантомъ, у котораго этотъ приматъ, однако, теряетъ свое жизненное значеніе въ силу совершенной интеллектуализаціи „практическаго разума“,—въ душѣ Шлейермахера преобразился въ совершенно новую духовную формацію, въ новый паѳосъ, исходя изъ

котораго онъ достигъ новаго, чуждаго всякому раціонализму, пониманія моральной и религіозной жизни. Съ этимъ еще только намѣчающимся міровоззрѣніемъ онъ вступаетъ въ замѣчательный молодой кружокъ берлинской интеллигенціи, съ которымъ отнынѣ связывается его жизнь и дѣятельность и въ духовной атмосферѣ котораго онъ обрѣлъ плоды своихъ долгихъ одинокихъ исканій.

Шлейермахеръ принадлежитъ къ духовному типу людей, основной интересъ которыхъ направленъ не на сферу объективнаго, а на внутреннюю жизнь личности. Онъ не ищетъ знанія ради знанія, не ищетъ также внѣшней дѣятельности и внѣшняго воплощенія своего идеала; онъ занятъ всегда только своимъ внутреннимъ развитіемъ и самовоспитаніемъ и работаетъ только надъ самимъ собой. Идеи и поступки нужны ему лишь, какъ орудія и символы „внутренняго дѣйствованія“ (innere Handlung), какъ внѣшній механизмъ для внутренней работы личности. Какъ бы велико ни было значеніе научной и практической дѣятельности Шлейермахера, его роль въ развитіи философскихъ идей и въ исторической эволюціи протестантизма,—все это есть лишь какъ бы невольное и второстепенное отраженіе его значенія, какъ нравственной и религіозной личности. По своимъ природнымъ задаткамъ, какъ и по характеру своего творчества, онъ былъ *геніемъ жизни*. Такимъ онъ является намъ въ самыхъ замѣчательныхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, въ „Монологахъ“ и „Рѣчахъ о религіи“, такимъ онъ обнаруживается во всей исторіи своей жизни, такимъ же онъ непосредственно являлся своимъ друзьямъ и современникамъ. „Что для меня неисчерпаемо плодотворно

въ тебѣ,—писалъ ему Фридрихъ Шлегель,—это то, что ты существуешь. Ты для меня въ отношеніи человѣчности то же, что для меня были Фихте и Гёте въ отношеніи философіи и поэзіи". А тонкій знатокъ людей Варнгагенъ писалъ про него въ своемъ дневникѣ: „Я охотно признаю его великую цѣнность, какъ ученаго, проповѣдника, писателя, вообще какъ человѣка ума и науки; но все это всегда казалось мнѣ лишь блестящимъ приданымъ, которое онъ получилъ для своего подлиннаго жизненнаго назначенія. Въ задачахъ, которыя онъ долженъ былъ одолѣвать, какъ человѣкъ въ сферѣ чисто человѣческихъ отношеній, лежитъ его высшее отличіе, его величайшій интересъ для міра".

Такому существу, конечно, нужны прежде всего не книги и идеи, а общеніе съ живыми людьми, и притомъ общеніе личное, затрагивающее самые корни „я" и открывающее просторъ для его самообнаруженія. Именно поэтому кружокъ духовно одаренныхъ и идеально настроенныхъ людей, въ который вступилъ отнынѣ Шлейермахеръ, былъ въ его жизни единственнымъ внѣшнимъ факторомъ, дѣйствительно повліявшимъ на него и пробудившимъ его геній къ зрѣлой дѣятельности. То, что раньше занимало его душу въ книгахъ и отвлеченныхъ мысляхъ (хотя и въ этотъ періодъ біографія его вскрываетъ значеніе нѣкоторыхъ личныхъ связей), теперь, выступивъ передъ нимъ въ формѣ личностей и отношеній къ нимъ, сразу даетъ толчокъ для раскрытія внутренняго богатства его духа, для живого и плодотворнаго овладѣнія глубочайшими темами и мотивами духовной культуры. „Всѣмъ я владѣю теперь внутренне,—писалъ онъ своей сестрѣ черезъ годъ послѣ

переселенія въ Берлинъ,—моими письмами, проповѣдями, моей философіей". Въ интимномъ общеніи (чуждомъ всякаго элемента любовнаго увлеченія) съ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ того времени, съ Генріеттой Герцъ, въ тѣсной дружбѣ и непрерывной совмѣстной работѣ съ Фридрихомъ, Шлегелемъ, въ личномъ и идейномъ соприкосновеніи съ Гарденбергомъ-Новалисомъ, Тикомъ, Фихте и другими, въ атмосферѣ неизмѣримаго духовнаго вліянія Гёте, жизненные идеалы котораго, выраженные въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ", въ ту пору стояли въ центрѣ общественнаго вниманія,—наконецъ, въ самоотверженной и возвышающей любви къ Элеонорѣ Груновъ, личность Шлейермахера прочно утвердила и ясно опознала свое духовное достояніе. Молодой 28-лѣтній пасторъ берлинской больницы Charité выдается среди круга своихъ блестящихъ товарищей своей сердечной серьезностью, зрѣлостью и независимостью своихъ нравственныхъ оцѣнокъ и въ извѣстныхъ отношеніяхъ властвуетъ надъ окружающимъ его духовнымъ броженіемъ. Въ качествѣ нравственнаго генія онъ владѣетъ тѣмъ, чего часто недоставало его средѣ,—соединеніемъ свободной смѣлости жизненныхъ сужденій и отношеній съ строгой духовной чистотой и внутренней дисциплиной. И если иногда личныя отношенія и кружковыя вліянія увлекали его съ вѣрнаго пути и затемняли его обычное нравственное чутье, какъ это было, когда онъ въ своихъ „Интимныхъ письмахъ о Люциндѣ" взялъ на себя защиту морально и эстетически одинаково несостоятельнаго и незрѣлаго романа Фридриха Шлегеля „Люцинда", то все же и въ этихъ случаяхъ объективно невѣрная оцѣнка конкретныхъ фактовъ

искупалась глубиной и серьезностью вложенныхъ въ нее субъективныхъ замысловъ. Общая атмосфера романтическаго кружка, правда, наложила отпечатокъ на творчество Шлейермахера; сильнѣе всего она обнаруживается въ нѣкоторой патетической взвинченности его стиля, которая часто мѣшаетъ пониманію правдивой глубины его идей и чувствъ. Здѣсь вліяніе среды попадало въ слабое мѣсто натуры Шлейермахера. Онъ былъ въ достаточной мѣрѣ художественной натурой, чтобы находить сильное и краснорѣчивое выраженіе для своихъ внутреннихъ переживаній; но все же онъ не былъ подлиннымъ художникомъ и потому не могъ найти истинно объективную, т.-е. не риторически разукрашенную, а поэтически-правдивую, гармонически-спокойную форму самообнаруженія. Мѣсто инстинктивной поэтической идеализаціи, которая ничего не искажаетъ и, озаряя высшимъ свѣтомъ, все же только раскрываетъ простую душевную правду, у него занимаетъ искусственная риторика, которая даже при величайшемъ мастерствѣ ея у Шлейермахера остается неадэкватной выражаемому ею внутреннему содержанію и возбуждаетъ подозрѣніе въ вычурности и вымученности самого чувства. Ближайшее знакомство съ личностью, судьбой и твореніями Шлейермахера опровергаетъ это подозрѣніе. Годы романтическаго подъема, годы дерзостнаго „духовнаго столпотворенія“—какъ позднѣе называлъ это движеніе одинъ изъ его участниковъ, Стеффенсъ—не сломили Шлейермахера, и онъ не упалъ съ высоты, какъ это случилось съ многими другими. Шлейермахеръ принадлежалъ къ тѣмъ цѣльнымъ натурамъ, которымъ, по выраженію Гёте, дано высшее блаженство соединить конецъ

своей жизни съ ея началомъ. Какъ онъ сумѣлъ въ кругъ новыхъ идей внести свою дѣтскую религіозность и среди своихъ свѣтскихъ и часто легкомысленныхъ друзей оставаться „гернгутеромъ высшаго порядка“ (какъ онъ самъ себя обозначалъ), такъ же онъ сумѣлъ сохранить до конца жизни тотъ моральный и религіозный подъемъ, который онъ нашелъ въ эту пору первой возмужалости. Когда черезъ 6 лѣтъ, въ 1802 году, блестящій дружескій кружокъ распался, Шлейермахеръ имѣлъ достаточно духовной силы и зрѣлости, чтобы начать собирать жатву, взрощенную въ эти годы. Съ того времени, въ теченіе болѣе 30 лѣтъ (Шлейермахеръ умеръ въ 1834 г.), его жизнь посвящена упорной и разносторонней работѣ въ качествѣ ученаго, проповѣдника, общественнаго и церковнаго дѣятеля. Плоды его научной дѣятельности суть переводъ Платона, задуманный еще вмѣстѣ съ Фридрихомъ Шлегелемъ, но выполненный имъ однимъ, рядъ гносеологическихъ, этическихъ и историко-философскихъ изысканій и двухтомное сочиненіе по догматикѣ протестантской религіи. Подобно Фихте, онъ стоялъ во главѣ духовнаго движенія, направленнаго на національное возрожденіе Германіи послѣ наполеоновскихъ войнъ, участвовалъ въ основаніи берлинскаго университета и былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ вождей новаго общественнаго мнѣнія. Могучимъ словомъ проповѣдника и перомъ публициста онъ неутомимо трудился надъ созданіемъ свободной національной культуры и государственности. Міровоззрѣніе его въ эту зрѣлую эпоху жизни, обогащенную личнымъ и общественнымъ опытомъ, конечно, во многомъ отличалось отъ тѣхъ пламенныхъ идей, которыми горѣла его юно-

шеская душа; въ его духовной эволюціи есть и обычный, общечеловѣческій переходъ отъ геніальной дерзости и силы юношества къ болѣе умудренной и терпимой, но и менѣе оригинальной широтѣ возмужалости, есть и исторически-характерное для той эпохи нарастаніе національно-государственнаго реализма изъ нѣдръ отрѣшенной личной культуры. Но позднѣйшій берлинскій профессоръ богословія, секретарь академіи наукъ, вліятельный государственный и церковный дѣятель сохранилъ всю духовную независимость и высшую гуманность, которою чаровалъ своихъ друзей юношескій авторъ „Рѣчей о религіи“ и „Монологовъ“. Въ реакціонную эпоху 20-хъ годовъ онъ выступаетъ съ смѣлою оппозиціей, и вся его жизнь въ эту пору полна благородной и часто опасной борьбы за духовную свободу въ области науки, воспитанія и церкви. И Беттина фонъ-Арнимъ, знавшая не мало выдающихся людей, близко видавшая и любившая Гёте, высказываетъ о Шлейермахерѣ-старикѣ сужденіе, совпадающее съ общимъ сужденіемъ о Шлейермахерѣ-юношѣ: „Я не знаю, есть ли онъ величайшій *человѣкъ* (Mann) своего времени, но онъ несомнѣнно есть величайшая *человѣческая личность* (Mensch)“. Шлейермахеръ, говоритъ одинъ изъ его новѣйшихъ біографовъ [1]), „создалъ не школу, а историческую эпоху“. Онъ былъ какъ бы созданъ для великаго дѣла гармоническаго сліянія идей съ дѣйствительностью, для того воплощенія идеальной личной культуры въ реальной общественной жизни, которое было поставлено на очередь историческимъ

[1]) Otto Braun въ вступительной статьѣ-біографіи къ новому изданію избранныхъ сочиненій Шлейермахера: Schleiermachers Werke, Auswahl in vier Bänden, Fritz Eckart, Leipzig, 1910.

развитіемъ Германіи того времени. Именно своеобразное, присущее его личности сочетаніе широты и смѣлости духовнаго горизонта съ живымъ сочувствіемъ и сердечнымъ пониманіемъ всего человѣческаго создало изъ Шлейермахера такую вліятельную и плодотворную фигуру въ исторіи нѣмецкой духовной культуры.

III.

Самое замѣчательное произведеніе Шлейермахера есть безспорно его „Рѣчи о религіи", которыя, несмотря на ихъ заглавіе и стиль, никогда не были произнесены, а были написаны имъ зимою 1798—99 г. И по стилю, и по содержанію „Рѣчи" явственно распадаются на двѣ части: первыя двѣ рѣчи, излагающія сущность религіи вообще, образуютъ ядро всей книги; онѣ написаны съ исключительнымъ подъемомъ и мастерской законченностью; напротивъ, послѣднія три рѣчи (о религіозномъ воспитаніи, объ общественномъ началѣ въ религіи и о религіяхъ) даютъ оцѣнку реальныхъ формъ религіозной жизни съ общей точки зрѣнія, установленной въ первой части; самъ Шлейермахеръ говорилъ, что въ нихъ нѣтъ ничего, что не было бы уже скрыто высказано въ первыхъ двухъ рѣчахъ; къ этому нужно прибавить, что онѣ написаны нѣсколько болѣе искусственнымъ и менѣе гармоничнымъ стилемъ; а что касается ихъ содержанія, то, объемля огромную и многообразную сферу частныхъ явленій, онѣ не всегда справляются со своей темой и должны быть признаны гораздо болѣе спорными [1]). Мы остановимся

[1]) О внѣшней исторіи возникновенія „Рѣчей", подтверждающей ихъ дѣленіе на указанныя двѣчасти, см. цитированн. біографію Дильтея, стр. 365 и

здѣсь лишь на главныхъ мысляхъ „Рѣчей", выраженныхъ въ ихъ первой, основополагающей части.

Рѣчи обращены къ „образованнымъ людямъ, презирающимъ религію". Шлейермахеръ хорошо знаетъ — это непосредственно вытекаетъ изъ его пониманія религіи, — что никого нельзя *научить* религіи; религія можетъ только рождаться изнутри, а не сообщаться извнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вѣритъ, что нѣтъ человѣка, который былъ бы совершенно чуждъ религіозности или хотя бы задатка къ ней. Этимъ опредѣляется методъ его религіознаго наставничества: нужно путемъ психологическаго анализа чувствъ и настроеній, присущихъ противникамъ религіи, и путемъ логической критики признаваемыхъ ими понятій и оцѣнокъ довести ихъ до сознанія, что въ нихъ самихъ живетъ презираемое ими религіозное чувство и что ихъ теоретическія представленія о религіи неадэкватны ихъ непосредственному сознанію. Прежде всего, изъ анализа явленій, подводимыхъ подъ понятіе религіи, слѣдуетъ, что религія не вмѣщается ни въ одну изъ признанныхъ сферъ или дѣятельностей духа: она не есть ни теоретическое знаніе, ни нравственное ученіе, ни искусство, ни практическая дѣятельность. Мы встрѣчаемъ въ ней элементы, присущіе каждой изъ этихъ областей; но она не исчерпывается ни однимъ изъ нихъ въ отдѣльности и не можетъ быть также простой механической смѣсью изъ нихъ. Въ господствующей классификаціи отношеній человѣка къ міру, такимъ

сл. Гёте отзывался съ большимъ одобреніемъ о началѣ „Рѣчей", тогда какъ конецъ ихъ „небрежностью стиля и христіанскимъ характеромъ религіи" возбудилъ въ немъ „здоровую и радостную антипатію". Dilthey, стр. 440.

образомъ, не остается мѣста для религіи; однако, борьба противъ нея, чувства антипатіи или презрѣнія къ ней сами по себѣ все же свидѣтельствуютъ, что религія есть во всякомъ случаѣ не призракъ, а нѣкоторая самобытная реальность. Такъ, исходя изъ самого факта презрѣнія къ религіи, Шлейермахеръ заставляетъ противниковъ религіи признать, что ихъ понятіе о религіи смутно и неопредѣленно и что даже отрицательное отношеніе къ религіи требуетъ признанія ея нѣкоторымъ своеобразнымъ началомъ человѣческой жизни и обязываетъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ началѣ. Этотъ итогъ подводитъ Шлейермахера къ центральному пункту его „Рѣчей" — къ психологическому описанію религіознаго сознанія.

Риторическій характеръ „Рѣчей" влечетъ за собой одинъ существенный ихъ формальный недостатокъ: отсутствіе въ нихъ строгихъ, съ незыблемой твердостью отчеканенныхъ опредѣленій; опредѣленія замѣнены въ нихъ текучими описаніями, отмѣчающими въ измѣнчивыхъ словесныхъ выраженіяхъ многообразные оттѣнки обсуждаемаго понятія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что сама мысль Шлейермахера безформенна и неопредѣленна; напротивъ, въ его изложеніи содержатся элементы совершенно точнаго научнаго психологическаго анализа. Два основныхъ момента подчеркиваются имъ въ понятіи религіи: *отношеніе къ безконечному* въ содержаніи религіознаго сознанія и признакъ *чувства* („чувствованія", какъ говоритъ школьный языкъ) въ психологической природѣ этого сознанія. Первый моментъ по существу врядъ ли можетъ возбудить какія-либо недоумѣнія, хотя онъ и навлекъ на Шлейермахера обви-

ненія въ пантеизмѣ. Въ противоположность научному знанію и практической дѣятельности, которыя теоретически или дѣйственно всегда направлены на конечныя вещи и соотношенія между ними, „религіозное размышленіе есть лишь непосредственное сознаніе, что все конечное существуетъ лишь въ безконечномъ и черезъ него, все временное — въ вѣчномъ и черезъ него". „Искать и находить это вѣчное и безконечное во всемъ, что живетъ и движется, во всякомъ ростѣ и измѣненіи, во всякомъ дѣйствіи и страданіи, и имѣть и знать въ непосредственномъ чувствѣ саму жизнь, лишь какъ такое бытіе въ безконечномъ и вѣчномъ,—вотъ что есть религія". Религія есть „чувство и вкусъ къ безконечному". Этимъ непосредственнымъ сознаніемъ и созерцаніемъ безконечности религія, съ одной стороны, какъ указано, отличается отъ знанія и практической дѣятельности, имѣющихъ всегда дѣло съ конечнымъ; но, съ другой стороны, этимъ же опредѣляется ея связь съ наукой и дѣйственностью.

Подобно тому, какъ объективно безконечное есть основа и общій фонъ для всего конечнаго, такъ и субъективно въ нашемъ сознаніи воспріятіе безконечнаго и жизнь въ немъ есть условіе для воспріятія конечнаго и овладѣнія имъ. „Вѣдь что такое вся наука, какъ не бытіе вещей въ васъ, въ вашемъ разумѣ? И что такое все искусство и творчество, какъ не ваше бытіе въ вещахъ, которымъ вы придаете мѣру, образъ и порядокъ? И развѣ не постольку лишь можетъ то и другое созрѣть въ васъ къ жизни, поскольку въ васъ непосредственно живетъ вѣчное единство разума и природы, всеобщее бытіе всего конечнаго въ безконечномъ?" Интуиція безконечности

есть точка опоры для всякой дѣятельности сознанія; наука и дѣйственность, не будучи религіей, рождаются въ ея лонѣ и живутъ этой органической связью съ ней, внѣ которой наука превращается въ безплодную схоластику, а живая нравственная жизнь замѣняется убогимъ однообразіемъ бездушныхъ формулъ и правилъ. Эта интуиція вѣчнаго и безконечнаго есть не итогъ, а, напротивъ, исходный пунктъ и первое начало всей дѣятельности сознанія. Личному самосознанію, которое есть первичная самоочевидность у Декарта и Фихте, Шлейермахеръ—вмѣстѣ со Спинозой — противопоставляетъ, какъ непосредственное и первичное начало всякаго сознанія, интуицію безконечности; основоположеніе Декарта: „cogito ergo sum“, замѣняется у Шлейермахера инымъ принципомъ, который можно было бы отлить въ формулу: „sum in infinito, ergo scio et ago“. „Гдѣ человѣкъ не сливается съ вѣчнымъ въ непосредственномъ единствѣ созерцанія и чувства, онъ въ производномъ единствѣ сознанія остается всегда отдѣленнымъ отъ него“. Философскій идеализмъ останется безплоднымъ умозрѣніемъ и „уничтожитъ вселенную, желая, повидимому, сотворить ее“, „если онъ не погрузится снова въ это единство, чтобы религіозное смиреніе открыло его гордости иной реализмъ“. Эту связь между религіозной интуиціей и наукой Шлейермахеръ поясняетъ примѣромъ Спинозы, какъ и соотвѣтственную связь между религіозной интуиціей и искусствомъ—примѣромъ Новалиса. Но и обыденная жизнь, чуждая размышленію и творчеству, въ своемъ движеніи вѣдаетъ „нѣкоторые переходы въ безконечное, просѣки, открывающія горизонты“. „Рожденіе и смерть суть такія точки, при воспріятіи которыхъ мы

не можемъ не замѣчать, что наше собственное я со всѣхъ сторонъ окружено безконечнымъ, и которыя, несмотря на свою повседневность, при ближайшемъ соприкосновеніи всегда возбуждаютъ въ насъ тихую мечту и священное благоговѣніе; и неизмѣримость чувственнаго созерцанія есть тоже по крайней мѣрѣ намекъ на иную и высшую безконечность". И лишь разсудочное воспитаніе умѣетъ затыкать эти отверстія философскими карикатурами, искусственно отгораживать жизнь отъ невольнаго соприкосновенія съ объемлющей ее безконечностью. Таковъ первый элементъ религіи — непосредственное созерцаніе безконечнаго и вѣчнаго; онъ есть, такимъ образомъ, не греза или вымыселъ воображенія, не догадка мудрствованія, а первичный, изначальный фактъ всякой жизни и всякаго сознанія; его стоитъ только разъ замѣтить, чтобы онъ сталъ навсегда самоочевиднымъ.

Второй основной признакъ религіи есть начало *чувства*, въ его противоположности познанію и дѣйствованію. Объ этомъ пунктѣ въ шлейермахеровомъ пониманіи религіи много спорили и не разъ указывали на односторонность, съ которой религіи отводится здѣсь лишь отдѣльная ограниченная область душевной жизни, и на субъективизмъ, лежащій въ основѣ отождествленія религіи съ чувствомъ [1]). Религія оказывается у Шлейермахера какъ бы только настроеніемъ, эмоціей, и онъ заходитъ такъ далеко, что не только всѣ явленія религіозности вмѣщаетъ въ область чувства, но и, наоборотъ, признаетъ всѣ

[1]) Возраженія противъ этого пункта ученія Шлейермахера собраны у *Pfleiderer*'а, „Religionsphilosophie auf geschichtlicher Grundlage", въ главѣ о Шлейермахерѣ.

чувства въ основѣ религіозными, такъ что получается какъ бы логическое тождество между понятіями „религіи“ и „чувства“. Религія чужда области познанія, говоритъ не о „природѣ вещей“, а только о „дѣйствіи ея на насъ“, и Шлейермахеръ готовъ даже утверждать, что противоположность между истиннымъ и ложнымъ вообще не относится къ религіи. И точно такъ же религія сама по себѣ чужда нравственности, ибо не относится къ области дѣйствованія; и если бы можно было представить себѣ исключительно религіознаго человѣка, лишеннаго всякихъ иныхъ способностей, то „такой человѣкъ вообще не дѣйствовалъ бы, а только чувствовалъ бы“. Въ этомъ изображеніи религіи легко усмотрѣть утонченный субъективизмъ, превращающій религію въ какое-то смакованіе внутреннихъ переживаній и лишающій ея всякаго творческаго и объективнаго элемента какъ въ теоретической, такъ и въ практической области. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые обороты рѣчи, а пожалуй и нѣкоторые оттѣнки мысли Шлейермахера даютъ поводъ къ такому толкованію; языкъ и мысль Шлейермахера борются здѣсь съ проблемой величайшей трудности, и мѣстами эта борьба остается какъ бы незаконченной. Тѣмъ не менѣе можно смѣло утверждать, что изложенное толкованіе совершенно не улавливаетъ основной и глубочайшей мысли Шлейермахера; болѣе внимательное отношеніе къ ней устраняетъ всякую возможность приписывать Шлейермахеру банальный эстетическій субъективизмъ въ пониманіи религіи и открываетъ именно въ этомъ пунктѣ глубокое проникновеніе въ самобытную природу религіозности.

Терминъ „чувство“ не вполнѣ адэкватенъ мысли

Шлейермахера. Подъ нимъ онъ разумѣетъ не обособленную, отдѣльную область душевной жизни, а глубочайшій корень всего сознанія вообще; изъ этого корня позднѣе выдѣляются познавательная и практическая сферы, такъ что на ряду съ ними онъ дѣйствительно представляется *особымъ* началомъ, будучи на самомъ дѣлѣ какъ бы лишь сохранившимся въ дифференцированномъ сознаніи остаткомъ или наслѣдіемъ первичнаго единства сознанія вообще [1]). Самое краснорѣчивое и ясное выраженіе этой мысли Шлейермахеръ даетъ въ томъ мѣстѣ второй рѣчи, гдѣ онъ пытается описать почти невыразимое словами начало сознанія до дифференціаціи его на „я“ и „не-я“, на субъектъ и объектъ, на волю и познаніе. Въ этомъ началѣ внѣшній образъ предмета еще слитъ съ внутренней жизнью субъекта; каждый актъ жизни въ своей самой общей и первоначальной формѣ есть такое единство „бытія для себя“ и „бытія въ цѣломъ“, самосознанія и воспріятія; но въ такой формѣ онъ не длится даже мгновенія и для сознанія тотчасъ же разлагается на внѣшнее представленіе и

1) Понятіе „чувства“ играетъ здѣсь приблизительно ту же роль, что понятіе „воли“ въ метафизической системѣ Шопенгауера. Послѣднее, какъ извѣстно, такъ же не тождественно феноменальной природѣ человѣческой воли, разсматриваемой, какъ одна изъ способностей или функцій сознанія, а представляетъ нѣкую духовную первооснову, лишь *аналогичную* волѣ въ узкомъ смыслѣ, и только символически, а не адэкватно выражаемую этимъ терминомъ. Всякое психологическое направленіе, пытающееся охарактеризовать общую природу сознанія какимъ-либо терминомъ, обычно обозначающимъ отдѣльную функцію или область сознанія, неизбѣжно осуждено на такую неадэкватность между словеснымъ выраженіемъ и мыслью. Учитывая эту неадэкватность, можно сказать, что Шлейермахеръ есть представитель *эмоціонализма* въ психологіи—направленія, равноправнаго интеллектуализму и волюнтаризму, но почти не представленнаго въ философской литературѣ; въ настоящее время это направленіе, подъ названіемъ „патэмпиризма“, развивается *Генрихомъ Гомперцомъ*, не безъ вліянія Шлейермахера.

внутреннюю жизнь чувства; отсюда же беретъ начало противоположность между знаніемъ и дѣятельностью, единеніе съ міромъ черезъ подчиненіе себя вещамъ и черезъ подчиненіе вещей себѣ. Ни знаніе, ни дѣйственность сами по себѣ не могутъ составить цѣлой жизни; онѣ взаимно предполагаютъ другъ друга, а слѣдовательно и первоначальное единство, т.-е. свою связь съ внутренней жизнью, данной въ чувствѣ. Именно послѣднее, въ противоположность знанію и дѣйственности, есть область религіозности. Въ „чувствѣ“ дана, такимъ образомъ, подлинная связь между практической и теоретической стороной жизни, между человѣкомъ и міромъ, и подъ нимъ Шлейермахеръ разумѣетъ мистическую первооснову жизни. Этотъ моментъ единства сознанія и бытія есть „первая встрѣча всеобщей жизни съ частной“; „онъ есть непосредственное, лежащее за предѣлами всякаго заблужденія и непониманія, священное сочетаніе вселенной съ воплотившимся разумомъ въ творческомъ, зиждительномъ объятіи. Тогда вы непосредственно лежите на груди безконечнаго міра, въ это мгновеніе вы—его душа, ибо вы чувствуете, хотя лишь черезъ одну изъ его частей, всѣ его силы и всю его безконечную жизнь, какъ ваши собственныя“.

Отсюда слѣдуетъ, что „чувство“, хотя и не будучи тождественно теоретическому знанію, не есть однако только субъективный процессъ въ какъ бы замкнутой человѣческой душѣ; „чувство“ есть, наоборотъ, процессъ раскрытія души и уловленія ея тайной связи съ вселенной; оно есть „идущее и міраполагающее устремленіе“, „живая бесѣда съ вещами“; „чувство самодѣятельно отыскиваетъ свои предметы, оно идетъ навстрѣчу имъ и отдается ихъ объятіямъ; оно со-

общаетъ имъ нѣчто, что̀ дѣлаетъ ихъ его достояніемъ, его созданіемъ, оно хочетъ находить предметы и открывать имъ себя; (теоретическое) объясненіе же ничего не знаетъ объ этомъ живомъ усвоеніи, объ этой озаряющей правдѣ и подлинно угадывающей интуиціи въ дѣтскомъ созерцаніи". Такимъ образомъ чувство, будучи противоположнымъ теоретическому знанію и постиженію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ высшее вѣдѣніе, и можно даже сказать, что „всякое знаніе есть воспоминаніе" — воспоминаніе объ этомъ первичномъ единствѣ, данномъ въ чувствѣ и черезъ него. Чувство или, что то же, религіозная интуиція, правда, говоритъ намъ не о природѣ вещей, а только объ ея дѣйствіи на насъ, о нашемъ впечатлѣніи; но именно въ этомъ впечатлѣніи дана высшая правда, возносящаяся надъ всякимъ отвлеченнымъ знаніемъ. И если противопоставленіе между „истиннымъ" и „ложнымъ" не подходитъ къ религіи, какъ таковой, то только потому, что оно „примѣнимо лишь тамъ, гдѣ имѣешь дѣло съ понятіями и гдѣ могутъ дѣйствовать отрицательные законы логики", тогда какъ „непосредственно въ религіи *все истинно*"—какъ и все въ ней хорошо.

Такимъ образомъ, подлинный смыслъ отождествленія религіи съ чувствомъ состоитъ у Шлейермахера не въ томъ, чтобы отвести религіи *субъективную* сферу — мы видимъ, напротивъ, что эта сфера по своей природѣ выходитъ за предѣлы противоположности между субъективнымъ и объективнымъ,—а въ томъ, чтобы охарактеризовать ее, какъ *жизнь*, какъ сознаніе, неотдѣлимое отъ полноты переживанія и, въ качествѣ такового, возвышающееся надъ обособленными областями теоріи и практики

и образующее ихъ единство. Отсюда дальнѣйшее противопоставленіе самой религіи, какъ таковой, ея позднѣйшимъ продуктамъ — религіозной теоріи (догматамъ) и религіозной практикѣ. То и другое есть не сама религія, а лишь результатъ ея связи съ теоретической и практической стороной человѣческой жизни. Сама религія, какъ жизнь, не нуждается въ догматахъ; догматы суть только символическія фиксаціи въ рефлексіи своеобразнаго жизненнаго содержанія религіознаго сознанія, нужныя для отвлеченнаго уясненія этого содержанія и сообщенія его другимъ; и точно такъ же догматы не должны смѣшиваться съ научными или теоретическими сужденіями о самихъ вещахъ, ибо они описываютъ не внѣшне-объективную природу, какъ таковую, а наше внутреннее впечатлѣніе отъ нея или овладѣніе ею. И, аналогично этому, религія не тождественна сама по себѣ съ дѣйственностью, а только сопровождаетъ и углубляетъ ее, такъ что все можетъ дѣлаться только „*съ* религіей“, но не „*изъ* религіи“ [1]).

Для насъ безспорно, что въ этихъ мысляхъ Шлейермахера, несмотря на нѣкоторую шаткость и неточность ихъ выраженій, содержится геніальное постиженіе труднѣйшей философской проблемы, образующей основу всей философіи религіи, — проблемы

---

[1]) Въ основу нашего изложенія положены только „Рѣчи о религіи“, которыя во многомъ отличаются отъ соотвѣтствующей теоріи въ позднѣйшемъ богословскомъ трактатѣ о „Христіанской вѣрѣ“. Укажемъ только, что въ „Рѣчахъ“ совершенно отсутствуетъ неудачное или, по меньшей мѣрѣ, явно одностороннее опредѣленіе религіи, какъ „чувства безусловной зависимости“ („Gefühl der schlechthinigen Abhängigkeit“). Но и между отдѣльными изданіями „Рѣчей“ въ этомъ отношеніи имѣются нѣкоторыя разногласія въ оттѣнкахъ. Несмотря на преобладаніе болѣе *догматическаго* пониманія религіи въ позднѣйшимъ ученіи, въ характеристикѣ самой при-

своеобразнаго совмѣщенія субъективнаго и объективнаго началъ въ религіозномъ переживаніи. Вмѣстѣ съ Якоби, но въ менѣе односторонней формѣ, чѣмъ послѣдній, Шлейермахеръ блестяще и убѣдительно вскрываетъ самобытную природу религіознаго переживанія, забытую и непонятую въ эпоху раціонализма, и показываетъ сочетаніе въ ней двухъ основныхъ чертъ, которыя современный психологъ Джемсъ обозначаетъ, какъ „эмоціональность“ и „интуитивность“. Этимъ совершенно разрывается обычная классификація, для которой объективно-познавательный элементъ сознанія всецѣло вмѣщается въ сферу интеллектуальной дѣятельности, и, наоборотъ, чувствованіе относится только къ субъективной сферѣ. Лишь психологическая литература послѣдняго времени начинаетъ постепенно и еще неувѣренно подходить къ явленію, которое съ геніальной интуиціей открылъ Шлейермахеръ: къ явленію *эмоціональнаго знанія* или, какъ выражается замѣчательный современный мыслитель Францъ Брентано, „эмоціональной очевидности“. Въ различной связи и подъ разными названіями— „вчувствованія“ (въ современной эстетической литературѣ), „интроекціи“ (Авенаріусъ), „эндопатическихъ чувствъ“ въ отличіе отъ „идіопатическихъ“ (Генрихъ

роды религіознаго сознанія, какъ такового, съ годами, напротивъ, элементъ субъективизма нѣсколько оттѣсняетъ раннее объективистическое пониманіе чувства, какъ носителя религіи, и ослабляется моментъ „созерцанія“ въ религіи. Мысль Шлейермахера колеблется въ этомъ пунктѣ между полюсами кантіанства и шеллингіанства. При всѣхъ порождаемыхъ этимъ колебаніемъ неясностяхъ не подлежитъ сомнѣнію основная и самая цѣнная идея философіи религіи Шлейермахера: наличность особаго вѣдѣнія черезъ внутреннюю жизнь, одинаково далекаго и отъ теоретическаго научнаго знанія о внѣшней дѣйствительности, и отъ чисто субъективнаго внутренняго настроенія.

Гомперцъ)—психологія приближается къ этой явственной и вмѣстѣ загадочной сторонѣ жизни, въ которой внутреннее возбужденіе, чувствованіе или воля какъ бы раскрываетъ намъ невидимыя свойства и области реальности и даетъ начало особому, теоретически недоказуемому, но субъективно достовѣрному знанію. При этомъ оказывается, что это эмоціональное знаніе охватываетъ широкія и самыя важныя области жизни: къ нему сводится эстетическое и нравственное воспріятіе, черезъ которое мы не только субъективно оцѣниваемъ внѣшнюю дѣйствительность, но и объективно усматриваемъ въ ней, какъ нѣчто, ей самой присущее, начала красоты и добра; къ нему сводится также всякое познаніе внѣшней духовной реальности, т.-е. всякое познаніе „чужого я“ или „чужого сознанія“, не даннаго намъ въ раціональномъ опытѣ (Липпсъ, Введенскій), и, слѣдовательно, всѣ понятія и сужденія обществовѣдѣнія; и оно же есть источникъ мистическаго знанія религіозныхъ истинъ, недоказуемое, но самодостовѣрное „вещей невидимыхъ обличеніе“ въ вѣрѣ. Это эмоціональное знаніе само по себѣ есть фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію; но спорными и трудными являются его отвлеченное уясненіе и теоретическая оцѣнка. Для чистаго интеллектуализма и раціонализма оно есть только психологическая иллюзія, тогда какъ подлинное знаніе дается лишь опытомъ (въ узкомъ смыслѣ) и *логической* очевидностью; для супранатурализма оно есть, наоборотъ, единственное подлинное знаніе, которое либо совершенно вытѣсняетъ и объявляетъ призрачнымъ всю научную, дискурсивную сферу, либо же стремится подчинить ее себѣ и растворить въ себѣ. Оба на-

правленія въ большей или меньшей степени искажаютъ своеобразную природу этого явленія, то подчиняя его чуждымъ интеллектуалистическимъ критеріямъ, то раціонализируя его внутренній корень. Истинная задача психологическаго и гносеологическаго анализа состоитъ здѣсь, конечно, въ томъ, чтобы открыть своеобразный объективизмъ, самобытную *познавательную* природу этого духовнаго начала съ полнымъ сохраненіемъ его субъективной, эмоціональной, практической жизненной природы. Современная психологическая литература, какъ и современная философія (въ лицѣ прагматизма), склонна къ субъективистическому истолкованію феномена эмоціональнаго знанія. Нельзя отрицать, что и Шлейермахеръ *подходитъ* къ нему съ его субъективной стороны, и склоненъ нѣсколько односторонне подчеркивать противоположность религіи, какъ субъективнаго *переживанія*, признакамъ объективнаго *знанія*. Но при всѣхъ недоговоренностяхъ, которыя въ этомъ отношеніи имѣются у Шлейермахера, онъ все же отчетливо сознаетъ несостоятельность *обѣихъ* указанныхъ точекъ зрѣнія, въ которыхъ одна сфера духовнаго творчества и одинъ родъ критеріевъ незаконно объявляется верховнымъ судьей надъ другой, чуждой областью. Религіозное, эмоціональное знаніе не претендуетъ быть знаніемъ въ научномъ смыслѣ слова, общеобязательнымъ и холодно-пассивнымъ теоретическимъ усвоеніемъ внѣшней дѣйствительности внѣ ея отношенія къ нашему сознанію и чувству; въ религіи интересенъ не объектъ, отрѣшенный отъ сознающаго и чувствующаго субъекта, а неразрывная связь того и другого въ самомъ переживаніи; и потому ея догматы суть описанія содержанія

самаго переживанія, а не теоретическія истины о вещахъ внѣ эмоціональнаго отношенія къ нимъ. Но религіозное переживаніе не есть также только иллюзія или ошибка, ибо оно не признаетъ надъ собой силы тѣхъ раціональныхъ критеріевъ, которые объявляютъ ее таковою; оно есть духовный процессъ, по самой своей природѣ возвышающійся надъ интеллектуалистическими категоріями субъективности и объективности. Религіозное и научное знаніе суть какъ бы развѣтвленія и особыя, самобытныя и самодовлѣющія стороны духовнаго бытія, которыя каждая на свой ладъ раскрываютъ человѣку его отношеніе къ міру и коренятся оба въ глубочайшемъ единствѣ духа и міра. Высшее единство знанія и вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣльность и самозаконность самобытнаго существованія того и другого—таковъ итогъ Шлейермахеровой философіи религіи. Въ противоположность Якоби онъ не называетъ разсудка „прирожденнымъ богохульникомъ“, и въ противоположность раціонализму не объявляетъ религію суевѣріемъ. Истины, данныя черезъ чувство, и истины, данныя черезъ мышленіе, относясь къ разнымъ областямъ, не встрѣчаются и потому и не сталкиваются между собой; и — что̀ самое важное — даже само понятіе *истины* имѣетъ различный смыслъ въ примѣненіи къ каждой изъ этихъ областей. Религіозная правда не есть, подобно научной, интеллектуальное воспроизведеніе объекта; она есть жизнь въ объектѣ, живое сліяніе съ нимъ; и, какъ указано, сама противоположность между субъектомъ и объектомъ, образующая конститутивный признакъ теоретическаго познанія, погашается въ религіозномъ переживаніи; и потому послѣднее есть вообще не столько *знаніе*

объ объектѣ, сколько *тождество* съ нимъ, переживаніе цѣлостной субъективно-объективной правды. Всѣ ошибки въ оцѣнкѣ религіи какъ ея сторонниками, такъ и ея противниками сводятся къ непониманію этого основного различія, къ отождествленію религіозной и теоретической правды. Что и отождествленіе религіи съ нравственностью, морализація религіи, съ этой точки зрѣнія столь же непозволительно—это ясно само собой; ибо религіозная правда настолько же превозмогаетъ противоположность между сущимъ и должнымъ, фактомъ и идеаломъ, какъ и противоположность между субъектомъ и объектомъ; она не есть ни знаніе о добрѣ и злѣ, ни жизнь, повинующаяся отвлеченному нравственному идеалу; она есть жизнь въ самомъ добрѣ, жизнь въ той первоосновѣ, изъ позднѣйшаго раздробленія которой происходитъ противоположность между бытіемъ и идеаломъ.

Еще одинъ пунктъ Шлейермахерова пониманія религіи заслуживаетъ особаго упоминанія: связь „чувства“ и, слѣдовательно, религіознаго переживанія съ *личнымъ самосознаніемъ*, съ моментомъ индивидуальности въ человѣческой жизни [1]). Къ числу основныхъ убѣжденій Шлейермахера принадлежитъ мысль, что индивидуальность, личное своеобразіе каждаго человѣка, есть та точка въ немъ, черезъ которую онъ глубже всего связанъ съ истиннымъ и безконечнымъ бытіемъ и точнѣе всего отражаетъ его. Постиженіе метафизическаго и моральнаго смысла индивидуальности есть великое открытіе Шлейерма-

[1]) Этотъ пунктъ отчетливо выдвинутъ въ первомъ изданіи „Рѣчей“; въ позднѣйшихъ изданіяхъ онъ ослабленъ въ описаніи природы религіи и подчеркнутъ лишь во вступительной рѣчи и во второй части „Рѣчей“.

хера; при его оцѣнкѣ нужно помнить, что оно было совершено въ эпоху господства канто-фихтевскаго жизнепониманія, признававшаго только отвлеченнаго идеальнаго „человѣка вообще“ и ставившаго каждой личности задачу быть выразителемъ всеобщей человѣчности: единая мораль и единая „естественная религія“ (или „религія въ предѣлахъ разума“) должна была объединять всѣхъ людей. Шлейермахеру, напротивъ, уяснилось, что внутренняя, метафизическая и моральная сущность человѣка неотдѣлима отъ его своеобразія, что каждая личность есть самобытная энтелехія, призванная на свой ладъ выразить и осуществить безконечную сущность бытія, и что вселенная есть не аггрегатъ однородныхъ атомовъ, а система или организмъ живыхъ своеобразныхъ существъ. Это своеобразіе каждаго существа дано въ глубочайшемъ единствѣ его сознанія и, слѣдовательно, отражается въ его чувствѣ или созерцаніи безконечнаго: отсюда многообразіе религіи, которое есть не случайное и печальное несовершенство, а необходимое и абсолютно-цѣнное выраженіе самой природы религіи, какъ связи сознанія съ цѣлымъ. „Весь объемъ религіи безконеченъ и не можетъ быть вмѣщенъ въ одну опредѣленную форму, а лишь въ совокупность всѣхъ ея формъ“. Это сознаніе безконечности религіи и, слѣдовательно, многообразія отдѣльныхъ религій „дано вмѣстѣ съ самой религіей“; „въ немъ и состоитъ само религіозное чувство, и оно должно поэтому присутствовать у всякаго, кто дѣйствительно имѣетъ религію“. Отсюда внутренняя связь подлинной религіозности съ терпимостью; терпимость вытекаетъ у Шлейермахера не изъ формально-юридическаго принципа свободы заблужденія,

а, наоборотъ, изъ сознанія, что въ религіи вообще нѣтъ заблужденій въ подлинномъ смыслѣ, что всякая религія есть законное звено въ той безконечной цѣпи, которая образуетъ недостижимую полноту созерцанія безконечнаго. Лишь въ сферѣ теоретическихъ познаній, гдѣ опредѣляется связь между конечными элементами и гдѣ истина какъ бы навязывается извнѣ, имѣетъ мѣсто общеобязательность и единство истины, а слѣдовательно и несовмѣстимость разнорѣчивыхъ сужденій; въ религіи, гдѣ воспринимается связь конечнаго съ безконечнымъ и гдѣ познаніе тождественно съ внутренней жизнью, множественность формъ не противорѣчитъ истинности; напротивъ, *своеобразіе* каждой религіозной формы есть единственный признакъ подлинности самой религіи, тогда какъ неопредѣленная общность свидѣтельствуетъ лишь объ отсутствіи развитой религіи. И религіозная истина, какъ цѣлое, есть не отвлеченный экстрактъ изъ всѣхъ „положительныхъ религій“, а конкретная полнота всѣхъ своеобразій. Здѣсь, такимъ образомъ, снова обнаруживается своеобразная субъективно-объективная природа религіи, которая не допускаетъ примѣненія къ ней раціональныхъ критеріевъ; будучи конкретнымъ видѣніемъ, слитымъ съ внутренней личной жизнью, религія владѣетъ абсолютнымъ въ его безконечномъ жизненномъ многообразіи; ни сектантскій фанатизмъ, признающій извѣстную систему понятій единственной и абсолютной истиной, ни плоскій индифферентизмъ, считающій все своеобразное въ религіи субъективной фантастикой, не улавливаютъ ирраціональнаго или сверхраціональнаго существа религіозной правды. Эта мысль положена

въ основу всего дальнѣйшаго изложенія Шлейермахера,—его обсужденія проблемъ религіознаго воспитанія и общенія и уясненія природы отдѣльныхъ положительныхъ религій.

IV.

Проблема индивидуальности образуетъ также одну изъ основныхъ темъ второго замѣчательнаго творенія Шлейермахера — его „Монологовъ", написанныхъ почти экспромтомъ, подъ вліяніемъ внезапнаго вдохновенія, въ 1800 году (слѣдовательно, одновременно съ аналогичнымъ имъ „Назначеніемъ человѣка" Фихте). „Монологи" суть главное *этическое* сочиненіе Шлейермахера; несмотря на свою краткость, они по богатству и глубинѣ мыслей значительно превосходятъ позднѣйшія научныя этическія работы Шлейермахера. Монологи написаны въ формѣ душевнаго изліянія и образуютъ, по словамъ автора, „лирическій экстрактъ изъ постояннаго дневника". Стиль ихъ еще болѣе искусственъ и приподнятъ, чѣмъ стиль „Рѣчей"; Шлейермахеру хотѣлось даже (но не удалось) внести въ прозу „Монологовъ" стихотворные ритмы. Несмотря на эту искусственность, которую порицали даже друзья, „Монологи" суть все же подлинно художественное выраженіе нравственныхъ настроеній и идей. Риторическій стиль „Монологовъ" вытекаетъ изъ потребности Шлейермахера найти языкъ для „музыки души"—языкъ, который непосредственно данъ поэтамъ и который Шлейермахеру приходилось искусственно созидать для себя. Но какъ бы далекъ ни былъ языкъ Шлейермахера отъ высшей простоты подлинной художе-

ственности, онъ съ изумительнымъ мастерствомъ достигаетъ своей цѣли — выразить смыслъ внутреннихъ движеній духа, изложить нравственное міропониманіе не какъ систему отвлеченныхъ правилъ и ученій, а какъ конкретную форму личной жизни. Моральная проблема всю жизнь занимала Шлейермахера и составляла его главный интересъ. Еще въ студенческіе годы онъ пишетъ „философскія рапсодіи“ о высшемъ благѣ, о человѣческой свободѣ, позднѣе — о цѣнности жизни. Между 1796 и 1798 гг. онъ участвуетъ вмѣстѣ съ братьями Шлегелями въ составленіи этическихъ фрагментовъ, помѣщенныхъ въ романтическомъ журналѣ *Atheneum*. Въ 1797 году Фридрихъ Шлегель видѣлъ въ его бумагахъ набросокъ „о безнравственности всякой морали“ („über die Immoralität aller Moral“). Къ той же эпохѣ относится его планъ написать „Апологію гуманности“ противъ моральныхъ системъ Канта и Фихте. „Монологи“ являются зрѣлымъ плодомъ этихъ упорныхъ размышленій. Первоначально въ ихъ планъ входила именно критика и даже сатира господствующихъ нравственныхъ воззрѣній, и лишь невольно, вопреки сознательнымъ намѣреніямъ автора, они вылились въ форму лирическаго обнаруженія собственнаго нравственнаго жизнепониманія.

„Монологи“, возникшіе непосредственно изъ потребности „выразить себя самого, свое стремленіе, внутренній законъ своей жизни“, вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Шлейермахера, образуютъ „попытку перенести въ жизнь философскую точку зрѣнія, именуемую идеализмомъ, изобразить характеръ, соотвѣтствующій этой точкѣ зрѣнія“. Ихъ основная задача состоитъ въ томъ, чтобы наглядно, посред-

ствомъ обнаруженія идеальнаго образа личности, показать основу нравственной жизни — независимость духа отъ внѣшняго міра, времени и судьбы. Этическая точка зрѣнія „Монологовъ“ имѣетъ много общаго со стоическимъ міровоззрѣніемъ, къ которому близки также нравственныя идеи Канта и Фихте. Въ особенности между Шлейермахеромъ и Фихте есть много точекъ соприкосновенія; вѣдь вся философія Фихте по своему внутреннему мотиву можетъ быть прямо опредѣлена, какъ попытка выразить нравственный паѳосъ идеалистическаго міровоззрѣнія; и съ перваго взгляда могло бы показаться, что „Монологи“ суть не что иное, какъ лирическая популяризація фихтеанства. Что это не такъ — это внѣшнимъ образомъ доказывается уже тѣмъ, что вслѣдъ за „Монологами“ Шлейермахеръ написалъ критику „Назначенія человѣка“ Фихте, въ которой подчеркнулъ пункты расхожденія между собой и Фихте. Этому соотвѣтствуетъ также дисгармонія между личными натурами обоихъ мыслителей: Фихте былъ для Шлейрмахера слишкомъ „головнымъ“ человѣкомъ, отвлеченныя идеи котораго мало отражались на характерѣ и непосредственномъ личномъ обликѣ; и хотя это сужденіе въ общемъ не вполнѣ вѣрно, такъ какъ философія Фихте тѣсно связана съ личными свойствами его духа, но это показываетъ, что натуры, а слѣдовательно и жизнепониманія Шлейермахера и Фихте имѣли различный складъ. Фихте былъ героической и титанической натурой, Шлейермахеръ былъ тонкимъ художникомъ нравственной жизни, „моральнымъ геніемъ“; и въ этомъ характерологическомъ различіи содержится также противоположность ихъ міровоззрѣній.

Общая точка зрѣнія „Монологовъ“ уясняется лучше всего черезъ сопоставленіе этихъ двухъ міровоззрѣній. Вмѣстѣ съ Фихте Шлейермахеръ ведетъ прежде всего борьбу противъ натуралистическаго жизнепониманія, для котораго человѣкъ, его внутренній духъ и дѣятельность, есть лишь погруженный во время и подчиненный средѣ продуктъ внѣшняго міра — противъ того умонастроенія, которое, по словамъ Фихте, готово скорѣе признать человѣка „кускомъ лавы на лунѣ“, чѣмъ *личностью*. „Внѣшній міръ,— говорится въ первомъ монологѣ,— міръ, лишенный духа, есть для толпы величайшее и первое, духъ же — только временный гость въ мірѣ, неувѣренный въ своемъ мѣстѣ и въ своихъ силахъ. Для меня же духъ, внутренній міръ, смѣло противостоитъ внѣшнему міру, царству матеріи и вещей“. Жизнь духа „не можетъ измѣнить никакой міръ, не можетъ разрушить никакое время, ибо она сама созидаетъ міръ и время“. Однако въ обоснованіи и дальнѣйшемъ развитіи этой точки зрѣнія выступаютъ существенныя противоположности. Мы остановимся на двухъ, самыхъ главныхъ изъ нихъ, которыя особенно характерны для философскаго и этическаго міровоззрѣнія Шлейермахера.

Прежде всего, Шлейермахеръ не раздѣляетъ субъективнаго идеализма Фихте, для котораго внѣшній міръ есть всецѣло продуктъ и отраженіе внутренняго дѣйствованія духа. Нѣкоторыя его изреченія, въ родѣ только что приведеннаго, звучатъ, повидимому, въ духѣ субъективнаго идеализма; но они отражаютъ лишь периферію мысли Шлейермахера и, провѣренныя изъ ея центра, получаютъ иной смыслъ. Онъ былъ намѣренъ „прочно сохранить, наряду съ

идеализмомъ, и реальный міръ“ [1]). Идеализмъ, не восполненный реализмомъ, низводитъ вселенную „до значенія простой аллегоріи, призрачной тѣни односторонней ограниченности своего пустого сознанія“ [2]). Въ противоположность Фихте, Шлейермахеръ исходитъ изъ анализа не „трансцендентальнаго“, а реально-даннаго „я“ и именно потому пытается утвердить свободу и самодовлѣющую природу духа не внѣ и по ту сторону реальныхъ связей и законовъ природы, въ отвлеченной сферѣ чистой духовности, а въ глубинѣ самой конкретной жизни. Этимъ его воззрѣнія пріобрѣтаютъ болѣе жизненный и реалистическій характеръ, преодолѣвая канто-фихтевскій дуализмъ между внутреннимъ бытіемъ идеальнаго духа и внѣшней, эмпирической жизнью. Именно въ предѣлахъ конкретной, объединенной жизни онъ требуетъ того „полнаго отказа отъ обыденной точки зрѣнія“, который онъ называетъ „истиннымъ золотымъ руномъ нравственнаго благородства“ [3]). Соотношеніе между духомъ и внѣшнимъ міромъ представляется ему скорѣе въ категоріяхъ шеллинговой, чѣмъ фихтевской философіи: это соотношеніе мыслится по аналогіи съ соотношеніемъ души и плоти. „Не указуетъ ли сочетаніе духа съ плотью на его болѣе широкое сочетаніе со всѣмъ, что подобно плоти? не воспринимаю ли я своими чувствами силу внѣшняго міра? не ношу ли я вѣчно въ себѣ самомъ вѣчныя формы вещей? и не познаю ли я ихъ, только какъ ясное зеркало моего внутренняго существа?“ Поэтому Шлейермахеръ не отрицаетъ внѣшней не-

[1]) Письмо отъ 4 января 1800 г. *Dilthey*, стр. 340.

[2]) „Рѣчи о религіи“.

[3]) Письмо отъ 26 ноября 1803 г. *Dilthey*, стр. 341.

обходимости, но видитъ въ ней продуктъ и отраженіе взаимодѣйствія свободныхъ существъ. Міръ есть „вѣчное общеніе духовъ", высокая гармонія свободы". „Мое дѣйствованіе свободно, но не мое воздѣйствіе на міръ духовъ, ибо оно подчинено вѣчнымъ законамъ". Проблема духовной свободы сводится, такимъ образомъ, не къ отрѣшенности отъ бытія вообще, а къ проблемѣ внутренней независимости, сохраняемой въ тѣсномъ общеніи съ духовными силами внѣшняго міра. Отсюда вытекаетъ геніальное по нравственной тонкости изображеніе соотношенія между внутренней нравственной дѣятельностью, направленной на собственную личность, и внѣшнимъ творчествомъ для міра и въ связи съ нимъ,— между „цвѣтеніемъ" и „несеніемъ плодовъ"— представленное въ пятомъ монологѣ „Юность и старость". Отсюда также глубокое пониманіе проблемы общенія, уясненіе высшаго нравственнаго значенія формъ объективаціи общенія — союза дружбы, семьи, государства, уразумѣніе техническаго прогресса, какъ только формальнаго совершенствованія механизма власти надъ плотью, за которымъ должно слѣдовать духовное совершенствованіе самаго общенія. Здѣсь (въ третьемъ монологѣ) нравственное чутье Шлейермахера яснѣе всего преодолѣваетъ раціоналистическій индивидуализмъ XVIII вѣка и намѣчаетъ то глубокое пониманіе самобытнаго значенія коллективныхъ формъ человѣческаго бытія, которое позднѣе развилъ Гегель [1]).

---

[1]) Размышленія третьяго монолога совпадаютъ съ мыслями, высказанными во второй рѣчи о религіи, въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ намѣчается идея человѣчества, какъ единаго нравственнаго организма. Именно здѣсь лежитъ исходный пунктъ міровоззрѣнія Гегеля.

Второе и самое важное отличіе воззрѣнія Шлейермахера отъ нравственнаго идеализма Фихте лежитъ въ отмѣченной уже выше проблемѣ индивидуальности. Для Фихте, какъ и для всего индивидуализма XVIII в., индивидуальное своеобразіе, многообразіе личностей есть лишь недостатокъ, нечистота, устраняемая высшимъ влеченіемъ къ чистому и всеобщему „я". Единичная личность есть для Фихте лишь „средство реализаціи разума"; и эта идея, какъ извѣстно, образуетъ также содержаніе „категорическаго императива" Канта. Напротивъ, Шлейермахеръ утверждаетъ, что „principium individui есть самое мистическое въ области философіи" [1]), и именно на этомъ мистическомъ принципѣ онъ строитъ свое нравственное міровоззрѣніе. Основная мысль всего этическаго міровоззрѣнія Шлейермахера состоитъ въ пониманіи нравственности, какъ требованія *личнаго внутренняго саморазвитія и самовоспитанія*. Идеѣ нравственнаго закона или нравственной нормы, какъ регулятора человѣческаго поведенія, онъ противопоставляетъ идеалъ человѣчности, какъ путеводную звѣзду для совершенствованія внутренняго строя личности. Съ этимъ непосредственно связано убѣжденіе въ индивидуальномъ своеобразіи нравственнаго начала жизни. Переходъ отъ уравнительнаго раціоналистическаго индивидуализма, отъ идеи „человѣчности вообще" къ мистическому индивидуализму своеобразной личности изложенъ, какъ личное переживаніе Шлейермахера, во второмъ монологѣ. „Долгое время, — говоритъ Шлейермахеръ,—и я удовлетворялся тѣмъ, что нашелъ разумъ; и, почитая превыше всего однород-

[1]) *Dilthey*, стр. 344.

ность бытія, я думалъ, что для каждаго случая есть только одна правда, что поведеніе должно быть для всѣхъ одинаковымъ и что одинъ человѣкъ отличается отъ другого лишь своеобразіемъ своего положенія и мѣста". Но ненадолго могъ онъ успокоиться на этомъ: „я спрашивалъ, для чего же тогда нужна личность и единство текучаго, преходящаго сознанія во мнѣ?" И ему „уяснилось, что каждый человѣкъ долженъ на свой ладъ выражать человѣчество черезъ своеобразное смѣшеніе его элементовъ, чтобы человѣчество обнаруживалось всѣми способами и чтобы въ полнотѣ пространства и времени осуществилось все многообразіе, которое можетъ таиться въ его лонѣ". Только въ силу этой мысли человѣкъ можетъ сознать себя „лично желаннымъ и слѣдовательно избраннымъ твореніемъ Божества", и это метафизическое сознаніе санкціонируетъ задачу самовоспитанія и культивированія личности. Правда, эта точка зрѣнія влечетъ моральныя трудности, ибо здѣсь есть опасность разрыва съ цѣлымъ и недопустимой эгоистической удовлетворенности замкнутымъ личнымъ бытіемъ; но опасность эта преодолѣвается именно углубленіемъ самой точки зрѣнія, сознаніемъ, что глубочайшая и самая своеобразная точка личнаго бытія и есть та точка, черезъ которую личность коренится въ цѣломъ, которая связываетъ ее съ абсолютнымъ и всеединымъ. И точно такъ же личное своеобразіе есть не замкнутость во внѣ, а предполагаетъ универсальную воспріимчивость и любовь. „Внѣ любви нѣтъ развитія, внѣ самобытнаго развитія нѣтъ завершенной любви; одно дополняетъ другое, и оба растутъ въ неразрывной связи". Форма общенія для самобытныхъ существъ есть не „законъ и обязан-

ность, однообразное поведеніе и справедливость", которыя достаточны лишь для тѣхъ, кто хотятъ быть „грубой однообразной массой"; эта форма общенія есть любовь, „притягательная сила духовнаго міра". Правда, высшая, абсолютно проникновенная любовь остается все же невозможной, пока личность связана оковами міра; мы можемъ только стремиться къ ней, но когда мы достигли ея, тогда, вмѣстѣ съ любовью, мы и сами совершенны; „и тогда навѣрно близокъ часъ, который, кажется, для всѣхъ бьетъ уже раньше,—часъ, когда нужно снова отдать себя безконечности и вернуться изъ міра въ ея лоно". Этой религіозной мыслью, что абсолютное осуществленіе идеала любовнаго общенія между самобытными существами переступаетъ черезъ грани эмпирическаго міра и возвращаетъ насъ въ лоно безконечности, завершается моральное жизнепониманіе Шлейермахера.

Общее религіозное и нравственное міровоззрѣніе Шлейермахера, вѣроятно, не сможетъ теперь никого удовлетворить сполна. Въ немъ нѣтъ того законченнаго единства мысли, которое гипнотизируетъ въ великихъ философскихъ системахъ, нѣтъ и той художественной цѣльности и гармоничности, которая чаруетъ насъ, наприм., въ міровоззрѣніи Гёте. Его мысль стоитъ несомнѣнно на полпути между субъективизмомъ Канта и Фихте и объективизмомъ Спинозы, Шеллинга и Гегеля; это одинаково отражается и на его пониманіи религіи, въ которомъ центральная идея „чувства" какъ бы переливается всѣми оттѣнками красокъ между субъективизмомъ и объективизмомъ, и на его нравственномъ міровоззрѣніи,

которое также совмѣщаетъ въ себѣ паѳосъ гордой личной самоудовлетворенности съ паѳосомъ смиреннаго соучастія личнаго духа въ великой духовной вселенной. Міровоззрѣніе Шлейермахера стоитъ несомнѣнно на перекресткѣ между разными путями религіозно-философской и этической мысли; оно содержитъ зерна идей, могущія дать многообразные плоды. Но именно эта незавершенность и многозначность жизнепониманія Шлейермахера есть и его достоинство. Она имѣетъ, прежде всего, большое педагогическое значеніе: учитывая многіе оттѣнки и направленія человѣческаго духа, Шлейермахеръ имѣетъ возможность вліять на многихъ; его мысль незамѣтно втягиваетъ противника въ свою атмосферу, не пугая и не отталкивая его рѣзкой односторонностью; именно эта черта дѣлаетъ изъ его „Рѣчей о религіи“ классическую пропедевтику религіознаго жизнепониманія. Но эта педагогическая цѣнность есть лишь производное слѣдствіе болѣе общаго и принципіальнаго значенія. Міровоззрѣніе Шлейермахера, не вмѣщаясь ни въ какую систематическую теорію и въ этомъ смыслѣ оставаясь незавершеннымъ, тѣмъ самымъ именно свидѣтельствуетъ о жизненности и духовномъ богатствѣ самой личности. Кто полагаетъ, что возможно всю жизнь уложить въ систему, тому нечего искать у Шлейермахера; но кому доступно гётевское сознаніе сѣрости всякой теоріи по сравненію съ златымъ древомъ жизни, тотъ научится у Шлейермахера бо̀льшему, чѣмъ у систематическихъ философовъ. Середина пути есть часто болѣе вѣрная стоянка человѣческой мысли, чѣмъ конецъ пути. При всей незаконченности *идей* Шлейермахера, его живое сознаніе, совмѣщая въ религіоз-

ной и нравственной сферѣ субъективизмъ и объективизмъ, индивидуализмъ и универсализмъ, даетъ бо̀льшую жизненную мудрость и стоитъ ближе къ идеалу всеобъемлющаго міровоззрѣнія, чѣмъ ученія вполнѣ послѣдовательныхъ мыслителей. Для отвлеченной мысли взгляды Шлейермахера даютъ лишь матеріалъ и исходныя точки, требующія дальнѣйшаго движенія; для практическаго жизнепониманія Шлейермахеръ даетъ образецъ гармонически завершенной личности, болѣе поучительный, чѣмъ самыя законченныя системы. Его пониманіе религіи, теоретически не вполнѣ отчетливое, болѣе учитываетъ таинственное своеобразіе этой глубочайшей сферы жизни и вѣдѣнія, чѣмъ эмпирическая психологія позитивистовъ и раціонализирующая метафизика супранатуралистовъ. Его отношеніе къ нравственной проблемѣ совмѣщаетъ мудрость идеализма съ широтой общественнаго реализма. Такъ Шлейермахеръ и для насъ можетъ быть тѣмъ наставникомъ жизни, которымъ онъ былъ для своихъ современниковъ и которымъ не переставалъ доселѣ быть на своей родинѣ.

С. Франкъ.

Предисловіе переводчика.

При переводѣ „Рѣчей о религіи“ и „Монологовъ“ Шлейермахера представлялся вопросъ, какое изданіе обоихъ сочиненій должно быть положено въ основу перевода. Оба сочиненія выдержали нѣсколько изданій при жизни Шлейермахера и подвергались имъ неоднократной переработкѣ, которая особенно существенна въ „Рѣчахъ о религіи“ и сравнительно незначительна въ „Монологахъ“. Нѣмецкія критическія изданія „Рѣчей о религіи“ (Pünjer'a, 1879, и Otto, 1899, 2 изд. 1906) и „Монологовъ“ (Schiele, Philosophische Bibliothek, B. 84, 1902) воспроизводятъ первыя изданія. Издатели справедливо указываютъ, что именно первыя изданія обѣихъ работъ отличаются исключительнымъ сочетаніемъ юношеской вдохновенности съ ясностью изложенія, тогда какъ позднѣйшія переработки и исправленія нарушаютъ первоначальную гармоничность изложенія, усложняютъ и иногда затемняютъ ходъ мыслей попытками Шлейермахера согласовать воззрѣнія разныхъ эпохъ его жизни. Несмотря на это, мы все же признали необходимымъ положить въ основу перевода позднѣйшія редакціи обѣихъ работъ. Дѣло въ томъ, что нѣмецкіе редакторы критическихъ изданій считаются съ

распространенностью въ Германіи популярныхъ воспроизведеній послѣднихъ изданій обоихъ сочиненій, и потому справедливо находятъ нужнымъ и возможнымъ противопоставить имъ первоначальный текстъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ изданіе является единственнымъ, должно, по нашему мнѣнію, дѣйствовать общее правило, по которому читателю слѣдуетъ давать сочиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно въ послѣдній разъ выработано авторомъ. Къ тому же, если первыя изданія „Рѣчей о религіи“ и „Монологовъ“ отличаются большей свѣжестью и гармоничностью, то позднѣйшія поправки и дополненія вносятъ въ изложеніе бо́льшую зрѣлость и широту, оставляя общій духъ обоихъ произведеній, въ цѣломъ, все же неприкосновеннымъ. Въ отношеніи „Рѣчей о религіи“, въ частности, переводъ съ послѣдняго изданія даетъ возможность воспроизвести „Поясненія“, внесенныя Шлейермахеромъ въ 3-е изданіе. Эти „Поясненія“, правда, по стилю, а во многихъ отношеніяхъ и по содержанію, рѣзко расходятся съ текстомъ самихъ „Рѣчей“; они отдѣлены отъ послѣднихъ 22-лѣтнимъ промежуткомъ и показываютъ намъ совсѣмъ иного Шлейермахера — разсудительнаго богослова и трезваго церковнаго дѣятеля. Если ихъ читать параллельно съ текстомъ, то впечатлѣніе должно неизбѣжно разбиться и ослабѣть. Поэтому слѣдуетъ первоначально читать текстъ „Рѣчей о религіи“ сплошь, не задерживаясь на „Поясненіяхъ“, и лишь при повторномъ чтеніи обратиться къ послѣднимъ. Чтобы облегчить это, мы, въ противоположность нѣмецкому тексту, гдѣ „Поясненія“ слѣдуютъ за каждой отдѣльной „Рѣчью“ — помѣстили ихъ послѣ всего текста. Намъ думается, что такое расположеніе и по суще-

ству болѣе соотвѣтствуетъ ихъ внутреннему отношенію къ тексту „Рѣчей о религіи“; ибо они даютъ рядъ совершенно самостоятельныхъ размышленій, лишь примыкающихъ къ самимъ „Рѣчамъ“.

Переводъ сдѣланъ съ распространеннаго популярнаго изданія „Рѣчей о религіи“ и „Монологовъ“ въ „Bibliothek der Gesammt-Litteratur“ Otto Hendel'я (Nr. 346—348 и Nr. 370). Мы имѣли, однако, постоянно подъ руками критическія изданія Otto и Schiele и въ сомнительныхъ случаяхъ свѣряли съ ними текстъ.

Для содѣйствія лучшему пониманію хода размышленій въ „Рѣчахъ о религіи“ и „Монологахъ“ и для облегченія возможности справокъ въ нихъ, мы составили „Указатели содержанія“ обоихъ произведеній, дополняющіе краткое оглавленіе въ концѣ книги.

С. Франкъ.

Указатель содержанія „Рѣчей о религіи“.

Стр.

Первая рѣчь. Самооправданіе . . . . . 1—23

Почему авторъ рѣшается говорить о религіи, находящейся въ полномъ пренебреженіи у образованныхъ людей. Сознаніе своего высшаго призванія . . . . . 1—10

Почему онъ говоритъ къ своимъ соотечественникамъ, и именно къ образованнымъ среди нихъ . . . . . 10—13

Обычное представленіе о религіи, по которому она слагается изъ страха передъ высшимъ существомъ и ожиданія будущей жизни, нуждается въ провѣркѣ . . . . . 13—16

Подлинная основа религіи—не въ мнѣніяхъ и теоріяхъ, а въ настроеніяхъ и душевныхъ движеніяхъ . . . . . 16—20

Отказъ отъ утилитарнаго обоснованія религіи . . . . . 20—23

Вторая рѣчь. О сущности религіи . . . . . 24—111

Необходимость уясненія чистаго начала религіи . . . . . 24— 26

Религія не вмѣщается въ сферу дѣйственности, т.-е. жизненнаго поведенія и искусства . . . . . 26—29

Она не вмѣщается также въ область знанія, ни теоретическаго, ни практическаго, и не можетъ быть простой смѣсью обоихъ видовъ знанія. Содержаніе документовъ религіи лишь мнимо противорѣчитъ этому . . . . . 29—34

Религія есть непосредственное сознаніе всего конечнаго въ связи съ безконечнымъ и вѣчнымъ . . . . . 34—38

Не будучи тождественна ни съ научнымъ знаніемъ, ни съ искусствомъ, религія образуетъ необходимую основу того и другого. Примѣръ Спинозы и Новалиса . . . . . 38—42

Представленіе и чувство, знаніе и дѣйствованіе вырастаютъ изъ общаго корня непосредственной жизни въ цѣломъ, предшествующей всякой дифференціаціи . . . . . 42—46

Самобытная область религіи есть область чувства . . . . . 46—47

Понятія и принципы въ религіи суть лишь знаніе о религіи, описаніе того, что̀ дано въ чувствѣ. Религія и миѳологія . . . . 47—52

Стр.

Въ какомъ смыслѣ примѣнимо къ религіи понятіе системы. Критика идеи единой всеобщей религіи. Религія, какъ таковая, неповинна въ распряхъ и нетерпимости . . . . . 52— 59

Отношеніе между религіей и дѣйственностью. Религію нельзя считать побудительницей дѣйствій; поэтому она неповинна и въ безнравственныхъ дѣйствіяхъ. Истинное значеніе аскетическихъ упражненій въ религіи . . . . . 59— 66

Итогъ предыдущихъ размышленій . . . . . 66— 67

Религія и отношеніе къ внѣшней природѣ. Ни страхъ передъ силами природы, ни обычная эстетическая любовь къ природѣ, ни преклоненіе передъ ея огромностью и закономѣрностью ея явленій не выражаютъ религіознаго отношенія къ природѣ. Это отношеніе дано лишь въ сознаніи связи единичнаго съ общей жизнью цѣлаго, въ радостной и довѣрчивой любви къ природѣ . . . . . 67— 76

Религія и отношеніе къ человѣчеству. Религія невозможна внѣ общенія и любви къ людямъ. Человѣчество, какъ единое цѣлое. Универсальная симпатія и сознаніе родства личности со всѣмъ человѣческимъ. Связь религіи съ исторіей; сознаніе высшихъ законовъ исторической жизни . . . . . 76— 89

Религіозное сознаніе не исчерпывается областью природы и исторіи. Общее понятіе благочестія и благоговѣнія; неумѣстность его въ нравственности и значеніе въ религіи. Универсализмъ религіознаго чувства, какъ восполненіе всякой односторонности. 89— 95

Догматы и вѣроученія въ религіи, какъ результатъ рефлексіи о чувствѣ. Разборъ, съ этой точки зрѣнія, понятій чуда, откровенія, вдохновенія, пророчества. Догматы и вѣроученія пріобрѣтаются истинно религіознымъ человѣкомъ извнутри, какъ личное достояніе, а не заимствуются извнѣ, черезъ подражаніе и довѣріе къ чужому мнѣнію. Поэтому религія не можетъ порабощать личность . . . . . 95—100

Идеи Бога и безсмертія въ религіи не суть особыя понятія, выражающія теоретическое знаніе. Подобно всѣмъ понятіямъ въ религіи, они выражаютъ содержаніе религіознаго чувства . . 100—101

Богъ данъ въ чувствѣ черезъ впечатлѣнія, возбуждаемыя въ насъ міромъ. Понятіе о Богѣ неизбѣжно болѣе односторонне, чѣмъ чувство Бога. Религіозное чувство развивается отъ сознанія хаоса черезъ уясненіе многообразія къ сознанію систематическаго единства, и на всѣхъ ступеняхъ этого развитія понятіе Бога колеблется между признаками безличнаго и личнаго существа. Противоположность между этими формами понятія Бога имѣетъ лишь относительное значеніе и не можетъ служить мѣрой религіозности . . . . . 101—109

Стр.

Идея безсмертія выражаетъ лишь моментъ вѣчности въ содержаніи религіознаго чувства. Обычныя представленія о безсмертіи слишкомъ ограничены и даже противорѣчатъ духу религіи . . 109—111

Третья рѣчь. О религіозномъ воспитаніи . . . . . 112—137

Трудность пробужденія религіознаго чувства въ другихъ людяхъ. Естественность слабаго распространенія религіозности въ эпоху всеобщаго смятенія и переворота. Невозможность обучить религіи и извнѣ привить ее. Самопроизвольность религіознаго чувства . . . . . 112—117

Религія развивается сама собой, гдѣ ея развитіе не преграждается искусственно. Религіозность дѣтскаго воображенія и дѣтской любви къ чудесному и таинственному. Гибельное дѣйствіе разсудочнаго и утилитарнаго воспитанія . . . . . 117—125

Слабость и односторонность религіозныхъ настроеній, возникающихъ подъ гнетомъ этого воспитанія и въ оппозиціи къ нему. Фантастическія натуры и натуры, углубленныя въ себя. Наличность религіозности въ современномъ обществѣ и отсутствіе героевъ религіи . . . . . 125—130

Развитіе воспріятій, ихъ чистота и широта есть условіе развитія религіозности. Этому не противорѣчитъ необходимая спеціализація и ограниченіе дѣятельности . . . . . 130—131

Три области воспріятія: воспріятіе внутренняго „я“, воспріятіе всего внѣшняго и воспріятіе художественнаго синтеза того и другого. Воспріятіе личности и воспріятіе внѣшняго міра непосредственно ведутъ къ религіозному воспріятію вселенной. Художественное сознаніе очищаетъ и украшаетъ религіозность; родственность судебъ искусства и религіи . . . . . 131—135

Лучшія стремленія современныхъ людей, даже чуждыхъ религіи, ведутъ къ возрожденію религіи . . . . . 135—137

Четвертая рѣчь. Объ общественномъ началѣ въ религіи, или о церкви и священствѣ . . . . . 138—175

Исключительно враждебное отношеніе большинства къ религіозному общенію и церкви . . . . . 138—139

Неизбѣжность и естественность религіознаго общенія. Недостаточность общенія черезъ письменные памятники и невозможность религіознаго общенія въ обычныхъ формахъ мірского общенія . 139—142

Описаніе идеальнаго религіознаго общенія. Отсутствіе въ немъ противоположности между священниками и мірянами, дробленія на секты и дикаго прозелитизма . . . . . 142—149

Это общеніе есть истинная церковь, которая есть не только идеалъ, но и реальность; отъ нея отлично то, что обычно именуется церковью . . . . . 149—150

Стр.

Церковь въ обычномъ смыслѣ есть, напротивъ, союзъ вѣрующихъ съ ищущими религіи. Она необходимо несовершенна и уклоняется отъ истинной природы религіознаго общенія. Но эти несовершенства суть не результатъ религіи, а результатъ недостаточности религіи въ массахъ . . . . . 150—156

Возможное возраженіе, возлагающее вину за недостатки церкви на членовъ „истинной церкви", какъ естественныхъ руководителей первой. Отвѣтъ на него: при отсутствіи внѣшняго вмѣшательства въ дѣла религіознаго союза въ немъ само собой установилось бы нормальное отношеніе между совершенными вѣрующими и несовершенными учениками . . . . . 156—160

Гибельность вмѣшательства государства въ церковь, дарованія церкви привилегій и наложенія на нее свѣтскихъ функцій, педагогическихъ и юридическихъ . . . . . 160—165

Необходимость свободнаго общенія между учителями и учениками въ церкви и отсутствія строго-замкнутыхъ религіозныхъ союзовъ . . . . . 165—170

Возможныя формы личнаго религіознаго воздѣйствія при современномъ несовершенствѣ церкви: выработка въ себѣ религіозно значительной и авторитетной личности, и религіозное вліяніе въ семьѣ . . . . . 170—172

Надежды на возрожденіе религіи. Заключительная характеристика истиннаго религіознаго общенія . . . . . 172—175

Пятая рѣчь. О религіяхъ . . . . . 176—225

Итогъ предыдущихъ размышленій. Необходимость разсмотрѣть религію въ ея конкретныхъ воплощеніяхъ, т.-е. въ отдѣльныхъ религіяхъ . . . . . 176—177

Осужденіе множественности обособленныхъ церквей не содержитъ отрицанія множественности религій, а, наоборотъ, опирается на признаніе послѣдней . . . . . 177—180

Необходимость множества положительныхъ религій; предварительная критика „естественной религіи". Наличность искаженій и недоразумѣній во всѣхъ религіяхъ не исключаетъ божественности ихъ основного содержанія . . . . . 180—184

Многообразіе воспріятій отношенія человѣка къ Божеству опредѣляетъ многообразіе религій. Форма религіи не опредѣляется ни количествомъ содержащагося въ ней религіознаго матеріала, т.-е. воспріятій и чувствъ,—какъ это имѣетъ мѣсто въ сектахъ,—ни описанными выше ступенями религіознаго развитія, а только тѣмъ, что въ каждой положительной религіи одно изъ основныхъ отношеній къ Богу является центральнымъ и опредѣляющимъ всю совокупность остальныхъ отно-

Стр.

шеній; и только въ такой опредѣленной формѣ можетъ существовать подлинная религія . . . . . 184—192
Опредѣленность положительной религіи не стѣсняетъ религіознаго сознанія личности, а тѣсно связана именно съ индивидуальнымъ религіознымъ развитіемъ. Всѣ глубокія и самобытныя религіозныя натуры исповѣдуютъ какую-либо положительную религію . . . . . 192—200
Безформенность и неопредѣленность т. н. „естественной религіи". 200—205
Призывъ къ разсмотрѣнію положительныхъ религій. Трудности опредѣленія сущности опредѣленной формы религіи; обычное смѣшеніе этой сущности съ ея историческими проявленіями и придатками . . . . . 205—209
Сущность іудейской религіи состоитъ въ „сознаніи всеобщаго непосредственнаго возмездія, самобытной реакціи безконечнаго противъ всего отдѣльнаго конечнаго, что считается возникшимъ по произволу". Отсюда—діалогическій характеръ этой религіи, святость традиціи, роль прорицанія, вѣра въ Мессію. Гибель этой религіи . . . . . 209—212
Сущность христіанства есть соверцаніе противоборства всего конечнаго единству цѣлаго и примиряющей дѣятельности Божества черезъ посредниковъ, соединяющихъ въ себѣ конечное съ безконечнымъ, человѣческое съ божественнымъ. Полемическій характеръ христіанства. Чувство святой скорби въ немъ. 212—217
Сознаніе посредническаго призванія и божественности у Основателя христіанства. Свобода и безграничность основной идеи христіанства . . . . . 217—221
Вѣчное значеніе этой идеи; невозможность гибели христіанства . 221—223
Христіанство допускаетъ возникновеніе новыхъ религій наряду съ собой. Признаки возможности нарожденія новой религіи въ настоящемъ. Призывъ къ энергичному развитію и обнаруженію религіозной жизни . . . . . 223—225

Послѣсловіе . . . . . 226—231

Выясненіе смысла выраженнаго выше предсказанія о нарожденіи новыхъ формъ религіи . . . . . 226—227
О судьбахъ христіанства. Противоположность между католицизмомъ и протестантизмомъ. Порицаніе господствующаго въ нѣкоторыхъ кругахъ увлеченія католицизмомъ—увлеченія, основаннаго на недомыслiи. Невозможность устраненія въ настоящемъ противоположности между этими формами христіанства. Національное значеніе протестантизма въ Германіи . . . . . 227—231

Указатель содержанія „Монологовъ“.

Стр.

Обращеніе 317

Цѣнность сообщенія другимъ людямъ своего внутренняго самосозерцанія 317

1. Размышленіе . . . . . 318—329

Внѣшній міръ отражаетъ начала нашего духа. Дѣленіе времени на части есть глубокая аллегорія 318

Большинство людей считаютъ свою жизнь всецѣло погруженной во время и не понимаютъ наличности вѣчнаго въ самой временной жизни . . . . . 318—320

Тщетность размышленій о жизни у тѣхъ, кто не понимаетъ сущности духа . . . . . 320—322

Духъ и міръ. Необходимость есть взаимодѣйствіе свободъ . . . 322—324

Независимость внутренняго дѣйствованія отъ внѣшняго успѣха. Цѣнность самосозерцанія . . . . . 324—327

Совмѣстимость самосозерцанія съ творчествомъ . . . . . 327—329

2. Испытанія . . . . . 330—347

Боязнь самопознанія у большинства людей. Ея источникъ—отсутствіе сознанія человѣчности въ себѣ . . . . . 330—332

Сознаніе общечеловѣческой основы въ личности не исчерпываетъ задачи самопознанія . . . . . 332—334

Идея своеобразія личности . . . . . 334—336

Противоположность между путемъ внѣшняго, художественнаго творчества и путемъ внутренняго саморазвитія. Авторъ признаетъ своимъ послѣдній путь . . . . . 336—340

Воспріимчивость и любовь, какъ условія внутренняго развитія. Необходимая осторожность воспріимчивости . . . . . 340—343

Внутренній характеръ любви и дружбы . . . . . 343—346

Потребность въ совершенномъ союзѣ и ея неосуществимость въ земной жизни . . . . . 346—347

Стр.

3. Міросозерцаніе . . . . . 348—363

Господствующее восхваленіе успѣховъ человѣка въ мірѣ . . . . 348—349

Власть надъ тѣломъ и матеріальнымъ міромъ не можетъ быть послѣдней цѣлью . . . . . 349—351

Отсутствіе сотрудничества и взаимопомощи въ духовномъ мірѣ . 351—354

Несовершенство современныхъ осуществленій дружбы, семьи, государства. Источникъ его—въ отсутствіи воспріимчивости къ внутреннему общенію . . . . . 354—357

Вѣра въ грядущій міръ и принадлежность къ нему . . . . . 357—359

Трудность общенія между единомышленниками. Необходимость развитія самобытнаго языка и самобытной нравственности, какъ условій общенія между лучшими людьми . . . . . 359—363

4. Горизонты . . . . . 364—377

Страхъ большинства передъ невѣдомой грядущей судьбой . . . 364—365

Отъ этого страха избавляетъ сознаніе внутренней свободы. Провѣрка этого на прошлой жизни автора. Увѣренность въ сохраненіи своей независимости въ будущемъ . . . . . 365—370

Надежда на расширеніе жизни въ будущемъ. Роль фантазіи, какъ средства для восполненія недостающаго въ жизни . . . . . 370—374

Неизмѣнность истинной любви . . . . . 374—376

Смерть друзей убиваетъ часть жизни. Потребность въ смерти, какъ завершеніе жизни . . . . . 376—377

5. Юность и старость . . . . . 378—388

Мысль о неизбѣжности старѣнія духа несостоятельна . . . . . 378—380

Независимость духовной жизни отъ жизни тѣла . . . . . 380—382

Совмѣстимость юношеской свѣжести съ подлинной зрѣлостью . . 382—385

Нормальное сочетаніе индивидуальнаго саморазвитія и дѣятельности для міра—цвѣтенія и несенія плода. Первое есть вѣчная область юности . . . . . 385—388

РѢЧИ О РЕЛИГІИ.

Предисловіе автора къ третьему изданію.

Когда мой другъ издатель сообщилъ мнѣ, что эти рѣчи распроданы и что необходимо новое изданіе, я былъ почти испуганъ и готовъ былъ желать, чтобы онъ безъ моего вѣдома втайнѣ отпечаталъ нѣкоторое количество новыхъ экземпляровъ. Ибо я былъ въ большомъ затрудненіи, что̀ мнѣ дѣлать. Отказаться отъ слѣдующаго изданія было бы неправильно въ отношеніи книги и въ отношеніи меня самого; вѣдь большинство истолковало бы это рѣшеніе такъ, что я неодобряю книгу и желалъ бы взять ее назадъ. Но къ чему, съ другой стороны, разрѣшать изданіе, когда времена такъ рѣзко измѣнились, что лица, къ которымъ обращены эти рѣчи, какъ будто совсѣмъ уже не существуютъ? Вѣдь, конечно, если осмотрѣться теперь среди образованныхъ людей — по крайней мѣрѣ на нашей родинѣ, которая и первоначально имѣлась въ виду въ этихъ рѣчахъ—, то пришлось бы скорѣе признать необходимымъ писать рѣчи къ ханжамъ и рабамъ буквы, къ невѣжественнымъ и безсердечнымъ ненавистникамъ, погруженнымъ въ суевѣріе и религіозную манію; и я могъ бы, радуясь тому, что Фоссъ обнажилъ свой пламенный мечъ, сложить этотъ отслужившій мечъ въ арсеналѣ литературы, не безъ удовлетворенія свершенными имъ

дѣлами. Однако уже въ посвященіи*) я высказался, въ какой мѣрѣ, по моему мнѣнію, разъ опубликованная книга еще принадлежитъ своему автору, и въ какой мѣрѣ уже не принадлежитъ ему; и потому мнѣ казалось рискованнымъ отрицать всякія права на эту книгу людей, которые еще нуждаются въ ней,—а рѣшеніе вопроса, имѣются ли такіе люди или нѣтъ, есть собственно обязанность и дѣло издателя—, и я тѣмъ менѣе могъ отрицать эти права, что еще теперь, работая надъ своей догматикой, я принужденъ былъ неоднократно ссылаться на эту книгу. Это соображеніе перевѣсило остальныя,—какъ и вообще должно брать перевѣсъ то, что въ какомъ либо отношеніи можетъ казаться обязанностью; и оставался только вопросъ, чѣмъ я могу еще помочь книгѣ при данныхъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи также я не могъ принять иного рѣшенія и приложить иныя мѣрки, кромѣ тѣхъ, которыми я руководился при подготовкѣ второго изданія; и я хотѣлъ бы лишь, чтобы, съ одной стороны, читатель нашелъ въ новомъ изданіи бо́льшую строгость мысли, подобающую болѣе зрѣлому возрасту и болѣе многолѣтнему опыту, и чтобы, съ другой стороны, читатель не предъявлялъ требованій, которыхъ я не могъ удовлетворить. Вѣдь разъ нужно было сохранить форму, въ которую вылилась книга въ эпоху ея первоначальнаго составленія, то я не могъ измѣнить всего, что̀ мнѣ въ пятьдесятъ лѣтъ не нравится въ этомъ первомъ опытѣ, съ которымъ я публично выступилъ въ тридцать лѣтъ. Поэтому, хотя я и внесъ не мало измѣненій въ текстъ, но всѣ они

*) Обращенномъ къ Густаву фонъ-Бринкману.

имѣютъ весьма внѣшній характеръ и касаются почти только стиля, причемъ, однако, моей цѣлью не могло быть вытравить всѣ юношескія черты. Возможность еще разъ вернуться къ этой книгѣ была мнѣ отрадна преимущественно потому, что эта книга подверглась ложнымъ толкованіямъ, отчасти весьма страннымъ, и что въ ея сужденіяхъ находили противорѣчія съ тѣмъ, что̀ не только можно было ожидать отъ наставника христіанской вѣры, но что̀ я и самъ, въ качествѣ такового, говорилъ и писалъ. Эти ложныя толкованія обусловлены, главнымъ образомъ, тѣмъ, что почти совсѣмъ не было обращено вниманія на риторическую форму книги, хотя она достаточно сильно сказывается на каждой ея страницѣ, а также и на позицію, которую я занималъ въ ней и которая вѣдь не только обозначена въ заглавіи, какъ праздный придатокъ, а дѣйствительно соблюдается всюду въ текстѣ. Если бы это было принято во вниманіе, то, конечно, было бы нетрудно согласовать все, сказанное здѣсь, съ остальными моими работами, какъ вышедшими почти одновременно съ этой книгой, такъ и написанными значительно позднѣе, и меня не стали бы почти единымъ духомъ обвинять въ спинозизмѣ и геррнгутерствѣ, въ атеизмѣ и въ мистицизмѣ. Мой образъ мыслей объ этихъ предметахъ уже тогда принялъ ту самую форму, которую онъ сохраняетъ и доселѣ — если не говорить о большей зрѣлости и ясности, неизбѣжно приходящей съ годами —, тогда какъ многіе, которые тогда, казалось, шли одной дорогой со мной, теперь отклонились на совсѣмъ иные пути. Для того, чтобы предупредить эти ложныя толкованія, а также, чтобы указать на различія между моими нынѣшними и

прежними взглядами, и наконецъ, чтобы при случаѣ высказать нѣкоторыя соображенія, на которыя наводятъ сужденія книги и которыя казались мнѣ своевременными,— я дополнилъ каждую мою рѣчь поясненіями. Мнѣ особенно отрадно, и главнымъ образомъ въ интересахъ молодого поколѣнія, которое симпатизируетъ или склонно симпатизировать мнѣ, что новое изданіе моихъ рѣчей совпадаетъ съ появленіемъ моего учебника христіанскаго вѣроученія. Пусть каждая изъ этихъ работъ на свой ладъ содѣйствуетъ уясненію святѣйшаго общаго достоянія человѣчества.

Берлинъ, апрѣль 1821 г.

ПЕРВАЯ РѢЧЬ.

Самооправданіе.

Можетъ показаться неожиданнымъ и возбудить въ васъ естественное удивленіе, что еще находится человѣкъ, который осмѣливается выступать именно передъ людьми, возвысившимися надъ уровнемъ обыденности и проникнутыми мудростью вѣка, и просить вниманія къ предмету, находящемуся въ полномъ пренебреженіи у нихъ. Признаюсь также, я не знаю ничего, что могло бы обезпечить мнѣ даже болѣе легкій исходъ—пріобрѣсти ваше одобреніе моимъ стремленіямъ, не говоря уже о болѣе желанной цѣли—внушить вамъ мои чувства и воодушевить васъ въ пользу моего дѣла. Ибо уже издавна вѣра не была дѣломъ каждаго; и всегда лишь немногимъ была вѣдома религія, тогда какъ милліоны людей на разные лады забавлялись ея покрывалами и съ улыбкой удовлетворялись ими. Но въ особенности теперь жизнь образованныхъ людей далека отъ всего, что хоть сколько-нибудь походило бы на религію. Я знаю, вы не только не посѣщаете заброшенныхъ храмовъ, но и столь же мало поклоняетесь Божеству въ святой тиши; въ вашихъ изукрашенныхъ жилищахъ нельзя найти иныхъ святынь, кромѣ разумныхъ изреченій нашихъ мудрецовъ и прекрасныхъ твореній нашихъ художниковъ; человѣчность и общественность, искусство и наука — какое бы участіе въ нихъ ни принималъ каждый изъ васъ и сколько бы ни считалъ нужнымъ изъ нихъ усваивать—настолько овладѣли вашей душой, что уже ничего не остается для вѣч-

наго и священнаго Существа, которое кажется вамъ находящимся по ту сторону міра, и вы не испытываете никакихъ чувствъ къ нему и отъ него. Я знаю, какъ хорошо вамъ удалось развить земную жизнь съ такой полнотой и многосторонностью, что вы уже не нуждаетесь болѣе въ вѣчности; создавъ себѣ свою собственную вселенную, вы нынѣ считаете излишнимъ думать о той вселенной, которая создала васъ самихъ. Я знаю, вы всѣ согласны между собой въ томъ, что уже нельзя сказать ничего новаго и основательнаго объ этомъ предмѣ, который былъ достаточно обсужденъ со всѣхъ сторонъ мудцами и провидцами—я хотѣлъ бы не добавлять: насмѣшниками и священниками. Менѣе всего—это ни отъ кого не можетъ ускользнуть—вы склонны выслушать въ этомъ вопросѣ священниковъ, давно уже отвергнутыхъ вами и признанныхъ недостойными вашего довѣрія, такъ какъ они охотнѣе всего живутъ именно лишь въ пустынныхъ развалинахъ своего святилища, и даже тамъ не могутъ жить, не портя и не разрушая ихъ еще болѣе. Все это я знаю; и все же, очевидно божественно побуждаемый нѣкоей внутренней и непреодолимой необходимостью, я чувствую себя вынужденнымъ говорить, и не могу взять назадъ своего приглашенія, чтобы именно вы меня выслушали.

Что касается послѣдняго, то я могъ бы спросить васъ: чѣмъ объяснить, что, тогда какъ о всякомъ предметѣ, какъ бы малъ или ничтоженъ онъ ни былъ, вы охотнѣе всего ищете поученія у тѣхъ, кто посвятили ему свою жизнь и свои духовныя силы, и потому ваша любознательность не чуждается даже хижинъ поселянина и мастерскихъ ремесленниковъ,—вы лишь въ вопросахъ религіи считаете особенно подозрительнымъ все, что исходитъ отъ тѣхъ, кто не только сами объявляютъ себя испытанными въ нихъ, но и признаются таковыми со стороны государства и народа? Неужели вы, къ нашему удивленію, способны доказать, что именно эти лица не обладаютъ опытомъ въ дѣлѣ религіи, а, напротивъ, имѣютъ и восхваляютъ все иное, кромѣ религіи? Врядъ ли вы это скажете, о лучшіе люди! Не обращая особаго вниманія, какъ

и надлежитъ, на такое несправедливое сужденіе, я признаюсь вамъ, что и я—членъ этого сословія; я рѣшаюсь сдѣлать это, рискуя, что, если вы не будете внимательно слушать меня, я подпаду въ вашихъ глазахъ подъ одно общее наименованіе съ массой этого сословія, изъ котораго вы допускаете мало исключеній. Это есть, по крайней мѣрѣ, добровольное признаніе, ибо мой языкъ врядъ ли легко выдалъ бы меня, и еще менѣе, я надѣюсь, выдали бы меня похвалы, которыя стали бы расточать моему начинанію мои товарищи по цеху. Ибо что я здѣсь дѣлаю, лежитъ всецѣло внѣ ихъ сферы и мало похоже на то, что они хотѣли бы слышать и видѣть [1]). Уже отчаянные крики большинства изъ нихъ о гибели религіи не находятъ во мнѣ отклика, ибо мнѣ невѣдома эпоха, которая воспринимала бы религію лучше, чѣмъ современная; и я совершенно чуждъ старовѣрческихъ и варварскихъ жалобъ, съ помощью которыхъ они хотѣли бы возстановить разрушенныя стѣны своего іудейскаго Сіона и его готическія башни. По этимъ и инымъ основаніямъ я хорошо сознаю, что во всемъ, что я имѣю сказать вамъ, у меня нѣтъ ничего общаго съ моимъ сословіемъ; отчего же мнѣ тогда не признаться въ своей принадлежности къ нему, какъ въ любомъ иномъ случайномъ обстоятельствѣ? Вѣдь излюбленные имъ предразсудки никоимъ образомъ не должны стѣснять насъ, и свято почитаемые имъ пограничные столбы для всѣхъ вопросовъ и бесѣдъ не должны имѣть значенія для насъ. Итакъ, я говорю съ вами, какъ человѣкъ, о священныхъ тайнахъ человѣчества, о томъ, что есть самый глубокій двигатель моего бытія, съ тѣхъ поръ, какъ я мыслю и живу, и что навѣки останется для меня высшимъ, какое бы вліяніе на меня ни оказали еще впредь движенія времени и человѣчества. И что я говорю, это проистекаетъ не изъ разумнаго рѣшенія, и не изъ надежды или страха, а также не опредѣляется какимъ-либо инымъ произвольнымъ или случайнымъ обстоятельствомъ; напротивъ, это есть чистая необходимость моей природы; это есть божественное призваніе; это есть то, что опредѣляетъ мое мѣсто въ мірѣ и дѣлаетъ меня тѣмъ, что я есмь. И потому пусть будетъ и неумѣстно

и неразумно говорить о религіи—но то, что меня влечетъ, подавляетъ своей божественной силой эти мелкія соображенія.

Вы знаете, что Божество нѣкимъ неотмѣнимымъ закономъ принудило само себя раздвоить до безконечности свое великое твореніе, слѣпить всякое опредѣленное бытіе лишь изъ двухъ противоположныхъ дѣятельностей и каждую изъ своихъ вѣчныхъ мыслей осуществить въ двухъ враждебныхъ другъ другу и все же другъ друга обусловливающихъ и неразрывныхъ формахъ-близнецахъ. Весь этотъ тѣлесный міръ, проникнуть во-внутрь котораго есть высшая цѣль вашего изслѣдованія, представляется наиболѣе освѣдомленнымъ и созерцательнымъ изъ васъ вѣчно продолжающейся игрой противоложныхъ силъ. Каждая жизнь есть лишь задержанное проявленіе постоянно возобновляющагося усвоенія и истеченія, какъ и каждая вещь обладаетъ своимъ опредѣленнымъ бытіемъ лишь благодаря тому, что на своеобразный ладъ соединяетъ и удерживаетъ въ себѣ противоположныя исконныя силы природы. Поэтому и духъ, какъ онъ намъ является въ конечной жизни, долженъ быть подчиненъ такому закону. Человѣческая душа—ея преходящія дѣйствія, какъ и внутреннія особенности ея бытія заставляютъ насъ признать это—осуществляетъ себя преимущественно въ двухъ противоположныхъ влеченіяхъ. А именно, въ силу одного изъ нихъ она стремится утвердить себя, какъ нѣчто особое, и тѣмъ, въ своемъ развитіи, какъ и въ своемъ сохраненіи, привлечь къ себѣ окружающее, опутать его сѣтью своей жизни, впитать его въ свое собственное существо и растворить въ послѣднемъ. Другое влеченіе есть, напротивъ, жуткая боязнь одинокой отрѣшенности отъ цѣлаго, стремленіе отдаться и раствориться въ чемъ-то болѣе великомъ, сознавать себя охваченнымъ имъ и зависимымъ отъ него. Поэтому все, что вы ощущаете и дѣлаете въ отношеніи вашего обособленнаго бытія, все, что вы зовете наслажденіемъ и обладаніемъ, есть дѣйствіе перваго стремленія. И съ другой стороны, гдѣ ваши усилія не направлены на обособленную жизнь, гдѣ вы, напротивъ, ищете и сохраняете равное для всѣхъ и объемлющее всѣхъ бытіе, т.-е. гдѣ вы признаете въ вашемъ

мышленіи и дѣйствованіи порядокъ и законъ, необходимость и связь, право и пристойность, гдѣ вы покоряетесь и отдаетесь ему,—тамъ дѣйствуетъ второе стремленіе. Но, подобно тому, какъ ни одна изъ матеріальныхъ вещей не существуетъ на основѣ лишь одной изъ этихъ двухъ силъ тѣлесной природы, такъ и каждая душа соучаствуетъ въ обоихъ первичныхъ отправленіяхъ духовной природы; и полнота живого міра состоитъ въ томъ, что между этими противоположными краями—изъ которыхъ въ одномъ почти исключительно властвуетъ одно стремленіе, и въ другомъ—другое, такъ что на долю противоположнаго приходится лишь безконечно малая часть—всѣ соединяющія звенья не только дѣйствительно наличны въ человѣчествѣ, но и всѣ объемлются общей связью сознанія; и, такимъ образомъ, каждый отдѣльный человѣкъ, несмотря на то, что онъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть, все же познаетъ всякаго другого человѣка столь же отчетливо, какъ и себя самого, и вполнѣ постигаетъ всѣ отдѣльныя формы человѣчества. Однако тѣ, кто стоятъ на крайнихъ концахъ этого великаго ряда, болѣе всего далеки отъ такого познанія цѣлаго. Ибо указанное усвояющее влеченіе, проникнутое противостоящимъ ему, принимаетъ характеръ ненасытимой чувственности, которая, заботясь лишь объ отдѣльной жизни, стремится все болѣе обогащать ее на земной ладъ, быстро и сильно обезпечивать и развивать ее; такого рода люди, въ постоянной смѣнѣ между вожделѣніемъ и наслажденіемъ, никогда не выходятъ за предѣлы воспріятій единичнаго и, занятые всегда своекорыстными отношеніями, неспособны ни ощутить, ни познать общее и цѣлое бытіе и существо человѣчества. Людямъ иного рода, которые слишкомъ могущественно охвачены противоположнымъ влеченіемъ и, лишенные сдерживающей силы, не могутъ сами пріобрѣсти никакого своеобразнаго развитія, истинная жизнь міра должна поэтому также остаться скрытой, какъ имъ и не дано творчески вліять на нее и создавать въ ней что-либо своеобразное: ихъ дѣятельность сводится къ безплодной игрѣ пустыми понятіями; и такъ какъ они никогда ничего не созерцаютъ жизненно, а посвящаютъ все свое рвеніе отвлеченнымъ

предписаніямъ, которыя все превращаютъ въ средство и нигдѣ не оставляютъ цѣли, то они терзаютъ себя безсмысленной ненавистью къ каждому явленію, которое выступаетъ передъ ними съ силой и удачей.—Какъ свести воедино эти крайнія удаленности, чтобы преобразить длинный рядъ въ замкнутое кольцо—символъ вѣчности и совершенства? Правда, нерѣдки люди, въ которыхъ оба стремленія притуплены и приведены въ неподвижное равновѣсіе; но такіе люди въ дѣйствительности стоятъ ниже, чѣмъ представители обѣихъ крайностей. Ибо этимъ обычнымъ, хотя часто болѣе высоко цѣнимымъ явленіемъ мы обязаны не живому союзу обоихъ влеченій; напротивъ, оба они лишь сокращены и низведены до уровня косной посредственности, въ которой ничто не выступаетъ чрезмѣрно, потому что она лишена всякой свѣжей жизни. Если бы всѣ, не обитающіе на крайнихъ концахъ, стояли въ этой точкѣ, къ которой ложная мудрость слишкомъ часто хочетъ привести молодое поколѣніе, то всѣ отошли бы отъ вѣрной жизни и отъ созерцанія истины, высшій духъ покинулъ бы міръ, и воля Божества оказалась бы совершенно невыполненной. Ибо въ загадки такой раздѣленной или доведенной до покоя смѣси едва проникнетъ и болѣе глубокій взоръ. Лишь его созерцательная сила могла бы оживить разсѣянныя кости; для обычнаго же взора, напротивъ, міръ, такъ заселенный, былъ бы лишь слѣпымъ зеркаломъ, которое не давало бы поучительнаго отраженія нашего собственнаго образа и мѣшало бы видѣть лежащее позади него. Поэтому во всѣ времена Божество посылаетъ изрѣдка существа, въ которыхъ оба влеченія сочетаются плодотворнымъ образомъ—будь это сочетаніе непосредственнымъ даромъ свыше или результатомъ упорнаго завершеннаго самовоспитанія. Такія существа вооружены дивными дарами, и путь имъ прокладываетъ присущее имъ всемогущее Слово; они суть истолкователи Божества и его дѣлъ и посредники между тѣмъ, что безъ нихъ навѣки осталось бы разъединеннымъ. Я разумѣю прежде всего тѣхъ, кто въ своей жизни вычеканиваютъ въ особой, своеобразной формѣ именно упомянутую всеобщую сущность духа, лишь тѣнь которой до-

ступна большинству въ призрачности пустыхъ понятій, и именно потому сочетаютъ обѣ противоложныхъ дѣятельности, Они тоже ищутъ порядка и связи, права и пристойности; но такъ какъ они ищутъ, не теряя самихъ себя, то они и находятъ. Они не выдыхаютъ своего влеченія въ невыполнимыхъ желаніяхъ; оно исходитъ изъ нихъ, какъ творческая сила. Ради него они дѣйствуютъ и усвояютъ окружающее, а не ради лишенной всего высшаго животной чувственности. Не разрушая, поглощаютъ они, а творя, преобразовываютъ, всюду вдыхаютъ въ жизнь и ея орудія высшій духъ, упорядочиваютъ и образуютъ міръ, который носитъ печать ихъ духа. Такъ они разумно управляютъ земными дѣлами, являются законодателями и изобрѣтателями, героями и покорителями природы, или же добрыми демонами, которые въ болѣе узкихъ кругахъ въ тиши создаютъ и подготовляютъ болѣе благородное блаженство. Такіе люди самимъ своимъ существованіемъ доказываютъ, что они— посланники Бога и посредники между ограниченными людьми и безконечнымъ человѣчествомъ. Пусть обратитъ на нихъ свой взоръ тотъ, кѣмъ владѣетъ сила пустыхъ понятій; пусть онъ узнаетъ въ ихъ дѣлахъ предметъ своихъ непродуманныхъ стремленій, а въ единичномъ, что онъ доселѣ презиралъ,— матеріалъ, который онъ собственно долженъ обработать; они объяснятъ ему неразслышанный имъ голосъ Бога, они примирятъ его съ землей и съ его мѣстомъ на ней. Но чисто земныя и чувственныя натуры еще болѣе нуждаются въ такихъ посредникахъ, черезъ которыхъ онѣ научаются постигать то, что было чуждо въ высшей сущности человѣчества ихъ собственнымъ дѣйствіямъ и стремленіямъ. Они именно нуждаются въ томъ, чтобы кто либо противопоставилъ ихъ низшему животному наслажденію иное наслажденіе, предметъ котораго есть не то или это, а единое во всемъ и все въ единомъ,— наслажденіе, не знающее иныхъ границъ, кромѣ міра, который духъ научился охватывать; они нуждаются въ комъ либо, кто показалъ бы ихъ боязливому безпомощному своекорыстію иное своекорыстіе, черезъ которое человѣкъ въ земной жизни и вмѣстѣ съ нею любитъ высшее и вѣчное, и противопоставилъ бы

ихъ неровному и страстному стремленію къ захвату спокойное и вѣрное владѣніе. Познайте отсюда вмѣстѣ со мной, какимъ неоцѣнимымъ даромъ должно быть явленіе такого человѣка, въ которомъ высшее чувство создало воодушевленіе, уже не могущее скрываться въ молчаніи, у котораго почти отдѣльныя біенія пульса духовной жизни пріобрѣтаютъ способность передаваться въ образахъ и словахъ, и который почти непроизвольно—ибо онъ мало заботится о чьемъ либо присутствіи—долженъ изображать для другихъ, въ качествѣ мастера какого-либо божественнаго искусства, то, что происходитъ въ немъ. Такой человѣкъ есть истинный жрецъ высшаго, ибо онъ приближаетъ послѣднее къ тѣмъ, кто привыкли воспринимать лишь конечное и малое; онъ представляетъ имъ небесное и вѣчное, какъ предметъ наслажденія и единенія, какъ единственный неисчерпаемый источникъ того, на что направлены всѣ ихъ стремленія. Такъ онъ пытается пробудить дремлющее зерно лучшей человѣчности, возжечь любовь къ высшему, превратить пошлую жизнь въ благородную, примирить дѣтей земли съ небомъ, которое имъ принадлежитъ, и противодѣйствовать тяжеловѣсной привязанности времени къ болѣе грубому матеріалу. Это есть высшее священство, которое возвѣщаетъ намъ внутренній смыслъ всѣхъ духовныхъ загадокъ и говоритъ къ намъ изъ царства Божія; это есть источникъ всѣхъ видѣній и пророчествъ, всѣхъ священныхъ произведеній искусства и вдохновенныхъ рѣчей, которыя разсѣваются наудачу, безъ мысли о томъ, найдетъ ли ихъ чья либо воспріимчивая душа и дастъ ли созрѣть въ себѣ ихъ плодамъ.

О если бы нѣкогда это призваніе посредниковъ прекратилось, и человѣческое священство пріобрѣло болѣе прекрасное назначеніе! О если бы наступило время, которое древнее пророчество описываетъ такъ, что никто уже не будетъ нуждаться въ поученіи, ибо всѣ будутъ научены Богомъ! Если бы святой огонь горѣлъ повсюду, то не нужны были бы пламенныя молитвы, чтобы вымолить его у неба, а достаточна была бы лишь кроткая тишина священныхъ дѣвъ, чтобы поддерживать его; тогда онъ не разгорался бы въ иногда устрашающее пламя,

а единственнымъ его стремленіемъ было бы уравнять у всѣхъ людей ихъ скрытое внутреннее горѣніе. Каждый свѣтилъ бы тогда въ тишинѣ себѣ и другимъ, и сообщеніе священныхъ мыслей и чувствъ было бы легкой игрой: оно сводилось бы лишь къ тому, чтобы въ одномъ мѣстѣ соединять различные лучи этого свѣта, въ другомъ—преломлять ихъ, здѣсь—разсѣивать, а тамъ—снова усиливать и сосредоточивать на отдѣльныхъ предметахъ. Тогда самое тихое слово уже понималось бы, тогда какъ теперь и самыя ясныя высказыванія способны вызывать недоумѣнія. Можно было бы сообща проникать во внутрь святилища, тогда какъ теперь приходится заниматься подготовительнымъ дѣломъ въ его преддверіи. Дѣлить съ друзьями и соучастниками завершенныя созерцанія,—насколько это отраднѣе, чѣмъ выступать съ еле набросанными очертаніями въ далекую пустыню! Но какъ далеки теперь другъ отъ друга тѣ, между кѣмъ было бы возможно такое общеніе! Они распредѣлены въ человѣчествѣ съ такой мудрой бережливостью, какъ въ міровомъ пространствѣ—скрытыя точки, изъ которыхъ распространяется во всѣ стороны эластичная матерія—именно такъ, что лишь внѣшнія границы сферъ ихъ дѣятельности соприкасаются между собой—чтобы ничто не было совершенно пусто,—но никогда одна точка не можетъ встрѣтиться съ другою. Это мудро, конечно: ибо тѣмъ болѣе вся тоска по общенію и близости овладѣваетъ тѣми, кто всего болѣе въ нихъ нуждаются; тѣмъ непреодолимѣе она вынуждаетъ ихъ самихъ создавать себѣ недостающихъ сотоварищей.

Именно этой силѣ я подчиненъ, и таково мое призваніе. Дозвольте мнѣ говорить о себѣ самомъ: вы знаете, что никогда не можетъ быть гордостью то, что велитъ говорить благочестіе; ибо оно всегда полно смиренія. Благочестіе было материнскомъ тѣломъ, въ святой тьмѣ котораго питалась моя юная жизнь и подготовлялась къ еще скрытому отъ нея міру; въ немъ дышалъ мой духъ, пока онъ еще не нашелъ соотвѣтствующей себѣ сферы въ наукѣ и жизненномъ опытѣ; оно помогало мнѣ, когда я началъ провѣрять вѣру отцовъ и очищать мысли и чувства отъ мусора прошедшихъ временъ; оно

осталось у меня, даже когда Богъ и безсмертіе поры дѣтства исчезли передъ моимъ сомнѣвающимся взоромъ [2]); оно непроизвольно ввело меня въ дѣятельную жизнь, показало мнѣ, какъ сохранить святость моего нераздѣльнаго бытія, со всѣми моими достоинствами и недостатками, и лишь черезъ него я научился дружбѣ и любви. Когда рѣчь идетъ о другихъ преимуществахъ людей, то я знаю, что передъ вашимъ судомъ, мудрые и разсудительные члены народа, мало свидѣтельствуетъ объ обладаніи ими, если человѣкъ можетъ сказать, какъ онъ ихъ цѣнитъ; ибо онъ можетъ ихъ знать изъ описаній, изъ наблюденія другихъ, или какъ узнаются всѣ добродѣтели—изъ общераспространенной старой молвы объ ихъ существованіи. Но съ религіей дѣло обстоитъ такъ, и она сама настолько рѣдка, что когда кто высказываетъ о ней что либо, онъ необходимо долженъ обладать этимъ, ибо онъ нигдѣ не могъ услышать объ этомъ. Въ особенности изъ всего, что я восхваляю и ощущаю, какъ ея дѣйствіе, вы мало могли бы найти даже въ священныхъ книгахъ; и кому изъ тѣхъ, кто самъ того не испыталъ, это не покажется соблазномъ или безумiемъ?

Но если я, проникнутый этими чувствами, долженъ наконецъ говорить и свидѣтельствовать о ней, то къ кому же мнѣ обращаться, какъ не къ сынамъ Германіи? И гдѣ, если не здѣсь, я нашелъ бы слушателей для своей рѣчи? Не слѣпая любовь къ родной почвѣ или къ сотоварищамъ по государству и языку заставляетъ меня говорить, а глубокое убѣжденіе, что вы—единственные люди, которые способны къ тому, а слѣдовательно и достойны того, чтобы вашъ духъ былъ пробужденъ къ святымъ и божественнымъ вещамъ. Гордые островитяне, многими не по заслугамъ почитаемые, не знаютъ иного лозунга, кромѣ пріобрѣтенія и наслажденія; ихъ ревность къ наукѣ есть лишь пустая игра, ихъ жизненная мудрость есть фальшивый драгоцѣнный камень, искусно и обманчиво составленный. по ихъ обыкновенію, и даже ихъ святая свобода слишкомъ часто за дешевую цѣну служитъ своекорыстію. Нигдѣ они не придаютъ серьезнаго значенія тому, что выходитъ за предѣлы осязательной пользы [3]). Ибо всю науку они лишили

жизни и употребляютъ лишь мертвое дерево на мачты и весла для своего жизненнаго плаванія въ погонѣ за пріобрѣтеніями. И точно такъ же они ничего не знаютъ о религіи; каждый только проповѣдуетъ привязанность къ старымъ обычаямъ и защищаетъ свои уставы, и въ этихъ обычаяхъ и уставахъ усматриваетъ мудро завѣщанное государственнымъ устройствомъ средство противъ исконнаго врага государства. По инымъ причинамъ, напротивъ, я отвращаюсь отъ франковъ, видъ которыхъ невыносимъ почитателю религіи, ибо они въ каждомъ своемъ дѣйствіи, въ каждомъ словѣ почти топчутъ ногами ея святѣйшіе законы. Грубое равнодушіе милліоновъ народа и остроумное легкомысліе отдѣльныхъ блестящихъ умомъ, съ которыми они смотрятъ на самое возвышенное событіе исторіи, которое не только совершается на ихъ глазахъ, но и захватываетъ ихъ всѣхъ и опредѣляетъ каждое движеніе ихъ жизни, достаточно доказываетъ, какъ мало они способны къ святому трепету и къ истинному поклоненію. И что для религіи ненавистнѣе разнузданнаго высокомѣрія, съ которымъ властители народа противоборствуютъ вѣчнымъ законамъ міра? И что она внушаетъ, какъ не разсудительную и смиренную умѣренность, о которой имъ, повидимому, не напоминаетъ ни малѣйшее движеніе чувства? Что для нея священнѣе высокой Немезиды, самыя ужасныя дѣйствія которой они даже не понимаютъ въ безуміи своего ослѣпленія? Гдѣ измѣнчивыя кары, которымъ въ другихъ случаяхъ было бы достаточно пасть на отдѣльныя семьи, чтобы наполнить цѣлые народы благоговѣніемъ къ небесному Существу и на вѣка занять творенія поэтовъ мыслью о вѣчной судьбѣ.—гдѣ такія кары тщетно повторяются тысячекратно, тамъ до смѣшного незамѣтнымъ и неразслышаннымъ прозвучалъ бы одинокій голосъ! Лишь въ родной странѣ царитъ счастливый климатъ, который ни одному плоду не даетъ погибнуть безъ остатка; здѣсь вы встрѣчаете, хотя и въ разсѣянномъ видѣ, все, что украшаетъ человѣчество, и все, что созрѣваетъ, развиваетъ гдѣ либо, по крайней мѣрѣ въ единичныхъ личностяхъ, свою прекраснѣйшую форму; здѣсь нѣтъ недостатка ни въ мудрой умѣренности, ни въ тихомъ

созерцаніи. Поэтому и религія должна найти здѣсь убѣжище отъ плоскаго варварства и отъ холоднаго земного настроенія эпохи.

Но только не причтите меня, не успѣвъ меня выслушать, къ тѣмъ, на кого вы смотрите, какъ на грубыхъ и необразованныхъ, какъ если бы способность воспринимать святыню, подобно устарѣвшей одеждѣ, перешла къ низшимъ слоямъ народа, которымъ однимъ еще подобаетъ съ трепетомъ и вѣрой ощущать незримое. Вы доброжелательны къ этимъ нашимъ братьямъ и хотѣли бы, чтобы имъ говорили и о другихъ высшихъ предметахъ, о нравственности и правѣ и свободѣ, и чтобы тѣмъ хоть на отдѣльныя мгновенія ихъ внутреннія стремленія были направляемы къ лучшимъ цѣлямъ и въ нихъ пробуждалось бы сознаніе достоинства человѣчества. Такъ пусть же говорятъ съ ними и о религіи; пусть возбуждаютъ иногда все ихъ существо, чтобы оживлялось и это святѣйшее его влеченіе, въ какой бы скрытой глубинѣ оно ни дремало; пусть восхищаютъ ихъ отдѣльными вспышками свѣта, которыя можно выманить изъ глубины ихъ сердца; пусть будетъ проложенъ имъ выходъ изъ ихъ узкой ограниченности въ безконечность, и пусть на мгновеніе ихъ низкая чувственность будетъ поднята до высокаго сознанія человѣческой воли и человѣческаго бытія—этимъ будетъ всегда много пріобрѣтено. Но я спрашиваю васъ: развѣ вы обращаетесь къ нимъ, когда вы хотите вскрыть глубочайшую связь и высшую основу человѣческихъ силъ и дѣйствій,—когда понятіе и чувство, законъ и дѣйствіе должны быть прослѣжены до ихъ общаго источника, и дѣйствительность должна быть изображена, какъ она вѣчно и необходимо основана на существѣ человѣчества? Или, напротивъ, было бы уже большимъ счастіемъ, если бы въ такихъ случаяхъ ваши мудрецы находили пониманіе хотя бы только у лучшихъ изъ васъ? Но именно этого я теперь стремлюсь достигнуть въ отношеніи религіи. Не отдѣльныя ощущенія хочу я возбудить, которыя, быть можетъ, принадлежатъ къ ея области; не отдѣльныя представленія хочу я обосновать или оспаривать—я хотѣлъ бы ввести

васъ въ послѣднія глубины, изъ которыхъ возникаетъ религія повсюду, во всѣхъ ея формахъ; я хотѣлъ бы показать вамъ, изъ какихъ задатковъ человѣчества она проистекаетъ и какъ она принадлежитъ къ тому, что есть для васъ высшее и цѣннѣйшее; я хотѣлъ бы повести васъ на вершину храма, чтобы вы могли созерцать все святилище и открыть его самыя скрытыя тайны. И неужели вы серьезно допускаете во мнѣ мысль, что тѣ, кто сильнѣе всего отягощены ежедневными земными заботами, болѣе всего способны приблизиться къ небесному? что тѣ, кто трепещутъ передъ силой мгновенія и тѣсно прикованы къ ближайшимъ предметамъ, могутъ выше всего поднять свой взоръ надъ міромъ? и что яснѣе всего откроетъ живое Божество тотъ, кто въ однообразной смѣнѣ мертвой хлопотливости еще не нашелъ самого себя? Нѣтъ, вы не захотите утверждать это, позоря самихъ себя! И потому я могу обратиться лишь къ вамъ самимъ, вамъ, призваннымъ покинуть обыденную стоянку людей и не боящимся труднаго пути въ глубины человѣческаго духа, чтобы найти живое созерцаніе цѣнности и связи его внутреннихъ движеній и внѣшнихъ дѣяній.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сказалъ себѣ это, я долго находился въ боязливомъ настроеніи тѣхъ, кто, потерявъ любимую драгоцѣнность, не рѣшаются обыскать еще послѣднее мѣсто, въ которомъ она можетъ быть скрыта. Ибо если были времена, когда вы еще считали свидѣтельствомъ особаго мужества частичное отрѣшеніе отъ догматовъ унаслѣдованнаго вѣроученія, когда вы еще охотно говорили и слушали рѣчи объ отдѣльныхъ предметахъ, если дѣло шло объ уничтоженіи одного изъ такихъ понятій,—когда вамъ, тѣмъ не менѣе, еще нравилось видѣть образъ религіи стройнымъ и украшеннымъ, ибо вы хотѣли сохранить по крайней мѣрѣ у прекраснаго пола нѣкоторое чувство къ святынѣ—то теперь и эти времена уже давно прошли; теперь уже совсѣмъ не должно быть рѣчи о благочестіи, и даже сами граціи должны съ неженственной жесткостью разрушить нѣжнѣйшій цвѣтокъ человѣческой души. Поэтому у меня нѣтъ иной исходной точки для возбужденія

вашего участія, которое я ищу, кромѣ самого вашего презрѣнія; я хочу прежде всего только призвать васъ быть вполнѣ просвѣщенными и послѣдовательными въ этомъ презрѣніи.

Изслѣдуемъ же, прошу васъ, изъ чего оно собственно исходило, изъ яснаго ли воззрѣнія или изъ неопредѣленной мысли? Изъ разсмотрѣнія ли различныхъ видовъ и сектъ религіи, какъ они встрѣчаются въ исторіи, или изъ общаго понятія, которое вы, быть можетъ, произвольно составили себѣ? Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ васъ признаются въ послѣднемъ; но будемъ остерегаться, чтобы то не были и здѣсь, какъ обычно, неправомѣрно рѣшительные судьи, которые оцѣниваютъ поверхностно, не давъ себѣ труда пріобрѣсти точное знаніе о предметѣ, какъ онъ есть въ дѣйствительности. Страхъ передъ высшимъ существомъ или вообще мысль о вліяніи послѣдняго на событія этой жизни—что вы зовете провидѣніемъ,—и затѣмъ ожиданіе будущей жизни послѣ этой—что вы зовете безсмертіемъ,—не изъ этихъ ли признаковъ образуется ваше общее понятіе? Не эти ли два отвергаемыхъ вами представленія образуютъ, по вашему мнѣнію, въ той или иной формѣ основу всякой религіи? Но скажите мнѣ, дорогіе, какъ вы нашли это? Вѣдь все, что происходитъ въ человѣкѣ или исходитъ отъ него, можетъ разсматриваться и познаваться съ двоякой точки зрѣнія. Если вы что-либо разсматриваете изъ его средоточія, т.-е. въ его внутреннемъ существѣ, то оно есть выраженіе человѣческой природы, основанное на одномъ изъ ея необходимыхъ способовъ дѣйствія или влеченій, или какъ бы вы ни называли это—ибо я не хочу теперь углубляться въ тонкости вашего техническаго языка. Если вы, наоборотъ, разсматриваете что-либо извнѣ, согласно опредѣленному положенію или формѣ, которыя оно принимало въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, то оно есть продуктъ времени и исторіи. Съ какой же стороны вы смотрѣли на религію, на это великое духовное явленіе, когда вы пришли къ указаннымъ представленіямъ, какъ къ общему содержанію всего, что когда либо обозначалось этимъ именемъ? Врядъ ли вы скажете: черезъ разсмотрѣніе перваго рода. Вѣдь тогда, о лучшіе люди, вы должны были бы допустить, что эти мысли какъ-либо осно-

ваны на человѣческой природѣ. И если бы вы сказали, что въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь встрѣчаются, онѣ возникли изъ неправильнаго истолкованія или ложнаго направленія необходимаго стремленія человѣчества, то вамъ все же надлежало бы отыскать въ нихъ истинное и вѣчное, и соединить ваши усилія съ нашими, чтобы человѣческая природа была избавлена отъ несправедливости, которую она всегда претерпѣваетъ, когда что-либо въ ней невѣрно познается или направляется. Во имя всего, что вамъ свято—а, согласно только что выраженному признанію, для васъ должно быть что-либо свято—я заклинаю васъ, не уклоняйтесь отъ этой задачи, чтобы человѣчество, которое вы почитаете вмѣстѣ съ нами, не обрушилось на васъ съ праведнымъ гнѣвомъ за то, что вы покинули его въ столь важномъ дѣлѣ. И если изъ того, что вы услышите отъ меня, вы узнаете, что дѣло это, можно сказать, уже сдѣлано, то я могу разсчитывать на вашу благодарность и ваше одобреніе, даже если результатъ окажется инымъ, чѣмъ вы полагали.—Но вѣроятно вы скажете, что ваши понятія о содержаніи религіи исходятъ изъ другой точки зрѣнія на это духовное явленіе. Вы исходили изъ внѣшнаго, изъ мнѣній, ученій, обычаевъ, въ которыхъ проявляется всякая религія, и въ нихъ дѣло сводится всегда къ указаннымъ двумъ началамъ. И вы именно тщетно искали чего либо внутренняго и первичнаго, что соотвѣтствовало бы этому внѣшнему, и потому религія есть для васъ повсюду не что иное, какъ пустая и обманчивая видимость, которая, подобно мутному и давящему слою тумана, облегла часть истины. Это есть, конечно, ваше подлинное мнѣніе. Но если вы дѣйствительно считаете оба эти пункта содержаніемъ религіи, во всѣхъ формахъ, въ которыхъ она являлась въ исторіи, то все же мнѣ позволительно спросить, правильно ли вы наблюдали всѣ эти явленія и вѣрно ли восприняли ихъ общее содержаніе? Если ваше понятіе возникло такимъ путемъ, то вы должны обосновать его на единичномъ; и если кто-либо скажетъ вамъ, что это понятіе невѣрно и неудачно, и укажетъ вамъ на что нибудь иное въ религіи, что не пусто, а имѣетъ зерно здороваго характера и

происхожденія, то вы должны сперва выслушать и судить, прежде чѣмъ продолжать презирать. Выслушайте же безъ досады, что я хочу теперь сказать тѣмъ, которые съ самаго начала, идя болѣе вѣрнымъ, но и болѣе труднымъ путемъ, держались созерцанія единичнаго.

Вы, безъ сомнѣнія, знакомы съ исторіей человѣческихъ заблужденій и изучали различныя строенія религіознаго ученія, начиная съ безсмысленныхъ басенъ дикихъ народовъ вплоть до самаго утонченнаго деизма, отъ грубыхъ суевѣрій человѣческихъ жертвоприношеній до тѣхъ плохо сшитыхъ обрывковъ метафизики и морали, которые теперь зовутся очищеннымъ христіанствомъ; и вы нашли, что всѣ они нелѣпы и противорѣчатъ разуму. Я далекъ отъ желанія противорѣчить вамъ въ этомъ. Напротивъ, если вы откровенно полагаете, что самыя развитыя религіозныя системы обладаютъ этими качествами не менѣе, чѣмъ самыя грубыя; если вы только убѣждены, что божественное не можетъ лежать въ ряду, который съ обѣихъ сторонъ заканчивается пошлымъ и презрѣннымъ, —то я охотно избавлю васъ отъ труда болѣе точной оцѣнки всѣхъ звеньевъ, лежащихъ въ промежуткѣ между этими конечными точками. Пусть всѣ они представляются вамъ переходами и приближеніями къ концу, причемъ каждое выходитъ изъ рукъ своей эпохи все болѣе блестящимъ и отточеннымъ, вплоть до того совершенства, съ которымъ это искусство въ нашъ вѣкъ творитъ свои игрушечныя созданія. Но это совершенствованіе вѣроученій и системъ часто было чѣмъ угодно, только не совершенствованіемъ религіи; и нерѣдко первое двигалось впередъ безъ малѣйшаго соучастія второго. Я не могу безъ досады говорить объ этомъ; ибо всякаго, кому доступно все, проистекающее изъ глубины души, и кто серьезно озабоченъ развитіемъ и выявленіемъ всѣхъ сторонъ человѣка, должно приводить въ отчаяніе, что высокая и прекрасная сущность религіи часто бывала удаляема отъ своего назначенія и, лишенная свободы, пребывала въ низкомъ рабствѣ у схоластическаго и метафизическаго духа варварскихъ и холодныхъ эпохъ. Вѣдь что такое эти системы вѣроученія, разсматриваемыя сами по

себѣ, какъ не искусственныя созданія счисляющаго разсудка, въ которыхъ каждая отдѣльная черта имѣетъ смыслъ лишь въ взаимномъ ограниченіи? Или онѣ кажутся вамъ чѣмъ-либо инымъ, эти богословскія системы, эти теоріи о началѣ и концѣ міра, эти анализы природы непостижимаго существа, въ которыхъ все сводится къ холодному аргументированію, и даже высшее можетъ быть обсуждаемо лишь въ тонѣ обычнаго школьнаго спора? Но вѣдь поистинѣ—я апеллирую къ вашему собственному чувству—не таковъ характеръ религіи. Итакъ, если вы сосредоточились лишь на религіозныхъ догматахъ и мнѣніяхъ, то вы еще совсѣмъ не знаете самой религіи, и то, что вы презираете, не есть она сама. Но почему же вы не проникли глубже, къ тому, что есть внутренняя сторона этой внѣшности? Я изумляюсь вашему добровольному невѣдѣнію, благодушные изслѣдователи, и слишкомъ спокойной нетребовательности, съ которой вы остаетесь при томъ, что прежде всего было вамъ показано. Почему вы не изслѣдуете самой религіозной жизни, и въ особенности тѣ благочестивыя подъятія духа, въ которыхъ всѣ иныя, извѣстныя вамъ дѣятельности оттѣснены или почти устранены, и вся душа растворяется въ непосредственномъ чувствѣ безконечнаго и вѣчнаго и своего общенія съ нимъ? Вѣдь въ такія мгновенія непосредственно и наглядно проявляется то умонастроеніе, которое, по вашимъ словамъ, вы презираете. Лишь кто наблюдалъ и истинно позналъ человѣка въ этихъ душевныхъ движеніяхъ, можетъ узнать религію и въ упомянутыхъ внѣшнихъ ея выраженіяхъ; и тогда онъ увидитъ въ нихъ нѣчто иное, чѣмъ вы. Ибо, конечно, въ послѣднихъ всюду находится въ связанномъ состояніи нѣчто отъ этого духовнаго содержанія, безъ котораго они совсѣмъ не могли бы возникнуть; но кто не умѣетъ освободить его, тотъ—какъ бы тонко онъ ни анализировалъ ихъ и какъ бы точно ни изслѣдовалъ—будетъ имѣть передъ собой лишь мертвую, холодную массу. Наставленіе же это—искать скорѣе въ разсѣянныхъ и по внѣшности неразвитыхъ элементахъ вашъ предметъ, котораго вы не могли найти въ развитыхъ и законченныхъ явленіяхъ,—это наставленіе не можетъ

вѣдь показаться вамъ страннымъ, такъ какъ всѣ вы болѣе или менѣе заняты философіей и освѣдомлены въ ея судьбахъ. Хотя въ ней дѣло должно было бы обстоять совсѣмъ иначе, и она по природѣ должна стремиться развиваться въ замкнутой связи, такъ какъ лишь черезъ созерцаемую полноту оправдывается всякое своеобразное познаніе и обезпечивается его сообщеніе другимъ, но все же вы въ ея области часто должны итти этимъ же путемъ. Вспомните лишь, сколь немногіе изъ тѣхъ, кто на собственномъ пути проникли внутрь природы и духа и созерцали ихъ взаимное отношеніе и внутреннюю гармонію,—сколь немногіе изъ нихъ все же сразу установили систему своего знанія; напротивъ, почти всѣ сообщили свои открытія въ болѣе нѣжной, хотя и болѣе хрупкой формѣ. И когда вы, наоборотъ, смотрите на системы во всѣхъ школахъ и видите, какъ часто онѣ суть только пріютъ и убѣжище мертвой буквы, такъ какъ именно—за рѣдкими исключеніями—самотворящій духъ высокаго размышленія слишкомъ бѣглъ и слишкомъ свободенъ для строгихъ формъ, на которыя больше всего возлагаютъ надежды тѣ, кто любятъ воспринимать и запечатлѣвать въ себѣ чужое,—не воскликнете ли вы, когда кто-либо, не отличая этихъ изготовителей обширныхъ зданій философіи отъ самостоятельно философствующихъ, захочетъ ознакомиться черезъ нихъ съ духомъ изслѣдованія—не воскликнете ли вы ему въ поученіе: „Берегись, другъ! не попади только къ тѣмъ, кто идетъ по чужимъ стопамъ, собираетъ чужое и останавливается на томъ, что далъ другой, Ибо у нихъ ты не найдешь духа ихъ искусства; ты долженъ итти къ творцамъ, на которыхъ онъ навѣрное почіетъ“. И вотъ, къ тому же долженъ я здѣсь призвать васъ, ищущихъ религіи, въ которой тѣмъ болѣе должно имѣть мѣсто то же самое, такъ какъ она по всему своему существу настолько же далека отъ всего систематическаго, насколько философія по своей природѣ склонна къ нему. Сообразите также, кому мы обязаны этими искусными построеніями, надъ измѣнчивостью которыхъ вы насмѣхаетесь, нестройность которыхъ васъ оскорбляетъ, и несоотвѣтствіе которыхъ ихъ мелочной тенденціи вамъ

почти смѣшно? Героямъ ли религіи? Назовите же среди всѣхъ, кто принесъ намъ какое либо новое откровеніе или хотя бы утверждаетъ, что принесъ таковое,—начиная съ того, кому впервые предносился образъ царствія Божія—что, конечно, скорѣе всего иного могло бы привести въ области религіи къ системѣ—и кончая послѣдними мистиками или мечтателями, какъ вы обычно называете ихъ, въ которыхъ, быть можетъ, еще блеститъ исконный лучъ внутренняго свѣта—а вѣдь вы не потребуете отъ меня, чтобы я причислилъ къ нимъ тѣхъ богослововъ буквы, которые вѣрятъ, что спасеніе міра и свѣтъ мудрости можно найти въ новомъ одѣяніи ихъ формулъ или въ новыхъ оборотахъ ихъ искусныхъ доказательствъ,—назовите мнѣ среди нихъ хоть одного, кто считалъ бы стоющимъ заниматься такой сизифовой работой! Нѣтъ, лишь въ отдѣльныя мгновенія, при разряженіи небесныхъ чувствъ, когда священный огонь долженъ излиться изъ переполненной души, раздается могучій громъ ихъ рѣчи, возвѣщающій, что черезъ нихъ говоритъ Божество. Совершенно такъ же понятіе и слово есть, конечно, необходимое и неотдѣлимое отъ внутренняго содержанія выявленіе и, какъ таковое, понятно именно лишь черезъ свое внутреннее содержаніе и вмѣстѣ съ нимъ. А еще сочетать ученіе съ ученіемъ—это они дѣлаютъ лишь при случаѣ, когда нужно устранить недоразумѣнія или вскрыть пустую видимость; а вѣдь только изъ такихъ сочетаній многихъ ученій постепенно складываются эти системы. Поэтому вы не должны останавливаться съ самаго начала на томъ, что есть лишь повторенный и часто измѣненный отголосокъ такого первоначальнаго звука; вы должны перенестись внутрь благочестивой души и постараться понять ея воодушевленіе; въ моментъ самого дѣйствія вы должны воспринять это созиданіе тепла и свѣта въ душѣ, отдающейся вселенной [4]); иначе вы ничего не узнаете о религіи и уподобитесь тому, кто слишкомъ поздно подноситъ горючій матеріалъ къ огню, высѣченному сталью изъ камня, и находитъ лишь холодную, ничтожную частицу грубаго металла, которая уже ничего не можетъ зажечь.

Итакъ, я требую, чтобы вы, отвлекшись отъ всего, обычно причисляемаго къ религіи, обратили взоръ лишь на внутреннія душевныя движенія и настроенія, о которыхъ свидѣтельствуютъ всѣ рѣчи и дѣла боговдохновенныхъ людей. Лишь если вы и тогда не найдете здѣсь ничего истиннаго и существеннаго и не пріобрѣтете иного взгляда на дѣло—я надѣюсь, лучшаго взгляда, несмотря на ваши знанія, ваше образованіе и ваши предразсудки; если вы и тогда не расширите и не измѣните вашего мелочнаго представленія, которое было вѣдь создано лишь внѣшнимъ наблюденіемъ; если вы и тогда еще сможете презирать это устремленіе души къ вѣчному, и вамъ будетъ казаться смѣшнымъ разсматривать и съ этой точки зрѣнія все, что важно для человѣка,—тогда дѣйствителько я признаю свое дѣло проиграннымъ и повѣрю, наконецъ, что ваше презрѣніе къ религіи соотвѣтствуетъ вашей природѣ; и тогда мнѣ будетъ не о чемъ болѣе говорить съ вами.

Не опасайтесь, что я въ концѣ прибѣгну еще къ обычному средству и укажу вамъ, какъ необходима религія, чтобы поддерживать въ мірѣ право и порядокъ и мыслью о всевидящемъ окѣ и о безконечномъ могуществѣ приходить на помощь близорукости человѣческаго предвидѣнія и узкимъ предѣламъ человѣческой силы; или что она есть вѣрный другъ и спасительная опора нравственности, такъ какъ своими святыми чувствами и блестящими горизонтами она значительно облегчаетъ слабому человѣку борьбу съ самимъ собой и осуществленіе добра. Такъ, правда, говорятъ тѣ, кто выдаютъ себя за лучшихъ друзей и самыхъ ревностныхъ защитниковъ религіи; я же не хочу рѣшать, что́ больше презирается въ такомъ сочетаніи мыслей,—право ли и нравственность, которыя представляются нуждающимися въ поддержкѣ, или же религія, которая должна ихъ поддерживать, или наконецъ вы сами, къ которымъ обращаются съ такой рѣчью. Ибо если этотъ мудрый совѣтъ долженъ быть данъ вамъ самимъ, то какъ нагло было бы съ моей стороны требовать отъ васъ, чтобы вы легкомысленно играли вашими внутренними чувствами и черезъ посредство чего либо, что вы не имѣете иныхъ основаній почитать и любить, опре-

дѣлялись бы къ тому, что вы и безъ того уже почитаете и осуществляете? Или если этими рѣчами вамъ хотятъ лишь шепнуть на ухо, что̀ вы должны дѣлать въ угоду народу,—то какъ можете вы, призванные воспитывать другихъ и уподоблять ихъ себѣ, начать съ того, что будете обманывать ихъ и выдавать имъ за священное и существенно необходимое то, къ чему вы сами глубоко равнодушны и что, по вашему убѣжденію, они тоже могутъ отбросить, какъ только они поднимутся на ту ступень, на которой вы стоите? Я, по крайней мѣрѣ, не могу призывать васъ къ такому образу дѣйствій, въ которомъ я усматриваю гибельнѣйшее лицемѣріе въ отношеніи міра и въ отношеніи васъ самихъ; и кто хочетъ такъ рекомендовать религію, тотъ неизбѣжно лишь умножаетъ презрѣніе, которымъ она уже окружена. Ибо, допуская даже, что наши гражданскія учрежденія еще въ высокой степени страдаютъ несовершенствомъ и обнаружили еще мало силы въ предупрежденіи или истребленіи произвола, — какой недопустимый отказъ отъ насущнаго дѣла, какое трусливое недовѣріе къ улучшенію заключалось бы въ намѣреніи призвать на помощь нежелательную самое по себѣ религію! Отвѣтьте мнѣ лишь на одно [5]): имѣли ли бы вы правовое состояніе, если бы его существованіе основывалось на благочестіи? и не ускользаетъ ли отъ васъ, какъ только вы исходите отсюда, само понятіе права, которое вы считаете столь священнымъ? Такъ примитесь же непосредственно за само дѣло, если вамъ кажется, что оно находится въ такомъ плохомъ положеніи; улучшайте законы, измѣняйте учрежденія, дайте государству желѣзныя руки, дайте ему сотни глазъ, если оно ихъ еще не имѣетъ, но не усыпляйте тѣхъ, которые оно имѣетъ, обманчивыми пѣснями. Не смѣшивайте этого дѣла съ инымъ,—не то вы его совсѣмъ не устроете; и не объявляйте, къ позору человѣчества, его самое возвышенное созданіе паразитнымъ растеніемъ, которое можетъ питаться лишь чужими соками.

Даже въ нравственности—я говорю это въ согласіи съ вашими собственными воззрѣніями—даже въ нравственности, которая гораздо ближе къ нему, не нуждается право, чтобы обезпечить себѣ неограниченное господство въ своей области; оно

должно быть совершенно самостоятельно. Государственные люди должны всюду умѣть осуществлять его, и тотъ, кто утверждаетъ, что это возможно лишь черезъ распространеніе религіи—если вообще можно произвольно распространять то, что существуетъ, лишь проистекая изъ души,—тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что государственными дѣятелями должны быть лишь люди, способные вселить въ человѣческое сознаніе духъ религіи; но къ какому темному варварству несчастныхъ временъ это вернуло бы насъ! Но точно такъ же и нравственность не можетъ въ такой формѣ нуждаться въ религіи. Ибо что они разумѣютъ подъ этимъ, какъ не то, что слабое, искушаемое сознаніе должно искать себѣ помощи въ мысли о будущемъ мірѣ? Но кто дѣлаетъ различіе между тѣмъ и этимъ міромъ, обманываетъ самъ себя; по крайней мѣрѣ всѣ, у кого есть религія, знаютъ лишь одинъ міръ. Поэтому если нравственности чуждо исканіе благополучія, то будущая жизнь не имѣетъ бо́льшаго значенія, чѣмъ настоящая; и если она должна быть совершенно независимой отъ одобренія, то авторитетъ вѣчнаго Существа можетъ означать для нея не болѣе, чѣмъ авторитетъ мудраго человѣка. Если нравственность теряетъ свой блескъ и свою прочность отъ каждой посторонней примѣси, то еще болѣе—отъ соединенія съ тѣмъ, что всюду выдаетъ свою высокую и чуждую окраску. Но объ этомъ вы достаточно слышали отъ тѣхъ, кто защищаетъ независимость и всемогущество нравственныхъ законовъ; я же добавлю, что и въ отношеніи религіи свидѣтельствуетъ о величайшемъ презрѣніи желаніе пересадить ее на чуждую почву, на которой она должна имѣть служебное назначеніе. Даже и господствовать она не хотѣла бы въ чужой области, ибо она не склонна къ завоеваніямъ и не стремится расширять свои владѣнія. Ее удовлетворяетъ сила, принадлежащая ей по праву и въ каждое мгновеніе снова заслуживаемая ею; и ей, которая все освящаетъ, тѣмъ болѣе свято то, что утверждаетъ равное съ ней мѣсто въ человѣческой природѣ [6]). Но непремѣнно хотятъ, чтобы она настоящимъ образомъ служила; она должна имѣть цѣль и доказать свою полезность. Какое униженіе! Неужели ея защитники должны жадно стремиться доставить ей это униженіе?

Пусть лучше тѣ, кто всюду ищутъ пользы и въ глазахъ которыхъ даже право и нравственность въ конечномъ счетѣ существуютъ въ интересахъ чего то иного, сами потонутъ въ этомъ вѣчномъ круговоротѣ всеобщей полезности, въ которомъ они топятъ всѣ блага и въ которомъ ничего не понимаетъ человѣкъ, желающій самъ для себя быть чѣмъ-либо,—пусть лучше они погибнутъ, чѣмъ выдаютъ себя за защитниковъ религіи, дѣло которой они поддерживаютъ такъ неумѣло! Какая слава для нея, небесной, что она такъ удачно устраиваетъ земныя дѣла людей! Какая честь для нея, свободной и безпечной, что она умѣетъ до нѣкоторой степени обострять и утончать совѣсть людей! Ради этого она не снизойдетъ для васъ съ неба! Что любится и цѣнится въ интересахъ чего-либо иного, внѣ его лежащаго, то можетъ быть полезнымъ, но не бываетъ необходимо само по себѣ; и разумный человѣкъ оцѣниваетъ его лишь въ соотвѣтствіи съ цѣлью, которой оно служитъ. И эта цѣна оказалась бы для религіи довольно ничтожной; я, по крайней мѣрѣ, не далъ бы многаго за нее; ибо я долженъ сознаться, я не могу придавать особаго значенія тѣмъ несправедливымъ поступкамъ, которые она будто бы предупреждаетъ, и тѣмъ нравственнымъ дѣйствіямъ, которыя она должна порождать. И если это есть единственное, что могло бы доставить ей почитаніе, то я не хочу принимать въ ней участіе. Это слишкомъ незначительно, даже чтобы только мимоходомъ рекомендовать ее. Воображаемая слава, исчезающая при ближайшемъ разсмотрѣніи, не можетъ помочь религіи, выступающей съ болѣе высокими притязаніями. Что религіозность сама по себѣ съ необходимостью проистекаетъ изъ глубины всякой лучшей души, что ей принадлежитъ самостоятельная сфера сознанія, въ которой она неограниченно властвуетъ, что она достойна того, чтобы своей внутренней силой оживлять благороднѣйшихъ и лучшихъ людей и быть воспринятой и познанной ими въ своемъ глубочайшемъ существѣ,—вотъ что я утверждаю и что я хотѣлъ бы обезпечить за ней; вамъ же теперь надлежитъ рѣшить, стоитъ ли выслушать меня, прежде чѣмъ еще болѣе укрѣпиться въ своемъ презрѣніи.

ВТОРАЯ РѢЧЬ.

О сущности религіи.

Вы вѣроятно знаете, какъ старый Симонидъ упорнымъ и все болѣе длительнымъ замедленіемъ отвѣта заставилъ умолкнуть тѣхъ, кто затруднялъ его вопросомъ, что такое боги. Я хотѣлъ бы начать съ подобнаго же замедленія въ нашемъ вопросѣ, столь сходномъ съ упомянутымъ и не менѣе объемлющемъ—въ вопросѣ о томъ, что такое религія. Разумѣется, не для того, чтобы молчать и, подобно Симониду, оставить васъ въ недоумѣніи; но для того, чтобы вы, принявъ сами участіе въ размышленіи, обратили на нѣкоторое время взоръ на искомый пунктъ и совершенно отрѣшились отъ всѣхъ иныхъ мыслей. Вѣдь первое требованіе даже лицъ, которые вызываютъ только низшихъ духовъ, состоитъ въ томъ, чтобы зритель, желающій видѣть ихъ явленія и быть посвященнымъ въ ихъ таинства, подготовился къ нимъ въ священной тишинѣ черезъ воздержаніе отъ земныхъ вещей и затѣмъ, не развлекаясь созерцаніемъ постороннихъ предметовъ, съ нераздѣленными чувствами смотрѣлъ на мѣсто, гдѣ должно показаться явленіе. Еще гораздо болѣе имѣю право требовать такой послушной сосредоточенности я, такъ какъ я намѣреваюсь вызвать передъ вами рѣдкаго духа, котораго вы должны будете наблюдать долго съ напряженнымъ вниманіемъ, чтобы признать въ немъ того, кого вы ищете, и постигнуть его черты, полныя глубокаго значенія. Да, конечно, лишь если вы будете стоять передъ священными кругами съ той свободной трезвостью духа,

которая ясно и правильно воспринимаетъ каждое очертаніе, и, не поддаваясь ни соблазну старыхъ воспоминаній, ни вліянію предвзятыхъ допущеній, будете стремиться изъ самихъ себя постигнуть изображаемое,—лишь тогда я могу надѣяться, что вы если и не полюбите религію, которую я хочу вамъ показать, то по крайней мѣрѣ сойдетесь въ пониманіи ея значенія и признаете ея высшую природу. Я хотѣлъ бы имѣть возможность показать вамъ ее въ какомъ-либо хорошо знакомомъ образѣ, чтобы вы тотчасъ же по ея чертамъ, по ея движеніямъ и манерамъ вспомнили, что вы гдѣ-то видѣли ее въ жизни. Но это невозможно; ибо въ томъ видѣ, какъ я хочу ее показать вамъ, въ ея первоначальномъ самобытномъ видѣ, она не выступаетъ публично, а лишь тайно открывается тѣмъ, кого она любитъ. Да и не къ одной только религіи примѣнимо, что то, въ чемъ она открыто выражается или чѣмъ она публично представлена, уже не есть вполнѣ она сама; напротивъ, о всемъ, что можетъ быть признано по внутренней своей сущности чѣмъ-либо самобытнымъ и своеобразнымъ, можно по праву сказать, то же самое, именно, что все внѣшнее, въ чемъ оно выражается, уже не всецѣло принадлежитъ ему и не точно ему соотвѣтствуетъ. Вѣдь даже языкъ не есть чистый продуктъ познанія, какъ и нравы не суть чистый продуктъ настроенія. Въ особенности это вѣрно теперь и въ отношеніи насъ. Ибо къ числу все болѣе развивающихся характерныхъ чертъ новаго времени, отличающихъ его отъ стараго, принадлежитъ то, что уже почти никто не есть что-либо особое, а всѣ суть все. Подобно тому, какъ образованные народы вступили въ столь многостороннее общеніе между собой, что ихъ своеобразный характеръ уже не выступаетъ чисто въ отдѣльныхъ моментахъ жизни,—такъ и въ предѣлахъ человѣческой души создано столь широкое и полное общеніе, что всякій элементъ души, который вы можете мысленно выдѣлить въ качествѣ отдѣльной способности, отнюдь не создаетъ столь же обособленно своихъ продуктовъ; напротивъ—разумѣется, въ общемъ и цѣломъ—каждая способность въ каждомъ своемъ отправленіи настолько проникается и опредѣляется предупре-

дительной любовью и поддержкой другой способности, что во всякомъ созданіи можно найти все, и хорошо уже, если вамъ удастся отличить въ этомъ соединеніи главную производящую силу. Поэтому каждый человѣкъ можетъ понять любую духовную дѣятельность лишь постольку, поскольку онъ можетъ одновременно найти и созерцать ее въ себѣ. И такъ какъ вы утверждаете, что у васъ нѣтъ такого знанія о религіи, то прежде всего, конечно, я долженъ постараться удержать васъ отъ тѣхъ смѣшеній, которыя столь естественно вытекаютъ изъ описаннаго положенія вещей. Итакъ, будемъ исходить изъ основныхъ моментовъ вашего собственнаго воззрѣнія и провѣримъ, правильно ли оно, или, если нѣтъ, то какъ мы могли бы изъ него достигнуть подлинно вѣрнаго взгляда.

Религія есть для васъ то образъ мыслей, вѣра, своеобразный способъ разсматривать міръ и связывать то, что мы въ немъ встрѣчаемъ; то способъ дѣйствія, своеобразная склонность и любовь, особый родъ поведенія и внутренней мотиваціи. Внѣ этого дѣленія на теоретическое и практическое вамъ трудно мыслить, и хотя религія относится одновременно къ обѣимъ сторонамъ, вы все же привыкли обращать въ каждомъ случаѣ вниманіе преимущественно на одну изъ нихъ. Разсмотримъ же ее отчетливо съ обѣихъ точекъ зрѣнія.

Что касается, прежде всего, дѣйственности, то въ ней вы вѣдь различаете двоякое, именно жизнь и искусство; приписываете ли вы вмѣстѣ съ поэтомъ жизни серьезность, а искусству—веселье, или какъ-либо иначе противопоставляете то и другое, во всякомъ случаѣ вы отдѣляете одно отъ другого. Лозунгомъ жизни должна быть обязанность, вашъ нравственный законъ долженъ опредѣлять ее, добродѣтель должна обнаружить въ ней свое господство, чтобы личность гармонировала съ общимъ порядкомъ міра и нигдѣ не вторгалась въ него, задерживая или нарушая его. И потому, какъ вы полагаете, человѣкъ можетъ обнаружить свою нравственную годность, причемъ въ немъ не будетъ замѣтно ни слѣда искусства; напротивъ, это совершенство должно достигаться строгими правилами, не имѣющими ничего общаго съ свободными, подвижными пред-

писаніями искусства. И вы даже считаете почти правиломъ, что у людей, которые точнѣе всего соблюдаютъ порядокъ жизни, искусство отступаетъ назадъ, и что они чужды ему. Напротивъ, художника должна вдохновлять фантазія, въ немъ всюду долженъ властвовать геній, и это есть для васъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ добродѣтель и нравственность; высшая мѣра геніальности можетъ, по вашему мнѣнію, существовать при низшей мѣрѣ нравственности; и вы даже склонны въ отношеніи художника нѣсколько смягчать строгія требованія жизни, потому что разсудительная сила часто терпитъ ущербъ отъ пламенной силы искусства. Но какъ же дѣло обстоитъ съ тѣмъ, что вы называете благочестіемъ, поскольку вы разсматриваете его, какъ своеобразный способъ поведенія? Относится ли оно къ указанной области жизни и есть въ ней нѣчто самостоятельное, слѣдовательно, нѣчто благое и похвальное, но все же отличное отъ нравственности—ибо вы не хотите вѣдь выдавать ихъ за одно и то же? Итакъ, нравственность не исчерпываетъ области, надъ которой она должна властвовать, если тамъ дѣйствуетъ на ряду съ ней иная сила, которая также имѣетъ правомѣрныя притязанія на эту область, и можетъ оставаться въ ней рядомъ съ первой? Или вы сведете вашу мысль къ тому, что благочестіе есть отдѣльная добродѣтель, и религія—отдѣльная обязанность, т.-е. подчините ее нравственности и включите въ послѣднюю, какъ часть включается въ цѣлое, и скажете, какъ иногда говорятъ, что существуютъ особыя обязанности въ отношеніи Бога, исполненіе которыхъ есть религія, т.-е. что религія есть часть нравственности, тогда какъ выполненіе всѣхъ обязанностей есть нравственность въ ея совокупности. Но не таково ваше мнѣніе, если я вѣрно понимаю ваши рѣчи, какъ я привыкъ ихъ слышать и какъ я ихъ теперь передалъ; ибо въ нихъ звучитъ мысль, что человѣкъ, исполненный благочестія, обладаетъ чѣмъ-то совершенно своеобразнымъ во всемъ складѣ своей жизни, и что нравственный человѣкъ можетъ быть всецѣло и совершенно нравственнымъ, не будучи при этомъ благочестивымъ. А каково же, съ другой стороны, отношеніе между искусствомъ и религіей? Врядъ ли они совер-

шенно чужды другъ другу; вѣдь издавна величайшее въ искусствѣ носитъ религіозный отпечатокъ. И если вы называете художника благочестивымъ, даете ли вы ему и тогда снисхожденіе въ отношеніи строгихъ требованій добродѣтели? Повидимому, нѣтъ; ибо онъ тогда подчиненъ послѣднимъ, какъ и всякій другой. Но тогда вы, оставаясь послѣдовательными, не должны допускать, чтобы люди жизни, если они хотятъ быть благочестивыми, были все же чужды искусства; напротивъ, они должны будутъ воспринять въ свою жизнь кое-что изъ этой области, и отсюда, быть можетъ, возникаетъ своеобразная форма, которую пріобрѣтаетъ ихъ жизнь. Но если ваше воззрѣніе приводитъ къ такому результату—а вѣдь что-либо подобное должно вытекать изъ него, такъ какъ иного выхода здѣсь не представляется—и если религія, такимъ образомъ, въ качествѣ формы поведенія есть смѣшеніе изъ указанныхъ двухъ началъ, смутная, подобно всѣмъ смѣсямъ, гдѣ оба элемента взаимно стѣсняютъ и ослабляютъ другъ друга,—то вѣдь это объясняетъ мнѣ только вашу антипатію къ религіи, но не ваше представленіе о ней. Ибо какъ можете вы называть чѣмъ-то самобытнымъ такую случайную мѣшанину двухъ элементовъ, даже если бы возникала точнѣйшая пропорціональность между обоими, но при условіи, что оба элемента въ неизмѣнномъ видѣ существуютъ одинъ на ряду съ другимъ? Но если это не такъ, если благочестіе есть подлинное внутреннее взаимопроникновеніе обоихъ началъ, то вамъ, я думаю, ясно, что здѣсь мое сравненіе уже неумѣстно и что такой синтезъ не могъ возникнуть черезъ привступленіе одного начала къ другому, а долженъ опираться на первоначальное единство обоихъ. Но я самъ предупреждаю васъ: берегитесь согласиться со мной въ этомъ! Ибо если бы дѣло обстояло такъ, то нравственность и геній въ обособленномъ состояніи были бы лишь односторонними продуктами дробленія религіи, выступающими наружу при ея гибели; религія была бы дѣйствительно высшимъ началомъ по сравненію съ двумя другими и истинно божественной жизнью. Но будьте съ своей стороны благодарны мнѣ за это предупрежденіе, если вы его принимаете, и сооб-

щите мнѣ, не найдется ли у васъ иного выхода, при которомъ ваше мнѣніе о религіи не представлялось бы лишеннымъ содержанія; пока же мнѣ не остается ничего иного, какъ допустить, что вы еще недостаточно изслѣдовали вопросъ и еще не уразумѣли себя самихъ въ отношеніи этой стороны религіи. Быть можетъ, лучшій исходъ получится при изслѣдованіи другой ея стороны, именно поскольку она разсматривается, какъ образъ мыслей и вѣра.

Одно, я полагаю, вы допустите вмѣстѣ со мной, именно что ваши знанія, сколь бы многосторонними они ни представлялись, все же распадаются на двѣ противоположныя науки. О дальнѣйшемъ дѣленіи этихъ наукъ и о названіяхъ, которыми вы ихъ обозначаете, я не хочу далѣе распространяться, ибо все это относится къ спорамъ вашихъ школъ, до которыхъ мнѣ здѣсь нѣтъ никакого дѣла. Но поэтому и вы должны оставить мелочную критику словъ, которыми я буду пользоваться для ихъ обозначенія, и не заботиться о томъ, къ какому подвиду они примѣнимы въ каждомъ частномъ случаѣ. Одну науку мы можемъ назвать физикой или метафизикой—все равно, однимъ ли изъ этихъ названій, или раздѣленной по этимъ двумъ обозначеніямъ, другую же—этикой или ученіемъ объ обязанностяхъ или практической философіей; во всякомъ случаѣ мы согласны въ отношеніи самой противоположности, которую я имѣю въ виду, именно, что одна изъ этихъ наукъ описываетъ природу вещей или—если вы ничего не хотите знать объ этомъ, и это кажется вамъ слишкомъ многимъ—то по крайней мѣрѣ представленія человѣка о вещахъ, о томъ, что есть міръ для него и какъ онъ можетъ его найти; другая же наука, напротивъ, учитъ, чѣмъ онъ долженъ быть для міра и что онъ долженъ дѣлать въ немъ. Но поскольку религія есть образъ мыслей о чемъ-либо и въ ней встрѣчается знаніе чего-либо, не имѣетъ ли она общаго предмета съ этими науками? О чемъ говоритъ вѣра, какъ не объ отношеніи человѣка къ Богу и міру, о томъ, для чего Богъ создалъ человѣка и въ какомъ смыслѣ міръ властенъ или не властенъ надъ человѣкомъ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣра знаетъ и полагаетъ нѣчто не изъ одной

этой области, но и изъ другой, ибо она тоже на свой ладъ различаетъ между хорошимъ и дурнымъ поведеніемъ. Неужели, такимъ образомъ, религія тождественна съ естествознаніемъ и нравственнымъ ученіемъ? Вы этого не полагаете; ибо вы не хотите допустить, что наша вѣра столь же обоснована и прочна, что она стоитъ на той же ступени достовѣрности, какъ ваше научное знаніе; напротивъ, вы упрекаете ее въ томъ, что она не умѣетъ различать между доказуемымъ и вѣроятнымъ. И точно такъ же вы не забываете усердно отмѣчать, что отъ религіи исходили часто весьма странныя предписанія поведенія и жизни; и вы, быть можетъ, вполнѣ правы; вы забываете только, что такъ же дѣло обстоитъ съ тѣмъ, что вы зовете наукой, и что въ обѣихъ ея областяхъ вы считаете необходимымъ многое исправлять въ ней, и мните себя выше своихъ отцовъ. И что же мы должны теперь сказать о сущности религіи? Признать ее снова смѣсью, составленной изъ сочетанія теоретическаго и практическаго знанія? Но вѣдь это еще менѣе допустимо въ области знанія, особенно потому, что каждая изъ указанныхъ двухъ отраслей его имѣетъ свои особые пріемы въ построеніи знанія. Такое смѣшеніе могло бы возникнуть лишь совершенно произвольно, и въ немъ оба элемента либо безпорядочно сталкивались бы между собой, либо же снова отстаивались и обособлялись другъ отъ друга; и врядъ ли такая смѣсь дала бы намъ что-либо, кромѣ развѣ возможности сообщить начинающимъ нѣкоторые результаты знанія и внушить имъ охоту къ самому дѣлу. Если таково ваше мнѣніе, почему же вы возстаете противъ религіи? Вѣдь пока на свѣтѣ существуютъ новички, вы можете спокойно и безопасно сохранить ее. Вы могли бы лишь улыбаться надъ страннымъ самообманомъ, въ который мы впадаемъ, когда выражаемъ притязаніе совершенствовать васъ съ ея помощью; ибо вы слишкомъ хорошо знаете, что вы далеко оставили ее за собой и что она всегда изготовляется лишь вами, людьми знанія, для нашего употребленія, такъ что вы были бы не правы, если бы проронили хоть одно серьезное слово по этому вопросу. Но не такъ, я полагаю, обстоитъ дѣло. Ибо, если я

не ошибаюсь, вы уже давно заняты попытками сообщить народнымъ массамъ краткія извлеченія изъ вашего знанія; назовете ли вы это религіей, или просвѣщеніемъ, или какъ-нибудь иначе—это безразлично; но при этомъ вы считаете нужнымъ сначала изгнать изъ народнаго сознанія нѣчто иное, содержащееся въ немъ, или, если его не имѣется, то воспрепятствовать его доступу въ сознаніе, и именно этотъ объектъ вашей полемики, а не товаръ, который вы сами распространяете, вы называете вѣрой. Но такимъ образомъ, дорогіе мои, вѣра должна быть все же чѣмъ-то инымъ, а не указанной смѣсью мнѣній о Богѣ и мірѣ и заповѣдей для этой или иной жизни; и благочестіе должно быть чѣмъ-то инымъ, а не инстинктомъ, который влечетъ къ этимъ метафизическимъ и моральнымъ крохамъ и изготовляетъ себѣ мѣшанину изъ нихъ. Ибо иначе вы врядъ ли стали бы спорить противъ него, и вамъ не впало бы въ голову говорить о религіи, какъ о чемъ-то, что отлично отъ вашего знанія; споръ образованныхъ и знающихъ съ вѣрующими былъ бы тогда лишь борьбой глубины и основательности противъ поверхностнаго знанія, борьбой учителей противъ учениковъ, которые не во́-время хотятъ отдаться досугу. Но если бы вы все же держались этого мнѣнія, то я хотѣлъ бы потревожить васъ разнаго рода сократовскими вопросами и принудить нѣкоторыхъ изъ васъ, наконецъ, къ открытому отвѣту на вопросъ, можетъ ли кто-либо быть одновременно мудрымъ и благочестивымъ, или спросить всѣхъ васъ, знаете ли вы и въ другихъ областяхъ принципы, по которымъ обобщается сходное и частное подчиняется общему, или же вы только здѣсь не желаете ихъ примѣнять и пускаетесь въ шутки по такому серьезному вопросу. Но если это не такъ, то въ чемъ же тутъ дѣло? Какимъ образомъ то, что въ наукѣ обособлено и раздѣлено на двѣ области, столь неразрывно соединено и связано между собой въ вѣрѣ, что одно не можетъ мыслиться безъ другого? Ибо вѣрующій полагаетъ, что никто не способенъ различать надлежащее поведеніе, не зная одновременно отношенія человѣка къ Богу, и наоборотъ. Если связующій принципъ лежитъ въ теоретической области, почему

же вы противопоставляете ей практическую философію, а не разсматриваете послѣднюю лишь какъ отдѣлъ первой? И тотъ же вопросъ примѣнимъ къ обратному соотношенію. Но обстоитъ ли дѣло такъ, или обѣ области, которыя вы обычно противопоставляете, находятъ свое единство въ нѣкоторомъ высшемъ первичномъ знаніи, вы все же не можете повѣрить, чтобы этимъ высшимъ возстановленнымъ единствомъ знанія была религія, которую вы встрѣчаете и оспариваете чаще всего у тѣхъ, кто болѣе всего удаленъ отъ науки. И я самъ не буду склонять васъ къ этому, ибо я не хочу занимать мѣста, котораго я не могъ бы удержать [1]); но вы согласитесь со мной, что и въ отношеніи этой стороны религіи вамъ еще надлежитъ заняться изслѣдованіемъ, что собственно она означаетъ.

Будемъ говорить откровенно. Вы не любите религіи—это было исходной точкой нашей бесѣды; но ведя противъ нея честную войну, которая все же стоитъ вамъ нѣкоторыхъ усилій, вы, однако, не захотите утверждать, что боретесь съ призракомъ, подобнымъ тому, надъ которымъ мы теперь бьемся. Она должна же быть чѣмъ-то самобытнымъ, что можетъ своеобразно развиваться въ сердцѣ людей, чѣмъ-то мыслимымъ, сущность чего поддается самостоятельному опредѣленію, такъ чтобы о ней можно было бы говорить и спорить; и я нахожу весьма неправильнымъ, что вы, создавъ совершенно несостоятельное механическое соединеніе изъ столь разнородныхъ вещей, какъ познаніе и поведеніе, называете его религіей и такъ много и безцѣльно хлопочете надъ нимъ. Вы будете отрицать, что лукавили въ этомъ вопросѣ; вы потребуете, чтобы я развернулъ всѣ документы религіи—такъ какъ я вѣдь уже отвергъ системы, комментаріи и апологіи,—начиная съ прекрасныхъ поэтическихъ твореній грековъ вплоть до священныхъ писаній христіанъ; развѣ не вездѣ въ нихъ находятся указанія на природу боговъ и ихъ волю, и не вездѣ ли признаются святыми и блаженными тѣ, кто познаютъ первую и выполняютъ послѣднюю? Но вѣдь именно это я имѣлъ въ виду, когда говорилъ вамъ, что религія никогда не проявляется въ чистомъ видѣ, но что ея внѣшній образъ опредѣляется, сверхъ

того, еще чѣмъ то внѣшнимъ, и что нашей задачей является именно извлечь отсюда ея сущность, а не прямолинейно и цѣликомъ принять ея внѣшнюю форму за внутреннее содержаніе, какъ это вы, повидимому, дѣлаете. Вѣдь и тѣлесный міръ не даетъ вамъ въ чистомъ видѣ ни одного своего первичнаго элемента, въ качествѣ добровольнаго созданія природы—если только и здѣсь, какъ это случилось съ вами въ интеллектуальной сферѣ, вы не примете за простое начало весьма грубыя вещи; напротивъ, открытіе такого первичнаго элемента есть лишь безконечная цѣль аналитическаго искусства. Такъ и въ духовной области первичное не можетъ быть достигнуто только, если вы осуществите въ себѣ какъ бы второе искусственное его твореніе, да и то лишь на то мгновеніе, когда вы его осуществляете. Я прошу васъ, уразумѣйте самихъ себя въ этомъ отношеніи, и все будетъ вамъ напоминать объ этомъ. Что же касается документовъ и автографовъ религіи, то ихъ близость къ вашимъ наукамъ о бытіи и дѣйствованіи или о природѣ и духѣ есть не только ихъ неизбѣжная судьба, такъ какъ они могутъ заимствовать свой языкъ лишь изъ этихъ областей, но есть для нихъ и существенная необходимость, неотдѣлимая отъ самой ихъ цѣли: чтобы проложить себѣ путь и подготовить сознаніе къ воспріятію своего болѣе высокаго предмета, они должны примыкать къ болѣе или менѣе научнымъ мыслямъ объ этихъ предметахъ. Вѣдь то, что представляется первымъ и послѣднимъ въ какомъ-либо произведеніи, не всегда есть его глубочайшее содержаніе. Еслибы вы только умѣли читать между строкъ! Всѣ священныя писанія подобны тѣмъ скромнымъ книгамъ, которыя не такъ давно были въ ходу въ нашемъ скромномъ отечествѣ и которыя подъ бѣднымъ заглавіемъ обсуждали важнѣйшіе вопросы, и, обѣщая лишь отдѣльныя разъясненія, пытались проникнуть въ глубочайшія глубины. Такъ и священныя писанія, правда, примыкаютъ къ метафизическимъ и моральнымъ понятіямъ—если они не даютъ непосредственнаго поэтическаго подъема, что вамъ обыкновенно менѣе всего нравится—и по виду почти исчерпываютъ свою задачу въ этомъ кругу; но мы требуемъ отъ васъ, чтобы вы проникли сквозь эту ви-

димость и позади нея познали ихъ истинныя намѣренія. Такъ и природа производитъ благородные металлы въ видѣ руды, въ соединеніи съ низшими субстанціями, но вашъ разумъ умѣетъ все же открывать и возсоздавать ихъ въ ихъ прекрасномъ блескѣ. Священныя писанія предназначались не для однихъ только зрѣлыхъ людей вѣры, но и преимущественно для дѣтей вѣры, для вновь посвященныхъ, для тѣхъ, кто стоятъ у порога и ждутъ приглашенія. Какъ же могли они избѣгнуть того пріема, которымъ я именно теперь пользуюсь въ отношеніи васъ? Они должны были исходитъ изъ даннаго и искать въ немъ средствъ къ болѣе сильному напряженію и повышенному настроенію души, когда и новое сознаніе, которое они хотѣли пробудить, можетъ быть вызвано изъ темныхъ нѣдръ. И развѣ въ способѣ отношенія къ этимъ понятіямъ, въ пластической дѣятельности, хотя часто въ области бѣднаго и неблагодарнаго языка, вы не узнаете стремленія прорваться изъ низшей сферы въ высшую? Такая передача мыслей, вы сами это видите, не могла быть иной, чѣмъ поэтической или риторической; а что же ближе послѣднему, чѣмъ діалектическое? Не оно ли издавна употреблялось удачнѣе всего, чтобы открыть высшую природу какъ познанія, такъ и внутренняго чувства? Но, конечно, эта цѣль не достигается, если кто не идетъ дальше внѣшняго одѣянія. И такъ какъ дѣло зашло такъ далеко, что въ священныхъ писаніяхъ ищутъ преимущественно метафизики и морали и оцѣниваютъ ихъ по результатамъ этихъ поисковъ, то мнѣ казалось своевременнымъ подойти къ вопросу съ другого конца и начать съ рѣзкой противоположности, въ которой наша вѣра стоитъ къ вашей морали и метафизикѣ, и наше благочестіе—къ тому, что вы обычно называете нравственностью. Вотъ къ чему я стремился и отъ чего отвлекся въ сторону, чтобы сперва освѣтить господствующее среди васъ представленіе. Теперь это выполнено, и я возвращаюсь назадъ.

Итакъ, чтобы совершенно точно явить и изобразить вамъ свое первичное и самобытное достояніе, религія предварительно отказывается отъ всякихъ притязаній на что-либо принадле-

жащее обѣимъ областямъ науки и нравственности и хочетъ вернуть все, что она сама заимствовала оттуда, либо что ей было навязано. Къ чему собственно стремится ваша наука бытія, ваше естествознаніе, въ которомъ вѣдь должно соединяться все реальное содержаніе вашей теоретической философіи? Я полагаю—познавать вещи въ ихъ самобытной сущности; установить особыя отношенія, въ силу которыхъ каждая вещь есть то, что она есть; опредѣлить мѣсто каждой въ цѣломъ, и правильно различать ее отъ всѣхъ остальныхъ; установить все реальное въ его взаимообусловленной необходимости и показать однородность всѣхъ явленій съ ихъ вѣчными законами. Это дѣло поистинѣ прекрасно и великолѣпно, и я не склоненъ принижать его; напротивъ, если мое, мимоходомъ брошенное и еле намѣченное описаніе его васъ не удовлетворяетъ, то я готовъ признать съ вами все высшее и наиболѣе исчерпывающее, что вы только можете сказать о знаніи и о наукѣ; но если бы вы даже пошли еще дальше и указали мнѣ, что естествознане ведетъ еще выше — отъ законовъ природы къ высочайшему и вселенскому Управителю, въ которомъ дано единство всего, и что вы не познаете природы, не постигая вмѣстѣ съ тѣмъ и Бога,—то я все же утверждаю, что религія не имѣетъ никакого отношенія даже и къ этому знанію, и что ея сущность воспринимается внѣ участія послѣдняго. Ибо мѣра знанія не есть мѣра благочестія; напротивъ, послѣднее можетъ открыться во всемъ своемъ величіи, со всей своей исконностью и самобытностью, даже въ томъ, кто самъ по себѣ не имѣетъ этого знанія, а лишь, какъ всякій иной, заимствуетъ отдѣльныя части его отъ другихъ. Болѣе того, благочестивый человѣкъ охотно согласится, даже если вы нѣсколько высокомѣрно отнесетесь къ нему за это, что, какъ таковой—если онъ не есть одновременно и мудрецъ—онъ обладаетъ знаніемъ не такъ, какъ вы; и я хочу открыто истолковать вамъ, что большинство изъ нихъ только чувствуютъ, но чего они не объясняютъ — именно, что если вы ставите Бога во главѣ вашей науки, какъ основу всего познанія или также и всего познаваемаго, они находятъ это,

правда, похвальнымъ и почтеннымъ, но не видятъ въ этомъ своего способа имѣть Бога и знать о немъ—способа, изъ котораго, какъ они охотно признаются и какъ это достаточно видно на нихъ самихъ, не вытекаетъ познаніе и наука. Для религіи, правда, существенно размышленіе, и кто живетъ съ замкнутыми тупыми чувствами, чей духъ не открытъ для жизни міра, того вы никогда не назовете благочестивымъ; но это размышленіе не направлено, подобно вашему естествознанію, на сущность конечнаго въ связи съ другимъ конечнымъ или въ противоположность ему, или, подобно вашему богопознанію—если мнѣ позволено употребить мимоходомъ старыя выраженія—на сущность высшей причины самой по себѣ или въ ея отношеніе къ тому, что одновременно есть и причина, и слѣдствіе; напротивъ, религіозное размышленіе есть лишь непосредственное сознаніе, что все конечное существуетъ лишь въ безконечномъ и черезъ него, все временное—въ вѣчномъ и черезъ него. Искать и находить это вѣчное и безконечное во всемъ, что живетъ и движется, во всякомъ ростѣ и измѣненіи, во всякомъ дѣйствіи, страданіи, и имѣть и знать въ непосредственномъ чувствѣ саму жизнь, лишь какъ такое бытіе въ безконечномъ и вѣчномъ—вотъ что есть религія. Она удовлетворена, когда находитъ это бытіе; гдѣ послѣднее скрыто, тамъ для нея преграда и тревога, нужда и смерть. И потому она, конечно, есть жизнь въ безконечной природѣ цѣлаго, во всеединомъ, въ Богѣ,—жизнь, обладающая Богомъ во всемъ и всѣмъ въ Богѣ. Но она не есть знаніе и познаваніе—ни міра, ни Бога; такое знаніе она лишь признаетъ, не отождествляя себя съ нимъ; оно есть для нея также движеніе и откровеніе безконечнаго въ конечномъ, которое, подобно всему остальному, она видитъ въ Богѣ и въ которомъ она видитъ Бога.—И точно такъ же, къ чему стремится ваше нравственное ученіе, ваша наука о поведеніи? И она хочетъ разъяснять въ человѣческомъ дѣйствованіи и творчествѣ отдѣльные моменты въ ихъ опредѣленности, и также для того, чтобы развить ихъ въ обоснованную и стройную систему. Но благочестивый человѣкъ признается вамъ, что, какъ таковой,

онъ и объ этомъ ничего не знаетъ. Онъ, правда, размышляетъ о человѣческомъ поведеніи, но это размышленіе отнюдь не тождественно съ тѣмъ, изъ котораго возникаетъ указанная система; онъ ищетъ и чуетъ во всемъ лишь одно, именно дѣйствованіе черезъ Бога, дѣйствіе Бога въ людяхъ. Правда, если ваше нравственное ученіе вѣрно и если его благочестіе вѣрно, то онъ признаетъ божественнымъ не иное поведеніе, чѣмъ то, которое включено и въ вашу систему; но знать и строить саму эту систему есть дѣло ваше, людей знанія, а не его. И если вы не хотите этому вѣрить, то взгляните на женщинъ, которыя, по вашему собственному признанію, обладаютъ религіей; если она есть для нихъ не украшеніе и нарядъ, если вы отъ нихъ требуете тончайшаго чувства въ различеніи божественнаго поведенія отъ иного, то требуете ли вы вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы онѣ понимали ваше нравственное ученіе, какъ науку?— И то же самое, коротко говоря, относится и къ самому дѣйствованію. Художникъ творитъ, что дано ему творить, въ силу своего особаго таланта; и такіе таланты настолько раздѣлены, что кто владѣетъ однимъ, лишенъ другого, если онъ не хочетъ, противъ воли неба, обладать всѣми сразу; но никогда вы не спрашиваете, если кого-либо при васъ прославляютъ за благочестіе, которое изъ этихъ дарованій ему присуще въ силу его благочестія. Гражданскій человѣкъ—я беру это слово въ древнемъ, а не въ убогомъ современномъ смыслѣ—руководитъ, управляетъ, движетъ въ силу своей нравственности. Но эта нравственность есть нѣчто иное, чѣмъ благочестіе; ибо послѣднее имѣетъ и страдательную сторону, оно является, какъ отдача своей личности, какъ самоподчиненіе цѣлому, которому противостоитъ человѣкъ, тогда какъ нравственность обнаруживается всегда лишь, какъ вмѣшательство въ цѣлое, какъ самоопредѣленіе. И потому нравственность всецѣло связана съ сознаніемъ свободы, къ области которой относится все, что она творитъ; благочестіе, напротивъ совсѣмъ не прикрѣплено къ этой сторонѣ жизни, а столь же жизненно и въ противоположной области необходимости, гдѣ нѣтъ никакого самостоятельнаго дѣйствованія отдѣльнаго лица. Значитъ, они все же различаются

между собой; и если благочестіе съ радостью взираетъ на всякое дѣйствованіе черезъ Бога, на всякую дѣятельность, черезъ которую въ конечномъ проявляется безконечное, то оно все же не есть сама эта дѣятельность. Такъ утверждаетъ оно свою собственную область и свой самобытный характеръ лишь тѣмъ, что оно безусловно выходитъ за предѣлы и науки, и практики, и лишь когда оно стоитъ рядомъ съ послѣдними, общая сфера духа всецѣло заполнена, и человѣческая природа съ этой стороны завершена. Благочестіе обнаруживается передъ вами, какъ необходимое и неизбѣжное третье начало, дополняющее первыя два, какъ ихъ естественная противоположность, обладающая не меньшимъ достоинствомъ и величіемъ, чѣмъ любое изъ нихъ.

Я прошу васъ не придавать моей мысли нелѣпаго толкованія и не думать, будто, по моему мнѣнію, каждое изъ этихъ началъ можетъ существовать безъ иного, и будто кто-либо можетъ обладать религіей и быть благочестивымъ, но при этомъ быть безнравственнымъ. Это, конечно, невозможно. Но, замѣтьте, столь же невозможно, по моему мнѣнію, чтобы человѣкъ могъ быть нравственнымъ безъ религіи или научнымъ безъ нея. И если бы вы, не безъ основанія, пожелали заключить изъ сказаннаго, что, на мой взглядъ, можно имѣть религію, не имѣя науки, и что я самъ положилъ начало такому раздѣленію, то позвольте напомнить вамъ, что я и здѣсь разумѣлъ лишь то же самое, именно, что благочестіе не есть мѣра науки. Но сколь мало человѣкъ можетъ быть истинно научнымъ, не будучи религіознымъ, столь же мало религіозный человѣкъ можетъ имѣть ложное знаніе, хотя бы онъ былъ несвѣдущимъ; ибо его собственное бытіе не принадлежитъ къ тому низшему роду, который—согласно старому принципу, что равное познается лишь равнымъ—не содержалъ бы въ себѣ ничего познаваемаго, кромѣ небытія подъ обманчивой видимостью бытія. Напротивъ, оно есть истинное бытіе, которое и познаетъ истинное бытіе, а гдѣ послѣднее ему не встрѣчается, тамъ оно и не мнитъ видѣть что-либо. А какая драгоцѣнная жемчужина науки есть, по моему мнѣнію, невѣдѣніе для того, кто окованъ

обманчивой видимостью, это вы знаете изъ моихъ рѣчей, и если вы сами еще не убѣждены въ этомъ, то научитесь этому отъ вашего Сократа. Итакъ, признайте, что я по крайней мѣрѣ согласенъ съ самимъ собой и что подлинная и истинная противоположность знанія есть не невѣдѣніе, которое вѣдь всегда примѣшивается къ вашему знанію, а то мнимое знаніе, которое также и притомъ вѣрнѣе всего устраняется благочестіемъ, такъ что оно не можетъ существовать совмѣстно съ послѣднимъ. Поэтому не обвиняйте меня въ томъ, что я устанавливаю такое раздѣленіе между знаніемъ и благочестіемъ или между дѣйствованіемъ и благочестіемъ; вы не можете дѣлать это, не приписывая мнѣ незаслуженно вашего собственнаго воззрѣнія и вашего столь же привычнаго, сколь неизбѣжнаго заблужденія, того самого заблужденія, которое я хотѣлъ бы уяснить вамъ въ зеркалѣ моей рѣчи. Не для меня, а для васъ самихъ, не признающихъ религіи, какъ чего-то третьяго на ряду съ двумя другими началами, знаніе и дѣйствованіе настолько расходятся между собой, что вы не усматриваете ихъ единства, а полагаете, что можно обладать истиннымъ знаніемъ и быть лишеннымъ вѣрнаго поведенія, и наоборотъ. Именно потому, что раздѣленіе, которое я примѣняю при изслѣдованіи, гдѣ оно необходимо, вы переносите на жизнь, хотя и пренебрегаете имъ въ изслѣдованіи—какъ будто въ самой жизни то, о чемъ мы говоримъ, можетъ существовать раздѣльно и независимо одно отъ другого,—именно поэтому вы не имѣете живого созерцанія ни одной изъ этихъ дѣятельностей, а каждая изъ нихъ становится для васъ чѣмъ-то раздѣленнымъ и оторваннымъ; ваше представленіе всюду бѣдно и носитъ на себѣ печать ничтожества, такъ какъ вы лишены живого участія въ живомъ. Истинная наука есть законченное созерцаніе; истинная практика есть самопроизвольное развитіе и искусство; истинная религія есть чувство и вкусъ къ безконечному. Желать имѣть одну изъ нихъ безъ остальныхъ или мнить, что имѣешь ее,—это есть дерзостный, высокомѣрный самообманъ, кощунственное заблужденіе, проистекающее изъ нечестиваго настроенія, которое предпочитаетъ трусливо и нагло похищать и все

же лишь мнимо завладѣвать тѣмъ, чего оно могло бы спокойно требовать и ожидать. Что можетъ человѣкъ создавать цѣннаго въ жизни и въ искусствѣ, какъ не то, что родилось въ немъ самомъ черезъ пробужденіе религіознаго чувства? и какъ можетъ человѣкъ научно охватить міръ или, если и познаніе дается ему черезъ опредѣленный талантъ, осуществлять послѣдній безъ этого чувства? Вѣдь что такое вся наука, какъ не бытіе вещей въ васъ, въ вашемъ разумѣ? Что такое все искусство и творчество, какъ не ваше бытіе въ вещахъ, которымъ вы придаете мѣру, образъ и порядокъ? И развѣ не постольку лишь можетъ то и другое созрѣть въ васъ къ жизни, поскольку въ васъ непосредственно живетъ вѣчное единство разума и природы, всеобщее бытіе всего конечнаго въ безконечномъ? [2]) Поэтому вы найдете, что всякій истинно знающій вмѣстѣ въ тѣмъ благочестивъ и религіозенъ, и гдѣ вы увидите науку безъ религіи, тамъ будьте увѣрены, что она либо заимствована и воспринята черезъ обученіе, либо же внутренне больна, если только она не принадлежитъ къ той пустой видимости, которая совсѣмъ не есть знаніе, а лишь служитъ потребности. И не таково ли это выведеніе и взаимное переплетеніе понятій, которое столь же безжизненно, сколь мало соотвѣтствуетъ живому, или, въ области нравственнаго ученіи, это убогое однообразіе, которое мнитъ постичь высшую человѣческую жизнь въ единой мертвой формулѣ? Какъ можетъ возникнуть послѣднее иначе, чѣмъ при отсутствіи общаго чувства живой природы, которая всюду устанавливаетъ многообразіе и самобытность? Какъ можетъ возникнуть первое иначе, чѣмъ при отсутствіи сознанія, что сущность и границы конечнаго опредѣлимы лишь изъ безконечнаго, если конечное должно само быть безконечнымъ въ своихъ границахъ? Отсюда господство одного лишь понятія; отсюда, вмѣсто органическаго строенія, механическое хитроуміе вашихъ системъ; отсюда пустая игра съ аналитическими формулами—будь онѣ категорическими или гипотетическими—,оковъ которыхъ не хочетъ выносить жизнь. Если вы хотите пренебречь религіей, если вы боитесь отдаться влеченію къ первич-

ному и благоговѣнію передъ нимъ, то и наука не явится на вашъ зовъ; ибо она должна была бы или стать столь же низкой, какъ ваша жизнь, или же отдѣлиться отъ нея и остаться въ одиночествѣ; а въ такомъ раздвоеніи она не можетъ процвѣтать. Когда человѣкъ не сливается съ вѣчнымъ въ непосредственномъ единствѣ созерцанія и чувства, онъ въ производномъ единствѣ сознанія остается всегда отдѣленнымъ отъ него. И потому, къ чему приведетъ высшее проявленіе умозрѣнія нашихъ дней, завершенный и всеобъемлющій идеализмъ, если онъ не погрузится снова въ это единство, чтобы религіозное смиреніе открыло его гордости иной реализмъ, чѣмъ тотъ, который онъ такъ смѣло и съ такимъ правомъ подчиняетъ себѣ? Онъ уничтожитъ вселенную, желая, повидимому, сотворить ее; онъ низведетъ ее до значенія простой аллегоріи, призрачной тѣни односторонней ограниченности своего пустого сознанія! Съ благоговѣніемъ преклонитесь со мной передъ тѣнью святого, отверженнаго Спинозы! Его проникалъ высокій міровой духъ, безконечное было его началомъ и концомъ, вселенная— его единственной и вѣчной любовью; съ святой невинностью и съ глубокимъ смиреніемъ онъ отражался въ вѣчномъ мірѣ, и былъ самъ его достойнѣйшимъ зеркаломъ; онъ былъ исполненъ религіи и святого духа; и потому онъ стоитъ одиноко и недосягаемо, какъ мастеръ своего искусства, но возвышаясь надъ непосвященнымъ цехомъ, безъ учениковъ и безъ права гражданства.

Долженъ ли я еще показать вамъ, что то же примѣнимо и къ искусству? Что вы и здѣсь по той же причинѣ имѣете тысячи тѣней и блуждающихъ огней и обмановъ? Лишь молча— ибо новая и глубокая скорбь не знаетъ словъ — я хочу вамъ указать на одинъ великій примѣръ, который вы должны были бы знать такъ же хорошо, какъ и приведенный примѣръ мыслителя,—на преждевременно усопшаго божественнаго юношу, для котораго все, чего касался его духъ, было искусствомъ, и все міросозерцаніе—одной великой поэмой,— на юношу, котораго вы, хотя онъ едва произнесъ свои первые звуки, должны причислить къ самымъ богатымъ поэтамъ, соединяющимъ

глубину съ ясностью и жизненностью. Узрите въ немъ силу воодушевленія и разсудительности благочестивой души и признайте, что, когда философы станутъ религіозными и будутъ искать Бога, какъ Спиноза, а художники станутъ благочестивыми и будутъ любить Христа, какъ Новалисъ, тогда будетъ отпраздновано великое воскресеніе обоихъ міровъ.[3])

Но чтобы понять, что я разумѣю подъ этимъ единствомъ науки, религіи и искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ ихъ различіемъ, попытайтесь проникнуть вмѣстѣ со мной въ глубочайшее святилище жизни; можетъ быть, намъ удастся сообща оріентироваться въ немъ. Лишь тамъ вы найдете первичное отношеніе чувства и созерцанія, изъ котораго только и можно понять ихъ единство и ихъ раздѣленіе. Но я долженъ отослать васъ къ вамъ самимъ, къ вашему собственному воспріятію живого мгновенія. Вы должны сумѣть уловить себя самихъ до начала сознанія или по крайней мѣрѣ вывести для себя состояніе сознанія изъ предшествующаго ему. Вы должны замѣтить возникновеніе вашего сознанія, а не размышлять надъ уже возникшимъ. Какъ только вы дѣлаете предметомъ сообщенія или размышленія данную опредѣленную дѣятельность вашей души, вы уже находитесь въ предѣлахъ раздробленнаго, и лишь раздѣленное можетъ объять ваша мысль. Поэтому моя рѣчь не можетъ подвести васъ къ какому-либо опредѣленному примѣру; ибо какъ только что-либо становится примѣромъ, такъ уже прошло то, что хочетъ показать моя рѣчь, и я могъ бы обнаружить передъ вами лишь слабый слѣдъ первоначальнаго единства раздѣленнаго. Но и этимъ я не хочу пока пренебречь. Уловите себя въ мгновеніе, когда вы рисуете образъ какого-либо предмета; не найдете ли вы, что съ этимъ связано состояніе, когда вы сами какъ бы возбуждены и опредѣляемы предметомъ, и что это состояніе образуетъ особый моментъ вашего бытія? Чѣмъ опредѣленнѣе вырисовывается вашъ образъ, чѣмъ болѣе вы, такимъ образомъ, становитесь предметомъ, тѣмъ болѣе вы теряете самихъ себя. Но именно потому, что вы можете прослѣдить въ процессѣ возникновенія перевѣсъ одного элемента и отступленіе назадъ другого—развѣ

не должны были оба быть чѣмъ-то единымъ и тождественнымъ въ томъ первоначальномъ моментѣ, который ускользнулъ отъ васъ? Или вы находите себя погруженными въ себя самихъ, и все, что вы въ иное время созерцаете въ себѣ раздѣльно, какъ многообразіе, неразрывно сливается теперь въ самобытное содержаніе вашего бытія. Но развѣ, наблюдая себя, вы не подмѣтите мимолетнаго образа предмета, изъ дѣйствія котораго на васъ, изъ волшебнаго прикосновенія котораго исходило ваше опредѣленное самосознаніе? Чѣмъ болѣе растетъ и проникаетъ васъ ваше возбужденіе и ваша подчиненность этому возбужденію, чтобы, несмотря на свою мимолетность, оставить непроходящій слѣдъ въ воспоминаніи, наложить свою окраску и печать и на все новое, что́ ближайшимъ образомъ встрѣтится вамъ, и тѣмъ соединить два мгновенія въ длительность времени,—чѣмъ болѣе, повторяю, ваше состояніе овладѣваетъ вами, тѣмъ блѣднѣе и незамѣтнѣе становится этотъ образъ. Но именно потому, что онъ блѣднѣетъ и исчезаетъ, онъ былъ сначала ближе и ярче, былъ первоначально тождественнымъ съ вашимъ чувствомъ. Но, повторяю, все это только слѣды, и вы врядъ ли ихъ поймете, если не захотите вернуться къ первому началу этого сознанія. И неужели вы не сможете сдѣлать это? Скажите, что такое есть каждый актъ вашей жизни, внѣ отличія отъ другихъ, самъ по себѣ, разсматриваемый въ самой общей и первоначальной формѣ? Очевидно, то же самое, что есть и цѣлое, но только въ видѣ акта или момента. Онъ есть, слѣдовательно, возникновеніе бытія для себя, и возникновеніе бытія въ цѣломъ, то и другое одновременно; стремленіе вернуться въ цѣлое и стремленіе къ самостоятельной жизни—то и другое одновременно; это—кольца, изъ которыхъ составлена вся цѣпь; ибо вся ваша жизнь есть такое, сущее въ цѣломъ, бытіе для себя. Но въ силу чего вы находитесь въ цѣломъ? Въ силу вашихъ воспріятій, я полагаю, ибо надо воспринимать, чтобы быть въ цѣломъ. А въ силу чего вы существуете для себя? Въ силу единства вашего самосознанія, которое вы прежде всего имѣете въ чувствѣ, въ поддающейся сравненію смѣнѣ въ немъ „большаго“

и „меньшаго“. А какимъ образомъ то и другое можетъ возникать лишь одновременно, если оба совмѣстно образуютъ каждый актъ жизни, — это вѣдь нетрудно увидѣть. Вы становитесь сознаніемъ, и цѣлое становится предметомъ, и это взаимное сліяніе и единеніе сознанія и предмета, пока еще то и другое не вернулось на свое мѣсто, пока предметъ еще не оторвался отъ сознанія и не сталъ объективнымъ представленіемъ, и вы сами не оторвались отъ сознанія и не стали чувствомъ,—это предшествующее состояніе и есть то, что я имѣю въ виду, тотъ моментъ, который вы каждый разъ переживаете, но вмѣстѣ и не переживаете, ибо явленіе вашей жизни есть лишь результатъ его постояннаго прекращенія и возвращенія. Именно потому онъ почти не находится во времени, такъ онъ спѣшитъ пройти; и онъ едва можетъ быть описанъ, такъ мало онъ собственно данъ намъ. Но я хотѣлъ бы, чтобы вы могли задержать его и свести къ нему всѣ виды вашей дѣятельности, отъ низшаго до высшаго, ибо всѣ они равны въ немъ. Если бы я смѣлъ уподобить его, такъ какъ я не могу его описать, то я сказалъ бы, что онъ бѣглъ и прозраченъ, какъ запахъ, который роса навѣваетъ на цвѣты и плоды, что онъ стыдливъ и нѣженъ, какъ дѣвственный поцѣлуй, святъ и плодотворенъ, какъ брачное объятіе. И можно сказать, что онъ не только подобенъ всему этому, но и дѣйствительно есть все это. Онъ есть первая встрѣча всеобщей жизни съ частной, онъ не заполняетъ времени и не образуетъ ничего осязательнаго; онъ есть непосредственное, лежащее за предѣлами всякаго заблужденія и непониманія, священное сочетаніе вселенной съ воплотившимся разумомъ въ творческомъ, зиждительномъ объятіи. Тогда вы непосредственно лежите на груди безконечнаго міра, въ это мгновеніе вы—его душа, ибо вы чувствуете, хотя лишь черезъ одну изъ его частей, всѣ его силы и всю его безконечную жизнь, какъ ваши собственныя; онъ въ это мгновеніе есть ваше тѣло, ибо вы проникаете въ его мускулы и члены, какъ въ свои собственные, и ваше чувство и чаяніе приводитъ въ движеніе его глубочайшіе нервы. Таково первое зачатіе всякаго живого и первичнаго момента въ вашей жизни, къ

какой бы области онъ ни принадлежалъ, и изъ него вырастаетъ, слѣдовательно, и всякое религіозное возбужденіе. Но, повторяю, оно не длится даже мгновенія; взаимопроникновеніе бытія въ этомъ непосредственномъ союзѣ прекращается, какъ только наступаетъ сознаніе, и тогда передъ вами либо выступаетъ все живѣе и яснѣе представленіе, подобно образу ускользающей возлюбленной передъ очами юноши, либо же извнутри прорывается чувство и, расширяясь, заполняетъ все ваше существо, подобно тому, какъ краска стыда и любви покрываетъ лицо дѣвушки. И когда ваше сознаніе опредѣлилось, какъ одно изъ двухъ, какъ представленіе или чувство, тогда—если вы не подпали всецѣло этому раздѣленію и не потеряли въ единичномъ истинное сознаніе своей жизни—у васъ остается лишь знаніе первоначальнаго единства обѣихъ раздѣленныхъ частей, ихъ одинаковое происхожденіе изъ основы вашего бытія. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, истинно то, чему училъ васъ древній мудрецъ,—что всякое знаніе есть воспоминаніе—,воспоминаніе о томъ, что лежитъ внѣ времени, но именно потому можетъ по праву быть поставлено во главѣ всего временнаго.

Каково, съ одной стороны, отношеніе между представленіемъ и чувствомъ, таково же, съ другой стороны, отношеніе между знаніемъ, объемлющимъ то и другое, и дѣйствованіемъ. Ибо это суть противоположности, черезъ постоянную игру и чередующееся возбужденіе которыхъ ваша жизнь распространяется во времени и пріобрѣтаетъ свою форму. Вѣдь всегда, съ самаго начала, ваше стремленіе къ единенію съ міромъ черезъ предметъ есть одно изъ двухъ: либо преобладаніе силы вещей надъ вами, при чемъ вещи хотятъ вовлечь васъ въ сферу своего бытія, вступая въ васъ самихъ; развивается ли изъ этого въ васъ представленіе или чувство, всегда это есть знаніе; либо же преобладаніе силы съ вашей стороны, причемъ вы стремитесь запечатлѣть на нихъ свое бытіе и внести въ нихъ свое творчество. Вѣдь именно это вы называете дѣйствованіемъ въ узкомъ смыслѣ, вліяніемъ на внѣшнюю среду. Но лишь въ качествѣ существъ, возбужденныхъ и опредѣленныхъ

чѣмъ-либо, вы можете сообщать свое бытіе вещамъ; такъ отдавайте же назадъ, закрѣпляйте и влагайте въ міръ то, что было создано и опредѣлено въ васъ этимъ первичнымъ актомъ слитнаго бытія; и лишь таковымъ же можетъ быть и то, что міръ вноситъ въ васъ. Поэтому одно должно возбуждать другое попеременно, и лишь въ смѣнѣ знанія и дѣйствованія можетъ осуществляться ваша жизнь. Ибо спокойное бытіе, въ которомъ одно не возбуждало бы другого, а то и другое, связуясь, взаимно устраняло бы себя,—такое бытіе было бы не вашей жизнью, а тѣмъ, изъ чего она развивается и во что она снова растворяется.

Итакъ, здѣсь передъ вами тѣ три начала, вокругъ которыхъ доселѣ вращалась моя рѣчь—познаніе, чувство и дѣйствованіе,—и вы можете понять, что я разумѣю, когда говорю, что они не тождественны и все же неразрывны. Соедините все однородное и разсмотрите его само по себѣ—и вы найдете, что всѣ тѣ моменты, въ которыхъ вы осуществляете свою власть надъ вещами и запечатлѣваете себя въ послѣднихъ, образуютъ то, что вы зовете вашей практической или въ узкомъ смыслѣ нравственной жизнью. И, съ другой стороны, тѣ созерцательные моменты, въ которыхъ вещи воспроизводятъ свое бытіе въ васъ, въ качествѣ представленій, вы называете, независимо отъ ихъ размѣра и значенія, вашей научной жизнью. Можетъ ли одинъ изъ этихъ рядовъ самъ по себѣ и безъ другого составить человѣческую жизнь? Развѣ это не было бы смертью, и развѣ дѣятельность не должна была бы пожрать самое себя, если бы ея не возбуждала и не возобновляла иная сторона жизни? Но развѣ, въ силу этого, одно тождественно съ другимъ, и развѣ вы не должны все же различать ихъ, если хотите понять свою жизнь и внятно говорить о ней? И каково отношеніе между этими двумя началами, таково же должно быть отношеніе третьяго къ нимъ обоимъ. И какъ вы назовете это третье начало, сторону чувства? Какая жизнь должна имъ составляться, въ добавленіе къ первымъ двумъ сторонамъ жизни? Я полагаю, что это есть религіозная жизнь, и вы несомнѣнно не скажете иного, если захотите точнѣе поразмыслить о ней.

Итакъ, главное слово моей рѣчи сказано; ибо такова самобытная область, которую я хочу отвести религіи, и притомъ всецѣло ей одной; и эту область и вы принуждены будете ограничить и представить ей,—развѣ только вы предпочтете старую хаотичность ясному различенію, или же приведете какія-нибудь совершенно новыя, невѣдомыя и непонятныя мнѣ соображенія. Ваше чувство, поскольку оно описаннымъ образомъ выражаетъ ваше собственное бытіе и жизнь, равно какъ общее бытіе и жизнь вселенной—поскольку вамъ даны отдѣльные его моменты, какъ дѣйствіе въ васъ Бога черезъ посредство дѣйствія на васъ міра,—вотъ ваша религіозность; и что въ отдѣльности представляется принадлежащимъ къ этому ряду,—это не ваши познанія или предметы вашего познанія, а также и не ваши дѣла и поступки или различныя области вашего дѣйствованія, а только ваши чувства, равно какъ связанныя съ ними или обусловливающія ихъ воздѣйствія на васъ всего живого и подвижнаго вокругъ васъ. Таковы исключительно элементы религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они и принадлежатъ сюда; нѣтъ чувства, которое не было бы религіознымъ [4]),—или же оно свидѣтельствуетъ о болѣзненномъ, поврежденномъ состояніи жизни, которое должно тогда обнаружиться и въ другихъ областяхъ. Отсюда само собой слѣдуетъ, что, напротивъ, понятія и принципы, всѣ безъ исключенія, сами по себѣ чужды религіи,—что теперь уже вторично уясняется намъ. Ибо если они должны имѣть значеніе, то они принадлежатъ къ познанію, а что принадлежитъ къ послѣднему, то уже лежитъ въ иной, не религіозной области жизни.

Отнынѣ, такъ какъ мы уже имѣемъ нѣкоторую почву подъ ногами, намъ легче изслѣдовать, откуда могло возникнуть смѣшеніе, и нѣтъ ли какого-либо основанія для всюду встрѣчающейся связи понятій и принциповъ съ религіей, и какъ въ этомъ же отношеніи обстоитъ дѣло съ дѣйствованіемъ. Безъ этого изслѣдованія было бы даже странно продолжать рѣчь, ибо вы вѣдь обращаете въ понятія то, что я говорю, ищете у меня извѣстныхъ принциповъ, и такимъ образомъ недоразумѣніе пускало бы корни все глубже. Не знаю, согласитесь ли

вы со мной, если я представлю слѣдующее объясненіе. Если вы еще помните различныя функціи жизни, которыя я намѣтилъ, то что препятствуетъ тому, чтобы одна изъ нихъ не стала въ свою очередь предметомъ, которымъ занимаются или на которомъ упражняются другія? Не вытекаетъ ли, напротивъ, изъ ихъ внутренняго единства и равенства, что онѣ стремятся такимъ путемъ переходить одна въ другую? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, дѣло представляется именно такъ. Такимъ путемъ, слѣдовательно, вы, какъ чувствующіе, можете стать объектомъ для самихъ себя, и созерцать свое чувство. И, съ другой стороны, вы, какъ чувствующіе, можете стать для себя объектомъ также въ томъ смыслѣ, что вы будете преобразующе воздѣйствовать на ваше чувство и все болѣе запечатлѣвать на немъ ваше внутреннее бытіе. Если вы теперь захотите назвать продуктъ указаннаго созерцанія—общее описаніе чувства въ его существѣ—принципомъ, и описаніе всѣхъ отдѣльныхъ, выступающихъ въ немъ чертъ—понятіемъ, и притомъ религіознымъ принципомъ и религіознымъ понятіемъ,—то вы, конечно, можете это сдѣлать и будете правы въ этомъ. Не забывайте только, что это собственно есть научное изслѣдованіе религіи, знаніе о ней, а не она сама, и что это знаніе, въ качествѣ описанія чувства, никогда не можетъ стоять на одномъ уровнѣ съ самимъ описаннымъ чувствомъ. Напротивъ, послѣднее съ полнымъ здоровьемъ и силой можетъ быть присуще человѣку, не будучи подвергнуто особому разсмотрѣнію,—примѣромъ чего являются почти всѣ женщины; и вы не можете тогда сказать, что здѣсь нѣтъ благочестія и религіи, а должны сказать, что отсутствуетъ лишь знаніе о немъ. Не забывайте также, что это разсмотрѣніе уже предполагаетъ указанную первичную дѣятельность и всецѣло покоится на ней, и что такія понятія и принципы суть не что иное, какъ пустое, извнѣ сообщенное знаніе, если они не суть именно размышленія о собственномъ чувствѣ человѣка. Итакъ, запомните, что какъ бы совершенно ни разумѣлъ человѣкъ эти принципы и понятія, какъ бы ясно онъ, повидимому, ни сознавалъ ихъ, въ немъ нѣтъ религіи, если онъ не знаетъ и не можетъ показать, что они возникли

въ немъ изъ проявленій его собственнаго чувства и суть его первоначальное личное достояніе; не давайте уговорить себя, будто такой человѣкъ религіозенъ, и не признавайте его религіознымъ, ибо это не такъ; его душа ничего не зачала въ области религіи, и его понятія суть лишь подкинутыя дѣти, созданія другихъ душъ, усыновленныя имъ въ тайномъ сознаніи собственнаго безсилія. Нечестивыми и далекими отъ всякой божественной жизни я называю всегда тѣхъ, кто на этотъ ладъ гордо выступаютъ и кичатся своей религіей. Одинъ имѣетъ понятія о порядкѣ міра и формулы, которыя должны выражать его, другой имѣетъ предписанія, съ помощью которыхъ онъ самъ держитъ себя въ порядкѣ, и внутренній опытъ, которымъ онъ обосновываетъ эти предписанія. Первый сплетаетъ изъ своихъ формулъ систему вѣры, послѣдній вышиваетъ изъ своихъ предписаній порядокъ спасенія; и такъ какъ оба они замѣчаютъ, что это не имѣетъ надлежащей крѣпости безъ чувства, то возникаетъ споръ о томъ, сколько нужно взять понятій и объясненій, и сколько предписаній и упражненій, и сколько и какихъ именно трогательныхъ и возвышенныхъ ощущеній нужно присоединить къ нимъ, чтобы составить дѣльную религію, которая не была бы ни холодна, ни мечтательна, ни суха, ни поверхностна. О глупцы съ косными сердцами! Они не знаютъ, что все это—лишь разложенія религіознаго сознанія, которыя, чтобы имѣть какое-либо значеніе, должны быть его продуктомъ! И если имъ невѣдомо обладаніе чѣмъ-либо, что они могли бы разлагать, то откуда у нихъ эти понятія и правила? у нихъ есть память и подражаніе, но не вѣрьте имъ, будто у нихъ есть и религія; они не сами создали понятія, формулы которыхъ имъ извѣстны, а лишь заучили ихъ наизусть и запомнили,—и чувства, которыя они хотятъ воспринять въ этихъ понятіяхъ, они могутъ лишь мимически воспроизвести, какъ воспроизводятъ чужія черты лица, что даетъ всегда лишь карикатуру. И неужели можно изъ этихъ омертвѣлыхъ разложившихся созданій, взятыхъ изъ чужихъ рукъ, составить религію? Можно разлагать члены и соки органическаго тѣла на ихъ составныя части; но возьмите эти

выдѣленные элементы, смѣшайте ихъ въ какой угодно пропорціи, производите надъ ними какія угодно операціи,—сможете ли вы изъ нихъ снова сдѣлать живую кровь вашего сердца? Сможетъ ли то, что уже мертво, снова прійти въ движеніе въ живомъ тѣлѣ и соединиться съ нимъ? Возсоздавать творенія живой природы изъ ихъ составныхъ частей—на этомъ терпитъ крушеніе всякое человѣческое искусство, и потому и этимъ людямъ не удастся возсоздать религію, какъ бы совершенно они ни восприняли извнѣ и не привили себѣ ея отдѣльные перерожденные элементы. Нѣтъ, извнутри и въ своей первичной, своеобразной формѣ должны возникать явленія благочестія, т.-е. непремѣнно, какъ собственныя чувства, а не какъ плоское описаніе чужихъ чувствъ, могущее вести лишь къ жалкому подражанію. И только такимъ описаніемъ могутъ и должны быть религіозныя понятія, изъ которыхъ образуются упомянутыя системы; ибо религія и не можетъ, и не хочетъ быть самостоятельнымъ познаніемъ, проистекающимъ только изъ влеченія къ знанію. Что́ мы ощущаемъ и воспринимаемъ въ религіозныхъ переживаніяхъ, есть не природа вещей, а ея дѣйствіе на насъ. Что́ вы знаете или мните о природѣ вещей, лежитъ далеко въ сторонѣ отъ области религіи. Вселенная находится въ непрерывной дѣятельности и открываетъ себя намъ въ каждый мигъ. Каждая форма, которую она создаетъ, каждое существо, которому она въ мѣру полноты его жизни даетъ обособленное бытіе, каждое событіе, которое она изливаетъ изъ своего обильнаго, вѣчно плодотворнаго лона, есть ея дѣйствіе на насъ; и воспринимать въ нашу жизнь и вдохновляться въ этихъ воздѣйствіяхъ и въ томъ, что они въ насъ пробуждаютъ, всѣмъ единичнымъ не обособленно, а въ связи съ цѣлымъ, всѣмъ ограниченнымъ не въ его противоположности иному, а какъ символомъ безконечнаго—вотъ что есть религія [5]); а что хочетъ выйти за эти предѣлы и, напримѣръ, глубже проникнуть въ природу и субстанцію вещей, есть уже не религія, а нѣкоторымъ образомъ стремится быть наукой; и, съ другой стороны, если то, что должно лишь обозначать и выражать въ словахъ наши чувства, претендуетъ на значеніе науки о предметахъ—науки, основанной на откровеніи и вышедшей изъ религіи, или на значеніе одновременно

и науки, и религіи,—то оно неизбѣжно впадаетъ въ мистицизмъ и пустую миѳологію. Такъ, было религіей, когда древніе, уничтожая ограниченіе пространства и времени и перенося на весь міръ каждое своеобразное направленіе жизни, разсматривали послѣднее, какъ созданіе и господство въ этой области всемогущаго вездѣсущаго божества; они восприняли въ себя, какъ опредѣленное чувство, своеобразный способъ дѣйствія вселенной и обозначали его такимъ образомъ. Было религіей, когда они при каждомъ счастливомъ событіи, въ которомъ хотя и случайно, но явственно открывались вѣчные законы міра, давали особое названіе богу, къ которому оно относилось, и строили ему особый храмъ; они воспринимали здѣсь единичное, какъ дѣяніе вселенной, и на свой ладъ обозначали его связь и своеобразный характеръ. Было религіей, когда они возвышались надъ суровымъ желѣзнымъ вѣкомъ, полнымъ неровностей и разлада, и снова искали золотого вѣка на Олимпѣ, среди радостной жизни боговъ; такъ они ощущали въ себѣ вѣчно бодрую, вѣчно живую и радостную дѣятельность міра и его духа, за предѣлами всей измѣнчивости и всего кажущагося зла, которое вытекаетъ лишь изъ борьбы конечныхъ формъ. Но когда они устанавливали вычурно-запутанную родословную этихъ боговъ, или когда позднѣйшая вѣра показываетъ намъ длинный рядъ эманацій и рожденій, то, хотя это по своему происхожденію и есть религіозное изображеніе родства человѣческаго съ божественнымъ и связи несовершеннаго съ совершеннымъ, но все же само по себѣ есть пустая миѳологія и гибельная для науки мистика. Чтобы свести воедино все сюда относящееся, я скажу: безспорно, вся сущность религіи состоитъ въ томъ, чтобы ощущать все, опредѣляющее наше чувство, въ его высшемъ единствѣ, какъ нѣчто единое и тождественное, и все единочное и особое, какъ обусловленное имъ, т.-е. чтобы ощущать наше бытіе и жизнь, какъ бытіе и жизнь въ Богѣ и черезъ Бога. Но изображать затѣмъ снова Божество, какъ обособленный отдѣльный предметъ, такъ что не легко избѣгнуть повода думать, что оно подвержено страданію, какъ и другіе предметы,—это есть лишь обозначеніе, и хотя оно многимъ необходимо и всѣмъ близко,

оно все же рисковано и обильно трудностями, отъ которыхъ быть можетъ, никогда не освободится обычный языкъ. А еще относиться къ этому предметному представленію о Божествѣ, какъ къ познанію, и такое, отдѣленное отъ его вліяній на насъ черезъ міръ, бытіе Бога до міра и внѣ міра, хотя и для міра, изображать и развивать, какъ научную истину, обоснованную религіей—это болѣе всего въ области религіи есть безспорно пустая миѳологія [6]), это есть легко ведущее къ недоразумѣніямъ дальнѣйшее развитіе того, что было лишь средствомъ изображенія, какъ если бы оно было существомъ дѣла, т.е. рѣшительное удаленіе за предѣлы самобытной почвы религіи.

Отсюда вы можете также усмотрѣть, какъ слѣдуетъ обсуждать вопросъ, есть ли религія система или нѣтъ,—вопросъ, на который можно отвѣчать и безусловнымъ отрицаніемъ, и рѣшительнымъ утвержденіемъ,—что̀ вы врядъ ли ожидали. Если вы разумѣете подъ нимъ вопросъ, подчинена ли религія нѣкорой необходимой внутренней связи, такъ что характеръ религіознаго чувства у каждаго человѣка есть нѣчто цѣлое, и одинъ и тотъ же предметъ не можетъ возбуждать въ человѣкѣ случайно то одно, то другое чувство—если вы разумѣете это, то она, конечно, есть система. Все, что гдѣ либо—будь то у многихъ или немногихъ—выступаетъ, какъ особая форма и опредѣленность чувства, есть нѣчто замкнутое и необходимое по своей природѣ; и, напримѣръ, у христіанъ не можетъ встрѣчаться тотъ характеръ религіознаго чувства, который вы находите у турокъ или индусовъ. Но это внутреннее единство религіозности, то расширяясь, то сосредоточиваясь, содержитъ большое многообразіе сферъ, и чѣмъ уже и меньше каждая изъ нихъ, тѣмъ больше своеобразнаго она включаетъ въ себя, какъ необходимое, или отвергаетъ, какъ несовмѣстимое. Вѣдь если, напримѣръ, христіанство само по себѣ есть цѣлое, то и каждая изъ противоположностей, въ различныя эпохи выступавшихъ въ немъ, вплоть до новѣйшей противоположности между протестантизмомъ и католицизмомъ, есть тоже нѣчто замкнутое въ себѣ. И точно такъ же благочестіе каждаго отдѣльнаго лица, коренящееся въ какомъ-либо болѣе крупномъ

единствѣ, есть опять таки нѣчто единое и замкнутое въ себѣ и основано на томъ, что вы зовете своеобразіемъ даннаго лица или его характеромъ, одну изъ сторонъ котораго оно именно и составляетъ. Поэтому въ религіи имѣется безконечное формированіе и развитіе, вплоть до отдѣльной личности, и каждая изъ этихъ формъ есть опять цѣлое и обладаетъ множествомъ своеобразныхъ проявленій. Вѣдь не захотите же вы конструировать каждое такое проявленіе, перечислять ихъ и точно опредѣлять характерное въ немъ съ помощью отвлеченныхъ понятій, какъ будто бытіе и развитіе всего единичнаго конечнымъ образомъ вытекаетъ изъ цѣлаго черезъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней, такъ чтобы можно было опредѣлять одно начало съ помощью другихъ! Если можно въ этомъ отношеніи сравнивать съ чѣмъ либо религію, то лучше всего сопоставить ее съ тѣмъ, что и въ иныхъ отношеніяхъ тѣсно съ ней связано,—я имѣю въ виду музыку. Ибо музыка образуетъ, конечно, великое цѣлое, особое замкнутое въ себѣ откровеніе міра, и все же музыка каждаго народа есть самостоятельное цѣлое, которое въ свою очередь расчленяется на своеобразныя формы вплоть до генія и стиля отдѣльнаго композитора; и каждое живое выступленіе наружу этого внутренняго откровенія въ отдѣльномъ лицѣ хотя и содержитъ въ себѣ всѣ указанныя единства и возможно лишь въ нихъ и черезъ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выливается въ волшебствѣ звуковъ съ радостью и весельемъ нестѣсненнаго произвола, именно такъ, какъ колышется его жизнь и какъ его затрагиваетъ міръ; и точно такъ же религія, несмотря на необходимость въ ея живомъ формированіи, все же въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ, какъ она непосредственно выступаетъ въ жизни, болѣе всего далека отъ всякой видимости принужденія и стѣсненія. Ибо все необходимое воспринято здѣсь въ жизнь, а слѣдовательно и въ свободу, каждое отдѣльное движеніе выступаетъ, какъ свободное самоопредѣленіе именно даннаго сознанія, въ которомъ отражается преходящій моментъ міра. Нечестивымъ былъ бы тотъ, кто хотѣлъ бы требовать здѣсь чего-либо вынужденнаго, чего-либо внѣшне связаннаго и опредѣленнаго;

и если что-либо подобное содержится въ вашемъ понятіи системы, то вы должны здѣсь совершенно откинуть это. Система воспріятій и чувствъ,—можете ли вы сами представить себѣ что-нибудь болѣе странное? Или дѣло обстоитъ у васъ такъ, что, чувствуя что либо, вы вмѣстѣ съ тѣмъ соощущаете или сомыслите (называйте это, какъ угодно) необходимость, въ силу этого чувства, чувствовать такъ, а не иначе, нѣчто, что васъ въ данную минуту совсѣмъ не затрагиваетъ? Предаться такому размышленію развѣ не значило бы загубить свое чувство и замѣнить его чѣмъ-то совсѣмъ инымъ, холоднымъ разсчитываніемъ и умничаніемъ? Поэтому очевидно нельзя полагать, что для религіи необходимо еще и сознавать эту связь своихъ отдѣльныхъ проявленій, и не только имѣть ее въ себѣ и развивать изъ себя, но и обладать ея описаніемъ и воспринимать извнѣ; и было бы самомнѣніемъ отказывать въ достаточномъ благочестіи тому, кто не имѣетъ этого. Истинно благочестивые люди и не смущаются этимъ соображеніемъ въ своей простой жизни и мало интересуются всѣми такъ называемыми системами религіи, построенными на этомъ воззрѣніи. И поистинѣ, онѣ по большей частью слишкомъ плохи и далеко не сравнимы съ теоріями музыкальнаго искусства, которому мы только что уподобили религію, сколько бы ошибочнаго ни заключалось и въ послѣднихъ. Ибо менѣе всего этимъ систематизаторамъ религіи присуща скромная наблюдательность и внимательность, необходимая, чтобы уловить по возможности внутреннюю сущность того, что они описываютъ. И они, впрочемъ, менѣе стремятся къ этому, чѣмъ къ тому, чтобы счислять знаками и давать законченныя и завершенныя обозначенія, что именно и носитъ случайный характеръ—почти столь же случайный, какъ обозначеніе звѣздъ, въ которомъ вы находите игру произвола и которое всегда недостаточно, ибо всегда усматривается и открывается новое, что въ него не вмѣщается. Вѣдь не захотите же вы въ такомъ обозначеніи найти систему, что-либо прочное и неизмѣнное по природѣ, а не только въ силу произвола и традиціи! Совершенно такъ же обстоитъ дѣло и здѣсь. Ибо хотя каждая форма религіи вну-

тренне обоснована въ себѣ самой, но именно ея обозначеніе всегда зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Тысячи людей могли бы имѣть одинъ родъ религіозныхъ переживаній, и каждый, быть можетъ, обозначалъ бы свое чувство иными признаками, руководимый не своимъ сознаніемъ, а внѣшними условіями [7]).—Далѣе эти систематизаторы не столько хотятъ изображать своеобразное въ религіи, сколько подчинять одно начало другому и выводить изъ высшаго. Но это менѣе всего соотвѣтствуетъ интересу религіи, которая ничего не знаетъ о выведеніи и связываніи. Не только какой-либо единичный фактъ можетъ быть названъ въ ней изначальнымъ и первичнымъ; напротивъ, все въ ней непосредственно и истинно само по себѣ, все существуетъ самостоятельно, безъ зависимости отъ чего-либо иного. Правда, каждая религія обладаетъ своеобразной формой лишь въ силу опредѣленнаго способа и характера чувства; но было бы заблужденіемъ относиться къ такому чувству, какъ къ тому, что вы зовете принципомъ и изъ чего можно выводить иное. Ибо эта опредѣленная форма религіи одинаково содержится въ каждомъ отдѣльномъ элементѣ религіи, каждое выраженіе чувства носитъ на себѣ такой особый отпечатокъ, и внѣ его послѣдній нигдѣ не обнаруживается и никому не дается; и даже понять нельзя религію, если не понимаешь ее такъ. Ничто въ ней не можетъ и не должно доказываться изъ другого, и все общее, подъ что подводится единичное, всякое такого рода сближеніе и соединеніе либо лежитъ въ чуждой области, если его относятъ къ внутреннему и существенному началу въ религіи, либо же есть созданіе игры фантазіи и свободнаго произвола. Каждый можетъ имѣть свой собственный распорядокъ и свои собственныя рубрики; существо дѣла отъ этого ничего не пріобрѣтетъ и не потеряетъ; и кто истинно знаетъ свою религію и ея сущность, тотъ поставитъ всякую внѣшнюю связь далеко ниже единичнаго, и ничѣмъ не пожертвуетъ первой изъ послѣдняго.

На этомъ пути люди пришли къ удивительной мысли о всеобщей религіи и о единственной ея формѣ, къ которой всѣ иныя ея формы относятся, какъ ложное къ истинному; и если

бы я не опасался, что вы неправильно истолкуете меня, то я сказалъ бы даже, что лишь на этомъ пути люди пришли къ сопоставленію между истиннымъ и ложнымъ, которое не особенно подходитъ къ религіи. Ибо собственно все это относится лишь туда, и примѣнимо лишь тамъ, гдѣ имѣешь дѣло съ понятіями, и гдѣ могутъ дѣйствовать отрицательные законы вашей логики, и ни къ какой иной области. Непосредственно въ религіи все истинно; ибо какъ иначе могло бы въ ней что-либо возникнуть? Непосредственно же лишь то, что еще не прошло сквозь понятіе, а выросло только въ чувствѣ. Точно такъ же все, выливающееся въ какую-либо религіозную форму, хорошо; ибо оно пріобрѣтаетъ этотъ характеръ лишь потому, что высказываетъ общую высшую жизнь. Но весь объемъ религіи безконеченъ и не можетъ быть вмѣщенъ въ одну опредѣленную форму, а лишь въ совокупность всѣхъ ея формъ. [8]) Онъ безконеченъ не только потому, что каждая отдѣльная религіозная организація имѣетъ ограниченный кругозоръ, который не объемлетъ всего, и слѣдовательно не вправѣ думать, что внѣ его уже ничего не можетъ быть воспринято, но и главнымъ образомъ потому, что каждая религіозная организація своеобразна, т.-е. ощущаетъ на свой ладъ, такъ что и въ предѣлахъ ея собственной области элементы религіи могли бы пріобрѣтать иную форму для иной организаціи. Онъ безконеченъ не только потому, что дѣйствованіе и страданіе даже въ отношеніи между ограниченнымъ содержаніемъ и душой могутъ безконечно измѣняться и съ теченіемъ времени принимать все новыя формы; и не только потому, что религія, какъ способность, остается всегда незавершенной и слѣдовательно всегда развивается, воспроизводится во все болѣе прекрасныхъ формахъ и все глубже внѣдряется въ природу человѣка: нѣтъ, религія безконечна во всѣхъ направленіяхъ. Это сознаніе непосредственно дано вмѣстѣ съ самой религіей, какъ вмѣстѣ съ знаніемъ дано и знаніе его вѣчной истинности и достовѣрности; въ этомъ и состоитъ само религіозное чувство, и оно должно поэтому присутствовать у всякаго, кто дѣйствительно имѣетъ религію. Каждый долженъ сознавать, что его религія есть лишь часть цѣлаго,

что въ отношеніи тѣхъ началъ, которыя пробуждаетъ его религіозное чувство, должны имѣться воззрѣнія и ощущенія, которыя столь же религіозны и все же совершенно отличны отъ его собственныхъ, и что другимъ формамъ религіи должны соотвѣтствовать воспріятія и чувства, доступа къ которымъ онъ, быть можетъ, совершенно лишенъ. Вы видите, какъ непосредственно вытекаетъ изъ сущности религіи эта прекрасная скромность, эта привѣтливо-благожелательная терпимость, и какъ мало ее можно отдѣлить отъ религіи. И какъ несправедливы упреки, съ которыми вы обращаетесь къ религіи, что она склонна къ преслѣдованіямъ и полна ненависти, что она разрушаетъ общество и проливаетъ потоки крови, какъ воду. Обвиняйте въ этомъ тѣхъ, кто губятъ религію, кто хотятъ затопить ее множествомъ формулъ и отвлеченныхъ опредѣленій и заковать ее въ цѣпи такъ называемой системы. О чемъ же люди спорили въ религіи, что порождало въ ней партіи и возжигало войны? Объ опредѣленіяхъ понятій—иногда практическихъ понятій, и всегда—теоретическихъ; а тѣ и другія не принадлежатъ къ ней. Философія стремится объединить въ общемъ знаніи тѣхъ, кто хотятъ знать, какъ это вы ежедневно видите, хотя и она, чѣмъ лучше себя понимаетъ, тѣмъ болѣе оставляетъ простора для многообразія; религія же даже въ такой формѣ не стремится подвести подъ одну вѣру и одно чувство тѣхъ, кто вѣрятъ и чувствуютъ. Она, правда, стремится внушить тѣмъ, кто еще неспособенъ къ религіознымъ переживаніямъ, сознаніе вѣчнаго единства первичнаго источника жизни, ибо всякій видящій есть новый жрецъ, новый посредникъ, новый органъ; но именно поэтому она съ отвращеніемъ избѣгаетъ холоднаго однообразія, которое снова разрушило бы этотъ божественный избытокъ. Убогое системоискательство [9]) отталкиваетъ отъ себя все чуждое, часто даже не изслѣдовавъ надлежащимъ образомъ его притязанія, уже потому, что это чуждое могло бы нарушить стройные ряды собственной системы, требуя для себя мѣста; оно есть обитель искусства споровъ и исканія споровъ, оно должно вести войну и преслѣдовать; ибо поскольку единичное относится тоже лишь къ чему-либо единичному и конеч-

ному, одно единичное можетъ, конечно, разрушить своимъ бытіемъ другое; въ непосредственномъ же отношеніи къ безконечному все изначально - внутреннее безъ взаимнаго стѣсненія находитъ себѣ мѣсто, все — едино и все — истинно. И лишь такіе систематизаторы повинны во всемъ этомъ. Новый Римъ, безбожный, но послѣдовательный, шлетъ молніи отлученія и изгоняетъ еретиковъ [10]); старый, истинно благочестивый и религіозный въ высшемъ стилѣ Римъ былъ гостепріименъ въ отношеніи каждаго Бога и потому заполнился богами. Поклонники мертвой буквы, которую изгоняетъ религія, наполнили міръ крикомъ и суетой; истинные же созерцатели вѣчнаго были всегда спокойными душами и либо оставались наединѣ съ собой и съ безконечнымъ, либо же, озираясь вокругъ себя, охотно предоставляли каждому, кто только понималъ великое слово, быть религіознымъ на свой ладъ. Но этимъ широкимъ взоромъ и съ этимъ чувствомъ безконечности религія смотритъ и на то, что лежитъ за предѣлами ея собственной области и содержитъ въ себѣ задатокъ неограниченной многосторонности въ сужденіи и размышленіи—многосторонности, которую дѣйствительно можно получить только отъ нея. Когда что-либо иное вдохновляетъ человѣка—я не хочу исключать отсюда даже нравственность и философію, поскольку онѣ еще возможны, если отдѣлить отъ нихъ религію, а, напротивъ, ссылаюсь въ отношеніи ихъ на вашъ собственный опытъ,—то его мышленіе и стремленіе, на что бы оно ни направлялось, замыкаетъ его въ узкомъ кругу, въ которомъ заключено для него самое цѣнное и внѣ котораго все кажется ему пошлымъ и недостойнымъ. Кто хочетъ только мыслить по школьнымъ правиламъ или дѣйствовать по принципамъ или что-либо выполнить въ мірѣ, тотъ неизбѣжно ограничиваетъ самъ себя и постоянно противопоставляетъ себѣ и дѣлаетъ предметомъ своей ненависти все, на что не направлены его заботы и дѣла. Лишь вольный воздухъ созерцанія и жизни, если жизнь направлена на безконечное и распространяется въ безконечность, даруетъ духу неограниченную свободу; лишь религія спасаетъ его отъ тѣснящихъ оковъ мнѣнія и вожделѣнія. Все, что есть, необходимо для нея, и все,

что можетъ быть, есть для нея истинный и неизбѣжный образъ безконечнаго—надо лишь найти точку, изъ которой можно открыть его связь съ безконечнымъ. Какъ бы негодно ни было нѣчто въ иныхъ отношеніяхъ и само по себѣ, въ этомъ отношеніи оно всегда достойно быть, заслуживаетъ сохраненія и созерцанія. Благочестивой душѣ религія дѣлаетъ все святымъ и цѣннымъ, даже само нечестіе и саму пошлость, все, что эта душа объемлетъ и не объемлетъ, что входитъ въ систему ея собственныхъ мыслей и согласуется съ ея своеобразной жизнью или нѣтъ; религія есть исконный и заклятый врагъ всякой духовной узости и односторонности.

Если саму религію не затрогиваютъ упреки, основанные лишь на ея смѣшеніи съ знаніемъ, которое, чего бы оно ни стоило, все же хочетъ быть именно знаніемъ и, слѣдовательно, принадлежитъ не къ ней, а лишь къ богословію,—а послѣднее вы должны были бы всегда отличать отъ религіи—,то ее столь же мало затрогиваютъ и упреки, которые ей дѣлались со стороны поведенія. Я уже коснулся слегка этого вопроса; но разсмотримъ эти упреки въ общей формѣ, чтобы совершенно устранить ихъ и чтобы вы поняли, какъ слѣдуетъ, что̀ я имѣю въ виду. При этомъ, однако, мы должны точно различать двоякое. Во-первыхъ, вы обвиняете религію въ томъ, что она нерѣдко склоняетъ къ неприличнымъ, ужаснымъ и даже противоестественнымъ поступкамъ въ области общей гражданской и нравственной жизни. Я не хочу требовать отъ васъ доказательства, что такія дѣйствія исходятъ отъ благочестивыхъ людей; отъ такого доказательства я васъ пока избавляю. Хорошо. Но, высказывая свое обвиненіе, вы вѣдь сами отдѣляете религію отъ нравственности. Разумѣете ли вы подъ этимъ, что религія тождественна самой безнравственности или образуетъ видъ послѣдней? Врядъ ли, ибо иначе ваша война противъ религіи должна была бы быть совсѣмъ иной, и вы должны были бы признать мѣриломъ нравственности степень, въ какой она уже преодолѣла благочестіе. Но вѣдь вы не такъ выступаете противъ религіи, если не считать тѣхъ немногихъ изъ васъ, которые дѣйствительно довели почти до безумія свою безсмыс-

ленную ревность въ служеніи этому недоразумѣнію. Или вы имѣете въ виду лишь то, что благочестіе есть нѣчто иное, чѣмъ нравственность, что оно равнодушно къ послѣдней, а потому при случаѣ можетъ стать и безнравственнымъ? Тогда вы, конечно, правы въ вашемъ первомъ утвержденіи; а именно, поскольку благочестіе можно мысленно отдѣлить отъ нравственности, они различны, какъ я уже призналъ это, когда сказалъ, что сущность одного лежитъ въ чувствѣ, другого же—въ дѣйствіи. Однако, какъ же изъ этой противоположности вы можете дойти до признанія религіи отвѣтственной за поведеніе и до вмѣненія ей послѣдняго? Не правильнѣе ли въ такомъ случаѣ сказать, что такіе люди были именно недостаточно нравственными; а если такъ, то они все же могли быть религіозными безъ вреда для себя. Вѣдь если вы хотите заставить насъ итти впередъ,—а вѣдь вы хотите этого—то было бы неразумно, когда въ насъ установилось неравенство между началами, которыя собственно должны были бы быть равными, возвращать назадъ то, которое перегнало другое; напротивъ, вы должны подгонять отставшее, чтобы намъ дѣйствительно подвинуться впередъ. А чтобы вы не могли упрекнуть меня въ придиркѣ къ словамъ, я обращаю ваше вниманіе на то, что религія сама по себѣ совсѣмъ не влечетъ человѣка къ дѣйствію и что, если бы можно было мыслить ее присущей человѣку вполнѣ обособленно, безъ присутствія въ немъ чего-либо иного,—такой человѣкъ не осуществлялъ бы ни худыхъ, ни хорошихъ дѣлъ; вѣдь если вы захотите вспомнить и не пожелаете вновь отвергнуть сказанное выше, вы должны признать, что такой человѣкъ вообще не дѣйствовалъ бы, а только чувствовалъ бы. Потому-то и происходитъ то, на что вы часто и справедливо жалуетесь, именно что издавна многіе изъ наиболѣе религіозныхъ людей, въ которыхъ нравственная сторона жизни была слишкомъ оттѣснена и которые лишены были подлинныхъ побужденій къ дѣйствованію, покидали міръ и въ одиночествѣ предавались праздному созерцанію. Замѣтьте себѣ: къ этому религія можетъ привести, когда она обособляется и, слѣдовательно, становится болѣз-

ненной, но она не можетъ привести къ жестокимъ и ужаснымъ дѣяніямъ. Напротивъ, тотъ упрекъ, который вы хотите дѣлать религіи, можно при этомъ даже обратить и превратить въ похвалу. Вѣдь дѣянія, которыя вы порицаете, какъ бы различны они ни были въ частностяхъ, имѣютъ все же то общее между собой, что они, повидимому, проистекаютъ изъ отдѣльнаго движенія чувства. Вѣдь именно это вы всегда порицаете, все равно, называете ли вы это опредѣленное чувство религіознымъ или нѣтъ; и я такъ мало расхожусь съ вами въ этомъ, что, напротивъ, тѣмъ болѣе хвалю васъ, чѣмъ основательнѣе и безпристрастнѣе вы это порицаете. Я прошу васъ порицать это даже тогда, когда дѣйствіе не кажется вамъ злымъ, а имѣетъ видъ благого. Ибо дѣйствіе, если оно слѣдуетъ отдѣльному побужденію, попадаетъ въ силу этого въ неподобающую ему зависимость и подчиняется слишкомъ опредѣленному вліянію даже внѣшнихъ предметовъ, воздѣйствующихъ на отдѣльное побужденіе. Чувство по своей природѣ, каково бы ни было его содержаніе, бурно, если только оно не усыпительно; оно есть потрясеніе, сила, которой дѣйствіе не должно покоряться и изъ которой оно не должно вытекать; напротивъ, дѣйствіе должно проистекать изъ спокойствія и разсудительности, изъ общаго впечатлѣнія нашего бытія, и этотъ характеръ оно должно отражать на себѣ. Это равнымъ образомъ требуется какъ въ обыденной жизни, такъ и въ государствѣ и искусствѣ. Но указанное уклоненіе можетъ быть обусловлено лишь тѣмъ, что дѣйствующій—значитъ, мотивъ дѣйствованія или нравственный элементъ въ немъ—не оставилъ достаточнаго и полнаго простора для благочестія; и, такимъ образомъ, скорѣе можно думать, что если бы онъ былъ болѣе благочестивъ, онъ и дѣйствовалъ бы болѣе нравственно. Ибо изъ двухъ элементовъ состоитъ вся религіозная жизнь: человѣкъ, во-первыхъ, долженъ отдаваться вселенной и открывать себя для дѣйствія той ея стороны, которая къ нему обращена, и, во-вторыхъ, онъ долженъ направлять вовнутрь это соприкосновеніе, которое, какъ таковое и въ своей опредѣленности, есть отдѣльное чувство, и воспринимать его во внутреннемъ единствѣ свой жизни и бытія; и

религіозная жизнь есть не что иное, какъ постоянное возобновленіе этого процесса. И потому, когда человѣкъ переживаетъ опредѣленное душевное движеніе, порожденное въ немъ міромъ, будетъ ли благочестіемъ то, что принуждаетъ его вынести тотчасъ же это чувство наружу и обратить его въ дѣйствованіе и поступки, которые тогда, конечно, носятъ на себѣ слѣды потрясенія и затуманиваютъ чистую связь нравственной жизни? Никоимъ образомъ! Напротивъ, благочестіе призывало его внутренне насладиться пріобрѣтеннымъ, воспринять его въ глубинѣ своего духа и слиться воедино съ нимъ, чтобы чувство лишилось облаченія временности и ощущалось не какъ единичное, не какъ потрясеніе, а какъ вѣчное, чистое и покойное. И тогда изъ этого внутренняго единства возникаетъ и дѣйствованіе, какъ особая отрасль жизни, и, конечно, какъ мы уже ранѣе согласились, это есть обратное дѣйствіе чувства; но лишь совокупное дѣйствованіе должно быть результатомъ совокупнаго чувства; отдѣльные же поступки должны зависѣть въ своей связи и послѣдовательности отъ чего-то совсѣмъ иного, чѣмъ отъ мгновеннаго чувства; лишь въ такомъ случаѣ они, каждый въ своей связи и на своемъ мѣстѣ, свободно и самобытно выражаютъ все внутреннее единство духа, а не тогда, когда они зависятъ отъ отдѣльнаго возбужденія и рабски соотвѣтствуютъ ему. Итакъ, несомнѣнно, что ваше порицаніе не затрогиваетъ религіи, если не говорить о болѣзненномъ состояніи, и что даже это болѣзненное состояніе не имѣетъ первоначальной и самобытной основы въ религіозной системѣ, а носитъ общій характеръ, такъ что изъ него не можетъ быть ничего выведено спеціально противъ религіи. Наконецъ, несомнѣнно и должно быть ясно вамъ, что въ здоровомъ состояніи, поскольку мы разсматриваемъ въ отдѣльности религіозность и нравственность, нельзя считать дѣйствія человѣка обусловленными религіей и религію—побудительницей дѣйствій; напротивъ, дѣйствованіе образуетъ самостоятельный рядъ, и религія также, какъ двѣ различныя функціи одной и той же жизни. Поэтому человѣкъ не долженъ ничего дѣлать изъ религіи, а долженъ все дѣлать и осуществлять съ религіей; непрерывно, подобно священной музыкѣ, религіозныя

чувства должны сопровождать его дѣятельную жизнь, и нигдѣ и никогда онъ не долженъ терять ихъ. А что въ этомъ разъясненіи я не ввелъ въ заблужденіе ни васъ, ни себя самого—въ этомъ вы убѣдитесь, если обратите вниманіе на то, что каждое чувство, чѣмъ болѣе въ вашихъ собственныхъ глазахъ къ нему примѣнимъ характеръ религіозности, тѣмъ болѣе обладаетъ склонностью обратиться вовнутрь, а не прорываться наружу въ дѣйствіяхъ; и религіозный человѣкъ, исполненный глубокой внутренней жизни, оказался бы въ величайшемъ затрудненіи и, пожалуй, даже не понялъ бы васъ, если бы вы его спросили, что̀ въ частности онъ склоненъ дѣлать въ силу своего чувства, чтобы засвидѣтельствовать и проявить послѣднее. Лишь злые духи, а не добрые, владѣютъ и движутъ человѣкомъ, легіонъ же ангеловъ, которымъ небесный Отецъ снабдилъ своего Сына, не осуществляли надъ нимъ никакой власти, не помогали ему въ его отдѣльныхъ дѣйствіяхъ и не должны были дѣлать это; но они вселяли радость и спокойствіе въ его душу, истощенную мыслями и поступками; иногда, въ мгновенія, когда вся его сила была обращена къ дѣйствію, они исчезали передъ его взоромъ, но потомъ снова радостной толпой тѣснились вокругъ него и служили ему. Но зачѣмъ я привожу эти частности и говорю образами? Вѣдь яснѣе всего моя правота обнаруживается въ томъ, что, хотя я вмѣстѣ съ вами исходилъ изъ раздѣленія, установленнаго вами между религіей и нравственностью, и хотя мы именно надлежащимъ образомъ прослѣживали это раздѣленіе, мы какъ бы сами собой вернулись къ существенному ихъ соединенію въ истинной жизни и видѣли, что все гибельное для одной изъ нихъ предполагаетъ слабость и въ другой, и что если одна изъ нихъ не есть всецѣло то, что она должна быть, то и другая не можетъ быть совершенной.

Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ несомнѣнно такъ. Но вы часто говорите еще о другихъ дѣйствіяхъ, которыя непремѣнно должна порождать религія, такъ какъ они не имѣютъ значенія для нравственности и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не могутъ возникать изъ нея, и по той же при-

чинѣ не могутъ возникать изъ чувственности, поскольку послѣдняя противопоставляется нравственности, ибо и для нея они не имѣютъ смысла; тѣмъ не менѣе они гибельны, потому что въ нихъ люди пріучаются держаться за пустое и цѣнить ничтожное, и потому, что они, при всей своей безмысленности и безцѣльности, слишкомъ часто заступаютъ мѣсто нравственной дѣятельности и прикрываютъ отсутствіе послѣдней. Я знаю, что̀ вы разумѣете; избавьте меня отъ длиннаго описанія внѣшней дисциплины, духовныхъ упражненій, лишеній, истязаній и тому подобнаго, въ чемъ вы упрекаете религію, какъ въ ея созданіи, но о чемъ—не забывайте этого—также весьма равнодушно судятъ именно величайшіе герои религіи, основатели и возродители церкви. Здѣсь, правда, дѣло обстоитъ иначе; но и здѣсь, я полагаю, дѣло, которое я защищаю, оправдаетъ себя само. А именно, подобно тому, какъ знаніе, о которомъ мы ранѣе говорили, тѣ ученія и мнѣнія, которыя хотѣли ближе примкнуть къ религіи, чѣмъ они на то способны, были лишь обозначеніями и описаніями чувства, короче, знаніемъ о чувствѣ, но отнюдь не непосредственнымъ знаніемъ о дѣйствіяхъ вселенной, пробуждающихъ чувство; и подобно тому, какъ это знаніе неизбѣжно должно было обратиться во зло, когда оно ставилось на мѣсто либо самого чувства, либо подлиннаго непосредственнаго познанія,—такъ и это поведеніе, предпринимаемое ради упражненія чувства и управленія имъ и столь часто превращающееся въ что-то пустое и безсодержательное—вѣдь мы не говоримъ здѣсь объ иномъ, символическомъ и значительномъ поведеніи, выдающемъ себя не за упражненіе, а за выраженіе чувства—есть также поведеніе какъ бы изъ вторыхъ рукъ, которое на свой ладъ дѣлаетъ чувство своимъ объектомъ и воздѣйствуетъ на него, по аналогіи съ знаніемъ, которое тоже дѣлаетъ чувство своимъ объектомъ и хочетъ теоретически воспринять его. Какую цѣну это поведеніе можетъ имѣть само по себѣ, и не оказывается ли оно столь же несущественнымъ, какъ такое знаніе,—этого я не хочу здѣсь рѣшать; вѣдь трудно правильно опредѣлить, и требуетъ точнаго обсужденія вопросъ, въ какомъ смыслѣ человѣкъ можетъ хотѣть управлять самимъ собой и

въ особенности своимъ чувствомъ, которое, повидимому, есть скорѣе дѣло цѣлаго и самобытный продуктъ жизни, чѣмъ намѣренный и самостоятельный результатъ человѣческой дѣятельности. Но, повторяю, это насъ здѣсь не касается, и я хотѣлъ бы лучше обсуждать это съ друзьями религіи, чѣмъ съ вами. Достовѣрно, однако, и я безусловно признаю здѣсь одно: мало найдется заблужденій болѣе гибельныхъ, чѣмъ такое желаніе поставить эти воспитательныя упражненія чувства на мѣсто самого чувства; но только это очевидно есть заблужденіе, въ которое не могутъ впасть религіозные люди. Быть можетъ, вы сразу же согласитесь въ этомъ со мной, если я напомню вамъ, что нѣчто подобное встрѣчается и въ области нравственности. Ибо и здѣсь существуетъ такое воздѣйствіе на свое собственное поведеніе—нравственныя упражненія, которыя человѣкъ, какъ обыкновенно говорится, предпринимаетъ надъ самимъ собой, чтобы стать лучше; ставить такія упражненія на мѣсто непосредственной нравственной дѣятельности, на мѣсто доброты и правильнаго поведенія—это, правда, случается, но вы не скажете, что это случается именно съ нравственными людьми. Но сообразите также слѣдующее. Вы собственно полагаете, что люди дѣлаютъ разныя вещи, причемъ каждый перенимаетъ у другого и передаетъ слѣдующимъ то, что для многихъ совсѣмъ не понятно и ничего не означаетъ, но въ отношеніи чего предполагается, что оно совершается ради возбужденія, поддержки и направленія въ извѣстную сторону религіознаго чувства. Итакъ, гдѣ это дѣйствіе производится самостоятельно и гдѣ оно дѣйствительно имѣетъ это значеніе, тамъ оно очевидно относится къ собственному чувству человѣка и предполагаетъ извѣстное состояніе этого чувства, которое можетъ быть воспринято, такъ что человѣкъ сознаетъ самого себя и свою внутреннюю жизнь со всѣми ея слабостями и неровностями. Это предполагаетъ также интересъ къ такому самосознанію, высшее себялюбіе, предметомъ котораго является именно человѣкъ, какъ нравственно чувствующее существо, какъ воображаемая часть цѣлаго духовнаго міра; и, очевидно, съ прекращеніемъ этой любви должно прекратиться и такое поведеніе. Итакъ,

можетъ ли когда-либо такое поведеніе нелѣпымъ и безсмысленнымъ образомъ быть поставлено на мѣсто самого чувства и стремиться вытѣснить его, не уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ само себя? Нѣтъ, такое заблужденіе можетъ возникнуть лишь въ тѣхъ, кто въ послѣднихъ глубинахъ своей души враждебны религіи. Именно для такихъ людей эти упражненія чувства имѣютъ самостоятельную цѣнность, ибо этимъ они могутъ пріобрѣсти славу, будто они скрываютъ въ себѣ подлинное чувство; тому, что въ другихъ имѣетъ глубокое значеніе, они могутъ внѣшне подражать, когда сознательно или безсознательно имъ нужно обмануть другихъ видимостью высшей жизни, которая въ дѣйствительности отсутствуетъ въ нихъ. Такъ дурно, дѣйствительно, то, что вы въ этомъ смыслѣ порицаете; это есть всегда либо низкое лицемѣріе, либо жалкое суевѣріе, которое я охотно предоставляю вашему суду и котораго не хочу защищать. И при этомъ безразлично, въ чемъ состоятъ такого рода упражненія, и мы готовы отвергнуть не только то, что само по себѣ пусто, неестественно и ложно, но и все, что возникаетъ на этомъ пути, хотя бы оно и пользовалось хорошей репутаціей; дикія истязанія, безсмысленный отказъ отъ прекраснаго, пустые слова и обряды, благотворительность—все это должно имѣть для насъ одинаковое значеніе, всякое суевѣріе мы должны признать одинаково нечестивымъ. Но никогда также мы не должны смѣшивать это суевѣріе съ благонамѣреннымъ стремленіемъ религіозныхъ душъ. То и другое различается поистинѣ весьма легко; ибо всякій религіозный человѣкъ создаетъ себѣ самъ свою аскетику, въ какой онъ нуждается, и не ищетъ какой-либо нормы, кромѣ той, которую онъ носитъ въ себѣ. Суевѣрный же и лицемѣръ строго держится даннаго извнѣ и традиціоннаго и ревностно соблюдаетъ все это, какъ что-то общеобязательное и священное. И это вполнѣ естественно; вѣдь, если бы каждый обязанъ былъ самъ изобрѣтать свою внѣшнюю дисциплину и упражненіе, свою гимнастику чувства, въ связи съ своимъ личнымъ состояніемъ, то имъ плохо пришлось бы, и они не могли бы уже скрыть своей внутренней нищеты.

Долго задерживалъ я васъ на самомъ общемъ,—почти можно

сказать: на предварительномъ, на томъ, что должно было бы разумѣться само собой. Но именно потому, что для васъ, какъ и для многихъ другихъ, которые менѣе всего согласились бы быть причисленными къ вамъ, оставалось непонятнымъ отношеніе религіи къ другимъ отраслямъ жизни, было необходимо съ самаго начала отвести источники наиболѣе обычныхъ недоразумѣній, чтобы они потомъ не задерживали насъ на нашемъ пути. Это я и выполнилъ по мѣрѣ силъ, и теперь, я надѣюсь, у насъ есть твердая почва подъ ногами; мы должны исходить изъ того мгновенія, которое само никогда не можетъ быть непосредственно созерцаемо, но въ которомъ одинаково образуются всѣ различныя проявленія жизни, подобно тому, какъ иныя растенія оплодотворяются уже въ закрытомъ бутонѣ и какъ бы приносятъ плодъ въ самомъ расцвѣтѣ; и если, исходя отсюда, мы спросимъ, гдѣ среди всѣхъ проявленій жизни слѣдуетъ преимущественно искать религію, то мы убѣждены, что на это нельзя дать иного вѣрнаго и обоснованнаго отвѣта, какъ найти мѣсто религіи тамъ, гдѣ живыя соприкосновенія человѣка съ міромъ принимаютъ преимущественно характеръ чувства, и указать, что въ чувствѣ произрастаютъ прекрасные и благоуханные цвѣты религіи; эти цвѣты, раскрываясь въ указанномъ тайномъ дѣйствіи, правда, вскорѣ опять опадаютъ, но божественный ростокъ всегда создаетъ новые, окружая ихъ райскимъ климатомъ, въ которомъ никакая непогода не мѣшаетъ ихъ развитію и никакая рѣзкая среда не вредитъ нѣжнымъ краскамъ и тонкой ткани цвѣтовъ. На это внутреннее строеніе я хочу теперь обратить ваше очищенное и подготовленное вниманіе.

Прежде всего обратимся къ внѣшней природѣ, которую многіе считаютъ первымъ и единственнымъ храмомъ Божества и, въ силу присущаго ей особаго способа дѣйствовать на душу, самой глубокой святыней религіи, но которая теперь есть почти лишь преддверіе къ послѣдней, хотя и должна была бы имѣть большее значеніе. Вѣдь совершенно невѣрно воззрѣніе, которое мнѣ прежде всего бросается въ глаза въ вашей средѣ, будто страхъ передъ силами, которыя властвуютъ въ природѣ и съ прису-

щей имъ безпощадностью угрожаютъ жизни и дѣламъ людей, впервые возбудилъ въ человѣкѣ чувство безконечнаго или даже есть единственная основа всей религіи. Развѣ вы не должны признать, что, если бы дѣло обстояло такъ, если бы благочестіе явилось вмѣстѣ со страхомъ, оно должно было бы также исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ? Конечно, вы должны признать это; но, быть можетъ, вамъ именно это и кажется, а потому разсмотримъ дѣло ближе. Вѣдь очевидно, что великая цѣль всего трудолюбія, затрачиваемаго на совершенствованіе земли, состоитъ въ томъ, чтобы прекратить господство силъ природы надъ человѣкомъ и уничтожить всякій страхъ передъ ними. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи уже сдѣлано изумительно много. Молніи Зевса не пугаютъ насъ болѣе, съ тѣхъ поръ, какъ Гефестъ изготовилъ щитъ противъ нихъ; Гестія охраняетъ то, что она отвоевала у Посейдона, отъ гнѣвныхъ ударовъ его трезубца, и сыновья Ареса соединяются съ сыновьями Асклепія, чтобы оберечь насъ отъ быстро убивающихъ стрѣлъ Аполлона. Человѣкъ все болѣе научается одолѣвать и губить одного изъ этихъ боговъ посредствомъ другого и готовъ вскорѣ уже лишь, какъ побѣдитель и властелинъ, смотрѣть на эту игру. Итакъ, если губители взаимно губятъ себя, а страхъ есть основа ихъ почитанія, то они постепенно должны пріобрѣтать видъ чего-то будничнаго и обыденнаго; ибо что человѣкъ одолѣлъ или что мечтаетъ одолѣть, то онъ и способенъ измѣрить, и оно уже не можетъ стоять передъ нимъ, какъ ужасная безконечность, такъ что религія должна была бы постепенно терять свои объекты. Но развѣ это гдѣ-либо случалось? Развѣ эти боги не почитались столь же ревностно, поскольку они, какъ братья и родственники, поддерживали и укрѣпляли другъ друга, и поскольку они поддерживаютъ и охраняютъ и человѣка, какъ младшаго сына того же отца? Да и въ васъ самихъ, если вами еще овладѣваетъ благоговѣніе передъ великими силами природы, зависитъ ли оно отъ вашей обезпеченности или необезпеченности? Или у васъ уже наготовѣ смѣхъ, чтобы глумиться надъ громомъ, когда вы стоите подъ вашими громоотводами? И не есть ли вообще охраняющее и поддерживающее на-

чало въ природѣ также предметъ поклоненія? Обсудите также и слѣдующее. Развѣ то, что угрожаетъ и противодѣйствуетъ бытію и творчеству человѣка, есть только великое и безконечное, или, напротивъ, то же самое дѣлаетъ многое мелкое и ничтожное, что вы даже не можете опредѣленно воспринять и преобразить во что-либо крупное, и что вы поэтому зовете случаемъ? А было ли это хоть когда-либо предметомъ религіи и поклоненія? А если вы хотите составить себѣ столь низменное представленіе объ идеѣ судьбы у древнихъ, то вы плохо поняли ихъ поэтическую религію. Ибо подъ этой возвышенной судьбой разумѣлось одинаково и сохраняющее, и разрушающее начало; а потому и священное благоговѣніе передъ ней, отказъ отъ котораго въ самую прекрасную и просвѣщенную эпоху древности казался всѣмъ лучшимъ людямъ совершеннымъ нечестіемъ, было нѣчто иное, чѣмъ тотъ рабскій страхъ, освобожденіе отъ котораго было славнымъ и добродѣтельнымъ дѣломъ [11]). Что касается этого священнаго благоговѣнія, если вы можете его постигнуть, то я охотно соглашусь, что оно есть первый элементъ религіи. Страхъ же, который вы имѣете въ виду, не только самъ не есть религія, но и не можетъ подготовить и подвести къ ней. Напротивъ, единственное хорошее, что можно сказать о немъ,—это только то, что онъ вынуждаетъ людей обратиться къ мірскому общенію, къ государству, чтобы этимъ путемъ избавиться отъ него; благочестіе же человѣческое начинается лишь тамъ, гдѣ человѣкъ уже избавился отъ страха. Ибо любить міровой духъ [12]) и радостно созерцать его дѣйствіе—вотъ цѣль религіи, страхъ же не есть любовь. Но столь же мало вы должны вѣрить тому, что любовь къ природѣ, которую столь многіе прославляютъ въ качествѣ религіи, есть истинно религіозная любовь. Мнѣ почти отвратительно говорить объ ихъ манерѣ спѣшить въ великій прекрасный міръ, чтобы раздобывать въ немъ маленькія трогательныя ощущенія—говорить о томъ, какъ они всматриваются въ нѣжные рисунки и окраски цвѣтовъ, или въ магическую свѣтовую игру пылающаго вечерняго неба, и какъ они восхищаются пѣніемъ птицъ и красивой мѣстностью. Они, правда, полны изумленія и

восторга и полагаютъ, что никакой инструментъ не можетъ произвести этихъ волшебныхъ звуковъ, и никакая кисть не можетъ достигнуть такой окраски и рисунка. Но если бы мы вмѣшались въ ихъ мысли и стали умничать въ ихъ духѣ, то они сами должны были бы проклясть свою радость. Вѣдь ихъ можно спросить: чему вы собственно здѣсь изумляетесь? Взрастите цвѣтокъ въ темномъ погребѣ,—и при удачѣ вы можете лишить его всѣхъ этихъ красотъ, ничуть не измѣняя его природы. И вообразите, что испаренія будутъ нѣсколько иначе ложиться вокругъ насъ, и вы, вмѣсто этого великолѣпія, будете имѣть передъ глазами лишь сѣрое непріятное покрывало, а однако явленіе, наблюдаемое вами, останется прежнимъ. Попытайтесь, наконецъ, представить себѣ, что тѣ же самые полуденные лучи, ослѣпительность которыхъ вы не выносите, кажутся людямъ, живущимъ къ востоку отъ насъ, мерцающей вечерней зарей—а вѣдь вы должны принять это во вниманіе, если хотите обсудить этотъ предметъ въ цѣломъ—и если тогда вы, очевидно, уже не будете имѣть того же ощущенія, то вы должны убѣдиться, что гнались лишь за пустымъ призракомъ. И они не только повѣрятъ этому, но это и дѣйствительно истинно для нихъ, ибо они охвачены борьбой между видимостью и бытіемъ, а гдѣ есть эта борьба, тамъ не можетъ возникнуть религіозное возбужденіе и подлинное чувство. Да, если бы они были дѣтьми, которые дѣйствительно, не мечтая и не думая ни о чемъ иномъ, не сравнивая и не размышляя, воспринимаютъ въ себя свѣтъ и блескъ и съ помощью міровой души открываютъ себя міру, благоговѣйно чувствуютъ это и побуждаются къ этому отдѣльными предметами; или если бы они были мудрецами, для которыхъ всякій споръ между видимостью и бытіемъ разрѣшается въ живомъ созерцаніи, которые поэтому могутъ снова переживать дѣтскія чувства и которымъ такія умничанія не служатъ помѣхой,—тогда ихъ радость была бы истиннымъ и чистымъ чувствомъ, моментомъ живого, дающаго радостную вѣсть о себѣ, соприкосновенія между ними и міромъ. И если вы понимаете это болѣе прекрасное состояніе, то позвольте сказать вамъ, что и оно есть первичный и

необходимый элементъ религіи. Но не выдавайте мнѣ описанное пустое, вымученное чувство за движеніе благочестія, ибо оно слишкомъ неустойчиво и есть лишь жалкая личина для ихъ холоднаго, безчувственнаго просвѣщенія и извращенія. Итакъ, оспаривая религію, не подкидывайте ей и здѣсь того, что не принадлежитъ ей; и не говорите съ насмѣшкой, будто черезъ унизительный страхъ передъ безсмысленнымъ и пустую игру съ безсодержательной видимостью человѣкъ легче всего можетъ достигнуть этой мнимой святыни, и будто благочестіе ни въ комъ не возникаетъ легче и никому не идетъ лучше, чѣмъ трусливымъ, слабымъ, чувствительнымъ душамъ.

Далѣе въ тѣлесной природѣ передъ нами выступаетъ ея матеріальная безконечность, огромныя массы, разсѣянныя въ необозримомъ пространствѣ и пробѣгающія неизмѣримые пути; и когда воображеніе оказывается безсильнымъ расширить уменьшенные образы этихъ явленій до ихъ настоящей величины, то многіе думаютъ, что это безсиліе тождественно съ чувствомъ величія и грандіозности вселенной. Вы правы, когда находите нѣсколько ребяческимъ это ариѳметическое изумленіе и отказываетесь признавать большую цѣнность за тѣмъ чувствомъ, которое легче всего возбудить у малолѣтнихъ и невѣжественныхъ именно въ силу ихъ невѣжества. Но легко также устранить недоразумѣніе, будто такое чувство въ этомъ его значеніи есть религіозное чувство. Развѣ даже тѣ, кто привыкли такъ называть его, допустили бы, что когда эти великія движенія не были еще исчислены, когда еще половина этихъ міровъ не была открыта и когда даже еще не знали, что свѣтящіяся точки суть небесныя тѣла—что въ эту пору благочестіе необходимо было меньшимъ, такъ какъ ему недоставало существеннаго элемента? И столь же мало они смогутъ отрицать, что эта безконечность мѣры и числа, поскольку она дѣйствительно входитъ въ наше представленіе—а вѣдь иначе она для насъ и не существуетъ,—становится всегда лишь конечнымъ, что духъ можетъ охватить безконечность этого рода въ краткихъ формулахъ и счислять посредствомъ нихъ, какъ это ежедневно совершается. Но вѣдь навѣрно они не захотятъ допустить, что

ихъ благоговѣніе передъ величіемъ и грандіозностью вселенной сколько-нибудь умаляется въ силу развитія знанія и техники. И все же это волшебство числа и массы должно было бы исчезнуть по мѣрѣ того, какъ намъ удавалось бы опредѣлить отношеніе единицъ, которыми мы измѣряемъ нашу величину и наше движеніе, къ великимъ міровымъ единствамъ. Поэтому, пока чувство прикрѣпляется лишь къ этому различію мѣръ, оно и есть только чувство нашей личной неспособности—правда, тоже религіозное чувство, но совсѣмъ иного рода. Благоговѣніе же, это прекрасное, столь же возвышающее, сколь и смиряющее чувство нашего отношенія къ цѣлому должно оставаться одинаковымъ не только тамъ, гдѣ мѣра мірового дѣйствія слишкомъ велика для нашей организаціи, или тамъ, гдѣ она слишкомъ мала, но и тамъ, гдѣ она равна или соотвѣтственна ей. Но можетъ ли тогда быть источникомъ этого дивнаго чувства противоположность между малымъ и большимъ? или, напротивъ, этимъ источникомъ является сущность величія, тотъ вѣчный законъ, въ силу котораго вообще возникаютъ величина и число, а значитъ и мы, какъ таковые? Итакъ, все, подчиненное тяжести и въ этомъ смыслѣ умерщвленное не можетъ само по себѣ дѣйствовать на насъ; на насъ дѣйствуетъ лишь живое, и что́ во внѣшнемъ мірѣ дѣйствительно привлекаетъ религіозное сознаніе, это—не его массы, а его вѣчные законы. Возвысьте свой взоръ и посмотрите, какъ эти законы объемляютъ равномѣрно все, величайшее и мельчайшее, отъ міровыхъ системъ до пылинки, которая безпокойно носится въ воздухѣ, и скажите тогда, не открывается ли вамъ божественное единство и вѣчная неизмѣнность міра. Однако то, что въ этихъ законахъ постоянно и чаще всего насъ затрогиваютъ и потому не ускользаетъ и отъ обычнаго воспріятія, именно порядокъ, въ которомъ возвращаются всѣ движенія на небѣ и на землѣ, опредѣленное появленіе и исчезновеніе всѣхъ органическихъ силъ, неизмѣнная вѣрность въ порядкѣ механизма и вѣчное однообразіе въ стремленіяхъ пластической природы,—это именно въ силу своей правильности возбуждаетъ менѣе живое и великое религіозное чувство, поскольку, впрочемъ, здѣсь допу-

стимо сравненіе по степени. И это не должно васъ удивлять; вѣдь когда вы разсматриваете отдѣльный отрывокъ великаго художественнаго произведенія и въ отдѣльныхъ частяхъ этого отрывка снова замѣчаете самостоятельныя и прекрасныя формы и отношенія — не будетъ ли вамъ тогда казаться скорѣе, что этотъ отрывокъ есть самъ по себѣ художественное произведеніе, чѣмъ что онъ есть часть болѣе крупнаго произведенія? не скажете ли вы тогда, что цѣлому, если оно все создано въ этомъ стилѣ, недостаетъ размаха и смѣлости и всего, что даетъ почуять присутствіе великаго духа? Гдѣ мы должны ощущать возвышенное единство, широко задуманную связь, тамъ, на ряду съ общей тенденціей къ порядку и гармоніи, необходимо должны существовать въ частности отношенія, которыя не могутъ быть сполна поняты сами по себѣ. Міръ также есть твореніе, лишь часть котораго вы обозрѣваете, и если бы эта часть была вполнѣ упорядочена и завершена сама въ себѣ, то величіе цѣлаго открылось бы вамъ лишь въ ограниченной мѣрѣ. Вы видите, что та неправильность міра, которая часто должна служить дѣлу устраненія религіи, напротивъ, имѣетъ для религіи бо́льшую цѣну, чѣмъ порядокъ, который первый открывается нашему міросозерцанію и который доступенъ обозрѣнію и въ меньшихъ частяхъ міра. Отклоненія въ ходѣ небесныхъ тѣлъ указуютъ на высшее единство, на болѣе смѣлую связь, чѣмъ та, которую мы узнаемъ уже въ правильности ихъ пути, и аномаліи и праздная игра пластической природы вынуждаетъ насъ видѣть, что даже съ самыми опредѣленными своими формами она обращается съ свободнымъ, почти можно сказать, капризнымъ произволомъ, какъ бы съ фантазіей, правила которой могли бы открыться намъ лишь съ высшей точки зрѣнія. Поэтому-то и въ религіи древнихъ лишь низшимъ божествамъ, подчиненнымъ дѣвамъ, принадлежалъ надзоръ надъ равномѣрно-повторяющимся, надъ тѣмъ, порядокъ чего былъ уже найденъ; отклоненія же, которыя были непонятны, революціи, для которыхъ не существовало законовъ. именно и были дѣломъ отца боговъ. Такъ и мы легко отличаемъ въ нашемъ

чувствѣ отъ спокойнаго и уравновѣшеннаго сознанія, возбуждаемаго понятой природой, то высшее сознаніе, въ которомъ именно открывается, что единичное вовлечено въ широчайшія связи цѣлаго, что частное зависитъ отъ еще неизслѣдованной всеобщей жизни—тѣ изумительныя, трепетныя, таинственныя душевныя движенія, которыя овладѣваютъ нами, когда фантазія внушаетъ намъ, что уже осуществленное познаніе природы совершенно не соотвѣтствуетъ даже ея дѣйствію на насъ; я разумѣю тѣ загадочныя чаянія, которыя одинаковы во всѣхъ, но которыя лишь въ знающемъ, какъ и подобаетъ, стремятся къ просвѣтлѣнію и переходятъ въ болѣе живую дѣятельность познанія, въ другихъ же, будучи неразумно и невѣжественно восприняты, приводятъ къ ложнымъ мнѣніямъ; такія мнѣнія мы слишкомъ рѣшительно зовемъ суевѣріемъ: вѣдь въ основѣ ихъ лежитъ очевидно благочестивый трепетъ, котораго мы сами не стыдимся.—Обратите также вниманіе, какъ вы сами поражаетесь общей противоположностью между всѣмъ живымъ и тѣмъ, что по сравненію съ нимъ должно считаться мертвымъ,—какъ вы ощущаете ту сохраняющую, побѣдоносную силу, благодаря которой все питается и, какъ бы насильственно пробуждая мертвое, вовлекаетъ его въ свою собственную жизнь, чтобы оно снова начало круговоротъ; какъ со всѣхъ сторонъ насъ тѣснить готовый запасъ для всего живущаго, который не лежитъ мертвымъ, а, живя, всюду самъ возсоздаетъ себя; какъ, при всемъ многообразіи жизненныхъ формъ и невѣроятномъ множествѣ матеріи, потребляемой поперемѣнно каждой изъ нихъ, все же каждая форма имѣетъ достаточно матеріи, чтобы пройти кругъ своего бытія, и каждая покоряется лишь своей внутренней судьбѣ, а не внѣшнему лишенію. Какую безконечную полноту содержитъ въ себѣ это чувство, и какое черезъ край переливающееся обиліе! Какъ волнуетъ насъ впечатлѣніе общаго отеческаго промысла, и дѣтское довѣріе къ возможности провести въ безпечной игрѣ сладостную жизнь среди обильнаго и богатаго міра. Посмотрите на полевыя лиліи, онѣ не сѣютъ и не жнутъ, но Отецъ небесный питаетъ ихъ: итакъ, не заботьтесь. Это радостное

воззрѣніе, это веселое, легкое настроеніе было уже для одного изъ величайшихъ героевъ религіи прекраснымъ плодомъ еще весьма ограниченнаго и бѣднаго общенія съ природой; насколько болѣе должны насладиться имъ мы, которымъ болѣе богатая эпоха дала возможность глубже заглянуть во-внутрь природы, такъ что мы уже лучше знаемъ общераспространенныя силы и вѣчные законы, по которымъ образуются и разрушаются всѣ отдѣльныя вещи, въ томъ числѣ и тѣ, которыя, обособляясь въ опредѣленномъ объемѣ, имѣютъ свои души въ себѣ самихъ и которыя мы называемъ тѣлами. Посмотрите, какъ всюду непрерывно дѣйствующее влеченіе и отталкиваніе опредѣляютъ все; какъ все различіе и противоборство снова разрѣшаются въ высшее единство, и что-либо конечное лишь мнимо можетъ гордиться вполнѣ обособленнымъ бытіемъ; посмотрите, какъ все равное умѣетъ скрываться и раздѣляться въ тысячахъ различныхъ формъ, и какъ вы нигдѣ не находите ничего простого, а, напротивъ, все находите искусно составленнымъ и сплетеннымъ. Но мы хотимъ не только видѣть и обращать вниманіе всякаго, кто принимаетъ нѣкоторое участіе въ просвѣщеніи нашего времени, что въ этомъ смыслѣ духъ міра столь же явственно и совершенно открывается въ малѣйшемъ, какъ и величайшемъ, и не только останавливаться на такомъ его воспріятіи, которое развивается и овладѣваетъ душой всюду и во всемъ; вѣдь міровой духъ, несмотря на отсутствіе всѣхъ знаній, которыя даютъ славу нашему вѣку, открылся уже древнѣйшимъ мудрецамъ далекихъ эпохъ и не только проявился въ ихъ созерцаніи, какъ чистый и осмысленный образъ міра, но и возжегъ въ ихъ сердцахъ еще намъ любезную и отрадную радость и любовь къ природѣ, и если бы эта любовь и радость проникли ко всѣмъ народамъ, кто знаетъ, какой великій и возвышенный путь прошла бы религія уже съ самаго начала! Мы хотимъ еще большаго: вѣдь если теперь, въ силу постепенно дѣйствующаго общенія между познаніемъ и чувствомъ, всѣ, кто хотятъ считаться образованными, дѣйствительно владѣютъ этимъ пониманіемъ природы уже въ непосредственномъ чувствѣ, и не находятъ въ своемъ бытіи ничего,

что не было бы созданіемъ этого духа и проявленіемъ и выполненіемъ этихъ законовъ, такъ что благодаря этому чувству все, что вторгается въ ихъ жизнь, есть для нихъ дѣйствительно міръ, созданный, проникнутый Божествомъ и единый—то въ нихъ всѣхъ должна была бы быть именно эта любовь и радость, именно это внутреннее благоговѣніе передъ природой, которымъ для насъ освящены искусство и жизнь древнихъ; вѣдь изъ этого благоговѣнія тамъ впервые возникла та мудрость, которую мы наконецъ начинаемъ восхвалять и прославлять въ позднихъ плодахъ, послѣ того, какъ мы вернулись къ ней. И это было бы, конечно, очагомъ религіозныхъ чувствъ, лежащихъ въ этомъ направленіи—такое чувство своего единства съ природой, своей укорененности въ ней, что при всѣхъ измѣнчивыхъ явленіяхъ жизни и даже при самой смѣнѣ жизни смертью, которая поражаетъ и насъ, мы съ радостью и спокойствіемъ ожидали бы выполненія этихъ вѣчныхъ законовъ.

Но то цѣлое, которымъ только и можетъ быть возбуждено въ насъ это чувство—любовь и борьба, своеобразіе и единство въ природѣ, черезъ которыя она становится цѣлымъ для насъ—легко ли это найти непосредственно въ природѣ? Нѣтъ, именно въ томъ и дѣло, и именно потому встрѣчается такъ мало истинно-религіознаго наслажденія природой, что наше сознаніе склоняется въ совсѣмъ иную сторону, и мы непосредственно воспринимаемъ это единство въ глубинѣ души, и лишь позднѣе, истолковывая его, переносимъ его на тѣлесную природу. Поэтому душа есть для насъ какъ мѣстонахожденіе, такъ и ближайшій міръ религіи [13]): во внутренней жизни отображается вселенная, и лишь черезъ духовную, внутреннюю природу намъ становится понятной тѣлесная природа. Но и душа, чтобы создавать и питать религію, должна дѣйствовать на насъ, какъ міръ и въ мірѣ. Позвольте мнѣ открыть вамъ загадку, которая почти недоступно скрыта въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи и религіи. Пока первый человѣкъ былъ наединѣ съ самимъ собой и природой, надъ нимъ, правда, властвовало Божество, оно обращалось къ нему въ разныхъ формахъ, но онъ не понималъ его, ибо не отвѣчалъ ему; его рай былъ прекрасенъ,

и съ прекраснаго неба ему блистали звѣзды, но духъ его не раскрывался для міра; онъ не развивался также извнутри, изъ глубины своей души, и духъ его обуревался лишь тоскою по міру: и вотъ онъ собралъ вокругъ себя всю животную тварь, ища въ ней міра. Тогда познало Божество, что его міръ —ничто, пока въ немъ человѣкъ одинъ, оно создало помощницу человѣку, и лишь тогда пробудились въ немъ живые и одухотворенные звуки, лишь тогда передъ его глазами создался міръ. Въ плоти отъ своей плоти и въ кости отъ своей кости онъ открылъ человѣчество, предчувствуя уже въ этой первичной любви всѣ направленія и формы любви, и въ человѣчествѣ онъ нашелъ міръ; съ этого мгновенія онъ сталъ способенъ слышать голосъ Божества и отвѣчать ему, и кощунственное нарушеніе законовъ Божества уже не лишало его общенія съ вѣчнымъ Существомъ [14]). Въ этой сагѣ разсказана исторія каждаго изъ насъ. Тщетно все для того, кто самъ себя уединяетъ; ибо, чтобы воспринять въ себя жизнь мірового духа и имѣть религію, человѣкъ долженъ сперва найти человѣчество, и онъ находитъ его лишь въ любви и черезъ любовь. Поэтому то и другое столь тѣсно и неразрывно соединено между собой; жажда любви, всегда удовлетворяемая и вновь пробуждающаяся, вмѣстѣ съ тѣмъ становится для него религіей. Каждый горячѣе всего объемлетъ того, въ комъ для него яснѣе и чище всего отражается міръ, каждый любитъ нѣжнѣе всего того, въ комъ онъ мнитъ найти соединеннымъ все, что ему самому недостаетъ, чтобы составить человѣчество; и точно такъ же каждому святѣе всего тѣ религіозныя чувства, которыя выражаютъ для него бытіе въ цѣлостномъ человѣчествѣ—будь то какъ блаженство, или какъ потребность.

Итакъ, чтобы найти господствующіе элементы религіи, мы должны вступить въ эту область, которая и для васъ есть подлинная и любимѣйшая родина, гдѣ открывается ваша внутренняя жизнь, гдѣ вы ясно видите цѣль всѣхъ вашихъ стремленій и дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуете внутреннее біеніе вашихъ силъ, постоянно влекущее васъ къ этой цѣли.

Само человѣчество есть, собственно, для васъ вселенная, и все остальное вы причисляете къ послѣдней, лишь поскольку оно стоитъ въ связи съ человѣчествомъ. Я не хочу уводить васъ за предѣлы этой точки зрѣнія; но я часто скорбѣлъ, что, при всемъ вашемъ интересѣ къ человѣчеству и рвенію къ его пользѣ, вы все же находитесь въ сложномъ отношеніи къ нему и въ раздорѣ съ нимъ, и чистая любовь не можетъ надлежащимъ образомъ проступить въ васъ. Вы мучительно стараетесь исправлять и лѣпить его, каждый на свой ладъ, и въ концѣ концовъ вы съ ропотомъ бросаете дѣло, которое не можете довести до конца. Я вправѣ сказать: это также происходитъ отъ недостатка религіи въ васъ. Вы хотите дѣйствовать на человѣчество и на людей и разсматриваете съ этой цѣлью отдѣльныхъ его представителей. Послѣдніе въ высокой степени возбуждаютъ ваше неодобреніе; и среди тысячи причинъ, которыми это можетъ объясняться, безспорно прекраснѣйшей и принадлежащей лучшимъ изъ васъ является та, что вы черезчуръ моральны на свой ладъ. Вы берете людей поодиночкѣ, и потому у васъ есть и идеалъ отдѣльнаго человѣка,—идеалъ, которому никто не соотвѣтствуетъ. Все это, вмѣстѣ взятое, есть неправильное начинаніе, и съ помощью религіи вы достигнете лучшаго состоянія. Попытайтесь только перемѣнить объекты вашей дѣятельности и вашего наблюденія! Дѣйствуйте на отдѣльныхъ людей; но въ вашемъ размышленіи подымитесь на крыльяхъ религіи выше, къ безконечному нераздѣльному человѣчеству; только его ищите въ отдѣльномъ человѣкѣ; разсматривайте бытіе каждаго человѣка, какъ откровеніе человѣчества для васъ,—и отъ всего, что васъ теперь тяготитъ, не останется и слѣда. Я, по крайней мѣрѣ, признаю за собой также нравственное умонастроеніе, я также умѣю цѣнить человѣческія достоинства, и низменное, разсматриваемое само по себѣ, можетъ почти переполнить меня непріятнымъ чувствомъ презрѣнія; но религія открываетъ мнѣ великую и прекрасную точку зрѣнія на все это. Нужно только смотрѣть на генія человѣчества, какъ на самаго совершеннаго и всесторонняго художника. Онъ не можетъ ничего создать, что не

имѣло бы своеобразнаго бытія. Даже когда онъ, повидимому, лишь пробуетъ краски и чинитъ кисти, возникаютъ живыя и значительныя черты. Онъ мыслитъ безчисленные образы и творитъ ихъ. Милліоны носятъ одѣяніе своего времени и суть вѣрныя копіи его потребностей и его вкуса; въ другихъ обнаруживаются воспоминанія о прошломъ или предчувствія далекаго будущаго. Одни суть самый возвышенный и удачный отпечатокъ прекраснѣйшаго и божественнаго; другіе походятъ на карикатуры, созданныя оригинальнѣйшимъ и бѣглымъ капризомъ мастера. Мысль, что есть сосуды чести и сосуды безчестія, въ ея обычномъ пониманіи содержитъ скорѣе нечестивое воззрѣніе и недостаточное проникновеніе въ смыслъ священныхъ словъ, на которыхъ ее основываютъ. Лишь когда вы сравниваете единичное съ единичнымъ, такая противоположность можетъ представиться вамъ: но вы не должны ничто разсматривать поодиночкѣ, а должны, напротивъ, наслаждаться всѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оно стоитъ. Все, что можетъ быть воспринято одновременно и какъ бы стоитъ на одномъ листѣ, принадлежитъ къ одной великой исторической картинѣ, которая изображаетъ моментъ общей дѣятельности цѣлаго. Хотите ли вы презирать то, что выдѣляетъ основныя группы и придаетъ цѣлому жизнь и полноту? Развѣ отдѣльные небесные образы не прославляются тѣмъ, что тысячи другихъ склоняются передъ ними, и видно, какъ все направлено на нихъ? Поистинѣ, въ этомъ есть нѣчто большее, чѣмъ плоское сравненіе. Вѣчное человѣчество неустанно стремится выступить къ свѣту изъ своего внутренняго таинственнаго бытія, и на многообразнѣйшіе лады воплотиться въ преходящемъ явленіи конечной жизни. Въ этомъ—гармонія вселенной, въ этомъ—изумительное и несравненное единство упомянутаго вѣчнаго художественнаго творенія; вы же поносите это великолѣпіе вашими требованіями жалкаго обособленія, ибо вы стоите лишь въ первыхъ сѣняхъ морали, и заняты въ нихъ лишь начатками: вѣчно заботясь о своей отдѣльности и успокаиваясь на единичномъ, вы пренебрегаете высокой религіей. Ваша потребность обозначена достаточно отчетливо, вамъ остается только

познать и удовлетворить ее! Ищите среди всѣхъ событій, въ которыхъ отражается этотъ небесный порядокъ—вѣдь каждый изъ васъ имѣетъ свои любимыя мѣста въ исторіи,—и посмотрите, не откроется ли вамъ въ какомъ либо изъ нихъ небесный знакъ, который поможетъ вамъ понять, какъ жизненно въ себѣ и какъ важно для цѣлаго даже малое: и тогда вашу любовь привлечетъ то, что въ иномъ случаѣ вы осматриваете съ холоднымъ презрѣніемъ. Или полюбите какое-нибудь старое, отвергнутое понятіе, и поищите среди всѣхъ святыхъ людей, въ которыхъ выразилось прекрасное откровеніе человѣчества, кого-либо, кто могъ бы быть посредникомъ между вашимъ ограниченнымъ образомъ мыслей и вѣчными законами міра; и когда вы найдете такого человѣка, который понятнымъ для васъ способомъ укрѣпляетъ слабое и оживляетъ мертвое своимъ связующимъ бытіемъ, тогда обозрите все человѣчество и освятите отраженіемъ этого новаго свѣта все, что доселѣ казалось вамъ безплоднымъ и убогимъ. Какую цѣну имѣло бы однообразное повтореніе высшаго идеала, причемъ люди, если отвлечься отъ времени и обстоятельствъ, были бы въ сущности однородны, означали бы одну и ту же формулу лишь съ разными коэффиціентами—какую цѣну имѣло бы это по сравненію съ безконечной различностью человѣческихъ явленій? Возьмите какой угодно элементъ человѣчества, вы найдете каждый во всевозможныхъ состояніяхъ. начиная съ почти совершенной его чистоты—ибо совершенную чистоту нигдѣ нельзя найти—черезъ многообразныя смѣшенія съ каждымъ другимъ элементомъ, вплоть до почти всецѣлаго насыщенія всѣми остальными—ибо и это есть недостижимая крайность; и смѣшеніе создается всевозможными способами, выражаетъ всѣ случайныя видоизмѣненія и рѣдкія комбинаціи. И если вы еще можете мыслить соединенія, которыхъ вы не видите, то и это есть откровеніе вселенной,—намекъ на то, что въ требуемой степени это смѣшеніе невозможно при нынѣшней температурѣ міра; и ваше воображаемое представленіе о немъ открываетъ горизонты по ту сторону современныхъ границъ человѣчества и есть истинное высшее вдохновеніе, все равно,

есть ли оно лишь новое пробужденіе исчезнувшаго прошлаго, или непроизвольное и безсознательное пророчество о томъ, что будетъ въ грядущемъ. Но если то, что, повидимому недостаетъ для этого требуемаго безконечнаго многообразія, не есть подлинный недостатокъ, то нѣтъ и подлиннаго избытка въ томъ, что съ вашей точки зрѣнія представляется таковымъ. Въ столь часто оплакиваемомъ избыткѣ самыхъ пошлыхъ формъ человѣчества, которыя неизмѣнно повторяются въ тысячахъ оттисковъ, сосредоточенное религіозное сознаніе легко узнаетъ пустую видимость. Вѣчный разумъ повелѣваетъ—и это можетъ постигнуть и конечный разумъ,—чтобы тѣ формы, въ которыхъ труднѣе всего различить самобытность, тѣснѣе всего сгрудились между собой; но каждая форма имѣетъ нѣчто своеобразное; никто не равенъ другому, и въ жизни каждаго есть мгновеніе, подобное серебряному блеску неблагородныхъ металловъ, когда либо черезъ внутреннюю близость болѣе высокаго существа, либо въ силу нѣкоего электрическаго удара, человѣкъ какъ бы возвышается надъ самимъ собой и возводится на высочайшую вершину того, чѣмъ онъ можетъ быть. Для этого мгновенія онъ былъ созданъ, въ немъ онъ достигъ своего назначенія, и послѣ него изсякнувшая жизненная сила снова падаетъ. Завидное наслажденіе—вызывать это мгновеніе въ бѣдныхъ душахъ и наблюдать ихъ въ такомъ состояніи; но кому это никогда не удавалось, тому, конечно, все ихъ бытіе должно казаться излишнимъ и презрѣннымъ. Такъ существованіе каждаго человѣка имѣетъ двоякій смыслъ въ отношеніи цѣлаго. Если я мысленно задержу движеніе той неустанной силы, которая переплетаетъ между собой все человѣческое и устанавливаетъ въ немъ взаимозависимость всѣхъ частей, то каждая личность по своему внутреннему существу есть необходимый дополнительный элементъ для совершеннаго созерцанія человѣчества. Въ одномъ существѣ я вижу, какъ каждая оторванная частица человѣчества, если только въ ней можетъ продолжать дѣйствовать внутреннее творческое влеченіе, одушевляющее цѣлое, развивается въ тонкихъ и правильныхъ формахъ; въ другомъ я замѣчаю, какъ, благодаря недостатку оживляющей

и связующей теплоты, не можетъ быть преодолѣна твердость земного матеріала, или какъ слишкомъ бурная атмосфера препятствуетъ дѣятельности внутренняго духа, такъ что все проступаетъ наружу въ непримѣтныхъ или неотчетливыхъ формахъ; въ одномъ случаѣ предо мной—грубая и животная часть человѣчества, лишь слегка колеблемая первыми неумѣлыми побужденіями человѣчества, въ другомъ случаѣ я вижу частѣйшій дефлегмированный духъ, отдѣленный отъ всего низменнаго и недостойнаго и витающій надъ землей, лишь легко соприкасаясь съ ней; но и всѣ промежуточныя звенья между этими двумя конечными точками обозначаютъ въ какомъ-либо отношеніи самостоятельную ступень и своеобразно свидѣтельствуютъ, какъ въ обособленныхъ мелкихъ явленіяхъ единичной жизни выражаются различные элементы человѣческой природы. Развѣ мало того, что среди этого безчисленнаго множества имѣется всегда хоть нѣсколько человѣкъ, которые суть выдающіеся и высшіе представители человѣчества,—что каждый изъ нихъ беретъ то тотъ, то иной мелодическій аккордъ, который не нуждается въ сопровожденіи чужого голоса и въ дальнѣйшемъ разрѣшеніи, а сразу своей внутренней гармоніей восхищаетъ и удовлетворяетъ всю душу? Но если самые благородные люди все же выражаютъ человѣчество лишь на особый ладъ и въ отдѣльныя мгновенія, то, съ другой стороны, каждый изъ людей иного, обратнаго типа въ какомъ-либо смыслѣ имѣетъ то же значеніе, каждый есть своеобразное выраженіе человѣчества: и если бы недоставало хоть одного образа въ этой великой картинѣ, мы должны были бы отказаться воспринять ее сполна и совершенно въ наше сознаніе. Итакъ, каждый существенно связанъ съ тѣмъ, что есть внутреннее ядро нашей жизни; можемъ ли мы не чувствовать этой связи, не обнимать съ интимной любовью и симпатіей всѣхъ, даже безъ различія умонастроенія и духовной силы? И въ этомъ—одинъ смыслъ, который каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ въ отношеніи цѣлаго. Когда я, напротивъ, наблюдаю вѣчныя колеса человѣчества въ ихъ движеніи, то, съ другой стороны, эта необозримая взаимная переплетенность, въ ко-

торой ничто подвижное не движется только само собой, и ничто движущее не движетъ лишь себя само, сильно успокаиваетъ меня въ отношеніи вашей жалобы, что разумъ и душевность, чувственность и нравственность, разсудокъ и слѣпая сила проявляются столь обособленно, Почему вы поодиночкѣ разсматриваете все, что вѣдь не дѣйствуетъ въ отдѣльности и само по себѣ? Вѣдь разумъ одного и душевность другого вліяютъ другъ на друга столь же сильно, сколь это было бы возможно и въ одномъ и томъ же субъектѣ. Нравственность, которая должна совмѣщаться съ чувственностью, дана внѣ ея; но развѣ господство первой въ силу этого болѣе ограничено, и развѣ вы полагаете, что чувственность была бы подчинена лучшему руководству, если бы нравственность, нигдѣ не скопляясь, была подѣлена въ мелкихъ, еле замѣтныхъ доляхъ между всѣми личностями? Слѣпая сила, которая отведена толпѣ, въ своемъ дѣйствіи на цѣлое не предоставлена вѣдь самой себѣ и грубому произволу, а часто ею, невѣдомо для себя, руководитъ тотъ разсудокъ, скопленіе котораго въ большихъ массахъ вы встрѣчаете въ другихъ пунктахъ, и столь же безсознательно она слѣдуетъ за нимъ по невидимымъ путямъ. Такъ съ этой точки зрѣнія для меня стираются столь отчетливо выступающія очертанія личности; магическій кругъ господствующихъ мнѣній и эпидемическихъ чувствъ окружаетъ и омываетъ все, какъ атмосфера, полная разряжающихъ и магнетическихъ силъ; она растворяетъ и очищаетъ все и, расширяясь, вступаетъ въ дѣятельное соприкосновеніе даже съ самымъ отдаленнымъ: истеченія тѣхъ, въ комъ самостоятельно живетъ свѣтъ и истина, она спѣшно разноситъ повсюду, такъ что въ однихъ они глубоко проникаютъ, въ другихъ по крайней мѣрѣ блестяще отсвѣчиваютъ на поверхности. Въ этой связи всего единичнаго съ сферой, къ которой оно принадлежитъ и въ которой имѣетъ значеніе, все хорошо и божественно; счастьемъ и покоемъ исполнено чувство того, кто умѣетъ воспринимать все въ этой великой связи. Но и чувство, подобно созерцанію, изолируетъ единичное въ отдѣльные моменты; поэтому на насъ съ такимъ рѣзкимъ контрастомъ дѣйствуетъ, съ одной

стороны, обычная жизнь людей, которые ничего не знаютъ объ этой зависимости, цѣпляются и держатся за одно и другое, чтобы окопать свое я, окружить его внѣшними укрѣпленіями и тѣмъ обезпечить себѣ обособленное бытіе, руководимое собственнымъ произволомъ и неразрушимое для вѣчнаго потока міра—и, съ другой стороны, судьба, которая необходимо смываетъ все это и на тысячи ладовъ истязаетъ и ранитъ людей; и ощущая этотъ контрастъ, что̀ можетъ быть болѣе естественнымъ, чѣмъ сердечное состраданіе всей горестной скорби, которая возникаетъ изъ этой неравной борьбы, и боли отъ ударовъ, которые ужасная Немезида наноситъ повсюду?

Изъ этихъ странствій черезъ всю область человѣчества религіозное чувство возвращается болѣе утонченнымъ и развитымъ къ собственному я, и находитъ подъ конецъ у себя самого все, что прежде возбуждало его, лишь стекаясь изъ отдаленѣйшихъ областей. Ибо, конечно, когда мы, преображенные черезъ соприкосновеніе съ міромъ, впервые возвращаемся къ себѣ и, полные этого чувства, провѣряемъ впечатлѣніе отъ самихъ себя, и когда мы сознаемъ, какъ наше я по сравненію со всѣмъ объемомъ человѣчества превращается въ нѣчто малое и незначительное, въ нѣчто одностороннее, недостаточное и ничтожное—что̀ болѣе естественно тогда для смертнаго, чѣмъ подлинное безыскусственное смиреніе? И когда постепенно въ нашемъ чувствѣ пробуждается пониманіе подлинной сущности того, что̀ всюду сохраняется и укрѣпляется въ ходѣ человѣчества, а также и того, что̀, напротивъ, рано или поздно неизбѣжно должно быть разрушено и побѣждено, если оно не преобразится или не видоизмѣнится,—когда мы, съ точки зрѣнія этого закона, посмотримъ на нашу собственную дѣятельность въ мірѣ,—тогда естественно возникаетъ въ насъ горькое раскаяніе во всемъ, что въ насъ враждебно сущности человѣчества, покорное желаніе примириться съ Божествомъ и страстная жажда повернуть назадъ и укрыться со всѣмъ нашимъ достояніемъ въ той святой области, въ которой одной лишь мы защищены отъ смерти и разрушенія. И когда мы далѣе убѣ-

ждаемся, что цѣлое озаряется передъ нами и что мы достигаемъ созерцанія его и единства съ нимъ лишь въ общеніи съ другими людьми, лишь подъ вліяніемъ такихъ людей, которые уже давно освобождены отъ привязанности къ собственному преходящему бытію и отъ стремленія расширять и обособлять его и готовы сообщить свою высшую жизнь и другимъ—можемъ ли мы тогда не поддаться чувству особаго сродства съ тѣми людьми, дѣйствія которыхъ защитили наше существованіе и благополучно провели его мимо угрожавшихъ ему опасностей? Можемъ ли мы не испытать чувства благодарности къ нимъ, какъ къ людямъ, которые уже раньше соединились съ цѣлымъ, а теперь и черезъ насъ снова сознаютъ свою жизнь въ немъ? Лишь пройдя черезъ такія и имъ подобныя чувства—изъ которыхъ здѣсь приведены лишь немногія для примѣра—вы не только находите въ себѣ самихъ задатки къ высшей красотѣ и глубочайшей низости, къ самому благородному и самому презрѣнноиу, что вы доселѣ воспринимали въ другихъ, какъ отдѣльныя стороны человѣчности; вы не только находите въ себѣ въ различное время всѣ многообразныя ступени человѣческихъ силъ; но и всѣ безчисленныя смѣшенія различныхъ задатковъ, которыя вы созерцали въ характерахъ другихъ людей, представляются вамъ—когда вы вполнѣ растворите ваше самосознаніе въ сознаніи солидарности съ другими—лишь задержанными моментами въ вашей собственной жизни. Были мгновенія, когда вы такъ мыслили, такъ чувствовали, когда вы дѣйствительно были тѣмъ или этимъ человѣкомъ, несмотря на всѣ различія породы, образованія и внѣшнихъ условій. Вы дѣйствительно прошли черезъ всѣ эти формы своимъ собственнымъ порядкомъ; вы сами—сжатое изложеніе человѣчества, ваше индивидуальное бытіе въ извѣстномъ смыслѣ объемлетъ всю человѣческую природу, и эта природа, во всѣхъ ея проявленіяхъ, есть не что иное, какъ ваше собственное я, лишь умноженное, болѣе отчетливо выраженное и какъ бы увѣковѣченное во всѣхъ его мельчайшихъ и преходящихъ измѣненіяхъ. Лишь тогда вы можете любить себя самихъ чистой и безупречной любовью, вы можете противопоставить никогда не покидаю-

щему васъ смиренію сознаніе, что и въ васъ живетъ и дѣйствуетъ единство человѣчества, и всю горечь раскаянія вы можете заглушить радостной самоудовлетворенностью. У кого религія такимъ путемъ снова проникла вовнутрь и открыла и тамъ безконечное, въ томъ она совершенна съ этой стороны, и онъ уже не нуждается въ посредникѣ для созерцанія человѣчества, а, напротивъ, будетъ самъ такимъ посредникомъ для многихъ.

Но не только въ настоящемъ чувство, такимъ образомъ, витаетъ въ своихъ проявленіяхъ между міромъ и единичнымъ лицомъ, которому оно присуще, срастаясь тѣснѣе то съ тѣмъ, то съ другимъ. Нѣтъ, все, что движетъ, есть становящееся, и мы сами движемся и воспринимаемъ лишь въ процессѣ развитія; поэтому и въ нашемъ чувствѣ мы всегда влечемся къ прошлому; и можно сказать: какъ вообще наше благочестіе питается больше на сторонѣ духа, такъ и исторія непосредственно и прежде всего есть богатѣйшій источникъ для религіи, но, конечно, не въ томъ смыслѣ, что религія можетъ управлять движеніемъ человѣчества въ его развитіи или ускорять его, а въ томъ, что она можетъ наблюдать въ исторіи самое общее и великое откровеніе глубочайшаго и святѣйшаго начала. Но въ этомъ смыслѣ религія безспорно начинается съ исторіи и кончается ею—ибо и прорицаніе по своему смыслу есть исторія и неотдѣлимо отъ нея,—и можно сказать, что всякая истинная исторія всюду имѣла первоначально религіозную цѣль и исходилась изъ религіозныхъ идей; вѣдь и вообще все тончайшее и нѣжнѣйшее въ ней не можетъ быть научно передано, а можетъ быть лишь воспринято черезъ чувство религіозной душой. Такая душа узнаетъ въ блужданіи умовъ и душъ, которое въ иномъ отношеніи кажется лишь нѣжной поэмой, во многихъ смыслахъ чудесный пріемъ вселенной, имѣющій цѣлью сравнивать по вѣрному масштабу различные періоды человѣчества. То, послѣ долгаго промежутка, въ теченіе котораго природа не могла создать ничего сходнаго, снова возникаетъ выдающаяся личность, почти совершенно тождественная какой-либо прежней; но лишь тайновидцы узнаютъ это, и лишь они могутъ

изъ дѣйствій, которыя она производитъ, толковать знаки прошедшихъ временъ. То отдѣльный моментъ человѣчества возвращается снова такимъ же, какимъ оставило намъ его образъ далекое прошлое, и изъ различныхъ причинъ, которыя его нынѣ создали, вы должны постигать ходъ развитія и формулу его закона. То какъ бы изъ дремоты пробуждается геній какой-либо особой человѣческой способности, который въ иныхъ мѣстахъ, подымаясь и опускаясь, уже завершилъ свой путь, и появляется въ новой жизни въ иномъ мѣстѣ и при иныхъ условіяхъ; и его болѣе быстрое процвѣтаніе, болѣе глубокое дѣйствіе, болѣе прекрасная и сильная форма должны свидѣтельствовать, насколько улучшился климатъ человѣчества и насколько почва стала болѣе благопріятной для взращиванія благородныхъ растеній.—Здѣсь вамъ являются народы и поколѣнія смертныхъ, всѣ одинаково необходимые для полноты исторіи; но какъ отдѣльныя лица самой различной цѣнности могутъ существовать одно на ряду съ другимъ, такъ и эти народы различаются между собой по значительности и цѣнности. Одни, полные достоинства, духа и силы, простираютъ свое дѣйствіе до безконечности, преодолѣвая всякое пространство и не покоряясь никакому времени. Другіе, обыденные и незначительные, предназначены лишь для того, чтобы своеобразно оттѣнить опредѣленную единичную форму жизни или общенія, дѣйствительно жизненны и достопримѣчательны лишь на одно мгновеніе, лишь чтобы выразить мысль или создать понятіе,—и затѣмъ спѣшатъ навстрѣчу разрушенію, чтобы то, что было создано ихъ свѣжимъ произрастаніемъ, могло быть привито другимъ. Подобно тому, какъ растительная природа лишь черезъ гибель цѣлыхъ родовъ, лишь изъ остатковъ цѣлыхъ поколѣній растеній создаетъ и питаетъ новыя поколѣнія, такъ и здѣсь вы видите, какъ духовная природа на развалинахъ величественнаго и прекраснаго человѣческаго міра создаетъ новый міръ, который впитываетъ свою первоначальную жизненную силу изъ разложившихся и чудесно преображенныхъ элементовъ стараго.—Когда, охваченный всеобщей связью, вашъ взоръ такъ часто непосредственно переносится отъ самаго малаго къ самому

великому и отъ послѣдняго опять къ первому, то, потерявъ устойчивость, онъ уже не можетъ различать ни малаго отъ великаго, ни причины отъ дѣйствія, ни сохраненія отъ разрушенія; и когда васъ объемлетъ эта измѣнчивость, то вамъ является знакомый образъ вѣчной судьбы, черты котораго носятъ всецѣло печать этого состоянія,—удивительная смѣсь непреклоннаго упрямства и глубокой мудрости, грубой, безчувственной силы и нѣжной любви; и на васъ поперемѣнно дѣйствуетъ то та, то другая черта, вызывая въ васъ то безсильное противодѣйствіе, то дѣтскую преданность. Когда вы, проникая глубже, сравните обособленное, выросшее изъ этихъ противоположныхъ воззрѣній стремленіе отдѣльнаго лица съ спокойнымъ и однообразнымъ ходомъ цѣлаго, то вы видите, какъ великій міровой духъ съ улыбкой переступаетъ черезъ все, что шумно сопротивляется ему; вы видите, какъ величавая Немезида вслѣдъ за нимъ неустанно шествуетъ по землѣ, укрощая и наказывая строптивыхъ, возстающихъ противъ боговъ, и какъ она желѣзной рукой скашиваетъ даже крѣпчайшаго и лучшаго человѣка, который, быть можетъ, съ похвальной и изумительной стойкостью отказался покориться тонкому дуновенію великаго духа. И если вы наконецъ захотите овладѣть истиннымъ характеромъ всѣхъ измѣненій и всего прогресса человѣчества, то ваше чувство, покоящееся въ исторіи, вѣрнѣе, чѣмъ все остальное, показываетъ вамъ, какъ властвуютъ живыя божества, которыя ненавидятъ одну лишь смерть, и какъ ничто не должно быть преслѣдуемо и разрушаемо, кромѣ смерти—этого перваго и послѣдняго врага духа. Грубое, варварское, безформенное должно быть поглощено и преобразовано въ органическія формы. Ничто не должно быть мертвой массой, которая движется лишь черезъ внѣшній толчокъ и противодѣйствуетъ лишь черезъ безсознательное треніе; все должно быть самобытной, сложной, многообразно переплетенной и усиленной жизнью. Слѣпой инстинктъ, безмысленная привычка, мертвое послушаніе, все косное и пассивное,—всѣ эти печальные симптомы смертной дремоты свободы и человѣчности должны быть уничтожены. На это указуетъ дѣло дня и дѣло

вѣковъ, и это есть великое, всегда продолжающееся дѣло вѣчной любви.

Лишь въ легкихъ очертаніяхъ я намѣтилъ передъ вами нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся движенія религіознаго сознанія въ области природы и исторіи, и все же я вмѣстѣ съ тѣмъ довелъ васъ до послѣдней границы вашего духовнаго горизонта. Здѣсь—конецъ и вершина религіи для всѣхъ, для кого тождественны человѣчество и вселенная; отсюда я могъ бы лишь свести васъ назадъ къ частностямъ и деталямъ. Вспомните, однако, что въ вашемъ чувствѣ есть нѣчто, пренебрегающее этой границей, въ силу чего оно, собственно, не можетъ здѣсь остановиться, а именно съ этой точки, обернувшись въ другую сторону, должно узрѣть подлинную безконечность. Я не хочу говорить о чаяніяхъ, которыя могутъ отпечатлѣться въ мысли и, при желаніи умничать, поддаются обоснованію,—именно, что если человѣчество есть само нѣчто подвижное и формирующееся, если оно не только проявляется различно въ отдѣльныхъ существахъ, но иногда дѣйствительно становится инымъ, то оно никоимъ образомъ не можетъ быть единственнымъ и высшимъ выраженіемъ единства духа и матеріи. Напротивъ, подобно тому, какъ отдѣльные люди относятся къ нему, такъ и оно само можетъ выражать лишь отдѣльную форму этого единства, на ряду съ которой должны существовать еще иныя, сходныя формы; эта форма по меньшей мѣрѣ внутренне ограничена иными формами и, слѣдовательно, противостоитъ имъ. Но и въ нашемъ чувствѣ—и только на это я хочу указать—всѣ мы находимъ нѣчто подобное. Ибо нашей жизни прирождена—и въ мірѣ, а слѣдовательно, и въ высшемъ единствѣ, которое его создало, запечатлѣна—зависимость отъ иныхъ міровъ. Отсюда—всегда присущее намъ, но рѣдко понимаемое чаяніе чего-то иного, тоже являющагося и конечнаго, но стоящаго внѣ и надъ человѣчествомъ, какого-то высшаго и болѣе тѣснаго сочетанія духа съ матеріей, создающаго болѣе прекрасные образы. Но, конечно, всякое очертаніе, которое здѣсь кто-либо захотѣлъ бы намѣтить, было бы уже слишкомъ опредѣленнымъ; всякое отраженіе чувства можетъ быть лишь бѣглымъ и шаткимъ и потому

не защищено отъ недоразумѣній и такъ часто принимается за глупость и суевѣріе. Я ограничиваюсь этимъ намекомъ на то, что такъ безконечно далеко отъ васъ; всякое дальнѣйшее слово объ этомъ было бы для васъ непонятнымъ, и вы не знали бы, откуда оно берется и на что направлено. О если бы вы имѣли хотя бы ту религію, которую вы могли бы имѣть, или если бы сознавали ту, которую уже имѣете! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если вы разсмотрите даже тѣ немногія религіозныя воспріятія и чувства, которыя я здѣсь намѣтилъ въ краткихъ чертахъ, то вы найдете, что далеко не всѣ они чужды вамъ. Скорѣе нѣчто подобное уже имѣло доступъ въ ваше сознаніе, но я не знаю, что̀ болѣе печально—совсѣмъ не имѣть этихъ чувствъ или не понимать ихъ; ибо и въ послѣднемъ случаѣ они теряютъ все свое дѣйствіе, и вы обманули сами себя. Въ двоякомъ я хотѣлъ бы особенно упрекнуть васъ въ связи съ изложеннымъ. Вы отбираете кое-что и налагаете исключительно на него штемпель религіи, остальное же вы хотите отнять отъ религіи, какъ принадлежащее непосредственно къ области нравственной дѣятельности—то и другое, вѣроятно, на одинаковомъ основаніи. Возмездіе, выпадающее на долю всего, что хочетъ противодѣйствовать духу цѣлаго, общераспространенная ненависть противъ всего высокомѣрнаго и наглаго, постоянное движеніе впередъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ къ одной цѣли,—движеніе, которое столь достовѣрно, что мы видимъ, какъ даже каждый единичный замыселъ или планъ, приближающій насъ къ этой цѣли, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ все же когда-либо, наконецъ, удается,—все это вы сознаете, и чувство, указующее на это, вы хотѣли бы сохранить и распространить очищеннымъ отъ всѣхъ злоупотребленій; но вы желаете, чтобы исключительно это было религіей; и этимъ вы хотите вытѣснить все остальное, что вытекаетъ изъ того же дѣйствія духа, и совершенно тѣмъ же способомъ. Какъ же вы пришли къ этимъ обособленнымъ отрывкамъ? Я скажу вамъ это: вы считаете это совсѣмъ не религіей, а лишь отраженіемъ нравственной дѣятельности, и хотите только фиктивно назвать это религіей, чтобы нанести послѣдній ударъ религіи—именно тому, что мы

теперь сообща зовемъ этимъ именемъ. Ибо это начало, познанное нами, какъ религія, совсѣмъ не возникаетъ исключительно въ области нравственности въ узкомъ смыслѣ, гдѣ вы его берете. Чувство ничего не знаетъ о такомъ ограниченномъ пристрастіи; и если я самъ указалъ вамъ преимущественно на область духа и на исторію, то не выводите изъ этого, что моральный міръ есть вселенная религіи; напротивъ, лишь весьма мало религіозныхъ чувствъ развилось бы изъ того, что примѣнимо къ этому міру въ вашемъ ограниченномъ смыслѣ. Во всемъ, что принадлежитъ къ человѣческимъ дѣламъ, въ шуточномъ и въ серьезномъ, въ малѣйшемъ и въ величайшемъ, религіозный человѣкъ умѣетъ открывать дѣйствія мірового духа и получаетъ впечатлѣніе отъ нихъ; что ему для этого нужно, то онъ долженъ воспринимать повсюду, ибо лишь такъ онъ можетъ его усвоить; и потому онъ находитъ божественную Немезиду также и въ томъ, что люди, которые, въ силу преобладанія въ ихъ собственной душѣ лишь нравственнаго или скорѣе правового начала, дѣлаютъ изъ религіи придатокъ морали и хотятъ брать изъ нея лишь подходящее къ этой роли, именно этимъ непоправимо портятъ само нравственное ученіе, какъ бы очищено оно уже ни было, и засѣваютъ его сѣменами новыхъ заблужденій. Мысль, что наша гибель въ нравственномъ подвигѣ была опредѣлена волей вѣчнаго Существа, и что несовершенное нами будетъ нѣкогда осуществлено другими,—эта мысль звучитъ прекрасно; но и это возвышенное утѣшеніе не принадлежитъ къ нравственному поведенію, иначе послѣднее зависѣло бы отъ степени, въ какой каждый въ каждое мгновеніе воспріимчивъ къ этому утѣшенію. Дѣйствованіе не можетъ непосредственно воспринять въ себя рѣшительно ничего изъ чувства, иначе его исконная сила и чистота будетъ тотчасъ же затемнена.

Совсѣмъ иначе вы относитесь ко всѣмъ тѣмъ чувствамъ любви, смиренія, радости и т. п., которыя я описалъ вамъ и въ которыхъ вообще міръ и ваше собственное я въ какой либо формѣ образуютъ два пункта, между которыми витаетъ чувство. Древніе знали правду: благочестіемъ, благоговѣніемъ они на-

зывали всѣ эти чувства, и причисляли ихъ непосредственно къ религіи, благороднѣйшую часть которой они составляли. Вы также знаете ихъ, но когда вамъ встрѣчается что-либо подобное, то вы хотите уговорить себя, что это есть непосредственная составная часть чувства нравственнаго поведенія, и вы хотѣли бы оправдать эти ощущенія нравственными принципами и найти имъ мѣсто въ вашей моральной системѣ; но тщетно—ибо если вы хотите остаться вѣрными себѣ, то вы должны признать, что въ морали они не могутъ быть ни желательны, ни допустимы. Вѣдь дѣйствіе не должно непосредственно вытекать изъ побужденій любви и симпатіи, иначе оно стало бы непрочнымъ и неразсудительнымъ, и оно не должно быть производимо мгновеннымъ впечатлѣніемъ внѣшняго предмета,—что, очевидно, имѣетъ мѣсто въ отношеніи указанныхъ чувствъ. И потому ваше нравственное ученіе, если оно строго и чисто, не признаетъ иного благоговѣнія, кромѣ благоговѣнія передъ закономъ; оно осуждаетъ, какъ что-то нечистое и почти своекорыстное, все, что можетъ совершаться изъ состраданія и благодарности; оно принижаетъ и даже презираетъ смиреніе, и когда вы говорите ему о раскаяніи, то оно говоритъ о безполезной потерѣ времени. И ваше глубочайшее чувство должно согласиться съ нимъ въ томъ, что всѣ эти ощущенія не имѣютъ своимъ назначеніемъ непосредственнаго дѣйствія; они приходятъ и кончаются сами собой, какъ свободныя функціи вашей глубочайшей и высшей жизни. [15]) Зачѣмъ же вы изворачиваетесь и обращаетесь съ мольбой о милости для нихъ туда, куда они совсѣмъ не принадлежатъ? Согласитесь же видѣть въ нихъ религію, и тогда вамъ ничего не нужно будетъ требовать для нихъ, кромѣ ихъ собственнаго строгаго права, и вы сами не будете обманывать себя необоснованными притязаніями, которыя вы склонны предъявлять отъ ихъ имени. Во всѣхъ другихъ областяхъ, гдѣ вы хотите отвести мѣсто этимъ чувствамъ, они не смогутъ удержаться; возвратите ихъ религіи, ей одной принадлежитъ это сокровище, и въ качествѣ его владѣлицы она не слуга нравственности и всѣхъ иныхъ цѣлей человѣческой дѣятельности, а ихъ необходимая подруга

и полномочная защитница и посредница передъ человѣчествомъ. Такова ступень, на которой стоитъ религія, поскольку она есть совокупность всѣхъ высшихъ чувствъ. Что она одна освобождаетъ человѣка отъ односторонности и ограниченности, это я уже однажды отмѣтилъ; теперь я могу точнѣе объяснить это. Во всякомъ дѣйствованіи и творчествѣ, будь оно нравственнымъ или художественнымъ, человѣкъ долженъ стремиться къ мастерству; всякое же мастерство, когда человѣкъ всецѣло плѣненъ его задачей, ограничиваетъ и охлаждаетъ, дѣлаетъ одностороннимъ и жесткимъ. Оно направляетъ прежде всего человѣческую душу на одну точку, и эта одна точка не можетъ удовлетворить душу. Можетъ ли человѣкъ, переходя отъ одного ограниченнаго дѣла къ другому, дѣйствительно использовать всю свою силу? не останется ли, напротивъ, бо́льшая часть ея неупотребленной, и развѣ она тогда не обратится противъ самого человѣка и не станетъ пожирать его? Сколько изъ васъ погибаютъ только потому, что они слишкомъ велики для самихъ себя; избытокъ силы и влеченія, который не даетъ имъ даже приняться ни за какое дѣло, ибо всякое дѣло слишкомъ мало для него, безпокойно гонитъ ихъ во всѣ стороны и ведетъ къ гибели. Или вы видите спасеніе и отъ этого зла въ томъ, что человѣкъ, для котораго и одинъ предметъ слишкомъ великъ, долженъ охватить всѣ предметы человѣческихъ стремленій—науку, искусство и жизнь, и все остальное, если вы еще что-либо знаете? Это есть, правда, ваше давнишнее влеченіе имѣть всюду цѣлостную и во всемъ однородную человѣчность, ваша вѣчно возвращающаяся жажда равенства—но если бы только это было возможно! если бы только указанные предметы, когда они воспринимаются каждый въ отдѣльности, не возбуждали души одинаково сильно и не стремились овладѣть ею! Каждое изъ этихъ стремленій направлено на творенія, которыя должны быть завершены, каждое должно отобразить свой собственный идеалъ и охватить его безконечность; и потому соперничество нѣсколькихъ такихъ объектовъ не можетъ кончиться иначе, чѣмъ вытѣсненіемъ одного изъ нихъ другимъ. И даже въ предѣлахъ каждой такой сферы каждый человѣкъ

долженъ тѣмъ болѣе ограничиваться частнымъ, чѣмъ большаго мастерства онъ хочетъ достигнуть. И если это мастерство всецѣло занимаетъ его, и онъ живетъ лишь даннымъ своимъ творчествомъ, какъ можетъ онъ достигнуть полнаго участія въ мірѣ, какъ можетъ его жизнь стать цѣлостной? Отсюда односторонность и духовная нищета большинства виртуозовъ или низкій уровень, на которомъ они стоятъ внѣ своей спеціальной области. И противъ этого зла нѣтъ иного цѣлебнаго средства, кромѣ того, чтобы каждый, дѣйствуя опредѣленнымъ образомъ въ ограниченной области, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ опредѣленной дѣятельности, открывалъ себя вліяніямъ безконечности и всѣми видами религіозныхъ чувствъ воспринималъ все, что лежитъ за предѣлами непосредственно воздѣлываемаго имъ поля. Каждому доступно это; ибо, какой бы предметъ вашей свободной и художнической дѣятельности вы ни избрали, немногое нужно, чтобы, исходя изъ каждаго, найти вселенную, а во вселенной вы находите и остальные предметы, какъ ея велѣнія или внушенія или откровенія. Такъ воспринимать и наслаждаться ими въ цѣломъ,—это есть единственный способъ, которымъ, избравъ опредѣленное духовное направленіе, вы можете усваивать и то, что лежитъ внѣ его—уже не изъ произвола, какъ искусство, а изъ инстинкта ко вселенной, какъ религію; и такъ какъ эти направленія снова соперничаютъ и въ религіозной формѣ, то и религія—и въ этомъ, конечно, уже сказывается человѣческое несовершенство—чаще является въ обособленной формѣ своеобразной воспріимчивости къ искусству, философіи или нравственности, и именно потому часто не понимается; и лишь рѣже мы находимъ ее свободной отъ всякой односторонности, вполнѣ завершенной и связующей все единичное. Высшей, однако, остается эта послѣдняя форма, и лишь черезъ нее человѣкъ съ полнымъ и удовлетворяющимъ успѣхомъ противопоставляетъ конечному, для котораго онъ преимущественно предназначенъ, безконечное, съужающему стремленію къ опредѣленному и законченному—расширяющее витаніе въ цѣломъ и неисчерпаемомъ; такъ онъ возстановляетъ равновѣсіе и гармонію своего существа, которыя безвозвратно

теряются, когда онъ, не имѣя религіи, отдается единичному направленію, даже если оно само по себѣ прекрасно и великолѣпно. Опредѣленное призваніе человѣка есть какъ бы лишь мелодія его жизни, которая остается простымъ и бѣднымъ рядомъ тоновъ, если религія не вторитъ ей безконечнымъ разнообразіемъ гармонирующихъ съ нею звуковъ и не превращаетъ простое пѣніе въ многоголосную и величественную гармонію.

Итакъ, если то, что я намѣтилъ, надѣюсь, достаточно понятно для васъ всѣхъ, дѣйствительно образуетъ сущность религіи, то не трудно отвѣтить на вопросъ, куда же принадлежатъ тѣ догматы и вѣроученія, которые многіе считаютъ внутренней сущностью религіи, и какъ они относятся къ этому подлинно существенному ея началу; вѣрнѣе сказать, я уже выше отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Вѣдь всѣ эти ученія суть не что иное, какъ результатъ того наблюденія чувства, той сравнительной рефлексіи о немъ, о которыхъ мы уже говорили. Понятія же, лежащія въ основѣ этихъ ученій, подобно вашимъ опытнымъ понятіямъ, суть не что иное, какъ общее обозначеніе для опредѣленнаго чувства—обозначеніе, въ которомъ религія сама по себѣ не нуждается, какъ въ немъ почти не нуждается и передача религіозныхъ чувствъ, но въ которомъ нуждается и которое создаетъ рефлексія. Чудеса, внушенія свыше, откровенія, сверхестественныя ощущенія,—можно имѣть много благочестія, не нуждаясь ни въ одномъ изъ этихъ понятій,—но кто обобщающе размышляетъ о своей религіи, тотъ неизбѣжно находитъ ихъ на своемъ пути и не можетъ ихъ миновать. Въ этомъ смыслѣ, разумѣется, всѣ эти понятія принадлежатъ къ области религіи, и притомъ безусловно, такъ что отнюдь нельзя опредѣлить границъ ихъ примѣненія. Споры о томъ, какое происшествіе подлинно есть чудо, и въ чемъ собственно состоитъ характеръ такового, сколько откровенія существуетъ, и поскольку и почему собственно можно въ него вѣрить, и явственное стремленіе въ предѣлахъ приличія и безобидности отвергнуть и устранить какъ можно больше изъ всего этого—стремленіе, исходящее изъ нелѣпой мысли, что этимъ оказывается услуга философіи и разуму,—все это—ребяческіе пріемы метафизиковъ

и моралистовъ въ религіи. Они перемѣшиваютъ всѣ точки зрѣнія и возбуждаютъ жалобы, будто религія угрожаетъ общеобязательности научныхъ и физическихъ сужденій. Я прошу васъ, не поддавайтесь, къ ущербу для религіи, ихъ софистическимъ преніямъ или—вѣдь и это подчасъ здѣсь встрѣчается—ихъ лицемѣрному умалчиванію того, что они весьма хотѣли бы открыто провозгласить. Религія же, какъ ни громко она требуетъ для себя всѣхъ этихъ оклеветанныхъ понятій, оставляетъ неприкосновенной вашу физику и, съ Божьей помощью, вашу психологію. Что, собственно, есть чудо? Развѣ вы не знаете, что то, что̀ мы такъ называемъ въ религіозномъ смыслѣ, въ иныхъ случаяхъ повсюду равносильно знаменію, указанію, и что наше названіе, которое затрагиваетъ исключительно душевное состояніе созерцателя, лишь постольку умѣстно, поскольку то, что должно быть знаменіемъ, особенно если оно само есть одновременно и что-либо иное, должно, конечно, имѣть такой характеръ, чтобы можно было подмѣтить его обозначающую силу. Но всякое конечное есть въ этомъ смыслѣ знаменіе безконечнаго; и, такимъ образомъ, всѣ эти выраженія высказываютъ не что иное, какъ непосредственную связь явленія съ безконечнымъ и цѣлымъ; но развѣ это исключаетъ, что каждое такое явленіе имѣетъ столь же непосредственную связь съ конечнымъ и съ природой? Чудо есть лишь религіозное названіе для событія; всякое, даже самое естественное и привычное событіе, если только оно пригодно къ тому, чтобы религіозное его пониманіе стало господствующимъ, есть чудо. Для меня все есть чудо; въ вашемъ же смыслѣ для меня есть чудо, т.-е. нѣчто необъяснимое и чуждое, лишь то, что не есть чудо въ моемъ смыслѣ. Чѣмъ религіознѣе вы были бы, тѣмъ болѣе чудесъ вы видѣли бы повсюду, и всякій споръ объ отдѣльныхъ событіяхъ, заслуживаютъ ли они это названіе или нѣтъ, производитъ на меня болѣзненное впечатлѣніе: я чувствую, какъ бѣденъ и убогъ религіозный духъ спорящихъ. Они доказываютъ эту убогость тѣмъ, что всюду протестуютъ противъ чудесъ, и эти протесты свидѣтельствуютъ лишь, что они не хотятъ видѣть непосред-

ственной связи явленій съ безконечнымъ и Божествомъ; другіе доказываютъ ту же убогость тѣмъ, что имъ особенно важно та или иная частная черта, и что явленіе должно непремѣнно имѣть чудесную форму, чтобы быть для нихъ чудомъ,— чѣмъ они только доказываютъ, что они плохо умѣютъ подмѣчать. [16])—Что есть откровеніе? Всякое первичное и новое самораскрытіе передъ человѣкомъ вселенной и ея внутренней жизни есть откровеніе, и потому всякое такое мгновеніе, которое я выше намѣтилъ, если бы вы только осознали его, было бы для васъ откровеніемъ; но каждое созерцаніе и каждое чувство, гдѣ они первоначально возникаютъ изъ такого мгновенія, произошли изъ откровенія; мы, правда, не можемъ явственно показать его, такъ какъ оно лежитъ по ту сторону сознанія, но мы не только должны въ общемъ предполагать его, но и въ частности каждый долженъ, вѣдь, лучше всего знать, что есть въ немъ повторнаго и уже прежде испытаннаго, и что первоначально и ново; и если что-либо изъ послѣдняго еще не создалось въ васъ такимъ образомъ, то его откровеніе будетъ и для васъ откровеніемъ, и я совѣтую вамъ поразмыслить надъ нимъ.—Что есть вдохновеніе? Это есть лишь общее выраженіе для чувства истинной нравственности и свободы; поймите меня: дѣло идетъ здѣсь не о той странной и хваленой нравственности, которая умѣетъ лишь сопровождать и разукрашивать поведеніе разными соображеніями, а о чувствѣ, что дѣйствіе, вопреки всякимъ внѣшнимъ поводамъ и независимо отъ нихъ, вытекаетъ изъ глубины человѣческой души. Ибо въ мѣру того, какъ дѣйствіе отрывается отъ мірского развитія, оно ощущается, какъ божественное, и выводится изъ Бога.—Что есть пророчество? Всякое религіозное предвосхищеніе другой половины религіознаго событія, когда одна половина его была уже дана, есть пророчество; и древніе евреи поступали весьма религіозно, когда измѣряли божественность пророка не тѣмъ, насколько трудно было прорицаніе, или насколько великъ его предметъ, а по просту исходомъ пророчества; и объ отдѣльномъ лицѣ нельзя знать, насколько совершенно въ немъ развилось чувство, пока не убѣдишься, пра-

вильно ли онъ воспринялъ религіозную картину именно даннаго отношенія, которое дѣйствовало на него.—Что есть дѣйствіе благодати? [17]) Очевидно, не что иное, какъ общее выраженіе для откровенія и вдохновенія, для взаимодѣйствія между вхожденіемъ міра въ человѣка черезъ созерцаніе и чувство и выступленіемъ человѣка въ міръ черезъ дѣйствованіе и творчество, причемъ то и другое берется въ своемъ первичномъ и божественномъ характерѣ, такъ что вся жизнь религіознаго человѣка образуетъ лишь рядъ дѣйствій благодати. Вы видите, всѣ эти понятія, поскольку религія нуждается въ понятіяхъ и можетъ воспринять ихъ, суть первыя и самыя существенныя; они своеобразно обозначаютъ сознаніе человѣка о его религіи—потому что они обозначаютъ именно то, что должно быть необходимымъ и всеобщимъ въ ней. Болѣе того, кто не видитъ своихъ особыхъ чудесъ съ точки зрѣнія своего міросозерцанія, въ комъ не всплываютъ извнутри собственныя откровенія, когда его душа стремится впитать въ себя красоту міра и проникнуться ея духомъ; кто въ самыя значительныя мгновенія не чувствуетъ живымъ убѣжденіемъ, что имъ движетъ божественный духъ и что онъ говоритъ и дѣйствуетъ по священному вдохновенію свыше; кто по крайней мѣрѣ—ибо еще меньшее было бы тутъ дѣйствительно ничѣмъ—не сознаетъ своихъ чувствъ, какъ непосредственныхъ воздѣйствій на себя вселенной, вмѣстѣ съ тѣмъ ощущая въ нихъ какое то личное достояніе, которое не можетъ быть подражаніемъ, а говоритъ о своемъ чистомъ происхожденіи изъ нутра души,—тотъ не имѣетъ религіи. Но сознавать это свое достояніе значитъ имѣть истинную вѣру; напротивъ, вѣрить въ обычномъ смыслѣ слова, допускать то, что̀ сказалъ или сдѣлалъ кто-либо другой, стремиться подражать въ мысляхъ и чувствахъ тому, что̀ мыслилъ и чувствовалъ другой,—есть тяжкое и недостойное бремя, и оно не только не есть высшее въ религіи, какъ это мнятъ иные, но необходимо даже прямо отказаться отъ него, если хочешь проникнуть въ святилище религіи. Имѣть и желать сохранить такую вѣру, основанную на подражаніи, значитъ быть неспособнымъ къ религіи; требовать ея отъ другихъ значитъ не понимать ре-

лигіи. Вы хотите всюду стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и итти своимъ собственнымъ путемъ; но это ваше достойное желаніе не должно внушать вамъ страха передъ религіей. Она не есть рабство и плѣнъ, и менѣе всего порабощаетъ она вашъ разумъ; напротивъ, и здѣсь вы должны принадлежать самимъ себѣ, и это есть даже необходимое условіе, чтобы пріобщиться религіи. Правда, каждый человѣкъ, за исключеніемъ немногихъ избранныхъ, нуждается въ руководствѣ и воздѣйствіи воспитателя, который пробуждалъ бы его религіозное чувство изъ первоначальной дремоты и давалъ бы ему его первое направленіе; но вѣдь это относится ко всѣмъ силамъ и функціямъ человѣческой души, и почему же этому не имѣть мѣста и здѣсь? И я скажу къ вашему успокоенію: здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, эта опека должна быть преходящимъ состояніемъ; позднѣе каждый долженъ смотрѣть собственными глазами и самъ вносить лепту въ сокровища религіи, иначе онъ не заслуживаетъ мѣста въ царствѣ религіи и не получаетъ его. Вы правы, когда мало цѣните убогихъ подражателей, которые заимствуютъ всю свою религію отъ кого-либо другого, или ставятъ въ зависимость отъ мертвой книги, клянутся ею и строятъ на ней доказательства. Всякое священное писаніе само по себѣ есть дивное созданіе, живой памятникъ героической эпохи религіи; но черезъ рабское почитаніе оно становится мавзолеемъ—памятникомъ, что былъ великій духъ, котораго больше нѣтъ; ибо если бы онъ еще жилъ и дѣйствовалъ, онъ смотрѣлъ бы скорѣе съ любовью и съ чувствомъ равенства на свое прежнее созданіе, которое все же вѣдь можетъ быть лишь слабымъ отпечаткомъ его самого. Не всякій имѣетъ религію, кто вѣритъ въ какое-либо священное писаніе, а лишь тотъ, кто понимаетъ его живо и непосредственно и кто, слѣдовательно, самъ по себѣ легче всего могъ бы обойтись безъ него.

Именно это ваше презрѣніе къ убогимъ и безсильнымъ почитателямъ религіи, въ которыхъ она еще до рожденія умерла отъ недостатка питанія,—именно оно доказываетъ мнѣ, что въ васъ самихъ есть задатокъ къ религіи; и точно такъ же по-

читаніе, которое вы всегда оказываете всѣмъ ея истиннымъ героямъ, какъ личностямъ,—вѣдь тѣхъ, кто относятся и къ нимъ лишь съ плоской насмѣшкой и не признаютъ въ нихъ ничего великаго и сильнаго, я не рѣшаюсь причислить къ вамъ,—это почитаніе личностей укрѣпляетъ меня въ мысли, что ваше презрѣніе къ дѣлу основано на недоразумѣніи и имѣетъ своимъ предметомъ лишь ту жалкую форму, которую религія принимаетъ у бездарной массы, и то злоупотребленіе ею, въ которомъ повинны заносчивые воспитатели.—И потому я по мѣрѣ силъ показалъ вамъ, что собственно, есть религія; нашли ли вы въ ней что-либо, что̀ было бы недостойно васъ и высшей человѣческой культуры? Развѣ, напротивъ, вы не должны тѣмъ болѣе стремиться къ такому общему единенію съ міромъ, которое возможно лишь черезъ чувство, чѣмъ болѣе вы въ силу опредѣленнаго воспитанія и индивидуальности обособлены и изолированы отъ него? Заклинаю васъ, услышьте же въ себѣ голосъ вашей внутренней природы и послѣдуйте за нимъ! Вернитесь къ тому, что такъ естественно для васъ, именно для васъ; вѣдь насильственный разрывъ съ этимъ началомъ неизбѣжно долженъ разрушать лучшую часть вашего бытія.

Но мнѣ чудится, будто многіе изъ васъ не вѣрятъ, что я могу закончить на этомъ настоящую мою бесѣду и признать основательнымъ свое обсужденіе сущности религіи, такъ какъ я вѣдь еще ничего не говорилъ о безсмертіи, и лишь мало и мимоходомъ говорилъ о Богѣ; вы вѣроятно полагаете, что я обязанъ въ особенности говорить о томъ и другомъ и разъяснить вамъ, какъ вы несчастны, если не вѣрите и въ это; вѣдь для большинства религіозныхъ людей именно эти два вѣрованія должны быть основами и главными частями религіи. Но я не раздѣляю вашего мнѣнія о томъ и другомъ; а именно, прежде всего я отнюдь не думаю, что я совсѣмъ не говорилъ о безсмертіи и мало говорилъ о Богѣ; я полагаю, что то и другое содержалось уже во всемъ, что̀ я призналъ элементами религіи, и что я ничего не могъ бы говорить изъ того, что сказалъ, если бы я уже заранѣе не предполагалъ вездѣ Бога и безсмертія, какъ и вообще

лишь божественное и безсмертное можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о религіи. И столь же мало, во-вторыхъ, кажутся мнѣ правыми тѣ, кто считаютъ представленія и ученія о Богѣ и безсмертіи въ обычной формѣ главнымъ содержаніемъ религіи. Ибо къ религіи можетъ принадлежать изъ того и другого лишь то, что есть чувство и непосредственное сознаніе; но Богъ и безсмертіе, какъ они встрѣчаются въ такихъ ученіяхъ, суть понятія; вѣдь многіе, если не большинство изъ васъ считаютъ себя убѣжденными въ томъ и другомъ, или по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ этихъ понятій, не будучи въ силу этого благочестивыми и не имѣя религіи; но какъ понятія, они не могутъ имѣть бо̀льшей цѣны въ религіи, чѣмъ та, которая, какъ я показалъ, присуща въ ней понятіямъ вообще. Но чтобы вы не думали, что я боюсь сказать настоящее слово объ этомъ предметѣ, потому что опасно говорить о немъ, пока не выставлено правомѣрное опредѣленіе Бога и бытія, достоинство и пригодность котораго получили бы общее признаніе въ нѣмецкомъ государствѣ; или чтобы, съ другой стороны, вы не подумали, быть можетъ, что я лицемѣрю передъ вами и хочу, для угожденія всѣмъ, съ мнимымъ равнодушіемъ обойти то, что въ дѣйствительности должно имѣть для меня гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ я признаю,—я готовъ и объ этомъ держать отвѣтъ передъ вами, и постараюсь уяснить вамъ, что, согласно моему убѣжденію, дѣло дѣйствительно обстоитъ такъ, какъ я только что утверждалъ.

Прежде всего я напомню вамъ, что мы признали каждое чувство лишь постольку религіознымъ, поскольку въ немъ насъ затрагиваетъ не что-либо единичное, какъ таковое, а черезъ единичное—цѣлое, какъ откровеніе Бога,—поскольку, слѣдовательно, въ нашу жизнь входитъ не что либо частное и конечное, а именно Богъ, въ которомъ одномъ вѣдь слито воедино все частное; и съ другой стороны, мы признали чувство религіознымъ, поскольку въ насъ самихъ имъ возбуждается и проявляется не та или иная отдѣльная функція, а все наше существо, которое въ насъ противостоитъ міру и вмѣстѣ съ тѣмъ находится въ немъ, т.-е. непосредственно божественное

въ насъ. [18]) Итакъ, можетъ ли кто-либо сказать, что я изобразилъ вамъ религію безъ Бога, когда я именно и излагалъ непосредственное и первичное бытіе Бога въ насъ въ силу нашего чувства? Развѣ Богъ не есть единственное и высшее единство? Развѣ не въ Немъ одномъ исчезаетъ все частное? И если вы видите міръ, какъ цѣлое и всеединое, можете ли вы его такъ видѣть, не созерцая его въ Богѣ? А если это не такъ, то назовите мнѣ что-либо иное, чѣмъ отличалось бы высшее существо, первичное и вѣчное бытіе, отъ всего единичнаго, временнаго и производнаго! Но мы не притязаемъ имѣть Бога въ чувствѣ иначе, чѣмъ черезъ впечатлѣнія, возбуждаемыя въ насъ міромъ, и только въ этой формѣ я могъ говорить о Немъ. Итакъ, если вы не хотите видѣть въ этомъ сознанія Бога, обладанія Богомъ, то я не могу дать вамъ никакихъ дальнѣйшихъ наставленій и объясненій, а скажу лишь, что тотъ, кто это отрицаетъ—каково бы ни было его познаніе, о чемъ мнѣ здѣсь неумѣстно судить,—съ точки зрѣнія своего чувства и переживанія будетъ въ моихъ глазахъ безбожникомъ. Ибо и наука, правда, славится тѣмъ, что въ ней имѣется непосредственное знаніе Бога, которое есть источникъ всего остального; но только теперь мы говорили не о наукѣ, а о религіи. Однако, тотъ родъ знанія Бога, которымъ гордится большинство и восхваленіе котораго требуется отъ меня, не есть ни идея Бога, которую вы ставите во главѣ всего знанія, какъ нераздѣльное единство, изъ коего вытекаетъ и выводится все бытіе, ни чувство Бога, которое мы находимъ въ нашей душѣ; и если такого рода знаніе несомнѣнно далеко отстаетъ отъ уровня научныхъ требованій, то и для благочестія оно является чѣмъ то совершенно подчиненнымъ, ибо оно есть только понятіе. Понятіе это составлено изъ признаковъ, которые они называютъ свойствами Бога и которые въ совокупности суть не что иное, какъ воспріятіе и различеніе разныхъ формъ, которыми въ чувствѣ выражается единство частнаго и общаго. Вѣдь что отдѣльныя свойства Бога именно и соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ чувствамъ, часть изъ которыхъ я выше изложилъ, а часть обошелъ молчаніемъ,—этого никто не будетъ отрицать.

Поэтому мнѣ только остается примѣнить къ этому понятію то, что я сказалъ вообще объ отношеніи понятій къ религіи, именно что много благочестія можетъ существовать безъ нихъ, и что они образуются, лишь когда само благочестіе въ свою очередь становится предметомъ наблюденія. Но только съ понятіемъ Бога, какъ оно обычно мыслится, дѣло обстоитъ не такъ, какъ съ другими вышеприведенными понятіями; вѣдь Богъ долженъ быть чѣмъ-то наивысшимъ и стоять надъ всѣмъ, и все же, когда Онъ мыслится слишкомъ сходнымъ съ нами, какъ личность, одаренная мышленіемъ и волей, Онъ низводится въ область противоположностей. Поэтому и кажется естественнымъ, что, чѣмъ болѣе человѣкоподобнымъ Богъ представляется въ понятіи, тѣмъ легче этому пониманію противопоставляется иного рода представленіе о Богѣ—понятіе высшаго существа не какъ мыслящей и хотящей личности, а какъ безличной всеобщей необходимости, производящей и связующей все бытіе и мышленіе. И менѣе всего подобаетъ приверженцамъ первой точки зрѣнія обвинять въ безбожіи тѣхъ, кто, убоявшись человѣкоподобности, ищутъ прибѣжища въ противоположной точкѣ зрѣнія,—какъ и приверженцамъ послѣдней не подобаетъ обвинять въ идолопоклонствѣ и отрицать благочестіе тѣхъ, кто имѣетъ человѣческое понятіе о Богѣ. Нѣтъ, благочестивымъ можетъ быть каждый, какого бы понятія онъ ни держался; но его благочестіе, божественное въ его чувствѣ, должно быть лучше его понятія, и чѣмъ больше онъ ждетъ отъ послѣдняго и считаетъ его сущностью благочестія, тѣмъ менѣе онъ понимаетъ самого себя. Посмотрите, сколь ограниченнымъ представляетъ себѣ Бога одинъ, и сколь мертвымъ и коснымъ—другой, если держаться буквы ихъ пониманія; и признайте, что оба понятія недостаточны; и если ни одно изъ нихъ не соотвѣтствуетъ своему предмету, то ни одно изъ нихъ и не можетъ быть доказательствомъ благочестія, развѣ только его основу образуетъ нѣчто, лежащее въ самомъ чувствѣ и по своему смыслу далеко превосходящее его; и, при правильномъ пониманіи, каждое изъ нихъ выражаетъ опредѣленный элементъ чувства, и оба ничего не стоятъ, если въ нихъ нельзя этого найти.

Развѣ не очевидно, что весьма многіе, признающіе такого Бога и вѣрящіе въ него, отнюдь не религіозны, и что это понятіе никогда не можетъ быть зерномъ, изъ котораго вырастало бы благочестіе, ибо оно не имѣетъ жизни само по себѣ, а получаетъ ее лишь черезъ чувство? [19]) Поэтому не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы обладаніе тѣмъ или другимъ изъ этихъ понятій было само по себѣ признакомъ болѣе или менѣе совершенной религіи. Напротивъ, оба одинаково измѣнятъ свое значеніе, поскольку мы дѣйствительно сможемъ ихъ разсматривать, какъ различныя ступени въ развитіи религіознаго сознанія. И это выслушайте еще отъ меня; вѣдь помимо этого мнѣ уже нечего сказать объ обсуждаемомъ предметѣ, что̀ вело бы къ взаимному пониманію между нами.

Гдѣ чувство человѣка есть еще темный инстинктъ, гдѣ его общее отношеніе къ міру еще не созрѣло до полной ясности, тамъ міръ для него можетъ быть лишь смутнымъ единствомъ, въ которомъ нельзя опредѣленно различить никакого многообразія,—однообразно спутаннымъ хаосомъ, безъ раздѣленія, порядка и закона, изъ котораго,—за исключеніемъ того, что непосредственно относится къ существованію самого человѣка—все частное не можетъ быть выдѣлено иначе, какъ произвольнымъ обособленіемъ его въ пространствѣ и времени. И здѣсь, разумѣется, будетъ довольно безразлично, склоняется ли понятіе, поскольку и здѣсь уже замѣчаются его слѣды, скорѣе въ одну или въ другую сторону. Представляется ли характеръ цѣлаго, какъ слѣпая судьба, которая можетъ быть обозначена лишь магическими дѣйствіями, или какъ существо, которое хотя и должно быть живымъ, но не имѣетъ опредѣленныхъ качествъ,—какъ идолъ, фетишъ, все равно, одинъ или нѣсколько, ибо они могутъ вѣдь различаться лишь произвольно установленными границами своей области,—этому вы навѣрно не придадите никакого существеннаго значенія; напротивъ, вы признаете, что то и другое есть одинаково несовершенное благочестіе,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, что то и другое все же есть благочестіе. Прогрессируя далѣе, чувство становится сознательнѣе, и яснѣе выдѣляется многообразіе и опредѣленность отношеній;

но вмѣстѣ съ тѣмъ въ міросознаніи человѣка выступаетъ опредѣленное множество разнородныхъ элементовъ и силъ, неустанный и вѣчный споръ которыхъ обусловливаетъ его проявленія. Соотвѣтственно этому измѣняется тогда и результатъ разсмотрѣнія чувства, противоположныя формы понятія болѣе отчетливо раздѣляются, слѣпая судьба превращается въ высшую необходимость, въ которой недостижимо и непостижимо для насъ покоится основа и связь вещей. Точно такъ же возвышается и понятіе личнаго Бога, одновременно раздѣляясь и умножаясь; вѣдь поскольку эти силы и элементы порознь мыслятся одушевленными, возникаетъ безконечное множество боговъ, различаемыхъ по различнымъ предметамъ ихъ дѣятельности, какъ и по различнымъ склонностямъ и характерамъ. Вы должны признать, что это выражаетъ уже болѣе сильную и прекрасную жизнь вселенной въ чувствѣ, чѣмъ прежнее состояніе—и прекраснѣе всего тамъ, гдѣ въ чувствѣ тѣснѣе всего связаны пріобрѣтенное многообразіе и изначально присущее высшее единство, и гдѣ также—какъ это вы встрѣчаете у справедливо почитаемыхъ вами эллиновъ—обѣ формы соединены въ рефлексіи, причемъ одна, выражающая единство, развивается болѣе въ мышленіи, другая же, отражающая многообразіе, развивается болѣе въ искусствѣ. Но даже когда такой гармоніи и нѣтъ, вы все же признаете, что тотъ, кто возвысился до этой ступени, имѣетъ болѣе совершенную религію, чѣмъ тотъ, кто остался на предыдущей. Слѣдовательно, тотъ, кто на высшей ступени преклоняется передъ вѣчной и недостижимой необходимостью и вкладываетъ представленіе о высшемъ существѣ скорѣе въ нее, чѣмъ въ отдѣльныхъ боговъ, также совершеннѣе грубаго почитателя фетиша? Но подымемся еще выше, туда, гдѣ всѣ борющіяся начала снова объединяются, гдѣ бытіе выражается, какъ цѣлостность, какъ единство во множествѣ, какъ система, и впервые заслуживаетъ свое имя; и кто такъ воспринимаетъ его, какъ всеединое, и такимъ образомъ полнѣе всего противостоитъ цѣлому и снова соединяется съ нимъ въ чувствѣ,—развѣ тотъ не достигъ бо̀льшаго въ своей религіи, какъ бы послѣдняя ни отражалась

въ понятіи, чѣмъ всякій иной, стоящій на болѣе низкомъ уровнѣ? Итакъ, всюду, а слѣдовательно и здѣсь, цѣнность человѣческой религіи опредѣляется тѣмъ, какъ человѣкъ сознаетъ Божество въ чувствѣ, а не тѣмъ, какъ онъ всегда несовершенно отображаетъ религію въ понятіи, о которомъ мы здѣсь говоримъ. И если, какъ это часто случается, стоящій на этой ступени, но отвергающій понятіе личнаго Бога, обычно называется пантеистомъ или получаетъ обозначеніе въ связи съ именемъ Спинозы,—то я не хочу спорить о правомѣрности этого, а отмѣчу лишь, что такой отказъ мыслить Бога въ личной формѣ ничего не говоритъ противъ присутствія Божества въ его чувствѣ; напротивъ, это можетъ корениться лишь въ смиренномъ ощущеніи ограниченности личнаго бытія вообще и, въ частности, связаннаго съ личностью сознанія. Но тогда несомнѣнно, что такой человѣкъ можетъ стоять столь же высоко надъ почитателемъ двѣнадцати великихъ боговъ, сколь высоко религіозный человѣкъ на этой ступени, обозначеніе которой вы съ такимъ же правомъ можете связать съ именемъ Лукреція, стоитъ надъ идолопоклонникомъ. Но въ томъ и состоитъ давнее недоразумѣніе, въ томъ и обнаруживается явный признакъ невоспитанности, что люди болѣе всего отвергаютъ тѣхъ, кто стоитъ на одной ступени съ ними, но лишь на иномъ мѣстѣ этой ступени. До какой изъ этихъ ступеней возвысился человѣкъ, это свидѣтельствуетъ о его чутьѣ къ Божеству, это есть подлинное мѣрило его религіозности. Но какое изъ этихъ понятій онъ усвоитъ себѣ—поскольку онъ вообще для себя нуждается въ понятіи,—это зависитъ всецѣло отъ того, для какихъ цѣлей ему нужно понятіе, и въ какую сторону преимущественно тяготѣетъ его воображеніе—въ сторону ли бытія и природы, или въ сторону сознанія и мышленія. Вы, я надѣюсь, не признаете кощунствомъ и не усмотрите противорѣчія въ утвержденіи, что склонность къ этому понятію личнаго Бога или отрицаніе послѣдняго и склонность къ понятію безличной всемогущей силы зависитъ отъ направленія фантазіи; вы поймете, что подъ фантазіей я разумѣю не что-либо подчиненное и смутное, а высшее и са-

мое первичное въ человѣкѣ, и что внѣ ея можетъ быть лишь размышленіе о ней, которое, слѣдовательно, также зависитъ отъ нея; вы знаете, что въ этомъ смыслѣ ваша фантазія, ваше свободное созиданіе мыслей есть то, въ силу чего вы приходите къ представленію міра, которое не можетъ быть дано вамъ извнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не есть позднѣйшій результатъ умозаключенія; и въ этомъ представленіи васъ тогда объемлетъ чувство всемогущей силы. Способъ же, какимъ каждый переводитъ это чувство на языкъ мыслей, зависитъ отъ того, что одинъ, сознавая свое безсиліе, охотно отдается таинственной тьмѣ, другой же, чей взоръ преимущественно устремленъ на опредѣленность мысли, можетъ мыслить и расширять себя лишь подъ единственной данной намъ формой сознанія и самосознанія. Но боязнь темноты неопредѣленно мыслимаго есть одно направленіе фантазіи, и боязнь видимости противорѣчія, когда безконечному мы приписываемъ формы конечнаго, есть другое ея направленіе; и развѣ одна и та же глубина религіознаго чувства не можетъ быть связана одинаково и съ тѣмъ и съ другимъ? И болѣе подробное разсмотрѣніе религіи—которому, впрочемъ, здѣсь не мѣсто, такъ какъ мы говоримъ лишь о внутренней сущности религіи,—показало бы, что оба рода представленія совсѣмъ не такъ далеки другъ отъ друга, какъ это кажется большинству; только въ одинъ изъ нихъ не нужно вкладывать идею смерти, въ отношеніи же другого нужно честно употребить всѣ усилія, чтобы отмыслить въ немъ ограниченность. Это я считалъ необходимымъ сказать, чтобы вы поняли меня и мое отношеніе къ обѣимъ этимъ формамъ представленія; и главнымъ образомъ, чтобы вы и другіе не впадали въ самообманъ относительно нашей области и не думали, что всѣ, кто не хотятъ примириться съ идеей личнаго высшаго существа, какъ она обыкновенно изображается, принадлежатъ къ противникамъ религіи. И я твердо убѣжденъ, что сказанное не сдѣлаетъ менѣе достовѣрнымъ понятіе личнаго Бога ни для кого, кто уже носитъ его въ себѣ; а также, что никто не освободится отъ почти непреодолимой необходимости усваивать это понятіе только потому, что будетъ знать,

откуда проистекаетъ для него эта необходимость. Вмѣстѣ съ тѣмъ истинно религіозные люди никогда не были ревностными энтузіастами или мечтателями въ отношеніи этого понятія; и поскольку—какъ это часто случается—подъ атеизмомъ разумѣютъ не что иное, какъ нерѣшительность и сомнѣнія въ отношеніи этого понятія, истинно благочестивые люди весьма спокойно смотрятъ на его сосѣдство, и всегда есть нѣчто, что кажется имъ болѣе нечестивымъ,—именно отсутствіе у человѣка непосредственнаго сознанія Божества черезъ чувство. Только они всегда будутъ болѣе всего колебаться повѣрить, что человѣкъ дѣйствительно совершенно лишенъ религіи, а не обманываетъ себя въ этомъ отношеніи; вѣдь такой человѣкъ долженъ былъ бы также совершенно не имѣть чувства и всѣмъ своимъ существомъ быть погруженнымъ въ животную стихію; они полагаютъ, что лишь тотъ, кто такъ низко палъ, можетъ совсѣмъ не воспринимать Бога въ насъ и въ мірѣ, божественной жизни и дѣйственности, въ силу которой все существуетъ. Но кто, отвергая примѣры многихъ и достойныхъ людей, настаиваетъ, что сущность благочестія состоитъ въ исповѣданіи, что Богъ есть лично мыслящее и внѣмірно хотящее существо, тотъ, повидимому, не обладаетъ особенно широкимъ кругозоромъ въ области благочестія, и ему остались чуждыми самыя глубокомысленныя слова ревностнѣйшихъ защитниковъ его собственной вѣры. Но слишкомъ велико число тѣхъ, кто отъ своего Бога, мыслимаго въ этой формѣ, хотятъ того, что чуждо благочестія: а именно, Онъ долженъ извнѣ обезпечивать имъ блаженство и манить ихъ къ нравственности. Они должны подумать, возможно ли это; вѣдь свободное существо не можетъ хотѣть иначе дѣйствовать на свободное существо, какъ лишь давая ему познать себя—все равно, черезъ скорбь или черезъ радость, ибо это опредѣляется уже не свободой, а необходимостью. Точно такъ же Божество не можетъ манить насъ къ нравственности; ибо всякая внѣшняя приманка, будь то надежда или какой бы то ни было страхъ, есть нѣчто чуждое, слѣдуя чему въ области нравственности, мы не свободны, т.-е. безнравственны; высшее же Существо, особенно поскольку оно

само мыслится свободнымъ, не можетъ хотѣть сдѣлать саму свободу несвободной и нравственность—безнравственной [20]).

Это приводитъ меня ко второму, именно къ вопросу о безсмертіи, и я не могу скрыть, что въ обычной формѣ отношенія къ нему я вижу еще болѣе элементовъ, не связанныхъ съ сущностью благочестія или не вытекающихъ изъ нея. Я надѣюсь, что я уже изложилъ вамъ ту форму, въ которой каждый религіозный человѣкъ носитъ въ себѣ неизмѣнное и вѣчное бытіе. Вѣдь если наше чувство нигдѣ не прикрѣпляется къ единичному, а его содержаніемъ является, наоборотъ, наше отношеніе къ Богу, въ которомъ исчезаетъ все отдѣльное и преходящее,—то въ немъ и нѣтъ ничего преходящаго, а есть одно лишь вѣчное; и можно по праву сказать: религіозная жизнь—это есть жизнь, въ которой мы уже принесли въ жертву и отчудили все смертное, и подлинно наслаждаемся безсмертіемъ. Но представленіе большинства людей о безсмертіи и ихъ влеченіе къ нему кажутся мнѣ не религіозными; болѣе того, ихъ желаніе быть безсмертными не имѣетъ иного основанія, кромѣ отвращенія къ тому, что есть цѣль религіи. Вспомните, что религія всецѣло стремится къ тому, чтобы рѣзко отграниченныя очертанія нашей личности расширились и постепенно слились съ безконечнымъ,—чтобы мы, сознавая вселенную, какъ можно тѣснѣе объединялись съ ней; они же противятся этому; они не хотятъ выйтии зъ своей обычной ограниченности, они хотятъ быть только проявленіемъ этой ограниченности и боязливо озабочены своей личностью; далекіе отъ желанія воспользоваться единственнымъ случаемъ, который имъ предоставляетъ смерть, чтобы выйти за предѣлы своей личности, они, напротивъ, обезпокоены, удастся ли имъ взять ее съ собой въ иную жизнь, и стремятся развѣ только къ болѣе зоркимъ глазамъ и лучшему сложенію въ томъ мірѣ. Но Господь говоритъ имъ, какъ написано: кто теряетъ свою жизнь во имя Мое, тотъ сохранитъ ее, а кто хочетъ сохранить ее,—потеряетъ. Жизнь, которую они хотятъ сохранить, не есть жизнь сохраняющая; вѣдь если имъ нужна вѣчность ихъ единичной личности, почему они не заботятся столь же боязливо о томъ, что они

были, какъ о томъ, что они будутъ? и что помогаетъ имъ стремленіе впередъ, если они все же не могутъ обратиться назадъ? Чѣмъ болѣе они жаждутъ безсмертія, которое не есть безсмертіе, и которое они даже не властны помыслить—ибо кто можетъ одолѣть задачу представить себѣ безконечнымъ бытіе, пребывающее во времени?—тѣмъ болѣе они теряютъ то безсмертіе, которое они всегда могутъ имѣть, и къ тому же теряютъ и смертную жизнь, растрачивая ее на мысли, которыя тщетно тревожатъ и мучатъ ихъ. Пусть они попытаются изъ любви къ Богу отдать свою жизнь! Пусть они стремятся уже здѣсь уничтожить свою личность и жить во всеединомъ! Кто научился быть болѣе, чѣмъ самимъ собой, тотъ знаетъ, что онъ мало теряетъ, теряя самого себя; кто, отрекшись отъ самого себя, слился, насколько это для него доступно, со всей вселенной, и въ чьей душѣ возникло болѣе могущественное и святое влеченіе,—лишь тотъ имѣетъ право на безсмертіе, и лишь съ тѣмъ можно далѣе говорить о надеждахъ, подаваемыхъ смертью, и о безконечности, къ которой мы черезъ нее возносимся [21]).

Таковъ мой образъ мыслей въ этихъ вопросахъ. Обычное представленіе о Богѣ, какъ объ отдѣльномъ существѣ внѣ міра и позади міра, не исчерпываетъ всеобщаго предмета религіи и есть рѣдко чистая и всегда недостаточная форма выраженія религіознаго сознанія. Кто образуетъ такое понятіе по нечистымъ мотивамъ, именно полагая, что должно имѣться непремѣнно такое существо, которымъ можно воспользоваться для утѣшенія и помощи, тотъ можетъ вѣрить въ такого Бога, не будучи благочестивымъ, по крайней мѣрѣ въ моемъ смыслѣ, и я полагаю, что и въ подлинномъ и истинномъ смыслѣ онъ не будетъ признанъ благочестивымъ. Кто, напротивъ, образуетъ такое понятіе не произвольно, а какъ-либо вынуждаемый къ тому своимъ образомъ мышленія и способный лишь въ связи съ нимъ укрѣплять свое благочестіе, тому не нанесутъ вреда и не загрязнятъ религіознаго чувства несовершенства, всегда присущія его понятію. Истинную же сущность религіи образуетъ не это, и не какое-либо иное понятіе, а лишь непосредствен-

ное сознаніе Божества, какъ мы находимъ Божество одинаково и въ насъ самихъ, и въ мірѣ. И точно такъ же цѣль и характеръ религіозной жизни есть не безсмертіе въ той формѣ, въ какой многіе хотятъ его и вѣрятъ въ него, или по крайней мѣрѣ говорятъ о своей вѣрѣ въ него,—ибо ихъ желаніе побольше узнать о немъ даетъ основаніе усомниться въ ихъ вѣрѣ; это есть не то безсмертіе внѣ времени и позади времени, или, вѣрнѣе, лишь послѣ этого времени, но все же во времени,—а безсмертіе, которое мы можемъ непосредственно имѣть уже въ этой временной жизни и которое есть задача, постоянно требующая нашего разрѣшенія. Среди конечнаго сливаться съ безконечнымъ и быть вѣчнымъ въ каждое мгновеніе—въ этомъ безсмертіе религіи.

ТРЕТЬЯ РѢЧЬ.

О религіозномъ воспитаніи.

Если я самъ призналъ, что въ характерѣ религіи глубоко заложено стремленіе дѣлать прозелитовъ изъ невѣрующихъ, то все же не это стремленіе влечетъ меня теперь говорить вамъ также о развитіи въ человѣкѣ этой возвышенной способности и объ условіяхъ такого развитія.

Мы, вѣрующіе, не знаемъ иного средства къ этой конечной цѣли, кромѣ того, чтобы религія свободно проявлялась и сообщалась. Когда она живетъ въ человѣкѣ со всей присущей ей силой, когда она властно увлекаетъ за собой въ потокъ своей жизни всѣ способности его духа, то мы ожидаемъ, что она проникнетъ до послѣднихъ глубинъ каждаго отдѣльнаго человѣка, который живетъ и дышитъ въ такомъ кругу, что все однородное ей будетъ въ каждомъ затронуто и, охваченное сочувственнымъ трепетомъ, достигая сознанія своего бытія, порадуетъ отвѣтнымъ родственнымъ звукомъ слухъ призывающаго. Лишь такъ, черезъ естественныя проявленія собственной жизни, благочестивый человѣкъ хочетъ пробуждать близкія ему чувства, и гдѣ это ему не удается, тамъ онъ гордо пренебрегаетъ всякой чуждой приманкой, всякимъ насильственнымъ пріемомъ, успокаиваясь на мысли, что еще не насталъ часъ, когда здѣсь можетъ пробудиться что-либо родственное ему. Намъ всѣмъ не новъ этотъ неудачный исходъ. Какъ часто и я налаживалъ пѣснь моей религіи, чтобы тронуть ею присутствующихъ; я начиналъ съ отдѣльныхъ слабыхъ тоновъ и вскорѣ, увлекаемый юношескимъ пыломъ, доходилъ до полнѣйшей гар-

моніи религіозныхъ чувствъ! Но ничто не пробуждалось и не откликалось мнѣ въ слушателяхъ. И эти слова, которыя я теперь довѣряю болѣе многочисленному и измѣнчивому кругу, печально вернутся ко мнѣ отъ многихъ изъ васъ, не принеся добра, которое они могли бы дать, останутся непонятыми и не пробудятъ даже малѣйшей догадки о своемъ назначеніи! И какъ часто всѣ провозвѣстники религіи—и я вмѣстѣ съ ними—еще вновь испытаютъ эту предопредѣленную намъ участь! И все же это никогда не будетъ мучить насъ, ибо мы знаемъ, что иначе и не могло быть, не выведетъ насъ изъ спокойнаго равновѣсія и никогда не заставитъ насъ навязать наше умонастроеніе какимъ-либо инымъ путемъ,—ни этому, ни грядущему поколѣнію. Если каждый изъ насъ сознаетъ въ себѣ отсутствіе не малаго изъ того, что принадлежитъ къ цѣльной человѣчности, если многимъ недостаетъ столь многаго,—то не удивительно, что велико и число тѣхъ, кому не суждено было развить въ себѣ религію! И оно необходимо должно быть велико: ибо иначе какъ могли бы мы прійти къ представленію о ней самой въ ея—я готовъ сказать—воплощенномъ историческомъ бытіи и о границахъ, которыя она со всѣхъ сторонъ ставитъ другимъ человѣческимъ способностямъ, въ свою очередь многообразно ограничиваемая ими? Откуда бы мы знали, что человѣкъ способенъ совершить въ разныхъ областяхъ безъ нея, и въ чемъ она препятствуетъ и содѣйствуетъ ему? Какъ могли бы мы чуять ея дѣйствіе въ немъ даже тамъ, гдѣ онъ самъ его не сознаетъ? Особенно соотвѣтствуетъ природѣ вещей, что въ наше время всеобщаго смятенія и переворота тлѣющая искра религіи не разгорается во многихъ, и какъ бы любовно и терпѣливо мы ни взращивали религію, намъ не удается оживить ее даже въ тѣхъ, въ комъ при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ она преодолѣла бы всѣ препятствія. Гдѣ ничто изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ не остается непоколебленнымъ; гдѣ каждый видитъ, что все, опредѣляющее его мѣсто въ мірѣ и связующее его съ земнымъ порядкомъ вещей, ежемгновенно можетъ не только быть утрачено имъ и попасть въ руки другого, но и совсѣмъ потонуть въ всеобщемъ водово-

ротѣ; гдѣ одни употребляютъ всѣ усилія и призываютъ со всѣхъ сторонъ помощь, чтобы удержать то, что они считаютъ устоями міра и общества, искусства и науки, и что теперь, въ силу какого-то неописуемаго рока, какъ бы само собой внезапно отрѣшается отъ своихъ глубочайшихъ основъ и опрокидываетъ то, что на немъ покоилось; гдѣ другіе съ столь же неутомимымъ усердіемъ трудятся надъ очищеніемъ пути отъ обломковъ рухнувшихъ вѣковъ, чтобы первыми заселить плодотворную почву, которая на ихъ глазахъ образуется изъ быстро остывающей лавы ужаснаго вулкана; гдѣ каждый, даже не покидая своего мѣста, такъ сильно испытываетъ бурныя потрясенія, что среди всеобщаго шатанія онъ радъ, если ему удается остановить свой взоръ хотя бы на отдѣльномъ предметѣ, держаться за него и постепенно убѣдиться, что хоть что-нибудь стоитъ на мѣстѣ,—въ такомъ состояніи было бы безумно ожидать, что многіе окажутся въ силахъ развить и сохранить въ себѣ религіозныя чувства, которыя лучше всего созрѣваютъ въ спокойствіи. Правда, среди этого броженія обликъ нравственнаго міра болѣе, чѣмъ когда-либо, величественъ и возвышенъ, и теперь въ одно мгновеніе можно уловить болѣе значительныя черты, чѣмъ прежде, быть можетъ, за цѣлые вѣка; но кто можетъ спастись отъ всеобщей суеты и тѣсноты? кто можетъ избѣгнуть власти болѣе ограниченныхъ интересовъ? у кого достаточно спокойствія, чтобы стоять на мѣстѣ, и устойчивости, чтобы непредвзято созерцать? Но даже предполагая самыя счастливыя времена и лучшее желаніе не только пробуждать склонность къ религіи тамъ, гдѣ она уже имѣется, но и прививать и вселять ее всевозможными путями,—гдѣ же есть такой путь? Дѣятельность и искусство человѣка можетъ осуществить въ другомъ человѣкѣ лишь одно: сообщить ему свои представленія, пріобщить ихъ къ составу его мыслей и настолько сплести ихъ съ его собственными представленіями, чтобы онъ всегда могъ въ надлежащее время вспомнить о нихъ; это можетъ быть въ силахъ человѣка, но никогда онъ не можетъ заставить другіихъ изъ себя создавать желанныя ему мысли. — Вы видите это противорѣчіе, которое нельзя

даже устранить изъ словъ, Даже къ тому человѣкъ не можетъ быть пріученъ, чтобы на опредѣленное впечатлѣніе, всякій разъ, когда оно испытывается, въ немъ слѣдовала опредѣленная реакція; еще менѣе можно достигнуть того, чтобы, помимо этого сліянія, свободно созидать желаемую внутреннюю дѣятельность. Словомъ, всякій можетъ до нѣкоторой степени воздѣйствовать на механизмъ духа, но никто не можетъ по произволу проникнуть въ его органическую жизнь, въ эту священную мастерскую вселенной; здѣсь никто не можетъ измѣнить или перемѣстить что-либо, отрѣзать или дополнить, и развѣ только удается искусственно задержать, именно черезъ механизмъ, развитіе духа. Итакъ, можно, правда, насильственно изувѣчить часть растенія, но не взрастить его; ибо именно изъ этого, недостижимаго для чуждой силы нутра его организаціи должно произойти все, что можетъ принадлежать къ подлинной жизни человѣка и быть въ немъ вѣчно дѣйственнымъ и живымъ побужденіемъ. И такова именно религія; въ душѣ, которую она обитаетъ, она непрерывно дѣйственна и жива; все она дѣлаетъ своимъ объектомъ, и всякая мысль и всякое дѣйствіе становятся темой ея небесной фантазіи. Именно поэтому она, какъ и все, что, подобно ей, должно быть всегда присущимъ человѣческой душѣ и живымъ въ ней, лежитъ далеко за предѣлами того, чему можно обучить или что можно привить. Поэтому для всякаго, кто такъ смотритъ на религію, преподаваніе религіи, въ томъ смыслѣ, какъ будто можно обучить самому благочестію, есть пошлое и безсмысленное слово. Наши мнѣнія и ученія мы можемъ, конечно, сообщить другимъ—для этого намъ нужны только слова, а для словъ нужна только воспринимающая и воспроизводящая сила разсудка; но мы хорошо знаемъ, что это—лишь тѣни нашихъ религіозныхъ чувствъ; и когда наши ученики не раздѣляютъ съ нами послѣднихъ, то, если они даже дѣйствительно понимаютъ сообщаемое, какъ мысли, они не пріобрѣли этимъ ничего подлинно цѣннаго. Вѣдь нельзя научить сознавать саму эту внутреннюю возбужденность и внутреннее сліяніе съ мыслями; и даже человѣкъ, всецѣло проникнутый религіознымъ

пыломъ, человѣкъ, который умѣетъ изъ всѣхъ окружающихъ его предметовъ впитывать въ себя первичный свѣтъ вселенной,—все же не можетъ словами поученія перенести изъ себя въ другихъ эту силу и способность. Существуетъ, правда, способность подражанія, которую мы можемъ въ нѣкоторыхъ людяхъ пробудить настолько, что когда передъ ними въ сильныхъ тонахъ изображаются священныя чувства, имъ легко вызвать въ себѣ душевныя движенія, отдаленно сходныя съ тѣми, которыми полна наша душа: но развѣ это проникаетъ ихъ внутреннее существо? развѣ это есть религія въ истинномъ смыслѣ слова? Если вы хотите сравнить вселенское чувство съ художественнымъ, то вы не должны сопоставлять этихъ обладателей подходящей религіозности, какъ ихъ можно было бы назвать, съ тѣми, кто, не создавая сами произведеній искусства, все же умиляются и восторгаются тѣмъ, что имъ удается увидѣть. Ибо художественныя произведенія религіи выставлены всюду и всегда; весь міръ есть галлерея религіозныхъ картинъ, и каждый человѣкъ находится среди нихъ. Нѣтъ, вы должны ихъ уподобить тѣмъ, которымъ нельзя внушить чувства иначе, какъ снабдивъ ихъ комментаріями и вымыслами о произведеніяхъ искусства, какъ лѣчебнымъ возбудительнымъ средствомъ противъ ихъ отупѣвшаго жизненнаго чувства, и которые и тогда могутъ лишь пробормотать на плохо понятомъ искусственномъ языкѣ мало подходящія и по существу чуждыя имъ слова. Только этого, а не большаго, вы можете достигнуть однимъ обученіемъ; это есть цѣль намѣреннаго преподаванія и упражненія въ этихъ вещахъ. Покажите мнѣ кого-либо, кому вы привили или внушили силу сужденія, духъ наблюдательности, художественное чувство или нравственность; и тогда я возьмусь обучать и религіи. Правда, въ ней существуетъ учительство и ученичество, существуютъ отдѣльные люди, къ которымъ примыкаютъ тысячи другихъ, но эта связь не есть слѣпое подражаніе, и не потому они ученики, что ихъ сдѣлалъ таковыми учитель, а потому онъ учитель, что его избрали себѣ ученики. [1]) Но кто проявленіями своей собственной религіи возбудилъ ее въ другихъ, тотъ уже не имѣетъ власти

удержать ихъ при себѣ: и если ихъ религія живетъ, то она свободна и идетъ своимъ собственнымъ путемъ. Какъ только священная искра разгорается въ душѣ, она превращается въ свободное и живое пламя, которое питается своею собственной атмосферой. Это пламя освѣщаетъ душѣ болѣе или менѣе весь міръ, и душа можетъ поселиться по собственному побужденію и далеко отъ того мѣста, гдѣ она впервые была возжена къ новой жизни. Лишь изъ чувства своего безсилія и своей ограниченности, побуждаемая своей первичной внутренней природой осѣсть въ опредѣленной мѣстности, она, не теряя благодарности къ своему первому путеводителю, выбираетъ климатъ, который ей болѣе всего подходитъ; и здѣсь она ищетъ себѣ средоточія, направляемая свободнымъ самоограниченіемъ по новому пути, называетъ своимъ учителемъ того, кто впервые воспринялъ эту ея излюбленную мѣстность и изобразилъ ея великолѣпіе, и слѣдуетъ за нимъ по собственному избранію и свободной любви. [2]) Итакъ, я не хочу прививать религію вамъ или другимъ, или поучать васъ, какъ вы сами можете намѣренно и искусственно взрастить ее въ себѣ; нѣтъ, я не хочу покидать область религіи, что̀ вѣдь было бы неизбѣжно при этомъ, я хочу, напротивъ, подольше остаться въ ней вмѣстѣ съ вами. Вселенная сама создаетъ себѣ своихъ созерцателей и поклонниковъ, и мы попытаемся теперь посмотрѣть, какъ это совершается, поскольку это можетъ быть усмотрѣно.

Вы знаете, что форма, въ какой каждый отдѣльный элементъ человѣчности присущъ индивиду, выражается въ томъ, какъ его ограничиваютъ другіе элементы или насколько они предоставляютъ ему простора; лишь черезъ эту всеобщую борьбу каждый элементъ пріобрѣтаетъ въ каждой личности опредѣленную форму и величину, а эта борьба въ свою очередь поддерживается лишь связью всѣхъ элементовъ и жизнью цѣлаго. Каждый человѣкъ и каждое начало въ человѣкѣ есть, такимъ образомъ, продуктъ цѣлаго, и лишь такъ религіозное чувство можетъ смотрѣть на человѣка. Я хотѣлъ бы подвести васъ къ этому основанію неоспоримой религіозной ограниченности нашихъ

современниковъ, которую вы восхваляете, я же оплакиваю; я хотѣлъ бы уяснить вамъ, почему мы устроены именно такъ, а не иначе, и что̀ должно совершиться, чтобы наступило то, чему, на мой взглядъ, давно пора наступить,—чтобы наши границы съ этой стороны снова расширились. И я хотѣлъ бы лишь, чтобы вы могли осознать, что и вы въ вашемъ бытіи и дѣйствованіи вмѣстѣ съ тѣмъ являетесь орудіями вселенной, и что ваша дѣятельность, направленная на совсѣмъ иныя вещи, имѣетъ вліяніе на религію и ея ближайшее состояніе.

Человѣкъ рождается съ религіозными задатками, какъ со всѣми иными задатками, и если только его воспріятіе послѣдней глубины своего собственнаго существа не подавлено насильственно, если не преграждено и не загромождено общеніе между нимъ и Первосуществомъ,—вѣдь таковы, какъ мы уже признали, оба элемента религіи,—то эти задатки неизбѣжно должны были бы своеобразно развиваться въ каждомъ; но именно эти преграды, къ сожалѣнію, въ огромной мѣрѣ ставятся теперь развитію религіознаго чувства съ ранняго дѣтства. Съ болью я ежедневно вижу, какъ бѣшеная страсть къ счисленію и объясненію не даетъ даже пробудиться чувству, и какъ все соединяется для того, чтобы укрѣпить человѣка въ конечномъ и въ весьма малой части послѣдняго и какъ можно болѣе удалить отъ его взора безконечное. Кто препятствуетъ процвѣтанію религіи? Не вы, и не скептики и насмѣшники, даже если бы вы, подобно послѣднимъ, были склонны сообщать другимъ свое желаніе не имѣть религіи; но такъ какъ ваши воздѣйствія находятъ благопріятную почву лишь позднѣе, то вы не стѣсняете природы, когда она стремится взрастить благочестіе, заложенное въ глубочайшей основѣ души. И не безнравственные люди болѣе всего препятствуютъ процвѣтанію религіи, какъ это обыкновенно думаютъ; ихъ стремленія и дѣйствія противоположны не этой, а совсѣмъ иной силѣ. Но разсудительные и практичные люди нашего времени—вотъ кто при современномъ состояніи міра суть враги религіи, и ихъ большой перевѣсъ есть причина, почему она играетъ столь скудную и незначительную роль. Они эксплуатируютъ человѣка

съ ранняго дѣтства и подавляютъ его стремленіе къ высшему. Съ великимъ благоговѣніемъ я могу смотрѣть на тоску юныхъ душъ по чудесному и сверхъестественному. Какъ ни радостно онѣ воспринимаютъ въ себя пеструю внѣшность вещей, онѣ все же вмѣстѣ съ тѣмъ ищутъ чего-то иного, что̀ можно было бы ей противопоставить; онѣ озираются во всѣ стороны, надѣясь найти что-либо, что̀ выходило бы за предѣлы обычныхъ явленій и легкой игры жизни; и какъ бы много земныхъ предметовъ ни предлагалось ихъ воспріятію, онѣ все же, кромѣ этихъ чувствъ, какъ бы имѣютъ еще иные органы воспріятія, которые погибаютъ отъ недостатка питанія. Это есть первое пробужденіе религіи. Тайное, непонятное чаяніе гонитъ ихъ отъ всѣхъ богатствъ этого міра; поэтому онѣ услаждаются поэтическими вымыслами о сверхземныхъ существахъ, и все, невозможность чего въ этомъ мірѣ имъ ясна, онѣ сильнѣе всего объемлютъ той ревнивой любовью, которою мы любимъ то, на что̀ мы имѣемъ глубоко осознанныя, но внѣшне неосуществимыя права. Конечно, это есть заблужденіе—искать безконечное непремѣнно за предѣлами конечнаго, духовное и высшее—за предѣлами земного и чувственнаго; но развѣ это не вполнѣ естественно у тѣхъ, кто знаютъ само земное и чувственное лишь совершенно поверхностно? и развѣ это не есть заблужденіе цѣлыхъ народовъ и цѣлыхъ философскихъ школъ? Если бы были хранители религіи среди тѣхъ, кто посвящаютъ себя молодому поколѣнію, какъ легко можно было бы позднѣе исправить эту ошибку, предначертанную самой природой, и какъ жадно въ болѣе свѣтлыя времена молодая душа предавалась бы впечатлѣніямъ безконечнаго въ его вездѣсущности! Нѣкогда спокойно предоставляли жизни властвовать въ этой области; полагали, что вкусъ къ причудливымъ образамъ присущъ юной фантазіи въ религіи, какъ и въ искусствѣ; его удовлетворяли въ полной мѣрѣ, и эти воздушныя игры дѣтства даже заботливо сливали съ серьезной и священной миѳологіей, съ тѣмъ, въ чемъ усматривали глубочайшую сущность религіи: небесный Отецъ, Спаситель и ангелы были лишь иной формой фей и сильфовъ. И если кое-что въ этихъ дѣтскихъ представленіяхъ

полагало основаніе для болѣе легкаго господства неудовлетворительной и мертвой буквы, когда раннія картины блѣднѣли, и оставалось одно лишь слово, какъ пустая рама, въ которой онѣ прежде были укрѣплены,—все же при этомъ отношеніи человѣкъ былъ болѣе предоставленъ самому себѣ, и прямодушное, неиспорченное сознаніе, которое умѣло оставаться свободнымъ отъ соблазна мудрствованія и умничанія, легче находило въ свое время естественный исходъ изъ этого лабиринта. Теперь же эта склонность съ самаго начала насильственно подавляется, все таинственное и чудесное презирается, и фантазія не должна заполняться воздушными образами: теперь указываютъ, что вѣдь въ это время можно такъ же легко наполнить память истинными предметами и подготовиться къ жизни. Такъ бѣдныя юношескія души, которыя алчутъ совсѣмъ иной пищи, принуждены скучать надъ моральными исторіями, и должны учиться, какъ хорошо и полезно быть благоразумными и разсудительными; объ отдѣльныхъ вещахъ, съ которыми они сами вскорѣ встрѣтились бы, имъ внушаютъ какъ можно раньше общераспространенныя представленія, какъ будто это было къ спѣху; и, пренебрегая тѣмъ, чего имъ недостаетъ, имъ все больше даютъ то, чего у нихъ скоро и такъ будетъ слишкомъ достаточно. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ долженъ ограничивать себя и заниматься единичнымъ, въ немъ—для того, чтобы не погибла общность чувства— пробуждается влеченіе оставить господствующую и всякую подобную ей дѣятельность и только раскрыть всѣ органы, чтобы проникнуться впечатлѣніями; и въ силу тайной, высоко благодѣтельной симпатіи, это влеченіе сильнѣе всего именно тогда, когда болѣе всего явственно открывается всеобщая жизнь въ собственной груди и въ окружающемъ мірѣ; но имъ не даютъ въ мирномъ, бездѣятельномъ покоѣ слѣдовать этому влеченію! Вѣдь съ точки зрѣнія обыденной жизни это было бы лѣностью и бездѣльемъ. Цѣль и намѣреніе должны быть во всемъ, дѣти должны всегда что-нибудь дѣлать, и если ихъ духъ уже не можетъ служить, пусть они упражняютъ тѣло.—Главное же, они должны все анализировать и объяснять, и въ силу этого

объясненія они совершенно утрачиваютъ пониманіе своего чувства; ибо дѣятельность послѣдняго прямо противоположна дѣятельности перваго. Чувство самодѣятельно отыскиваетъ свои предметы, оно идетъ навстрѣчу имъ и отдается ихъ объятіямъ; оно сообщаетъ имъ нѣчто, что̀ дѣлаетъ ихъ его достояніемъ, его созданіемъ, оно хочетъ находить предметы и открывать имъ себя; объясненіе же ничего не знаетъ объ этомъ живомъ усвоеніи, объ этой озаряющей правдѣ и подлинно угадывающей интуиціи въ дѣтскомъ созерцаніи. Нѣтъ, съ самаго начала люди должны лишь точно копировать въ мысляхъ всѣ предметы, какъ нѣчто данное, такъ, какъ они, слава Богу, дѣйствительно существуютъ, всегда для всѣхъ одинаковые,—законное наслѣдственное достояніе каждаго, инвентарь котораго давнымъ-давно составленъ и точно опредѣляетъ его размѣръ и качества. Итакъ, берите предметы въ томъ видѣ, какъ ихъ даетъ жизнь; то, что она даетъ, вы должны понимать, но самимъ искать и стремиться какъ бы завести живую бесѣду съ вещами—это эксцентрично и высокомѣрно, это есть тщетное занятіе, не приносящее плодовъ для человѣческой жизни, гдѣ на все нужно смотрѣть и ко всему относиться такъ, какъ того требуетъ сама видимая природа вещей. О, конечно, здѣсь чувство не приноситъ плодовъ; но только безъ него нельзя найти интенсивной жизни, основанной на подлинномъ внутреннемъ развитіи. Чувство стремится воспринять нераздѣльное впечатлѣніе чего то цѣлаго; оно хочетъ созерцать, какова каждая вещь сама по себѣ, и познать каждую въ ея самобытной природѣ; имъ же для ихъ пониманія этого не нужно; *что* и *какъ* слишкомъ далеки для нихъ, имъ нужно лишь *почему* и *зачѣмъ*, и притомъ не по существу, а только въ опредѣленныхъ отношеніяхъ; и потому они хотятъ познавать не цѣлостно, а лишь по частямъ. Вѣдь спрашивать и основательно изслѣдовать, въ какомъ смыслѣ то, что они хотятъ понять, есть цѣлое,—это завело бы ихъ слишкомъ далеко; и если бы они стремилнсь къ этому, то они врядъ ли обошлись бы совсѣмъ безъ религіи; нѣтъ, имъ нужно лишь использовать вещи для какихъ-нибудь, всегда весьма почтенныхъ цѣлей,

а для использованія они должны раздроблять и анатомировать ихъ. И такъ они обходятся даже съ тѣмъ, что̀ преимущественно существуетъ для того, чтобы удовлетворять чувство на его высшей ступени,—что̀, какъ бы вопреки имъ, всегда есть нѣчто цѣлое въ себѣ самомъ,—я разумѣю все, что есть искусство въ природѣ и въ человѣческихъ созданіяхъ: они уничтожаютъ его прежде, чѣмъ оно можетъ оказать свое дѣйствіе, потому что объясняютъ его по частямъ: они сначала уничтожаютъ его художественность, а потомъ сообщаютъ и хотятъ внушить людямъ его разрозненныя части. Вы должны будете признать, что такова дѣйствительно практика нашихъ разсудительныхъ людей; вы согласитесь, что нуженъ богатый и сильный избытокъ чувства, чтобы хоть что-либо изъ него спаслось отъ этого враждебнаго обращенія, и что уже поэтому не могутъ быть многочисленны люди, способные возвыситься до такого созерцанія какого-либо предмета, которое пробуждало бы въ нихъ религіозное чувство. Но еще болѣе это развитіе стѣсняется тѣмъ, что, кромѣ того, дѣлается все возможное, чтобы еще сохранившееся чувство не обращалось на вселенную. Юношество, со всѣмъ, что̀ въ немъ есть, должно быть сдерживаемо въ границахъ обыденной жизни. Всякое дѣйствованіе должно вѣдь направляться на эту жизнь, и потому, какъ они полагаютъ, и хваленая внутренняя гармонія человѣка состоитъ только въ томъ, что все въ немъ должно быть въ свою очередь направлено на дѣятельность. Они только упускаютъ изъ виду, что бытіе каждаго человѣка въ государствѣ, чтобы быть подлинной и свободной жизнью, должно возникать жизненно и изъ цѣлаго, какъ возникло и само государство. Погруженные въ слѣпое обоготвореніе данной общественной жизни, они убѣждены, что каждый найдетъ въ ней достаточно матеріала для своего чувства и картинъ для созерцанія, и что поэтому они имѣютъ право заботиться о томъ, чтобы человѣкъ не искалъ чего-либо иного и удовлетворялся этой точкой зрѣнія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть его точка опоры и средоточіе его жизни. Поэтому всякія возбужденія и попытки, не имѣющія ничего общаго съ этой жизнью, кажутся имъ лишь безполезными

тратами, которыя только истощаютъ душу и отъ которыхъ ее нужно удерживать посредствомъ цѣлесообразной дѣятельности. Поэтому чистая любовь къ поэзіи и къ искусству и даже къ природѣ есть для нихъ распущенность, которая только терпима, потому что она не такъ вредна, какъ другіе ея виды, и потому что иные люди находятъ въ ней утѣшеніе и возмѣщеніе всякихъ бѣдъ. Такъ и знанію они предаются съ мудрой и трезвой умѣренностью и безъ всякой связи съ жизнью, чтобы оно не переступало указанныхъ границъ; и въ то время, какъ даже мельчайшее, что̀ имѣетъ здѣсь значеніе, не упускается изъ виду, они хулятъ величайшее именно потому, что оно заходитъ слишкомъ далеко, и объявляютъ его ненужнымъ и превратнымъ. Что, тѣмъ не менѣе, существуютъ вещи, которыя должны быть исчерпаны до извѣстной глубины,—это есть для нихъ необходимое зло; и благодаря боговъ за то, что всегда находятся люди, которые предаются этому занятію изъ непреодолимой склонности, они съ святымъ состраданіемъ смотрятъ на таковыхъ, какъ на добровольныя жертвы. Что существуютъ чувства, которыхъ нельзя обуздать ихъ внѣшними формулами и предписаніями, и что такъ много людей становятся въ общественной жизни несчастными или безнравственными на этомъ пути,—вѣдь къ этимъ наставникамъ я причисляю и тѣхъ, кто не ограничиваются профессіональнымъ трудомъ и для кого нравственная сторона общественной жизни есть все, — это вызываетъ въ нихъ сердечное сожалѣніе, и они считаютъ это величайшимъ ущербомъ для человѣчества, отъ котораго они хотѣли бы какъ можно скорѣе его избавить. Великая бѣда въ томъ, что эти люди полагаютъ, что ихъ дѣятельность есть все и исчерпываетъ задачу человѣчества, и когда дѣлаешь то, что̀ они дѣлаютъ, то не нужно понимать ничего, кромѣ своего дѣла. Поэтому они изувѣчиваютъ все своими ножницами, и хотѣли бы не допустить ни одного своеобразнаго явленія, которое могло бы возбудить религіозный интересъ; и все, что можно увидѣть и обнять съ ихъ точки зрѣнія, т.-е. все, что они хотятъ допустить, есть лишь малая и безплодная область безъ науки, безъ нравственности, безъ искусства, безъ любви, безъ

духа,—я почти готовъ сказать: поистинѣ даже безъ буквы [3]),—словомъ, безъ всего, что даетъ возможность открыть міръ, но съ множествомъ высокомѣрныхъ притязаній на все это. Они, правда, думаютъ, что обладаютъ подлиннымъ и дѣйствительнымъ міромъ и что именно они усваиваютъ и оцѣниваютъ все въ надлежащей связи. Пусть они поймутъ когда-нибудь, что созерцать вещь, какъ элементъ цѣлаго, необходимо значитъ разсматривать ее въ ея своеобразной природѣ и въ ея высшемъ завершеніи! Ибо во вселенной она можетъ быть чѣмъ-либо лишь въ силу совокупности своихъ дѣйствій и связей; отъ послѣднихъ зависитъ все, а чтобы осознать ихъ, нужно разсмотрѣть каждую вещь не съ какой-либо точки внѣ ея, а съ ея собственнаго средоточія и со всѣхъ сторонъ въ отношеніи къ этому средоточію, т.-е. въ ея обособленномъ бытіи, въ ея самобытной сущности. Знать лишь одну точку зрѣнія для всего есть прямая противоположность тому, чтобы пользоваться всѣми точками зрѣнія для объясненія каждаго явленія; это есть путь, чтобы по прямой линіи удалиться отъ вселенной, впасть въ самую жалкую ограниченность и стать слугою и крѣпостнымъ того клочка земли, на которомъ случайно стоишь.—Въ отношеніи человѣка къ этому міру имѣются нѣкоторые переходы въ безконечное, просѣки, открывающія горизонты; мимо нихъ долженъ пройти всякій, чтобы его сознаніе нашло путь къ цѣлому, и созерцаніе ихъ порождаетъ если не прямо чувства опредѣленнаго содержанія, то все же общую возбудимость для всѣхъ религіозныхъ чувствъ. Эти горизонты они также мудро затыкаютъ, и ставятъ въ отверстіе какую-нибудь философскую карикатуру, подобно тому, какъ вообще принято закрывать неприглядное мѣсто плохой картиной; и если и на нихъ открывается всемогущество вселенной, если какой-нибудь лучъ мимоходомъ попадетъ имъ въ глаза и душа ихъ не можетъ оградиться отъ слабаго проблеска этихъ чувствъ, то безконечное не есть цѣль, къ которой они стремятся, чтобы на ней успокоиться, а подобно отмѣткѣ въ концѣ ипподрома, лишь точка, которую они съ величайшей быстротой огибаютъ, не прикасаясь къ ней, чтобы какъ можно скорѣе вернуться

на свое старое мѣсто.—Рожденіе и смерть суть такія точки, при воспріятіи которыхъ мы не можемъ не замѣчать, что наше собственное я со всѣхъ сторонъ окружено безконечнымъ, и которые, несмотря на свою повседневность, при ближайшемъ соприкосновеніи всегда возбуждаютъ въ насъ тихую мечту и священное благоговѣніе; и неизмѣримость чувственнаго созерцанія есть тоже по крайней мѣрѣ намекъ на иную и высшую безконечность; имъ же было бы пріятнѣе всего, если бы величайшую ось міровой системы можно было такъ же использовать для мѣры и вѣса въ обыденной жизни, какъ теперь использованъ величайшій кругъ земли; и когда образы жизни и смерти встрѣчаются на ихъ пути, то вѣрьте мнѣ: сколько бы они при этомъ ни говорили о религіи, имъ важнѣе всего въ такихъ случаяхъ склонить нѣсколькихъ молодыхъ людей къ осмотрительности и бережливости въ употребленіи силъ и къ благородному искусству удлиненія жизни. Правда, они достаточно наказаны за это; вѣдь такъ какъ ихъ точка зрѣнія слишкомъ узка, чтобы давать имъ возможность самостоятельно творить даже эту жизненную мудрость, которой они придерживаются, то они рабски и покорно живутъ въ старыхъ формахъ или удовлетворяются мелочными улучшеніями. Таковъ крайній предѣлъ полезнаго, къ которому быстрыми шагами двинулась наша эпоха отъ безплодной схоластической словесной мудрости,—новое варварство, достойное своей старой противоположности; таковъ прекрасный плодъ отеческой эвдемонистической политики, которая заступила мѣсто грубаго деспотизма, и проникла во всѣ развѣтвленія жизни. Всѣ мы выросли подъ ея вліяніемъ, наша способность къ религіи страдала въ своемъ зародышѣ, и ея развитіе не можетъ поспѣть за развитіемъ другихъ нашихъ способностей.

Васъ, къ кому я обращаюсь, я не могу причислить къ этимъ людямъ, да и вы сами не захотите приравнять себя имъ: ибо они не презираютъ религіи, хотя по мѣрѣ своихъ силъ уничтожаютъ ее, и ихъ также нельзя назвать образованными, хотя они даютъ образованіе нашей эпохѣ и просвѣщаютъ людей и хотѣли бы просвѣтить все до нестерпимой прозрачности.

Эти люди, хрупкія опоры шатающейся эпохи, все еще суть господствующая часть, вы же и мы—лишь малая кучка. Цѣлые города и страны воспитываются по ихъ принципамъ: и когда воспитаніе закончено, ихъ снова находишь въ обществѣ, въ наукахъ, въ философіи; да, они имѣются и въ философіи, и не только древняя философія—вы вѣдь знаете, что теперь съ большимъ историческимъ смысломъ философію дѣлятъ только на древнюю, новую и новѣйшую—есть ихъ собственное мѣстопребываніе, но они овладѣли даже и новой. Своимъ могущественнымъ вліяніемъ на всякій мірской интересъ и ложной видимостью филантропіи, которая ослѣпляетъ также соціальныя чувства, это умонастроеніе все еще подавляетъ религію и всѣми силами противодѣйствуетъ всякому движенію, въ которомъ хотѣла бы проявиться ея жизнь. Такимъ образомъ, лишь съ помощью сильнѣйшаго духа оппозиціи противъ этой всеобщей тенденціи можетъ выбиться религія; и вначалѣ она нигдѣ не можетъ являться въ иной формѣ, кромѣ той, въ которой она болѣе всего ненавистна этой тенденціи. Вѣдь все слѣдуетъ закону сродства, и потому опредѣленная способность можетъ возобладать, лишь овладѣвая предметомъ, къ которому слабо прикрѣпляется враждебное умонастроеніе, и который она потому можетъ присвоить себѣ легче всего и съ избыткомъ свободной силы. Предметъ же этотъ есть внутренній міръ, а не внѣшній. Объясняющая психологія, это образцовое созданіе указаннаго рода разсудка, первая истощила себя неумѣренностью и почти потеряла доброе имя, и потому именно въ этой области счисляющій разсудокъ прежде всего снова уступилъ мѣсто чистому воспріятію. Итакъ, кто религіозенъ, тотъ несомнѣнно сосредоточенъ на себѣ самомъ, направляетъ свой духъ на разсмотрѣніе самого себя, и притомъ своего глубочайшаго нутра, предоставляя пока разсудительнымъ людямъ для ихъ цѣлей изслѣдованіе всего внѣшняго, какъ интеллектуальнаго, такъ и физическаго. И точно такъ же по тому же закону чувство къ безконечному развивается легче всего въ тѣхъ, кто по своей природѣ далѣе всего стоятъ отъ центральной сферы, принадлежащей указаннымъ противникамъ общей полноты жизни.

Поэтому-то издавна всѣ истинно религіозные люди отличались мистическимъ оттѣнкомъ, и всѣ фантастическія натуры, которыя слишкомъ воздушны, чтобы предаваться грубымъ и коснымъ мірскимъ дѣламъ, имѣютъ по крайней мѣрѣ зачатки религіозности. Таковъ характеръ всѣхъ религіозныхъ явленій нашего времени, таковы двѣ краски, изъ которыхъ они всегда составляются, хотя и въ самыхъ различныхъ смѣшеніяхъ. Я говорю: явленія—ибо бо̀льшаго трудно ждать при этомъ положеніи вещей. Фантастическимъ натурамъ не достаетъ силы проникновенія во внутрь, способности овладѣвать существеннымъ. Легкая перемѣнчивая игра красивыхъ, часто восхищающихъ, но всегда лишь случайныхъ и совершенно субъективныхъ комбинацій удовлетворяетъ ихъ и есть для нихъ высшее; болѣе глубокой и внутренней связи не можетъ уловить ихъ взоръ. Они ищутъ собственно лишь безконечности и всеобщности прекрасныхъ призраковъ, которая, въ зависимости отъ точки зрѣнія на нее, есть и нѣчто гораздо меньшее, и гораздо большее того, что дѣйствительно чувственно воспринимается; но они привыкли останавливаться на призрачномъ, и потому вмѣсто здоровой и сильной жизни имѣютъ лишь разсѣянныя и бѣглыя душевныя движенія. Ихъ душа легко возгорается, но всегда безпокойнымъ, какъ бы вѣтреннымъ пламенемъ; они имѣютъ лишь зачатки религіи, какъ имѣютъ зачатки искусства, философіи и всего великаго и прекраснаго, поверхность чего ихъ привлекаетъ. Напротивъ, тѣмъ, кто по своей внутренней природѣ преимущественно способенъ имѣть религію, но духъ которыхъ всегда остается обращеннымъ вовнутрь, потому что при современномъ положеніи міра онъ не въ силахъ овладѣть чѣмъ-либо бо́льшимъ,—такимъ людямъ часто недостаетъ матеріала, чтобы ихъ чувство могло развиться въ самостоятельную религіозность. Существуетъ великая, могучая мистика, которую даже самый фривольный человѣкъ не можетъ созерцать безъ почитанія и преклоненія и которая въ самомъ мудромъ человѣкѣ вызываетъ благоговѣніе своей героической простотой и своимъ гордымъ презрѣніемъ къ міру. Нельзя сказать, чтобы душа, живущая такой мистикой, была насыщена и переполнена

вліяніями вселенной; но, таинственно гонимая назадъ къ себѣ самой всякимъ отдѣльнымъ такимъ вліяніемъ и находя въ себѣ основу и ключъ для цѣлаго,—убѣжденная широкой аналогіей и смѣлой вѣрой, что не нужно покидать себя, а что духъ достаточно богатъ, чтобы внутри себя сознавать все, что могло бы быть ему дано извнѣ,—такая душа въ силу свободнаго рѣшенія навѣки замыкается отъ всего, что не есть она сама; но это презрѣніе не есть невѣдѣніе, эта замкнутость духа не есть безсиліе. Но именно такое невѣдѣніе и безсиліе къ сожалѣнію, присуще въ настоящее время къ людямъ нашего типа: они не научились открывать себя природѣ, живое отношеніе къ ней испорчено имъ тѣмъ дурнымъ способомъ, какимъ всегда имъ показывали, или скорѣе напередъ рисовали лишь единичныя вещи, и ихъ самосозерцаніе не оставляетъ имъ достаточно чувства и свѣта, чтобы предолѣть эту старую тьму; гнѣваясь на свою эпоху и осыпая ее упреками, они не хотятъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ, что есть въ нихъ самихъ ея созданіе. Поэтому высшее чувство въ нихъ неразвито и скудно, и ихъ истинное внутреннее общеніе съ міромъ болѣзненно и ограниченно; и такъ какъ они одиноки въ своемъ чувствѣ и вынуждены вѣчно вращаться въ слишкомъ узкомъ кругу, то ихъ религіозное сознаніе, послѣ болѣзненной жизни, умираетъ отъ слабости, обусловленной недостаткомъ раздраженія. Тѣ, чье чувство къ высшему, смѣло обращаясь вовнѣ, ищетъ и тамъ расширить и возродить свою жизнь, знаютъ иной исходъ, который слишкомъ ясно обнаруживаетъ ненормальное отношеніе между ними и ихъ эпохой,—стеническую смерть; это, если угодно, есть эвтаназія, но страшная, это есть самоубійство духа; не умѣя охватитъ міръ, внутренняя сущность и великій смыслъ котораго остается ему чуждъ подъ внѣшнимъ давленіемъ мелкихъ воззрѣній, обманутый запутанностью явленій, предавшись разнузданнымъ фантазіямъ, ища вселенную и ея слѣды тамъ, гдѣ ихъ никогда нельзя найти, человѣкъ, наконецъ, въ досадѣ совершенно порываетъ связь между внутреннимъ и внѣшнимъ, изгоняетъ безсильный разсудокъ и кончаетъ священнымъ безумiемъ, источника котораго почти никто не вѣдаетъ;

это есть вопіющая къ небу и все же непонятая жертва всеобщаго презрѣнія и пренебреженія къ внутреннему существу человѣка. Но именно только жертва, а не герой; кто погибаетъ, хотя бы и въ послѣднемъ испытаніи, не можетъ быть причисленъ къ людямъ, посвященнымъ въ глубочайшія мистеріи.

Эта жалоба, что среди насъ не существуетъ явственныхъ и признанныхъ всѣмъ міромъ представителей религіозности, все же не противорѣчитъ тому, что̀ я выше утверждалъ съ полнымъ сознаніемъ значенія своихъ словъ, именно что и наша эпоха не менѣе благопріятна религіи, чѣмъ всякая иная. Конечно, общая масса религіозности въ мірѣ не уменьшилась; но раздробленная и слишкомъ далеко разсѣянная насильственнымъ давленіемъ, она обнаруживается лишь въ мелкихъ и легкихъ, хотя и частыхъ явленіяхъ, которыя скорѣе увеличиваютъ многообразіе цѣлаго и услаждаютъ взоръ наблюдателя, чѣмъ способны сами по себѣ произвести сильное и возвышенное впечатлѣніе. Убѣжденіе, что существуетъ много людей, которые отдаютъ самое свѣжее благоуханіе своей юной жизни священной жаждѣ и любви къ вѣчному и непреходящему, и лишь позднѣе подчиняются міру, а быть можетъ, и никогда не подчиняются ему вполнѣ; что нѣтъ никого, кому бы хоть разъ не явился міровой духъ, кто не покраснѣлъ бы и не устыдился себя самого и своей недостойной ограниченности передъ тѣмъ всепроникающимъ взоромъ мірового духа, который, не видя, ощущаютъ опущенные ницъ глаза,—это убѣжденіе я здѣсь вновь повторяю, и пусть судитъ его сознаніе каждаго изъ васъ. Лишь героевъ религіи, святыхъ душъ, какъ онѣ нѣкогда бывали, которымъ религія есть все и которыя всецѣло проникнуты ею, недостаетъ и неизбѣжно должно недоставать нашему поколѣнію. И когда я размышляю о томъ, что̀ должно случиться и какое направленіе должна принять наша культура, чтобы снова могли явиться религіозные люди болѣе высокаго стиля, какъ рѣдкіе, правда, но все же естественные продукты своего времени,—то я нахожу, что всѣ ваши стремленія—сознательно или нѣтъ, рѣшайте это сами—не мало

способствуетъ палингенезіи религіи; я нахожу, что отчасти дѣятельность общая вамъ всѣмъ, отчасти стремленія болѣе узкаго круга, отчасти, наконецъ, возвышенныя идеи нѣкоторыхъ исключительныхъ умовъ могутъ быть использованы въ ходѣ человѣчества для этой конечной цѣли [4]).

Сила и объемъ, какъ и чистота и ясность каждаго воспріятія зависятъ отъ остроты и годности соотвѣтствующаго чувства; и мудрѣйшій человѣкъ, чувства котораго были бы закрыты, если только таковой можетъ существовать (впрочемъ, мы всегда мыслили и такихъ отрѣшенныхъ и замкнутыхъ въ себѣ мудрецовъ) былъ бы не ближе къ религіи, чѣмъ самый глупый и легкомысленный человѣкъ, который только имѣлъ бы вѣрныя и открытыя чувства. Итакъ, все должно начаться съ прекращенія того рабскаго состоянія, въ которомъ держали человѣческія чувства въ угоду тѣхъ упражненій разсудка, которыя ничего не упражняютъ, тѣхъ объясненій, которыя ничего не уясняютъ, тѣхъ анализовъ, которые ничего не разрѣшаютъ; и это есть цѣль, къ которой вы всѣ скоро будете стремиться соединенными усиліями. Вѣдь съ реформами воспитанія случалось то же, что и со всѣми революціями, которыя предпринимались не изъ высшихъ принциповъ: они постепенно спускаются назадъ къ старому ходу вещей, и лишь нѣкоторыя внѣшнія измѣненія сохраняютъ память о событіи, которое вначалѣ считалось изумительно великимъ. Такъ и наше нынѣшнее разсудительное и практическое воспитаніе лишь мало отличается отъ стараго механическаго воспитанія, и это малое не касается его духа и дѣйствія. Отъ васъ не ускользнуло, что оно начинаетъ становиться столь же ненавистнымъ всѣмъ истинно образованнымъ людямъ, сколь оно ненавистно мнѣ; и распространяется болѣе чистая идея о святости дѣтскаго возраста и о вѣчности ненарушимой свободы, проявленія которой надо подмѣчать и улавливать уже въ самомъ началѣ человѣческаго развитія. Скоро эти границы будутъ разрушены, созерцательная сила овладѣетъ всѣмъ своимъ царствомъ, каждый органъ раскроется, и предметы смогутъ на всѣ лады вступать въ соприкосновеніе съ человѣкомъ. Съ этой вновь пріобрѣтенной

свободой чувства можетъ, однако, хорошо согласоваться ограниченность и твердое направленіе дѣятельности. Это есть великое требованіе, съ которымъ лучшіе изъ васъ обращаются теперь къ своимъ современникамъ и къ потомству. Вы утомились созерцаніемъ безплодныхъ энциклопедическихъ странствій, вы сами лишь этимъ путемъ самоограниченія стали тѣмъ, что̀ вы есть, и вы знаете, что нѣтъ иного пути для саморазвитія; и потому вы настаиваете, чтобы каждый стремился стать чѣмъ-либо опредѣленнымъ и предавался чему-либо съ постоянствомъ и вкладывая всю свою душу. Никто не можетъ лучше усмотрѣть правильность этого совѣта, чѣмъ тотъ, кто уже созрѣлъ до нѣкоторой универсальности чувства; ибо онъ долженъ знать, что и для воспріятія не было бы никакихъ предметовъ, если бы все не обособлялось и не ограничивалось. И потому и я радуюсь этимъ стараніямъ и хотѣлъ бы, чтобы они уже достигли бо̀льшаго результата. Дѣлу религіи они превосходно пригодятся. Ибо именно это ограниченіе силы прокладаетъ чувству, если только оно само не ограничивается, вѣрнѣйшій путь къ безконечному и вновь открываетъ ему столь давно неприступное общеніе съ послѣднимъ. Кто многое созерцалъ и знаетъ и затѣмъ можетъ рѣшиться посвятить всѣ свои силы осуществленію чего-либо единичнаго ради него самого, тотъ вѣдь неизбѣжно долженъ признать, что и все остальное единичное должно осуществляться и быть ради себя самого,—иначе онъ противорѣчилъ бы самому себѣ; и если онъ затѣмъ довелъ избранное имъ до послѣдней высоты, то именно на этой высшей вершинѣ отъ него менѣе всего ускользнетъ, что оно есть ничто безъ всего остального. Это, всюду навязывающееся мыслящему человѣку признаніе чужого и уничтоженіе своего, эта, въ разное время попеременно необходимая любовь и ненависть ко всему конечному и ограниченному невозможны безъ смутнаго чаянія міра и Бога, и необходимо должны навести на болѣе чистое и опредѣленное стремленіе къ всеединому.

Каждому изъ собственнаго сознанія извѣстны три различныя области воспріятія, на которыя раздѣляются отдѣльныя

проявленія послѣдняго. Одна изъ нихъ есть само внутреннее я; къ другой относится все внѣшнее, поскольку оно есть нѣчто само по себѣ неопредѣленное и незавершенное, все равно, называть ли его массой, матеріаломъ, элементомъ или какъ-либо иначе; третья, наконецъ, повидимому соединяетъ обѣ первыя, когда воспріятіе, колеблясь между направленіями вовнутрь и вовнѣ, успокаивается лишь на допущеніи ихъ безусловнаго глубочайшаго соединенія; это есть область индивидуальнаго, внутренне завершеннаго, и всего, что есть искусство въ природѣ и въ человѣческихъ созданіяхъ. Не каждый человѣкъ одинаково близокъ всѣмъ этимъ областямъ, но отъ каждой изъ нихъ есть путь къ религіозному подъему духа, который лишь принимаетъ различныя формы въ зависимости отъ пути, на которомъ онъ былъ найденъ.—Созерцайте самихъ себя съ пристальнымъ напряженіемъ, отдѣлите все, что не есть ваше я, продолжайте все упорнѣе фиксировать ваше чисто внутреннее содержаніе,—и чѣмъ болѣе, по мѣрѣ удаленія всего чуждаго, ваша личность и ваше обособленное бытіе съужается и даже почти совсѣмъ исчезаетъ, тѣмъ яснѣе предстанетъ передъ вами вселенная, тѣмъ прекраснѣе вы будете вознаграждены за ужасъ самоуничтоженія преходящаго чувствомъ вѣчнаго въ васъ. Смотрите вовнѣ, на какой-либо изъ самыхъ распространенныхъ элементовъ міра, воспримите его въ его подлинной сущности, но отыщите его повсюду, гдѣ онъ имѣется, не только самъ по себѣ, но и какъ составная часть васъ самихъ и всего другого; повторяйте вашъ путь отъ окружности къ средоточію все чаще, захватывая все большую сферу; и тогда, находя этотъ элементъ повсюду и не познавая его иначе, какъ въ отношеніи къ его противоположности, вы скоро потеряете все единичное и обособленное и найдете вселенную. Что касается художественнаго чувства, то его непосредственный объектъ есть не вселенная, а нѣчто единичное, но только завершенное и замкнутое въ себѣ, такъ что оно само по себѣ удовлетворяетъ чувство, и послѣднее, спокойно погружаясь въ отдѣльное наслажденіе, не вынуждаетъ душу къ такому движенію, въ которомъ какъ бы исчезаетъ все единичное и на его мѣсто выдви-

гается цѣлое. И потому вопросъ о пути, который ведетъ къ религіи отъ этой третьей области, и есть ли вообще такой путь, или, можетъ быть, эта область остается замкнутой, и поэтому художники обречены быть нерелигіозными,—или между искусствомъ и религіей существуетъ совсѣмъ иное отношеніе—все это я хотѣлъ бы скорѣе выставить, какъ задачу, требующую отъ васъ разрѣшенія, чѣмъ изложить столь же опредѣленно, какъ предыдущее. Вѣдь мнѣ это изслѣдованіе было бы слишкомъ труднымъ и чуждымъ; вы же придаете не мало значенія вашему пониманію искусства и любви къ нему, такъ что я охотно готовъ предоставить вамъ свободу на родной вамъ почвѣ. Одну лишь мысль мою по этому предмету я хотѣлъ бы считать не простымъ желаніемъ и чаяніемъ, но знаніемъ и прорицаніемъ; предоставляю вамъ оцѣнить ее. А именно, если вѣрно, что существуютъ внезапныя обращенія, поводы, подъ вліяніемъ которыхъ человѣку, менѣе всего думавшему о возвышеніи надъ конечнымъ, въ одно мгновеніе черезъ непосредственное внутреннее просвѣтлѣніе открывается пониманіе безконечнаго и покоряетъ его во всемъ своемъ величіи,—то я думаю, что болѣе, чѣмъ что-либо иное, способно совершить это чудо созерцаніе великихъ и возвышенныхъ произведеній искусства; и что, слѣдовательно, и вы, безъ предшествующей постепенной подготовки, быть можетъ, нѣкогда внезапно пораженные лучомъ вашего солнца, обратитесь къ религіи.

Находить вселенную на первомъ пути, на пути отрѣшеннаго созерцанія, было дѣломъ древняго восточнаго мистицизма, который съ изумительной смѣлостью, сильно приближаясь къ нашему новѣйшему идеализму, непосредственно связывалъ безконечно великое съ безконечно малымъ и находилъ всякое бытіе тѣсно граничащимъ съ небытіемъ. Изъ созерцанія же массъ и ихъ противоположностей очевидно исходила всякая религія, схемой которой было небо или стихійная природа, и политеистическій Египетъ былъ долго совершеннѣйшимъ хранителемъ этого умонастроенія, въ которомъ—какъ, по крайней мѣрѣ, можно предполагать—чистѣйшее созерцаніе первичнаго и жи-

вого въ смиренномъ терпѣніи тѣсно соприкасалось съ самымъ мрачнымъ суевѣріемъ и самой безсмысленной миѳологіей [5]). И если ничего нельзя сказать о религіи, которая, исходя первоначально изъ искусства, покорила бы народы и эпохи, то тѣмъ яснѣе то, что художественное чувство никогда не приближалось къ указаннымъ обоимъ видамъ религіи, не обливая ихъ новой красотой и святостью и не смягчая любовно ихъ первоначальной ограниченности. Такъ древніе мудрецы и поэты, и преимущественно творцы пластическаго искусства въ Греціи придали религіи природы болѣе прекрасную и радостную форму: такъ и въ миѳическихъ изображеніяхъ божественнаго Платона и его школы, которыя и вы признаете скорѣе религіозными, чѣмъ научными, мы видимъ прекрасный подъемъ упомянутаго мистическаго самосозерцанія до высшей вершины божественности и человѣчности; мы видимъ въ нихъ также живое стремленіе, обусловленное лишь привычной жизнью въ области искусства и присущей ему, и въ особенности поэзіи, силой,—стремленіе проникнуть отъ этой формы религіи къ противоположной, связавъ воедино обѣ. Поэтому можно лишь преклоняться передъ самозабвеніемъ, съ которымъ онъ, какъ справедливый властитель, не щадящій даже мягкосердечной матери, со священной ревностью порицаетъ искусство; ибо что въ немъ не есть упадокъ или порождаемое имъ заблужденіе, то касается лишь добровольной услуги, которую оно оказало несовершенной религіи природы. Теперь оно не служитъ никакой религіи, и все теперь иначе и хуже. Религія и искусство стоятъ теперь рядомъ, какъ два дружественныхъ существа, внутреннее родство которыхъ, хотя взаимно непризнанное и едва чуемое, все же многообразно прорывается наружу. [6]) Какъ разнородные полюсы двухъ магнитовъ, они сильно влекутся другъ къ другу, но не могутъ преодолѣть своей тяжести и дойти до полнаго соприкосновенія и объединенія. Дружескія слова и сердечныя изліянія всегда просятся на ихъ уста, но всегда возвращаются назадъ, не въ силахъ найти подлинный характеръ и послѣдній смыслъ своей мечты и тоски. Они жаждутъ бо̀льшаго самораскрытія, и вздыхая подъ однимъ и тѣмъ же

гнетомъ, они смотрятъ на свои общія страданія, быть можетъ съ внутренней симпатіей и глубокимъ чувствомъ, но безъ подлинно объединяющей любви. Осуществится ли счастливый мигъ ихъ соединенія подъ дѣйствіемъ этого общаго гнета? или, быть можетъ, изъ чистой любви и радости скоро взойдетъ новый день для одного изъ нихъ, столь цѣнимаго вами? Но что̀ бы ни ждало ихъ впереди,—тотъ изъ нихъ, кто будетъ первымъ освобожденъ, навѣрное поспѣшитъ по крайней мѣрѣ изъ братской вѣрности позаботиться о другомъ.—Теперь же не только обѣ формы религіи лишены помощи искусства, но и само по себѣ ихъ состояніе хуже, чѣмъ когда-либо. Оба источника воспріятія и чувства величественно и обильно притекали отъ безконечнаго, пока научное умничаніе, лишенное истинныхъ принциповъ, еще не нарушало своею пошлостью чистоты сознанія, хотя каждый изъ источниковъ самъ по себѣ не былъ достаточно богатъ, чтобы производить высшее; теперь же они сверхъ того загрязнены потерей наивности и гибельнымъ вліяніемъ воображаемаго и ложнаго знанія. Какъ очистить ихъ? какъ придать имъ достаточно силы и полноты, чтобы, оплодотворяя почву, они порождали на ней не одни лишь эфемерные продукты? Свести ихъ и соединить въ одно русло—вотъ единственное, что можетъ осуществить религія на пути, которымъ мы идемъ; это было бы событіемъ, изъ лона котораго она вскорѣ вышла бы въ новой и болѣе прекрасной формѣ навстрѣчу лучшему будущему.

Смотрите же: хотите ли вы того или нѣтъ, но цѣль вашихъ высшихъ современныхъ усилій есть вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіе религіи. Именно ваши старанія должны осуществить это событіе, и я привѣтствую въ васъ спасителей и пестуновъ религіи, хотя и непроизвольныхъ. Не покидайте вашего поста и вашего дѣла, пока вы не вскроете послѣдней глубины познанія, не раскроете съ жреческимъ смиреніемъ святилища истинной науки, гдѣ всѣ вступающіе, и въ томъ числѣ и дѣти религіи, найдутъ возмѣщеніе всему, чего насъ лишало полузнаніе и высокомѣрное самодовольство. Философія, возвышая человѣка до сознанія его взаимодѣйствія съ міромъ, научая его видѣть въ

себѣ не только нѣчто обособленное и единичное, но и живого соучастника цѣлаго, не потерпитъ далѣе, чтобы передъ ея глазами погибалъ въ нищетѣ и убожествѣ, не достигнувъ своей цѣли, тотъ, кто упорно направляетъ свой духовный взоръ на самого себя, ища въ себѣ вселенную. Рухнула боязливая преграда, все внѣ человѣка есть лишь иное въ немъ, все есть отраженіе его духа, какъ и его духъ есть отпечатокъ всего; онъ смѣетъ искать себя въ этомъ отраженіи, не теряя себя и не выходя изъ себя, онъ никогда не можетъ исчерпать созерцанія самого себя, ибо все лежитъ въ немъ. Нравственное ученіе въ своей обуздывающей небесной красотѣ, далекое отъ ревности и деспотическаго самомнѣнія, само подастъ ему при входѣ небесную лиру и магическое зеркало, чтобы онъ могъ узрѣть строгое и тихое развитіе духа въ безчисленныхъ формахъ, всегда одинаковое во всей безконечной области человѣчества, и сопровождать его божественными звуками. Кто озирается вокругъ себя, ища вселенную, того естествознаніе смѣло ставитъ въ средоточіе природы и не допускаетъ, чтобы онъ безплодно разсѣивался и останавливался на мелкихъ чертахъ. Онъ можетъ тогда прослѣживать игру ея силъ до самой таинственной ея области, начиная съ неприступныхъ хранилищъ подвижной матеріи и кончая художественной мастерской органической жизни; онъ измѣряетъ ея могущество отъ границъ рождающаго міры пространства до средоточія своего собственнаго я, и всюду находитъ себя въ вѣчной борьбѣ съ нею и въ неразрывномъ соединеніи, всюду видитъ въ себѣ ея внутренній центръ и ея внѣшнюю границу. Видимость разсѣялась, и сущность достигнута: его взоръ проченъ, и его горизонты ясны; всюду узнаетъ онъ одно и то же подъ всѣми одѣяніями и успокаивается только въ безконечномъ. Я уже вижу, какъ нѣкоторыя исключительныя личности, посвященныя въ эти таинства, возвращаются изъ святилища, и уже очищаются и украшаются, чтобы выступить въ жреческихъ одеждахъ. И пусть одна изъ богинь еще медлитъ своимъ благотворнымъ явленіемъ; время даетъ намъ великое и обильное возмѣщеніе и этого. Ибо величайшее художественное произведеніе есть то, матеріаломъ котораго служитъ само

человѣчество, и которое непосредственно творитъ Божество; и это произведеніе многіе уже скоро начнутъ понимать. Вѣдь Божество творитъ и теперь съ смѣлымъ и могучимъ мастерствомъ, и вы будете неокорами *), когда новыя творенія будутъ установлены въ храмѣ времени. Вложите силу и духъ въ истолкованіе художника, объясняйте изъ прежнихъ его созданій позднѣйшія, и изъ послѣднихъ первыя. Мы должны объять прошедшее, настоящее и будущее, созерцать безконечную галлерею возвышенныхъ произведеній искусства, умноженныхъ тысячью блестящихъ зеркалъ. Исторія, которой подвластны міры, должна съ благодарностью обильно вознаградить религію, какъ свою первую воспитательницу, пробудить истинное и святое поклоненіе вѣчной силѣ и мудрости. Смотрите, какъ божественный ростокъ созрѣваетъ среди вашихъ насажденій безъ вашего содѣйствія, свидѣтельствуя о благосклонности боговъ и о непреходящемъ значеніи вашей заслуги. Не стѣсняйте его роста и не выпалывайте его: онъ есть ваше украшеніе и спасительный талисманъ.

---

*) Блюстителями храма. *Примѣч. перев.*

ЧЕТВЕРТАЯ РѢЧЬ.

Объ общественномъ началѣ въ религіи или о церкви и священствѣ.

Тѣ изъ васъ, которые привыкли разсматривать религію, лишь какъ душевную болѣзнь, обыкновенно полагаютъ также, что она есть зло, если и не устранимое, то все же легче терпимое, пока она встрѣчается тамъ и сямъ, у отдѣльныхъ людей; но что общая опасность чрезвычайно повышается, и мы рискуемъ всѣмъ, когда среди многихъ, страждущихъ той же болѣзнью, устанавливается слишкомъ тѣсное общеніе. Въ первомъ случаѣ можно цѣлесообразнымъ лѣченіемъ, какъ бы посредствомъ гигіеническихъ мѣръ, противодѣйствующихъ воспаленію, и съ помощью здоровой духовной атмосферы ослабить пароксизмы и если не сполна побѣдить, то сдѣлать безвреднымъ своеобразное болѣзнетворное вещество; во второмъ же случаѣ нельзя надѣяться на иное спасеніе, кромѣ того, которое можетъ произойти изъ благодѣтельнаго внутренняго движенія природы. Ибо болѣзнь сопровождается самыми опасными симптомами и становится гораздо болѣе опустошительной, когда слишкомъ тѣсная близость многихъ зараженныхъ возбуждаетъ и обостряетъ ее у каждаго отдѣльнаго человѣка; тогда даже немногіе вскорѣ отравятъ общую жизненную атмосферу и заразятъ и самыя здоровыя тѣла; когда всѣ каналы, по которымъ долженъ протекать процессъ жизни, разрушаются, когда всѣ соки разлагаются и отравляются однимъ и тѣмъ же лихорадочнымъ безумiемъ, то безвозвратно

погибаетъ здоровая духовная жизнь и дѣятельность цѣлыхъ поколѣній и народовъ. Поэтому ваше отвращеніе къ церкви, ко всякому учрежденію, направленному на сообщеніе религіи, выступаетъ всегда еще сильнѣе, чѣмъ отвращеніе къ самой религіи; поэтому священники, какъ опоры и подлинно дѣятельные члены такихъ учрежденій, для васъ ненавистны болѣе всѣхъ людей. Но даже тѣ изъ васъ, которые имѣютъ болѣе смягченное мнѣніе о религіи и считаютъ ее скорѣе странностью, чѣмъ душевнымъ разстройствомъ, скорѣе ничтожнымъ, чѣмъ опаснымъ явленіемъ, судятъ совершенно такъ же дурно о всѣхъ ея общественныхъ организаціяхъ. Рабское пожертвованіе всѣмъ своеобразнымъ и свободнымъ, бездушный механизмъ и пустые обряды,—таковы, по ихъ мнѣнію, неизбѣжныя послѣдствія всякой такой организаціи, таково искусное дѣло людей, которые съ непостижимымъ успѣхомъ усматриваютъ великую заслугу въ томъ, что̀ либо вообще не имѣетъ значенія, либо же по меньшей мѣрѣ могло бы столь же хорошо быть выполнено всякимъ другимъ. Я бы весьма несовершенно открылъ вамъ свою душу въ отношеніи нашей темы, которая мнѣ такъ важна, если бы я не постарался поставить васъ на болѣе правильную точку зрѣнія и въ этомъ вопросѣ. Сколько ложныхъ стремленій и печальныхъ судебъ человѣчества вы вмѣняете въ вину религіознымъ союзамъ,—это мнѣ не нужно повторять, это ясно изъ тысячи сужденій самыхъ авторитетныхъ лицъ среди васъ; и я не хочу также въ отдѣльности опровергать эти обвиненія. Напротивъ, мы должны подвергнуть новому разсмотрѣнію все понятіе церкви, возсоздать это понятіе церкви, исходя изъ центральнаго пункта нашей темы, не заботясь о томъ, въ какой мѣрѣ оно доселѣ было осуществлено, и что̀ о немъ свидѣтельствуетъ опытъ.

Разъ религія дана, она необходимо должна быть общительной; это вытекаетъ не только изъ природы человѣка, но и преимущественно изъ ея собственной природы. Вы должны признать, что когда человѣкъ хочетъ замкнуть въ себѣ то, что̀ онъ въ себѣ создалъ и выработалъ, въ этомъ есть что-то болѣзненное и въ высшей степени противоестественное.

Находясь въ неизбѣжномъ общеніи и взаимозависимости не только въ области дѣйствованія, но и въ своемъ духовномъ бытіи, съ остальными существами своего рода, онъ долженъ проявлять и сообщать все, что есть въ немъ; и чѣмъ сильнѣе что-либо его возбуждаетъ, чѣмъ глубже проникаетъ его существо, тѣмъ могущественнѣе дѣйствуетъ и этотъ инстинктъ общенія,—даже если разсматривать его лишь съ той точки зрѣнія, что каждый человѣкъ стремится созерцать внѣ себя, въ другихъ людяхъ, то, что̀ его влечетъ, чтобы подтвердить самому себѣ, что все, встрѣчающееся ему, имѣетъ общечеловѣческій характеръ. Вы видите, здѣсь нѣтъ и рѣчи о стремленіи сдѣлать другихъ подобными себѣ, или о вѣрѣ въ неизбѣжность для всѣхъ того, что̀ есть въ одномъ; здѣсь рѣчь идетъ лишь о томъ, чтобы осознать и выразить истинное отношеніе нашей индивидуальной жизни къ общей природѣ человѣка. Но настоящимъ предметомъ этого стремленія къ общенію является безспорно то, въ чемъ человѣкъ первоначально чувствуетъ себя страдательнымъ,—его воспріятія и чувства; его влечетъ узнать, не созданы ли они въ немъ какой-либо чуждой и недостойной силой. Поэтому мы видимъ, что человѣкъ съ дѣтства занятъ сообщеніемъ именно своихъ воспріятій и чувствъ; онъ охотнѣе оставляетъ въ покоѣ свои понятія, происхожденіе которыхъ и безъ того не можетъ возбуждать въ немъ сомнѣнія, и еще легче онъ рѣшается воздержаться отъ высказыванія своихъ сужденій; но что̀ онъ воспринимаетъ въ ощущеніи, что̀ возбуждаетъ его чувства, этому онъ ищетъ свидѣтелей, въ этомъ онъ хочетъ имѣть соучастниковъ. Какъ можетъ онъ сохранить для себя именно самыя широкія и универсальныя воздѣйствія вселенной, которыя представляются ему чѣмъ то величайшимъ и могущественнѣйшимъ? Какъ можетъ онъ хотѣть замкнуть въ себѣ именно то, что сильнѣе всего влечетъ его выйти за предѣлы его личности, и на чемъ онъ яснѣе всего сознаетъ невозможность познать себя только изъ себя самого? Напротивъ, когда ему уяснилось какое-либо религіозное воззрѣніе или его душу проникаетъ благочестивое чувство, въ немъ прежде всего возникаетъ стремленіе указать

тотъ же предметъ и другимъ и по возможности перенести на нихъ звучаніе струнъ своей души.

Если, такимъ образомъ, благочестивый человѣкъ необходимо говоритъ, вынуждаемый къ тому своей природой, то та же природа доставляетъ ему слушателей. Ни съ какимъ элементомъ жизни у человѣка не связано такое живое чувство полнѣйшей неспособности когда-либо всецѣло исчерпать его своими одиночными силами, какъ съ религіей. Какъ только въ немъ открывается воспріимчивость къ религіи, такъ онъ тотчасъ же чувствуетъ безконечность своего объекта и свою собственную ограниченность; онъ сознаетъ, что объемлетъ лишь малую часть религіи; и чего онъ не можетъ непосредственно достигнуть, то онъ хочетъ по возможности осознать и усвоить по крайней мѣрѣ черезъ другихъ людей, которые сами овладѣли этимъ. Поэтому онъ стремится ко всякому проявленію религіи и, ища себѣ дополненія, прислушивается ко всякому звуку, въ которомъ онъ узнаетъ ея выраженіе. Такъ организуется взаимное общеніе: говорить и внимать чужимъ рѣчамъ одинаково необходимо каждому. Но религіознаго общенія нельзя искать въ книгахъ, на подобіе общенія, касающагося понятій и познаній. [1]) Слишкомъ много теряется изъ чистаго впечатлѣнія первичнаго творчества въ этой средѣ, которая, на подобіе темныхъ веществъ, впитывающихъ въ себя большую часть свѣтовыхъ лучей, поглащаетъ изъ религіознаго возбужденія души все, что не вмѣщается въ несовершенные знаки, изъ которыхъ оно снова должно произойти. Въ религіозномъ общеніи черезъ письменность все требовало бы двойного и тройного отображенія, такъ какъ первоначальное высказываніе должно было бы въ свою очередь быть передано; и все же непосредственное дѣйствіе религіи въ ея великомъ единствѣ на цѣлаго человѣка могло бы быть лишь несовершенно отображено въ силу многократной рефлексіи; лишь когда религія изгнана изъ общества живыхъ, она должна скрыть свою многообразную жизнь въ мертвой буквѣ. Это общеніе съ глубочайшимъ внутреннимъ существомъ человѣка не можетъ также осуществляться въ обычномъ разго-

ворѣ. Многіе, полные благихъ намѣреній въ отношеніи религіи, упрекали наше время и нашъ укладъ въ томъ, что въ товарищеской бесѣдѣ и въ дружескомъ общеніи теперь такъ часто говорятъ о всѣхъ другихъ важныхъ предметахъ, только не о Богѣ и божественныхъ вещахъ. Я хотѣлъ бы защитить насъ въ этомъ отношеніи и отмѣтить, что, по крайней мѣрѣ, въ этомъ выражается не презрѣніе, и не равнодушіе, а счастливый и вполнѣ правильный инстинктъ. Гдѣ живутъ радость и смѣхъ, гдѣ сама серьезность должна податливо сочетаться съ шуткой и остротой, тамъ нѣтъ мѣста для того, что всегда должно быть окружено священнымъ трепетомъ и благоговѣніемъ. Религіозными воззрѣніями, благочестивыми чувствами и серьезными размышленіями о нихъ нельзя обмѣниваться въ случайныхъ мелкихъ замѣчаніяхъ, которыя умѣстны въ темахъ легкой бесѣды; и гдѣ рѣчь идетъ о священныхъ предметахъ, тамъ было бы скорѣе кощунствомъ, чѣмъ ловкостью, имѣть на каждый вопросъ быстрый готовый отвѣтъ, а на каждое обращеніе—готовый откликъ. [2]) Поэтому религіозный человѣкъ отходитъ отъ этихъ, еще слишкомъ широкихъ для него круговъ къ болѣе интимнымъ бесѣдамъ дружбы и діалогамъ любви, гдѣ взоръ и выраженіе лица говорятъ яснѣе словъ, и гдѣ понятно и святое молчаніе. Въ обычной же для товарищескихъ бесѣдъ манерѣ легко и быстро обмѣниваться мѣткими сужденіями нельзя обсуждать божественныхъ вещей: религіозная бесѣда должна вестись въ болѣе высокомъ стилѣ, и иной родъ общества, ей спеціально посвященный, долженъ отсюда возникнуть.

На высшее, чего можетъ коснуться языкъ, надлежитъ употребить всю полноту и роскошь человѣческой рѣчи, не потому, чтобы существовало украшеніе, безъ котораго не могла бы обойтись религія, а потому, что со стороны ея глашатаевъ было бы нечестиво и легкомысленно, если бы они не старались посвятить ей и собрать для нея все прекрасное, чѣмъ они владѣютъ, чтобы такимъ образомъ, быть можетъ, съ надлежащей силой и достоинствомъ выразить религію. Поэтому внѣ поэзіи невозможно выразить и сообщить религію иначе,

какъ риторически, со всей силой и искусствомъ языка, [3]) и охотно пользуясь услугами всѣхъ искусствъ, которыя могутъ содѣйствовать бѣглой и подвижной рѣчи. Поэтому уста того, чье сердце полно религіи, открываются лишь передъ собраніемъ, гдѣ можетъ многообразно дѣйствовать слово, выступающее въ такомъ обильномъ вооруженіи. Я хотѣлъ бы нарисовать вамъ картину богатой и роскошной жизни въ этомъ градѣ Божіемъ, когда сходятся его обитатели, гдѣ каждый полонъ собственной силой, которая хочетъ излиться наружу, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый исполненъ священной жажды все воспринять и усвоить, что̀ могли бы дать ему другіе. Когда одинъ изъ нихъ выступаетъ передъ остальными, то не должность и не уговоръ управомочиваетъ его на это, и не гордость или самомнѣніе внушаетъ ему это дерзновеніе, а лишь свободное движеніе духа, чувство сердечнаго единенія каждаго со всѣми и совершеннаго равенства, совмѣстное уничтоженіе всего земного порядка, всякаго различія между первымъ и послѣднимъ. [4]) Онъ выступаетъ, чтобы выставить передъ другими свою движимую Богомъ душу, какъ предметъ участливаго созерцанія, чтобы подвести ихъ къ той области религіи, которая ему родна, и привить имъ свои священныя чувства; онъ высказываетъ божественное, и въ святомъ молчаніи община внимаетъ его вдохновенной рѣчи. Открываетъ ли онъ тайное чудо или съ пророческой увѣренностью связываетъ будущее съ настоящимъ, укрѣпляетъ ли онъ новыми примѣрами старыя воспріятія, или его пламенная фантазія открываетъ ему въ возвышенныхъ видѣніяхъ новыя части міра и иной порядокъ вещей,—испытанный духъ общины всюду сопровождаетъ его духъ; и когда онъ возвращается къ себѣ изъ этихъ странствій по царству Божію, сердце его и сердце каждаго есть лишь общее вмѣстилище одного и того же чувства. И если тогда ему громко или тихо возвѣщается согласіе его воззрѣнія съ тѣмъ, что̀ есть въ нихъ, то открываются и справляются священныя мистеріи, которыя суть не только многозначительныя эмблемы, но—если правильно всмотрѣться въ нихъ—и вполнѣ естественныя указанія опредѣленнаго сознанія и опредѣленныхъ

ощущеній; это есть какъ бы высшій хоръ, который на своемъ собственномъ возвышенномъ языкѣ отвѣчаетъ взывающему голосу. И это не только сравненіе; нѣтъ, если такая рѣчь есть музыка безъ пѣнія и тона, то среди святыхъ существуетъ и музыка, которая становится рѣчью безъ словъ, опредѣленнѣйшимъ и понятнѣйшимъ выраженіемъ самаго глубокаго сознанія. Муза гармоніи, интимное отношеніе которой къ религіи, хотя и давно уже высказанное и изображенное, лишь немногими признано, издавна посвящала религіи на своихъ алтаряхъ прекраснѣйшія и совершеннѣйшія созданія самыхъ вдохновенныхъ своихъ учениковъ. Въ священныхъ гимнахъ и хорахъ, къ которымъ лишь слабо и легко прикрѣплены слова поэтовъ, выявляется то, чего уже не можетъ охватить опредѣленная рѣчь; и такъ поддерживаютъ другъ друга и смѣняются звуки мыслей и чувствъ, пока все не насытится и не наполнится святостью и безконечностью. Таково воздѣйствіе религіозныхъ людей другъ на друга, таково ихъ естественное и вѣчное соединеніе. Не осуждайте ихъ за то, что эта небесная связь—совершеннѣйшее созданіе общительной природы человѣка,—связь, которой они могутъ достигнуть, лишь познавъ ея высшее значеніе,—болѣе дорога имъ, чѣмъ выше всего цѣнимый вами гражданскій союзъ; послѣдній вѣдь нигдѣ еще не созрѣлъ до мужественной красоты и, по сравненію съ первой, кажется скорѣе вынужденнымъ, чѣмъ свободнымъ, скорѣе преходящимъ, чѣмъ вѣчнымъ.

Но гдѣ же во всемъ, что я высказалъ объ общинѣ благочестивыхъ, та противоположность между священниками и мірянами, которую вы привыкли обозначать, какъ источникъ столь многихъ золъ? Васъ ослѣпилъ ложный призракъ: это есть совсѣмъ не различіе между людьми, а лишь различіе состояній и отправленій. Всякій есть священникъ, поскольку онъ привлекаетъ другихъ къ полю, которымъ онъ особенно овладѣлъ и на которомъ онъ можетъ показать свое мастерство; всякій есть мірянинъ, поскольку онъ слѣдуетъ указаніямъ и искусству другого въ области религіи, съ которой онъ самъ еще недостаточно освоился. Не существуетъ той тираннической

аристократіи, которую вы такъ злостно описываете; напротивъ, это общество есть народъ священниковъ, [5]) совершенная республика, гдѣ каждый поочередно есть вождь и народъ, каждый слѣдуетъ въ другомъ той же силѣ, которую онъ ощущаетъ и въ себѣ, и съ помощью которой онъ управляетъ другими.—Какъ же можетъ укорениться здѣсь духъ раздора и раскола, который вы считаете неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ религіозныхъ союзовъ? Я вижу только, что все едино, и что всѣ различія, которыя дѣйствительно существуютъ въ самой религіи, мягко сливаются между собой именно въ силу товарищескаго общенія благочестивыхъ. Я самъ обратилъ ваше вниманіе на различныя степени религіозности, я намѣтилъ два различныхъ умонастроенія, и различныя направленія, въ которыхъ душа отыскиваетъ себѣ свой высшій объектъ. Думаете ли вы, что отсюда необходимо должны возникнуть секты, и что это должно препятствовать свободной общительности въ религіи? Съ точки зрѣнія теоріи, конечно, вѣрно, что все, несовпадающее между собой и расколотое на различныя подраздѣленія, тѣмъ самымъ стоитъ въ отношеніи противоположности и противорѣчія: но вспомните, что жизнь строится совсѣмъ иначе, что въ ней противоположности взаимно притягиваются, и что поэтому то, что̀ мы раздѣляемъ въ теоріи, сливается въ жизни. Правда, тѣ, кто болѣе всего сходны въ одномъ изъ этихъ пунктовъ, будутъ и сильнѣе всего притягивать другъ друга, но въ силу этого они не могутъ составить обособленнаго цѣлаго: ибо степени этого сродства незамѣтно убываютъ и прибываютъ, и при обиліи такихъ переходовъ даже между отдаленнѣйшими элементами нѣтъ абсолютнаго отталкиванія и совершеннаго обособленія. [6]) Возьмите какую угодно изъ такихъ массъ, которыя поодиночкѣ органически развиваются подъ дѣйствіемъ самобытной силы; если вы не изолируете ихъ насильственно какой-либо механической операціей, то ни одна изъ нихъ не будетъ представлять чего-либо всецѣло однороднаго и обособленнаго, а крайнія части каждой будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ связаны съ частями, которыя обнаруживаютъ иныя свойства и собственно прина-

длежатъ уже иной массѣ. Если ближе сойдутся вѣрующіе, которые стоятъ на одинаково низкой ступени, то все же въ союзъ будутъ восприняты и нѣкоторыя иныя лица, уже смутно сознающіе высшее. Принадлежащіе къ болѣе высоко развитому обществу будутъ понимать послѣднихъ лучше, чѣмъ они сами себя понимаютъ, и между ними и этимъ обществомъ установится пунктъ единства, который лишь будетъ скрытъ отъ нихъ самихъ. Если соединяются люди, въ которыхъ преобладаетъ одно умонастроеніе, то между ними все же всегда найдутся и такіе, которые по крайней мѣрѣ понимаютъ оба умонастроенія, и они то, какъ бы принадлежа къ обоимъ, составятъ связующее звено между двумя раздѣльными въ остальныхъ отношеніяхъ сферами. Такъ, напримѣръ, тотъ, кому болѣе свойственно вступать въ религіозное отношеніе къ природѣ, по существу отнюдь не противоположенъ въ религіозномъ смыслѣ тому, кто находитъ слѣды Божества скорѣе въ исторіи; и всегда найдутся люди, способные съ одинаковой легкостью итти обоими путями; и какъ бы вы ни пожелали дѣлить великую область религіи, вы всегда прійдете къ тому же. Если неограниченная универсальность сознанія есть первое и исконное условіе религіи, а потому, естественно, и самый прекрасный и зрѣлый ея плодъ,—то вы видите, что иначе это не можетъ быть, и что чѣмъ болѣе человѣкъ прогрессируетъ въ религіи, чѣмъ болѣе очищается его благочестіе, тѣмъ болѣе весь религіозный міръ долженъ представляться ему недѣлимымъ цѣлымъ. Влеченіе къ обособленію, поскольку оно направлено на строжайшее раздѣленіе, есть свидѣтельство несовершенства; высшіе и наиболѣе развитые всегда видятъ лишь единый всеобщій союзъ, и именно потому, что они его видятъ, они и основываютъ его. Каждый, соприкасаясь лишь съ ближайшимъ, но окруженный такими ближайшими элементами со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ, въ дѣйствительности уже неразрывно связанъ съ цѣлымъ. Мистики и физики въ религіи, тѣ, кому Божество является личнымъ, и тѣ, кому оно не является таковымъ, люди, возвысившіеся до систематическаго уясненія вселенной, и люди, созерцающіе ее лишь въ стихіяхъ или въ темномъ хаосѣ,—

всѣ должны все же быть въ единеніи; единая связь объемлетъ ихъ всѣхъ, и лишь насильственно и произвольно они могутъ быть всецѣло раздѣлены; каждое особое соединеніе есть текучая составная часть цѣлаго, которая лишена точныхъ очертаній и расплывается въ цѣломъ; и по крайней мѣрѣ тѣ, кто такъ чувствуютъ себя въ цѣломъ, всегда будутъ лучшими.—Откуда же, какъ не изъ одного лишь непониманія, проистекаетъ ославленное дикое стремленіе обращать людей въ отдѣльныя опредѣленныя формы религіи, и ужасный лозунгъ: „внѣ насъ нѣтъ спасенія"? [7]) Какъ я изобразилъ вамъ общество благочестивыхъ, и какъ оно должно быть по своей природѣ, оно направлено лишь на общеніе, и существуетъ лишь между тѣми, кто уже имѣетъ религію,—какова бы она ни была; можетъ ли быть его задачей передѣлывать тѣхъ, кто уже исповѣдуетъ опредѣленную религію, или привлекать и посвящать въ нее тѣхъ, у кого еще нѣтъ ея? Религія этого общества, какъ такового, есть лишь совокупная религія всѣхъ вѣрующихъ, какъ каждый созерцаетъ ее въ другихъ, безконечная религія, которую никто въ отдѣльности не можетъ всецѣло охватить, ибо она не существуетъ, какъ нѣчто отдѣльное, и до которой, слѣдовательно, никого нельзя заставить дойти и возвыситься. И если кто, такимъ образомъ, избралъ для себя какую-либо ея часть,—развѣ не было бы безсмысленно со стороны общества желать вырвать у него то, что соотвѣтствуетъ его природѣ, такъ какъ вѣдь цѣлое должно заключать въ себѣ и эту часть, и, значитъ, кто-либо долженъ обладать ею? И зачѣмъ общество могло бы хотѣть развивать тѣхъ, кому вообще еще чужда религія? Вѣдь оно само не можетъ сообщить имъ своего достоянія—безконечнаго цѣлаго, а сообщеніе чего-либо частнаго въ немъ можетъ исходить не изъ цѣлаго, а лишь изъ единичнаго. Или оно должно сообщить общее, неопредѣленное, которое, быть можетъ, получилось бы, если было бы найдено то, что имѣется у всѣхъ членовъ общества? Но вы вѣдь знаете, что нигдѣ ничто не дано дѣйствительно и не можетъ быть сообщено въ формѣ общаго и неопредѣленнаго, и что все дано лишь какъ нѣчто единичное

и въ совершенно опредѣленной формѣ; иначе оно не было бы чѣмъ то, а было бы ничто. Итакъ, въ такомъ начинаніи общество было бы лишено всякаго мѣрила и всякаго правила. Да и какъ вообще оно пришло бы къ мысли выйти за предѣлы самого себя, когда потребность, изъ которой оно возникло, совсѣмъ не намѣчаетъ ничего подобнаго? Отдѣльныя личности сближаются между собой и становятся цѣлымъ; цѣлое же, какъ нѣчто самодовлѣющее, покоится въ себѣ и не стремится во внѣ. Итакъ, если что-либо подобное совершается въ религіи, то это всегда есть частное дѣло отдѣльнаго лица самого по себѣ и, такъ сказать, скорѣе поскольку оно стоитъ внѣ церкви, чѣмъ поскольку оно находится въ ней. Вынужденный перенестись въ нисшія области жизни и удалиться изъ круга религіознаго единенія, гдѣ общее бытіе и жизнь въ Богѣ доставляли ему самое возвышенное наслажденіе и гдѣ духъ его, проникнутый святыми чувствами, виталъ на высшей вершинѣ жизни, человѣкъ находитъ себѣ утѣшеніе, связывая все, чѣмъ онъ долженъ теперь заниматься, съ тѣмъ, что всегда остается высшимъ для его души. Когда онъ нисходитъ оттуда въ среду, въ которой люди ограничиваются какимъ-либо земнымъ стремленіемъ и дѣломъ, ему кажется—и это вполнѣ простительно,—что изъ общества боговъ и музъ онъ перенесенъ въ племя грубыхъ варваровъ. Онъ чувствуетъ себя уполномоченнымъ религіи среди невѣрующихъ, просвѣтителемъ дикарей; онъ мечтаетъ, какъ Орфей или Амфіонъ, привлечь иныхъ небесными звуками, и выступаетъ среди нихъ въ образѣ жреца, ясно и свѣтло выражая всѣмъ своимъ поведеніемъ и существомъ свое высшее сознаніе. И если воспріятіе святого и божественнаго пробуждаетъ въ нихъ что-либо сходное, какъ любовно взращиваетъ онъ эти первыя чаянія религіи въ новой душѣ, — прекрасный залогъ ея созрѣванія даже въ чужомъ и суровомъ климатѣ! съ какимъ торжествомъ онъ возноситъ съ собой новообращеннаго къ возвышенному собранію! Эта заботливость о распространеніи религіи есть лишь тоска чужестранца по своей родинѣ, потребность унести съ собой свою родину и всюду находить ея законы и нравы, какъ свою высшую и лучшую жизнь; но

сама отчизна, блаженная и довлѣющая себѣ, не знаетъ и этого стремленія.

Послѣ всего этого вы, быть можетъ, скажете, что я, повидимому, вполнѣ солидаренъ съ вами; я показалъ, чѣмъ должна быть церковь по своей природѣ; и отрицая за ней всѣ качества, которыя ей теперь присущи, я осудилъ ея внѣшнюю форму столь же строго, какъ и вы сами. Но я увѣряю васъ, что я говорилъ не о томъ, что должно быть, а о томъ, что есть — если только вы не захотите отрицать, что дѣйствительно существуетъ то, что лишь въ силу пространственной ограниченности не можетъ уясниться и болѣе грубому взору. Истинная церковь дѣйствительно всегда была и еще есть такова; и если вы ея не видите, та вина за это собственно лежитъ на васъ и сводится къ довольно явственному недоразумѣнію. Я прошу васъ, примите во вниманіе, что — пользуясь старымъ, но весьма многозначительнымъ выраженіемъ — я говорилъ не о воинствующей, а о торжествующей церкви, не о церкви, еще борющейся со всѣми препятствіями, которыя ставитъ на ея пути эпоха и состояніе человѣчества, а о той церкви, которая уже преодолѣла все, противостоявшее ей, и уже достигла своего завершенія. Я изобразилъ вамъ общество людей, которыя уже осознали свое благочестіе, и въ которыхъ религіозное пониманіе жизни возобладало надъ всѣми иными; и такъ какъ я, надѣюсь, убѣдилъ васъ, что это должны быть люди съ нѣкоторымъ развитіемъ и съ большой силой, и что ихъ всегда можетъ быть лишь немного, то вы, конечно, не должны искать ихъ общества тамъ, гдѣ многія сотни собраны въ большихъ храмахъ, и гдѣ ихъ пѣніе уже издалека потрясаетъ вашъ слухъ; вы должны знать, что люди этого рода не находятся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ между собой. Быть можетъ, нѣчто подобное можно найти слитымъ въ опредѣленномъ мѣстѣ лишь въ отдѣльныхъ обособленныхъ и какъ бы исключенныхъ изъ большой церкви общинахъ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что всѣ истинно религіозные люди, сколько бы ихъ ни было, не только имѣютъ въ себѣ вѣру въ такое единеніе, или вѣрнѣе живое чувство этого единенія, но соб-

ственно въ немъ и живутъ, и что всѣ они умѣли надлежащимъ образомъ оцѣнивать то, что обычно зовется церковью, т.-е. ставили эту церковь не слишкомъ высоко.

А именно, этотъ большой союзъ, къ которому собственно относятся ваши обвиненія, далеко не есть общество религіозныхъ людей, а есть скорѣе союзъ людей, которые лишь ищутъ религіи; а потому мнѣ представляется вполнѣ естественнымъ, что онъ почти во всѣхъ отношеніяхъ противоположенъ описанному обществу. [8]) Къ сожалѣнію, чтобы сдѣлать это вамъ столь же яснымъ, сколь это ясно мнѣ, я долженъ погрузиться во множество мірскихъ и земныхъ дѣлъ, и пробираться сквозь лабиринтъ самыхъ странныхъ заблужденій; не безъ отвращенія дѣлаю я это, но я хочу добиться вашего согласія со мной. Быть можетъ, уже совершенно различная форма религіознаго общенія въ томъ и другомъ союзѣ, если я обращу на нее ваше вниманіе, убѣдитъ васъ по существу въ моемъ мнѣніи. Я надѣюсь, что сказанное выше заставило васъ согласиться со мной, что въ истинномъ религіозномъ союзѣ всякое общеніе взаимно; что принципъ, который влечетъ насъ къ выявленію присущаго намъ, внутренне родственененъ принципу, который склоняетъ насъ воспринять чужое, и что, такимъ образомъ, дѣйствіе и противодѣйствіе неразрывно связаны между собой. Здѣсь, напротивъ, вы тотчасъ же находите совершенно иное соотношеніе: всѣ хотятъ получать, и есть лишь одинъ, кто долженъ давать; вполнѣ пассивно они лишь отдаются воздѣйствію черезъ всѣ свои органы, и въ лучшемъ случаѣ внутренне помогаютъ своему воспріниманію, насколько они властны надъ собой, даже не помышляя объ обратномъ дѣйствіи на другихъ. [9]) Развѣ это не достаточно ясно показываетъ, что и принципъ ихъ общенія долженъ быть совсѣмъ инымъ? У нихъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, что они хотятъ лишь восполнить свою религію черезъ посредство другихъ; ибо если бы дѣйствительно имъ была присуща какая-либо религія, то она, какъ это вытекаетъ изъ ея природы, должна была бы засвидѣтельствовать себя нѣкоторымъ дѣйствіемъ на другихъ. Они же не оказываютъ никакого обратнаго дѣйствія, потому

что они неспособны на него, и они не могутъ быть способны на него, потому что имъ не присуща никакая религія. Если позволительно заимствовать образъ изъ науки, терминами которой я охотнѣе всего пользуюсь въ религіозныхъ вопросахъ, то я сказалъ бы: они отрицательно религіозны, и потому густою толпою тѣснятся вокругъ немногихъ точекъ, гдѣ они чуютъ положительный принципъ религіи, и хотятъ соединиться съ послѣднимъ. Но если они восприняли въ себя этотъ положительный принципъ, то имъ опять недостаетъ способности удержать воспринятое; возбужденіе, которое какъ бы можетъ лишь прикоснуться къ ихъ поверхности, вскорѣ исчезаетъ, и они пребываютъ тогда въ нѣкоторомъ чувствѣ пустоты, пока не пробудится тоска, и пока они постепенно не наполнятся снова отрицательнымъ началомъ. Таковы, въ немногихъ словахъ, исторія ихъ религіозной жизни и характеръ ихъ инстинкта общенія, который вплетенъ въ эту жизнь. Не религія, а лишь нѣкоторое пониманіе ея, и мучительное, жалостно-тщетное стремленіе достигнуть ея самой—вотъ все, что можно признать даже за лучшими изъ нихъ, за тѣми, кто вкладываетъ въ это дѣло умъ и усердіе. Въ теченіи ихъ частной и гражданской жизни, какъ и на болѣе широкой аренѣ, въ отношеніи которой они являются зрителями, имъ, конечно, встрѣчается многое, что должно возбуждать и того, въ комъ живетъ хоть малая частица религіознаго чувства; но эти возбужденія остаются лишь темнымъ чаяніемъ, подобно слабому оттиску на слишкомъ мягкой массѣ, очертанія котораго тотчасъ же расплываются и становятся неопредѣленными; вскорѣ все смывается волнами суетной жизни и отлагается въ самомъ заброшенномъ уголкѣ памяти, да и тамъ скоро совсѣмъ заваливается мірскими дѣлами. Однако изъ частаго повторенія такихъ мелкихъ впечатлѣній подъ конецъ все же возникаетъ потребность; темное явленіе въ сознаніи, постоянно возвращаясь, требуетъ наконецъ уясненія. Конечно, слѣдовало бы думать, что лучшимъ средствомъ къ этому было бы удосужиться спокойно и пристально созерцать то, что дѣйствуетъ на нихъ; но это дѣйствующее начало не есть вѣдь что-либо

отдѣльное, что̀ отвлекало бы ихъ отъ всего остального; оно есть человѣческая вселенная, а въ ней въ числѣ другихъ содержатся и всѣ отдѣльныя отношенія, о которыхъ они думаютъ въ остальное время своей жизни и съ которыми они привыкли имѣть дѣло. На нихъ непроизвольно, по старой привычкѣ, направилось бы ихъ сознаніе, и возвышенное и безконечное снова раздробилось бы передъ ихъ взоромъ на единичныя и ничтожныя вещи. Это они чувствуютъ, и потому не довѣряютъ самимъ себѣ, а ищутъ чужой помощи; въ зеркалѣ чужого выраженія религіи они хотятъ созерцать то, что быстро растеклось бы въ ихъ собственномъ воспріятіи. На этомъ пути они стремятся достигнуть болѣе опредѣленнаго и высокаго сознанія; но въ концѣ концовъ они перестаютъ понимать все это стремленіе. Отнынѣ, если слова религіознаго человѣка пробуждаютъ въ нихъ всѣ эти воспоминанія, если они восприняли общее впечатлѣніе отъ нихъ и уходятъ въ болѣе сильномъ возбужденіи,—то они полагаютъ, что ихъ потребность удовлетворена, что они достаточно подчинились требованіямъ своей природы, и что теперь они уже имѣютъ въ себѣ силу и сущность всѣхъ этихъ чувствъ, такъ какъ эти чувства—какъ и прежде, хотя и съ нѣсколько большей силой—пришли къ нимъ извнѣ, какъ бѣглое явленіе. Навѣки погруженные въ этотъ обманъ, потому что они не имѣютъ ни чутья, ни знанія истинной и живой религіи, они тысячекратно повторяютъ ту же попытку, въ тщетной надеждѣ выбраться наконецъ на правый путь, и все же остаются, чѣмъ были. [10]) Если бы они пошли дальше, если бы на этомъ пути въ нихъ могла вселиться самодѣятельная и живая религія, то они вскорѣ уже не захотѣли бы оставаться среди тѣхъ, чья односторонность и пассивность отнынѣ уже не соотвѣтствовала бы ихъ состоянію и была бы для нихъ невыносима; они, по крайней мѣрѣ, наряду со своей средой, искали бы иного круга, гдѣ религіозность можетъ высказываться другимъ жизненно и живительно, и тогда они скоро пожелали бы жить только въ немъ и посвятили бы исключительно ему свою любовь. И дѣйствительно, церковь, какъ она существуетъ у насъ, вызываетъ во всѣхъ людяхъ

тѣмъ большее равнодушіе, чѣмъ болѣе они становятся религіозными, и самые религіозные люди гордо и холодно отдѣляются отъ нея. Ничего не можетъ быть яснѣе этого: человѣкъ находится въ этомъ союзѣ лишь потому, что хочетъ стать религіознымъ, и остается въ немъ, лишь поскольку еще не сталъ религіознымъ. [11])—И то же самое вытекаетъ изъ характера отношенія къ религіи самихъ членовъ церкви. Вѣдь, допуская даже, что среди истинно религіозныхъ людей мыслимо одностороннее общеніе и состояніе добровольной пассивности и самоотчужденія, все же въ ихъ совмѣстномъ дѣланіи никоимъ образомъ не могло бы господствовать то сплошное извращеніе и невѣдѣніе, которое встрѣчается тамъ. Вѣдь если бы члены церкви понимали религію, то имъ было бы важнѣе всего, чтобы тотъ, кого они избрали себѣ органомъ религіи, сообщалъ имъ самыя ясныя и своеобразныя свои воззрѣнія и чувства; но именно этого они не любятъ, а напротивъ ставятъ со всѣхъ сторонъ границы проявленіямъ его своеобразія и требуютъ, чтобы онъ разъяснялъ имъ преимущественно понятія, мнѣнія, догматы, словомъ, чтобы вмѣсто своеобразныхъ элементовъ религіи онъ освѣщалъ общераспространенныя размышленія о ней. Если бы они понимали религію, то они изъ собственнаго чувства знали бы, что тѣ символическія дѣйствія, о которыхъ я сказалъ, что они существенны для истинно религіознаго общенія, по своей природѣ могутъ быть лишь знаками тождества результата, получившагося во всѣхъ сознаніяхъ, намеками возврата отъ личной жизненности къ общему средоточію,—что въ нихъ выражается лишь полногласный заключительный хоръ, послѣ всего, что чисто и искусно сообщили отдѣльныя лица; но они ничего не знаютъ объ этомъ, и эти дѣйствія суть для нихъ нѣчто самодовлѣющее, обязательно совершаемое въ опредѣленные сроки. [12]) Что слѣдуетъ изъ этого, какъ не то, что ихъ общее дѣланіе совершенно лишено того характера высокаго и свободнаго одушевленія, который безусловно присущъ религіи, что оно есть нѣчто ученическое и механическое? а на что указываетъ въ свою очередь послѣднее, какъ не на то, что они хотѣли бы извнѣ овладѣть религіей? Къ этому они

стремятся всѣми способами. Поэтому они такъ прилѣпляются къ мертвымъ понятіямъ, къ результатамъ размышленія о религіи, и жадно впитываютъ ихъ въ надеждѣ, что эти понятія пройдутъ въ ихъ душѣ процессъ своего возникновенія въ обратномъ порядкѣ и снова превратятся въ живыя возбужденія и чувства, изъ которыхъ они первоначально произошли. Поэтому они употребляютъ символическія дѣйствія, которыя по своей природѣ суть послѣднее въ религіозномъ общеніи, какъ возбуждающее средство къ тому, что собственно должно было бы имъ предшествовать.

Если я говорилъ пренебрежительно, какъ о чемъ то пошломъ и низкомъ, объ этомъ болѣе широкомъ и распространенномъ союзѣ, по сравненію съ тѣмъ лучшимъ союзомъ, который, по моей идеѣ, только и есть истинная церковь,—то къ этому, конечно, меня вынуждаетъ природа вещей, и я не могъ скрывать своего мнѣнія объ этомъ; но я торжественно протестую противъ предположенія, которое могло бы возникнуть въ васъ, будто я сочувствую пріобрѣтающимъ все большую популярность желаніямъ совершенно разрушить это учрежденіе. Нѣтъ, если истинная церковь будетъ всегда открыта лишь для тѣхъ, кто уже внутренне созрѣлъ для религіозности, то вѣдь должно существовать какое-либо связующее звено между ними и тѣми, кто еще ищетъ религіозности; и именно эту роль и должно играть это учрежденіе, которое поэтому также должно неизбѣжно брать своихъ руководителей и священниковъ изъ истинной церкви. [13]) Или религія должна быть единственнымъ человѣческимъ дѣломъ, въ которомъ не было бы учрежденій, удовлетворяющихъ интересы учениковъ и новичковъ? Но, конечно, весь строй этого учрежденія долженъ былъ бы быть инымъ, и его отношеніе къ истинной церкви должно было бы имѣть иной характеръ. Мнѣ недозволительно обойти молчаніемъ этотъ вопросъ. Эти желанія и надежды слишкомъ тѣсно связаны съ природой религіознаго общенія, и лучшее положеніе вещей, которое мнѣ предносится, настолько содѣйствовало бы ея возвеличенію, что я не вправѣ скрыть моихъ чаяній. Рѣзкое различеніе, которое мы установили между обо-

ими этими видами религіознаго общенія, даетъ намъ по крайней мѣрѣ ту выгоду, что мы можемъ весьма спокойно и согласно обсуждать между собой всѣ злоупотребленія, господствующія въ церковномъ обществѣ, а также ихъ причины. Вѣдь вы должны признать, что, такъ какъ религія сама по себѣ не создала такой церкви и не воплощается въ ней, то съ нея предварительно должна быть снята всякая вина въ томъ злѣ, къ которому, по вашему мнѣнію, привела эта церковь, и въ томъ дурномъ состояніи, въ которомъ, быть можетъ, находится послѣдняя; эта вина должна быть снята съ нея совершенно, такъ что ее нельзя даже упрекнуть въ томъ, что она можетъ выродиться въ нѣчто подобное—вѣдь не можетъ же она вырождаться тамъ, гдѣ ея еще совсѣмъ не было. Я признаю, что въ этомъ обществѣ существуетъ и неизбѣжно долженъ существовать гибельный духъ сектанства. Гдѣ религіозныя мнѣнія употребляются какъ бы въ видѣ метода, чтобы достигнуть религіи, тамъ они, конечно, должны быть сведены въ опредѣленное цѣлое, ибо методъ долженъ быть безусловно опредѣленнымъ и законченнымъ [14]); и гдѣ они принимаются, какъ нѣчто, данное извнѣ, въ силу авторитета, тамъ всякій, кто употребляетъ иныя выраженія, долженъ разсматриваться, какъ нарушитель спокойнаго и вѣрнаго развитія, ибо самимъ своимъ бытіемъ и связанными съ нимъ притязаніями онъ ослабляетъ этотъ авторитетъ. Я признаю даже, что этотъ сектантскій духъ былъ гораздо мягче и мирнѣе въ древнемъ многобожіи, въ которомъ религія, какъ цѣлое, еще не была объединена, и потому легче поддавалась всякому раздѣленію и обособленію, и что этотъ духъ организовался и обнаружился во всей своей силѣ лишь въ эпоху систематической религіи—въ другихъ отношеніяхъ болѣе высокую; ибо гдѣ каждый мнитъ обладать цѣлой системой и ея средоточіемъ, тамъ онъ долженъ приписывать значительно большую цѣнность и каждой детали. Я признаю то и другое, но вы согласитесь со мной, что изъ перваго вообще нельзя дѣлать упрека религіи, и что послѣднее отнюдь не можетъ доказать, что пониманіе вселенной, какъ системы, не есть высшая ступень

религіи. Я признаю, что въ этомъ обществѣ болѣе заботятся о пониманіи или вѣрованіи и о совершеніи обрядовъ, чѣмъ содѣйствуютъ свободному развитію религіозныхъ воспріятій и чувствъ, и что поэтому, какъ бы просвѣщенно ни было его ученіе, оно всегда живетъ въ сосѣдствѣ съ суевѣріемъ и придерживается какой-либо миѳологіи; но вы согласитесь, что именно поэтому вся его сущность далека отъ истинной религіи. Я признаю, что этотъ союзъ почти не можетъ существовать безъ рѣзкаго разграниченія между священниками и мірянами, какъ двумя различными религіозными сословіями; вѣдь если бы кто-либо изъ нихъ могъ стать священникомъ, т.-е своеобразно и полно развить свое чувство и научиться легко выражать его въ какой-либо области, тотъ уже отнюдь не могъ бы оставаться міряниномъ и продолжать вести себя такъ, какъ будто ему недостаетъ всего этого; напротивъ, онъ имѣлъ бы право и обязанность либо покинуть это общество и отыскать истинную церковь, либо же, по полномочію послѣдней, вернуться въ общество, но уже въ качествѣ его главы и священника; но остается безспорнымъ, что это раздѣленіе на два сословія со всѣмъ, что въ немъ есть недостойнаго, и со всѣми дурными послѣдствіями, которыя могутъ быть ему присущи, проистекаетъ не изъ религіи, а лишь изъ недостатка религіозности въ массахъ.

Но именно здѣсь я слышу съ вашей стороны новое возраженіе, которое, повидимому, вновь обрушиваетъ всѣ эти упреки на религію. Вы напомните мнѣ, что я самъ сказалъ, что это большое церковное общество, это учрежденіе для учениковъ въ религіи, по природѣ вещей должно брать себѣ руководителей, священниковъ, лишь изъ членовъ истинной церкви, такъ какъ оно само лишено истиннаго принципа религіозности. Если это такъ,—скажете вы—то какъ могутъ эти совершенные представители религіи тамъ, гдѣ они должны властвовать, гдѣ все внимаетъ ихъ голосу и гдѣ они сами должны были бы внимать лишь голосу религіи, какъ могутъ они не только терпѣть, но и сами создавать столь многое, что̀ всецѣло чуждо духу религіи? и кому же обязана церковь всѣмъ своимъ устрой-

ствомъ, какъ не священникамъ? Или, если это не такъ, какъ должно было бы быть, если они, быть можетъ, дали отнять у себя управленіе этимъ младшимъ, подчиненнымъ обществомъ, то гдѣ же тогда высшій духъ, который мы по праву можемъ искать у нихъ? Почему они такъ плохо управляли столь важной областью? Почему они дозволили низменнымъ страстямъ сдѣлать бичомъ человѣчества то, что въ рукахъ религіи было бы его благословеніемъ? А вѣдь для каждаго изъ нихъ, какъ ты самъ признаешь, руководительство тѣми, кто нуждается въ ихъ помощи, должно быть и самымъ радостнымъ, и самымъ святымъ дѣломъ! Конечно, дѣло, къ сожалѣнію, обстоитъ не такъ, какъ оно должно быть, по моему утвержденію; кто рѣшился бы сказать, что всѣ, или большая часть, или—разъ уже такая іерархія установилась—хотя бы лишь первые и самые славные изъ тѣхъ, кто издавна управляли великимъ церковнымъ обществомъ, были совершенными представителями религіи, или хотя бы членами истинной церкви? Но я прошу васъ, не примите того, что я долженъ сказать въ ихъ оправданіе, за коварную отплату. А именно, когда вы возражаете противъ религіи, вы обыкновенно дѣлаете это во имя философіи; когда вы дѣлаете упреки церкви, вы говорите отъ имени государства; вы защищаете политическихъ мастеровъ всѣхъ временъ тѣмъ, что приписываете вмѣшательству церкви обиліе несовершеннаго и неудачнаго въ ихъ созданіяхъ. Если же я, говорящій отъ имени религіозныхъ людей и за нихъ, припишу теперь вину за плохую удачу ихъ дѣла государству и мастерамъ политическаго искусства,—не заподозрите ли вы меня въ упомянутомъ коварствѣ? Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, вы не откажетесь признать мою правоту, если выслушаете мое объясненіе подлиннаго источника всѣхъ этихъ золъ.

Каждое новое ученіе и откровеніе, каждый новый образъ вселенной, который дѣйствуетъ на чувство съ новой, доселѣ еще не затронутой стороны, привлекаетъ къ религіи нѣкоторыя души, для которыхъ именно это откровеніе есть единственный путь, способный ввести ихъ въ высшій, еще невѣдомый міръ. Естественно, что для большинства изъ нихъ именно это отно-

шеніе остается средоточіемъ религіи; они образуютъ вокругъ своего учителя собственную школу, самодовлѣющую особую часть истинной и всеобщей церкви, которая лишь медленно и и тихо созрѣваетъ до соединенія въ духѣ съ великимъ цѣлымъ. Но еще ранѣе, чѣмъ послѣдуетъ это соединеніе, участники школы, когда новыя чувства проникли и насытили ихъ душу, испытываютъ бурную потребность вылить наружу то, что есть въ нихъ, чтобы внутреннее пламя не пожрало ихъ. Поэтому каждый, гдѣ и какъ онъ можетъ, возвѣщаетъ новое спасеніе, которое ему открылось; отъ каждаго предмета они находятъ переходъ къ новооткрытой безконечности, каждая рѣчь превращается въ изображеніе ихъ особаго религіознаго воззрѣнія, каждый совѣтъ, каждое желаніе, каждое дружеское слово становятся вдохновеннымъ восхваленіемъ того, въ чемъ они видятъ единственный путь къ блаженству. Кто знаетъ, какъ дѣйствуетъ религія, тотъ признаетъ естественнымъ, что всѣ они говорятъ; иначе они могли бы бояться, что камни заговорятъ раньше ихъ. И кто знаетъ, какъ дѣйствуетъ новый энтузіазмъ, тотъ признаетъ естественнымъ, что это живое пламя могущественно распространяется, пожираетъ иныхъ, согрѣваетъ многихъ, и тысячамъ сообщаетъ лишь ложную, поверхностную видимость внутренняго жара. Юношеское пламя новыхъ святыхъ признаетъ и послѣднихъ истинными братьями; что мѣшаетъ—поспѣшно думаютъ они,—чтобы и эти люди восприняли святой духъ? да и сами эти люди смотрятъ на себя такъ же, и съ радостнымъ торжествомъ позволяютъ ввести себя въ лоно религіознаго общества. Но когда проходитъ хмѣль перваго воодушевленія, когда сгораетъ раскаленная поверхность, то обнаруживается, что они не могутъ выдержать состоянія, въ которомъ находятся другіе; тогда послѣдніе сострадательно склоняются къ нимъ, и отказываются отъ своего собственнаго высшаго и глубочайшаго наслажденія, чтобы снова помочь имъ; и такимъ путемъ все пріобрѣтаетъ указанную выше несовершенную форму. Такъ безъ внѣшнихъ причинъ, въ силу порчи, общей всему человѣческому, и согласно вѣчному порядку, по которому эта порча быстрѣе всего прони-

каетъ именно въ самую пламенную и интенсивную жизнь, случается то, что вокругъ каждой отдѣльной части истинной церкви, которая возникаетъ изолированно гдѣ либо въ мірѣ, развивается—не обособленно отъ нея, а въ ней и вмѣстѣ съ ней—ложная и выродившаяся церковь. Такова была судьба всѣхъ отдѣльныхъ религій во всѣ времена и среди всѣхъ народовъ. Но если бы все было спокойно предоставлено самому себѣ, то такое состояніе никоимъ образомъ не могло бы долго продолжаться. Влейте въ сосудъ вещества различной тяжести и плотности и имѣющія мало сродства между собой, перемѣшайте ихъ какъ можно сильнѣе, такъ чтобы все, повидимому, слилось въ одно цѣлое,—и вы увидите, что, какъ только вы дадите смѣси спокойно отстояться, все вновь постепенно обособится, и лишь равное соединится съ равнымъ. Такъ случилось бы и здѣсь, ибо таковъ естественный ходъ вещей. Истинная церковь вновь тихо выдѣлилась бы, чтобы наслаждаться высшимъ и болѣе интимнымъ общеніемъ, къ которому неспособны другіе; связь послѣднихъ между собой была бы тогда почти разорвана, и въ силу ихъ природной тупости нуженъ былъ бы новый толчекъ извнѣ, который опредѣлилъ бы ихъ дальнѣйшую судьбу. Но члены истинной церкви не покинули бы ихъ; кто, кромѣ нихъ, имѣлъ бы хоть малѣйшее влеченіе принять участіе въ судьбѣ этихъ людей? Чѣмъ могло бы ихъ состояніе привлечь интересы другихъ людей? Какую выгоду, какую славу можно было бы пріобрѣсти черезъ нихъ? Итакъ, члены истинной церкви могли бы безъ помѣхи вновь вступить въ отправленіе своей священнической должности среди этихъ людей, въ новой, болѣе подходящей формѣ. Каждый собралъ бы вокругъ себя тѣхъ, кто понимали бы лучше всего именно его, на кого именно его манера дѣйствовала бы сильнѣе всего; и вмѣсто огромнаго союза, о существованіи котораго вы теперь скорбите, возникло бы множество мелкихъ и неоформленныхъ обществъ, въ которыхъ попеременно испытывалась бы религіозность людей, и пребываніе въ нихъ было бы лишь преходящимъ состояніемъ,—подготовительнымъ для тѣхъ, въ комъ раскрывалось бы религіозное сознаніе, и рѣшающимъ для тѣхъ,

кто оказывались бы неспособными къ какимъ бы то ни было религіознымъ чувствамъ [15]). Благо тѣмъ, кто будутъ призваны лишь, когда переворотъ въ земныхъ дѣлахъ осуществитъ болѣе медленнымъ и искусственнымъ путемъ этотъ золотой вѣкъ религіи, который не былъ достигнутъ на болѣе простомъ пути природы! Милостивы будутъ къ нимъ боги, и обильную жатву принесутъ ихъ усилія, призванныя помочь начинающимъ и проложить малолѣтнимъ путь къ храму вѣчности,—тѣ усилія, которыя намъ, нынѣшнимъ людямъ, даютъ столь скудные плоды среди неблагопріятныхъ условій [16]).

Внемлите желанію, которое на первый взглядъ, быть можетъ, покажется нечестивымъ, но умолчать о которомъ я почти не могу себя заставить! О если бы всѣ главы государства, всѣ виртуозы и мастера политики навсегда остались чужды даже отдаленнѣйшему чаянію религіи! О если бы никого изъ нихъ не коснулась сила этого заразительнаго воодушевленія! Вѣдь они никогда не умѣли различать своего самобытнаго внутренняго содержанія отъ своей профессіи и своего оффиціальнаго характера. А именно это стало для насъ источникомъ всей порчи. Почему должны были они приносить въ собраніе святыхъ мелкое тщеславіе и странное самомнѣніе, будто преимущества, которыя они могутъ дать, важны во всѣхъ безъ различія отношеніяхъ? Почему должны были они унести съ собой почитаніе служителей святыни въ свои дворцы и судилища? Вы, быть можетъ, правы въ своемъ желаніи, чтобы никогда край священническаго одѣянія не прикасался къ полу царскихъ палатъ; но разрѣшите и намъ желать, чтобы никогда пурпуръ не лобызалъ праха на алтарѣ; вѣдь если бы не случилось послѣднее, за нимъ не произошло бы и первое. Нужно было бы никогда не впускать властителя въ храмъ, пока онъ не сниметъ съ себя передъ его вратами всѣхъ своихъ царскихъ украшеній и не отложитъ въ сторону рога изобилія своихъ щедротъ и почестей. Но они пользовались этимъ рогомъ изобилія здѣсь, какъ и повсюду, они мнили, что могутъ украсить простое величіе небеснаго зданія обрывками своего земного великолѣпія; и вмѣсто того, чтобы выполнять священные обѣты, они при-

носили, въ видѣ жертвы высшему, свои мірскіе дары. Всюду, гдѣ властитель объявлялъ церковь общиной съ особыми правами, исключительной личностью въ гражданскомъ мірѣ,—а это всегда бывало, когда уже наступало это злосчастное состояніе, когда общество вѣрующихъ и общество жаждущихъ вѣры смѣшивалось между собой неправильнымъ способомъ, неизбѣжно ко вреду перваго,—ибо до этого смѣшенія религіозное общество никогда не было достаточно велико, чтобы обратить на себя вниманіе властителей,—всюду, повторяю, гдѣ властитель прибѣгалъ къ этому опаснѣйшему и гибельнѣйшему покровительству, гибель этой церкви была уже почти непоправимо предрѣшена и начата. Подобно ужасной головѣ медузы дѣйствуетъ такая государственная хартія политической гегемоніи на религіозное общество: все каменѣетъ, какъ только она появляется. Все разнородное, что лишь на мгновеніе сцѣпилось, отнынѣ неразрывно связано между собой; все случайное, что легко могло бы быть отброшено, отнынѣ навсегда закрѣплено; одѣяніе срослось съ тѣломъ въ одно цѣлое, и каждая неумѣстная складка какъ бы создана навѣки. Болѣе широкое и неподлинное общество теперь уже неотдѣлимо отъ высшаго и болѣе узкаго, хотя и должно было бы быть отдѣлено; его уже нельзя ни раздѣлить, ни распустить; оно уже не можетъ измѣнить ни своей формы, ни символовъ своей вѣры; его убѣжденія, его обычаи,—все это осуждено пребывать въ томъ состояніи, въ которомъ оно находилось именно въ этотъ моментъ. Но это еще не все: члены истинной церкви, которые, наряду съ другими, входятъ въ составъ этого общества, отнынѣ, можно сказать, насильственно исключены изъ участія въ управленіи имъ и лишены возможности дѣлать для него даже то малое, что еще могло быть сдѣлано. Ибо теперь приходится управлять такими дѣлами, которыми они не могутъ и не хотятъ управлять; теперь нужно руководить земными вещами и заботиться о нихъ, и хотя они знакомы съ такими заботами по своимъ домашнимъ и гражданскимъ дѣламъ, но все же они не могутъ считать такого рода вещи задачами своего священническаго сана. Это есть противорѣчіе, которое не укладывается въ ихъ

сознаніи и съ которымъ они никогда не могутъ примириться; оно не согласуется съ ихъ высокимъ и чистымъ понятіемъ о религіи и религіозномъ общеніи. Ни въ отношеніи къ истинной церкви, къ которой они принадлежатъ, ни въ отношеніи къ болѣе широкому обществу, которымъ они должны руководить, они не могутъ понять, что имъ дѣлать съ домами, землями и богатствами, которыми они могутъ обладать [17]), и члены истинной церкви смущаются и теряются въ этомъ противоестественномъ состояніи. А если еще, сверхъ того, то же самое событіе приманиваетъ тѣхъ, кто въ иномъ случаѣ навсегда остался бы внѣ общества; если теперь становится интересомъ всѣхъ гордыхъ, честолюбивыхъ, своекорыстныхъ и сварливыхъ проникнуть въ церковь, общеніе съ которой при иныхъ условіяхъ доставляло бы имъ только глубочайшую скуку; если эти люди начинаютъ теперь лицемѣрно обнаруживать участіе въ святыхъ вещахъ и знакомство съ ними, чтобы добыть себѣ мірскую плату за это,—то какъ могутъ избѣгнуть пораженія члены истинной церкви? Итакъ, кто же несетъ вину за то, что недостойные люди занимаютъ мѣсто зрѣлыхъ святыхъ, и что подъ ихъ присмотромъ можетъ проскользнуть и укрѣпиться въ церкви все, что болѣе всего противно духу религіи? Кто иной, какъ не государство съ его плохо разсчитаннымъ великодушіемъ? Но оно еще болѣе непосредственнымъ образомъ есть причина того, что порвалась связь между истинной церковью и внѣшнимъ религіознымъ союзомъ. Ибо, оказавъ послѣднему это злосчастное благодѣяніе, оно сочло себя вправѣ разсчитывать на его дѣятельную благодарность и возложило на него три въ высшей степени важныхъ порученія по своимъ дѣламъ [18]). На церковь оно болѣе или менѣе перенесло заботу и наблюденіе надъ воспитаніемъ; оно желаетъ, чтобы подъ покровительствомъ церкви и въ формѣ религіознаго общенія народъ обучался обязанностямъ, которыя не могутъ закрѣплены въ законѣ, и чтобы церковь пробуждала въ немъ истинно гражданскій образъ мыслей; и отъ силы религіи и поученій церкви государство требуетъ, чтобы они дѣлали его гражданъ правдивыми въ ихъ высказываніяхъ. И въ награду за эти тре-

буемыя имъ услуги, оно лишаетъ церковь ея свободы—какъ это имѣетъ мѣсто почти во всѣхъ странахъ культурнаго міра, гдѣ существуетъ государство и церковь; оно относится къ церкви, какъ къ учрежденію, которое установлено и изобрѣтено имъ,—и мы должны согласиться, что почти всѣ ея пороки и злоупотребленія суть его изобрѣтеніе—и оно приписываетъ себѣ одному способность рѣшать, кто пригоденъ выступать въ этомъ обществѣ, какъ образецъ и служитель религіи. И вы все таки хотите упрекать религію за то, что не всѣ эти люди суть святыя души? Но я еще не исчерпалъ своихъ обвиненій; даже въ самыя глубокія мистеріи религіознаго общенія государство привноситъ свой интересъ и тѣмъ загрязняетъ ихъ. Когда церковь съ пророческимъ благоговѣніемъ посвящаетъ новорожденныхъ Божеству и стремленію къ высшему, то при этомъ государство хочетъ вмѣстѣ съ тѣмъ получить изъ ея рукъ списокъ своихъ подданныхъ; когда церковь даетъ свой первый братскій поцѣлуй подрастающимъ, какъ людямъ, взоръ которыхъ впервые проникъ въ святилища религіи, то для государства это должно быть и свидѣтельствомъ первой ступени ихъ гражданской самостоятельности [19]); когда она общими благочестивыми желаніями освящаетъ сліяніе двухъ лицъ, которыя, будучи символами и орудіями творческой природы, вмѣстѣ съ тѣмъ посвящаются въ носители высшей жизни,—то это должно быть также санкціей ихъ гражданскаго союза; и даже когда человѣкъ исчезъ съ арены этого міра, государство не хочетъ вѣрить этому, пока церковь не подтвердитъ, что она вернула безконечности душу усопшаго и ввергла его прахъ въ святое лоно земли. Что государство, такимъ образомъ, всегда преклоняется передъ религіей и ея почитателями, когда оно принимаетъ что либо изъ рукъ безконечности и снова отдаетъ ей,—это обнаруживаетъ въ немъ почитаніе религіи и стремленіе сохранить въ себѣ сознаніе своихъ собственныхъ границъ; но совершенно ясно, что и все это дѣйствуетъ лишь губительно на религіозное общество. Отнынѣ нѣтъ ничего въ отправленіяхъ церкви, что относилось бы къ одной только религіи, или въ чемъ религія, по крайней мѣрѣ,

была бы главнымъ дѣломъ. Въ святыхъ рѣчахъ и наставленіяхъ, какъ и въ таинственныхъ и символическихъ дѣйствіяхъ все полно правовыхъ гражданскихъ отношеній [20]), все уклонилось отъ своего первоначальнаго характера и существа. Поэтому есть много вождей церкви, которые уже ничего не понимаютъ въ религіи, и все же въ состояніи пріобрѣсти большія должностныя заслуги, въ качествѣ служителей религіи; и много есть членовъ церкви, которымъ даже не приходитъ въ голову искать религіи, и которые все же достаточно заинтересованы въ томъ, чтобы остаться въ церкви и принимать участіе въ ней.

Что общество, съ которымъ могутъ случаться такія вещи, которое съ суетнымъ смиреніемъ принимаетъ безполезныя ему благодѣянія и съ угоднической готовностью соглашается нести бремя, ведущее его къ гибели, которое даетъ себя эксплуатировать чуждой власти и уступаетъ прирожденную ему свободу и независимость за пустую видимость, которое отказывается отъ своей великой и возвышенной цѣли, и гонится за вещами, лежащими совсѣмъ не на его пути,—что такое общество не можетъ быть обществомъ людей, имѣющихъ опредѣленное стремленіе и точно знающихъ, чего они хотятъ,—это, я полагаю, само собой очевидно; и это краткое указаніе на судьбы церковнаго общества есть, думается мнѣ, лучшее доказательство того, что оно не есть подлинное общество религіозныхъ людей, что, въ лучшемъ случаѣ, къ нему примѣшаны лишь немногія частицы послѣдняго, погребенныя подъ чуждыми элементами; это доказываетъ также, что общество, какъ цѣлое, чтобы воспринять въ себя первый источникъ этой неизмѣримой порчи, должно было уже находиться въ состояніи болѣзненнаго броженія, при которомъ немногія здоровыя части вскорѣ совершенно ускользаютъ отъ него. Съ священной гордостью истинная церковь отказалась бы отъ даровъ, которыми она не можетъ воспользоваться; ибо она хорошо знаетъ, что тѣ, кто нашли Божество и сообща наслаждаются имъ, въ своемъ чистомъ общеніи, въ которомъ они только хотятъ выявить и передать другъ другу свое глубочайшее бытіе, не имѣютъ собственно ничего, обладаніе чѣмъ могло бы охраняться мірскою властью;

она знаетъ, что имъ ничего не нужно и не можетъ быть нужно на землѣ, кромѣ языка, чтобы понимать другъ друга, и мѣста, чтобы встрѣчаться,—вещей, ради которыхъ нѣтъ надобности ни въ какихъ властителяхъ и ихъ милостяхъ.

Но если все же необходимо посредствующее учрежденіе, чтобы истинная церковь могла входить въ нѣкоторое соприкосновеніе съ непосвященнымъ міромъ, до котораго ей непосредственно нѣтъ никакого дѣла, какъ бы атмосфера, черезъ которую она одновременно и очищается и привлекаетъ къ себѣ новый матеріалъ,—какую же форму должно принять это общество, и какъ оно можетъ быть освобождено отъ порчи, которую оно впитало въ себя? На послѣдній вопросъ пусть отвѣтитъ само время: ко всему, что нѣкогда должно свершиться, ведутъ тысячи различныхъ путей, и для всѣхъ болѣзней человѣчества имѣются многообразные способы исцѣленія; каждый будетъ испытанъ на своемъ мѣстѣ и поведетъ къ цѣли. Лишь саму эту цѣль да будетъ мнѣ дозволено намѣтить, чтобы тѣмъ яснѣе показать вамъ, что ваше недовольство должно обрушиваться не на религію и ея стремленія.

Подлинный и основной смыслъ такого-воспомогательнаго учрежденія состоитъ вѣдь въ томъ, чтобы лицамъ, которымъ до извѣстной степени доступна религія, но которыя еще неспособны примкнуть къ истинной церкви, такъ какъ религія въ нихъ еще не проявилась и не дошла до ихъ сознанія,—чтобы такимъ лицамъ жизненно изъяснялась религія, какъ таковая, и тѣмъ необходимо развивались ихъ религіозные задатки. Посмотримъ, что собственно препятствуетъ осуществленію этой задачи при современномъ положеніи вещей.—Я не хочу еще разъ напоминать о томъ, что въ настоящее время лицъ, которыя должны быть вождями и учителями этого общества—я пользуюсь выраженіемъ „учителя“ неохотно и лишь по нуждѣ, такъ какъ оно мало подходитъ къ ихъ дѣлу—выбираетъ государство согласно своимъ желаніямъ, и что при этомъ государство имѣетъ скорѣе въ виду осуществленіе иныхъ задачъ, которыя оно возложило на это учрежденіе; что иной, съ точки зрѣнія государства, можетъ быть въ высшей степени

разсудительнымъ воспитателемъ и чистымъ, превосходнымъ наставникомъ народа, не испытывая самъ религіозныхъ переживаній въ собственномъ смыслѣ, такъ что многимъ изъ самыхъ достойныхъ служителей этого учрежденія такія переживанія могутъ быть совершенно чужды; допустимъ даже, что всѣ, кого назначаетъ государство, проникнуты и воодушевлены подлинной религіозностью. Все же вы согласитесь, что никакой мастеръ не можетъ съ успѣхомъ передать свое искусство ученикамъ, если между ними не имѣется нѣкотораго равенства въ отношеніи предварительной подготовки; и однако такая подготовка менѣе необходима во всякомъ искусствѣ, гдѣ ученикъ совершенствуется съ помощью упражненій и гдѣ учитель полезенъ преимущественно своей критикой, чѣмъ здѣсь, въ нашемъ предметѣ, гдѣ учитель можетъ только показывать и выявлять. Здѣсь вся его работа должна быть тщетной, если не всѣмъ одно и то же не только понятно, но и умѣстно и благотворно. Итакъ, священный ораторъ долженъ подбирать своихъ слушателей не въ механическомъ порядкѣ, какъ они приписаны къ нему въ силу давнишняго распредѣленія, не въ порядкѣ расположенія ихъ домовъ или полицейскихъ списковъ, а по нѣкоторому сходству ихъ способностей и умонастроеній [21]). Но допустите даже, что вокругъ учителя собираются лишь люди, одинаково близкіе религіи; все же они близки ей на разные лады, и въ высшей степени нелѣпо заставлять ученика ограничиваться какимъ либо однимъ учителемъ; вѣдь нигдѣ нельзя найти человѣка, который обладалъ бы такимъ всестороннимъ религіознымъ развитіемъ и такой способностью всесторонне проявлять свою религію, чтобы быть въ силахъ своими рѣчами и выявленіями освѣтить для каждаго скрытую сущность религіи. Ибо слишкомъ многообъемлюща область религіи. Вспомните о различныхъ путяхъ, которыми человѣкъ переходитъ отъ воспріятія единичнаго и частнаго къ воспріятію цѣлаго и безконечнаго, вспомните, что уже въ силу этого его религія принимаетъ своеобразный и опредѣленный характеръ; подумайте о различныхъ формахъ, въ которыхъ вселенная можетъ дѣйствовать на чувство человѣка, о тысячѣ отдѣльныхъ

воспріятій и о различныхъ способахъ, какъ эти воспріятія могутъ комбинироваться, чтобы взаимно освѣщать себя; сообразите, что каждый, кто ищетъ религіи, долженъ найти ее въ опредѣленной формѣ, соотвѣтствующей его задаткамъ и точкѣ зрѣнія, чтобы его религіозное чувство было дѣйствительно затронуто; и вы найдете, что никакой учитель не можетъ угодить всѣмъ во всемъ и дать каждому то, что ему нужно; вѣдь никто не можетъ быть одновременно и мистикомъ, и физикомъ, и вообще мастеромъ всѣхъ священныхъ искусствъ, черезъ которыя выражается религія, никому не могутъ быть одновременно доступны и пророчества, и видѣнія, и молитвы, и изображенія исторіи и личныхъ чувствъ, и еще многое другое,—всѣ неисчислимыя роскошныя вѣтви, которыя вырастаютъ изъ небеснаго древа священническаго искусства. Учителя и ученики должны имѣть право съ полной свободой отыскивать и выбирать другъ друга, иначе они потеряны другъ для друга; каждый долженъ имѣть право искать, что ему полезно, и никто не долженъ быть принуждаемъ давать больше, чѣмъ онъ имѣетъ и понимаетъ.— Но если бы мы даже достигли того, что каждый могъ бы учить лишь тому, что̀ онъ понимаетъ, то вѣдь это все же невозможно, поскольку онъ одновременно долженъ совершать что либо иное, и притомъ тѣмъ же самымъ дѣйствіемъ. Не можетъ быть вопроса о томъ, что священническая натура способна выявлять свою религію, передавать ее съ ревностью и искусствомъ, какъ надлежитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстно и съ большимъ совершенствомъ выполнять какое нибудь гражданское дѣло. Почему же въ такомъ случаѣ, если это столь же совмѣстимо, человѣку, который имѣетъ призваніе къ священству, не быть учителемъ нравственности на службѣ государства? Противъ этого нельзя ничего возразить; только онъ долженъ быть тѣмъ и другимъ въ раздѣльности, а не совмѣстно и слитно, онъ не долженъ одновременно проявлять обѣ натуры и однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ осуществлять два дѣла. Пусть государство, если это кажется ему полезнымъ, удовлетворяется религіозной моралью; религія же не признаетъ никакого пророка и священника, который намѣренно и спеціально морализируетъ съ

этой точки зрѣнія; кто хочетъ возвѣщать религію, долженъ дѣлать это чисто. Если бы истинный священникъ соглашался на такія недостойныя и невыполнимыя условія въ отношеніи государства, то это противорѣчило бы не только личному достоинству каждаго мастера своего дѣла, но и религіозной чистотѣ вообще. Когда государство беретъ на службу другихъ художниковъ, для того ли, чтобы совершенствовать ихъ дарованія, или чтобы создавать учениковъ, то оно освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ чуждыхъ занятій и даже вмѣняетъ имъ въ обязанность воздерживаться отъ послѣднихъ; оно рекомендуетъ имъ отдаться преимущественно особому отдѣлу ихъ искусства, въ которомъ они могутъ расчитывать на наибольшую производительность, и въ этой области предоставляетъ полную свободу ихъ натурѣ. Лишь въ отношеніи художниковъ религіи оно дѣлаетъ прямо противоположное. Они должны охватывать всю область своего предмета, и при этомъ государство еще предписываетъ имъ, къ какой школѣ они должны принадлежать, и возлагаетъ на нихъ неумѣстное бремя. Если они должны одновременно заботиться объ его дѣлахъ, то пусть оно дастъ имъ надлежащій досугъ, чтобы они могли развить въ себѣ особую форму религіознаго обнаруженія, къ которой они считаютъ себя спеціально призванными, такъ какъ вѣдь это есть главное для нихъ, и пусть освободитъ ихъ отъ тягостныхъ ограниченій; или же, устроивъ для себя свое нравственно-гражданское воспитательное учрежденіе [22])—что государство должно, вѣдь, сдѣлать и въ первомъ случаѣ,—пусть оно опять таки предоставитъ имъ свободно проявлять ихъ сущность и совсѣмъ не заботится о священническомъ дѣлѣ, совершаемомъ въ этомъ учрежденіи, такъ какъ оно не можетъ принести ему ни украшенія, ни пользы, подобно другимъ искусствамъ и наукамъ.

Долой же всякій такой союзъ между церковью и государствомъ! [23])—это останется моимъ катоновскимъ возгласомъ до конца моей жизни, или пока мнѣ не суждено будетъ дѣйствительно увидѣть его разрушеніе. Долой все, что имѣетъ хотя бы сходство съ замкнутымъ союзомъ мірянъ и священ-

никовъ между собой! [24]) Ученики вообще не должны составлять союзовъ; какъ мало это умѣстно—можно видѣть въ механическихъ ремеслахъ; но и священники, какъ таковые, не должны составлять какого либо братства, они должны отказаться отъ цехового дѣленія между собой своихъ занятій и заказчиковъ; пусть каждый, не заботясь объ остальныхъ, и не связывая себя въ этихъ дѣлахъ тѣснѣе съ однимъ, чѣмъ съ другимъ, выполняетъ свое дѣло; и между учителями и общиной пусть тоже не будетъ никакой твердой внѣшней связи. По принципамъ истинной церкви миссія каждаго священника въ мірѣ есть его частное дѣло; пусть будетъ личной обителью и храмъ, гдѣ раздается его религіозная рѣчь; пусть будетъ передъ нимъ собраніе, а не община; пусть будетъ онъ проповѣдникомъ для всѣхъ, кто хотятъ его слушать, но не пастыремъ опредѣленнаго стада. Лишь при этихъ условіяхъ истинно священническія души могутъ заботиться о тѣхъ, кто ищутъ религіи; лишь такимъ путемъ это подготовительное единеніе можетъ дѣйствительно вести къ религіи и по праву заслужить названіе придатка истинной церкви и преддверія къ ней: ибо лишь при этихъ условіяхъ исчезаетъ все, что нечестиво и безрелигіозно въ ея нынѣшней формѣ. Благодаря всеобщей свободѣ избранія, признанія и сужденія смягчается слишкомъ суровое и рѣзкое различіе между священниками и мірянами, пока лучшіе изъ послѣднихъ не достигнутъ того, чтобы быть одновременно тѣмъ и другимъ. Все, что связывается нечестивыми цѣпями символовъ, [25]) будетъ разсѣяно и раздѣлено. Когда всякій подобный способъ соединенія будетъ уничтоженъ, когда ищущему религіи никто не будетъ предлагать религіозную систему, претендующую на исключительную истинность, а всякій дастъ ему свое особое, своеобразное ея обнаруженіе,—тогда, повидимому, будетъ примѣнено единственное средство устраненія описаннаго безчинства. Въ прежнія времена, когда либо слишкомъ тѣснили устарѣлыя формулы, либо слишкомъ многообразные элементы не могли ужиться въ однихъ оковахъ, церковь разрубали на части черезъ дѣленіе символовъ; но это приносило мало помощи и лишь на мгновеніе могло смягчить

зло. Церковь обладаетъ натурой полипа; изъ каждаго ея куска снова вырастаетъ цѣлое; и когда характеръ ея противорѣчитъ духу религіи, то большее число отдѣльныхъ церквей, носящихъ этотъ характеръ, ничѣмъ не лучше малаго числа. Внѣшнее религіозное общество можетъ быть приближено къ всеобщей свободѣ и величественному единству истинной церкви лишь тѣмъ, что оно становится текучей массой, въ которой нѣтъ опредѣленныхъ очертаній, въ которой каждая часть находится то здѣсь, то тамъ, и все мирно смѣшивается между собой. Озлобленный духъ сектанства и прозелитизма, который уводитъ все далѣе отъ существеннаго въ религіи, будетъ уничтоженъ, лишь когда никто не будетъ имѣть основанія думать, что онъ самъ принадлежитъ къ опредѣленному кругу, и что иначе вѣрующій принадлежитъ къ другому кругу.

Вы видите, что въ отношеніи этого общества наши желанія совершенно тождественны; что кажется вамъ зазорнымъ, то преграждаетъ путь и намъ; но только—позвольте мнѣ постоянно повторять это—этого вообще не существовало бы, если бы намъ однимъ предоставили заботиться о томъ, что, собственно, есть наше дѣло. Чтобы все это было снова устранено,—это есть нашъ общій интересъ; мы можемъ желать и надѣяться на это, но врядъ ли можемъ что либо сдѣлать для этого. Какъ совершится такое измѣненіе у насъ, нѣмцевъ,—произойдетъ ли оно также, какъ у нашихъ сосѣдей, послѣ великаго потрясенія и затѣмъ всюду сразу, или государство мирнымъ соглашеніемъ уничтожитъ свой неудачный брачный союзъ съ церковью, такъ что обоимъ не придется умирать, чтобы воскреснуть въ новой формѣ, или же, наконецъ, государство будетъ хотя бы терпѣть возникновеніе новой, дѣвственной церкви [26]), рядомъ съ той, которая нѣкогда продалась ему,—этого я не знаю. Но пока что либо подобное не совершится, жестокая судьба будетъ угнетать всѣ святыя души, которыя, пылая жаромъ религіи, хотятъ выявить свои святыни и болѣе широкому кругу непосвященнаго міра и чего либо достигнуть этимъ. Я не хочу соблазнять тѣхъ, кто включены въ привилегированный государствомъ орденъ, придавать особенно большое значеніе, съ

точки зрѣнія глубочайшаго желанія ихъ сердца, тому, что они въ этомъ отношеніи могутъ сдѣлать своими рѣчами. Если многіе изъ нихъ считаютъ себя обязанными не говорить всегда или даже часто объ одномъ лишь благочестіи, и говорить о немъ на чистоту только въ торжественныхъ случаяхъ, чтобы не измѣнить своему политическому призванію, для котораго предназначена ихъ должность,—то мнѣ почти нечего возражать противъ этого. Но одно надо признать за ними: своей священнической жизнью они могутъ возвѣщать духъ религіи, и это да будетъ ихъ утѣшеніемъ и лучшей наградой. Въ священной личности все значительно, въ признанномъ служителѣ религіи все имѣетъ кононическій смыслъ. Пусть же они выражаютъ сущность религіи во всѣхъ своихъ движеніяхъ; пусть даже въ обыденныхъ житейскихъ отношеніяхъ они не упускаютъ ничего, что можетъ выражать религіозный духъ! Святая глубина, съ которой они относятся ко всему, пусть показываетъ, что и при мелкихъ обстоятельствахъ, мимо которыхъ легкомысленно проходитъ непосвященное сознаніе, въ нихъ звучитъ музыка возвышенныхъ чувствъ; возвышенное спокойствіе, съ которымъ они уравниваютъ великое съ малымъ, пусть свидѣтельствуетъ, что они относятъ все къ неизмѣнному и во всемъ одинаково усматриваютъ Божество; благодушная улыбка, съ которою они проходятъ мимо всякаго слѣда тлѣнности, пусть открываетъ каждому, что они живутъ надъ временемъ и міромъ; готовное самоотреченіе пусть указываетъ, насколько они уже преодолѣли границы личности; и всегда живое и открытое сознаніе, отъ котораго не ускользаетъ ни самое рѣдкое, ни самое обычное, пусть говоритъ о томъ, какъ неустанно отыскиваютъ они слѣды Божества и прислушиваются къ его проявленіямъ. Если, такимъ образомъ, вся ихъ жизнь, и каждое движеніе ихъ внутренняго и внѣшняго образа есть художественное воплощеніе священства,—то, быть можетъ, этотъ нѣмой языкъ откроетъ многимъ сознаніе того, что въ нихъ живетъ. Но недостаточно, чтобы они выражали сущность религіи,—они должны также уничтожать ея ложную видимость; съ дѣтской непосредственностью и возвышенной простотой

полнаго невѣдѣнія, которое не знаетъ опасности и не ищетъ мужества, они должны проходить мимо всего, что грубые предразсудки или тонкое суевѣріе окружило фальшивымъ ореоломъ святости; и пусть они беззаботно, подобно ребенку Геркулесу, внимаютъ шипѣнію змѣй клеветы, которыхъ они столь же тихо и спокойно могутъ въ каждое мгновеніе задушить. Этой святой службѣ пусть отдадутся они до лучшихъ временъ, и я думаю, вы сами будете благоговѣть передъ этимъ непритязательнымъ величіемъ, и предречете благія послѣдствія отъ его дѣйствія на людей. Но что же сказать мнѣ тѣмъ, которымъ вы отказываете въ священническомъ одѣяніи, потому что они не прошли опредѣленнымъ порядкомъ опредѣленнаго круга наукъ? Куда направить мнѣ общительное влеченіе ихъ религіи, поскольку оно устремлено не только къ высшей церкви, но и къ внѣшнему міру? Такъ какъ они лишены болѣе широкой арены, на которой они могли бы особенно выдѣляться, то пусть они удовлетворятся священническимъ служеніемъ своимъ домашнимъ богамъ. [27]) Семья можетъ быть самымъ завершеннымъ элементомъ и самымъ вѣрнымъ отображеніемъ вселенной; вѣдь если здѣсь все сплетено между собой спокойно и вѣрно, то здѣсь дѣйствуютъ всѣ силы, одушевляющіе безконечность; если съ радостнымъ спокойствіемъ все развивается, то здѣсь, какъ и всюду, дышетъ великій міровой духъ; если звуки любви сопровождаютъ всѣ движенія, то и въ малѣйшемъ пространствѣ звучитъ музыка сферъ, и оно вмѣщаетъ въ себя музыку сферъ. Эту святыню пусть они развиваютъ, совершенствуютъ и взращиваютъ, пусть они устанавливаютъ ее ясно и отчетливо съ религіозной силой, пусть истолковываютъ ее съ любовью и разумомъ; и тогда многіе изъ нихъ и вблизи нихъ научатся созерцать вселенную въ маленькой скрытой обители, она станетъ величайшей святыней, въ которой многіе посвящаются въ служители религіи. Это священство было первымъ въ святомъ и дѣтскомъ древнемъ мірѣ, и оно будетъ послѣднимъ, когда уже не будетъ нужды въ иномъ.

Да, мы ждемъ, что въ концѣ нашей искусственной культуры явится эпоха, когда уже не нужно будетъ никакого подгото-

вительнаго общества для религіи, кромѣ благочестиваго домашняго очага. Теперь милліоны людей обоего пола и всѣхъ сословій томятся подъ игомъ механическаго и недостойнаго труда. Болѣе старое поколѣніе съ ропотомъ падаетъ подъ этимъ бременемъ, и съ простительной косностью предаетъ на волю случая молодое поколѣніе почти во всемъ, съ однимъ только исключеніемъ: оно должно тотчасъ же подражать ему и извѣдать то же униженіе. Вотъ причина, почему юношество не имѣетъ того свободнаго и открытаго взора, которому одному лишь открывается объектъ религіозности. Нѣтъ бо́льшаго препятствія для религіи, какъ то, что мы должны быть нашими собственными рабами; ибо всякій есть рабъ, кто вынужденъ выполнять то, что должно было бы совершаться мертвыми силами. Отъ завершенія наукъ и искусствъ мы ожидаемъ, что оно подчинитъ намъ эти мертвыя силы, что весь тѣлесный міръ, и все изъ духовнаго міра, что поддается управленію, оно превратитъ въ волшебный замокъ, гдѣ земному богу достаточно будетъ произнести магическое слово, нажать пружину, чтобы совершились всѣ его велѣнія. Лишь тогда каждый человѣкъ будетъ свободнорожденнымъ, тогда каждая жизнь будетъ одновременно и практической, и созерцательной; ни надъ кѣмъ не будетъ подыматься палка погонщика, и каждый будетъ имѣть покой и досугъ для сосредоточеннаго созерцанія міра. Лишь для несчастныхъ, не имѣвшихъ покоя и досуга, для людей, чьи духовные органы были лишены питательныхъ силъ, ибо все ихъ бытіе неустанно затрачивалось на механическую работу,—лишь для нихъ было необходимо, чтобы выступали отдѣльные счастливцы, которые собирали бы ихъ вокругъ себя, замѣняли бы имъ зрѣніе и въ нѣсколько бѣглыхъ мгновеній сообщали бы имъ высшее содержаніе цѣлой жизни. Когда наступитъ счастливая пора, когда каждый сможетъ свободно упражнять свои чувства и пользоваться ими, — тогда каждый, кому вообще доступна религія, пріобщится къ ней тотчасъ же при первомъ пробужденіи высшихъ силъ, въ святое время юности, подъ защитой отеческой мудрости; тогда прекратится всякое одностороннее общеніе, и награжденный отецъ введетъ

здороваго сына не только въ болѣе радостный міръ и въ бобѣе легкую жизнь, но и непосредственно въ святое, отнынѣ болѣе многочисленное и оживленное собраніе поклонниковъ вѣчнаго.

Въ благодарномъ сознаніи, что, если нѣкогда придетъ это время, какъ бы далеко оно еще ни было, его наступленіе будетъ отчасти обязано и тѣмъ усиліямъ, которымъ вы посвящаете вашу жизнь,—позвольте мнѣ еще разъ обратить ваше вниманіе на прекрасный плодъ вашего труда; позвольте еще разъ свести васъ къ возвышенной общинѣ истинно религіозныхъ душъ, которая, правда, теперь разсѣяна и почти невидима, но духъ которой все же властвуетъ повсюду, гдѣ хоть немногіе собраны во имя Божества. Есть ли въ ней что-либо, что не вызывало бы въ васъ восхищенія и уваженія,—въ васъ, друзьяхъ и поклонникахъ всего прекраснаго и благого!—Они между собой—академія священнослужителей. Обнаруженіе святой жизни, высшее для нихъ, каждый изъ нихъ разсматриваетъ, какъ искусство и предметъ изученія; и Божество изъ своего безконечнаго богатства одѣляетъ при этомъ каждаго особымъ призваніемъ. Съ общимъ пониманіемъ всего, что принадлежитъ къ священной области религіи, каждый сочетаетъ, какъ надлежитъ художникамъ, стремленіе совершенствоваться въ какой-либо ея отдѣльной части; благородное соперничество господствуетъ здѣсь, и потребность представить что-либо достойное такого собранія заставляетъ каждаго усердно и добросовѣстно усваивать все, что относится къ его спеціальной области. Съ чистымъ сердцемъ оно удерживается въ душѣ, сосредоточенно приводится въ порядокъ и съ небеснымъ искусствомъ развивается и совершенствуется, и потому на всѣ лады и отовсюду звучитъ признаніе и хвала безконечному; съ радостнымъ сердцемъ всякій несетъ сюда самые зрѣлые плоды своего размышленія и созерцанія, своего постиженія и чувствованія.—Они между собой—хоръ друзей. Каждый знаетъ, что и онъ есть часть и орудіе вселенной, что и въ немъ открывается ея божественное дѣйствіе и божественная жизнь. Поэтому онъ видитъ въ себѣ достойный предметъ вниманія для

всѣхъ остальныхъ. Всѣ связи вселенной, которыя онъ воспринимаетъ въ себѣ, всѣ элементы человѣчества, которые въ немъ своеобразно формируются, все открываетъ онъ съ священнымъ трепетомъ, но и съ радостной готовностью, чтобы каждый входилъ и созерцалъ это. Зачѣмъ имъ скрывать что-либо другъ отъ друга? Все человѣческое священно, ибо все оно божественно.—Они между собой—союзъ братьевъ,—или вы знаете болѣе интимное выраженіе для полнѣйшаго сліянія ихъ натуръ, не въ цѣляхъ бытія и дѣйствованія а въ цѣляхъ ощущенія и пониманія? Чѣмъ болѣе каждый изъ нихъ приближается къ вселенной, чѣмъ болѣе каждый выявляетъ себя другому, тѣмъ болѣе они сливаются въ единство; ни у кого нѣтъ обособленнаго сознанія, каждый одновременно обладаетъ и сознаніемъ другого; они уже не только люди, но и человѣчество, и выходя за предѣлы самихъ себя, торжествуя надъ самими собой, они на пути къ истинному безсмертію и вѣчности.

Если вы нашли что-либо болѣе возвышенное въ какой-либо иной области человѣческой жизни, или въ какой-либо иной школѣ мудрости, то сообщите мнѣ; вѣдомое мнѣ я передалъ вамъ.

ПЯТАЯ РѢЧЬ.

О религіяхъ.

Что человѣкъ, объятый непосредственнымъ общеніемъ съ высшимъ, долженъ быть для васъ всѣхъ предметомъ почитанія и даже благоговѣнія,—что никто, способный хоть сколько нибудь понимать это состояніе, не въ силахъ удержаться при его созерцаніи отъ этихъ чувствъ,—это стоитъ выше всякихъ сомнѣній. Вы можете презирать всякаго, чья душа легко и цѣликомъ заполняется мелочными вещами; но тщетно будете вы пытаться низко оцѣнивать того, кто вбираетъ въ себя величайшее и питается имъ. Вы можете любить или ненавидѣть всякаго, смотря по тому, идетъ ли онъ съ вами или противъ васъ на ограниченномъ пути дѣятельности и образованія; но даже лучшее изъ чувствъ, порождаемыхъ равенствомъ, не сможетъ укрѣпиться въ васъ въ отношеніи къ тому, кто такъ превосходитъ васъ, какъ человѣкъ, ищущій въ мірѣ высшее существо и стоящій высоко надъ каждымъ, кто не находится въ томъ же состояніи. Вы должны, какъ говорятъ мудрѣйшіе среди васъ, даже противъ воли почитать добродѣтельнаго, который по законамъ нравственной природы стремится подчинить, конечное безконечнымъ требованіямъ; но если бы даже было возможно найти въ самой добродѣтели нѣчто смѣшное, въ силу противоположности между ограниченными силами и безграничнымъ начинаніемъ,—вы все же не сможете отказать въ почитаніи и благоговѣніи тому, чьи органы открыты вселенной и кто, чуждый всякой борьбы и противо-

положности, возвышаясь надъ всякимъ незавершимымъ стремленіемъ, проникнутый воздѣйствіями вселенной и сливаясь съ ней воедино, отбрасываетъ на васъ неискаженный небесный лучъ, когда вы созерцаете его въ этотъ драгоцѣннѣйшій мигъ человѣческаго бытія. Вынудитъ ли въ васъ изложенная мною идея сущности и жизни религіи то почитаніе, въ которомъ вы такъ часто отказывали ей въ силу ложныхъ представленій и обращая вниманіе на случайныя вещи; побудятъ ли васъ къ болѣе глубокому созерцанію нашего бытія и развитія мои мысли о связи этой, всѣмъ намъ присущей склонности со всѣми остальными прекрасными и божественными задатками нашей природы; какъ будете вы судить съ указанной мною высшей точки зрѣнія о томъ непонятномъ возвышенномъ общеніи душъ, гдѣ каждый, пренебрегая славой своего произвола и исключительнымъ обладаніемъ своей духовной самобытностью и тайной, добровольно отдается другимъ и открывается ихъ созерцанію, какъ созданіе вѣчнаго и всеобразующаго мірового духа будете-ли вы восхищаться ею, какъ святѣйшей формой общенія, болѣе высокой, чѣмъ всякое земное соединеніе, болѣе святой, чѣмъ самый нѣжный союзъ дружбы отдѣльныхъ нравственныхъ сознаній; увлечетъ-ли васъ, слѣдовательно, къ молитвенному поклоненію религія, какъ цѣлое, съ ея безконечностью и божественной силой,—обо всемъ этомъ я не спрашиваю васъ; ибо я увѣренъ въ силѣ самого предмета, который нужно было только освободить отъ всѣхъ искажающихъ облаченій, чтобы онъ сталъ дѣйствовать на васъ. Но теперь, въ завершеніе, мнѣ предстоитъ выполнить новое дѣло и одолѣть новое препятствіе. Я какъ бы хочу повести васъ къ Богу, ставшему плотью; я хочу показать вамъ религію, поскольку она отказалась отъ своей безконечности и выступаетъ среди людей часто въ убогомъ образѣ; вы должны открыть религію въ религіяхъ; въ томъ, что стоитъ передъ вами лишь въ земномъ и нечистомъ видѣ, вы должны отыскать отдѣльныя черты той же небесной красоты, образъ которой я пытался обрисовать.

Если вы обратите вашъ взоръ на современное положеніе

вещей, гдѣ дробленія церкви и различія религіи почти всюду совпадаютъ, и религія и церковь кажутся неразрывно связанными въ своемъ обособленіи,—гдѣ существуетъ столько же вѣроученій и исповѣданій, сколько церквей и религіозныхъ общинъ,—то вы легко склонитесь къ мысли, что въ моемъ сужденіи о множественности церквей вмѣстѣ съ тѣмъ уже высказано сужденіе о множественности религій; но этимъ вы совершенно превратно истолковали бы мое мнѣніе. Я осудилъ множественность церкви; но, показавъ изъ существа дѣла, что здѣсь теряются всѣ строго и рѣзко обособляющія очертанія, исчезаютъ всѣ опредѣленныя подраздѣленія, и что не только все должно по духу и взаимному участію быть однимъ неразрывнымъ цѣлымъ, но и что дѣйствительная связь должна развиваться все шире и все болѣе приближаться къ указанному высшему всеобщему единству, я тѣмъ самымъ уже допустилъ, какъ нѣчто необходимое и неизбѣжное, множественность религій и опредѣленныя различія между ними. Вѣдь для чего же истинная внутренняя церковь должна быть единой? Не для того-ли, чтобы каждый могъ созерцать и узнавать религію другого, которую онъ не можетъ созерцать, какъ свою собственную, такъ какъ во всѣхъ своихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ она представляется отличной отъ его религіи? А для чего должно быть единымъ и внѣшнее общеніе, въ переносномъ смыслѣ называемое церковью? Для того, чтобы каждый могъ отыскивать въ ней религію въ той формѣ, которая болѣе всего соотвѣтствуетъ заложенному въ его душѣ смутному задатку; и это зерно должно же имѣть опредѣленный характеръ, если оно можетъ быть оплодотворено и пробуждено лишь воздѣйствіемъ того же опредѣленнаго характера. И именно потому подъ этими различными явленіями религіи не могли разумѣться просто отдѣльные куски, которые различны лишь по числу и величинѣ и, сведенные воедино, составили бы однообразное, впервые лишь подлинно завершенное цѣлое; ибо тогда каждый въ своемъ естественномъ развитіи самъ собою доходилъ бы до того, что принадлежитъ другому; религія, которую открываетъ ему другой, преврати-

лась бы въ его собственную и слилась бы съ ней воедино, и церковь, которая и съ развитой мною точки зрѣнія есть неизбѣжное для каждаго религіознаго человѣка общеніе со всѣми вѣрующими, была бы лишь преходящимъ учрежденіемъ, своимъ собственнымъ дѣйствіемъ устраняющимъ само себя,— тогда какъ я отнюдь не хотѣлъ мыслить или изобразить ее таковою. Такимъ образомъ, я исходилъ изъ множественности религій, и вмѣстѣ съ тѣмъ я нахожу ее обоснованной въ существѣ религіи.

Всякій легко усмотритъ, по крайней мѣрѣ, то, что никто не можетъ въ совершенствѣ обладать всей религіей; ибо человѣкъ опредѣленъ на извѣстный ладъ, религія же опредѣлима на безконечно многіе лады; но столь же мало можетъ быть вамъ чуждо и то, что религія не просто раздробляется между людьми, случайно и въ мѣру воспріимчивости каждаго, а организуется въ явленія, которыя болѣе отличаются другъ отъ друга, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сходны между собой. Вспомните лишь о многихъ ступеняхъ религіи, на которыя я обратилъ ваше вниманіе, вспомните, что религія того, кому міръ уже открывается, какъ живое цѣлое, не можетъ быть простымъ продолженіемъ воззрѣнія того, кто созерцаетъ міръ лишь въ его видимо противоположныхъ элементахъ, и что до этой послѣдней точки зрѣнія въ свою очередь не можетъ дойти на своемъ пути тотъ, для кого вселенная есть еще хаотическое и недифференцированное представленіе. Будете ли вы называть эти различія степенями или видами религіи, вы во всякомъ случаѣ должны признать, что всюду вообще, гдѣ имѣются такія различія, т.-е. гдѣ безконечная сила дѣлится и дифференцируется въ своихъ обнаруженіяхъ, она обычно проявляется въ своеобразныхъ и различныхъ формахъ. Итакъ, множественность религій есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ множественность церквей. Ибо сущность церкви состоитъ вѣдь въ томъ, что она должна быть общеніемъ. Слѣдовательно, ея границей не можетъ быть однородность религіознаго начала, такъ какъ вѣдь общеніе должно быть установлено именно между различными началами. [1]) Если же вы полагаете—въ чемъ вы очевидно со-

вершенно правы, — что и церковь въ дѣйствительности не можетъ стать абсолютнымъ и однороднымъ единствомъ, то это можетъ быть основано лишь на томъ, что каждое реальное общеніе, существующее во времени и пространствѣ, по своей природѣ должно быть ограниченнымъ и само собою распадается на части, такъ какъ его интимность слишкомъ ослабла бы при несоразмѣрно большомъ объемѣ. Напротивъ, религія именно въ своей множественности предполагаетъ возможно большее единство церкви, такъ какъ и для общенія, и для самой личности она должна достигать въ каждомъ человѣкѣ совершенно опредѣленной формы. Ей же самой необходима эта множественность, ибо лишь черезъ нее она можетъ проявляться сполна. Она должна содержать принципъ индивидуализаціи въ себѣ самой, такъ какъ иначе она совсѣмъ не могла бы существовать и восприниматься. Поэтому мы должны постулировать и отыскивать безконечное множество опредѣленныхъ формъ, въ которыхъ проявляется религія; и гдѣ мы находимъ что-либо, претендующее быть такою формой—а вѣдь каждая отдѣльная религія выдаетъ себя за таковую,—тамъ мы должны разсмотрѣть, соотвѣтствуетъ ли она этому принципу, и затѣмъ уяснить сущность и формы ея своеобразія, какъ бы она ни была скрыта подъ чуждыми оболочками, и какъ бы ни была искажена не только неизбѣжнымъ дѣйствіемъ преходящаго, до котораго спустилось непреходящее, но и нечестивой рукой кощунствующихъ людей.

Итакъ, если вы хотите имѣть не только понятіе о религіи вообще,—а вѣдь было бы недостойно васъ, если бы вы удовлетворились столь несовершеннымъ знаніемъ—если вы хотите подлинно постигнуть ее въ ея реальности и конкретныхъ проявленіяхъ, религіозно воспринять сами эти проявленія, какъ безконечно прогрессирующее твореніе духа, который открывается во всей человѣческой исторіи,—то вы должны разстаться съ суетнымъ и тщетнымъ желаніемъ, чтобы существовала только одна религія; вы должны преодолѣть ваше отвращеніе къ ея множественности и по возможности непредвзято подойти ко всѣмъ религіямъ, которыя уже развились изъ вѣчно

обильнаго лона духовной природы въ измѣнчивыхъ формахъ человѣчества и въ теченіи прогрессирующаго движенія послѣдняго.

Вы называете эти наличныя опредѣленныя религіозныя явленія положительными религіями, и подъ этимъ названіемъ они уже давно были предметомъ совершенно исключительной ненависти; тогда какъ при всемъ вашемъ отвращеніи противъ религіи вообще вы всегда легче терпѣли и даже говорили съ нѣкоторымъ почтеніемъ о чемъ то, что̀ въ отличіе отъ этихъ положительныхъ религій вы называете естественной религіей. Я не колеблюсь открыть вамъ въ категорической формѣ мой образъ мыслей по этому вопросу; а именно, что касается меня, то я рѣшительно отрицаю это преимущество и объявляю, что для всѣхъ, кто хочетъ обладать религіей и любить ее, было бы грубѣйшей непослѣдовательностью допускать такое преимущество, и что этимъ они впадали бы въ очевиднѣйшее противорѣчіе съ самими собой. Болѣе того, я считалъ бы всѣ свои усилія потерянными, если бы я достигъ имъ только привлеченія васъ къ этой естественной религіи. Что же касается васъ, которымъ религія вообще была противна, то я находилъ всегда вполнѣ естественнымъ ваше желаніе проводить это различіе. Такъ называемая естественная религія обыкновенно такъ отполирована и имѣетъ такія метафизическія и моральныя манеры, что въ ней лишь мало просвѣчиваетъ своеобразный характеръ религіи; она умѣетъ жить такъ скромно, такъ ограничивать себя и приспособляться, что ее всюду терпятъ; тогда какъ всякая положительная религія имѣетъ нѣкоторыя сильныя черты и весьма характерно очерченную физіономію, и потому во всякомъ своемъ движеніи, при самомъ бѣгломъ взглядѣ, брошенномъ на нее, безошибочно напоминаетъ каждому, что она собственно есть. Это есть единственное объективное различіе между ними; и если именно это есть истинное и внутреннее основаніе вашего отвращенія къ положительной религіи, то теперь вы должны освободиться отъ него, и мнѣ собственно даже не нужно было бы спорить противъ него. Вѣдь если вы теперь, какъ я надѣюсь, имѣете болѣе благопріятное сужденіе о религіи вообще, если вы понимаете,

что ея основой служитъ особый и благородный задатокъ въ человѣкѣ, который, слѣдовательно, долженъ развиваться всюду, гдѣ онъ имѣется, то вы уже не можете испытывать отвращеніе къ созерцанію опредѣленныхъ формъ, въ которыхъ онъ уже реально проявился, и вы, напротивъ, должны признать эти формы тѣмъ болѣе достойнымъ объектомъ вашего разсмотрѣнія, чѣмъ болѣе въ нихъ развиты своеобразные и отличительные признаки религіи.

Но вы, быть можетъ, не признаетесь въ этомъ основаніи вашего отвращенія къ положительной религіи; быть можетъ, всѣ старые упреки, которые вы обыкновенно дѣлали религіи вообще, вы теперь направите противъ отдѣльныхъ религій и будете утверждать, что именно въ томъ, что вы называете положительнымъ въ религіи, должны содержаться черты, которыя постоянно возбуждаютъ эти упреки и оправдываютъ ихъ, и что именно поэтому онѣ не могутъ быть естественными проявленіями истинной религіи, какъ я старался ихъ вамъ изобразить. Вы укажете мнѣ, что всѣ онѣ безъ различія полны тѣмъ, что по моему собственному признанію, не есть сущность религіи, и что, слѣдовательно, начало порчи должно быть глубоко заложено въ ихъ организмѣ; вы напомните мнѣ, что каждая изъ нихъ объявляетъ себя единственно истинной религіей и свои характерныя черты—безусловно высшимъ; что онѣ отличаются между собой, какъ чѣмъ-то существеннымъ, именно тѣмъ, что каждая изъ нихъ должна была бы изгнать изъ себя; что онѣ, совершенно вопреки природѣ истинной религіи, доказываютъ, опровергаютъ и спорятъ, будь то оружіемъ искусства и разсудка, или еще болѣе чуждыми и уже низменными средствами; и вы присоедините, что именно поскольку вы почитаете религію и признаете ее чѣмъ-то важнымъ, вы должны быть горячо заинтересованы въ томъ, чтобы она всюду пользовалась величайшей свободой многообразнаго и всесторонняго развитія и что, такимъ образомъ, вы тѣмъ сильнѣе должны ненавидѣть опредѣленныя религіозныя формы, которыя прикрѣпляютъ всѣхъ, кто ихъ исповѣдуетъ, къ одному и тому же образцу и слову, лишаютъ ихъ свободы слѣдовать ихъ соб-

ственной природѣ и замыкаютъ ихъ въ противоестественныя границы; и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ вы будете настойчиво восхвалять мнѣ преимущества естественной религіи передъ положительными.

Я еще разъ свидѣтельствую, что не отрицаю недоразумѣній и искаженій во всѣхъ религіяхъ, и что я ничего не возражаю противъ отвращенія, которое они вамъ внушаютъ. Я признаю во всѣхъ нихъ описанное мною печальное вырожденіе и уклоненіе въ чуждую область; и чѣмъ божественнѣе сама религія, тѣмъ менѣе я хочу разукрашивать ея порчу и съ восторгомъ взращивать ея плевелы. Но забудьте на время это, тоже вѣдь одностороннее воззрѣніе, и выслушайте иное. Вспомните, какъ велика въ этой порчѣ вина тѣхъ, кто увлекъ религію изъ глубины сердца въ гражданскій міръ; признайте, что многое неизбѣжно всюду, гдѣ безконечное принимаетъ несовершенную и ограниченную оболочку, спускается въ область времени и подчиняется всеобщему воздѣйствію конечныхъ вещей. Но какъ бы глубоко въ нихъ ни укоренилась эта порча и какъ бы онѣ ни страдали отъ нея, примите во вниманіе по крайней мѣрѣ одно: если подлинно религіозный взглядъ на всѣ вещи состоитъ въ томъ, чтобы отыскивать и почитать всякій, и даже отдаленнѣйшій слѣдъ божественнаго, истиннаго и вѣчнаго во всемъ, что кажется намъ обыденнымъ и низменнымъ, то менѣе всего можетъ обойтись безъ преимущества такого разсмотрѣнія то, что имѣетъ самыя законныя притязанія на религіозную оцѣнку. И однако вы найдете больше, чѣмъ только отдаленные слѣды божественности. Я приглашаю васъ разсмотрѣть каждую вѣру, которую исповѣдывали люди, каждую религію, которую вы обозначаете опредѣленнымъ именемъ и характеромъ, и которая, быть можетъ, нынѣ уже давно выродилась въ безсмысленную совокупность пустыхъ обрядовъ, въ систему абстрактныхъ понятій и теорій; не найдете ли вы все же, когда вы изслѣдуете ея источникъ и первичныя составныя части, что всѣ мертвые шлаки были нѣкогда пылающими изліяніями внутренняго пламени, что во всѣхъ религіяхъ болѣе или менѣе содержится нѣчто отъ той истинной сущности

религіи, которую я изобразилъ вамъ? Не найдете ли вы, что каждая религія была одной изъ формъ, которую человѣчество необходимо должно было въ этомъ отношеніи принимать въ разныхъ мѣстностяхъ земли и на различныхъ ступеняхъ развитія. Я долженъ отказаться отъ задачи планомѣрно и всесторонне ознакомить васъ съ этимъ многообразіемъ религій; вѣдь это есть предметъ изученія, которому должна быть посвящена цѣлая жизнь, а не тема для отдѣльной бесѣды. Но для того, чтобы вы не блуждали наугадъ въ этомъ безконечномъ хаосѣ, для того, чтобы вы, не путаясь въ господствующихъ неправильныхъ понятіяхъ, могли вѣрнымъ масштабомъ измѣрять истинное содержаніе и подлинную сущность отдѣльныхъ религій и опредѣленнымъ и твердымъ способомъ различать внутреннее отъ внѣшняго, самобытное отъ заимствованнаго и чужого, священное отъ мірского,—для этого вы должны на время забыть о всякой отдѣльной религіи и о томъ, что считается ея характернымъ признакомъ, и сперва постараться извнутри достигнуть общаго воззрѣнія на то, какъ собственно надлежитъ понимать и опредѣлять сущность какой-либо положительной религіи. Тогда вы найдете, что именно положительныя религіи суть опредѣленныя формы, въ которыхъ должна выражаться религія, и что ваша такъ называемая естественная религія вообще не можетъ претендовать на что-либо подобное, такъ какъ она есть лишь неопредѣленный, скудный и убогій замыселъ, которому, собственно, ничто вообще не можетъ соотвѣтствовать въ дѣйствительности; вы найдете, что только въ положительныхъ религіяхъ возможно истинное индивидуальное развитіе религіознаго задатка, и что онѣ по своей сущности нисколько не умаляютъ свободы тѣхъ, кто ихъ исповѣдуетъ.

Почему я допустилъ, что религія не можетъ быть дана полностью иначе, какъ въ великомъ многообразіи возможно болѣе опредѣленныхъ формъ? Лишь по основаніямъ, которыя сами собой вытекаютъ изъ того, что было сказано о сущности религіи. А именно, религія въ цѣломъ есть, конечно, не что иное, какъ совокупность всѣхъ отношеній человѣка къ Божеству во

всѣхъ возможныхъ формахъ жизнепониманія, которыя каждый сознаетъ, какъ свою непосредственную жизнь; и въ этомъ смыслѣ, конечно, существуетъ одна всеобщая религія, ибо жизнь была бы дѣйствительно убогой и искалѣченной, если бы не всюду, гдѣ должна быть религія, встрѣчались и всѣ эти отношенія. Но всѣ будутъ воспринимать ихъ отнюдь не одинаково, а, напротивъ, совершенно различно; и такъ какъ только эта различность непосредственно чувствуется и можетъ быть выражена, указанное же объединеніе всѣхъ различій можетъ лишь мыслиться, вы неправы въ вашемъ требованіи всеобщей религіи, которая должна быть естественной для всѣхъ; наоборотъ, никто не будетъ имѣть своей собственной, истинной и надлежащей религіи, если она должна быть одинаковой для всѣхъ. Ибо уже потому, что мы существуемъ „гдѣ-то“, въ этихъ отношеніяхъ человѣка къ цѣлому есть ближнее и дальнее, и въ силу этой координаціи со всѣмъ остальнымъ каждое чувство будетъ имѣть для каждаго иное опредѣленіе. Но далѣе и потому, что мы—„кто-то“, въ каждомъ изъ насъ есть бо́льшая воспріимчивость къ нѣкоторымъ религіознымъ представленіямъ и чувствамъ по сравненію съ другими и, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи каждый элементъ религіи есть всюду иной. Но вѣдь, очевидно, значеніе каждаго чувства можетъ быть учтено не черезъ отдѣльное такое отношеніе, а лишь черезъ всю ихъ совокупность, и именно поэтому религія, какъ цѣлое, не можетъ быть дана иначе, чѣмъ если дѣйствительно даны всѣ эти, возникающія описаннымъ путемъ, различныя воззрѣнія на каждое отношеніе; а это, въ свою очередь, невозможно иначе, какъ въ безконечномъ множествѣ различныхъ формъ, каждая изъ которыхъ достаточно опредѣлена въ себѣ различнымъ принципомъ координаціи и въ каждой изъ которыхъ тотъ же самый религіозный элементъ своеобразно видоизмѣненъ, т.-е. которыя всѣ суть истинные индивиды. Чѣмъ опредѣляются и различаются между собой эти индивиды, и что̀, съ другой стороны, служитъ связующимъ и общимъ началомъ для ихъ составныхъ частей, или принципомъ тяготѣнія, которому повинуются эти части и на основаніи котораго, слѣдо-

вательно, относительно каждой религіозной частности можно опредѣлить, къ какого рода религіи она принадлежитъ,—это уже ясно изъ сказаннаго. Однако объ исторически данныхъ намъ религіяхъ, на которыхъ только и можетъ провѣрять себя разсматриваемое воззрѣніе, утверждаютъ, что все въ нихъ обстоитъ совсѣмъ иначе, и что онѣ стоятъ въ иныхъ отношеніяхъ между собой; и это мы еще должны изслѣдовать.

Прежде всего, опредѣленная форма религіи отнюдь не можетъ быть таковою просто, поскольку она содержитъ въ себѣ опредѣленное количество религіознаго матеріала. Въ такомъ мнѣніи именно и выражается полнѣйшее непониманіе сущности отдѣльныхъ религій, которое часто распространяется среди самихъ вѣрующихъ и неоднократно обусловливаетъ взаимныя ложныя оцѣнки. А именно, сами вѣрующіе часто полагали, что, такъ какъ столь много людей раздѣляютъ одну и ту же религію, то они должны имѣть одну и ту же мѣру религіозныхъ воззрѣній и чувствъ, т.-е. мысли и вѣры, и что именно это, общее всѣмъ, должно быть сущностью ихъ религіи. Правда, не всюду легко можно съ увѣренностью найти подлинно характерное и индивидуальное въ данной религіи, если руководиться при этомъ ея частными чертами; но какъ бы элементарно ни было ея понятіе, оно менѣе всего можетъ предполагать такую общность мѣры религіи, и если и вы полагаете, что положительныя религіи стѣсняютъ отдѣльнаго человѣка въ развитіи его религіи потому, что онѣ требуютъ опредѣленной суммы религіозныхъ воззрѣній и чувствъ и исключаютъ другія, то вы заблуждаетесь. Отдѣльныя воспріятія и чувства суть, какъ вы знаете, элементы религіи, и разсматривать послѣднюю, какъ простую груду такихъ элементовъ, опредѣляемую лишь ихъ количествомъ и качествомъ,—это отнюдь не можетъ привести къ познанію индивидуальнаго характера религіи. Если, какъ я уже старался вамъ показать, религія потому должна принимать многообразныя различныя формы, что о каждомъ отношеніи возможны различныя воззрѣнія, смотря по тому, какъ оно координируется съ остальными, то такое простое сложеніе нѣсколькихъ отношеній, которое вѣдь не опредѣляло бы

ни одного изъ возможныхъ воззрѣній, было бы для насъ безполезно; и если бы положительныя религіи отличались бы между собой лишь такимъ исключеніемъ отдѣльныхъ элементовъ, то онѣ, конечно, не могли бы быть тѣми индивидуальными явленіями, которыя мы ищемъ. А что дѣйствительно не это есть ихъ характеръ, явствуетъ изъ того, что невозможно, исходя изъ этой точки зрѣнія, дойти до опредѣленнаго понятія о нихъ; а такое понятіе вѣдь должно быть возможно, потому что онѣ являются устойчиво отдѣленными одна отъ другой. Ибо лишь то, что сливается между собой, не можетъ быть раздѣлено и въ понятіи. Ясно, вѣдь, что различныя религіозныя воспріятія и чувства зависятъ другъ отъ друга и возбуждаются другъ другомъ не однимъ опредѣленнымъ способомъ; какъ каждое изъ нихъ существуетъ само по себѣ, такъ и каждое можетъ привести къ другому черезъ самыя различныя комбинаціи. Поэтому различныя религіи совсѣмъ не могли бы долгое время существовать обособленно, если бы онѣ отличались между собой лишь этими элементами; напротивъ, каждая скоро дополнилась бы до равенства со всѣми остальными. Поэтому уже и въ религіи каждаго отдѣльнаго человѣка, какъ она образуется въ теченіи его жизни, нѣтъ ничего болѣе случайнаго, чѣмъ дошедшая до его сознанія сумма его религіознаго матеріала. Отдѣльныя воззрѣнія могутъ въ немъ затемняться, другія могутъ выступать наружу и проясняться, и съ этой стороны его религія всегда подвижна и текуча. Такимъ образомъ, ограниченіе, которое въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ столь измѣнчиво, тѣмъ менѣе можетъ быть неизмѣннымъ и существеннымъ въ религіи, общей многимъ; вѣдь только совершенно случайно и очень рѣдко многіе люди могутъ даже лишь въ теченіи нѣкотораго времени оставаться въ одномъ опредѣленномъ кругѣ воспріятій и итти по одному пути чувствъ [2]). Поэтому-то между людьми, которые такъ опредѣляютъ свою религію, царитъ постоянный споръ о томъ, что принадлежитъ къ ея существу и что—нѣтъ; они не знаютъ, что̀ имъ признать характернымъ и необходимымъ въ ней, и что̀ — отдѣлить отъ нея, какъ произвольное и случайное; они

ненаходятъ точки, съ которой могли бы обозрѣть цѣлое, и не понимаютъ религіознаго явленія, въ которомъ они сами мнятъ жить, за которое они борятся и вырожденію котораго они содѣйствуютъ именно тѣмъ, что, хотя цѣлое владѣетъ ими, они сами сознательно владѣютъ лишь единичнымъ. Къ счастью, инстинктъ, котораго они не понимаютъ, руководитъ ими правильнѣе, чѣмъ ихъ разсудокъ, и природа сдерживаетъ то, что уничтожили бы ложныя размышленія и основанное на нихъ поведеніе. Кто полагаетъ характеръ отдѣльной религіи въ опредѣленномъ количествѣ воспріятій и чувствъ, тотъ необходимо долженъ допускать какую-либо внутреннюю и объективную связь, соединяющая между собой именно данные элементы и исключающая всѣ остальные. И это ложное представленіе, впрочемъ, весьма тѣсно связано съ обычнымъ, но совершенно несоотвѣтствующимъ духу религіи способомъ сопоставлять и сравнивать религіозныя представленія. Цѣлое, которое было бы дѣйствительно такъ составлено, было бы конечно не тѣмъ, которое мы ищемъ и въ силу котораго религія во всемъ своемъ объемѣ пріобрѣтаетъ опредѣленную форму; оно было бы не цѣлымъ, а произвольнымъ отрѣзкомъ цѣлаго, и не религіей, а сектой; ибо едва ли оно можетъ возникнуть иначе, какъ въ силу того, что религіозный опытъ отдѣльнаго лица, и притомъ относящійся лишь къ краткому періоду его жизни, признается нормой для общины.—Но формы, которыя создала исторія и которыя дѣйствительно существуютъ, имѣютъ совсѣмъ иное единство. Всякое сектантство, умозрительное, стремящее свести въ философское единство отдѣльныя воззрѣнія, какъ и аскетическое, настаивающее на систематичности и опредѣленной послѣдовательности чувствъ, старается установить по возможности совершенное однообразіе между всѣми, кто хотятъ пріобщиться къ опредѣленной части религіи. Но если тѣмъ, кто заражены этимъ изступленіемъ, и кого, конечно, нельзя упрекнуть въ недостаточной дѣйственности, еще никогда не удавалось низвести положительную религію до уровня секты [3]), то вы должны признать, что эти положительныя религіи, которыя тоже вѣдь возникли, и величайшія изъ

которыхъ созданы отдѣльными людьми, составлены по иному принципу и имѣютъ иной характеръ, если они существуютъ вопреки всѣмъ такимъ нападеніямъ. И если вы вспомните о времени, когда онѣ возникли, то вы еще яснѣе поймете это: ибо вы тогда вспомните, что каждая положительная религія, во время своего развитія и расцвѣта, т.-е. въ эпоху, когда ея жизненная сила всего моложе и свѣжѣе, а потому и вѣрнѣе всего можетъ быть постигнута, движется въ совершенно иномъ направленіи; а именно, она не концентрируется и не исключаетъ изъ себя многаго, а напротивъ расширяется во внѣ, выпускаетъ изъ себя все новыя вѣтви, и впитываетъ въ себя все болѣе религіознаго матеріала, чтобы развивать его согласно своей особой природѣ. Итакъ, онѣ формируются не на основаніи ложнаго принципа, и послѣдній не тождественъ съ ихъ природой; онъ есть порча, проникшая въ нихъ извнѣ, и такъ какъ онъ столь же чуждъ имъ, какъ и духу религіи вообще, то ихъ отношеніе къ нему, которое сводится къ неустанной борьбѣ, можетъ скорѣе доказать, чѣмъ опровергнуть, что онѣ сформированы именно такъ, какъ должны быть сформированы подлинно индивидуальныя явленія религіи.

Столь же мало могутъ тѣ различія въ религіи вообще, на которыя я доселѣ мимоходомъ обращалъ ваше вниманіе, или какія-либо иныя, сами по себѣ создать всецѣло и индивидуально опредѣленную форму религіи. Три часто упоминаемые мною рода опознанія бытія и его всеобщности, именно, какъ хаоса, какъ системы, и въ его стихійной множественности, отнюдь не могутъ составить столько же отдѣльныхъ и опредѣленныхъ религій. Вы знаете, конечно, что дѣленіе понятія, какъ бы далеко оно ни заходило, никогда не можетъ довести насъ до индивидовъ, а всегда проводитъ лишь къ менѣе общимъ понятіямъ, подчиненнымъ болѣе общему, къ видамъ и подвидамъ, которые въ свою очередь могутъ охватывать множество весьма различныхъ частностей; но чтобы найти характеръ самой единичной вещи, нужно исходить изъ общаго понятія и его признаковъ. Приведенныя три разновидности религіи суть дѣйствительно не что иное, какъ такое обычное и

всюду встрѣчающееся дѣленіе на основаніи привычной для всѣхъ схемы единства, множества и цѣлостности. Онѣ суть, слѣдовательно, виды религіи, но не религіозные индивиды, и потребность, во имя которой мы ищемъ послѣдніе, была бы совершенно неудовлетворена наличностью религіи въ этой троякой формѣ. Вѣдь вполнѣ очевидно, что, хотя каждая опредѣленная форма религіи необходимо должна примыкать къ одному изъ этихъ видовъ, она въ силу одного этого еще отнюдь не становится отдѣльной и вполнѣ опредѣленной религіей. Ибо въ каждой изъ этихъ областей вы видите множество такихъ явленій, различія между которыми вы никоимъ образомъ не можете считать лишь кажущимися. Слѣдовательно, и это отношеніе также не могло сформировать отдѣльныя религіи. И столь же мало, очевидно, персонализмъ и противоположный ему пантеистическій способъ представленія въ религіи суть такія индивидуальныя формы [4]). Вѣдь и они проходятъ черезъ всѣ три вида религіи, и уже поэтому не могутъ быть индивидами. Напротивъ, они суть лишь иной родъ подраздѣленія, такъ что все, что принадлежитъ къ указаннымъ тремъ видамъ, можетъ быть выражено обоими этими способами. Здѣсь мы, конечно, не должны забыть того, въ чемъ мы недавно сошлись, именно что эта противоположность касается лишь способа, какимъ разсматривается само религіозное чувство и полагается общій объектъ для его проявленій. И потому, если даже изъ отдѣльныхъ религій одна болѣе склоняется къ одному такому способу выраженія и обнаруженія, а другая—къ другому, то этимъ все же не можетъ быть непосредственно опредѣлено ни своеобразіе религіи, ни ея достоинство и ступень ея развитія. Допустимъ ли мы тотъ или иной способъ,—всѣ отдѣльные элементы религіи останутся по прежнему неопредѣленными въ отношеніи ихъ взаимной связи, и ни одно изъ многихъ воззрѣній на нее не реализуется тѣмъ, что ее сопровождаетъ та или иная мысль; вы можете убѣдиться въ этомъ на всѣхъ религіозныхъ формулировкахъ, которыя выражаютъ чистый деизмъ, и все же мнятъ себя вполнѣ опредѣленными. Ибо здѣсь вы всюду найдете, что всѣ религіозныя чувства и въ

особенности—и это есть пунктъ, вокругъ котораго здѣсь все обычно вращается—всѣ воззрѣнія на отдѣльныя функціи человѣчества и на его высшее единство въ томъ, что̀ стоитъ внѣ его воли, остаются совершенно неопредѣленными и многозначными въ ихъ отношеніи между собой. Поэтому и эти два вида, даже какъ способы выраженія религіи, суть лишь общія формы, которыя на разные лады могутъ быть точнѣе опредѣлены и индивидуализированы; и если вы хотите достигнуть болѣе точнаго ихъ опредѣленія тѣмъ, что сочетаете ихъ въ отдѣльности съ однимъ изъ трехъ опредѣленныхъ видовъ созерцанія, то и эти формы, составленныя на основаніи различныхъ подраздѣленій цѣлаго, будутъ лишь болѣе узкими подвидами, но отнюдь не опредѣленными и самостоятельными цѣлыми. Слѣдовательно, ни натурализмъ [5])—я разумѣю подъ нимъ опознаніе міра, которое ограничивается стихійной множественностью, безъ представленія о личномъ сознаніи и волѣ отдѣльныхъ элементовъ,—ни пантеизмъ, ни многобожіе, ни деизмъ, не суть отдѣльныя и опредѣленныя религіи, которыя мы ищемъ, а суть лишь виды, въ сферѣ которыхъ уже развились многіе подлинные индивиды, и еще большему числу ихъ предстоитъ развиться [6]).

И все же, коротко говоря, не остается иного пути для осуществленія истинно индивидуальной религіи, какъ сдѣлать средоточіемъ всей религіи одно изъ великихъ отношеній человѣчества къ міру и къ высшему существу, связавъ съ нимъ всѣ остальныя отношенія, и притомъ опредѣленнымъ способомъ, который, съ точки зрѣнія самой идеи религіи, представляется чистымъ произволомъ, но который всецѣло необходимъ, если вглядѣться въ своеобразіе вѣрующихъ. Это сразу придаетъ цѣлому общій духъ и опредѣленный характеръ; все, что̀ прежде было неопредѣленнымъ и многозначнымъ, пріобрѣтаетъ точный видъ; изъ безконечно многихъ различныхъ воззрѣній и соотношеній отдѣльныхъ элементовъ, которыя были всѣ возможны и всѣ должны были получить выраженіе, каждое такое формированіе всецѣло реализуетъ лишь одно; всѣ отдѣльные элементы выявляются съ одноименной стороны,—съ той, которая обращена къ средоточію, и всѣ чувства пріобрѣтаютъ въ силу этого

общій тонъ и становятся болѣе живыми и связными. Лишь въ совокупности всѣхъ возможныхъ въ такомъ смыслѣ формъ можетъ быть дѣйствительно дана вся религія; она выражается, такимъ образомъ, лишь въ безконечномъ рядѣ воплощеній, развивающихся постепенно въ различныхъ мѣстахъ пространства и времени, и лишь то, что содержится въ одной изъ этихъ формъ, содѣйствуетъ ея совершенному проявленію. Всякое такое формированіе религіи, когда все созерцается и чувствуется въ связи съ однимъ отношеніемъ къ Божеству, которое какъ бы воспринимаетъ въ себя и обусловливаетъ всѣ остальныя отношенія,—въ чемъ бы ни состояло это избранное отношеніе и гдѣ бы и какъ бы оно ни развилось—есть самостоятельная положительная религія; въ отношеніи совокупности религіозныхъ элементовъ оно есть—употребляя слово, которому нужно вернуть его славное значеніе—ересь [7]), ибо среди многихъ равныхъ началъ одно какъ бы избирается главою для всѣхъ остальныхъ; въ отношеніи же къ общенію всѣхъ участниковъ и ихъ связи съ тѣмъ, кто основалъ ихъ религію, впервые ясно осознавъ это средоточіе, это есть отдѣльная школа или община учениковъ. Но если только въ такихъ опредѣленныхъ формахъ и черезъ нихъ можетъ быть выражена религія,—а я надѣюсь, мы теперь согласны въ этомъ между собой,—то только человѣкъ, который со своей религіей пріобрѣтетъ осѣдлость въ одной изъ этихъ формъ, будетъ имѣть подлинно прочное мѣстожительство и, такъ сказать, благопріобрѣтенное право гражданства въ религіозномъ мірѣ; лишь онъ можетъ гордиться своимъ соучастіемъ въ бытіи и развитіи цѣлаго; лишь онъ есть полная религіозная личность, которая, съ одной стороны, своимъ общимъ характеромъ принадлежитъ къ опредѣленному роду, и, съ другой стороны, выдѣляется, какъ нѣчто своеобразное, прочными и опредѣленными чертами.

Но, быть можетъ, тутъ иной, уже интересующійся дѣлами религіи, спроситъ съ изумленіемъ, а противникъ религіи—съ коварствомъ, долженъ ли въ такомъ случаѣ каждый религіозный человѣкъ примкнуть къ одной изъ наличныхъ, своеобразно опредѣленныхъ формъ религіи. Такому человѣку я предварительно

отвѣтилъ бы: нѣтъ; необходимо только, чтобы его религія также была своеобразно опредѣленной и внутренне развитой; но нѣтъ надобности, чтобы его религія опредѣлялась наподобіе какой-либо формы, уже существующей въ крупныхъ размѣрахъ и богатой послѣдователями. И я напомнилъ бы ему, что я нигдѣ не говорилъ, что двѣ или три опредѣленныя формы религіи должны остаться единственными. Напротивъ, пусть развиваются со всѣхъ точекъ безчисленныя формы, и тотъ, кто не подходитъ къ одной изъ уже наличныхъ формъ,—я готовъ сказать: кто не былъ бы въ состояніи самъ ее создать [8]), если бы не нашелъ ея готовой,—тотъ уже поэтому не могъ бы принадлежать ни къ одной изъ нихъ, а долженъ былъ бы создать изъ себя новую форму. Если онъ при этомъ остается одинъ и безъ послѣдователей, то это не бѣда. Всюду и всегда существуетъ достаточно зародышей, которые не могутъ достигнуть болѣе широкаго бытія; и точно такъ же существуетъ и религія такого одинокаго человѣка, и она имѣетъ столь же опредѣленную форму и организацію и въ такой же мѣрѣ есть самостоятельная положительная религія, какъ если бы онъ основалъ величайшую школу. И отсюда вопрошающій усмотрѣлъ бы, что по моему мнѣнію, эти наличныя формы религіи своимъ прошлымъ бытіемъ не должны стѣснять ни одного человѣка развить себѣ религію согласно своей собственной природѣ и умонастроенію. Будетъ ли кто-либо пребывать въ одной изъ нихъ, или построитъ самостоятельную форму,—это зависитъ исключительно отъ того, разовьется ли въ немъ то же самое или иное отношеніе, въ качествѣ основного чувства и средоточія всей религіи. Такъ отвѣтилъ бы я ему предварительно; но если бы онъ захотѣлъ услышать отъ меня болѣе точный отвѣтъ, то я прибавилъ бы, что довольно трудно человѣку попасть въ такое положеніе, если это не случается по недоразумѣнію. Ибо зарожденіе новаго откровенія не есть что-либо незначительное и чисто личное, а въ основѣ его лежитъ всегда нѣчто большее и болѣе общее. Поэтому никогда еще у человѣка, который былъ призванъ дѣйствительно установить новую религію, не было недостатка въ приверженцахъ и единомышленникахъ. Такимъ образомъ,

большинство всегда находится въ такомъ положеніи, что можетъ принадлежать къ одной изъ существующихъ религій, и лишь немногихъ неудовлетворяетъ ни одна изъ нихъ; но что я преимущественно хотѣлъ показать, это—то, что въ силу равнаго правомочія всѣхъ, указанное большинство не менѣе свободно, чѣмъ это меньшинство, и точно такъ же образуетъ себѣ самобытную религію. Вѣдь если мы прослѣдимъ въ каждомъ исторію его религіозности, то мы найдемъ сперва темныя чаянія, которыя, не проникая всецѣло души, исчезаютъ неопознанными, и часто витаютъ надъ каждымъ человѣкомъ; они, быть можетъ, возникли какъ нибудь по наслышкѣ, не достигаютъ опредѣленной формы и не выдаютъ ничего своеобразнаго. Лишь позднѣе вселенское чувство навсегда раскрывается въ ясномъ сознаніи, для одного въ одномъ, для другого—въ другомъ опредѣленномъ отношеніи, съ которымъ онъ потомъ все связываетъ, вокругъ котораго все для него формируется, такъ что такой моментъ собственно опредѣляетъ религію каждаго; и я надѣюсь, вы не подумаете, что религія человѣка менѣе самобытна и менѣе принадлежитъ ему самому только потому, что она находится въ области, гдѣ уже собраны многіе, и что вы усмотрите въ этомъ равенствѣ не механическое вліяніе привычнаго и унаслѣдованнаго, а, какъ и въ другихъ случаяхъ, общую обусловленность высшими основаніями. Но сколь несомнѣнно, что именно въ этой общности,—все равно, является ли въ ней кто первымъ или позднѣйшимъ, — лежитъ гарантія естественности и истинности, столь же достовѣрно и то, что изъ нея не вытекаетъ никакого ущерба для самобытности. Вѣдь если даже тысячи людей до него, вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него оріентируютъ свою религіозную жизнь на одномъ отношеніи, развѣ оно поэтому будетъ тождественнымъ во всѣхъ, и развѣ религія развьется во всѣхъ одинаково? Вспомните лишь объ одномъ, именно что каждая опредѣленная форма религіи неисчерпаема для отдѣльнаго человѣка; не только потому, что она на свой опредѣленный ладъ должна охватить цѣлое, которое слишкомъ велико для отдѣльнаго человѣка, но и потому, что въ ней самой содержится безконечное многообразіе развитія, имѣющее,

правда, подчиненное значеніе, но все же сходное съ тѣмъ, въ отношеніи котораго она сама есть особая форма религіи вообще. Развѣ уже въ силу одного этого каждому не удѣлено достаточно работы и простора? Мнѣ невѣдома ни одна религія, которой удалось бы настолько овладѣть всей своей областью и настолько опредѣлить и выразить въ ней все согласно своему духу, что исповѣдующему ее человѣку съ выдающимся богатствомъ и своеобразіемъ духа не оставалось бы возможности трудиться надъ ея завершеніемъ; лишь немногимъ изъ нашихъ историческихъ религій было дано въ пору свободы и лучшей жизни надлежащимъ образомъ использовать и завершить хотя бы ближайшія отъ центра части ихъ сферы, и лишь въ немногихъ различныхъ формахъ своеобразно отпечатлѣть свой общій характеръ. Жатвы много, а дѣлателей мало. Въ каждой изъ этихъ религій открывается безконечное поле, по которому тысячи могутъ разсѣяться; достаточно невоздѣланныхъ мѣстностей откроется взору каждаго, кто способенъ сотворить и взрастить что-либо самостоятельное [9]).

Такимъ образомъ, упрекъ, будто каждый, кто примыкаетъ къ какой-либо положительной религіи, становится лишь представителемъ тѣхъ людей, которые придали силу этой религіи, самъ же уже не можетъ своеобразно развиваться,—этотъ упрекъ совершенно необоснованъ; напротивъ, и здѣсь мы не можемъ судить иначе, чѣмъ въ области государства и общественности. Вѣдь въ этой послѣдней области намъ кажется болѣзненнымъ и фантастическимъ, когда человѣкъ утверждаетъ, что ему нѣтъ мѣста въ существующемъ устройствѣ, а что онъ долженъ выдѣлиться изъ общества, чтобы сохранить свою самостоятельность. Напротивъ, мы убѣждены, что всякій здоровый человѣкъ будетъ раздѣлять со многими великій національный характеръ, и, именно оставаясь въ немъ и подчиняясь ему, всего точнѣе и прекраснѣе разовьетъ свою самобытность. Такъ и въ области религіи можетъ быть лишь болѣзненнымъ уклоненіемъ, когда человѣкъ отдѣляется отъ общей жизни со всѣми, съ кѣмъ его связала природа, и не принадлежитъ ни къ какому болѣе крупному цѣлому; напротивъ, каждый самъ собой найдетъ гдѣ-либо

выраженнымъ въ широкой формѣ, или самъ такъ выразитъ то, что для него есть средоточіе религіи. Но каждой такой общей сферѣ мы приписываемъ также неизмѣримо глубокую пластичность, въ силу которой изъ ея нѣдръ проистекаютъ своеобразія всѣхъ людей; и въ этомъ смыслѣ церковь справедливо зовется общей матерью всѣхъ. Чтобы уяснить себѣ это на ближайшемъ примѣрѣ, вспомните о христіанствѣ, какъ объ одной изъ такихъ опредѣленныхъ формъ высшаго порядка; вы найдете въ немъ въ наше время сперва, конечно, знакомыя, внѣшнимъ образомъ бросающіяся въ глаза противоположности; но затѣмъ каждая изъ этихъ подчиненныхъ областей дѣлится на множество различныхъ воззрѣній и направленій, каждое изъ которыхъ выражаетъ своеобразную формацію; послѣдняя беретъ начало отъ отдѣльныхъ лицъ и собираетъ вокругъ себя многихъ, причемъ, очевидно, еще остается открытымъ для каждаго послѣднее и совершенно личное развитіе религіозности, которое такъ сливается со всѣмъ его бытіемъ, что цѣликомъ не можетъ быть доступно никому, кромѣ него самого. И этой ступени развитія религія должна тѣмъ болѣе достигать въ человѣкѣ, чѣмъ болѣе онъ, на основаніи всей своей жизни, можетъ притязать на принадлежность къ вамъ, образованнымъ людямъ. Ибо если его высшее чувство развилось, то оно должно было стать самобытнымъ вмѣстѣ съ его остальными способностями—допуская, что онѣ уже достигли развитія. Или, если оно развилось, повидимому, внезапно, послѣ, быть можетъ, незамѣтнаго зачатія и краткихъ родовыхъ мукъ духа, — то и тогда его религіозной жизни прирождена самостоятельная личная форма, присуща опредѣленная связь съ прошлымъ, настоящимъ и будущимъ; здѣсь сохраняется единство сознанія, такъ какъ вся позднѣйшая религіозная жизнь примыкаетъ къ этому мгновенію и къ состоянію, въ которомъ она неожиданно явилась душѣ, опирается на связь съ прошлымъ, болѣе скуднымъ бытіемъ, и какъ бы генетически развивается изъ него. Но и этого мало: это первое начальное сознаніе уже должно имѣть своеобразный характеръ, такъ какъ оно вѣдь можетъ столь внезапно вступить въ уже развитую жизнь лишь въ совершенно опредѣлен-

ной формѣ и при опредѣленныхъ условіяхъ; и этотъ опредѣленный характеръ присущъ тогда и каждому слѣдующему мгновенію, такъ что онъ есть чистѣйшее выраженіе цѣлостнаго существа. Когда живой духъ земли, какъ бы отрываясь отъ самого себя, въ опредѣленный моментъ вступаетъ въ рядъ органическихъ эволюцій, то возникаетъ новый человѣкъ, самостоятельное существо, обособленное бытіе котораго, будучи независимо отъ множества его событій и дѣйствій, какъ и отъ ихъ характера, покоится на своеобразномъ единствѣ непрерывнаго сознанія, примыкающаго къ этому первому моменту бытія, и выражается въ самобытной связи всѣхъ позднѣйшихъ моментовъ съ этимъ первымъ моментомъ; и точно такъ же, когда въ какомъ-либо человѣкѣ какъ бы первично зачинается опредѣленное сознаніе объ его отношеніи къ высшему существу, то въ это мгновеніе возникаетъ особая религіозная жизнь. Это есть особая жизнь не потому, что она неизбѣжно ограничена особымъ выборомъ воззрѣній и чувствъ, и не потому, что наличный въ ней религіозный матеріалъ имѣетъ особыя качества; этотъ матеріалъ, напротивъ, одинаковъ у всѣхъ, кто духовно родились въ одно и то же время и въ одной и той же области религіи; она есть особая жизнь въ силу того, что̀ у человѣка не можетъ быть общимъ ни съ кѣмъ,—въ силу своеобразія того состоянія, въ которомъ душа человѣка впервые узнала благословеніе и объятіе вселенной; она есть особая жизнь въ силу своеобразнаго способа, какимъ человѣкъ перерабатываетъ созерцаніе вселенной и свои размышленія надъ нимъ,—въ силу характера и тона, съ которымъ гармонируетъ весь позднѣйшій рядъ его религіозныхъ воззрѣній и чувствъ, и который никогда не теряется, какъ бы далеко человѣкъ ни ушелъ позднѣе, въ общеніи съ вѣчнымъ первоисточникомъ, отъ начальнаго, дѣтскаго состоянія своей религіи. Всякое интеллектуальное конечное существо удостовѣряетъ свою духовную природу и свою индивидуальность тѣмъ, что указываетъ на происшедшее въ немъ нѣкогда—если можно такъ выразиться—бракосочетаніе безконечнаго съ конечнымъ, при чемъ ваша фантазія неспособна объяснить это событіе изъ чего-либо единич-

наго или болѣе ранняго, будь то произволъ или природа; и точно такъ же о каждомъ, кто можетъ такимъ образомъ указать вамъ день рожденія своей духовной жизни и разсказать вамъ чудесную исторію возникновенія своей религіи, которая является, какъ непосредственное воздѣйствіе на него Божества, и какъ движеніе его духа,—о каждомъ такомъ человѣкѣ вы должны полагать, что онъ есть нѣчто самостоятельное, и что черезъ него должно быть сказано нѣчто особое; ибо такого рода вещи не случаются въ царствѣ религіи, только чтобы произвести пустое повтореніе прошлаго [10]). И какъ каждое органически возникшее существо объяснимо лишь изъ самого себя, и не можетъ быть всецѣло понято, если не познавать его своеобразія изъ его возникновенія, и послѣдняго—изъ перваго, какъ нѣчто по существу тождественное,—такъ и религіознаго человѣка вы можете понять, лишь если вы съумѣете открыть цѣлое въ томъ замѣчательномъ мгновеніи, которое онъ признаетъ первымъ началомъ своей высшей жизни, или если вы съумѣете, когда онъ изображаетъ вамъ уже развитое состояніе своей религіи, прослѣдить характеръ послѣдней до самыхъ темныхъ зачатковъ ея жизни.

Принявъ во вниманіе все это, я думаю, что вы уже не можете серьезно относиться ко всей этой жалобѣ на положительныя религіи, и что если вы настаиваете на ней, то это есть лишь предвзятое сужденіе; вѣдь вы относитесь слишкомъ безпечно къ нашему предмету, чтобы ваша жалоба могла быть основана на вашемъ личномъ наблюденіи. Вы, конечно, никогда не испытывали потребности прильнуть къ немногимъ религіознымъ людямъ, которыхъ вы, быть можетъ, встрѣчали, хотя они всегда достойны любви и достаточно привлекательны, чтобы точнѣе изслѣдовать черезъ микроскопъ дружбы или участія, по крайней мѣрѣ походящаго на дружбу, какъ они устроены для вселенной и черезъ нее. Я же старательно изучалъ ихъ, я столь же усердно отыскивалъ ихъ и разсматривалъ съ той же святою ревностью, какую вы посвящаете рѣдкостямъ природы; и мнѣ часто думалось, не придете ли вы къ религіи, если только обратите вниманіе на то, съ какимъ всемогуще-

ствомъ Божество созидаетъ, какъ свою собственную величайшую святыню, ту часть души, въ которой оно преимущественно обитаетъ, въ которой проявляетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ и созерцаетъ само себя,—какъ оно обособляетъ ее отъ всего иного, что созидается и развивается въ человѣкѣ, и какъ оно возвеличиваетъ себя въ ней со всѣмъ своимъ богатствомъ черезъ неисчерпаемое многообразіе формъ. Я, по крайней мѣрѣ, постоянно изумляюсь множеству замѣчательныхъ формацій въ столь мало заселенной области религіи, изумляюсь тому, какъ онѣ различаются между собой многочисленными ступенями воспріимчивости къ одному и тому же предмету, и величайшимъ разнообразіемъ ихъ реакціи на данное возбужденіе, многообразіемъ тона, вызываемаго рѣшительнымъ преобладаніемъ того или иного рода чувствъ, и всякими идіосинкразіями возбудимости и своеобразіями настроенія, въ силу которыхъ религіозное воззрѣніе на вещи выступаетъ почти у каждаго при иныхъ условіяхъ. Далѣе я изумляюсь тому, что религіозный характеръ часто есть нѣчто совершенно особое въ человѣкѣ, строго отдѣленное для обычнаго взора отъ всего, что открывается въ его остальныхъ задаткахъ; что самое спокойное и трезвое въ иныхъ отношеніяхъ сознаніе способно здѣсь къ сильнѣйшему аффекту, подобному страсти; что самая тупая къ земнымъ и обыденнымъ вещамъ воспріимчивость ощущаетъ здѣсь до скорби глубоко, и созерцаетъ такъ ясно, что доходитъ до экстаза и прорицанія; что самая робкая во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ душа громогласно, часто не отступая передъ мученичествомъ, говоритъ міру и времени о святыхъ вещахъ и въ защиту ихъ. И какъ удивительно составленъ и сформированъ часто самъ этотъ религіозный характеръ! Воспитанность и грубость, способность и ограниченность, нѣжность и твердость перемѣшаны и сплетены между собой въ каждомъ на особый ладъ. Гдѣ я видѣлъ всѣ эти образы? Въ собственной области религіи, въ ея индивидуальныхъ формахъ, въ положительныхъ религіяхъ, которыя вы объявляете прямой противоположностью этого; среди героевъ и мучениковъ опредѣленной вѣры, той вѣры, которая друзьямъ естественной религіи кажется слишкомъ оцѣпенѣлой,—среди по-

клонниковъ живого чувства, которыхъ друзья естественной религіи также считаютъ уже слишкомъ опасными, среди почитателей какого-либо новоявленнаго свѣта и индивидуальныхъ откровеній—тамъ я готовъ показать ихъ вамъ во всѣ времена и среди всѣхъ народовъ. Да это и не можетъ быть иначе, и лишь тамъ ихъ можно найти. Подобно тому, какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ достигнуть реальнаго бытія, въ качествѣ индивида, иначе, какъ будучи одновременно и тѣмъ же самымъ актомъ помѣщенъ въ міръ, въ опредѣленный порядокъ вещей и въ среду отдѣльныхъ предметовъ,—такъ и религіозный человѣкъ не можетъ достигнуть индивидуальной жизни, если онъ тѣмъ же самымъ актомъ не вживется въ какую-либо общую жизнь, т.-е. въ какую-либо опредѣленную форму религіи. То и другое есть лишь единое божественное дѣяніе, и, слѣдовательно, не можетъ быть отдѣлено другъ отъ друга. Ибо если первичный задатокъ человѣка къ этой высшей ступени сознанія не имѣетъ достаточно силы, чтобы сформироваться на опредѣленный ладъ, то и дѣйствіе этого задатка недостаточно сильно, чтобы начать процессъ самостоятельной и бодрой религіозной жизни.

Теперь же, когда я отдалъ вамъ отчетъ въ этомъ, скажите и вы мнѣ, какъ обстоитъ дѣло въ вашей хваленой естественной религіи съ развитіемъ и индивидуализаціей? Покажите мнѣ среди исповѣдующихъ ее такое же большое многообразіе сильно очерченныхъ характеровъ! Ибо я долженъ признаться: я самъ не могъ найти среди нихъ ничего подобнаго; и если вы хвалитесь, что этотъ родъ религіи оставляетъ ея приверженцамъ больше свободы для самобытнаго развитія, то мнѣ кажется это однимъ изъ частыхъ случаевъ злоупотребленія словомъ „свобода“, и подъ свободой я не могу здѣсь разумѣть ничего, кромѣ свободы оставаться неразвитымъ, свободы даже отъ всякаго искушенія быть чѣмъ-либо опредѣленнымъ, видѣть и воспринимать что-либо опредѣленное. Вѣдь въ ихъ душѣ религія играетъ слишкомъ бѣдную роль. У нихъ какъ будто совсѣмъ нѣтъ собственнаго пульса, собственной системы сосудовъ и кровеобращенія, т.-е. нѣтъ и собственной температуры и асси-

милирующей силы, и именно потому нѣтъ и собственнаго характера и способа выраженія религіи; напротивъ, ихъ религія оказывается всегда зависимой отъ всякаго особаго рода нравственности и естественной чувствительности; въ соединеніи съ ними, или, вѣрнѣе, покорно слѣдуя по ихъ стопамъ, она движется лѣниво и робко, и ее можно воспринять, лишь если случайно отдѣльныя капли ея выдѣляются изъ этой смѣси. Правда, мнѣ иногда встрѣчался недюжинный и сильный религіозный характеръ, котораго приверженцы положительныхъ религій, не безъ изумленія передъ такимъ рѣдкостнымъ явленіемъ, выдавали за представителя естественной религіи; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось, что приверженцы естественной религіи не признавали его подобнымъ себѣ; оказывалось, что онъ уже всегда нѣсколько уклонился отъ исконной чистоты религіи разума, и воспринялъ въ свою вѣру кое-что произвольное, какъ они это называютъ, и положительное, чего только не знали сторонники полохительной религіи, потому что оно слишкомъ отличалось отъ содержанія ихъ вѣры. Но почему же почитатели естественной религіи недовѣряютъ каждому, кто вноситъ въ свою религію что-либо самобытное? Дѣло въ томъ, что они тоже стремятся къ единообразію, только, въ противоположность иной крайности, именно сектантству, къ абсолютному единообразію въ неопредѣленномъ. Своеобразіе личнаго развитія въ естественной религіи совершенно немыслимо; вѣдь подлинные почитатели послѣдней не терпятъ даже, чтобы религія человѣка имѣла собственную исторію и начиналась съ какого-либо достопримѣчательнаго событія. Это для нихъ уже слишкомъ много: вѣдь умѣренность есть для нихъ главное въ религіи; и кто можетъ сказать о себѣ, что въ немъ внезапно изъ глубины души поднялись религіозныя чувства, того уже заподозриваютъ въ склонности къ несносному мечтательству. Человѣкъ долженъ дѣлаться религіознымъ постепенно такъ же, какъ онъ становится разумнымъ и разсудительнымъ, и всѣмъ другимъ, чѣмъ онъ долженъ быть; все должно прійти къ нему черезъ обученіе и воспитаніе; при этомъ не должно имѣть мѣста ничего, что можно было бы признать

сверхъестественнымъ или хотя бы необычайнымъ. Я не хочу сказать, что вѣра въ универсальное значеніе воспитанія и обученія внушаетъ мнѣ подозрѣніе, что естественная религія въ особенной мѣрѣ страдаетъ порокомъ смѣшенія религіи съ метафизикой и моралью или даже превращенія первой въ послѣднія; но, по меньшей мѣрѣ, ясно, что ея почитатели не исходятъ ни изъ какого живого самосозерцанія, и что такое самосозерцаніе не образуетъ ихъ твердаго средоточія, ибо они не устанавливаютъ ничего, что̀ было бы признакомъ ихъ общаго умонастроенія, и что̀ каждый человѣкъ долженъ былъ бы пережить на собственный ладъ. Вѣра въ личнаго Бога, мыслимаго болѣе или менѣе человѣкоподобно, и въ личное безсмертіе, болѣе или менѣе утонченное и лишенное чувственныхъ чертъ,—оба эти положенія, къ которымъ у нихъ сводится все, завѣдомо для нихъ не зависятъ отъ какого-либо особаго воззрѣнія или способа воспріятія; поэтому они и не спрашиваютъ никого изъ тѣхъ, кто къ нимъ примыкаетъ, какъ онъ пришелъ къ своей вѣрѣ; напротивъ, такъ какъ они мнятъ себя способными доказать свою вѣру, то они полагаютъ, что каждому человѣку вѣра прививается черезъ доказательства. Врядъ ли вы могли показать у нихъ иное и болѣе опредѣленное средоточіе. То малое, что содержитъ ихъ тощая и тонкая религія, отмѣчено само по себѣ неопредѣленной многозначностью; у нихъ есть провидѣніе вообще, справедливость вообще, божественное воспитаніе вообще, и все это въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ является у нихъ то въ той, то въ иной перспективѣ, и имѣетъ въ разныхъ случаяхъ различное значеніе. Или, если здѣсь можно найти нѣкоторое общее отношеніе къ одному пункту, то этотъ пунктъ лежитъ внѣ области религіи, и это есть отношеніе къ чему то чуждому, напримѣръ, требованіе, чтобы нравственность не терпѣла ущерба, или чтобы влеченіе къ счастію получало нѣкоторое удовлетвореніе, или что либо иное, о чемъ никогда и не спрашивали истинно религіозные люди при упорядоченіи элементовъ своей религіи; такого рода отношенія еще болѣе разсѣиваютъ и разбрасываютъ во всѣ стороны ихъ убогое религіозное достояніе.

Итакъ, эта естественная религія не имѣетъ для своихъ религіозныхъ элементовъ никакого единства опредѣленнаго воззрѣнія; она, слѣдовательно, не есть опредѣленная форма, самобытное индивидуальное выраженіе религіи, и исповѣдующіе ее одну не имѣютъ опредѣленнаго мѣстопребыванія въ сферѣ религіи, а суть чужестранцы, родина которыхъ—если они вообще имѣютъ таковую, въ чемъ я сомнѣваюсь,—должна находиться гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Эта естественная религія напоминаетъ мнѣ ту массу, которая, какъ говорятъ, въ тонкомъ и разсѣянномъ видѣ витаетъ между міровыми системами, слегка притягиваемая то той, то другой изъ нихъ, но настолько слабо, что она не можетъ быть вовлечена въ ихъ вихрь. Для чего она существуетъ,—о томъ вѣдаютъ боги; быть можетъ, для того, чтобы показать, что и неопредѣленное можетъ нѣкоторымъ образомъ существовать. Но это есть все же, собственно, лишь ожиданіе бытія, и къ бытію они могутъ прійти, лишь если ихъ захватитъ новая сила, болѣе могущественная, чѣмъ всѣ прежнія, и на новый ладъ. Ибо я не могу признать за ними ничего иного, кромѣ темныхъ чаяній, предшествующихъ тому живому сознанію, въ которомъ человѣку раскрывается его религіозная жизнь. Существуютъ нѣкоторыя темныя эмоціи и представленія, которыя совсѣмъ не связаны съ своеобразіемъ человѣка, а какъ бы заполняютъ промежуточныя пространства въ его натурѣ; такъ какъ они проистекаютъ лишь изъ общей жизни и суть во всѣхъ людяхъ одно и то же, то и религія людей, которые обладаютъ только ими, есть лишь невнятный отзвукъ окружающей ихъ религіозности. Въ лучшемъ случаѣ это есть естественная религія въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ, напримѣръ, объ естественной философіи, или естественной поэзіи, прилагая это названіе къ такимъ созданіямъ, въ которыхъ даже нѣтъ ничего первичнаго и которыя суть если не сознательныя неумѣлыя подражанія, то все же лишь грубыя проявленія поверхностныхъ задатковъ; и этимъ обозначеніемъ ихъ отличаютъ отъ жизненно творческой науки и искусства и отъ ихъ твореній. Но эти люди не жаждутъ съ тоской того лучшаго, что можно найти лишь въ религіозномъ общеніи и въ его продук-

тахъ, и не цѣнятъ его особенно высоко изъ сознанія его недостижимости для нихъ; наоборотъ, они изо всѣхъ силъ борются противъ него. Подлинная сущность естественной религіи состоитъ именно въ отрицаніи всего положительнаго и характернаго въ религіи и въ страстной полемики противъ него. Поэтому она и есть достойный продуктъ той эпохи, конькомъ которой была та же жалкая всеобщность и пустая трезвость, которыя болѣе, чѣмъ что-либо иное, во всѣхъ областяхъ противодѣйствуютъ истинной культурѣ. Двѣ вещи они особенно ненавидятъ: они нигдѣ не хотятъ начинать съ исключительнаго и непостижимаго, и во всей ихъ жизни и дѣятельности не должно быть замѣтно слѣда какой-либо школы. Это гибельное направленіе вы встрѣчаете во всѣхъ наукахъ и искусствахъ, оно проникло и въ религію, и его продуктомъ является описанная безсодержательная и безформенная „естественная религія“. Они хотѣли бы быть самородками и самоучками въ религіи, но они взяли отъ нея лишь то, что грубо и неразвито; для созданія чего-либо самобытнаго въ нихъ нѣтъ ни силы, ни воли. Они возстаютъ противъ всякой опредѣленной религіи, которая уже существуетъ, такъ какъ вѣдь она вмѣстѣ съ тѣмъ есть и школа; но если бы имъ могло встрѣтиться что либо, изъ чего въ нихъ развилась бы собственная религія, то они столь же горячо возстали бы и противъ этого, такъ какъ вѣдь и изъ этого могла бы возникнуть школа. И, такимъ образомъ, ихъ борьба противъ всего положительнаго и произвольнаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ борьба противъ всего опредѣленнаго и реальнаго. Если опредѣленная религія не должна начаться съ какого-либо первичнаго факта, то она вообще не можетъ начаться; ибо должно же быть общее основаніе, почему какому-либо религіозному элементу отдается особое предпочтеніе и почему онъ выдвигается въ центръ; и этимъ основаніемъ можетъ быть лишь нѣкоторый фактъ. И если религія не должна быть опредѣленной, то ея вообще не существуетъ; ибо безсвязныя и шаткія чувства не заслуживаютъ этого имени. Вспомните, что говорятъ поэты о состояніи душъ до рожденія; подумайте, что получилось бы, если бы такая

душа пожелала насильственно сопротивляться своему вступленію въ міръ, потому что она не хотѣла бы быть тѣмъ или другимъ человѣкомъ, а лишь человѣкомъ вообще: эта полемика противъ жизни есть полемика естественной религіи противъ положительныхъ, и эта нерожденность есть вѣчное состояніе исповѣдующихъ ее.

Итакъ, если вамъ дѣйствительно важно разсмотрѣть религію въ ея опредѣленныхъ формахъ, вернемся же назадъ отъ этой просвѣщенной естественной религіи къ презрѣннымъ положительнымъ религіямъ, гдѣ все сильно, дѣйственно и прочно, гдѣ каждое отдѣльное созерцаніе имѣетъ свое опредѣленное содержаніе и самостоятельное отношеніе къ остальнымъ, каждое чувство—свою собственную сферу и особую связь; гдѣ вы можете встрѣтить каждое видоизмѣненіе религіозности и каждое душевное состояніе, которое можетъ возбуждать въ человѣкѣ религія; гдѣ вы находите каждую ея часть въ комъ либо развитой, и каждое изъ ея дѣйствій въ комъ либо завершеннымъ; гдѣ всѣ общественныя организаціи и всѣ отдѣльныя проявленія свидѣтельствуютъ о высокой цѣнности, которая придается религіи, почти вплоть до забвенія всего остального; гдѣ святая ревность, съ которой она разсматривается, сообщается и переживается, и дѣтская тоска, съ которой люди ждутъ новыхъ откровеній небесныхъ силъ, [11]) гарантируетъ намъ, что ни одинъ изъ ея элементовъ, который можетъ вообще быть воспринятъ съ этого пункта, не былъ упущенъ, и ни одинъ изъ ея моментовъ не исчезъ, не оставивъ по себѣ памятника. Разсмотрите всѣ многообразныя формы, въ которыхъ уже проявился всякій отдѣльный способъ общенія со вселенной; пусть васъ не пугаетъ ни таинственный мракъ, ни странныя и поражающія на первый взглядъ черты, и не допускайте ложной мысли, что все это—одно лишь воображеніе и вымыселъ: ройте все глубже тамъ, гдѣ остановился вашъ волшебный жезлъ, и вы навѣрно обнаружите небесное. Но смотрите и на человѣческія формы, которыя должна была принимать божественная религія! не упускайте изъ виду, что она всюду носитъ на себѣ слѣды культуры каждой эпохи,

исторіи каждой человѣческой расы, что она часто должна являться въ рабскомъ видѣ, обнаруживая своими украшеніями и внѣшними придатками убогость своихъ учениковъ и своего мѣстопребыванія,—иначе вы не съумѣете надлежащимъ образомъ раздѣлять и различать. Не упускайте изъ виду, какъ часто ея ростъ задерживался тѣмъ, что ей не давали простора развивать ея силы, какъ часто она жалостно погибала въ раннемъ дѣтствѣ отъ дурного обращенія и неудачнаго питанія! И если вы хотите охватить цѣлое, не останавливайтесь среди различныхъ формъ религіи только на томъ, что блистало тысячелѣтія, владѣло великими народами и прославлялось поэтами и пѣвцами; вспомните, напротивъ, что то, что̀ было исторически и религіозно наиболѣе замѣчательнымъ, было часто достояніемъ лишь немногихъ и оставалось скрытымъ отъ обыденнаго взора. [12]).

Но если вы, такимъ образомъ, обратите вниманіе на надлежащіе предметы и будете ихъ сполна обозрѣвать, то все же останется еще труднымъ дѣломъ открыть духъ религій и всецѣло ихъ постигнутъ. Еще разъ предупреждаю васъ: не пытайтесь добыть его въ общей формѣ, посредствомъ отвлеченія того, что обще всѣмъ, исповѣдующимъ опредѣленную религію; вы заблудитесь въ тысячахъ изысканій на этомъ пути, и въ концѣ концовъ найдете не духъ религіи, а лишь опредѣленное количество религіознаго матеріала. Вы должны вспомнить, что ни одна изъ религій не реализовалась сполна, и что вы не ранѣе узнате ее, чѣмъ—оставивъ попытки найти ее въ опредѣленномъ мѣстѣ—будете въ состояніи сами дополнить ее и опредѣлить, какъ должно было бы въ ней развиваться то или иное начало, если бы ея точка зрѣнія была проведена до конца; и если это примѣнимо къ каждой положительной религіи вообще, то это примѣнимо и къ каждому ея отдѣльному періоду и къ каждой подчиненной ея формаціи. Вы не можете достаточно твердо запечатлѣть въ себѣ мысль, что все сводится къ тому, чтобы найти основное отношеніе каждой религіи; пока вы его не имѣете, вамъ не поможетъ никакое знаніе единичнаго, и вы не будете имѣть его, пока вамъ не уяснится тѣснѣй-

шая связь всего частнаго съ единымъ центромъ. И даже если вы будете руководиться этимъ правиломъ изслѣдованія, которое есть вѣдь только пробный камень, вамъ еще будутъ угрожать тысячи заблужденій; многое будетъ вставать на вашемъ пути и отклонять вашъ взоръ въ ложную сторону. Прежде всего, я прошу васъ не упускать изъ виду различія между тѣмъ, что образуетъ сущность отдѣльной религіи, поскольку она есть опредѣленная форма и выраженіе религіи вообще, и тѣмъ, что опредѣляетъ ея единство, какъ школы, и объединяетъ ее, какъ таковую. Религіозные люди безусловно историчны; это есть не малое ихъ достоинство, но въ этомъ и источникъ большихъ недоразумѣній. Мгновеніе, когда они сами были охвачены сознаніемъ, которое сдѣлалось средоточіемъ ихъ религіи, имъ всегда свято; оно представляется имъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Божества, и, говоря о томъ, что своеобразно въ ихъ религіи, и о формѣ, которую она пріобрѣла въ нихъ, они всегда указываютъ на него. Вы можете себѣ представить, поэтому, насколько болѣе еще имъ должно быть свято мгновеніе, къ которомъ это безконечное созерцаніе было вообще впервые установлено въ мірѣ, какъ основа и средоточіе самостоятельной религіи; вѣдь къ этому мгновенію исторически примыкаетъ все развитіе этой религіи во всѣхъ поколѣніяхъ и личностяхъ, а этотъ общій объемъ религіи и религіозная культура цѣлой массы людей есть вѣдь нѣчто неизмѣримо большее, чѣмъ ихъ собственная религіозная жизнь и та малая часть отраженія религіи, представителемъ которой является каждый изъ нихъ лично. Поэтому они возвеличиваютъ этотъ фактъ всѣми способами, украшаютъ его всей роскошью религіознаго искусства, поклоняются ему, какъ самому обильному и благодѣтельному чудесному воздѣйствію высшаго существа, и никогда не говорятъ о своей религіи, никогда не устанавливаютъ какого либо изъ ея элементовъ, не поставивъ его въ связь съ этимъ фактомъ и не изобразивъ его въ такой связи. Если, такимъ образомъ, постоянное упоминаніе этого факта сопровождаетъ всѣ проявленія религіи и придаетъ имъ особую окраску, то вполнѣ естественно, что этотъ

фактъ смѣшивается съ самимъ основнымъ воззрѣніемъ религіи; это соблазняло весьма многихъ и исказило пониманіе почти всѣхъ религій. Итакъ, не забывайте никогда, что основнымъ воззрѣніемъ религіи можетъ быть лишь нѣкоторое созерцаніе безконечнаго въ конечномъ, нѣкоторое общее религіозное отношеніе, которое можетъ встрѣчаться и во всѣхъ другихъ религіяхъ, и даже должно было бы встрѣчаться въ нихъ, если бы онѣ были завершенными, но только у нихъ не ставится въ центръ.—Я прошу васъ не причислять къ религіи всего, что вы найдете у ея героевъ и въ священныхъ памятникахъ, и не видѣть въ этомъ отличительный духъ ихъ религіи. Я разумѣю при этомъ не мелочи, какъ вы легко могли бы подумать, и не такія вещи, которыя по сужденію всѣхъ совершенно чужды религіи, а именно то, что часто смѣшивается съ ней. Вспомните, какъ непреднамѣренно составлялись эти памятники, и что при ихъ составленіи невозможно было заботиться объ удаленіи изъ нихъ всего, что не есть религія; примите во вниманіе, что эти люди вступали въ многообразныя отношенія съ міромъ и никоимъ образомъ не могли при каждомъ словѣ, которое они записывали, говорить: „но это не относится къ вѣрѣ“; и потому, когда они проповѣдуютъ житейскую мудрость или мораль, или выражаютъ метафизику и поэзію, то не думайте, что все это тоже нужно втиснуть въ религію и что въ этомъ также нужно искать ея характеръ. Мораль, по крайней мѣрѣ, должна вѣдь всюду быть единой, и если различія въ ней суть всегда нѣчто, подлежащее устраненію, [13]) то они не могутъ опредѣлять различія между религіями, которыя не должны быть всюду тождественными.—Но болѣе всего я прошу васъ не поддаваться дѣйствію двухъ враждебныхъ принциповъ, которые всюду и почти съ самаго начала пытались исказить и затуманить духъ каждой религіи. Всюду скоро возникали частью люди, которые хотѣли ограничить духъ религіи отдѣльными догматами и исключить изъ него все, что еще не развилось до согласія съ послѣдними, частью же люди, которые, будь то изъ ненависти къ полемикѣ, или чтобы сдѣлать религію пріятнѣе для невѣрующихъ, или же по неразумію, невѣдѣнію и

отсутствію чутья, объявляли все своеобразное мертвой буквой, чтобы утвердить неопредѣленное. Берегитесь тѣхъ и другихъ! У неподвижныхъ систематиковъ и у плоскихъ индифферентистовъ вы не найдете духа какой либо религіи; вы найдете его лишь у тѣхъ, кто живутъ въ ней, какъ въ своей стихіи, и подвигаются въ ней все дальше, не питая безумной мечты охватить ее цѣликомъ.

Удастся ли вамъ съ помощью такихъ предосторожностей открыть духъ религій—этого я не знаю; но я боюсь, что и религія можетъ быть понимаема лишь черезъ самое себя, и что ея особое строеніе и характерныя отличія уяснятся вамъ не ранѣе, чѣмъ когда вы сами будете принадлежать къ какой либо религіи. Насколько вамъ посчастливится разгадать грубыя и примитивныя религіи отдаленныхъ народовъ, или выдѣлить многообразныя религіозныя явленія, которыя развиты въ прекрасной миѳологіи ѓрековъ и римлянъ,—это меня не заботитъ; пусть руководятъ вами ихъ боги! Но когда вы приближаетесь къ святѣйшему, къ той области, гдѣ вселенная воспринимается въ своемъ высшемъ единствѣ и цѣлостности—когда вы хотите разсматривать различныя формы высшей ступени религіи, не чужестранныя и далекія, а тѣ, которыя болѣе или менѣе существуютъ среди насъ, то мнѣ не можетъ быть безразличнымъ, найдете ли вы правильную точку зрѣнія, съ которой вы должны смотрѣть на нихъ.

Правда, я долженъ былъ бы говорить вамъ лишь объ одной религіи; ибо іудейство уже давно есть мертвая религія, и тѣ, кто теперь еще носятъ его окраску, въ сущности, только рыдаютъ надъ нетлѣнной муміей и оплакиваютъ его смерть и печальное наслѣдіе. Но мнѣ хочется сказать вамъ нѣсколько словъ и объ этой формѣ религіи, не потому, что она была предшественницей христіанства—я ненавижу въ религіи такого рода историческія оцѣнки; каждая религія имѣетъ собственную и вѣчную необходимость, и каждая имѣетъ первичное начало. Нѣтъ, меня привлекаетъ прекрасный дѣтскій характеръ іудейства, и этотъ характеръ настолько загроможденъ, и іудейство, какъ цѣлое, есть такой разительный примѣръ

порчи и полнѣйшаго исчезновенія религіи изъ массъ, въ которыхъ она нѣкогда находилась, что именно поэтому стòитъ поговорить о ней. Отнимите все политическое и, съ Божьей помощью, все моральное, чѣмъ обычно характеризуется это религіозное направленіе; забудьте о всей попыткѣ связать государство съ религіей—чтобы не сказать: съ церковью; забудьте, что іудейство было вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторомъ смыслѣ орденъ, основанный на старой исторіи рода и поддерживаемый жрецами; взгляните лишь на подлинно религіозное въ немъ, къ чему все это не относится, и скажите мнѣ, каково просвѣчивающее здѣсь повсюду сознаніе человѣка объ его положеніи въ цѣломъ и объ его отношеніи къ вѣчному? Это есть сознаніе всеобщаго непосредственнаго возмездія, о самобытной реакціи безконечнаго противъ всего отдѣльнаго конечнаго, что̀ считается возникшимъ по произволу. Такъ все здѣсь разсматривается,—возникновеніе и уничтоженіе, счастіе и несчастіе, и даже въ самой человѣческой душѣ постоянно чередуется проявленіе свободы и произвола и непосредственное воздѣйствіе Божества. Всѣ иныя свойства Бога, которыя также воспринимаются, подчинены этому правилу и разсматриваются всегда въ связи съ нимъ; награждающимъ, карающимъ, укрощающимъ единичное съ помощью единичнаго,—такимъ всегда здѣсь представляется Божество. Когда ученики спросили однажды Христа: „кто согрѣшилъ, они ли или ихъ отцы?“, и Онъ имъ отвѣтилъ: „Думаете ли вы, что эти грѣшили болѣе, чѣмъ другіе?“, то въ этомъ вопросѣ въ самой рѣзкой формѣ былъ выраженъ религіозный духъ іудейства, а въ отвѣтѣ Христа—полемика противъ него. Отсюда—проходящій всюду параллелизмъ, который не есть случайная форма, и діалогическій характеръ, который встрѣчается во всей сферѣ религіозности. Вся исторія, будучи постояннымъ чередованіемъ между дѣйствіемъ человѣка и отвѣтнымъ дѣйствіемъ Божества, изображается, какъ бесѣда между Богомъ и человѣкомъ въ словѣ и дѣйствіи, и все, что включено въ исторію, объединено лишь этой точкой зрѣнія. Отсюда святость традиціи, которою поддерживалась послѣдовательность этой великой бесѣды, и не-

возможность достичь религіи иначе, чѣмъ черезъ посвященіе въ эту бесѣду; отсюда еще въ позднѣйшія времена споръ между сектами о томъ, владѣютъ ли онѣ этой продолжающейся бесѣдой. Изъ этого же воззрѣнія проистекаетъ то, что въ іудейской религіи даръ прорицанія развитъ болѣе совершенно, чѣмъ въ какой бы то ни было иной; вѣдь въ прорицаніи даже христіане—лишь ученики іудейской религіи. Дѣло въ томъ, что вся эта идея носитъ въ высшей степени дѣтскій характеръ и разсчитана лишь на небольшую арену, гдѣ ничто не запутывается и, при простотѣ цѣлаго, естественныя послѣдствія дѣйствій ничѣмъ не нарушаются и не задерживаются; но чѣмъ болѣе народъ, исповѣдующій эту религію, выдвигался на міровую арену и вступалъ въ связь со многими народами, тѣмъ труднѣе становилось выраженіе этой идеи, и фантазія должна была предвосхищать слово, которое еще предстояло произнести Всевышнему, и какъ бы издали магически раскрывать взору вторую часть того же момента, преодолѣвая пространство и время. Такова сущность прорицанія; и стремленіе къ нему неизбѣжно должно было сохранять значеніе главнаго явленія іудейства, пока было возможно удержать указанную основную идею іудейства и вмѣстѣ съ ней—первоначальную форму іудейской религіи. Вѣра въ мессію была ея высшимъ созданіемъ; она была прекраснѣйшимъ плодомъ, но и послѣднимъ усиліемъ ея существа. Новый владыка долженъ былъ явиться, чтобы возстановить въ прежнемъ величіи Сіонъ, въ которомъ умолкъ голосъ Господа; и подчиненіе народовъ старому закону должно было распространить на міровыя событія тотъ простой ходъ патріархальнаго времени, который былъ нарушенъ распрями народовъ, взаимнымъ столкновеніемъ ихъ силъ и различіемъ нравовъ. Эта вѣра сохранилась надолго; такъ отдѣльный плодъ остается висѣть до суровой зимы и засыхаетъ на вѣтви дерева, стволъ котораго давно уже потерялъ жизненную силу. Ограниченность точки зрѣнія предоставила этой религіи, какъ религіи, лишь краткій срокъ жизни. Она умерла; когда были завершены ея священныя книги, то бесѣда Іеговы съ его народомъ была признана законченной. Политическій союзъ, ко-

торый примыкалъ къ ней, еще долго влачилъ дряхлое существованіе, а внѣшнія ея черты сохранились еще до болѣе поздняго времени—непріятное явленіе механическаго движенія, послѣ того, какъ духъ и жизнь уже давно исчезли.

Болѣе прекрасно и возвышенно, болѣе достойно взрослаго человѣчества, глубже проникаетъ въ духъ систематической религіи и шире распространяется надъ вселенной первичное воззрѣніе христіанства. Оно есть не что иное, какъ созерцаніе противоборства всего конечнаго единству цѣлаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія къ этому противоборству Божества, которое смиряетъ вражду противъ себя и ограничиваетъ растущее отдаленіе, разсѣиваясь по отдѣльнымъ пунктамъ, которые суть одновременно конечное и безконечное, человѣческое и божеское. Гибель и искупленіе, вражда и примиреніе,—таковы два неразрывно связанныхъ между собой основныхъ отношеній этого жизнеощущенія, и ими опредѣляется характеръ всего религіознаго матеріала въ христіанствѣ, и вся его форма. Духовный міръ удалился отъ своего совершенства и своей непреходящей красоты, и удаляется все быстрѣе; но всякое зло, даже и то, что конечное должно погибнуть, не завершивъ круга своего бытія, есть слѣдствіе воли, своекорыстнаго стремленія обособленнаго существа, которое всюду отрывается отъ связи съ цѣлымъ, чтобы быть самодовлѣющимъ; и даже смерть явилась вслѣдствіе грѣха. Духовный міръ, переступая отъ худого къ еще худшему, безсиленъ создать что-либо, въ чемъ дѣйствительно жилъ бы божественный духъ, разсудокъ затемненъ и уклонился отъ истины, сердце испорчено и лишено славы передъ лицомъ Бога, и образъ безконечнаго потухъ въ каждой части конечной природы. И соотвѣтственно этому изображается и божественное провидѣніе во всѣхъ его проявленіяхъ. Оно направляется въ своемъ дѣйствіи не на непосредственныя слѣдствія въ чувствѣ; оно не имѣетъ въ виду счастія и страданія, которое оно создаетъ; оно уже не стѣсняетъ и не поощряетъ отдѣльныхъ дѣйствій; оно мыслитъ лишь о томъ, чтобы предупредить великую гибель, оно хочетъ разрушать безпощадно все, что не можетъ быть спасено, и съ новыми силами опло-

дотворять изъ себя новыя творенія. Оно творитъ чудеса и знаменія, которыя прерываютъ и нарушаютъ ходъ вещей; оно шлетъ посланниковъ, въ которыхъ въ большей или меньшей степени обитаетъ божественный духъ, чтобы они изливали среди людей божественныя силы. Такъ же представляется и религіозный міръ. Даже когда человѣкъ стремится черезъ свое самосознаніе вступить въ общеніе съ единствомъ цѣлаго, конечное въ немъ противодѣйствуетъ ему, ищетъ и не находитъ, и теряетъ то, что нашло; будучи всегда одностороннимъ и шаткимъ, всегда останавливаясь на единичномъ и случайномъ, и всегда затемняя свое созерцаніе желаніями, оно теряетъ изъ взора свою цѣль. Все поглощается земнымъ духомъ, все увлекается присущимъ ему нерелигіознымъ началомъ; Божество принимаетъ все новыя мѣры, все болѣе великія откровенія выступаютъ изъ нѣдръ прежнихъ откровеній силою одного только Божества, все болѣе возвышенныя посредствующія звенья устанавливаетъ оно между собой и человѣкомъ, и въ каждомъ новомъ своемъ посланникѣ оно все тѣснѣе сближаетъ божественное съ человѣческимъ, чтобы научить людей познавать вѣчное существо; и все же никогда не прекращается старая жалоба, что человѣкъ не внемлетъ голосу духа Божія. Именно на этотъ ладъ христіанство чаще и охотнѣе всего воспринимаетъ Бога и божественный міропорядокъ въ религіи и въ ея исторіи; и то, что оно, такимъ образомъ, пользуется самой религіей, какъ матеріаломъ для религіи и, слѣдовательно, есть какъ бы высшая степень послѣдней,—это есть отличительный признакъ его характера, и это опредѣляетъ всю его форму. Именно потому, что оно предполагаетъ всюду наличность безбожнаго начала, и это допущеніе образуетъ существенный элементъ чувства, съ которымъ связывается все остальное,—христіанство имѣетъ всецѣло полемическій характеръ.—Оно полемично въ своемъ внѣшнемъ самообнаруженіи; ибо, чтобы уяснить свою внутреннюю сущность, оно должно вскрыть всякую порчу, лежитъ ли она въ нравахъ или въ образѣ мыслей, и прежде всего вражду противъ сознанія высшаго существа,—само безбожное начало. Поэтому оно безпощадно обличаетъ

всякую ложную мораль, всякую дурную религію, и всякое несчастное смѣшеніе той и другой, которымъ должны быть скрыты ихъ обоюдные изъяны; оно проникаетъ въ глубочайшіе тайники испорченнаго сердца и освѣщаетъ святымъ факеломъ собственнаго опыта всякое зло, которое крадется въ темнотѣ. Такъ оно разрушило послѣднее ожиданіе своихъ благочестивыхъ современниковъ—и это было почти первымъ его дѣйствіемъ, когда оно появилось—и признало нечестивымъ и безбожнымъ желать и ждать иного возрожденія, кромѣ того, цѣль котораго есть лишь болѣе чистая вѣра, болѣе высокое пониманіе вещей и вѣчная жизнь въ Богѣ. Смѣло возноситъ оно язычниковъ надъ разрывомъ, который они установили между жизнью и міромъ боговъ и людей. Кто не живетъ и есть въ вѣчномъ, тому оно совершенно невѣдомо; кто утратилъ это естественное чувство, это внутреннее сознаніе, подъ дѣйствіемъ множества чувственныхъ впечатлѣній и вожделѣній, тотъ въ своемъ ограниченномъ духѣ еще не владѣетъ религіей. Такъ его глашатаи вскрывали всюду поваленные гробы, и выносили на свѣтъ кости мертвецовъ; и если бы они были философами, эти первые герои христіанства, они такъ же боролись бы противъ порчи философіи. Конечно, они всюду узнавали и основныя черты божественнаго подобія; они, конечно, видѣли, что за всѣми искаженіями и вырожденіями таится небесное зерно религіи; но, какъ христіанамъ, имъ было важнѣе всего удаленность всего единичнаго отъ Божества, требующая посредничества, и поскольку они выражали христіанство, они устремлялись лишь на это.—Но христіанство также полемично, и притомъ столь же остро и рѣзко, и внутри самого себя, въ тѣснѣйшемъ общеніи своихъ святыхъ. Нигдѣ религія не идеализирована такъ абсолютно, какъ въ христіанствѣ и въ силу его первичной предпосылки; и именно этимъ одновременно утверждена постоянная борьба противъ всего реальнаго въ религіи, какъ задача, которая никогда не можетъ быть выполнена до конца. Именно потому, что всюду есть и дѣйствуетъ безбожное, и что все существующее представляется вмѣстѣ съ тѣмъ нечестивымъ,—безконечная святость есть цѣль христіан-

ства. Никогда не удовлетворенное достигнутымъ, оно даже въ самыхъ чистыхъ своихъ созданіяхъ, въ самыхъ святыхъ своихъ чувствахъ все же ищетъ слѣдовъ безбожнаго, слѣдовъ противоположной единству цѣлаго и уклоняющейся отъ него тенденціи всего конечнаго. Въ тонѣ высочайшей вдохновенности одинъ изъ древнѣйшихъ писателей критикуетъ религіозное состояніе общинъ; съ наивной откровенностью великіе апостолы говорятъ о самихъ себѣ; и именно такъ долженъ каждый вступать въ священный кругъ, не только неся свое вдохновеніе и наставничество, но и смиренно отдавая на общій судъ свою душу; и ничто не должно быть пощажено, даже самое любимое и цѣнное; ничто не должно быть лѣниво отложено въ сторону, даже то, что пользуется всеобщимъ признаніемъ. То самое, что экзотерически возславляется, какъ святое, и признается сущностью религіи, эзотерически все еще должно подвергаться строгому и неоднократному суду, чтобы отъ него все болѣе отдѣлялось нечистое, и чтобы блескъ божественныхъ красокъ все ярче сіялъ въ каждомъ благочестивомъ движеніи души. Въ природѣ вы часто видите, что сложная масса, когда вы направили ея химическія силы на какой-либо внѣшній ей объектъ, преодолѣвъ этотъ объектъ или возстановивъ равновѣсіе, начинаетъ сама бродить и выдѣляетъ нѣчто изъ себя; и точно такъ же обстоитъ дѣло съ отдѣльными элементами и съ цѣлыми массами христіанства; оно направляетъ подъ конецъ свою полемическую силу противъ самого себя; вѣчно озабоченное тѣмъ, чтобы не впитать въ себя черезъ борьбу съ внѣшнимъ безбожіемъ что-либо чуждое, и не нести еще въ себѣ самомъ начало порчи, оно не страшится самыхъ сильныхъ внутреннихъ потрясеній, чтобы изгнать изъ себя чуждыя начала. Такова исторія христіанства, основанная на его сущности. Я не миръ несу, но мечъ,—говоритъ его Основатель; и Его кроткая душа не могла при этомъ мыслить, что Онъ пришелъ положить начало тѣмъ кровавымъ движеніямъ, которыя всецѣло противны духу религіи, или жалкимъ словеснымъ спорамъ, относящимся къ мертвому матеріалу, котораго не воспринимаетъ живая религія; Онъ предвидѣлъ только эти священныя битвы, которыя

часто, какъ Онъ описывалъ, жестоко отрываютъ другъ отъ друга сердца и почти разрѣшаютъ самыя тѣсныя жизненныя связи; и предвидя ихъ, Онъ ихъ предписалъ.—Но не только составъ отдѣльныхъ элементовъ христіанства подвергается этому постоянному просѣванію; и на его непрерывное бытіе и жизнь въ душѣ направлено ненасытимое желаніе все большаго очищенія и обогащенія. Въ каждое мгновеніе, когда въ душѣ не можетъ быть воспринято религіозное начало, мыслится господствующимъ начало противорелигіозное; ибо нѣтъ иной противоположности, кромѣ той, которая состоитъ въ уничтоженіи чего-либо сущаго и въ сведеніи его на ничто въ его проявленіи. Каждый перерывъ религіи есть невѣріе; душа не можетъ ни на мгновеніе сознавать себя лишенной воспріятія и чувства безконечнаго, не сознавая себя вмѣстѣ съ тѣмъ враждебной ему и удаленной отъ него. Такъ христіанство впервые и по существу поставило требованіе, чтобы благочестіе было неизмѣннымъ состояніемъ въ человѣкѣ, и отказывается удовлетвориться даже сильнѣйшими его проявленіями, если оно принадлежитъ лишь нѣкоторымъ частямъ жизни и владѣетъ лишь ими. Никогда благочестіе не должно замирать въ покоѣ, и ничто не должно быть настолько противоположнымъ ему, чтобы оно не могло существовать совмѣстно съ нимъ; со всѣхъ точекъ конечнаго мы должны глядѣть на безконечное; со всѣми ощущеніями души, откуда бы они ни возникли, со всѣми дѣйствіями, на что бы они ни направлялись, мы должны быть въ состояніи сочетать религіозныя чувства и воззрѣнія. Такова подлинная высочайшая цѣль виртуозности въ христіанствѣ.

Какимъ образомъ первичное воззрѣніе христіанства, съ которымъ связаны въ немъ всѣ иныя отношенія, опредѣляетъ въ частности характеръ его чувствъ,—это вамъ не трудно будетъ найти. Какъ назовете вы чувство неудовлетворенной жажды, которая направлена на великій предметъ, и безконечность которой вы сами сознаете? Что охватываетъ васъ, когда вы встрѣчаете тѣснѣйшее смѣшеніе святого съ мірскимъ, возвышеннаго съ ничтожнымъ? И какъ назовете вы настроеніе, которое иногда вынуждаетъ васъ всюду предполагать это смѣ-

шеніе и всюду искать его? Не изрѣдка овладѣваетъ оно христіаниномъ; нѣтъ, господствующій тонъ всѣхъ его религіозныхъ чувствъ есть эта святая скорбь—ибо таково единственное имя, которое даетъ мнѣ для его обозначенія языкъ; она сопровождаетъ всякую радость и печаль, всякую любовь и боязнь; и даже въ его гордости, какъ и въ его смиреніи, она есть основной тонъ, на который все настраивается. Если вы умѣете на основаніи отдѣльныхъ чертъ воспроизводить внутреннее содержаніе души, не давая себя смущать тѣмъ чужероднымъ началамъ, которыя, Богъ вѣдаетъ откуда, къ нимъ примѣшаны, то вы увидите, что въ Основателѣ христіанства безусловно господствуетъ это настроеніе. Если писатель, который оставилъ намъ лишь нѣсколько страницъ, написанныхъ на простомъ языкѣ, не слишкомъ ничтоженъ для васъ, чтобы обратить на него вниманіе, то въ каждомъ словѣ, сохранившемся отъ этого любимаго друга Христа, вы почувствуете этотъ тонъ [14]). И если когда-либо какой-либо христіанинъ далъ вамъ прислушаться къ высшей святынѣ своей души, то вы навѣрно восприняли въ ней тотъ же самый тонъ.

Таково христіанство. Я не хочу прикрашивать и его искаженій и многообразныхъ извращеній; вѣдь въ составъ его первичнаго міровоззрѣнія именно и входитъ мысль, что все святое портится, становясь человѣческимъ. Я не хочу также вводить васъ далѣе въ его частности; борьба мнѣній въ немъ открыта для васъ, и я надѣюсь, что я далъ вамъ нить, съ помощью которой вы можете пробраться сквозь всѣ аномаліи и, не заботясь о выходѣ изъ лабиринта, точнѣйшимъ образомъ обозрѣть его. Держитесь только крѣпко за нее и съ самаго начала смотрите только на ясность, многообразіе и богатство развитія этой первой основной идеи. Когда я созерцаю въ изуродованныхъ жизнеописаніяхъ священный образъ Того, Кто былъ возвышеннымъ создателемъ самаго дивнаго изъ всего, что существуетъ въ религіи, то я изумляюсь не чистотѣ Его нравственнаго ученія, въ которомъ вѣдь высказано лишь то, что обще всѣмъ людямъ, дошедшимъ до сознанія своей нравственной природы, и цѣнность котораго не увеличивается ни тѣмъ,

что оно было вообще высказано, ни тѣмъ, что оно было высказано впервые; я изумляюсь не своеобразію Его характера, тѣснѣйшему сочетанію высокой силы съ трогательной кротостью, такъ какъ всякая возвышенно-простая душа въ особомъ положеніи должна выразить въ опредѣленныхъ чертахъ великій характеръ; все это лишь чисто человѣческія черты; но истинно божественна—та ясность, съ которой въ Его душѣ развилась великая идея, для выраженія которой Онъ явился,—идея, что все конечное нуждается въ высшемъ посредничествѣ, чтобы соединиться съ божествомъ, и что человѣкъ, который охваченъ конечнымъ и обособленнымъ, и которому даже само божественное слишкомъ легко представляется въ этой формѣ, можетъ найти спасеніе лишь въ искупленіи. Тщетна была бы дерзость стремиться сорвать завѣсу, которая скрываетъ и должна скрывать возникновеніе въ Немъ этой идеи; вѣдь и въ религіи всякое начало таинственно. Наглое кощунство, которое дерзнуло на это, могло только исказить божественное своимъ утвержденіемъ, что Онъ исходилъ изъ старой идеи своего народа, тогда какъ Онъ именно хотѣлъ высказать уничтоженіе этой идеи, и дѣйствительно высказалъ это въ самой дивной формѣ, утверждая, что Онъ—тотъ, кого они ждали. Будемъ разсматривать наполнявшее всю Его душу живое сочувствіе къ духовному міру лишь такъ, какъ мы его находимъ въ Немъ, именно развитымъ до совершенства. Если все конечное нуждается въ посредничествѣ высшаго, чтобы не удаляться все болѣе отъ вѣчнаго и не быть развѣяннымъ въ пустоту и небытіе, чтобы поддерживать и осознать свою связь съ цѣлымъ,—то само посредствующее начало, которое вѣдь не должно въ свою очередь нуждаться въ посредничествѣ, отнюдь не можетъ быть только конечнымъ; оно должно принадлежать къ тому и другому, оно должно соучаствовать въ божественной сущности именно такъ же и въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ оно соучаствуетъ въ конечной природѣ. Но что Онъ видѣлъ вокругъ себя, кромѣ конечнаго и нуждающагося въ посредничествѣ и гдѣ было что либо посредническое, кромѣ Него? Никто не знаетъ Отца, кромѣ Сына, и того, кому Онъ хочетъ открыться. Это сознаніе един-

ственности своего знанія Бога и бытія въ Немъ, непосредственности этого знанія и его способности выразить себя и пробудить религію было въ Немъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніемъ Его посредническаго призванія и Его божественности. Я не хочу говорить о томъ, что Онъ былъ выданъ грубой силѣ своихъ враговъ, безъ надежды на сохраненіе жизни,—ибо это невыразимо ничтожно; но Онъ былъ покинутъ и готовился навѣки умолкнуть, не видя вокругъ себя какого либо дѣйствительно прочнаго устроенія общенія своихъ учениковъ; Онъ стоялъ передъ лицомъ торжественнаго великолѣпія стараго испорченнаго строя, который противопоставлялъ ему свою силу и могущество; Онъ былъ окруженъ всѣмъ, что способно вызывать почитаніе и требовать подчиненія,—всѣмъ, чему Его самого учили съ дѣтства поклоняться; и когда Онъ въ одиночествѣ, не поддерживаемый ничѣмъ, кромѣ своего чувства, сказалъ свое „да“,—величайшее слово, которое когда либо сказалъ смертный,—то это было прекраснѣйшей апоѳеозой, и нѣтъ божества болѣе достовѣрнаго, чѣмъ то, которое такъ возвѣщаетъ само себя [15]). Не удивительно, что, имѣя такую вѣру въ самого себя, Онъ былъ увѣренъ не только въ своей посреднической миссіи для многихъ, но и въ томъ, что оставитъ послѣ себя великую школу, которая оснуетъ свою общую религію на его религіи; Онъ былъ такъ увѣренъ въ этомъ, что установилъ символы для нея, когда ея еще не существовало, въ убѣжденіи, что уже этого достаточно для укрѣпленія общины Его послѣдователей; и еще ранѣе съ пророческимъ энтузіазмомъ Онъ говорилъ объ увѣковѣченіи памятниковъ своей личной жизни среди своихъ учениковъ. Но никогда Онъ не утверждалъ, что Онъ единственный посредникъ, единственный человѣкъ, въ которомъ осуществилась Его идея; нѣтъ, всѣ, кто примыкали къ Нему и составляли Его церковь, должны были быть такими посредниками вмѣстѣ съ Нимъ и черезъ Него. И никогда Онъ не смѣшивалъ своей школы со своей религіей, никогда не требовалъ, чтобы Его идею признавали во имя Его личности; Онъ требовалъ, наоборотъ, признанія послѣдней во имя первой; и Онъ готовъ былъ даже терпѣть, чтобы сомнѣвались въ Его достоинствѣ,

какъ посредника, лишь бы не изрекалась хула на духъ, на начало, изъ котораго развилась въ Немъ и въ другихъ Его религія; и Его ученикамъ также было чуждо это смѣшеніе. Апостолы безъ колебаній признавали христіанами и относились, какъ къ христіанамъ, къ ученикамъ Крестителя, которые, вѣдь были посвящены въ сущность христіанства лишь весьма несовершенно, и принимали ихъ въ число дѣйствительныхъ членовъ общины. И еще теперь слѣдовало бы такъ относиться; кто исходитъ изъ той же общей точки зрѣнія въ своей религіи, есть христіанинъ, безъ отношенія къ школѣ, все равно, выводитъ ли онъ исторически свою религію изъ себя самого или изъ кого либо иного; вѣдь если ему потомъ показать Христа со всѣмъ Его вліяніемъ, то само собой случится, что онъ неизбѣжно признаетъ Христа лицомъ, которое исторически стало средоточіемъ всего посредничества—существомъ, которое дѣйствительно принесло искупленіе и примиреніе [16]). Никогда также Христосъ не выдавалъ религіозныхъ воззрѣній и чувствъ, которыя Онъ самъ могъ сообщить, за весь объемъ религіи, которая должна была исходить изъ Его основного чувства; Онъ всегда указывалъ на живую истину, которая придетъ послѣ Него, хотя и будетъ опираться на Него. Такъ же мыслили и Его ученики. Они никогда не ставили границъ святому Духу; они всегда признавали его безграничную свободу и непрерывное единство его откровеній, и если позднѣе,—когда прошла первая пора его расцвѣта, и онъ, казалось, покоился отъ своихъ трудовъ—эти труды, поскольку они содержались въ священныхъ писаніяхъ, были незаконно объявлены замкнутымъ кодексомъ религіи,—то это было совершено лишь тѣми, кто считали дремоту духа за его смерть,—тѣми, для кого умерла сама религія; напротивъ, всѣ, кто еще чувствовали въ себѣ ея жизнь или воспринимали ее въ другихъ, всегда высказывались противъ этого нехристіанскаго дѣянія. Священныя писанія стали Библіей по собственной силѣ; но они не воспрещаютъ никакой иной книгѣ также стать Библіей, и то, что написано съ такой же силой, они охотно дозволили бы присоединить къ себѣ; скорѣе все, что появляется и позднѣе, какъ

выраженіе совокупной церкви и, слѣдовательно, божественнаго духа, должно увѣренно примыкать къ священнымъ писаніямъ, хотя на нихъ, какъ первенцахъ духа, и лежитъ несмываемая печать особой святости и достоинства [17]). Въ силу этой безграничной свободы и существенной безконечности, основная идея христіанства о божественныхъ силахъ - посредникахъ развилась на различные лады, и всѣ воззрѣнія и чувства, выражающія пребываніе божественной сущности въ конечной природѣ, были въ совершенствѣ развиты въ предѣлахъ христіанства. Такъ, священное писаніе, въ которомъ также особымъ образомъ пребываетъ божественная сущность и небесная сила, было вскорѣ признано логическимъ посредникомъ, который раскрываетъ для познанія Божества конечную и испорченную природу разума, и святой Духъ, въ позднѣйшемъ значеніи этого слова, былъ признанъ этическимъ посредникомъ, который помогаетъ дѣйственно приближаться къ Божеству; болѣе того, многочисленная часть христіанъ еще теперь охотно признаетъ посредническимъ и божественнымъ существомъ каждаго, кто можетъ засвидѣтельствовать, что своей божественной жизнью или какимъ либо впечатлѣніемъ божественности онъ впервые пробудилъ высшее сознаніе хотя бы въ небольшомъ кругу. Для другихъ Христосъ остался единственнымъ, и еще другіе объявили посредниками себя самихъ, или что либо иное. Какъ бы часто здѣсь ни грѣшили по формѣ и содержанію, самый принципъ остается истинно христіанскимъ, пока онъ свободенъ. Такъ, иныя отношенія человѣка въ ихъ связи съ средоточіемъ христіанства выразились въ иныхъ чувствахъ и воплотились въ иные образы, которые не упоминаются въ рѣчахъ Христа и вообще въ священныхъ книгахъ, и многія иныя найдутъ себѣ выраженіе еще позднѣе, такъ какъ вѣдь далеко не все бытіе человѣка вылилось въ своеобразную форму христіанства; христіанству суждена еще долгая исторія, несмотря на всѣ рѣчи о его скорой или уже наступившей гибели.

И какъ оно можетъ погибнуть? Правда, его живой духъ часто и подолгу дремлетъ, и въ состояніи оцѣпенѣнія укрывается въ мертвую оболочку буквы, но онъ всегда снова просыпается,

какъ только погода въ духовномъ мірѣ благопріятствуетъ его оживленію и приводитъ въ движеніе его соки; и потому онъ еще часто будетъ возвращаться и принимать все новыя формы. Основная идея всякой положительной религіи сама по себѣ вѣчна и всеобща, ибо она есть составная часть безконечнаго цѣлаго, въ которомъ все должно быть вѣчнымъ; но все ея развитіе и бытіе во времени не можетъ быть въ томъ же смыслѣ всеобщимъ и вѣчнымъ; вѣдь, чтобы именно въ этой идеѣ видѣть центръ всей религіи,—для этого необходимо не только опредѣленное направленіе сознанія, но и опредѣленное состояніе человѣчества. Если это состояніе погибло въ свободной игрѣ вселенской жизни, и если развитіе идетъ далѣе такъ, что оно уже не можетъ вернуться, то и данное отношеніе не можетъ болѣе удержать того значенія въ сознаніи, въ силу котораго оно ставило въ зависимость отъ себя всѣ остальныя, и тогда эта форма религіи уже не можетъ далѣе существовать. Это уже давно случилось со всѣми ребяческими религіями, относящимися къ тому времени, когда у человѣчества еще не было сознанія его органическихъ силъ: ихъ приходится теперь собирать, какъ памятники прошлаго, и складывать въ архивъ исторіи; ихъ жизнь прошла и никогда не вернется. Христіанство, которое возвышается надъ всѣми религіями, болѣе исторично и болѣе смиренно въ своемъ величіи: оно открыто признало бренность своего временаго бытія. Настанетъ время — говоритъ оно, — когда уже не будетъ рѣчи ни о какомъ посредникѣ, и когда Отецъ будетъ властвовать во всемъ. Но когда же придетъ это время? Я, по крайней мѣрѣ, могу лишь думать, что оно лежитъ внѣ всякаго времени. Сознаніе, что все великое и божественное въ человѣческихъ вещахъ подвержено порчѣ, есть одна половина первичнаго созерцанія христіанства; наступитъ ли дѣйствительно время, когда она—я не хочу сказать: не будетъ совсѣмъ восприниматься—но не будетъ бросаться въ глаза? когда человѣчество будетъ двигаться впередъ столь равномѣрно и спокойно, что почти нельзя будетъ замѣтить, какъ случайный противный вѣтеръ отгоняетъ его нѣсколько назадъ въ великомъ океанѣ, который оно пере-

сѣкаетъ, и только знатокъ, высчитывающій его движеніе по звѣздамъ, будетъ знать это, остальные же, смотрящіе невооруженнымъ глазомъ на сами событія, не будутъ непосредственно замѣчать регрессъ въ человѣческихъ отношеніяхъ? Я хотѣлъ бы, чтобы это было такъ, и при этомъ условіи я охотно стоялъ бы надъ развалинами той религіи, которую я почитаю. Что нѣкоторыя блестящія и божественныя точки суть первичные носители всякаго исправленія этой порчи и всякаго новаго и болѣе тѣснаго сближенія конечнаго съ Божествомъ,—это есть вторая половина исконной христіанской вѣры; и наступитъ ли когда либо время, когда сила, влекущая насъ къ высшему существу, будетъ столь равномѣрно распредѣлена между всей массой человѣчества, что тѣ, которыхъ она движетъ сильнѣе, перестанутъ имѣть значеніе посредниковъ для другихъ? Я хотѣлъ бы этого, и охотно готовъ былъ бы сравнять всякую возвышающуюся здѣсь вершину; но это равенство, конечно, возможно еще менѣе, чѣмъ какое либо иное. Время упадка предстоитъ всему земному, будь оно даже божественнаго происхожденія; новые посланцы Божіи будутъ нужны, чтобы съ большей силой привлечь къ себѣ отступившее назадъ и небеснымъ огнемъ очистить испорченное; и каждая такая эпоха будетъ палингенезіей христіанства, будетъ пробуждать его духъ въ новой и болѣе прекрасной формѣ.

Но если всегда будутъ существовать христіане, должно ли въ силу этого христіанство быть безграничнымъ въ своемъ распространеніи и господствовать надъ человѣчествомъ, какъ единственная форма религіи? Оно отвергаетъ это узкое единовластіе; оно настолько почитаетъ каждый изъ своихъ собственныхъ элементовъ, что охотно склонно созерцать въ немъ средоточіе особаго цѣлаго; оно не только хочетъ до безконечности созидать въ себѣ многообразіе, но готово созерцать и внѣ себя все то, чего оно не можетъ развить въ себѣ. Никогда не забывая, что лучшее доказательство своей вѣчности оно имѣетъ въ собственной подверженности гибели, въ своей собственной, часто грустной исторіи, и всегда ожидая спасенія отъ несовершенства, которое въ данное время тѣснитъ его, пусть оно

радостно взираетъ на возникновеніе, внѣ мѣста этой порчи, новыхъ, болѣе юныхъ и, если возможно, болѣе сильныхъ и прекрасныхъ формъ религіи,—на ихъ возникновеніе въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ нимъ, во всѣхъ пунктахъ, и даже въ тѣхъ областяхъ, которыя кажутся ей крайними и сомнительными границами религіи вообще. Религія религій не можетъ собрать достаточно матеріала для своего чистаго влеченія ко всему человѣческому; и какъ нѣтъ ничего болѣе нечестиваго, чѣмъ требованіе единообразія въ человѣчествѣ вообще, такъ нѣтъ ничего болѣе нехристіанскаго, чѣмъ исканіе единообразія въ религіи.

Пусть люди созерцаютъ Божество и поклоняются ему всѣми способами. Многія формы религіи могутъ переплетаться между собой или существовать въ взаимномъ сосѣдствѣ; и если необходимо, чтобы каждая въ опредѣленное время получала реальность, то было бы по крайней мѣрѣ желательно, чтобы во всякое время люди могли чуять многія изъ нихъ. Лишь рѣдко могутъ быть великія мгновенія, когда все соединяется, чтобы обезпечить одной изъ нихъ широко распространенную и длительную жизнь, когда одно и то же воззрѣніе одновременно и съ непреодолимой силой развивается въ большой массѣ людей, и многіе проникаются единымъ впечатлѣніемъ отъ Божества. Но чего нельзя ждать отъ времени, которое столь явственно есть граница между двумя различными порядками вещей? Когда минуетъ огромный кризисъ, быть можетъ, окажется, что онъ принесъ съ собой и такое мгновеніе; и чающая душа, которую носятъ въ себѣ пламенные умы нашего времени [18]), созерцая творческій геній, быть можетъ, уже теперь могла бы указать пунктъ, который долженъ для будущихъ поколѣній стать средоточеніемъ ихъ общенія съ Божествомъ. Но какъ бы то ни было, и какъ бы долго ни пришлось еще ждать такого мгновенія,—новыя формы религіи, будутъ ли онѣ подчинены христіанству, или станутъ рядомъ съ нимъ, должны возникнуть, и при томъ скоро,—даже если еще долго ихъ можно будетъ воспринимать лишь въ отдѣльныхъ и бѣглыхъ проявленіяхъ. Изъ ничего всегда исходитъ новое твореніе, и ничто есть религія

почти во всѣхъ участникахъ нынѣшняго міра, въ которыхъ зачинается сильная и богатая духовная жизнь. Во многихъ началомъ ея развитія будетъ какой-либо изъ безчисленныхъ поводовъ и, возникши на новой почвѣ, она пріобрѣтетъ новую форму. Только бы прошло время сдержанности и робости! Религія ненавидитъ одиночество, и особенно въ пору своей юности, которая вѣдь для всего живущаго есть время любви, она погибаетъ отъ изсушающей тоски. Если она разовьется въ васъ, если вы осознаете въ себѣ первые слѣды ея жизни,—то вступите тотчасъ же въ единую и недѣлимую общину святыхъ, которая включаетъ въ себя всѣ религіи, и въ которой только и можетъ созрѣвать каждая изъ нихъ. Вы думаете, что такъ какъ она разсѣяна и далека, то и вамъ придется тогда говорить нечестивымъ ушамъ? Вы спрашиваете, какая форма языка достаточно потаенна, рѣчь ли, или письмо, дѣйствіе, или тихая мимика духа? Всѣ—отвѣчаю я, и вы видите: я не страшился пользоваться самымъ громкимъ языкомъ. Въ каждомъ средствѣ выраженія святое остается тайнымъ и скрытымъ отъ непосвященныхъ. Пусть они грызутъ шелуху, какъ могутъ; но не препятствуйте намъ поклоняться Божеству, которое будетъ въ васъ.

Послѣсловіе.

Позвольте мнѣ прежде, чѣмъ совсѣмъ разстаться съ вами, сказать еще нѣсколько словъ о заключеніи моей рѣчи. Быть можетъ, вы полагаете, что теперь, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, было бы лучше устранить это заключеніе; вѣдь достаточно ясно обнаружилось, что я былъ неправъ, доказывая силу религіознаго умонастроенія тѣмъ, что оно именно теперь стоитъ передъ созданіемъ новыхъ формъ, и что я неправомѣрно мнилъ вѣдать то, что ему предстоитъ создать, ибо ничего подобнаго нигдѣ не свершилось. Если вы такъ думаете, то вы, очевидно, забыли, что пророчество есть первый предтеча будущаго, и лишь въ качествѣ такового дѣйствительно достойно именоваться пророчествомъ; оно есть такое уясненіе будущаго, въ которомъ послѣднее само уже содержится, но только такъ, что оно замѣтно лишь для сознанія, родственнаго прорицающему. Чѣмъ обширнѣе, слѣдовательно, и величественнѣе прорицаемое, и чѣмъ болѣе само прорицаніе обладаетъ подлиннымъ высокимъ стилемъ, тѣмъ менѣе близко оно къ осуществленію; подобно тому, какъ заходящее солнце создаетъ изъ тѣней большихъ предметовъ великіе магическіе образы лишь вдалекѣ на сѣромъ востокѣ, такъ и прорицаніе устанавливаетъ лишь вдали свои образы грядущаго, почерпнутые изъ настоящаго и прошедшаго. И потому то, что я въ этомъ смыслѣ сказалъ, отнюдь не должно было служить вамъ мѣриломъ для провѣрки истинности моей рѣчи; напротивъ, эта истинность должна была бы уясниться вамъ изъ самой себя; и я совсѣмъ не хотѣлъ пророчествовать въ моихъ рѣчахъ къ вамъ—допуская даже, что у меня имѣется даръ къ тому,—потому что для меня было бы

безплодно отсылать васъ къ далекому будущему. Я хотѣлъ передать этими словами только нѣчто близкое и непосредственно достовѣрное; отчасти я призывалъ этими словами не васъ, а нѣкоторыхъ другихъ—полунасмѣшливо, если они это поняли,—осуществить то, на что они, повидимому дерзаютъ; отчасти же я надѣялся этимъ побудить васъ самихъ намѣтить ходъ осуществленія этого предсказанія; и тогда я былъ увѣренъ, что вы сами собой найдете то, что и я готовъ былъ бы указать вамъ: именно что вы со всѣмъ вашимъ знаніемъ, поведеніемъ и бытіемъ всецѣло коренитесь въ той формѣ религіи, которую вы столь часто презираете—въ христіанствѣ; что вы совсѣмъ не можете вырваться изъ нея, и что вы тщетно пытаетесь представить себѣ ея разрушеніе, если вы не рѣшитесь уничтожить вмѣстѣ съ ней то, что для васъ есть самое цѣнное и святое въ мірѣ,—вашу культуру и характеръ вашего бытія, ваше искусство и вашу науку. Отсюда для васъ уяснилось бы, что, пока длится наша эпоха, изъ нея и изъ сферы христіанства не можетъ проистечь что-либо, наносящее ущербъ христіанству, и что послѣднее всегда должно выходить изъ всякой борьбы и полемики лишь возрожденнымъ и возвеличеннымъ. Это я преимущественно имѣлъ въ виду въ отношеніи васъ, и вы, слѣдовательно, видите, что я былъ далекъ отъ намѣренія примкнуть къ сужденіямъ нѣкоторыхъ выдающихся и прекрасныхъ людей, которые, какъ вы ихъ поняли, хотятъ вернуть язычество древняго времени или даже произвольно создать новую миѳологію, а черезъ нее—и новую религію. Я хотѣлъ бы, напротивъ, чтобы вы уяснили себѣ, какъ ничтожно и безплодно все, что связано съ подобнымъ стремленіемъ, и тѣмъ еще разъ убѣдились въ могуществѣ христіанства.

Но болѣе всего необходимо понять другъ друга въ томъ, что я говорилъ о судьбахъ самого христіанства. Правда, здѣсь не мѣсто для обоснованія и доказательства моего воззрѣнія, или хотя бы для болѣе полнаго уясненія того, на чемъ оно покоится; если такое уясненіе будетъ еще оставаться необходимымъ, то для него должно найтись иное мѣсто. Здѣсь же и теперь я хочу совершенно просто сказать, что̀ я разумѣю,

чтобы вы не отнесли меня, согласно обычной манерѣ дѣлить все на школы и партіи, къ числу тѣхъ, съ которыми я, по крайней мѣрѣ въ этомъ вопросѣ, не имѣю ничего общаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ христіанство, въ немъ всегда существовала рѣзко проступающая противоположность. Эта противоположность, какъ и надлежитъ, имѣла свое начало, середину и конецъ; а именно, противоположное сначала постепенно отдѣлялось другъ отъ друга, затѣмъ это раздѣленіе достигало своего апогея, и потомъ опять постепенно уменьшалось, пока вся противоположность не исчезала совершенно въ иной противоположности, которая развивалась параллельно съ упадкомъ первой. Если въ такой формѣ протекаетъ вся исторія христіанства, то теперь на христіанскомъ Западѣ господствуетъ противоположность между протестантизмомъ и католицизмомъ, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ своеобразно выражена идея христіанства, такъ что теперь лишь черезъ совмѣстное бытіе обоихъ историческое проявленіе христіанства можетъ соотвѣтствовать идеѣ христіанства. Эта противоположность, повторяю, теперь стоитъ на очереди и существуетъ; и если бы мнѣ надлежало истолковывать вамъ знаменія времени, то я сказалъ бы, что теперь наступаетъ моментъ именно ея спокойнаго закрѣпленія, и что еще отнюдь незамѣтны признаки ея ослабленія и исчезновенія [1]). Однако, изъ-за этого никто не долженъ оставаться беззаботнымъ; напротивъ, пусть каждый обдумаетъ и сообразитъ, къ какой сторонѣ онъ принадлежитъ со своимъ христіанствомъ, и въ какой церкви онъ можетъ вести религіозную и назидательную жизнь; кто обладаетъ здоровой и сильной натурой и слѣдуетъ ей [2]), тотъ навѣрно не ошибется. Я не говорю о людяхъ, которые сами суть ничто, которые, какъ дѣти, ослѣпляются внѣшнимъ блескомъ или поддаются уговорамъ монаховъ; но есть люди, которые несомнѣнно суть нѣчто, выдающіеся и достойные почтенія поэты и художники,— и кто знаетъ, какая толпа приверженцевъ, какъ это нынѣ водится, слѣдуетъ за ними—которые думаютъ спастись переходомъ изъ протестантской церкви въ католическую, ибо лишь въ одной послѣдней, по ихъ мнѣнію, есть религія, тогда какъ

протестантизмъ есть иррелигіозность, безбожіе, какъ бы вырастающее изъ самого христіанства. Я буду почитать человѣка, который, рѣшаясь на этотъ переходъ, поступаетъ согласно своей природѣ, которая можетъ чувствовать себя на мѣстѣ только въ этой, а не въ иной формѣ христіанства; но такой человѣкъ сможетъ показать слѣды этого естественнаго строя души во всей своей жизни, сможетъ убѣдить насъ, что своимъ поступкомъ онъ лишь внѣшне завершилъ то, что внутренне и непроизвольно уже всегда было въ немъ и, строго говоря, возникло одновременно съ нимъ. Я буду также если не почитать, то сожалѣть и извинять того, кто—слѣдуя часто изумительно счастливому, но часто и опасному инстинкту больного,—дѣлаетъ тотъ же шагъ въ явственномъ состояніи безпокойства и слабости, кто откровенно дѣлаетъ его потому, что его заблудшее чувство нуждается во внѣшней опорѣ, или въ нѣкоторыхъ заклинаніяхъ, чтобы успокоить тоскливую робость или жестокую душевную боль; или же потому, что онъ ищетъ атмосферы, болѣе подходящей для слабыхъ органовъ, т.-е. менѣе живительной и, слѣдовательно, менѣе возбуждающей; такъ иные больные вмѣсто свѣжаго горнаго воздуха предпочитаютъ дышать животными испареніями. Но я не могу такъ относиться къ тѣмъ, кого я теперь имѣю въ виду; напротивъ, они кажутся мнѣ лишь преступными; ибо они не знаютъ, ни чего хотятъ, ни что дѣлаютъ. Или можно назвать разумной рѣчь, которую они ведутъ? Узритъ ли какое-либо неиспорченное сознаніе свѣтъ безбожія въ герояхъ реформаціи, и не сіяютъ ли въ нихъ, напротивъ, для каждаго лучи истинно-христіанскаго благочестія? Дѣйствительно ли Левъ X болѣе религіозенъ, чѣмъ Лютеръ, и энтузіазмъ Лойолы святѣе энтузіазма Цинцендорфа? И куда отнесемъ мы величайшія явленія во всѣхъ областяхъ науки, если протестантизмъ есть безбожіе и адъ? Эти же люди, съ одной стороны, видятъ въ протестантизмѣ только иррелигіозность и, съ другой стороны, и въ католической церкви любятъ отнюдь не ея самобытную сущность, а лишь ея порчу,—явное доказательство, что они не знаютъ, чего хотятъ. Вѣдь даже чисто исторически нужно принять во

вниманіе, что папство отнюдь не есть сущность католической церкви, а есть лишь ея порча [3]). А именно его они собственно ищутъ и любятъ; они ищутъ, собственно, за Альпами идолопоклонство, съ которымъ, къ сожалѣнію, приходится бороться и протестантской церкви, хотя въ ней оно существуетъ въ менѣе роскошныхъ и, слѣдовательно, менѣе соблазнительныхъ формахъ, а потому и кажется имъ недостаточно рѣзкимъ и колоссальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое есть идолъ или кумиръ? Это есть нѣчто, сдѣланное руками, что можетъ быть ощупано и разрушено руками, и вмѣстѣ съ тѣмъ именно въ этой своей бренности и хрупкости безсмысленнымъ образомъ устанавливается въ смыслѣ чего-то вѣчнаго; и оно не только должно частично и въ мѣру присущей ему красоты и силы жизненно выражать вѣчное; нѣтъ, въ качествѣ временнаго и часто исполненнаго величайшаго безсмыслія и извращенности, оно именно должно быть вѣчнымъ, такъ чтобы его поклонники могли ощупывать само вѣчное и произвольно-магически взвѣшивать и распредѣлять его между собой. Это суевѣріе въ церкви и священствѣ, таинствахъ, отпущеніи грѣховъ и блаженствѣ есть то лучшее, чего они ищутъ. Но они ничего не достигнутъ этимъ, ибо это есть ложное дѣло, которое будетъ и въ нихъ все болѣе обнаруживать свою ложность: изъ общей сферы культуры они низвергнутся въ пустоту и ничтожество, растративъ на суету и ту долю искусства, которую имъ даровалъ Господь. Это, если угодно, есть пророчество, выполненіе котораго настолько близко, что вы можете ждать его со дня на день.

А теперь—еще пророчество иного рода, осуществленіе котораго, какъ я надѣюсь, вы также увидите. Оно касается второго, о чемъ я говорилъ, именно того, что противоположность между этими двумя партіями еще существуетъ и должна сохраниться. Можетъ случиться, что римская церковь, если не всюду и во всѣхъ отношеніяхъ, то все же въ значительной мѣрѣ откинетъ отъ себя порчу и внѣшнимъ образомъ, подобно тому, какъ въ ней безспорно имѣются многіе, внутренне отрѣшившіеся отъ этой порчи. Тогда могутъ прійти соблазнители, ко-

торые, угрожая сильнымъ и льстя слабымъ или благожелательно настроеннымъ, будутъ уговаривать протестантовъ снова вернуться въ единую недѣлимую исконную церковь, такъ какъ вѣдь многіе считаютъ эту порчу единственнымъ основаніемъ раздѣленія. Но и это есть безумный и ложный призывъ! Быть можетъ, онъ многихъ соблазнитъ или устрашитъ, но онъ не будетъ осуществленъ, ибо устраненіе этой противоположности было бы нынѣ равносильно гибели христіанства, такъ какъ часъ его еще не пришелъ. Я хотѣлъ бы даже бросить вызовъ самому могущественному человѣку на землѣ, для котораго все есть легкая игра, и предложить ему осуществить это, признавъ за нимъ всю нужную для этого силу и хитрость; но я предсказываю, что это не удастся ему, и что онъ уйдетъ съ позоромъ. Ибо Германія все еще существуетъ, и ея незримая сила не ослабла; во имя своего призванія она снова возстанетъ съ непредвидѣннымъ могуществомъ, достойная своихъ древнихъ героевъ и своей прославленной племенной силы; вѣдь она была предназначена преимущественно развить это явленіе, и она вновь подымется съ богатырской силой, чтобы утвердить его [4]).

Вотъ вамъ знаменіе, если вы въ немъ нуждаетесь, и когда это чудо свершится, вы, быть можетъ, повѣрите въ живую силу религіи и христіанства. Но блаженны тѣ, кто свершатъ его,—кто не видятъ и все же вѣрятъ.

ПОЯСНЕНІЯ

КЪ „РѢЧАМЪ О РЕЛИГІИ“.

Поясненія къ первой рѣчи.

1) Стр. 3. Мое знакомство съ людьми моего сословія было, когда я впервые писалъ это, еще весьма невелико; хотя я уже нѣсколько лѣтъ занималъ должность, но я былъ очень одинокъ среди своихъ товарищей по службѣ. То, что здѣсь скорѣе намѣчено, чѣмъ высказано, было, слѣдовательно, тогда только догадкой издали, а не наглядньмъ познаніемъ. Однако, и болѣе продолжительный опытъ, и болѣе дружескія отношенія лишь укрѣпили во мнѣ сужденіе, что среди членовъ нашего духовнаго сословія слишкомъ рѣдко какъ глубокое проникновеніе въ духъ религіи вообще, такъ и чисто историческое и объективное пониманіе опредѣленныхъ эпохъ религіозности—а именно эти два пункта здѣсь главнымъ образомъ имѣются въ виду. Мы не встрѣчали бы столько жалобъ на ростъ сектантскаго духа и партійныхъ религіозныхъ союзовъ, еслибы не было столько духовныхъ лицъ, которые не понимаютъ религіозныхъ потребностей и переживаній, потому что точка зрѣнія, на которой они стоятъ, вообще слишкомъ низка; отсюда—на что здѣсь намекается—и тѣ убогіе взгляды, которые такъ часто высказываются, когда рѣчь идетъ о мѣрахъ противъ такъ называемаго упадка религіи. Въ интересахъ правильнаго пониманія этого мѣста я не могу скрыть своего мнѣнія, которое, быть можетъ, встрѣтитъ мало одобренія, именно что этому злу лучше всего могло бы противодѣйствовать болѣе глубокое умозрительное образованіе; но необходимость послѣдняго не признается большинствомъ духовныхъ лицъ и тѣхъ, кто руководитъ ихъ образованіемъ, изъ ложнаго мнѣнія, будто это только сдѣлаетъ ихъ еще болѣе практичными.

2) Стр. 10. Первое, всегда весьма чувственное пониманіе обоихъ представленій въ пору, когда душа еще всецѣло живетъ образами, исчезаетъ далеко не у всѣхъ; у большинства оно очищается и возвышается постепенно, но притомъ такъ, что аналогія съ человѣческимъ въ представленіи высшаго существа и аналогія съ земнымъ все еще внѣшне опредѣляетъ скрытое болѣе глубокое содержаніе. Но для тѣхъ, кто своевременно углубляется въ чисто умозрительное стремленіе, существуетъ иной путь. Ибо, говоря самимъ себѣ, что въ Богѣ не можетъ быть ничего противоположнаго, раздѣленнаго, обособленнаго, и что, слѣдовательно, ничто человѣ-

ческое не можетъ быть о немъ высказано; признаваясь себѣ, что они не имѣютъ права выносить что либо земное за предѣлы земного міра, которымъ оно было порождено въ нашей душѣ, они чувствуютъ несостоятельность обоихъ представленій въ той формѣ, въ какой они ихъ первоначально восприняли, они уже не въ состояніи живо возсоздавать ихъ, и потому эти представленія исчезаютъ отъ нихъ. Но этимъ не высказывается ни положительное невѣріе, ни даже положительное сомнѣніе; когда эта дѣтская форма, образующая какъ бы извѣстный чувственный коэффиціентъ, исчезаетъ, то въ душѣ остается неизвѣстная величина, какъ нѣчто, коэффиціентомъ чего была эта форма, и значеніе ея обнаруживается въ стремленіи соединить ее съ какимъ либо инымъ представленіемъ и тѣмъ поднять ее до болѣе высокаго и реальнаго сознанія. Но въ этомъ стремленіи уже по существу дана вѣра, даже если бы никогда не осуществилось рѣшеніе, удовлетворяющее строгому размышленію. Ибо эта неизвѣстная величина, хотя и не проявляясь сама по себѣ въ опредѣленномъ значеніи, соучаствуетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ духа. Такимъ образомъ, авторъ былъ весьма далекъ отъ желанія намекнуть въ этихъ словахъ, что было по крайней мѣрѣ время, когда онъ былъ невѣрующимъ или атеистомъ; его могли ложно истолковать въ этомъ смыслѣ лишь тѣ, кто никогда не испытывалъ умозрительнаго стремленія уничтожить антропоморфизмъ въ представленіи высшаго существа,—стремленія, которое самымъ опредѣленнымъ образомъ высказываютъ наиболѣе глубокомысленные учителя христіанской церкви.

3) Стр. 10. Не слѣдуетъ забывать, что это строгое сужденіе объ англійскомъ народѣ, съ одной стороны, относится къ эпохѣ, когда могло казаться умѣстнымъ выступить съ рѣшительной строгостью, допускаемой риторической формой изложенія, противъ распространяющейся англоманіи, и что, съ другой стороны, въ то время большой народный интересъ къ миссіонерству и къ распространенію Библіи еще не обнаружился въ Англіи настолько, какъ теперь. Но я не могъ бы изъ за указанныхъ явленій взять назадъ многое изъ своего прежняго сужденія. Ибо, во-первыхъ, тамъ такъ велика привычка основывать крупныя начинанія на органическомъ соединеніи силъ частныхъ лицъ, и достигаемые на этомъ пути результаты настолько велики, что и лица, которыя серьезно интересуются только прогрессомъ культуры и пріобрѣтаемой отъ нея выгодой, все же не уклоняются отъ участія въ этихъ предпріятіяхъ, исходившихъ первоначально отъ небольшого числа истинно благочестивыхъ людей, уже для того, чтобы не ослаблять принципа. Кромѣ того, нельзя также отрицать, что весьма многіе смотрятъ сами на эти предпріятія скорѣе съ политической или меркантильной точки зрѣнія. Что здѣсь не преобладаетъ чистый интересъ христіанскаго благочестія, это ясно уже изъ того, что лишь гораздо позже и, повидимому, съ меньшимъ успѣхомъ, англичане начали удовлетворять у себя дома назрѣвшія потребности религіознаго интереса. Но этимъ я хочу лишь намѣтить основанія своей вѣры, что болѣе точное изслѣдованіе

состоянія религіозности въ Англіи скорѣе подтвердило бы, чѣмъ опровергло развитое выше сужденіе. И то же примѣнимо къ тому, что было сказано о научномъ духѣ.—Такъ какъ Франція и Англія были тогда странами, которыя почти исключительно насъ интересовали, и которыя однѣ лишь оказывали большое вліяніе на Германію, то казалось излишнимъ соотвѣтственнымъ образомъ обозрѣть и иныя области. Теперь было бы пожалуй умѣстно сказать нѣсколько словъ и о воспріимчивости къ подобнымъ изслѣдованіямъ въ области греческой церкви, именно что тамъ—какой бы нѣжный покровъ ни набрасывали на это неудачныя, ослѣпляющія восхваленія Стурдзы— все болѣе глубокое вымерло въ механизмѣ устарѣлыхъ обрядовъ и литургическихъ формулъ, и что эта церковь во всемъ, что важнѣе всего для души, расположенной къ размышленію, стоитъ еще далеко позади католической.

4) Стр. 19. Если благочестивой душой, о которой безспорно здѣсь идетъ рѣчь, повсюду называется душа, отдающаяся Богу, здѣсь же вмѣсто Бога поставлена вселенная,—то въ этомъ мѣстѣ совершенно очевиденъ пантеизмъ автора. Таково нерѣдкое—не толкованіе—а перетолковываніе поверхностныхъ и притомъ подозрительныхъ читателей, которые не приняли во вниманіе, что здѣсь рѣчь идетъ о созиданіи свѣта и тепла въ подобной душѣ, т. е. о всякомъ возникновеніи такихъ благочестивыхъ душевныхъ движеній, которыя непосредственно переходятъ въ религіозныя представленія и воззрѣнія (свѣтъ) и въ душевное состояніе сліянія съ Богомъ (тепло),—и что поэтому было цѣлесообразно указать на способъ возникновенія такихъ душевныхъ движеній. Но они возникаютъ тогда, когда человѣкъ отдается вселенной, и, слѣдовательно, привычны лишь въ сознаніи, въ которомъ привычна это саморастворѣніе. Ибо не только вообще, но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы воспринимаемъ Бога и Его вѣчную силу и божественность въ плодахъ творенія, и не только въ томъ или иномъ отдѣльномъ явленіи, взятомъ обособленно, но и поскольку оно включается въ всеединство, въ которомъ одномъ лишь непосредственно открывается Божество. Дальнѣйшее развитіе этой моей мысли можно прочитать въ моей „Христіанской вѣрѣ“, § 8, 2 и § 36, 1, 2 [1]).

5) Стр. 21. Когда утверждается, что государство не было бы правовымъ состояніемъ, если бы оно покоилось на религіи, то этимъ отнюдь не говорится, что государство, пока оно еще до нѣкоторой степени шатко и несовершенно, можетъ обойтись безъ благочестія, которое есть всеобщее восполненіе всего недостаточнаго и несовершеннаго. Но вѣдь это допуще-

[1]) Точное заглавіе цитируемаго здѣсь и ниже позднѣйшаго сочиненія Шлейермахера таково: „Der christliche Glaube nach den Grundsätzen der evangelischen Kirche im Zusammenhang dargestellt“, 2 т. 1821—22, второе изд. 1831—32 („Христіанская вѣра по принципамъ евангелической церкви, въ систематическомъ изложеніи“). Ниже это сочиненіе цитируется подъ сокращеннымъ заглавіемъ „Вѣроученіе“. *Прим. пер.*

ніе означаетъ только, что религіозность подданныхъ государства политически необходима въ той мѣрѣ, въ какой они еще не всѣ равномѣрно и достаточно проникнуты особымъ правовымъ началомъ государства. Если бы это когда либо случилось—что, правда, немыслимо по человѣческимъ условіямъ,—то государство, поскольку оно имѣетъ въ виду лишь свою опредѣленную сферу дѣятельности, должно было бы дѣйствительно умѣть обходиться безъ религіозности своихъ членовъ. Что дѣло обстоитъ именно такъ, это видно также изъ того, что тѣ государства, въ которыхъ правовое состояніе еще не вполнѣ одержало верхъ надъ произволомъ, отчасти болѣе всего подчеркиваютъ отношеніе благоговѣнія между правящими и управляемыми, отчасти же принимаютъ вообще наибольшее участіе въ религіозныхъ учрежденіяхъ; но чѣмъ болѣе укрѣпляется правовое состояніе, тѣмъ болѣе отступаютъ оба эти явленія, если только послѣднее не имѣетъ спеціальныхъ историческихъ основаній. — Если же далѣе (стр. 21) говорится, что государственные люди должны умѣть возбуждать въ людяхъ правосознаніе, то это, конечно, должно показаться смѣшнымъ всякому, кто при этомъ думаетъ о служителяхъ государства. Но слово „государственный человѣкъ“ здѣсь берется въ смыслѣ античнаго πολιτικος, и при этомъ разумѣется не столько то, что кто либо выполняетъ въ государствѣ опредѣленную службу — что совершенно случайно, — сколько то, что кто либо преимущественно живетъ идеей государства. И темныя эпохи, къ которымъ насъ вернуло бы обсуждаемое допущеніе, суть теократическія эпохи. Я въ то время намекнулъ на это главнымъ образомъ потому, что Новалисъ, въ остальныхъ отношеніяхъ, впрочемъ, внутренне близкій мнѣ, хотѣлъ снова возвеличить теократію. Но теперь я всецѣло проникнутъ убѣжденіемъ, что одна изъ существенныхъ тенденцій христіанства состоитъ въ совершенномъ отдѣленіи церкви отъ государства; и столь же мало, какъ къ указанному прославленію теократіи, я могу примкнуть къ противоположному мнѣнію, что церковь должна постепенно все болѣе раствориться въ государствѣ.

6) Стр. 22. Я не хотѣлъ использовать преимущества ораторской рѣчи такъ, чтобы съ самаго начала сказать презирающимъ религію, что благочестіе стоитъ выше нравственности и права. Кромѣ того, въ этомъ мѣстѣ для меня было несущественно подчеркнуть приматъ, который, по моему убѣжденію, раздѣляютъ между собой благочестіе и научное умозрѣніе, и который присущъ обоимъ тѣмъ болѣе, чѣмъ тѣснѣе они связаны между собой. Развитіе этой мысли почитатели религіи найдутъ въ моемъ „Вѣроученіи“. Здѣсь же я долженъ защитить сказанное о равномъ значеніи, присущемъ нравственности и праву въ человѣческой природѣ наряду съ благочестіемъ. Правда, въ первыхъ двухъ не содержится непосредственное соединеніе человѣка съ высшимъ существомъ, и постольку послѣднее возвышается надъ ними. Но и первые два начала столь же существенно обусловливаютъ выдающееся и своеобразное въ человѣческой природѣ, и

притомъ въ качествѣ такихъ функцій послѣдней, которыя не могутъ быть въ свою очередь подведены подъ иныя, болѣе высокія функціи; и постольку они занимаютъ равное мѣсто съ благочестіемъ. Ибо человѣкъ столь же мало мыслимъ безъ нравственныхъ задатковъ или безъ стремленія къ правовому состоянію, сколь и безъ задатка къ благочестію.

Поясненія ко второй рѣчи.

1) Стр. 32. При риторическомъ характерѣ этой книги, и такъ какъ вѣдь этотъ вопросъ нельзя было здѣсь развить подробнѣе, было бы позволительно сказать это съ еле замѣтнымъ оттѣнкомъ ироніи—и какъ легко читатель могъ бы подмѣтить ее въ этихъ словахъ!—, даже если бы мое мнѣніе дѣйствительно сводилось къ тому, что сама религія есть это возстановленное единство знанія. Тогда эти слова означали бы лишь, что я не хотѣлъ навязывать этого убѣжденія моимъ противникамъ, такъ какъ я хотя и могъ бы побѣдоносно отстоять его въ другомъ мѣстѣ и подъ иной формой, но только именно не здѣсь. Поэтому мнѣ кажется необходимымъ спеціально оградить себя отъ такого толкованія, тѣмъ болѣе, что многіе богословы ставятъ теперь, повидимому, дѣло такъ, какъ если бы религія—но, впрочемъ, не религія вообще, а только христіанская религія—дѣйствительно была высшимъ знаніемъ, и какъ будто она не только по достоинству, но и по формѣ была тождественна метафизическому умозрѣнію, и притомъ такъ, что она есть самое удачное и превосходное умозрѣніе и что всякое иное умозрѣніе, не приходящее къ тѣмъ же результатамъ и неспособное, напримѣръ, дедуцировать тріединство, несостоятельно. Съ этимъ въ извѣстномъ смыслѣ стоитъ въ связи утвержденіе другихъ, что несовершенныя и въ особенности политеистическія религіи даже по общему своему характеру не однородны съ христіанской. То и другое я долженъ спеціально отклонить отъ себя; что касается послѣдняго, то я и въ дальнѣйшихъ частяхъ этой книги, и въ введеніи къ моему Вѣроученію стараюсь показать, что и самыя несовершенныя формы религіи все же имѣютъ одинъ и тотъ же родовой характеръ. Что же касается перваго, то если философъ, какъ таковой, готовъ попытаться доказать троичность высшаго существа, то пусть онъ дѣлаетъ это на собственный рискъ; я же съ своей стороны буду тогда утверждать, что эта троичность не есть наша, христіанская, и, что, такъ какъ она есть умозрительная идея, ея источникъ находится въ иномъ мѣстѣ души, чѣмъ наше христіанское представленіе тріединства. Но если бы религія была дѣйствительно высшимъ знаніемъ, то и научный методъ былъ бы единственнымъ цѣлесообразнымъ пріемомъ ея распространенія, и самой религіи можно было бы обучиться, чего никогда никто не утверждалъ, и былъ бы рядъ ступеней между философіей, не приводящей къ этимъ результатамъ, и нашимъ христіанскимъ богословіемъ; за этой фило-

софіей слѣдовала бы религія неученыхъ христіанъ, которыя въ качествѣ πίστις, была бы несовершеннымъ родомъ обладанія высшимъ знаніемъ, и наконецъ богословіе, которое, въ качествѣ γνῶσις, было бы совершеннымъ родомъ этого знанія и стояло бы наверху, и ни одно изъ трехъ не было бы совмѣстимо съ другимъ. Но этого я совершенно не могу допустить и именно потому не могу считать религію высшимъ знаніемъ и вообще знаніемъ; и потому я долженъ также вѣрить, что то, что у профана-христіанина менѣе совершенно, чѣмъ у богослова, и что очевидно есть знаніе, не тождественно съ самой религіей, а есть лишь нѣчто, примыкающее къ ней.

2) Стр. 40. Въ риторическомъ изложеніи вообще не требуются строгія опредѣленія, и въ немъ позволительно замѣнять ихъ описаніями; поэтому вся эта рѣчь есть лишь подробное описаніе, перемѣшанное съ полемикой противъ иныхъ, ошибочныхъ, по моему убѣжденію, представленій, т.-е. описаніе, главные признаки котораго разбросаны и отчасти неизбѣжно повторяются въ различныхъ мѣстахъ подъ различными выраженіями. Эту измѣнчивость словеснаго выраженія, которою каждый разъ освѣщается новая сторона дѣла и которую—если различныя формы согласуются между собой и могутъ быть сведены одна къ другой,—я нахожу цѣлесообразной и въ болѣе научномъ изложеніи, чтобы избѣгнуть опасныхъ дѣйствій слишкомъ неподвижной терминологіи—эта измѣнчивость казалась мнѣ наиболѣе умѣстной въ этой манерѣ письма. Такъ, здѣсь быстро чередуются три различныхъ выраженія для одного понятія. Въ первомъ относящемся сюда мѣстѣ о религіи говорится, что черезъ нее въ насъ непосредственно живетъ общее бытіе всего конечнаго въ безконечномъ, а на страницѣ 39 сказано, что религія есть чувство и вкусъ къ безконечному. Чувство же есть способность воспріятія и ощущенія и здѣсь означаетъ послѣднее; поэтому въ первыхъ изданіяхъ вмѣсто „чувства и вкуса“ стояло внѣшне не совсѣмъ точное выраженіе „ощущеніе и вкусъ“. Но что я воспринимаю или ощущаю, то отпечатлѣвается во мнѣ, и именно это я называю жизнью предмета въ насъ. Безконечное же, подъ чѣмъ я разумѣю не что либо неопредѣленное, а безконечность бытія вообще, мы не можемъ осознать непосредственно или черезъ самихъ себя, а всегда лишь черезъ посредство конечнаго, когда наше міраполагающее и ищущее устремленіе ведетъ насъ отъ единичнаго и частнаго къ всеобщему и цѣлому. Такимъ образомъ, чувство безконечнаго и непосредственная жизнь въ насъ конечнаго, поскольку оно содержится въ безконечномъ, есть одно и то же. Но если въ первомъ выраженіи наряду съ чувствомъ упоминается „вкусъ“, а въ послѣднемъ подчеркивается всеобщее бытіе всего конечнаго въ безконечномъ, то опять-таки оба дополненія по существу равнозначны. Ибо имѣть вкусъ къ чему-либо—это предполагаетъ, кромѣ чувства, какъ простой способности, еще охоту къ тому, и именно эта охота или потребность осознавать черезъ все конечное не только само конечное, но и безконечное, и есть то, въ силу чего религі-

ожный человѣкъ находитъ всюду это бытіе конечнаго въ безконечномъ. Нѣчто подобное этому сказано уже на страницѣ 36, гдѣ только въ общей связи выраженіе „размышленіе“ должно браться въ широкомъ смыслѣ, т.-е. подъ нимъ должно разумѣться не только собственно умозрѣніе, но и всякое, отрѣшенное отъ внѣшней дѣятельности духовное возбужденіе.—Болѣе всего здѣсь вѣроятно поразитъ большинство читателей то, что безконечное бытіе есть здѣсь, повидимому, не высшее существо, какъ причина міра, а самъ міръ. Такихъ читателей я прошу сообразить, что въ такомъ состояніи неизбѣжно ощущаешь вмѣстѣ съ тѣмъ и Бога, и я предлагаю имъ попытаться представить себѣ міръ, какъ всеединство, безъ Бога. Поэтому я остановился здѣсь на первомъ, ибо иначе вмѣстѣ съ самой идеей легко выступила бы опредѣленная форма представленія, и, слѣдовательно, было бы вынесено рѣшеніе или по крайней мѣрѣ дана критика различныхъ способовъ мыслить Бога и міръ совмѣстно или раздѣльно,—что совсѣмъ не относится сюда и привело бы къ вредному ограниченію кругозора.

3) Стр. 42. Это мѣсто о покойномъ Новалисѣ присоединено лишь во второмъ изданіи, и многіе, вѣроятно, удивились этому сопоставленію, такъ какъ имъ неясно ни непосредственное сходство обоихъ умовъ, ни то, что отношеніе одного изъ нихъ къ искусству имѣетъ столь же образцовое значеніе, какое имѣетъ отношеніе другого, по моему мнѣнію, къ наукѣ. Однако это слишкомъ индивидуально и потому можетъ быть только намѣчено, и я не могъ ради весьма проблематическаго результата чрезмѣрно расширять позднѣйшую вставку и тѣмъ разрушить пропорціональность рѣки. По тому же основанію я не могу пускаться и здѣсь въ болѣе подробное обсужденіе, уже въ силу того, что за эти 15 лѣтъ повидимому опять ослабѣло вниманіе къ Спинозѣ, которое подъ вліяніемъ сочиненій Якоби и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ толчковъ было еще довольно живо при появленіи этой книги, а также что Новалисъ многимъ сталъ снова чуждымъ. Но въ то время упоминаніе это казалось мнѣ значительнымъ и важнымъ. Ибо въ то время многіе въ плоской поэзіи заигрывали съ религіей и думали этимъ походить на глубокомысленнаго Новалиса, и было достаточно любителей всеединства, о которыхъ полагали или которые сами полагали, что они идутъ путемъ Спинозы, отъ котораго они были, пожалуй, еще болѣе далеки, чѣмъ упомянутые стихотворцы—отъ Новалиса. И поклонники трезвости столь же усердно обзывали Новалиса туманнымъ мистикомъ, какъ поклонники буквы обзывали Спинозу безбожнымъ. Протестовать противъ послѣдняго было моей обязанностью, такъ какъ я хотѣлъ измѣрить всю область благочестія. Вѣдь въ изложеніи моего воззрѣнія недоставало бы чего то весьма существеннаго, если бы я не упомянулъ гдѣ-либо, что умонастроеніе и душевный складъ этого великаго человѣка кажутся мнѣ также проникнутыми благочестіемъ, хотя это и не есть христіанское благочестіе. И все же я не рѣшаюсь утверждать, какую бы форму оно приняло, если бы въ его время христіанство не было столь неузнаваемо замаскировано сухими форму-

лами и пустымъ хитроумiемъ, что нельзя было и ожидать отъ посторонняго, что онъ можетъ полюбить въ немъ небесный образъ. Это я и сказалъ въ первомъ изданіи, хотя и нѣсколько по юношески, но все же такъ, что и теперь не нахожу нужнымъ измѣнить что-либо, такъ какъ нѣтъ основанія думать, что я хотѣлъ приписать Спинозѣ святой духъ въ своеобразно христіанскомъ смыслѣ слова. Могъ ли я ожидать того, что случилось, именно что мое признаніе Спинозы религіознымъ человѣкомъ привело къ объявленію меня самого спинозистомъ, хотя я никоимъ образомъ не защищалъ его системы и хотя то, что есть философскаго въ моей книгѣ, совершенно не согласуется съ своеобразіемъ его воззрѣній, которыя имѣютъ вѣдь совсѣмъ иное средоточіе, чѣмъ общее столь многимъ признаніе единства субстанціи. И даже Якоби въ своей критикѣ менѣе всего коснулся самаго своеобразнаго у Спинозы. Но когда я опомнился отъ этого оглушенія и мнѣ непосредственно уяснилась приведенная мною теперь параллель, то, имѣя въ виду общеизвѣстное тяготѣніе Новалиса въ нѣкоторыхъ пунктахъ къ католицизму, я почти съ увѣренностью ожидалъ, что моя похвала его искусству послужитъ основаніемъ для обвиненія меня и въ его религіозномъ уклоненіи,—наряду съ спинозизмомъ, которому я будто бы сочувствую, такъ какъ я прославлялъ благочестіе Спинозы; и я не понимаю, почему это мое ожиданіе не оправдалось.

4) Стр. 47. Вѣроятно даже среди тѣхъ немногихъ, которые готовы допустить, что религія по своему источнику есть возбужденное въ высшемъ направленіи чувство, найдется достаточно лицъ, которымъ покажется чрезмѣрнымъ утвержденіе, что всѣ здоровыя чувства религіозны или по крайней мѣрѣ должны быть таковыми, чтобы не быть болѣзненными; вѣдь если даже допустить это въ отношеніи всѣхъ общительныхъ чувствъ, то непонятно, какъ можно найти благочестіе во всѣхъ чувствахъ, которыя влекутъ людей къ духовнымъ, и тѣмъ паче къ чувственнымъ наслажденіямъ жизнью. И все же я не могу лишить это утвержденіе его всеобщаго характера, и отнюдь не хочу, чтобы въ немъ усмотрѣли риторическое преувеличеніе. Чтобы хоть въ одномъ пунктѣ уяснить прочное основаніе моего утвержденія, укажу на слѣдующее: протестантизмъ очевидно не можетъ полно и послѣдовательно утверждать семейственность духовенства противъ угрюмаго ученія о преимущественной святости безбрачія, если онъ не признаетъ и не докажетъ, что и брачная любовь, а слѣдовательно и предшествующее ей естественное сближеніе половъ по природѣ вещей не абсолютно чужды религіозному состоянію духа, а что это имѣетъ мѣсто лишь по мѣрѣ того, какъ къ чувству примѣшивается нѣчто болѣзненное и—чтобы окончательно заострить вопросъ—именно склонность къ вакхическому изступленію и нарциссическому безумію. Согласно этой аналогіи, я полагаю, можно будетъ то же самое показать и въ отношеніи каждой области чувства, въ которой мы привыкли не находить непосредственнаго противорѣчія нравственности.—Но если на основаніи этого мѣста изъ него непосредственно вы-

водится, что какъ всѣ истинно человѣческія чувства принадлежатъ къ религіозной области, такъ, съ другой стороны, всѣ понятія и всякаго рода принципы чужды ей,—то это сопоставленіе казалось мнѣ удобнымъ случаемъ показать, какъ я понимаю послѣднее, и какъ въ этомъ отношеніи религія сама по себѣ должна быть строго отдѣлена отъ того, что къ ней примыкаетъ. Вѣдь и тѣ чувства, которыя обычно отдѣляютъ отъ религіозной области, нуждаются въ понятіяхъ, чтобы быть выраженными и сообщаться другимъ, безъ чего вѣдь они не могутъ обойтись, и въ принципахъ для выраженія ихъ правильной мѣры; но эти принципы и понятія не принадлежатъ къ самимъ чувствамъ. Также обстоитъ дѣло съ догматической и аскетической стороной религіи, какъ это далѣе изъясняется.

5) Стр. 50. Для пониманія всего моего воззрѣнія мнѣ важнѣе всего, чтобы читатели могли по содержанію вполнѣ согласовать два столь разнородныхъ по формѣ и исходящихъ изъ столь различныхъ точекъ зрѣнія изложенія, какъ эти рѣчи и моя „Христіанская вѣра“. Однако было невозможно снабдить съ этой цѣлью предлагаемыя рѣчи полнымъ комментаріемъ, и я долженъ ограничиться отдѣльными намеками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ могу предполагать, что кто-либо найдетъ кажущееся противорѣчіе или по крайней мѣрѣ недостаточную согласованность. Такъ, быть можетъ, не каждый найдетъ представленное здѣсь описаніе, что въ основѣ всѣхъ религіозныхъ возбужденій лежитъ дѣйствіе вещей на насъ, согласующимся съ проникающимъ все вѣроученіе объясненіемъ, что сущность религіозныхъ возбужденій состоитъ въ чувствѣ абсолютной зависимости; дѣло однако въ слѣдующемъ. И тамъ допускается, что это чувство можетъ дѣйствительно возникнуть въ насъ лишь въ связи съ дѣйствіемъ на насъ отдѣльныхъ вещей; а о томъ, какъ и въ какомъ смыслѣ отдѣльныя вещи пробуждаютъ въ насъ это чувство,—объ этомъ и здѣсь идетъ рѣчь. Но если вещи въ своемъ воздѣйствіи на насъ воспринимаются нами, только какъ отдѣльныя, то возникаетъ лишь опредѣленность чувственнаго самосознанія, которая и въ вѣроученіи была постулирована, какъ субстратъ религіознаго возбужденія. Но ко всему единичному, будь оно мало или велико, наша отдѣльная жизнь становится въ отношеніе противодѣйствія, и потому не возникаетъ чувство зависимости, или оно возникаетъ лишь случайно, если противодѣйствіе не равносильно дѣйствію. Если же единичное дѣйствуетъ на насъ не какъ таковое, а какъ часть цѣлаго,—что основано исключительно на настроеніи и направленіи нашего духа—и если оно, такимъ образомъ, въ своемъ воздѣйствіи на насъ есть лишь какъ бы проходной пунктъ для цѣлаго, то намъ представляется, что и наше противодѣйствіе опредѣлено тѣмъ же и на тотъ же ладъ, какъ и само дѣйствіе, и наше состояніе можетъ тогда быть только чувствомъ абсолютной зависимости въ этой опредѣленности. И здѣсь обнаруживается, что обѣ формы изложенія одинаково не допускаютъ раздѣленія между Богомъ и міромъ Ибо мы чувствуемъ себя зависимыми отъ цѣлаго не поскольку оно соста-

влено изъ взаимно обусловливающихъ частей, къ числу которыхъ вѣдь принадлежимъ и мы сами, а поскольку въ основѣ этой связи лежитъ единство, обусловливающее все, и въ томъ числѣ также наше отношеніе ко всѣмъ остальнымъ частямъ; и только при этомъ же условіи единичное, какъ это здѣсь указывается, можетъ восприниматься, какъ выраженіе безконечнаго, причемъ его противоположность всему остальному совершенно погашается.

6) Стр. 52. Подъ миѳологіей я именно разумѣю изложеніе чисто идеальнаго предмета въ исторической формѣ; и потому мнѣ кажется, что, по аналогіи съ политеистической миѳологіей, мы имѣемъ и монотеистическую и христіанскую миѳологію. И для этого совсѣмъ не нужны бесѣды между собой божественныхъ личностей, какъ онѣ встрѣчаются въ поэмѣ Клопштока и еще кое-гдѣ; но и въ болѣе строгой формѣ ученія, гдѣ что-либо изображается, какъ происходящее въ божественномъ существѣ, напримѣръ, божественныя рѣшенія, которыя предпринимаются въ связи съ какимъ-либо событіемъ въ мірѣ или съ цѣлью модифицировать иныя рѣшенія, которыя слѣдовательно, какъ бы имѣли мѣсто раньше; не говоря уже объ отдѣльныхъ божественныхъ рѣшеніяхъ, въ которыхъ реализуется понятіе Бога, внемлющаго молитвѣ. И точно такъ же изображенія многихъ свойствъ Божества имѣютъ эту историческую форму и, слѣдовательно, миѳологичны. Божественное милосердіе, напримѣръ, въ той формѣ, въ которой обычно берется это понятіе, имѣетъ смыслъ, лишь если отдѣлять божественную волю, которая смягчаетъ страданіе, отъ той, которая его причинила; ибо, если считать ту и другую единой, то одна не есть даже граница другой, а скорѣе божественная воля, осуждающая на страданія, назначаетъ опредѣленную мѣру послѣдняго, и тогда совершенно устраняется понятіе милосердія. Также и въ понятіи правдивости Бога раздѣляется обѣщаніе отъ выполненія; и оба вмѣстѣ выражаютъ историческій процессъ. Ибо если считать дѣятельность обѣтованія тождественной съ той, черезъ которую полагается дѣйствительное выполненіе, то понятіе божественной правдивости имѣетъ смыслъ, лишь поскольку нѣкоторыя божественныя дѣятельности связаны или не связаны съ высказываніемъ, и въ этомъ различіи тоже выражена исторія. Но если вообще разсматривать творческую дѣятельность и ея выраженіе, какъ нѣчто единое, то особое понятіе божественной правдивости врядъ ли найдетъ себѣ мѣсто. И то же можно было бы показать относительно многаго иного. Я отнюдь не хочу порицать этимъ обозначеніемъ такое описаніе само по себѣ; напротивъ, я знаю его необходимость, ибо иначе нельзя говорить о предметѣ такъ, чтобы было передано различіе между болѣе правильнымъ и менѣе правильнымъ. И пользованіе имъ въ научномъ изложеніи религіи не связано съ какими-либо опасностями, потому что здѣсь твердо стоитъ задача отвлечься отъ исторической и вообще временной формы; и столь же необходимо оно въ области религіозной поэзіи и религіознаго краснорѣчія, гдѣ имѣешь дѣло съ единомышленниками, для которыхъ высшая цѣнность такого описанія состоитъ въ томъ, что черезъ

него сообщаются и воспроизводятся ихъ религіозныя настроенія, причемъ исправленіе недостаточныхъ выраженій дано уже само собой. Но я порицаю его, какъ пустую миѳологію, когда оно само по себѣ признается подлиннымъ познаніемъ, и когда то, къ чему мы прибѣгаемъ по нуждѣ за отсутствіемъ лучшаго, выдается за сущность религіи.

7) Стр. 55. Если о системѣ обозначеній, которая въ своей совершеннѣйшей формѣ образуетъ богословскій догматъ, говорится, что она скорѣе опредѣляется внѣшними условіями, чѣмъ проистекаетъ изъ самой религіозности, то этимъ отнюдь не возрождается столь часто повторяемое, противорѣчащее всему историческому пониманію утвержденіе, что религіозныя движенія, черезъ посредство которыхъ въ христіанствѣ было опредѣлено множество важнѣйшихъ понятій, произошли лишь случайно и часто были обусловлены совершенно посторонними интересами. Нѣтъ, я хотѣлъ напомнить лишь о томъ, что развито и въ моемъ введеніи въ вѣроученіе, именно что образованіе понятій и въ этой области зависитъ отъ господствующаго языка и отъ степени и характера его научнаго развитія; и сюда естественно включается и характеръ философствованія. Но и это для религіи, какъ таковой, суть внѣшнія условія, и слѣдовательно, отвлекаясь отъ общей божественной связи всѣхъ вещей, можно сказать, что остается мыслимымъ, что и христіанство, сохраняя неизмѣнной свою сущность, было бы выражено въ совсѣмъ иной догматической формѣ, если бы, напримѣръ, оно ранѣе пріобрѣло болѣе широкое распространеніе преимущественно на востокѣ, и еслибы, напротивъ, былъ оттѣсненъ эллинскій и западный элементъ.

8) Стр. 56. И это мѣсто легко можетъ дать поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ. Что касается, прежде всего, противоположности между истинной и ложной религіей, то я сошлюсь на то, что развито въ моемъ Вѣроученіи (2-ое изд., § 7 и 8), и здѣсь добавлю лишь, что въ религіозной области не только заблужденіе возможно также лишь на почвѣ истины, но и что по праву можно сказать, что религія каждаго человѣка есть его высшая истина; иначе заблужденіе въ ней было бы не просто заблужденіемъ, а лицемѣріемъ. Если это такъ, то можно по праву сказать, что въ религіи непосредственно все истинно, такъ какъ въ ея отдѣльныхъ моментахъ высказывается не что иное, какъ собственное душевное состояніе вѣрующаго. И съ тѣмъ же правомъ о всѣхъ формахъ религіознаго общенія можно сказать, что онѣ хороши, ибо въ нихъ отлагается все лучшее въ каждомъ человѣкѣ. Но какъ мало ущербу это наноситъ превосходству одной формы вѣры надъ другой, такъ какъ именно одна изъ нихъ можетъ выражать лучшее душевное состояніе, и въ одной формѣ религіознаго общенія можетъ содержатся больше духовной силы и любви,—это также отчасти непосредственно развито тамъ, отчасти же легко можетъ быть выведено изъ сказаннаго.—Что здѣсь отвергается мысль о всеобщности какой либо отдѣльной религіи и утверждается, что лишь совокупность всѣхъ религій исчерпываетъ весь объемъ ея духовнаго содержанія,—это также отнюдь не

выражаетъ сомнѣнія, что христіанство можетъ распространиться среди всего человѣческаго рода, хотя у многихъ племенъ этому должны предшествовать существенныя измѣненія этой величайшей изъ всѣхъ человѣческихъ религій; и столь же мало это выражаетъ желаніе, чтобы другія формы религіи навсегда сохранились наряду съ христіанствомъ. Вѣдь, напримѣръ, вліяніе іудейства и эллинскаго язычества втеченіе долгаго времени прорывалось въ бурныхъ и борющихся между собой движеніяхъ, такъ что то и другое еще проявлялось въ христіанствѣ и, слѣдовательно, сохранилось въ исторіи христіанства; и то же самое случилось бы, если бы христіанство нѣкогда восприняло въ себя сферу всѣхъ остальныхъ великихъ формъ религіи; такимъ образомъ, объемъ всей религіозной области не былъ бы этимъ втиснутъ въ болѣе узкія границы, но всѣ остальныя религіи можно было бы исторически усмотрѣть въ составѣ христіанства. Что же касается перваго, то въ связи изложенія ясно, что лишь въ отношеніи противоположности между истиннымъ и ложнымъ отрицается универсальность какой либо религіи, именно въ томъ смыслѣ, будто все, что существовало и существуетъ внѣ ея, вообще нельзя называть религіей. Такъ же слѣдуетъ понимать и дальнѣйшее, именно что каждый подлинно благочестивый человѣкъ охотно признаетъ, что въ другихъ формахъ религіи можетъ содержатся нѣчто, недоступное его религіозному чувству. Вѣдь если бы даже христіанство вытѣснило всѣ другія области религіи, такъ что онѣ лишь исторически отражались бы въ немъ самомъ, то не всякому было бы доступно все, что именно этимъ было бы вложено въ само христіанство; ибо, какъ и теперь, христіанство всѣхъ христіанскихъ народовъ никогда не будетъ совершенно одинаковымъ. И если, слѣдовательно, теперь никто не имѣетъ одинаковаго пониманія всего христіанства, то онъ не имѣетъ и пониманія всего того въ другихъ религіяхъ, что содержитъ въ себѣ зародышъ грядущаго оттѣнка христіанства.

9) Стр. 57. Еще и теперь существуютъ христіанскіе богословы—а когда я впервые писалъ это, они были гораздо многочисленнѣе,—которые отвергаютъ все дѣло христіанской догматики и полагаютъ, что христіанство развивалось бы здоровѣе и пріобрѣло бы болѣе свободную и прекрасную форму, если бы никогда не возникла мысль изложить христіанскія представленія въ законченной системѣ; поэтому они и стремятся всѣми силами ослабить и разорвать эту систематическую связь и представить христіанское вѣроученіе, лишь какъ собраніе монографій, какъ случайно возникшій аггерегатъ отдѣльныхъ положеній весьма не равной цѣнности. Однако, я уже тогда былъ далекъ отъ согласія съ этими людьми, въ добрыхъ намѣреніяхъ которыхъ я, впрочемъ, не хочу сомнѣваться. И потому было бы большимъ недоразумѣніемъ, если бы кто либо подумалъ, что приведенныя въ текстѣ нападки на страсть къ системамъ не могутъ совмѣщатся съ стремленіемъ привести въ возможно болѣе точную связь изложеніе христіанской вѣры. Ибо страсть къ системамъ есть только болѣзненное вырожденіе этого по-

хвальнаго и плодотворнаго стремленія; и отсюда слѣдуетъ лишь, что наилучшая форма систематизаціи религіозныхъ представленій есть та, которая, съ одной стороны, не выдаетъ представленія и понятія за первичное и конституирующее въ этой области и, съ другой стороны,—чтобы буква не омертвѣла и не убила духа—обезпечиваетъ жизненную подвижность понятія и не только готова терпѣть своеобразіе и различіе въ предѣлахъ общаго единомыслія, но даже пытается обосновать его. Если всякій долженъ признать это главной чертой моего изложенія христіанской вѣры, то я смѣю думать, что нахожусь въ полномъ согласіи съ самимъ собой.

10) Стр. 58. Это мѣсто, какъ я хорошо вижу, можетъ возбудить тяжкія недоумѣнія въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, то, что я предпочитаю языческій Римъ за его безграничный религіозный синкретизмъ христіанскому, и называю послѣдній, по сравненію съ первымъ, безбожнымъ; и во-вторыхъ, что я осуждаю отлученіе еретиковъ, тогда какъ я вѣдь самъ признаю извѣстныя воззрѣнія еретическими и даже пытаюсь систематизировать еретичество. Я начну съ послѣдняго, какъ болѣе глубокаго и для меня болѣе существеннаго. Мнѣ представляется невозможнымъ найти здравый догматическій пріемъ, если не исходить изъ попытки установить для опредѣленія христіанства такую формулу, примѣненіе которой позволяло бы изъ каждой точки абсциссы отрѣзать ординату и, такимъ образомъ, черезъ приближеніе описать объемъ христіанскихъ представленій; и отсюда, конечно, слѣдуетъ, что все, лежащее за предѣлами этого объема, и однако притязающее на названіе христіанства, должно быть именно тѣмъ, что издавно звалось въ христіанской церкви еретичествомъ. Я не могъ, слѣдовательно, обойтись безъ установленія этого понятія въ догматикѣ, и желалъ бы, чтобы моя цѣль при этомъ была достигнута возможно полнѣе. Однако, это опредѣленіе предмета не имѣетъ ничего общаго съ практическимъ отношеніемъ къ лицамъ. Ибо что въ спорѣ съ чужимъ мнѣніемъ и при защитѣ собственнаго мнѣнія человѣкъ легко можетъ случайно употребить еретическія выраженія, не разумѣя при этомъ чего либо еретическаго,—это ясно само собой, и я подробно высказался объ этомъ въ „Вѣроученіи“, § 22, 3 и приложеніе, и § 25 прилож. А съ тѣхъ поръ, какъ многими въ евангелической церкви было высказано желаніе въ разумной формѣ возродить старую церковную дисциплину, чтобы христіанской общинѣ была дана возможность ограничивать свое общеніе съ тѣми, кто своей жизнью отрицаетъ христіанскій образъ мыслей,—съ этихъ поръ, говорю я, становится особенно необходимымъ предупредить недоразумѣніе, будто этимъ высказано право подвергать отлученію тѣхъ, кого кто либо склоненъ признать еретиками. Напротивъ, въ отношеніи такихъ людей, если къ нимъ непримѣнимъ также вышеуказанный упрекъ, евангелическая церковь можетъ признать одну только обязанность—поддерживать общеніе съ ними, чтобы черезъ взаимное пониманіе они тѣмъ легче могли быть обращены на правильный путь; и если отдѣльныя или небольшія общины примѣняютъ противоположный методъ и по

возможности стремятся лишить общенія тѣхъ, кто не согласны съ ними въ буквѣ ученія, не обращая вниманія на ихъ общее религіозное умонастроніе, то это дѣлается не въ духѣ евангелической церкви, такъ какъ здѣсь содержится притязаніе на такой авторитетъ, который наша церковь не признаетъ ни за кѣмъ.—Что же касается перваго, именно моего предпочтенія языческаго Рима христіанскому, и моихъ словъ, что первый благодаря своей ассимилирующей терпимости наполнился богами, тогда какъ послѣдній благодаря своей системѣ преслѣдованія сталъ безбожнымъ, — то прежде всего, конечно, употребляемыя мной выраженія свидѣтельствуютъ, что это это мѣсто особенно отражаетъ на себѣ риторическій характеръ книги; въ строгомъ же смыслѣ здѣсь должно быть понимаемо то, что догматизирующая страсть къ системѣ, которая, пренебрегая обоснованіемъ различія, напротивъ, исключаетъ всякое различіе, несомнѣнно препятствуетъ, насколько это отъ нея зависитъ, живому Богопознанію и превращаетъ ученіе въ мертвую букву. Ибо столь твердо установленное правило, исключающее все, что гласитъ иначе, вытѣсняетъ творчество, въ которомъ только и сохраняется живое познаніе, и, слѣдовательно, становится само мертвой буквой. Можно сказать, къ этому сводится исторія развитія римско-католическаго вѣроученія въ его противоположности протестантскому, и возникновеніе евангелической церкви, разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, есть не что иное, какъ освобожденіе самостоятельнаго творчества отъ общенія съ такимъ правиломъ. Столь же серьезно должно быть понимаемо мое восхваленіе стараго Рима за его воспріимчивость къ чужимъ богослуженіямъ. Ибо она была обусловлена тѣмъ, что ограниченность и односторонность всякаго индивидуализированнаго полетеизма стала осознана, и что религіозная потребность стремилась освободиться отъ границъ политическихъ формъ; то и другое не только похвально само по себѣ, но и принесло дѣлу распространенія христіанства гораздо большую пользу, чѣмъ когда либо оказало дѣлу упроченія и защиты христіанства проникнутая благими намѣреніями система отлученія еретиковъ.

11) Стр. 69. И въ Вѣроученіи (§ 8, прилож. 1), какъ и здѣсь, я высказался противъ мнѣнія тѣхъ, кто выводятъ идолопоклонство, подъ которымъ, согласно нѣсколько перспективному словоупотребленію Свящ. Писанія, они разумѣютъ всѣ виды политеизма, изъ страха. Но только тамъ я исходилъ изъ иной точки зрѣнія, ибо тамъ мнѣ было существенно уравнять нисшія ступени благочестія по ихъ сущности съ высшими, что было бы невозможно, если бы первыя происходили изъ страха, послѣднія же—нѣтъ. Здѣсь я имѣю дѣло главнымъ образомъ съ представленіемъ, которое всякую вообще религіозность выводитъ изъ страха, и, такимъ образомъ, оба изложенія дополняютъ другъ друга. Доказательство, которое здѣсь ведется въ общей формѣ, было бы примѣнимо и тамъ къ частному случаю, несмотря на довольно шаткое употребленіе слова δεισιδαιμονία („суевѣріе“). Вѣдь и о греческихъ и римскихъ политеистахъ нельзя сказать, что они потеряли бы вѣру

въ боговъ, если бы въ мужественномъ использованіи жизни освободились отъ всякаго страха. И точно такъ же сказанное тамъ примѣнимо здѣсь въ общей формѣ. Вѣдь если страхъ никоимъ образомъ не можетъ быть видоизмѣненіемъ любви, то онъ долженъ полагать свой объектъ лишь зложелательнымъ; и гдѣ высшимъ существамъ не поклоняются—или, вѣрнѣе не покоряются,—какъ злымъ, тамъ и чистый страхъ, отрѣшенный отъ любви, не можетъ быть мотивомъ религіи. Такимъ образомъ, остается въ силѣ, что во всякой религіи уже съ самаго начала дѣйствуетъ любовь, и что все восхожденіе къ совершенству въ религіи есть лишь постепенное очищеніе любви.

12) Стр. 69. Врядъ ли необходимо оправдывать выраженіе „міровой духъ"; здѣсь дѣло шло о такомъ обозначеніи общаго всѣмъ людямъ объекта религіознаго почитанія, которое было бы пріемлемо для всѣхъ различныхъ ступеней и формъ религіи. И въ особенности я не считалъ бы справедливымъ возраженіе, что при выборѣ этого обозначенія я пожертвовалъ интересомъ болѣе совершенной формы религіи интересу нисшей формы; я думаю, что не только и мы, христіане, можемъ свободно воспользоваться этимъ выраженіемъ для обозначенія высшаго существа, но что и само выраженіе могло возникнуть лишь на почвѣ монотеизма, и что оно одновременно свободно и отъ іудейскаго партикуляризма, и отъ того, что я пытался въ Вѣроученіи (§ 8, 4) опредѣлить, какъ источникъ несовершенства магометанской религіи. Такъ какъ это выраженіе отнюдь не высказываетъ какого либо взаимодѣйствія между міромъ и высшимъ существомъ—вѣдь никто не смѣшаетъ мірового духа съ міровой душой—и вообще не содержитъ въ себѣ указанія на какую либо независимость міра отъ высшаго существа,—то я полагаю, что можно оправдать всѣхъ христіанскихъ писателей, которые пользовались имъ, хотя оно и не произошло изъ своеобразнаго воззрѣнія христіанства.

13) Стр. 76. Въ моемъ Вѣроученіи, — введеніе котораго, посвященное уясненію того, что, по моему мнѣнію, должно разумѣться подъ религіозной философіей, во многихъ отношеніяхъ соприкасается съ этой книгой — я установилъ основное различіе между тѣмъ, что я назвалъ эстетической и телеологической формой. Здѣсь, повидимому, если не открыто выставлено, то молчаливо признано другое основаніе дѣленія, и будетъ небезполезно уяснить, въ какомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ оба дѣленія. А именно, здѣсь приведено, повидимому, лишь нѣчто единичное, т.-е. стоящее рядомъ со многими иными возможностями, какъ основаніе, что для насъ, на нашемъ мѣстѣ и на нашей ступени культуры, душа есть истинный міръ религіи; и намѣченная иная возможность состоитъ въ томъ, что, съ другой стороны, и внѣшняя природа можетъ быть этимъ міромъ. Тѣ же два начала, между которыми тамъ усмотрѣно величайшее различіе, повидимому оба лежатъ на сторонѣ религіи души; ибо связываемъ ли мы дѣйственныя состоянія съ страдательными, или страдательныя — съ дѣйственными, тѣ и другія суть

все же душевныя состоянія, на которыя направлены религіозныя чувства; такимъ образомъ, намѣченное здѣсь различіе представляется высшимъ, и оно, повидимому, было тамъ совсѣмъ обойдено. Однако и здѣсь мнѣніе, что возможна религія природы, совсѣмъ не означаетъ, что религіозныя переживанія могутъ возникать въ человѣкѣ черезъ наблюденіе внѣшняго міра. Нѣтъ, чѣмъ выше подымается это наблюденіе, тѣмъ болѣе оно становится умозрительнымъ естествознаніемъ, и оно есть всегда наука; религіозныя же возбужденія возникаютъ отсюда, лишь когда душа сознаетъ самое себя въ этомъ наблюденіи, т.-е. опять таки изъ душевнаго состоянія, и совершенно такъ же они возникаютъ изъ непосредственныхъ отношеній природы къ нашей жизни и нашему бытію лишь въ мѣру ея дѣйствія на наше настроеніе, слѣдовательно, и здѣсь изъ душевнаго состоянія. Такимъ образомъ, указанное въ Вѣроученіи раздѣленіе остается высшимъ, и религіозныя переживанія, опосредствованныя природой, какъ и переживанія, опосредствованныя исторической жизнью, могутъ принимать указанную двоякую форму: они будутъ носить телеологическій и этическій характеръ, когда вліяніе наблюденія природы на душу мы будемъ относить къ душевной дѣятельности и ея законамъ, и эстетическій характеръ—въ обратномъ случаѣ. Намѣченное же здѣсь различіе таково, что тамъ не было надобности его разсматривать, такъ какъ отношеніе къ нему христіанства могло быть надлежащимъ образомъ освѣщено лишь при изслѣдованіи самого христіанскаго ученія.

14) Стр. 77. Сказанное пусть читатель понимаетъ, какъ выводъ изъ приведенной легенды; я отнюдь не хотѣлъ здѣсь сказать, будто самъ авторъ легенды дѣлалъ этотъ выводъ или предполагалъ его всеобщее признаніе. Тѣмъ не менѣе можно, я полагаю, вполнѣ доказать, что онъ въ ней необходимо содержится, и что ни сознаніе Бога, ни образованіе общихъ понятій не могло развиться въ человѣкѣ, пока онъ не пріобрѣлъ сознаніе рода и не созналъ непосредственно себя въ своей подчиненности роду и въ своемъ отличіи отъ него. И столь же несомнѣнно, что ни сознаніе высшаго существа, ни потребность упорядочить міръ не можетъ совершенно исчезнуть изъ души, пока не утрачено сознаніе рода.

Я хочу здѣсь пояснить еще нѣсколько мѣстъ, не отмѣченныхъ особо въ текстѣ.—На стр. 84—86 говорится о смиреніи, которое ранѣе было обозначено, какъ естественная форма религіознаго чувства, что ему какъ бы должно противостоять гордое чувство собственнаго бытія, и о раскаяніи, которое также было признано естественнымъ и существеннымъ для благочестія, что оно какъ бы не только можетъ безъ ущерба для благочестія быть обращено въ радостную самоудовлетворенность, но и должно испытать это превращеніе. Но то и другое, по моему убѣжденію, совсѣмъ не есть противорѣчіе, и, наоборотъ, всѣ религіозныя чувства прямо могутъ быть раздѣлены на возвышающія и принижающія. Каждый изъ этихъ двухъ видовъ нуждается въ другомъ для своего дополненія, и каждый изъ нихъ

истинно благочестивъ, лишь поскольку въ немъ соучаствуетъ и другой. И въ христіанствѣ, которое само распространяется лишь черезъ распространеніе принижающихъ чувствъ, раскаяніе все же должно погашаться въ сознаніи божественнаго прощенія. Указанное же противоположное смиренію чувство, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ и дѣйствуетъ человѣчество, какъ цѣлое, есть не что иное, какъ особенно необходимое для христіанина сознаніе что вѣрующіе сообща образуютъ живое органическое цѣлое, въ которомъ не только—на что преимущественно указываетъ Павелъ—каждый членъ необходимъ для всѣхъ другихъ, но и каждый содержитъ въ себѣ своеобразную дѣятельность всѣхъ другихъ.—И если тамъ же далѣе говорится о человѣкѣ, въ которомъ слились обѣ формы религіознаго чувства, что онъ не нуждается уже ни въ какомъ посредникѣ, а можетъ самъ быть посредникомъ для многихъ,—то эти слова должны разумѣться здѣсь лишь въ томъ, разъясненномъ выше, подчиненномъ значеніи, что именно не каждый носитъ въ себѣ правильный ключъ къ пониманію всего человѣческаго, а почти всѣмъ многое столь чуждо, что они признаютъ его, лишь когда встрѣтятъ въ иной, родственной имъ формѣ, или въ связи съ чѣмъ либо инымъ, что́ имѣетъ для нихъ особую цѣну. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, посредниками въ пониманіи являются тѣ, кто соединяютъ въ себѣ наиболѣе признанное съ наиболѣе чуждымъ. Преимущественно въ указанномъ, противостоящемъ смиренію чувствѣ самосознаніе достигаетъ такой прозрачности и точности, что даже самое далекое перестаетъ казаться чуждымъ и отталкивать. Но это чувство будетъ чище всего, когда вся человѣческая односторонность будетъ уяснена черезъ Того, въ комъ исключена всякая односторонность; и, такимъ образомъ, здѣсь не наносится ущерба высшему посредническому достоинству Спасителя.

15) Стр. 92. Не желая брать назадъ ничего изъ того, что образуетъ главное содержаніе всей этой рѣчи, именно что всѣ высшія чувства принадлежатъ религіи, и что отдѣльныя дѣйствія не должны непосредственно проистекать изъ отдѣльныхъ движеній чувства, я все же хотѣлъ бы пояснить, что все сказанное здѣсь примѣнимо главнымъ образомъ лишь къ нравственному ученію того времени, именно къ кантовскому и фихтевскому, и преимущественно къ первому. Ибо пока нравственное ученіе сохраняетъ императивный методъ, который строже всего проведенъ въ указанныхъ системахъ, до тѣхъ поръ чувства не могутъ имѣть никакого мѣста въ морали, такъ какъ вѣдь не можетъ существовать велѣнія: обладай тѣмъ или инымъ чувствомъ! И для такой системы было бы послѣдовательнѣе всего примѣнить къ нимъ то, что въ ея духѣ было сказано о дружбѣ,—именно, что нужно вообще не имѣть времени завязывать и поддерживать ее. Но одной этой узкой формой, конечно, не должно было бы ограничиваться нравственное ученіе, а во всякой иной формѣ ему несомнѣнно надлежитъ, именно въ связи съ уясненіемъ мѣста этихъ чувствъ въ человѣческой душѣ, признать и нравственную цѣнность послѣднихъ; конечно, оно не

можетъ считать эти чувства чѣмъ то, что человѣкъ можетъ и долженъ создавать въ себѣ съ какой либо цѣлью или чему онъ можетъ научиться въ морали, а должно разсматривать ихъ, какъ свободную естественную функцію высшей жизни, связь которой, однако, съ высшими формами и правилами поведенія можетъ быть опредѣленно показана. Постольку тогда и нравственное ученіе могло бы воспринять въ себя религію, какъ и изложеніе религіи должно воспринять въ себя нравственность въ указанномъ болѣе узкомъ смыслѣ, причемъ, конечно, все же сохраняется различіе между тѣмъ и другимъ.

16) Стр. 97. Высказанное здѣсь сужденіе, что чудо есть лишь религіозное названіе для событія вообще, и что, слѣдовательно, чудо есть все, что случается, легко можетъ быть заподозрѣно въ томъ, что оно собственно направлено на порицаніе чудеснаго; ибо, конечно, если все есть чудо, то тѣмъ самымъ и ничто не есть чудо. Но это сужденіе стоитъ въ точнѣйшей связи съ объясненіями, данными въ Вѣроученіи, § 14, прилож., § 34, 2, 3 и § 47. Вѣдь если отнесеніе событія къ дѣйствію божественнаго всемогущества и его разсмотрѣніе въ его зависимости отъ естественныхъ отношеній не исключаютъ другъ друга, а могутъ совмѣстно расти и отпадать, то лишь отъ направленія вниманія зависитъ, на какомъ воззрѣніи мы сперва остановимся; вѣдь всюду, гдѣ насъ болѣе всего интересуетъ отношеніе событія къ нашимъ цѣлямъ и гдѣ изслѣдованіе естественныхъ связей оказалось бы слишкомъ детальнымъ, мы преимущественно замѣчаемъ божественное предопредѣленіе, въ обратномъ же случаѣ—естественный ходъ вещей. А какое изъ этихъ двухъ воззрѣній доставляетъ намъ наибольшее удовлетвореніе, это зависитъ, съ одной стороны, отъ того, насколько мы увѣрены, что постигли событіе въ его глубочайшемъ содержаніи, такъ что можемъ съ нѣкоторой достовѣрностью увидѣть въ немъ выраженіе воли Бога, и съ другой стороны—отъ того, насколько глубоко мы можемъ проникнуть въ естественную связь вещей. Но все это суть лишь субъективныя различія, даже если бы всѣ люди въ отношеніи каждаго случая такого рода совпадали по своимъ воззрѣніямъ. Поэтому, конечно, остается истиннымъ, что всѣ событія, которыя болѣе всего возбуждаютъ религіозное вниманіе, и въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ естественная связь болѣе всего скрыта, скорѣе всего разсматриваются, какъ чудеса; но столь же истинно и то, что, разсматриваемыя сами по себѣ и какъ бы съ точки зрѣнія божественной причинности, всѣ событія суть въ одинаковой мѣрѣ чудеса. И подобно тому, какъ въ аргументахъ Вѣроученія, несмотря на отрицаніе абсолютнаго чуда, учитывается и удовлетворяется религіозный интересъ къ чудесному, такъ и здѣсь моимъ намѣреніемъ является изобразить этотъ интересъ въ его чистомъ видѣ, и устранить изъ него всѣ чужеродныя примѣси, которыя скорѣе родственны тупоумному удивленію, чѣмъ свидѣтельствуютъ о радостномъ чаяніи высшаго смысла.

17) Стр. 98. О такомъ понятіи, какъ дѣйствіе благодати, которое при-

вычно намъ почти лишь въ его своеобразной христіанской формѣ, трудно говорить столь общимъ образомъ, чтобы объясненіе охватывало и то, что ему аналогично въ другихъ формахъ религіи. Но сюда принадлежитъ все, въ силу чего какой либо человѣкъ представлялся избраннымъ любимцемъ божества. Въ понятіи откровенія болѣе подчеркнута пассивность, въ понятіи вдохновенія — творчество. Но то и другое совмѣстно принадлежитъ къ понятію благодати, причемъ первое болѣе намѣчаетъ благодать, послѣднее—ея дѣйствіе, и всюду исключительно религіозные люди характеризуются обоими признаками. Если въ дальнѣйшемъ выраженіе „откровеніе“ обозначаетъ вхожденіе міра въ человѣка, а выраженіе „вдохновеніе“—первичное выступленіе человѣка въ міръ, то послѣднее возбудитъ, вѣроятно, менѣе сомнѣній, такъ какъ всякое вдохновеніе стремится выступить наружу и совершить что либо въ мірѣ, и все первичное, менѣе всего опредѣленное извнѣ, всегда преимущественно признается вдохновеніемъ. Первое же, хотя и соотвѣтствуетъ упомянутому объясненію откровенія, которое также въ виду необходимой здѣсь общности мысли не могло быть формулировано иначе, но все же легко могло бы вызвать упрекъ, что оно въ интересахъ менѣе совершенныхъ формъ религіи оттѣсняетъ христіанское воззрѣніе, или что оно менѣе подходитъ къ нему. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что идея Божества вступаетъ въ наше сознаніе не иначе, какъ въ связи съ идеей міра; а что здѣсь не можетъ разумѣться какое либо иное восприниманіе его, которое было бы не религіознымъ, а напримѣръ, умозрительнымъ, это, кажется, достаточно ясно высказано въ приложеніяхъ.

18) Стр. 102. Тѣмъ, что сказано въ моемъ Вѣроученіи § 3—5, я надѣюсь, болѣе ярко освѣщается сказанное здѣсь, и преимущественно то, что всѣ религіозныя переживанія выражаютъ непосредственное бытіе Бога въ насъ черезъ чувство. Вѣдь врядъ ли еще нужно напоминать, что бытіе Бога вообще не можетъ быть инымъ, какъ только дѣйственнымъ, и только о дѣйственномъ бытіи, именно возбуждающемъ, и идетъ рѣчь, и что также, наоборотъ, божественное воздѣйствіе на предметъ равносильно всему бытію Бога въ отношеніи этого предмета, ибо не можетъ быть страдательнаго бытія Бога. Въ объясненіи нуждается развѣ лишь то, что я здѣсь представляю единство нашего существа, въ противоположность множественности функцій, какъ божественное въ насъ, и говорю объ этомъ единствѣ, что оно выступаетъ въ религіозныхъ переживаніяхъ, такъ какъ вѣдь изъ иныхъ его проявленій можно было бы умозаключить, что и самосознаніе есть тоже лишь отдѣльная функція. Что касается перваго, то могутъ возникнуть сомнѣнія относительно того, что единство нашего существа есть божественное въ насъ, и можно сказать, что это названіе заслуживаетъ лишь то, что является основой нашей способности сознавать Бога. Даже если бы эти возраженія были основательны, то все же оставалось бы вѣрнымъ, что въ религіозныхъ переживаніяхъ возбуждается именно бо-

жественное въ насъ, а это есть здѣсь главное. Что же касается остального, то, конечно, единство нашего существа, такъ какъ оно есть нѣчто безусловно внутреннее, никогда не можетъ само по себѣ и въ чистомъ видѣ выступать наружу, но наиболѣе непосредственно оно все же проявляется въ самосознаніи, поскольку въ послѣднемъ оттѣсняются отдѣльныя отношенія; какъ и съ другой стороны, самосознаніе, тамъ, гдѣ въ немъ проступаютъ отдѣльныя отношенія, болѣе всего является въ видѣ единичной функціи.

19) Стр. 104. Все это разсужденіе, надѣюсь, также уясняется тѣмъ, что сказано въ Вѣроученіи, преимущественно § 8, прилож. 2, какъ и съ другой стороны здѣсь дополняется сказанное тамъ. И такъ какъ каждый можетъ сопоставить оба мѣста, то врядъ ли нужно еще держать защитительную рѣчь противъ подозрѣнія—я не хотѣлъ бы употреблять слово: обвиненіе,—которое почерпнули изъ этой рѣчи даже нѣкоторые весьма почитаемые мною, нынѣ частью уже отошедшіе люди, именно что для себя я предпочитаю мыслить безличную форму высшаго существа; и это называли то моимъ атеизмомъ, то моимъ спинозизмомъ. Я же полагалъ, что отыскивать благочестіе всюду и признавать его, въ какой бы формѣ оно ни встрѣчалось, есть истинно христіанское дѣло; по крайней мѣрѣ я нахожу, что самъ Христосъ повелѣлъ это своимъ ученикамъ, и что Павелъ дѣйствовалъ именно такъ не только среди іудеевъ и іудейскихъ единомышленниковъ, но и въ Аѳинахъ среди язычниковъ. Я вѣдь совершенно открыто сказалъ, что далеко не одно и то же, лишенъ ли человѣкъ способности представить себѣ опредѣленную форму высшаго существа, или совсѣмъ его отрицаетъ и вообще не даетъ возникнуть въ себѣ религіозному чувству; и я не думалъ о необходимости спеціально протестовать противъ всѣхъ возможныхъ выводовъ, и упустилъ изъ виду, какъ часто тому, кто идетъ прямо впередъ, идущіе вправо приписываютъ направленіе влѣво. Но кто по крайней мѣрѣ воспримете немногія слова, высказанныя въ указанномъ мѣстѣ о пантеизмѣ, тотъ не припишетъ мнѣ матеріалистическаго пантеизма и при нѣкоторомъ добромъ желаніи найдетъ, что человѣкъ можетъ, съ одной стороны, испытывать почти непреодолимую необходимость признать высшей ступенью благочестія представленіе личнаго Бога, именно всюду, гдѣ дѣло идетъ объ истолкованіи себѣ и другимъ непосредственныхъ религіозныхъ переживаній, или гдѣ сердце охвачено непосредственнымъ общеніемъ съ высшимъ существомъ,—и что тотъ же человѣкъ, съ другой стороны, можетъ признать существенныя несовершенства въ представленіи высшаго существа, какъ личности, и даже намѣтить опасности такого представленія, если оно не очищено самымъ тщательнымъ образомъ. Объ этомъ очищеніи всегда заботились самые глубокомысленные изъ учителей церкви; и если бы свести воедино эти сужденія, направленныя на устраненіе всего человѣческаго и несовершеннаго изъ личной формы Божества, то оказалось бы, что въ конечномъ итогѣ можно одинаково сказать, что они отвергаютъ

личный характеръ Бога и что они его прилагаютъ къ Богу; оказалось бы, что въ виду трудности мыслить личность истинно безконечной и недоступной страданію, необходимо строго различать между личнымъ Богомъ и живымъ. Лишь этотъ послѣдній признакъ имѣетъ рѣшающее значеніе и отдѣляетъ религіозное сознаніе отъ матеріалистическаго пантеизма и отъ атеистической слѣпой необходимости. А какъ кто въ предѣлахъ этого канона колеблется въ отношеніи личнаго характера Божества, — это надо представить его конкретизирующей фантазіи и его діалектической совѣсти; и если имѣется благочестивое чувство, то обѣ эти силы съумѣютъ взаимно оберечь себя. Если первая составитъ слишкомъ человѣческій образъ, то вторая отпугнетъ его боязнью нежелательныхъ выводовъ; если вторая захочетъ слишкомъ стѣснить конкретность своими отрицательными формулами, то первая уже съумѣетъ настоять на удовлетвореніи своей потребности. Здѣсь мнѣ было въ этомъ отношеніи особенно важно обратить вниманіе на то, что если одна форма представленія сама по себѣ не исключаетъ всякаго благочестія, то и другая форма сама по себѣ столь же мало его предполагаетъ. Какъ много есть людей, въ жизни которыхъ благочестіе имѣетъ мало значенія и вліянія, и которымъ все же необходимо это представленіе, какъ общее дополненіе прерывающихся съ обѣихъ сторонъ рядовъ причинности! И какъ много людей, наоборотъ, обнаруживаютъ глубочайшее благочестіе, тогда какъ въ своихъ сужденіяхъ о высшемъ существѣ они никогда не могутъ въ достаточной мѣрѣ развить понятіе личности!

20) Стр. 109. Это мѣсто измѣнено по сравненію съ предыдущимъ изданіемъ. Сужденіе, что на нравственность нельзя вообще воздѣйствовать, казалось мнѣ хотя и вѣрнымъ въ связи съ предшествующимъ, но все же, во избѣжаніе недоразумѣній, нуждающимся въ дальнѣйшемъ уясненіи, которому здѣсь не мѣсто; отчасти же мнѣ казалось, что все это разсужденіе надлежащимъ образомъ завершается мыслью, что свобода и нравственность терпятъ ущербъ отъ указаній на божественныя награды. Въ спорѣ по этому вопросу, какъ онъ велся преимущественно между кантіанцами и эвдемонистами, нерѣдко упускалась изъ виду, что есть большое различіе между обѣщаніемъ божественныхъ наградъ, какъ приманокъ, и теоретическимъ употребленіемъ этого понятія для уразумѣнія міропорядка. Первое есть безнравственный и прежде всего нехристіанскій пріемъ, и онъ, конечно, никогда не примѣнялся провозвѣстниками христіанства, и для него нельзя найти основанія въ Писаніи. Послѣднее, напротивъ, естественно и необходимо, ибо лишь съ его помощью можно усмотрѣть, что божественный законъ распространяется на всю природу человѣка, и что онъ не только не полагаетъ раздора въ ней, но совершеннѣйшимъ образомъ сохраняетъ ея единство. Но это уразумѣніе, правда, весьма различно, смотря по тому, свободны ли правдолюбіе и любознательность отъ всѣхъ посторонніхъ примѣсей, или еще подчинены имъ. И тутъ врядъ ли можно отри-

цать, что требованія своекорыстія ищутъ болѣе всего произвола въ божественныхъ наградахъ, и что именно съ этимъ связаны самыя ограниченныя представленія о божественной личности, такъ какъ лишь въ личности можетъ имѣть мѣсто произволъ.

21) Стр. 110. И это мѣсто, которое также направлено противъ ограниченныхъ и въ своей глубочайшей основѣ нечистыхъ представленій, постигла судьба, сходная съ судьбой сказаннаго о личности Божества, и оно возбудило такія же недоразумѣнія. Ибо и здѣсь нашли возможнымъ усмотрѣть, что я хочу умалить надежду на безсмертіе и противодѣйствовать ей, изображая ее, какъ слабость. Но здѣсь было совсѣмъ не мѣсто давать объясненія по существу вопроса или излагать собственное мнѣніе, которое я имѣю о немъ въ качествѣ христіанина; послѣднее можетъ быть найдено во второй части моего Вѣроученія, и оба сочиненія должны и здѣсь взаимно дополнять другъ друга. Здѣсь же надо было лишь отвѣтить на вопросъ, связана ли эта надежда съ религіознымъ направленіемъ души столь тѣсно, что одно не можетъ существовать безъ другого. Но какъ могъ я отвѣтить на это иначе, чѣмъ отрицательно, когда большинство изслѣдователей въ настоящее время признаетъ, что древній избранный народъ въ болѣе раннѣе время не зналъ этой надежды, и когда легко показать, что въ состояніи религіознаго возбужденія душа скорѣе погружена въ мгновеніе, чѣмъ обращена на будущее? Можетъ, однако, показаться суровымъ, что эта рѣчь явственно стремится вывести столь широко распространенную среди благороднѣйшихъ людей надежду на возобновленіе и вѣчное сохраненіе индивидуальной жизни изъ нисшей ступени своекорыстія, тогда какъ было бы легко вывести ее изъ любви къ вещамъ, которыя намъ дороги. Однако, обозрѣвая всѣ формы, въ которыхъ надежда на безсмертіе можетъ являться, какъ высшее самочувствіе духа, мнѣ все же казалось въ отношеніи противниковъ вѣры естественнымъ и необходимымъ и здѣсь противодѣйствовать тому, чтобы какая либо опредѣленная форма представленія, и притомъ носящая явственные слѣды скрытаго за ней подчиненнаго интереса, не смѣшивалась съ самимъ существомъ дѣла; мнѣ казалось необходимымъ подготовить такую постановку вопроса, которая была бы естественна не самосознанію, ограниченному личностью и связанному любовью къ избраннымъ объектамъ, а самосознанію, въ которомъ личный интересъ уже очищенъ облагораживающимъ подчиненіемъ себя сознанію человѣчества и природы. Съ другой стороны, чтобы избѣгнуть безконечныхъ преній, которыя, чѣмъ далѣе бы шли, тѣмъ болѣе уклонялись бы отъ главнаго предмета, необходимо было обратить вниманіе противниковъ на то, что этотъ вопросъ можетъ подлинно религіозно обсуждаться лишь тѣми, кто уже пріобрѣлъ высшую жизнь, которая одна лишь достойна побѣды надъ смертью и которую даетъ лишь истинное благочестіе. Если здѣсь нѣсколько сильно выражено отвращеніе къ самообману низшаго умонастроенія, которое гордится тѣмъ, что оно можетъ воспринимать безсмертіе и руководиться вытекающими изъ него

страхомъ и надеждой, то я могу оправдать это лишь тѣмъ, что здѣсь нѣтъ искусственной риторики, а что дѣйствительно это всегда было во мнѣ сильнымъ чувствомъ; и болѣе всего я желалъ бы, чтобы каждый человѣкъ, провѣряя свое благочестіе, видѣлъ самого себя не только такъ, какъ разумѣлъ Платонъ, говоря о душахъ, что онѣ являются передъ судьями подземнаго міра, лишенныя всѣхъ чуждыхъ украшеній, которыми онѣ обязаны внѣшнимъ условіямъ жизни, но чтобы онъ также откинулъ эти притязанія на безконечную продолжительность и, разсматривая самаго себя, какъ онъ есть, рѣшилъ бы, суть ли эти притязанія нѣчто большее, чѣмъ титулы, которыми часто украшаютъ себя земные владыки,—обозначенія странъ, которыми они никогда не владѣли и не будутъ владѣть. Кто, такъ обнажившись, все же находитъ въ себѣ вѣчную жизнь,—на что намекаетъ конецъ этой рѣчи,—съ тѣмъ будетъ легко столковаться въ этомъ вопросѣ такъ какъ это пытается сдѣлать мое изложеніе христіанской вѣры.— Сверхъ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду намѣченной и здѣсь параллели между обѣими идеями—идеями Бога и безсмертія—въ отношеніи къ различнымъ формамъ ихъ представленія. Вѣдь если наиболѣе антропоморфическое представленіе личности Божества обыкновенно предполагаетъ и нравственно загрязненное сознаніе, то то же примѣнимо и къ такому представленію о безсмертіи, которое, на подобіе Елисейскихъ Полей, отображаетъ лишь болѣе прекрасную и расширенную землю. И какъ есть большая разница между неспособностью мыслить Бога въ такой личной формѣ и отсутствіемъ вообще мысли о живомъ Богѣ, и только послѣднее означаетъ атеизмъ, такъ и человѣкъ, который не дорожитъ такимъ чувственнымъ представленіемъ о безсмертіи, еще весьма далекъ отъ отрицанія вообще безсмертія. И если мы хотимъ называть благочестивымъ всякаго, кто вѣритъ въ живого Бога, то мы должны называть благочестивымъ и всякаго, кто вѣритъ въ вѣчную жизнь духа, въ какой бы формѣ она ему ни представлялась.

Поясненія къ третьей рѣчи.

1) Стр. 116. Это выраженіе, повидимому, противорѣчитъ словамъ Христа, который сказалъ своимъ ученикамъ: не вы Меня избрали, но Я избралъ васъ. Однако, это противорѣчіе все же лишь кажущееся. Вѣдь и Христосъ въ другомъ случаѣ спросилъ своихъ учениковъ, не хотятъ ли и они уйти отъ Него, какъ это сдѣлали другіе, и тѣмъ признаетъ, что пребываніе съ Нимъ есть свободное дѣяніе; а вѣдь только послѣднее я здѣсь и утверждаю. И можно даже сказать, что въ ихъ выраженіи непоколебимой вѣрности Ему содержится мысль, что они какъ бы снова избираютъ Его своимъ учителемъ, съ болѣе яснымъ чувствомъ и зрѣлымъ сужденіемъ, чѣмъ когда они впервые примкнули къ Нему. Было бы также неправильно толковать вышеприведенныя слова Христа такъ, что Ему были особенно важны тѣ

или иныя отдѣльныя лица; это имѣло бы партикуляристическій смыслъ, котораго я не могъ бы защищать. Здѣсь подразумѣвается не то, что въ Немъ и въ нихъ одинаково первичное божественное вдохновеніе основало царство Божіе, причемъ они избрали Его, какъ сильнѣйшую и глубочайшую личность, своимъ представителемъ, подобно тому, какъ позднѣе они избрали Петра; такого рода отношеніе можно справедливо признать въ примѣненіи къ болѣе подчиненнымъ религіознымъ движеніямъ, напр., реформѣ церкви; здѣсь разумѣется, наоборотъ, что вдохновеніе было лишь у Него одного, у нихъ же—лишь воспріимчивость къ этому вдохновенію. Такимъ образомъ, сказанное здѣсь вполнѣ гармонируетъ со словами Христа, и именно Его отношеніе къ ученикамъ предносилось мнѣ здѣсь, какъ образецъ. Ибо, конечно, если бы Христосъ не исходилъ изъ этого воззрѣнія, что всякое живое религіозное обнаруженіе, какъ бы индивидуально оно ни было, можетъ пробуждать въ другомъ сходное лишь въ универсальной формѣ, и что, когда человѣкъ всецѣло примыкаетъ къ своеобразію другой личности, это есть всегда его свободное дѣяніе, — Онъ никогда не относился бы съ такимъ чувствомъ равенства къ своимъ ученикамъ и не называлъ бы ихъ своими братьями и друзьями.

2) Стр. 117. Сказанное здѣсь уже само собой слѣдуетъ изъ поясненнаго выше. И лучшій примѣръ этому мы найдемъ опять таки въ древнѣйшей христіанской исторіи, вспомнивъ о тѣхъ единомышленникахъ іудеевъ изъ язычниковъ, которые позднѣе покинули іудеевъ, впервые пробудившихъ въ нихъ чаяніе единаго высшаго существа, и перешли въ христіанство. Мнѣ кажется особенно необходимымъ въ эпоху болѣе интенсивной религіозной жизни, какъ она несомнѣнно наступила у насъ съ тѣхъ поръ, какъ я впервые писалъ это, чтобы до этого болѣе свободнаго воззрѣнія возвысились и находили въ немъ успокоеніе всѣ, кто въ силу должности или по внутреннему призванію оказываютъ замѣтное религіозное вліяніе; тогда они не будутъ удивляться, если тѣ, чье религіозное чувство впервые было пробуждено ими, позднѣе найдутъ полное удовлетвореніе въ нѣсколько иной формѣ воззрѣній и ощущеній. Пусть каждый радуется, что пробуждаетъ жизнь, ибо это свидѣтельствуетъ, что онъ есть орудіе божественнаго духа; но пусть никто не вѣритъ, что формированіе этой жизни стоитъ въ его власти.

3) Стр. 124. Лишь этой чертой завершается картина того умонастроенія, которое я хотѣлъ здѣсь обрисовать. Вѣдь эти люди избѣгаютъ и буквы. И если они допускаютъ моральное, политическое или религіозное исповѣданіе лишь постольку, поскольку каждый можетъ при этомъ мыслить, что угодно, то они признаютъ и практическія правила лишь подъ условіемъ постоянныхъ исключеній, чтобы все, какъ это вытекаетъ изъ принципа абсолютной полезности, стояло совершенно обособленнымъ, чтобы оно было ничто, ни изъ чего и ни для чего.—Если бы, однако, кто либо изъ читателей иного склада косо посмотрѣлъ на то, что употребленное здѣсь выраженіе приписываетъ цѣну буквѣ, и притомъ не малую, ибо оно приравни-

ваетъ ее по существу ко всему остальному, здѣсь упомянутому, и нашелъ, что этимъ я благопріятствую недоразумѣніямъ, которымъ въ настоящее время нужно главнымъ образомъ противодѣйствовать,—то я все же хотѣлъ бы предупредить, что такое намѣренное пониженіе непомѣрно почитаемаго не полезно истинѣ, а вызываетъ частью упорство, частью переходъ къ противоположной крайности. Поэтому мы должны во всякое время открыто признавать высокую цѣну буквы во всѣхъ серьезныхъ вещахъ, поскольку она не отдѣлена отъ духа и не стала мертвой. Вѣдь если непосредственная жизнь содержится въ великихъ единствахъ, которыя слишкомъ замкнуты, чтобы буква могла проникнуть въ нихъ,—какая буква выражала когда либо бытіе народа?—и въ единичномъ, которое слишкомъ текуче, чтобы буква могла удержать его—какая буква выявляла когда либо сущность отдѣльнаго человѣка?—, то буква есть все же повсюду необходимая, очищающая разсудительность, безъ которой мы можемъ лишь кружиться между тѣмъ и другимъ, теряя ясное сознаніе, и которой мы обязаны тѣмъ, что хаотическая, неопредѣленная масса превращается въ опредѣленное единство. Несомнѣнно даже, что въ высшемъ смыслѣ эпохи раздѣляются буквой, и что правильная оцѣнка того, когда человѣческія дѣла нуждаются въ новой буквѣ, есть высшее дѣяніе человѣческой мудрости. Ибо если буква появляется слишкомъ рано, то она отвергается живою еще любовью къ той буквѣ, которую она должна вытѣснить; а если она образуется слишкомъ поздно, то уже наступило указанное головокруженіе, котораго она тогда уже не можетъ преодолѣть.

4) Стр. 130. Никто не долженъ думать, что явленія пробужденной религіозной жизни, которыя теперь такъ часты въ особенности въ Германіи, я разсматриваю, какъ осуществленіе высказанной здѣсь надежды. Это достаточно ясно уже изъ слѣдующаго. Возрожденіе благочестія, которое ожидается отъ раскрытія воспріимчивости, должно было бы вѣдь принять иную форму, чѣмъ ту, которую мы теперь видимъ. Нетерпимое безсердечіе нашихъ новыхъ вѣрующихъ, которые не удовлетворяются избѣганіемъ того, что имъ чуждо, а пользуются всякимъ общественнымъ отношеніемъ для клеветъ, которыя могутъ вскорѣ стать опасными всякой свободной духовной жизни, ихъ боязливое вниманіе къ отдѣльнымъ выраженіямъ, которыми они одного человѣка обозначаютъ бѣлымъ, а другого—чернымъ, равнодушіе большинства изъ нихъ ко всѣмъ великимъ міровымъ событіямъ, узкій аристократизмъ другихъ, всеобщая боязнь всякой науки,—это не черты открытой воспріимчивости, а скорѣе черты глубоко вкоренившагося болѣзненнаго состоянія, на которое надо воздѣйствовать съ любовью, но и съ строгой неуклонностью, чтобы общество, какъ цѣлое, не потерпѣло отъ него ущерба, перевѣшивающаго духовную выгоду отдѣльныхъ лицъ отъ пробужденія религіозной жизни. Ибо мы не хотимъ отрицать того, что лишь этотъ грубый родъ благочестія могъ пробудить многихъ людей нисшаго рода отъ ихъ тупоумія и многихъ болѣе знатныхъ—отъ ихъ свѣтско-

сти, но мы желаемъ и хотимъ всѣми силами содѣйствовать, чтобы это состояніе оказалось для большинства лишь переходомъ къ болѣе достойной свободѣ духовной жизни. Это могло бы удасться тѣмъ легче, что вѣдь очевидно и совершенно явственно, какъ легко овладѣваютъ этой формой люди, которымъ нужно нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ истинное благочестіе, и какъ замѣтно худѣетъ духъ, когда онъ нѣкоторое время былъ скованъ этой формой.

5) Стр. 134. Формы религіи, особенно здѣсь подчеркнутыя, повидимому, не совпадаютъ съ главнымъ дѣленіемъ, установленнымъ въ § 9 „Вѣроученія". Вѣдь, что касается подчиненія дѣйственныхъ состояній страдательнымъ и обратно, то и наиболѣе отрѣшенное самосозерцаніе, и самое внѣшнее міросозерцаніе могутъ одинаково легко итти обоими путями. Однако, эта рѣчь и не ставитъ себѣ задачей различить главныя формы религіи; но, такъ какъ дѣло идетъ о религіозномъ воспитаніи черезъ раскрытіе воспріимчивости, и притомъ о такомъ воспитаніи, которымъ отдѣльный человѣкъ не вводится сразу въ опредѣленную форму, а каждый сперва дѣлается способнымъ отличать болѣе всего подходящую ему форму религіи и согласно этому опредѣляетъ себя,—то было гораздо важнѣе показать главныя направленія воспріятія; а тѣмъ самымъ болѣе всего отдѣляются тѣ формы религіи, которыя точнѣе всего соотвѣтствуютъ этимъ главнымъ направленіямъ. Впрочемъ, и здѣсь не разумѣется полная односторонность. Вѣдь самосозерцаніе должно быть направлено и на то *я*, которое занято міросозерцаніемъ, и міросозерцаніе должно также направляться и на міръ, въ которомъ созидается и сохраняется религія. Поэтому было бы тщетно требовать, чтобы среди намѣченныхъ здѣсь двухъ формъ было указано мѣсто христіанству, какъ въ Вѣроученіи оно нашло себѣ мѣсто среди этическихъ и теологическихъ формъ религіи. Скорѣе сама рѣчь уже намѣчаетъ, что историческое сознаніе, которое есть самое полное сліяніе обоихъ направленій, есть и самый совершенный путь къ благочестію. А что это историческое сознаніе преимущественно лежитъ въ основѣ христіанства, въ которомъ все сводится къ тому, какъ человѣкъ относится къ царству Божію,—это врядъ ли нуждается въ обоснованіи; а отсюда само собою слѣдуетъ, что христіанство представляетъ благочестіе, которое одинаково питается и самосозерцаніемъ, и міросозерцаніемъ; и болѣе всего, поскольку каждое изъ нихъ связывается съ указаннымъ ихъ взаимопроникновеніемъ. Что здѣсь опять таки имѣются подчиненныя разновидности воспріимчивости, это понятно само собой; но послѣднія, конечно, вполнѣ субъективны и не опредѣляютъ различныхъ церковныхъ формацій христіанства.

6) Стр. 134. Это родство теперь врядъ ли кто будетъ отрицать. Достаточно было обратить вниманіе на этотъ предметъ, чтобы тотчасъ же замѣтить, что, съ одной стороны, во всѣхъ искусствахъ всѣ величайшія произведенія суть религіозныя изображенія, и что, съ другой стороны, вражда противъ искусства во всѣхъ религіяхъ, не исключая христіанства, приво-

дитъ къ особой сухости и охлажденію, хотя не всякой религіи одинаково соотвѣтствуютъ всѣ роды искусства. И если обратить вниманіе на общую всѣмъ искусствамъ двоякость стиля, именно на то, что всѣ они различаютъ болѣе строгій и связанный стиль отъ болѣе свободнаго и развязнаго, то нельзя отрицать, что религіозное искусство всюду болѣе всего поддерживаетъ строгій стиль; и если религіозные предметы трактуются въ легкомъ стилѣ, то упадокъ религіи предопредѣленъ, но тогда вскорѣ слѣдуетъ и упадокъ искусства; болѣе легкій стиль сохраняетъ истинно художественный характеръ, лишь если онъ находитъ себѣ мѣру и опору въ болѣе строгомъ, а чѣмъ болѣе онъ отрѣшается отъ послѣдняго и, слѣдовательно, отъ связи съ религіей, тѣмъ вѣрнѣе и неизбѣжнѣе онъ вырождается въ искусственность и угодничество. Вѣдь все это въ цѣломъ уже часто повторялось въ исторіи искусства, и въ частностяхъ еще постоянно повторяется.

Поясненія къ четвертой рѣчи.

1) Стр. 141. Утвержденію, что книга сама по себѣ менѣе всего способна содѣйствовать возбужденію благочестія, повидимому, противорѣчатъ данныя опыта, начиная отъ священныхъ писаній всѣхъ религій вплоть до нашихъ, отчасти столь невѣроятно распространенныхъ назидательныхъ книгъ и мелкихъ религіозныхъ памфлетовъ, которыми теперь преимущественно стараются возбудить религіозное сознаніе народа. Вопросъ заслуживаетъ, поэтому, болѣе подробнаго уясненія. Что касается, прежде всего, священныхъ писаній, то въ монотеистическихъ религіяхъ, о которыхъ, конечно, только и стоитъ здѣсь говорить, Коранъ есть единственная книга, возникшая именно, какъ книга; а на него, безспорно, надо смотрѣть скорѣе, какъ на учебникъ или хрестоматію, изъ которой какъ бы должны браться темы для религіозныхъ твореній, — въ полномъ соотвѣтствіи съ мало первичнымъ характеромъ этой религіи. И потому непосредственное, въ собственномъ смыслѣ слова, религіозное дѣйствіе, которое оказываетъ Коранъ, также не должно быть оцѣниваемо слишкомъ высоко. Весьма многообразный іудейскій кодексъ до нѣкоторой степени отличается такимъ же характеромъ, главнымъ образомъ въ своихъ гномическихъ книгахъ; собственно историческая часть, строго говоря, сюда не относится, поэтическая же часть въ значительной мѣрѣ—какъ, напр., большая часть псалмовъ, создана для непосредственнаго выраженія религіозныхъ чувствъ въ опредѣленныхъ случаяхъ, а не наугадъ для неопредѣленнаго употребленія, и слѣдовательно, тоже не есть только писаніе въ строгомъ смыслѣ. И кто могъ бы отрицать, что ихъ дѣйствіе во всей этой связи должно было быть гораздо большимъ, такъ что вліяніе, которое они оказываютъ теперь, въ качествѣ только писанія, есть лишь тѣнь ихъ прежняго дѣйствія. Поэзія пророковъ болѣе ранняго періода тоже по большей части была непосредственно обра-

щена къ жизни, и значительная часть ея дошла и до потомства въ томъ соединеніи съ исторіей, которое возсоздаетъ передъ нами данный индивидуальный моментъ,—въ противоположность тѣмъ твореніямъ, которыя были непосредственно созданы, какъ писаніе. Чѣмъ болѣе, однако, терялась эта живая традиціонная сила, и писаніе даже въ предѣлахъ іудейскаго народа становилось предметомъ ученыхъ занятій, тѣмъ болѣе утрачивалось и его непосредственное дѣйствіе, и оно стало лишь опорной точкой для примыкающей къ нему живой бесѣды. Что же касается новозавѣтныхъ писаній, то они менѣе всего суть писаніе въ строгомъ смыслѣ слова. Вѣдь въ историческихъ книгахъ самое существенное есть переданная въ нихъ непосредственная рѣчь, а историческія данныя необходимы, главнымъ образомъ, для сохраненія жизненности момента рѣчи. Только исторія апостоловъ какъ будто образуетъ исключеніе и занимаетъ свое мѣсто въ канонѣ, преимущественно, какъ корень всей церковной исторіи. Но именно потому, что въ противномъ случаѣ значеніе ея всецѣло ограничивалась бы этой подчиненной задачей, наше чувство не мирится съ допущеніемъ, что помѣщенныя въ ней рѣчи сочинены заднимъ числомъ, какъ это бываетъ въ другихъ историческихъ книгахъ. Наши дидактическія книги, въ качествѣ посланій, суть менѣе всего просто писаніе, и никто не будетъ отрицать, что ихъ дѣйствіе на непосредственныхъ адресатовъ, для которыхъ моментъ ихъ составленія былъ настоящимъ, было гораздо большимъ. Теперь мы можемъ достигнуть лишь тѣни этого дѣйствія, да и то только съ помощью ученыхъ поясненій, пытающихся перенести насъ въ ту эпоху; и самое существенное дѣйствіе этихъ писаній въ наше время опирается все же на пріемъ, заимствованный изъ синагоги, по которому они являются исходной точкой для нашей живой религіозной бесѣды. И только черезъ эту бесѣду сохраняетъ устойчивость чтеніе священныхъ книгъ самими мірянами, иначе его значеніе если бы и не совсѣмъ исчезло, то потеряло бы опредѣленность. Такъ неизмѣримо велика была первоначальная сила этихъ твореній, что еще теперь, послѣ того, какъ они стали всецѣло писаніемъ, имъ присуща полнота возбуждающаго духа, которая есть самое яркое свидѣтельсово ихъ божественной силы; но объективная сторона этого дѣйствія, подлинное пониманіе, скоро свелось бы на нѣтъ въ частномъ употребленіи мірянъ, безъ связи съ ученымъ поясненіемъ. Поэтому естественно, что католическая церковь, приписывая меньшее значеніе проповѣди, ограничиваетъ пользованіе мірянъ писаніемъ, и что, наоборотъ, мы, не считая допустимымъ это ограниченіе, должны гораздо больше выдвигать публичное объясненіе писанія въ проповѣди; и поэтому то всегда должно быть гибельнымъ для всей религіозной жизни, если писаніе употребляется лишь, какъ эпиграфъ для проповѣди. А насколько живо стремленіе спасти то, что содержится въ священныхъ книгахъ, изъ этого состоянія, въ которомъ оно есть только писаніе,—объ этомъ свидѣтельствуетъ столь легко усваиваемый самыми религіозными христіанами методъ, въ высшей степени

неестественный въ отношеніи всякаго произведенія, которое съ самаго начала создано именно, какъ книга: методъ употреблять всегда, когда есть потребность въ религіозномъ возбужденіи или просвѣтлѣніи, отдѣльныя мѣста писанія, вырванныя изъ общей связи, и притомъ не по выбору или воспоминанію, а прямо наугадъ. Конечно, этотъ пріемъ нельзя оправдывать, потому что онъ слишкомъ легко вырождается въ фривольную магическую игру, но въ немъ обнаруживается стремленіе вернуть религіознымъ изреченіямъ святыхъ людей живую дѣйственность, которая была бы непосредственной и независимой отъ ихъ дѣйствія, какъ книги.—Что же касается нашихъ назидательныхъ сочиненій, которыя, вѣдь, по большей части возникаютъ именно, какъ книги, то нельзя, правда, отрицать ихъ большого вліянія; многочисленныя изданія, въ силу которыхъ нѣкоторыя изъ нихъ сохраняютъ свое значеніе для цѣлаго ряда поколѣній, слишкомъ ясно доказываютъ это; кто могъ бы отказать въ уваженіи этимъ трудамъ, которыя такъ засвидѣтельствовали свою годность и, кромѣ того, значительно содѣйствовали огражденію большого числа людей отъ опаснаго вихря измѣнчивыхъ ученій. Но никто, вѣдь, не захочетъ отрицать, что живое слово и религіозное возбужденіе имѣетъ въ общинѣ гораздо бо́льшую силу, чѣмъ писанная буква. Болѣе того, при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что дѣйствіе аскетическихъ сочиненій основывается не столько на томъ, что они точно воспринимаются, какъ цѣлое, сколько, главнымъ образомъ, на томъ, что они содержатъ множество сильныхъ и великолѣпныхъ формулъ, съ помощью которыхъ могутъ быть обобщены и сохранены въ воспоминаніи многіе религіозные моменты. Далѣе, оно основывается на томъ, что эти сочиненія, примыкая къ указаннымъ моментамъ, обезпечиваютъ прочность индивидуальнымъ религіознымъ движеніямъ, и что они навѣрно не удаляются отъ характера общей религіозной жизни. Поэтому-то индивидуально талантливое въ этой области литературы рѣдко пользуется большимъ успѣхомъ. Этотъ хорошій отзывъ примѣнимъ, однако, лишь къ самымъ дѣльнымъ и многообъемлющимъ аскетическимъ сочиненіямъ. Нынѣшнее же стремленіе многихъ благомыслящихъ обществъ распространить въ народѣ множество религіозныхъ листковъ, которые совсѣмъ не имѣютъ подлинно объективнаго характера, а хотятъ сообщить самыя субъективныя внутреннія переживанія въ мертвой буквѣ, притомъ не соотвѣтствующей ни евангельской, ни церковной литературѣ, основано на глубокомъ недоразумѣніи; врядъ ли оно будетъ имѣть иное дѣйствіе, кромѣ того, что приведетъ къ еще большему упадку нашъ церковный строй, неудовлетворительность котораго оно именно и предполагаетъ, и создастъ множество людей, которые либо будутъ лицемѣрно проявлять чувства, въ дѣйствительности у нихъ не имѣющіяся, либо же впадутъ въ печальное смущеніе, такъ какъ ихъ подлинная религіозная жизнь не соотвѣтствуетъ тому образцу, который имъ предписывается. Если общественная церковная жизнь больна или слаба, то пусть каждый по своему содѣйствуетъ ея исцѣленію,

но пусть никто не думаетъ, что ее можно замѣнить мертвой буквой. Что религіозная жизнь должна проистечь изъ библіотекъ для чтенія, — это, на мой взглядъ, равносильно тому, чтобы замѣнить великіе акты законодательства и управленія брошюрами, которыхъ всегда хотѣлось бы имѣть какъ можно большее число, и исправленныя, по крайней мѣрѣ, въ частностяхъ, изданія которыхъ легко могутъ слѣдовать одно за другимъ.

2) Стр. 142. Быть можетъ, многіе изъ тѣхъ, кто питали благонамѣренное желаніе вновь одухотворить пустое и формальное общеніе внесеніемъ въ него религіознаго элемента, уже испытали на себѣ, что мы позднѣе легко страдаемъ отъ избытка того, чего ранѣе слишкомъ усердно желали. Вѣдь не мало разложенія и зла возникло изъ того, что религіозные предметы трактовались въ блестящихъ кругахъ, въ формѣ свѣтской бесѣды, гдѣ легко начинаютъ преобладать даже личные мотивы. Я писалъ тогда это на основаніи опыта моихъ юношескихъ лѣтъ, проведенныхъ въ братской общинѣ. Тамъ существуютъ особыя сходки, предназначенныя для веденія свободныхъ религіозныхъ бесѣдъ; но хотя тамъ почти нельзя было говорить объ отсутствующихъ инакомыслящихъ лицахъ, я все же не видѣлъ, чтобы изъ этихъ бесѣдъ возникало что либо дѣйствительно жизненное и достойное, и мнѣ думается, что въ текстѣ я правильно указалъ общую причину этого. Поэтому вѣрнѣе было бы желать не того, чтобы въ нашемъ непринужденномъ общеніи обсуждались религіозные предметы,—пусть это лучше происходитъ лишь случайно и мимоходомъ,—а того, чтобы въ этомъ общеніи господствовалъ религіозный духъ; а въ послѣднемъ, конечно, не будетъ недостатка, разъ значительная часть общества будетъ состоять изъ религіозныхъ людей.

3) Стр. 143. Трудно себѣ представить большее различіе, чѣмъ различіе между этимъ описаніемъ и тѣмъ, чего я самъ достигъ въ области религіозной рѣчи за почти тридцатилѣтній срокъ моей должностной дѣятельности, т.-е. за промежутокъ времени, втеченіе котораго каждый долженъ приблизиться къ осуществленію своего идеала настолько, насколько это ему вообще доступно. Если бы теорія и практика дѣйствительно такъ далеко расходились, то для моего оправданія мнѣ оставалось бы только сослаться на Сократа, которому было отказано въ иной мудрости и было дано знать лишь то, что онъ ничего не знаетъ; такъ и я могъ бы сказать, что мнѣ не было даровано это высшее краснорѣчіе, а только дано было предпочитать простую рѣчь стремленію къ фальшивымъ украшеніямъ. Но это все же не совсѣмъ такъ: ибо характеръ моего осуществленія опредѣляется тѣмъ различіемъ, которое развивается ниже въ той же рѣчи, и о которомъ приходится упомянуть и здѣсь,—именно различіемъ между церковнымъ обществомъ, какъ оно существуетъ среди насъ, и тѣмъ, что я въ той же рѣчи называю истинной церковью. Въ первомъ обществѣ рѣчи, каково бы ни было ихъ содержаніе, имѣютъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и дидактическій характеръ, такъ какъ ораторъ долженъ доводить до сознанія своихъ слушателей то, что хотя онъ и предполагаетъ въ нихъ, но что само по себѣ

не могло бы развиться въ нихъ въ такой формѣ. Но чѣмъ болѣе проступаетъ дидактическій характеръ, тѣмъ менѣе онъ совмѣстимъ съ украшеніемъ рѣчи, и потому тамъ благословеніе явственно лежитъ и на безыскусственной рѣчи. И то же самое примѣнимо и къ области иного религіознаго искусства. Ибо если представить себѣ религіозную поэзію во всей силѣ и красотѣ, которая умѣстна для возвеличенія Бога въ кругу всесторонне развитыхъ въ религіозномъ отношеніи людей,—какъ мы имѣемъ много такой красоты въ пѣсняхъ нашего Клопштока и нашего Гарденберга,—то вѣдь никому не придетъ въ голову примѣнять то же мѣрило и къ сборнику церковныхъ пѣсенъ.

4) Стр. 143. Врядъ ли мнѣ еще нужно здѣсь особо ограждать себя противъ ложнаго толкованія, будто я хочу изгнать всякій вообще порядокъ изъ собранія истинно религіозныхъ людей, и уподобить его нѣкоторымъ фанатическимъ сектамъ, которыя ничего не намѣчаютъ заранѣе для своихъ сходокъ, а все представляютъ случаю. Напротивъ, чѣмъ выше стиль религіознаго общенія т.-е. чѣмъ болѣе оно представляетъ искусно расчлененное цѣлое, тѣмъ болѣе оно нуждается въ строгомъ порядкѣ. Рѣчь идетъ здѣсь лишь о томъ, что все, принадлежащее къ гражданскому порядку, должно быть совершенно исключено, и что все можетъ здѣсь формироваться лишь на основѣ первичнаго всеобщаго равенства; и это разумѣется здѣсь въ самомъ строгомъ смыслѣ, ибо я считаю это необходимымъ условіемъ всякаго процвѣтанія такого общенія, одинаково какъ реально существующаго, такъ и того, которое здѣсь идеально изображено. Подобно тому, какъ безпорядокъ портитъ всякое общество, такъ и всякое общество разрушается порядкомъ, который созданъ для другого общества, ибо для него онъ тоже есть безпорядокъ. И если уже противоположность между священниками и мірянами не должна быть проводима слишкомъ рѣзко, то еще менѣе дозволительно подчеркивать въ средѣ мірянъ различіе, которое принадлежитъ къ совсѣмъ иной области. Если членъ общины, хотя бы внѣшнимъ образомъ стоящій въ какомъ либо сюзеренномъ отношеніи къ ней, считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться въ распорядокъ общины, въ устройство ея собраній и дѣйствовать въ качествѣ священника только потому, что онъ стоитъ высоко въ гражданскомъ обществѣ, — то и всякому иному ея члену, какъ бы низко онъ ни стоялъ въ гражданскомъ обществѣ, принадлежало бы то же право, и истинный и надлежащій порядокъ общины былъ бы совершенно уничтоженъ.

5) Стр. 145. Всякій свѣдующій въ писаніи читатель вспомнитъ здѣсь объ апостолѣ Павлѣ, который призывалъ всѣхъ христіанъ возвыситься до священства и свидѣтельствовалъ о принадлежности ихъ всѣхъ къ священству. Это есть, слѣдовательно, чисто христіанское выраженіе, а потому и изложенное здѣсь воззрѣніе о равенствѣ всѣхъ истинныхъ членовъ религіозной общины, при которомъ никто не долженъ быть ограниченъ однимъ восприниманіемъ, и высказываніе не есть исключительная привилегія нѣко-

торыхъ членовъ, есть подлинно христіанское воззрѣніе; вѣдь христіанство и усмотрѣло свою цѣль въ пророческомъ изреченіи, что всѣ должны быть научены Богомъ. И если мы представимъ себѣ эту цѣль достигнутой, и общину завершенной на ней, такъ что уже не можетъ быть рѣчи о возбужденіи религіи въ другихъ, и если отвлечься въ этомъ отношеніи отъ воздѣйствія на подрастающее юношество, то между членами общины не остается иного различія, кромѣ чисто преходящаго, касающагося выполняемой въ данный моментъ функціи. Поэтому, если мы видимъ, что во всѣхъ формахъ религіи, начиная съ самой глубокой древности, утверждается и сохраняется противоположность между священниками и мірянами, то намъ остается допустить лишь одно изъ двухъ. Либо здѣсь имѣло мѣсто первоначально различіе, и религіозно развитое племя соединилось съ болѣе грубымъ, причемъ ему не удалось возвысить послѣднее до полноты своей собственной религіозной жизни, которую въ такомъ случаѣ можно было бы найти среди самихъ священниковъ, въ ихъ мистеріяхъ и ихъ общественной жизни. Либо же религіозная жизнь столь неравномѣрно развилась въ народѣ, что стало необходимо — чтобы предупредить ея совершенное разсѣяніе,—дать особую организацію тѣмъ, въ которыхъ она сильнѣе обнаружилась, и тѣмъ придать бо́льшую силу ихъ воздѣйствію на остальныхъ; но вѣдь въ такомъ случаѣ, чѣмъ совершеннѣе эта организація, тѣмъ болѣе она должна со временемъ стать излишней. Христіанское священство въ болѣе узкомъ смыслѣ слова—въ употребленіи котораго я не долженъ оправдываться, ибо мы въ протестантской общинѣ вполнѣ согласны между собой, въ какомъ смыслѣ это выраженіе вообще не можетъ имѣть силы въ христіанствѣ—очевидно принадлежитъ къ послѣднему виду, и потребность въ немъ стала чувствительной лишь постепенно; это тѣмъ болѣе ясно, что вѣдь вначалѣ даже достоинство апостола не обосновывало никакого преимущества въ общинѣ. Но эта болѣе узкая секція общины получаетъ еще особое значеніе, независимо отъ религіознаго воодушевленія остальныхъ, въ силу того, что исторія христіанства и особенно болѣе точное значеніе первохристіанства необходимо должно было стать предметомъ науки, и къ этому научному знанію необходимо должны были пріобщаться всѣ тѣ, чьи религіозныя высказыванія должны были стоять въ сознательномъ согласіи съ исторіей. Такимъ образомъ, это различіе могло бы исчезнуть вполнѣ, лишь если бы всѣмъ христіанамъ была доступна эта наука; и если этого и нельзя ожидать, то значеніе этого различія должно все болѣе ограничиваться именно этой областью, въ которой оно въ конечномъ счетѣ только и можетъ найти себѣ основаніе.

6) Стр. 145. Выставленное здѣсь утвержденіе, на основаніи котораго ниже и къ внѣшнему религіозному обществу предъявляется требованіе, чтобы оно по возможности стало текучей массой,—утвержденіе, что въ религіозномъ общеніи нѣтъ рѣзкихъ обособленій и опредѣленныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя установлены механическими пріемами, т.-е. пріемами,

въ извѣстномъ смыслѣ произвольными и не вытекающими изъ природы самого предмета, повидимому, стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что я подробно развилъ въ введеніи Вѣроученія, § 7—10. И при этомъ нельзя сказать, что тамъ вопросъ объ общинѣ имѣетъ второстепенное значеніе, и главная задача состоитъ въ уясненіи своеобразныхъ чертъ различныхъ формъ вѣры по ихъ содержанію, и прежде всего своеобразія христіанства. Вѣдь именно для этой цѣли и нужно было уяснить христіанскую церковь, какъ опредѣленно ограниченную общину. Согласованіе состоитъ, напротивъ, въ слѣдующемъ. Съ одной стороны и здѣсь признается, что извѣстныя религіозно-общественныя массы образуются органически, что̀ совпадаетъ съ высказаннымъ тамъ утвержденіемъ, что въ основѣ всякой ограниченной общины лежитъ особая историческая исходная точка, которая именно и опредѣляетъ органическое развитіе. Если бы этими исходными точками не полагалась вмѣстѣ съ тѣмъ внутренняя разнородность, то эти массы были бы только численно различными, или различались бы лишь величиной и такого рода достоинствами, которыя зависятъ только отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условій,—какъ плоды съ одного дерева. И если бы они столкнулись своими границами, то въ этомъ случаѣ было бы естественно, чтобы они срослись между собой и тогда уже могли бы быть раздѣлены лишь механически, какъ это иногда и случается съ такими плодами. Съ другой стороны, тамъ утверждается внутренняя разнородность формъ вѣры, которою вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляются и общины,—но все же разнородность лишь въ подчиненіи и взаимномъ соотношеніи частей, и таковая не исключаетъ той малой степени общенія, которая здѣсь предполагается между разными формами вѣры. Вѣдь еслибы было невозможно, исходя изъ одной формы вѣры, понять другія, то вся представленная тамъ попытка была бы тщетной. Если же эти формы вѣры понимаешь въ ихъ внутренней сущности, то должно быть возможно также понимать ихъ формы проявленія, т.-е. ихъ богослуженія и притомъ не только въ качествѣ зрителя, но и въ извѣстной мѣрѣ внутренне усваивая ихъ; и къ этому неспособны лишь неразвитые члены каждой общины. И это есть то же самое, что утверждается здѣсь, именно что влеченіе къ обособленію, когда оно направляется на полное раздѣленіе, есть свидѣтельство несовершенства. И такъ какъ неразвитые члены не могутъ вѣдь сами по себѣ составить общину, а составляютъ ее лишь совмѣстно съ развитыми, то съ высказанными тамъ утвержденіями можетъ быть соединена и мысль, что религіозная община хотя и внутренно раздѣлена и расчленена, но все же въ иномъ отношеніи есть нѣчто единое, если только она не разсѣчена механически, будь то мечемъ или буквой. Развѣ не кажется намъ насильственнымъ и нечестивымъ, когда членамъ одной религіозной общины воспрещается посѣщать богослуженія другой общины въ цѣляхъ назиданія? А вѣдь лишь такимъ пріемомъ, т.-е. чисто механически, общины могли бы быть совершенно отдѣлены другъ отъ друга.

7) Стр.147. Было бы, конечно, заслугой показать, что *дикій* прозелитизмъ, который именно въ силу этого своего характера достоинъ порицанія, нигдѣ не основанъ на самой религіи; но можетъ показаться чрезмѣрнымъ высказанное здѣсь отрицаніе даже *мягкаго* прозелитизма, всякаго стремленія перетянуть другихъ людей изъ чужой формы религіи въ свою собственную, всякаго желанія вселить религію въ души, еще лишенныя ея. Здѣсь, повидимому, вопреки свидѣтельству всей исторіи, даже вопреки яснымъ словамъ самого Основателя христіанства, какъ и вопреки тому, что было сказано въ Вѣроученіи объ отношеніи христіанства къ инымъ формамъ религіи, утверждается, что распространеніе христіанства въ мірѣ исходило не изъ самого христіански-религіознаго чувства. Но это явственное стремленіе стоитъ и въ нѣкоторой связи съ представленіемъ, которое здѣсь также всецѣло отвергается, именно, что либо спасеніе вообще, либо нѣкоторая высшая его степень не можетъ быть столь же легко найдено внѣ опредѣленной религіозной общины, какъ внутри ея. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи здѣсь, повидимому, не дано надлежащее разграниченіе между истиннымъ и ложнымъ. И если, какъ это здѣсь предполагается, изложенное утвержденіе совершенной недопустимости прозелитизма есть правильный выводъ изъ предшествующей теоріи религіознаго общенія, то, очевидно, ошибку надо искать въ самой этой теоріи. Однако, болѣе точное разсмотрѣніе этой теоріи и правильное использованіе того, что признается въ дальнѣйшемъ изложеніи,—именно, что распространеніе собственной формы религіи есть все же естественное и допустимое частное дѣло отдѣльнаго лица, разрѣшитъ трудности и здѣсь. Если въ строжайшемъ смыслѣ слова существуетъ лишь единая вселенская религіозная община, въ которой всѣ различныя формы религіи взаимно признаютъ и созерцаютъ другъ друга, такъ что тотъ, кто переводитъ приверженцевъ одной формы въ другую, повидимому стремится къ разрушенію многообразія и къ умаленію цѣлаго,—то вѣдь очевидно, что и здѣсь многое, что можетъ существовать лишь на нисшихъ ступеняхъ развитія, разрушается само собой, и воспринимается свѣдующимъ, лишь какъ этапъ развитія; и потому нѣтъ ничего неправильнаго въ желаніи ускорить этотъ процессъ и управлять имъ. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе лица, исповѣдующія опредѣленную форму вѣры, вынуждены разсматривать другія формы, лишь какъ такіе этапы, тѣмъ сильнѣе въ нихъ разовьется миссіонерство. И если спросятъ, въ какой же религіи и въ отношеніи какихъ иныхъ это чувство болѣе всего правомѣрно, то прежде всего эта правомѣрность можетъ быть вообще признана за монотеистическими религіями, а въ самомъ широкомъ смыслѣ съ современной точки зрѣнія—за христіанствомъ; и то же самое было изложено въ Вѣроученіи, только болѣе научнымъ ходомъ мысли. Но всегда миссіонерство предполагаетъ именно эту единую, внутренне раздѣленную общину, на которую здѣсь всегда необходимо опираться. Ибо какъ Павелъ поступалъ въ Аѳинахъ, созерцая эллинскія богослуженія, чтобы примѣнить оцѣнку и пріобрѣсти

исходную точку для выраженія собственнаго благочестія,—такъ слѣдуетъ всегда поступать, и въ этомъ уже содержится общеніе между двумя формами религіи, которое, такимъ образомъ, возникаетъ всюду, гдѣ развивается такое ассимилирующее стремленіе. И въ связи съ этимъ можно опредѣлить истинное различіе между достохвальной миссіонерской ревностью, которая стремится лишь къ очищенію и дальнѣйшему развитію уже возникшаго благочестія, признаваемаго даже въ самыхъ слабыхъ его слѣдахъ, и указаннымъ дикимъ, всегда нечестивымъ прозелитизмомъ, который столь же легко можетъ выродиться и въ преслѣдованія: это различіе состоитъ въ томъ, что первая начинаетъ съ непредвзятаго и любовнаго созерцанія даже самыхъ несовершенныхъ формъ вѣры, послѣдній же считаетъ себя вправѣ игнорировать ихъ. Если къ этому еще присоединить, что утвержденіе, считающее миссіонерство частнымъ дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, не должно быть понимаемо въ узкомъ и буквальномъ смыслѣ, а лишь въ смыслѣ противопоставленія отдѣльныхъ лицъ всеобъемлющей общинѣ, то отсюда слѣдуетъ, что и союзы отдѣльныхъ лицъ, и даже цѣлыя формы религіи могутъ здѣсь считаться отдѣльными лицами.—Что же касается лозунга nulla salus, то для великой общины вѣрующихъ онъ имѣетъ абсолютную истинность, такъ какъ внѣ религіи они не могутъ признавать спасенія; поскольку же одна религіозная партія провозглашаетъ его въ борьбѣ съ другой, онъ имѣлъ разрушительное дѣйствіе, т.-е. поскольку отрицается вселенская община, и въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствительно связанъ съ дикимъ прозелитизмомъ. Объ особой истинности его въ христіанствѣ говоритъ Вѣроученіе въ согласіи съ развитыми здѣсь воззрѣніями.

8) Стр. 150. Встрѣчающееся во всѣхъ великихъ формахъ религіи, во всѣ времена и въ самыхъ разнообразныхъ варіаціяхъ, хотя и не всегда съ одинаковой интенсивностью, стремленіе въ предѣлахъ большого общества основывать болѣе мелкіе и тѣсные союзы явственно исходитъ всюду изъ допущенія, что большое общество пришло въ глубокій упадокъ. Оно сказывается въ сепаратизмѣ, который хотя и примыкаетъ въ цѣломъ къ опредѣленному религіозному ученію, но, не желая имѣть ничего общаго съ порядками религіознаго общества, очевидно, долженъ утверждать, что порядки общества независимы отъ его ученія, т.-е. опредѣлены чуждыми началами, и что поэтому религіозно-общественное состояніе есть болѣзненное состояніе членовъ общины. Послѣ высказаннаго выше утвержденія, что общительность лежитъ въ самой природѣ благочестія, никто не подумаетъ, что здѣсь защищается сепаратистская религіозность; здѣсь защищаются лишь попытки основанія болѣе тѣсныхъ союзовъ, которые ближе подходятъ къ идеѣ истинной церкви. Но эту славу они заслуживаютъ лишь въ томъ случаѣ, если они развиваютъ богатое творчество въ дѣлѣ религіознаго обнаруженія; напротивъ, когда они только опираются на узкую замкнутую букву, они прямо уничтожаютъ идею всеобъемлющаго общенія. Если такой союзъ основанъ, и при этомъ религіозное творчество слабо или совсѣмъ отсут-

ствуетъ, то болѣзненное состояніе совершенно явственно. Поэтому среди всѣхъ такихъ союзовъ все еще выдѣляется братская община, которая по крайней мѣрѣ создала своеобразную форму религіозной поэзіи. И религіозная рѣчь нашла тамъ болѣе широкую и многообразную сферу приложенія, такъ какъ, наряду съ общимъ собраніемъ, существуютъ многочисленныя собранія отдѣльныхъ частей общины; и въ этомъ отношеніи, такимъ образомъ, нельзя не признать наличности прекраснаго задатка, и если его развитіе не вполнѣ успѣшно, то виною этому, быть можетъ, недостаточно заботливое отношеніе къ дарованіямъ. И въ другихъ отношеніяхъ эта община обнаружила чистое и достохвальное направленіе тѣмъ, что она для себя отмѣнила ту замкнутость буквы, которая раздѣляетъ обѣ основныхъ вѣтви протестантской церкви, а равно и тѣмъ, что она стоитъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ этой церкви, какъ къ цѣлому, въ зависимости отъ обстоятельствъ каждаго даннаго момента. Точно также въ своихъ миссіонерскихъ стремленіяхъ, которымъ безъ колебаній надо присудить первое мѣсто среди такихъ попытокъ, она сохраняетъ чистый и вѣрный тактъ и умѣетъ легко и удачно дѣйствовать даже на самыя несовершенныя религіозныя умонастроенія и пробуждать въ нихъ воспріимчивость къ высокому духу христіанства. Итакъ, гдѣ пробудилось стремленіе къ такимъ болѣе узкимъ союзамъ, тамъ, конечно, естественно пренебрежительное отношеніе къ оффиціальной церкви въ ея данномъ состояніи; но такъ какъ это пренебрежительное отношеніе приписывается здѣсь всѣмъ въ болѣе высокомъ смыслѣ религіознымъ людямъ, то столь же легко отсюда должно возникнуть стремленіе улучшить также состояніе большой внѣшней общины и укрѣпить въ ней ея естественную связь съ истинной церквью.

9) Стр. 150. Это описаніе, какъ мнѣ кажется, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому внѣшнему виду, который въ то время имѣли наши богослужебныя собранія, и во всякомъ случаѣ оно опирается на непосредственное впечатлѣніе. Однако выводъ, что поэтому въ этихъ собраніяхъ господствуетъ совсѣмъ иной принципъ общенія, а не тотъ, который былъ развитъ выше, повидимому, можетъ быть признанъ не всецѣло, а лишь при слѣдующихъ ограниченіяхъ. А именно ниже, на стр. 172, членамъ истинной церкви, которые въ силу исторически сложившихся требованій не могутъ обнаруживать самодѣятельность и выступать въ роли священниковъ во внѣшнемъ религіозномъ обществѣ, указывается на домашнее богослуженіе, какъ на способъ удовлетворенія ихъ потребности въ религіозномъ обнаруженіи. Но если во внѣшней церковной общинѣ имѣются лица, способныя послѣдовать этому указанію, то они, несмотря на внѣшнія преграды, отнюдь не могутъ быть только пассивными и воспринимающими и въ церковныхъ собраніяхъ, такъ какъ вѣдь они тотчасъ же перерабатываютъ воспринятое въ связи съ указанной сферой обнаруженія. И эта дѣятельность въ такомъ случаѣ совершается въ самомъ собраніи, и если мы представимъ себѣ послѣднее и ассимилированныя съ нимъ домашнія богослуженія, какъ одно цѣлое, то эта

болѣе широкая община явится намъ въ видѣ единаго дѣятельнаго организма. И эта дѣятельность обнаружится и въ самомъ собраніи, когда нѣсколько семей связаны между собой въ своемъ религіозномъ чувствѣ, и когда тотъ, кто руководитъ собраніемъ, знаетъ эту внутреннюю производительность ея соучастниковъ и имѣетъ ее въ виду. Слѣдовательно, лишь тамъ, гдѣ и въ домашней жизни и въ родственномъ общеніи не развивается религіозное обнаруженіе—а въ то время дѣйствительно что-либо подобное было мало замѣтно въ предѣлахъ нашего отечества,—справедливъ выводъ, касающійся этого пункта. Кромѣ того, слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что, такъ какъ религіозное обнаруженіе по своей природѣ стремится стать искусствомъ и, слѣдовательно, обусловлено не одной только силой религіознаго чувства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мастерствомъ, то отсюда уже вытекаетъ невозможность полнаго равенства въ взаимномъ общеніи. Если мы сравнимъ съ этимъ крупныя формы изображенія въ какой-либо иной области искусства, и сообразимъ, что, напримѣръ, въ музыкальномъ искусствѣ для этого нуженъ не только композиторъ, но и художникъ-исполнитель, начиная съ виртуоза, играющаго на главномъ инструментѣ, вплоть до подчиненныхъ аккомпаніаторовъ, и кромѣ того еще изготовитель музыкальныхъ инструментовъ, и что и слушатели, если только они—знатоки, не только воспринимаютъ, но и перерабатываютъ воспринятое каждый на свой ладъ,—то мы должны будемъ признать, что и въ церковныхъ собраніяхъ огромное большинство можетъ состоять лишь изъ художниковъ аккомпаніаторовъ, и что тѣмъ не менѣе всѣ до нѣкоторой степени содѣйствуютъ обнаруженію цѣлаго. Слѣдовательно, лишь тамъ, гдѣ такое содѣйствіе совершенно отсутствуетъ, и имѣется либо только пассивно-религіозное настроеніе, либо же одно мірское художественное чувство, а не религіозный духъ, стремится высказаться и соучаствовать въ богослуженіи,—лишь тамъ вполнѣ осуществляется указанная односторонность.

10) Стр. 152. Если понимать сказанное здѣсь въ буквальномъ смыслѣ, то, конечно, нужно было бы прійти къ заключенію, что внѣшняя церковь существуетъ лишь въ силу собственнаго ничтожества, именно въ силу того, что она неспособна пробудить и усилить религіозное чувство до извѣстной степени жизненности. Но что это не слѣдуетъ понимать въ строгомъ смыслѣ,—явствуетъ уже изъ того, что иначе нужно было бы хвалить холодный и гордый уходъ изъ церкви, тогда какъ выше было признано, что это большое религіозное общество отнюдь не должно быть уничтожено. Но естественно, что здѣсь, какъ во всѣхъ подобныхъ человѣческихъ дѣлахъ, существуютъ различія по степени, основанныя на исконныхъ свойствахъ каждаго отдѣльнаго человѣка; и именно люди, стоящіе на различныхъ ступеняхъ, въ силу своей природы нуждаются другъ въ другѣ. Однако передается лишь внѣшняя видимость, а не внутренняя сущность, когда дѣло изображается такъ, какъ будто одни люди только воспринимаютъ впечатлѣнія отъ другихъ, и какъ будто возможно, если только процессъ достиг-

нетъ извѣстнаго предѣла, чтобы одинъ человѣкъ прямо внушалъ религію другому. Нѣтъ, религія исконно имѣется у каждаго, а также и пробуждается въ каждомъ. Разница лишь въ томъ, что въ нѣкоторыхъ она какъ бы срастается со всѣмъ своеобразіемъ ихъ личности, такъ что во всякомъ обнаруженіи религіознаго сознанія вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и это своеобразіе, въ другихъ же она лишена индивидуальной формы; и это не только встрѣчается среди людей, которые вообще представляются менѣе своеобразными, но имѣются и весьма оригинально развитые люди, у которыхъ однако это своеобразіе менѣе сказывается въ ихъ религіозныхъ эмоціяхъ. Въ такихъ людяхъ, слѣдовательно, религіозныя чувства зависятъ отъ нѣкоторыхъ общихъ условій и находятъ удовлетвореніе въ коллективныхъ обнаруженіяхъ. Но если бы тѣ, кто испытываютъ болѣе своеобразныя переживанія, захотѣли уклониться отъ этихъ коллективныхъ обнаруженій, то это нанесло бы ущербъ обѣимъ сторонамъ. Что случается съ коллективными обнаруженіями, когда они не оплодотворяются самобытными чувствами,—это мы видимъ въ тѣхъ церковныхъ обществахъ, въ которыхъ своеобразіе вообще оттѣснено назадъ и все опирается на твердо установленныя формулы; такъ, армянская и греческая церковь, если послѣдняя не испытаетъ теперь новаго подъема, представляются совершенно омертвѣвшими и живущими лишь механически. Но отдѣльный человѣкъ, какъ бы сильна и своеобразна ни была его жизнь, выдѣляясь изъ общины, теряетъ значительную часть своего духовнаго содержанія, и если то, что я здѣсь назвалъ истинной церквью, не можетъ выступить наружу въ реальномъ явленіи и его нигдѣ нельзя конкретно показать,—то человѣку ничего не остается, кромѣ изолированнаго обособленнаго бытія, которое, однако, благодаря отсутствію живого обмѣна все болѣе скудѣетъ.

11) Стр. 153. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ воззрѣніе, проникающее всю рѣчь, выражено рѣзче и яснѣе всего, то будетъ и лучше всего въ связи съ нимъ привести то, что осталось сказать въ поясненіе и исправленіе, кромѣ уже отмѣченнаго выше. Именно все сводится къ тому, чтобы правильно изобразить отношеніе между совершеннымъ взаимнымъ религіознымъ общеніемъ, которое я здѣсь описываю, какъ истинную церковь, и реально существующей религіозной общиной. Если послѣдняя и здѣсь признается доступной реформированію, какъ оно описано на стр. 159, то, предполагая послѣднее осуществленнымъ, поставимъ вопросъ: „Кромѣ священническаго дѣла, которое въ этомъ развивающемся обществѣ должны выполнять люди, обладающіе законченнымъ религіознымъ развитіемъ, образуютъ ли они между собой еще особое общество, которое соотвѣтствовало бы установленной идеѣ, и въ которое могли бы переходить по мѣрѣ своихъ успѣховъ и члены внѣшняго религіознаго общества?“ И когда мы, въ поискахъ такого общества, будемъ исходить изъ допущенія, что величайшіе мастера должны и творить величайшее, и присоединимъ къ этому высказанное выше, именно что для полнаго осуществленія своего искусства каждый мастеръ нужда-

ется и въ подчиненныхъ художникахъ, и въ достойныхъ, свѣдущихъ и самодѣятельно наслаждающихся слушателяхъ, и сообразимъ только при этомъ, что великіе мастера слишкомъ рѣдки и разсѣяны, чтобы имѣть возможность только изъ своей среды составить этотъ двойной кругъ,—то намъ остается только сказать, что въ реальномъ и пространственномъ воплощеніи такого общества нигдѣ нельзя встрѣтить на землѣ; и лучшее въ этомъ родѣ, что дѣйствительно можетъ быть найдено, есть указанное выше исправленное состояніе существующей церкви,—тѣ общества, въ которыхъ законченный художникъ собираетъ вокругъ себя толпу по возможности однородныхъ съ нимъ лицъ, которыя, однако, лишь черезъ него должны пополнить и развить свою жизнь. Но чѣмъ болѣе члены такого общества развиваются настолько, что образуютъ этотъ двойной кругъ, тѣмъ болѣе такое общество въ своемъ совокупномъ бытіи осуществляетъ великое религіозное обнаруженіе. Итакъ, поскольку эти лица могутъ быть поставлены въ связь между собой, постольку для людей, образующихъ душу подобнаго обнаруженія, существуетъ непосредственно и въ полномъ смыслѣ та высшая община, которая состоитъ въ взаимномъ общеніи и созерцаніи; и тогда въ этой общинѣ косвенно принимаютъ участіе и другіе члены, поскольку имъ удается возвыситься до подобнаго наслажденія чужими формами. Такимъ образомъ, установленное здѣсь понятіе истинной церкви можетъ быть реализовано не въ отдѣльномъ явленіи, а лишь—какъ это уже намѣчено выше на стр. 146—въ мирномъ вселенскомъ союзѣ всѣхъ существующихъ церковныхъ общинъ, изъ которыхъ каждая достигала бы по возможности совершенства въ своей самобытности; эта идея, относящаяся къ совершенствованію человѣческой природы, должна быть болѣе подробно развита въ этикѣ. Два возраженія слѣдуетъ здѣсь еще устранить,—что̀, впрочемъ, не трудно сдѣлать. Прежде всего, кто-нибудь, быть можетъ, поставитъ вопросъ, какъ согласовать это съ тѣмъ, что въ Вѣроученіи христіанству приписывается призваніе воспринять въ себя всѣ остальныя формы религіи? Вѣдь если все сольется воедино, то уже не можетъ существовать указанный вселенскій союзъ для общенія и созерцанія различнаго. Но уже было упомянуто, что всѣ естественно сушествующія своеобразія не исчезаютъ въ христіанствѣ, а развиваются въ предѣлахъ послѣдняго, несмотря на свое высшее единство, какъ подчиненныя формы. Если и теперь христіанство не представляетъ внѣшняго единства, а высшее, о чемъ мы можемъ мечтать, есть именно описанный мирный союзъ его различныхъ формъ,—то у насъ нѣтъ основанія думать, что оно когда-либо сольется въ такое внѣшнее единство, и мы должны предполагать, что и тогда оно будетъ вселенскимъ союзомъ. Во-вторыхъ же, кто-нибудь могъ бы сказать, что то, что̀ здѣсь зовется истинной церквью, несомнѣнно уже реально существовало въ отдѣльномъ явленіи. Вѣдь если апостолы Христа разсѣялись, чтобы въ домахъ и школахъ проповѣдовать Евангеліе и преломлять хлѣбъ, то они выполняли священническое призваніе среди мірянъ во внѣшней церкви; а ког-

да они были одни между собой, чтобы восхвалять Господа Бога, то они именно и составляли истинную церковь; и сама рѣчь довольно внятно намекаетъ (стр. 158), что такая жизнь никогда не должна всецѣло растворяться въ указанномъ болѣе широкомъ общеніи, а всегда должна вновь возстановляться изъ него. И конечно, если когда-либо истинная церковь въ нашемъ смыслѣ существовала въ отдѣльномъ явленіи, то это было тогда. Но одного еще недоставало для этого, — именно того величія и мастерства обнаруженія, которое эта рѣчь также признаетъ существеннымъ для истинной церкви. И это сознаніе несовершенства служило, съ человѣческой точки зрѣнія, однимъ изъ мотивовъ дальнѣйшаго распространенія христіанства. Это явленіе, несмотря на краткость своего существованія, конечно, все же свидѣтельствуетъ, что несовершенная церковь произошла лишь изъ совершенной; но какъ только оно исчезло, оно, благодаря огромной силѣ распространенія, присущей христіанству, не могло уже вернуться, и истинная церковь отнынѣ можетъ быть обрѣтена только въ указанномъ вселенскомъ союзѣ.

Итакъ, высшая духовная община совершенныхъ вѣрующихъ обусловлена, какъ описано выше, инымъ общеніемъ—общеніемъ болѣе совершенныхъ съ менѣе совершенными; но если послѣднее приняло лучшую форму, въ которой оно только и можетъ служить основой для первой, то заслуживаетъ ли оно еще упрека, что въ него вступаютъ лишь ищущіе, и что въ немъ остаются лишь еще не нашедшіе вѣры? Это, конечно, можно и тогда еще сказать о немъ, но лишь поскольку въ этомъ не содержится упрека. Ибо каждый вступающій ищетъ; не только болѣе пассивный и несовершенный вѣрующій ищетъ другихъ, кто могли бы вдохновить и развить его, но и болѣе совершенный ищетъ помощниковъ для обнаруженія, въ которомъ можно было бы подмѣтить духъ истинной церкви, и черезъ общее дѣло онъ ищетъ содѣйствія себѣ какъ въ своемъ внѣшнемъ мастерствѣ, такъ и во внутренней силѣ и истинѣ. Поэтому-то всѣ члены общины находятся въ состояніи не завершенія, а развитія. Но если этому общенію даже въ его лучшей формѣ противопоставить общеніе совершенныхъ вѣрующихъ и опредѣлить послѣднихъ, какъ лицъ, которыя ничего уже не ищутъ, кромѣ радости созерцанія, такъ какъ каждый уже сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ быть,—то это общеніе будетъ опять-таки не чѣмъ инымъ, какъ описаннымъ вселенскимъ союзомъ. Вѣдь въ послѣднемъ каждый имѣетъ значеніе лишь въ силу того, что̀ онъ есть и что̀ онъ даетъ, а также не можетъ ожидать отъ созерцанія чужеродныхъ началъ непосредственнаго содѣйствія своему самобытному развитію. Если же изображеніе истинной церкви должно относиться къ непосредственному сожительству совершенныхъ, то въ буквальномъ смыслѣ оно примѣнимо къ торжествующей церкви; ибо лишь въ ней мыслится чисто взаимное общеніе безъ неравенства и безъ прогрессированія. Здѣсь же эта истинная церковь можетъ быть осуществлена лишь постольку, поскольку имѣется истинная жизнь и творческое развитіе въ существующихъ церковныхъ общинахъ.

12) Стр. 153. Здѣсь указаны два недостатка въ современномъ устройствѣ церкви; хотя первый изъ нихъ въ разное время причинялъ гораздо болѣе замѣшательства, но непосредственно второй дѣйствовалъ всегда сильнѣе на мое чувство и внушалъ сознаніе несовершенства церковной общины. Я имѣю въ виду порядокъ, по которому самое священное наше символическое дѣяніе—причастіе—,хотя оно образуетъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ болѣе крупныхъ общинъ, естественную вершину каждаго богослуженія, и слѣдовательно при всякомъ такомъ случаѣ можетъ быть совершено, все же должно быть всегда заранѣе обдумано и подготовлено участниками. Конечно, никто не будетъ отрицать, что было бы прекраснѣйшимъ дѣйствіемъ всего богослуженія, если бы оно во многихъ изъ присутствующихъ возбудило настроеніе, при которомъ они могли бы принять причастіе; но именно этотъ прекраснѣйшій плодъ благочестиваго настроенія пропадаетъ. И съ другой стороны, когда все заранѣе обдумано и подготовлено, какъ часто могутъ наступить внѣшнія и внутреннія препятствія, которыя уменьшаютъ силу этого дѣйствія, а между тѣмъ, такъ какъ оно уже подготовлено, его уже трудно опустить изъ-за такой помѣхи. Развѣ такое отношеніе къ предмету не есть ясное доказательство, какъ мало мы еще довѣряемъ дѣйствію богослуженія на души, и какъ мы во всѣхъ христіанахъ безъ исключенія видимъ только новичковъ, на которыхъ нельзя положиться? Счастливая будетъ пора, когда мы сможемъ отбросить эту осторожность и когда мы будемъ съ радостью встрѣчать у стола Господа всякаго, кого повлечетъ туда внезапный порывъ!—Гораздо больше замѣшательства возникаетъ, впрочемъ, изъ второго, порицаемаго здѣсь недоразумѣнія, именно изъ того, что не только духовныя лица оцѣниваютъ сами себя по символическому мѣрилу, но и міряне рѣшаются судить по этому мѣрилу духовныхъ лицъ, и даже общинамъ предоставляется право требовать, чтобы священникъ поучалъ ихъ въ согласіи съ буквой символовъ. Конечно, въ другихъ случаяхъ, когда кто-либо изготовляетъ какой-нибудь предметъ для моего употребленія, то я долженъ имѣть право, если хочу, самъ опредѣлить, какъ онъ долженъ быть изготовленъ, такъ какъ вѣдь только я одинъ могу судить о моей потребности въ связи съ общей моей природой. Совсѣмъ иначе, однако, дѣло обстоитъ съ ученіемъ; вѣдь если бы я былъ въ состояніи судить, каково должно быть ученіе о какомъ либо предметѣ, чтобы быть полезнымъ мнѣ, то я собственно уже не нуждаюсь въ ученіи, а могу самъ дать его себѣ, или нуждаюсь развѣ только въ напоминаніи о немъ. Это притязаніе, слѣдовательно, тѣмъ болѣе неправильно, чѣмъ рѣзче въ иныхъ отношеніяхъ проводится различіе между духовными лицами и міянами; вѣдь гдѣ всѣ равны, тамъ было бы болѣе естественно полагать, что возникнетъ соглашеніе придерживаться нѣкотораго общаго типа. Оно также тѣмъ болѣе неправильно, чѣмъ болѣе поученіе духовныхъ лицъ есть свободное изліяніе сердца, какъ это, благодареніе Богу, еще всюду имѣетъ мѣсто въ евангелической церкви, и чѣмъ меньше придается особое зна-

ченіе повторенію установленныхъ формулъ, какъ это встрѣчается въ римской и греческой церкви. И если міряне — все равно, будь то отдѣльныя лица—покровители церкви или общины—,или государственная власть, какъ цѣлое, или даже сами общины — хотятъ опредѣлить, что соотвѣтствуетъ буквѣ символовъ и какъ далеко простирается ея авторитетъ въ области свободнаго поученія, то въ этомъ содержится еще та извращенность, что вѣдь буква символовъ исходитъ отъ духовныхъ лицъ, которыя, конечно, не хотѣли дать черезъ нее мірянамъ власть надъ собой, и что міряне только черезъ духовныхъ лицъ и съ помощью ихъ обученія оказались способными понимать букву символовъ. Эта извращенность достигаетъ апогея, когда глава государства лично, какъ таковой, считаетъ себя управомоченнымъ и способнымъ обсуждать букву символовъ другой церковной общины и отношеніе ея духовныхъ лицъ къ этой буквѣ, а тѣмъ самымъ, слѣдовательно, опредѣлять, какія религіозныя рѣчи лицъ, религіозность которыхъ ему совершенно чужда, могутъ или не могутъ содѣйствовать развитію этой религіозности. Представимъ себѣ, напримѣръ, что китайскій императоръ, хотя и терпѣлъ бы христіанство, но черезъ своихъ мандариновъ заботился бы о томъ, чтобы ни одно христіанское направленіе не уклонялось отъ своихъ символовъ. Здѣсь можно утѣшаться лишь тѣмъ, что дальше идти некуда, и что отсюда возможенъ лишь поворотъ назадъ.

13) Стр. 154. Это отношеніе въ нѣкоторомъ смыслѣ выступаетъ яснѣе всего въ римской и греческой церкви, такъ какъ тамъ, съ одной стороны, рѣзче всего выражена противоположность между священниками и мірянами, которые тамъ представляются какъ бы двумя различными классами христіанъ, и, съ другой стороны, духовныя лица не ограничиваются управленіемъ общинами; это есть главная задача лишь части духовенства, именно бѣлаго духовенства, и только побочное дѣло для другой части, которая должна преимущественно жить въ высшемъ религіозномъ созерцаніи. Поэтому тамъ духовенство въ своей внутренней совмѣстной жизни составляло истинную церковь; міряне же признаются людьми, которые еще нуждаются въ религіозномъ воспитаніи и потому подчинены постоянному и строгому духовному руководительству; и высшимъ торжествомъ этого руководительства является, когда нѣкоторые изъ мірянъ становятся достойными включенія въ указанную болѣе узкую сферу религіозной жизни. И дѣйствительно, мы должны были бы признать, что въ католической церкви воплощены основныя черты установленной здѣсь теоріи, если бы въ другихъ отношеніяхъ не было явственно, напротивъ, рѣзкое противорѣчіе между ними. И при этомъ я ссылаюсь не на несовершенство выполненія, не на плохой составъ духовенства и не на нечестивую пустоту монастырской жизни; вѣдь въ такомъ случаѣ можно было бы сказать, что это есть лишь неудавшаяся попытка выразить истинную церковь внѣ связи съ тѣми, кто должны еще получить религіозное воспитаніе. Нѣтъ, главное здѣсь то, что неудача начинанія предопредѣлена его основами, ибо по идеѣ созерцатель-

ная жизнь должна быть совершенно отдѣлена отъ дѣятельной, и высшая религіозная жизнь признается несовмѣстимой съ послѣдней; я говорю: „по идеѣ", такъ какъ на практикѣ духовенство и даже монашество часто болѣе всего пропитано мірскими заботами. И если, на основаніи всего вышесказаннаго, подвести итогъ тому, что̀ отъ этого далѣе зависитъ, то врядъ ли можно будетъ сомнѣваться, что и въ этомъ отношеніи протестантизмъ есть возвратъ къ вѣрному пути для воплощенія истинной церкви и что онъ больше содержитъ въ себѣ отъ послѣдней, чѣмъ католицизмъ.

14) Стр. 155. Здѣсь легко можетъ возникнуть то недоразумѣніе, будто я вывожу самое догматику изъ порчи религіи, тогда какъ вѣдь въ другомъ мѣстѣ я достаточно опредѣленно заявилъ, что, какъ только какая-либо религія получаетъ болѣе широкое развитіе, въ связи съ нею должно развиться и богословіе; догматика же, которая устанавливаетъ замкнутую связь религіозныхъ положеній и вѣроученій, всегда была и останется естественнымъ и существеннымъ звеномъ богословія. Здѣсь же рѣчь идетъ лишь о ложномъ интересѣ, который такъ часто вся церковь питаетъ къ системѣ ученія, и этотъ интересъ основанъ дѣйствительно на указанной порчѣ; ибо догматика, какъ цѣликомъ, такъ и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, которыя вѣдь никогда не могутъ быть сполна поняты внѣ связи съ цѣлымъ, должна оставаться исключительнымъ достояніемъ людей, научно образованныхъ въ этой спеціальности. Имъ она служитъ, съ одной стороны, топикой, чтобы обозрѣвать всю сферу того, что можетъ быть предметомъ религіознаго обнаруженія и общенія, и находить надлежащее мѣсто для всего единичнаго; съ другой стороны, она служитъ имъ критической нормой, чтобы провѣрять на точно отчеканенныхъ выраженіяхъ все, встрѣчающееся въ религіозномъ общеніи, и тѣмъ скорѣе отмѣчать все, что не укладывается въ это выраженіе,—все равно, происходитъ ли это только отъ смутности, или же за этимъ скрывается что либо, противорѣчащее духу цѣлаго. Оба интереса лежатъ всецѣло за предѣлами кругозора всѣхъ остальныхъ членовъ церкви, которыхъ поэтому совсѣмъ не должно было бы затрогивать все, что происходитъ въ этой области. Ибо если въ церковномъ или товарищескомъ общеніи встрѣчается что-либо, оскорбляющее ихъ непосредственное религіозное сознаніе, то для констатированія этого они не нуждаются ни въ какомъ дальнѣйшемъ догматическомъ свидѣтельствѣ. Если же они впечатлительны къ тому, что̀ относится только къ научной терминологіи, то въ этомъ и заключается указанная порча,—все равно, впадаютъ ли они сами собой въ неумѣстное суемудріе, или ихъ въ слѣпомъ усердіи призвали на помощь воинствующіе богословы, чтобы совмѣстными усиліями ученыхъ и неученыхъ укротить какого-нибудь опаснаго человѣка. Но было бы, конечно, хорошо, если бы сами богословы положили начало повороту въ этомъ отношеніи, т.-е. призвали бы мірянъ, кто бы они ни были, воздерживаться отъ всѣхъ догматическихъ споровъ и внушили бы имъ добрую вѣру, что имѣется достаточно благочестивыхъ богослововъ, чтобы выполнить это дѣло.

15) Стр. 160. Сказанное здѣсь легко можетъ быть исправлено на основаніи предшествующихъ поясненій. Вѣдь если то, что̀ здѣсь зовется истинной церковью, не существуетъ въ какомъ-либо отдѣльномъ явленіи, то въ буквальномъ смыслѣ слова не можетъ быть в р е м е н н а г о пребыванія въ той единственной церковной общинѣ, которая существуетъ, какъ дѣйствительное конкретное явленіе. Преходящій характеръ имѣетъ только исключительная принадлежность къ этой общинѣ, такъ что тотъ, въ комъ развилась совершенная религіозность, долженъ быть также въ состояніи, кромѣ опредѣленной общины, къ которой онъ принадлежитъ, нѣкоторымъ образомъ участвовать и въ вселенскомъ союзѣ всѣхъ общинъ. Точно такъ же и слово „р ѣ ш а ю щ е е состояніе“ не должно пониматься буквально, какъ будто неспособный къ участію въ истинной церкви долженъ либо быть исключенъ изъ всякаго религіознаго общенія, либо добровольно выступить изъ него. Ибо перваго не могутъ и не должны дѣлать религіозные люди, послѣдняго же они не могутъ потерпѣть. Вѣдь они не могутъ допустить, чтобы кто-либо выступилъ изъ религіознаго общенія, такъ какъ они должны стремиться доставить своимъ религіознымъ обнаруженіямъ возможно большее распространеніе и внушительность; и еще менѣе могутъ они исключать кого-либо, ибо абсолютная неспособность человѣка никогда не можетъ быть познана, а слѣдуетъ, напротивъ, всегда исходить изъ допущенія, что настанетъ время, когда общее всѣмъ людямъ разовьется и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, и что имѣются еще невѣдомые способы возбужденія, которые могутъ способствовать такому развитію. Впрочемъ, остается безспорнымъ, что тотъ, въ комъ религіозность можетъ быть пробуждена столь трудно и медленно и именно въ той формѣ, которая ему ближе и роднѣе всего, врядъ ли сможетъ достигнуть указаннаго высшаго развитія и свободнаго наслажденія.

16) Стр. 160. Здѣсь высказано большое пристрастіе къ мелкимъ церковнымъ общинамъ по сравненію съ крупными церковными организаціями; безспорно, это пристрастіе подчеркнуто здѣсь односторонне; трудно вообще избѣгнуть односторонности, и труднѣе всего въ риторической рѣчи, когда надо направить вниманіе на предметъ, который обычно совсѣмъ упускается изъ виду или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ недоцѣнивается. Пристрастіе же это основывалось на слѣдующемъ. Во-первыхъ, на большомъ многообразіи, которое можетъ обнаруживаться въ предѣлахъ опредѣленнаго пространства и времени, тогда какъ большія массы либо вообще не допускаютъ многообразія, либо же скрываютъ его, такъ что лишь болѣе зоркій наблюдатель можетъ воспринять его. Сюда же относится преимущественно то, что въ области религіи болѣе, чѣмъ въ иныхъ сферахъ, часто возникаютъ притягательныя точки, которыя не могутъ надолго сохранить своего значенія, но вокругъ которыхъ, хотя бы и временно, могутъ развиваться сильныя и своеобразныя явленія; и всѣ такіе зародыши гибнутъ или по крайней мѣрѣ не достигаютъ ясной и полной организаціи, когда су-

ществуютъ лишь большія церковныя общества. Второй же основной пунктъ состоитъ въ томъ, что болѣе мелкія церковныя общины по своей природѣ, такъ какъ онѣ возбуждаютъ менѣе опасеній, могутъ свободнѣе развиваться и менѣе опекаются гражданскими властями. Въ обоихъ отношеніяхъ въ ту пору, когда я впервые это писалъ, Америка представлялась мнѣ изумительно оживленной ареной, гдѣ все развивается именно въ такихъ формаххъ, и гдѣ поэтому, какъ мнѣ казалось, болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, не исключая и возлюбленнаго отечества, обезпечена свобода религіозной жизни и религіознаго общенія. Съ того времени это еще болѣе развилось, и мое чаяніе подтвердилось. Тамъ свободно образуются союзы, и легко распускаются, болѣе мелкія части отдѣляются отъ крупнаго цѣлаго, и, наоборотъ, небольшія цѣлыя стремятся найти общее средоточіе, чтобы слиться въ болѣе широкое единство. И свобода христіанскаго развитія столь велика, что можетъ показаться—хотя, какъ мнѣ думается, это было бы невѣрно—что нѣкоторыя общины, какъ, напр., общины такъ называемыхъ унитаріевъ, выходятъ за предѣлы христіанства. При другихъ условіяхъ могло бы возникнуть опасеніе, что при такомъ распаденіи христіанства постепенно потеряется его великая историческая форма и что въ особенности можетъ быть предано полному забвенію научное фиксированіе послѣдняго. Но съ тѣхъ поръ, какъ тамъ наука начинаетъ подыматься на болѣе высокій уровень, а также основаны учрежденія для распространенія христіанской учености, перспектива становится еще болѣе отрадной, и можно пожалѣть лишь о томъ, что—какъ по крайней мѣрѣ это представляется намъ издали—британское вліяніе начинаетъ все болѣе преобладать, германское же вліяніе отступаетъ назадъ; и потому слѣдуетъ пожелать этимъ республикамъ болѣе сильную нѣмецкую иммиграцію, на которой могло бы основаться длительное вліяніе нѣмецкаго духа.—Но теперь я отнюдь не хотѣлъ бы столь же исключительно высказаться въ пользу болѣе мелкихъ общинъ и противъ крупныхъ организацій, послѣ того какъ я отвыкъ отъ первыхъ и болѣе вжился въ послѣднія. На примѣрѣ Англіи яснѣе всего обнаруживается, что съ христіанствомъ дѣло обстояло бы плохо въ обоихъ случаяхъ, т.-е. и въ томъ случаѣ, если бы тамъ епископальная церковь совершенно уничтожилась и растворилась въ мелкихъ общинахъ, и въ томъ случаѣ, если бы она поглотила послѣднія и существовала одна; такъ и вообще можно сказать, что для развитія въ предѣлахъ всего христіанства религіозной жизни во всей ея полнотѣ и многообразіи должно одновременно существовать то и другое, большія организаціи и мелкія общины, какъ это и было почти всегда; при этомъ мелкія общины могли бы сливаться въ крупныя и опять возсоздаваться изъ нихъ, а большія организаціи могли бы отдавать тѣ элементы, которые вносятъ въ нихъ дезорганизацію, мелкимъ общинамъ и снова обогащаться и усиливаться черезъ послѣднія. Послѣ такого рѣшенія дѣла никто не задастъ вопроса, какъ это пристрастіе къ мелкимъ религіознымъ общинамъ согласимо съ живымъ участіемъ въ со-

единеніи обѣихъ протестантскихъ церковныхъ общинъ, соединеніи, которое, очевидно, не только создаетъ изъ двухъ болѣе мелкихъ общинъ одну крупную, но и явственно уничтожаетъ преимущественно меньшую изъ двухъ общинъ. Лишь слѣдующее я хотѣлъ бы еще добавить къ этому. Въ основѣ раздѣленія обѣихъ этихъ церковныхъ общинъ лежитъ несомнѣнно нѣкоторое первоначальное различіе,—различіе не столько въ ученіи, ибо здѣсь оно и теперь представляется мнѣ совершенно незначительнымъ, сколько въ общемъ духѣ; внѣ этого различія такое раздѣленіе по столь незначительнымъ въ иныхъ отношеніяхъ мотивамъ и не могло бы возникнуть. И нельзя сказать, что это различіе уже совершенно исчезло, но теперь, какъ это бываетъ со всякой вообще односторонностью, повидимому наступило время, когда эта односторонность можетъ быть гораздо сильнѣе сглажена посредствомъ полнаго сліянія различныхъ элементовъ, чѣмъ посредствомъ ихъ мирнаго сосѣдства, и когда черезъ соединеніе можетъ быть создана болѣе связанная въ свободѣ и болѣе свободная въ связанности жизнь, чѣмъ та, которая существовала въ обѣихъ общинахъ въ ихъ обособленномъ состояніи. Кромѣ того, повидимому, наступила послѣдняя пора озаботиться, чтобы нѣкогда вновь разгорѣвшееся соперничество между ними не воспрепятствовало неизбѣжному въ будущемъ сильному противодѣйствію нѣкоторымъ опаснымъ стремленіямъ римской церкви.

17) Стр. 162. Кто столь настойчиво, какъ я это сдѣлалъ въ четвертомъ собраніи моихъ проповѣдей, высказался въ пользу того, чтобы все дѣло призрѣнія бѣдныхъ вновь перешло въ руки церковныхъ организацій, тотъ, повидимому, хорошо знаетъ, какъ надо справляться со всякимъ земельнымъ и денежнымъ имуществомъ. Однако и самое широкое призрѣніе бѣдныхъ нуждается только въ вѣрныхъ ежегодныхъ доходахъ. Такимъ образомъ, если только союзъ общины твердъ, и господствующій въ немъ духъ сохраняетъ живую и добрую волю въ отношеніи этого дѣла, то и это дѣло можетъ удовлетворительно выполняться безъ такого имущества; и при прочихъ равныхъ условіяхъ оно будетъ вестись такъ еще лучше, такъ какъ безспорно, что, съ одной стороны, всякій капиталъ можетъ быть лучше использованъ частными лицами, и, съ другой стороны, такое владѣніе всегда придаетъ что-то чуждое чистому характеру церковной общины и приводитъ къ иной оцѣнкѣ членовъ общины, кромѣ чисто религіозной.

18) Стр. 162. Въ этой жалобѣ мое мнѣніе отнюдь не сводилось къ тому, что государство не должно во многихъ и весьма важныхъ вещахъ главнымъ образомъ опираться на силу религіознаго умонастроенія и на совпаденіе его интересовъ съ естественнымъ дѣйствіемъ этого умонастроенія: но именно поскольку государство считаетъ себя вынужденнымъ опираться на него, оно должно дѣлать это такъ, чтобы не наносить ущерба чистому дѣйствію религіозности, а послѣднее неизбѣжно происходитъ при всякомъ положительномъ вмѣшательствѣ. Ибо здѣсь, повидимому, можетъ быть вѣрнымъ лишь одно изъ двухъ: либо государство исходитъ изъ допу-

щенія религіознаго настроенія своихъ членовъ и довѣрчиво пользуется его дѣйствіемъ, при чемъ оно всегда сохраняетъ право взять назадъ это допущеніе въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, въ которыхъ не обнаруживается дѣйствіе религіозности, или же, если такой недостатокъ открывается въ значительномъ большинствѣ религіозной общины, изслѣдовать, въ какой мѣрѣ это вытекаетъ изъ основъ послѣдней и въ соотвѣтствіи съ этимъ модифицировать свое допущеніе. Но пока государство не имѣетъ основанія лишать общину своего довѣрія, оно должно знать также, что организація общества вытекаетъ изъ того же умонастроенія, отъ котораго оно ожидаетъ благихъ результатовъ, и что по природѣ вещей лишь тѣ, въ комъ сильнѣе всего это умонастроеніе, будутъ имѣть наибольшее вліяніе на жизнь общества и управленіе имъ; и потому оно должно допустить, чтобы организація общины проистекала изъ нея самой, безъ руководства съ его стороны, и притомъ до тѣхъ поръ, пока у него не возникнетъ основанія для потери довѣрія къ этой общинѣ. Поэтому, если государство питаетъ это довѣріе лишь къ опредѣленной формѣ религіозности, то оно идетъ этимъ путемъ въ своихъ отношеніяхъ къ этому обществу, и его отношеніе къ остальнымъ общинамъ опредѣляется мѣрой его недовѣрія къ нимъ, которое можетъ дойти до полной нетерпимости. Но если, такимъ образомъ, государство предоставляетъ свободу какому-либо религіозному обществу и даруетъ ему высокую степень независимости, другое же опекаетъ болѣе строго и опредѣляетъ само его организацію, то это не можетъ имѣть иного разумнаго основанія, кромѣ того, что оно менѣе довѣряетъ послѣднему; и нельзя себѣ представить болѣе страннаго явленія, чѣмъ если государство болѣе всего опекаетъ и ограничиваетъ свободную дѣятельность именно того религіознаго общества, къ которому принадлежитъ самъ глава государства. Этотъ случай довѣрія къ религіозному умонастроенію мы имѣемъ прежде всего въ виду въ нашемъ теперешнемъ изслѣдованіи; второй же, противоположный, случай состоитъ въ томъ, что государство не ожидаетъ отъ религіознаго умонастроенія своихъ подданыхъ благихъ послѣдствій для чего-либо, что̀ принадлежитъ къ его сферѣ. Но и тогда единственнымъ послѣдовательнымъ поведеніемъ, повидимому, можно признать то, что государство терпитъ религію, какъ безразличную для него склонность, и лишь, какъ и въ отношеніи другихъ частныхъ союзовъ, заботится о томъ, чтобы изъ этого не возникло какого-либо ущерба для гражданскаго общества. Если мы теперь примѣнимъ эти соображенія къ тому вопросу, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, именно къ воспитанію—вѣдь къ нему здѣсь все сводится—то мы, повидимому, должны прійти къ слѣдующимъ выводамъ. Религіозное воспитаніе, какъ таковое, никогда не будетъ исчерпывать человѣческое воспитаніе; всякое совершенствованіе, которое не можетъ непосредственно интересовать религіозное общество, какъ таковое, напр., гимнастическое развитіе или высшее научное образованіе, будетъ лежать за предѣлами религіознаго воспитанія. Если же церковь, быть можетъ, ранѣе позаботилась о воспитаніи,

чѣмъ государство, и государство захочетъ ей сказать: „я вижу, у васъ есть учрежденія для воспитанія юношества, но, хотя я ихъ и одобряю, я нахожу ихъ недостаточными для себя; поэтому я хочу внести въ нихъ то, чего имъ недостаетъ, но зато и взять подъ свое управленіе всю организацію",—то церковь, если она смѣетъ говорить и понимаетъ свое собственное благо, отвѣтитъ: „нѣтъ, это неправильно; ты можешь создавать свои учрежденія для всего, недостающаго тебѣ, и мы, въ качествѣ гражданъ, постараемся съ своей стороны принести имъ посильную помощь; но позволь намъ попрежнему самимъ заботиться о нашихъ учрежденіяхъ въ предѣлахъ того, что̀ намъ нужно; и въ своихъ собственныхъ учрежденіяхъ ты можешь обойтись безъ того, что́, по твоему мнѣнію, цѣлесообразно осуществляется въ нашихъ". Если государство, тѣмъ не менѣе, въ силу своей власти поступаетъ иначе, то для церкви это всегда будетъ въ высшей степени нежелательнымъ вмѣшательствомъ, и она будетъ ощущать это, какъ ущербъ для себя, хотя бы это и доставляло ей нѣкоторыя двусмысленныя выгоды, нѣкоторое вліяніе на такія стороны жизни, въ которыхъ по естественному ходу вещей она не могла бы имѣть вліянія.—Точно такъ же дѣло обстоитъ и съ обученіемъ человѣческимъ обязанностямъ въ гражданской жизни, обученіемъ, которое вѣдь есть не что иное, какъ дальнѣйшее воспитаніе уже взрослыхъ членовъ народа. Нѣтъ сомнѣнія, что государство нуждается въ такомъ обученіи, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе оно естественно пріобрѣтается изъ условій самой общественной жизни. И если государство находитъ, что въ религіозныхъ упражненіяхъ и бесѣдахъ церковной общины или многихъ церковныхъ общинъ, которыя имѣются въ его средѣ, имѣетъ мѣсто такое обученіе, и что разногласія между этими общинами, если ихъ нѣсколько, не вызываютъ сколько-нибудь существеннаго различія въ этомъ отношеніи, то оно охотно рѣшитъ обойтись безъ собственнаго учрежденія для этой цѣли. Но если государство скажетъ: „я хочу воспользоваться вашими поученіями; но чтобы быть увѣреннымъ, что моя цѣль будетъ вполнѣ осуществлена, я долженъ все же потребовать отъ васъ, чтобы вы не забыли говорить о томъ и томъ, и чтобы вы въ опредѣленное время напоминали о томъ-то изъ исторіи, и потому я долженъ принять мѣры, чтобы быть освѣдомленнымъ, дѣйствительно ли это выполняется",—то церковь, если она смѣетъ, конечно, отвѣтитъ: „это невозможно; вѣдь въ такомъ случаѣ мы должны были бы прибѣгать къ поученіямъ, которыя совсѣмъ не относятся къ нашей области; что же касается упоминанія историческихъ событій, то намъ кажется несноснымъ, что, напр., въ опредѣленные дни мы должны радостно поминать твою побѣду надъ другимъ государствомъ, тогда какъ то же самое религіозное общество въ другомъ государствѣ должно въ эти дни благоразумно молчать и, напротивъ, радоваться въ иные дни, въ которые, быть можетъ, то государство побѣдило тебя, и которые мы должны обходить молчаніемъ; напротивъ, для насъ то и другое имѣетъ одинаковое значеніе, и мы должны дѣлать одинаковое употребленіе для нашихъ цѣлей

изъ того, что было почетно и что было позорно для тебя; этимъ употребленіемъ ты также можешь быть доволенъ; но для указанной спеціальной цѣли прими иныя мѣры, ибо въ этомъ мы не можемъ тебѣ помочь". И если государство не внимаетъ этимъ возраженіямъ, то оно наноситъ ущербъ личной свободѣ своихъ поданныхъ въ самой святой и неприкосновенной области ихъ жизни.—Что же касается, наконецъ, третьяго вопроса, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, то онъ собственно уже входитъ во второй и особо выдвинутъ здѣсь лишь потому, что въ дѣлѣ присяги государство совершенно особымъ образомъ прибѣгаетъ къ помощи религіознаго общества. Но и отсюда возникъ ущербъ для религіи. Правда, нѣкоторымъ мелкимъ обществамъ, отрицающимъ клятву, дозволено отказываться отъ присяги и замѣнять ее простымъ обѣщаніемъ; но большимъ церквамъ, которыя находятся подъ особымъ покровительствомъ государства, приказано проповѣдывать о святости присяги, и ихъ члены должны приносить присягу установленнымъ образомъ или терять всѣ преимущества, связанныя съ ея принесеніемъ; а между тѣмъ и среди нихъ могутъ встрѣчаться люди, которые, боясь простого запрещенія Христа, колеблются приносить присягу; и среди учителей религіи также имѣются иные, которые не могутъ отступить отъ буквальнаго толкованія этихъ словъ Христа и потому считаютъ нечестивымъ въ этомъ отношеніи приходить на помощь государству. Ясно, что такое умаленіе религіозной свободы должно ощущаться чрезвычайно болѣзненно. Такимъ образомъ, эти разъясненія, я надѣюсь, оправдываютъ выраженное въ текстѣ пожеланіе, чтобы государство пользовалось тѣмъ, что̀ ему можетъ быть полезно въ церковныхъ учрежденіяхъ, лишь въ той мѣрѣ, въ какой это совмѣстимо съ нестѣсненной свободой церкви.

19) Стр. 163. Изъ трехъ пунктовъ, въ отношеніи которыхъ здѣсь высказывается жалоба, два заслуживаютъ таковой лишь потому, что свидѣтельствуютъ о зависимости церкви отъ государства и придаютъ священнымъ дѣйствіямъ крещенія и брачнаго благословенія такой видъ, какъ будто они совершаются духовными лицами, главнымъ образомъ, какъ слугами государства и отъ имени послѣдняго. Безспорно, это есть одна изъ причинъ того, почему способъ ихъ совершенія часто такъ мало обнаруживаетъ христіанскій и вообще религіозный характеръ. Если бы внесеніе въ гражданскія метрическія книги было именно чисто гражданскимъ дѣломъ, то никто не могъ бы уже разсматривать крещеніе только, какъ предписанную закономъ формальность, по поводу которой можно иногда выслушать прекрасную рѣчь. И если бы брачный договоръ заключался чисто гражданскимъ порядкомъ и церковное благословеніе было только дѣйствіемъ членовъ общины, то вскорѣ обнаружилось бы, что браки крѣпче всего тамъ, гдѣ еще придается особая цѣна церковному освященію, которое съ внѣшней точки зрѣнія совершенно излишне. Но болѣе всего ущерба наноситъ третій пунктъ. Вѣдь если евангелически-христіанское государство связываетъ съ допущеніемъ къ св. таинствамъ нѣкоторыя гражданскія права и

именно поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуетъ свидѣтельствъ объ этомъ дѣйствіи, то оно ведетъ себя, правда, весьма благожелательно въ отношеніи юношества, охраняя его этимъ отъ религіознаго пренебреженія со стороны родителей и опекуновъ; но какъ сильно этимъ стѣсняется совѣсть благочестивыхъ духовныхъ лицъ, которыя часто прямо вопреки своему убѣжденію должны признать религіозное обученіе и надзоръ законченными. А если бы изъ этого произошло то, что большое число крещеныхъ христіанъ на всю жизнь осталось безъ участія въ другомъ таинствѣ, то и это не есть несчастіе; напротивъ, это давало бы то преимущество, что христіанская церковь не казалась бы отвѣтственной за образъ жизни самыхъ распутныхъ людей и что она была бы избавлена отъ спора о правѣ исключать своихъ членовъ изъ общины и о томъ, желательно ли ей это или нѣтъ. Вѣдь въ протестантской Европѣ это могло бы коснуться лишь самыхъ распутныхъ людей, для всѣхъ же остальныхъ постоянное участіе въ богослуженіи раньше или позже замѣнило бы то, что имъ недоставало въ моментъ, къ которому обычно относится конфирмація. Но можно было бы заключать и далѣе, что при этомъ и у насъ, какъ въ сѣвероамериканскихъ республикахъ, многія дѣти христіанскихъ родителей, не придающихъ особой цѣны церковному обществу, оставались бы некрещеными, т.-е. не вступали бы ни въ какое общеніе съ церковью. И, конечно, это могло бы случаться хотя такой антихристіанскій фанатизмъ у насъ несомнѣнно встрѣчался бы крайне рѣдко. Но чтобы предупредить подлинный ущербъ, который могъ бы отсюда возникнуть, совсѣмъ не нужно, чтобы государство какъ бы насильственно заставляло совершать крещеніе, а нужно только, чтобы оно своевременно защищало свободу совѣсти дѣтей даже противъ ихъ родителей. Такимъ образомъ, приведенныя здѣсь жалобы таковы, что, конечно, поводъ къ нимъ можетъ быть устраненъ, но это требуетъ существеннаго измѣненія въ организаціи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, въ отношеніи которыхъ государство встрѣчается съ церковью. Но если бы кто-либо захотѣлъ здѣсь сосредоточиться только на примѣрѣ указанныхъ американскихъ республикъ и признать все, заслуживающее порицанія въ тамошнемъ положеніи церкви, результатомъ того, что здѣсь предлагается, то это безспорно было бы несправедливо. Ибо тамъ встрѣчаются несовершенства, неразрывно связанныя съ молодымъ, весьма неоднороднымъ и—что еще важнѣе—весьма смѣшаннымъ населеніемъ, и эти несовершенства могутъ сгладиться безъ существеннаго измѣненія церковной организаціи.

20) Стр. 164. Что преобладаніе во всѣхъ религіозныхъ дѣйствіяхъ юридическихъ и гражданскихъ отношеній есть уклоненіе отъ ихъ первоначальной природы и притомъ уклоненіе болѣе сильное, чѣмъ то, которое возникаетъ изъ соединенія этихъ дѣйствій съ денежными отношеніями между духовными лицами и членами общины,—это, я полагаю, не нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Однако поводъ къ этой жалобѣ, повидимому, не можетъ быть вполнѣ устраненъ, пока государство либо признаетъ себя,

какъ таковое, принадлежащимъ къ опредѣленному церковному обществу либо же по крайней мѣрѣ находитъ нужнымъ требовать, чтобы каждый изъ его подданныхъ принадлежалъ къ какому-нибудь церковному обществу. Что касается перваго, то вѣдь это имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ законъ открыто объявляетъ, что лишь въ одной церкви имѣется наибольшая полнота того умонастроенія, которое способно было бы поддержать это государство, и совершенная обезпеченность противъ вторженія воззрѣній, которыя могутъ быть ему вредны. Отсюда тогда слѣдуетъ, что лишь членамъ даннаго религіознаго общества довѣряется вся охрана государства; а это, при современномъ состояніи общественныхъ условій, можетъ быть провозглашено въ законѣ лишь тамъ, гдѣ значительная часть народа нераздѣльно принадлежитъ къ данному религіозному обществу, члены же иныхъ обществъ встрѣчаются лишь спорадически и живутъ въ качествѣ подчиненныхъ или чужихъ; но при пестротѣ распространенія многихъ религіозныхъ обществъ такое отношеніе не можетъ быть теперь длительнымъ даже въ католическихъ странахъ нашей части свѣта. И потому при современномъ положеніи вещей государству, повидимому, уже не легко признать себя всецѣло и нераздѣльно принадлежащимъ къ одному религіозному обществу; и наши южно-европейскія государства, которыя теперь снова законодательнымъ путемъ объявили католическую религію государственной, не смогутъ безъ жестокости и несправедливости удержать эту систему въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній послѣ своего успокоенія, хотя они и находятся въ наиболѣе благопріятномъ положеніи, такъ какъ еще и теперь протестанты встрѣчаются въ ихъ областяхъ лишь спорадически. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ безъ закона, лишь въ результатѣ естественнаго дѣйствія общественнаго мнѣнія, управленіе государствомъ въ значительной мѣрѣ выпадаетъ на долю лицъ, исповѣдующихъ опредѣленную религію, хотя большая часть гражданъ и принадлежитъ къ другому религіозному обществу. Ибо такой образъ дѣйствія отнюдь не содержитъ государственнаго исповѣданія, и, конечно, желательно, чтобы онъ еще надолго сохранился. Если, такимъ образомъ, первое допущеніе можетъ теперь быть лишь преходящимъ состояніемъ, то спрашивается, какъ обстоитъ дѣло со вторымъ, т.-е. правильно ли поступаетъ государство, когда оно требуетъ, чтобы каждый его гражданинъ принадлежалъ къ какому-либо религіозному обществу, не опредѣляя, къ какому именно? Мы можемъ согласиться, что нерелигіозные люди не могутъ быть полезными государству и что государство не можетъ имъ довѣрять. Но развѣ они станутъ религіозными въ силу того, что будутъ вынуждены принадлежать къ какому-нибудь религіозному обществу? Чтобы сдѣлать нерелигіозныхъ людей подлинно религіозными,—для этого, очевидно, нѣтъ иного средства, кромѣ того, чтобы по возможности усилить вліяніе на нихъ религіозныхъ людей; а этому государство, въ свою очередь, можетъ лучше всего содѣйствовать лишь тѣмъ, что предоставитъ полнѣйшую свободу всѣмъ религіознымъ обществамъ въ предѣлахъ ихъ сферы дѣятель-

ности. А эту свободу они почувствуютъ, лишь когда прекратятся указанныя вмѣшательства.

21) Стр. 166. Съ этимъ возраженіемъ, которое основано лишь на весьма недостаточномъ опытѣ, я уже не могу согласиться. Что касается, прежде всего, языка, то могло бы, правда, казаться, что народъ и образованные люди испытываютъ далеко не равное наслажденіе отъ религіозной бесѣды, въ которой, согласно выставленному здѣсь требованію, должны быть использованы всѣ средства краснорѣчія. Однако всякое истинное краснорѣчіе должно быть всецѣло народнымъ; когда ораторъ въ выборѣ выраженій или также хода мыслей пользуется пріемами, не соотвѣтствующими пониманію большинства, то такую рѣчь всегда надо признать искусственной; и потому надо умѣть такъ говорить, чтобы дѣйствовать и на образованныхъ людей съ помощью чисто народнаго языка. Такимъ образомъ, дѣленіе слушателей въ отношеніи ихъ способностей обусловлено не природой самого дѣла, а лишь сознаніемъ несовершенства самого художника; и несовершенство иного рода можно усмотрѣть и въ томъ, что одинъ умѣетъ лучше говорить для народа, а другой—для высшихъ сословій. Что же касается, во-вторыхъ, умонастроенія, то, конечно, нельзя отрицать, что разногласія въ этомъ отношеніи среди слушателей могутъ имѣть мѣсто лишь въ довольно узкихъ предѣлахъ, чтобы религіозная рѣчь имѣла значительный и благопріятный успѣхъ. Но нельзя признать правильной посылку, что въ однородной въ остальныхъ отношеніяхъ толпѣ, живущей общею жизнью, могутъ развиться весьма разнородныя религіозныя черты; эта разнородность была бы тѣмъ болѣе странной, что, согласно допущенію, своеобразіе не настолько сильно, чтобы создать самостоятельную религіозную общину, а съ другой стороны, должно быть слишкомъ ярко выраженнымъ, чтобы усвоить религіозную рѣчь, исходящую изъ иного умонастроенія. Въ крайнемъ случаѣ лишь въ большихъ городахъ могутъ сойтись въ одномъ мѣстѣ столь различные элементы, а въ нихъ каждый съ величайшей легкостью можетъ выбрать то богослуженіе, которымъ онъ можетъ укрѣпить и оживить себя. Если же разсматривать народъ въ отношеніи различныхъ формъ благочестія, упомянутыхъ на слѣдующей страницѣ,—или какихъ-либо иныхъ подобныхъ формъ,—то всегда можно найти, что въ цѣлыхъ областяхъ и въ теченіе многихъ поколѣній религіозная жизнь развивается въ одномъ мѣстѣ преимущественно мистически, въ другомъ—болѣе опирается на исторію, въ третьемъ—допускаетъ преобладаніе разумнаго размышленія. Итакъ, если только одностороннее пристрастіе руководителей церкви не стѣсняетъ для смѣшаннаго населенія большихъ городовъ упомянутой легкости выбора, и если, съ другой стороны, всѣ религіозные ораторы стремятся къ истинной народности, то въ отношеніи этого пункта наше современное состояніе можно было бы признать вполнѣ удовлетворительнымъ.

22) Стр. 168. Здѣсь разсматривается, какъ нѣчто безусловно необходимое, что государство,—сверхъ того, что̀ само собой осуществляется въ

этомъ отношеніи каждой религіозной общиной—должно создавать свои собственныя образовательныя учрежденія—будь то лишь для младшаго поколѣнія или также для болѣе грубой части народа; и оно должно дѣлать это во всякомъ случаѣ, все равно, существуетъ ли въ государствѣ лишь одна религіозная община, къ которой оно питаетъ безграничное довѣріе, или же нѣсколько общинъ, которымъ оно довѣряетъ одинаково или неодинаково; и въ этомъ утвержденіи уже содержится мое рѣшеніе спорнаго вопроса объ отношеніи государства и церкви къ тому, что мы въ самомъ широкомъ смыслѣ слова называемъ школой. А именно мое рѣшеніе, если учесть также сказанное ранѣе, состоитъ въ томъ, что государство, съ одной стороны, конечно, должно полагаться въ этомъ отношеніи на религіозныя общины, и поскольку оно полагается на нихъ, должно предоставить имъ полную свободу и ограничиться отрицательнымъ надзоромъ за ихъ учрежденіями; но другую часть школы государство должно само учреждать и осуществлять. Здѣсь я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ въ развитіе и защиту этого рѣшенія. Гдѣ существуетъ какое-либо религіозное общеніе, тамъ и въ семьяхъ существуетъ одинаковая дисциплина для укрощенія чувственности, которая могла бы стѣснить пробужденіе высшей духовной жизни; и эта дисциплина во всѣхъ отношеніяхъ полезна гражданской жизни. Но если государство нуждается еще въ особой дисциплинѣ, чтобы своевременно укрѣпить въ гражданахъ нѣкоторыя привычки, то такая дисциплина не вытекаетъ изъ религіознаго общенія. Если вѣрное чутье необходимости такой дисциплины пользуется всеобщимъ распространеніемъ, то государство и въ этомъ отношеніи можетъ довѣриться тому, что дѣлаетъ семья, но не поскольку семья есть элементъ религіознаго общества, а поскольку она есть элементъ гражданскаго общества. Если же такое чутье недостаточно распространено, то государство должно предпринять дополнительныя общественныя мѣры. Сюда относится вся гимнастическая сторона воспитанія, которая никогда не можетъ исходить изъ церкви, и даже не должна съ виду исходить отъ нея, потому что она совершенно чужда ей. Далѣе, гдѣ существуетъ система религіознаго общенія, тамъ должно также существовать общее наставленіе юношества во всемъ, что принадлежитъ къ пониманію религіознаго языка и религіозной символики; и это, собственно, и есть дѣло церковной общинной школы, которая въ христіанствѣ всегда ставитъ себѣ цѣлью передачу религіозныхъ понятій, а у протестантовъ стремится сообщить хотя бы ограниченное пониманіе священнаго Писанія. Напротивъ, всѣ статистическія, математическія, техническія и всякія иныя знанія, которыя могутъ считаться нужными для юношества, чужды церковной школѣ; это суть гражданскія знанія, которыя должны быть обезпечены гражданской общиной. Если церковная и гражданская общины фактически совершенно совпадаютъ, то, при наличности существенныхъ основаній къ тому, церковная и гражданская школы, конечно, могутъ быть соединены въ одно учрежденіе; но этимъ государство столь же мало пріобрѣтаетъ право

руководить церковной школой, сколь мало церковь имѣетъ право руководить гражданской школой. Наконецъ, каждая религіозная община, которая имѣетъ такую исторію, что для пониманія ея развитія нужны высшія знанія, принадлежащія къ области науки и учености, нуждается въ учрежденіи для поддержанія и дальнѣйшаго развитія этихъ знаній и это есть церковная высшая школа; всѣ же остальныя науки чужды церкви. Если въ государствѣ существуютъ общенаучныя высшія школы, либо учрежденныя имъ, либо независимыя отъ него, какъ свободныя корпораціи, и если церковь вѣритъ, что господствующіе тамъ методы соотвѣтствуютъ ея потребности, то она можетъ признать умѣстнымъ соединить свою особую высшую школу съ указанной общей высшей школой. Но рѣшеніе объ умѣстности или неумѣстности такого соединенія можетъ принадлежать только церкви, а не государству или упомянутымъ научнымъ корпораціямъ; и если это соединеніе осуществится, то церковь, съ одной стороны, не можетъ основывать на этомъ права руководительства этими научными учрежденіями въ цѣломъ и, съ другой стороны, не можетъ отказаться отъ права надзора надъ своей спеціальной высшей школой. Итакъ, если государство и церковь соединяются или разграничиваются въ отношеніи школы, то разумную основу этого могутъ составлять лишь изложенные принципы. Признавать же эти принципы въ отношеніи одной церкви и отрицать ихъ въ отношеніи другой—это есть величайшая непослѣдовательность, которая можетъ быть совершена въ этой области; церковь, въ отношеніи которой совершена эта несправедливость, будетъ настолько страдать отъ нея, что въ ея самыхъ живыхъ членахъ возникнетъ неисцѣлимое разногласіе между ихъ религіознымъ и политическимъ сознаніемъ.

23) Стр. 168. Обращаю вниманіе на слово: всякое *подобное* соединеніе. На этомъ убѣжденіи я столь же твердо стою и теперь, и еще тверже, чѣмъ прежде, такъ какъ съ тѣхъ поръ я видалъ еще больше печальной смуты, возникшей изъ этой принадлежности церкви къ государству,—смуты, о которой въ то время невозможно было и думать, ибо даже единственное искаженіе такого рода быстро разбилось о господствовавшее настроеніе времени. Но безъ всякой связи съ государствомъ религіозныя общины отнюдь не могутъ оставаться; это обнаруживается даже тамъ, гдѣ онѣ свободнѣе всего. Минимумъ такой связи состоитъ, конечно, въ томъ, что государство относится къ религіознымъ обществамъ совершенно такъ же, какъ ко всякимъ частнымъ обществамъ вообще, т.-е. что оно, въ качествѣ высшей общественной инстанціи, принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію и обезпечиваетъ себѣ возможность вмѣшаться въ случаѣ, если въ нихъ обнаружится что-либо опасное для общей свободы и обезпеченности. Однако этимъ минимумомъ рѣдко можно обойтись; это обнаруживается даже въ Америкѣ, гдѣ господствуетъ наибольшая свобода. Ибо чѣмъ свободнѣе церкви, тѣмъ легче случается, что нѣкоторыя изъ нихъ уничтожаются или сливаются воедино; и если даже у нихъ нѣтъ никакого имущества, кромѣ самыхъ

необходимыхъ средствъ для совмѣстной дѣятельности, то и тогда все же возникаютъ трудно разрѣшимыя распри, въ которыхъ государство является естественнымъ примирителемъ и третейскимъ судьей. Если бы это отношеніе и только оно одно существовало между церковью и государствомъ въ эпоху церковной реформы, то не имѣло бы мѣста то странное положеніе, что въ преимущественно претестантскихъ странахъ католическая церковь обезпечена значительнымъ имуществомъ, евангелическая же церковь должна разсчитывать лишь на измѣнчивую и часто весьма двусмысленную добрую волю. Всякое, выходящее за эти предѣлы соединеніе церкви съ государствомъ, могущее возникнуть изъ описанныхъ выше комбинацій, должно было бы разсматриваться, какъ временное частное соглашеніе. Чѣмъ тѣснѣе будетъ такое соединеніе, тѣмъ болѣе будетъ казаться, что церковная община въ предѣлахъ одного государства образуетъ болѣе узкое цѣлое, въ качествѣ національной церкви, и тѣмъ болѣе будетъ ослабляться ея связь съ ея единовѣрцами въ другихъ государствахъ. Чѣмъ менѣе будетъ имѣться такихъ соглашеній, тѣмъ болѣе церковная община можетъ являться нераздѣльнымъ цѣлымъ, въ сколькихъ бы государствахъ она ни была распространена, и тѣмъ яснѣе будетъ выступать независимость церкви отъ государства. Всѣ отношенія между церковью и государствомъ въ этихъ предѣлахъ допустимы, и, слѣдовательно, многообразіе жизни требуетъ, чтобы всѣ они были гдѣ-либо и когда-либо исторически осуществлены. Всякое же отношеніе, выходящее за эти предѣлы, есть зло.

24) Стр. 169. Это отрицаніе всякой болѣе тѣсной связи между общинами одной и той же вѣры и всѣхъ замкнутыхъ религіозныхъ союзовъ мотивировано только тѣмъ, что каждая существующая церковь разсматривается лишь, какъ внѣшній придатокъ истинной церкви, а не какъ ея живая составная часть; оно, слѣдовательно, и правильно, лишь поскольку правильна сама эта предпосылка. Поэтому, если съ того времени, какъ я писалъ это, я проявилъ себя ревностнымъ защитникомъ синодальнаго устройства, которое, очевидно, также слѣдовало бы отрицать съ этой точки зрѣнія, то это опредѣляется, съ одной стороны, тѣмъ, что я отошелъ отъ самой предпосылки и путемъ жизненнаго опыта и наблюденій пришелъ къ убѣжденію, что въ нашихъ общинахъ имѣется достаточное число истинно вѣрующихъ и благочестивыхъ людей и что слѣдуетъ по возможности усиливать ихъ вліяніе на остальныхъ; а это вліяніе, очевидно, является естественнымъ слѣдствіемъ хорошо организованныхъ союзовъ. Съ другой стороны, жизнь въ наше время легко приводитъ къ убѣжденію, что всякое улучшеніе, чтобы быть успѣшнымъ, должно быть осуществляемо одновременно со всѣхъ сторонъ, а для этого необходимо во многихъ отношеніяхъ разсматривать людей такъ, какъ будто они уже суть то, чѣмъ они еще только должны стать. Ибо въ противномъ случаѣ всегда находятъ необходимымъ еще ждать, и никогда не оказывается возможнымъ начать.—Но такъ какъ, согласно моему воззрѣнію, правомочіе къ такимъ болѣе тѣс-

нымъ соединеніямъ основано лишь на томъ, что его участники суть члены истинной церкви, въ которой противоположность между священниками и мірянами существуетъ лишь для каждаго даннаго мгновенія и никогда не можетъ быть длительной, то я всегда буду защищать лишь такую организацію, которая опирается на это равенство членовъ церкви, и иной и не можетъ существовать въ евангелической церкви. Гдѣ имѣются синодальные союзы однихъ только духовныхъ лицъ, тамъ и они либо являются совѣщательными органами по порученію государства, либо же носятъ скорѣе литературный и дружескій характеръ, чѣмъ церковный и учредительный. Лишь въ католической церкви умѣстно господство священниковъ, основанное на самомъ устройствѣ церкви; ибо фундаментомъ этой церкви служитъ высшее личное религіозное достоинство священниковъ и принципъ, что міряне лишь черезъ посредство священниковъ могутъ получать участіе въ благахъ церкви. Еще тѣснѣе связано съ предпосылкой, что общины должны только подготовлять къ религіи, послѣднее высказанное здѣсь утвержденіе, что и между учителями и общиной не должно быть никакой внѣшне укрѣпленной связи. Ибо это общеніе можетъ, конечно, удаваться лишь при условіи полнѣйшей добровольности. Но кто же тогда долженъ устанавливать внѣшнюю связь? Ни государство, ни корпорація духовныхъ лицъ не могутъ дѣлать этого, ибо тогда уже не будетъ добровольности; общины же не могутъ дѣлать этого потому, что онѣ не могутъ имѣть сужденія о тѣхъ, кто еще должны сообщить имъ способность надлежащей оцѣнки относящихся сюда благъ. Поэтому такая связь можетъ быть правильно установлена и укрѣплена лишь тамъ, гдѣ въ общинахъ можно уже предполагать господство духа благочестія и гдѣ люди, способные судить въ этомъ отношеніи, могутъ уже считаться вышедшими изъ среды самой общины. Этимъ одновременно уже высказаны принципы, которые опредѣляютъ, насколько твердой или, наоборотъ, свободной должна быть при различныхъ условіяхъ эта связь.

25) Стр. 169. О границахъ связующей силы, которая присуща символамъ, я недавно высказался болѣе подробно, хотя только въ отношеніи евангелической церкви. Нечестивыми я называю здѣсь эти связи въ ихъ обычной роли; и этого мнѣнія я еще продолжаю держаться. Вѣдь для религіознаго человѣка нѣтъ ничего болѣе нечестиваго, чѣмъ невѣріе, а именно это невѣріе въ огромной мѣрѣ лежитъ въ основѣ правила, что учителя религіи и даже учителя богословія должны быть связаны буквой религіозныхъ документовъ даннаго исповѣданія. Является невѣріемъ въ силу общаго духа церкви, когда нѣтъ убѣжденія въ томъ, что чужеродное въ отдѣльной личности вскорѣ будетъ ассимилировано или скрыто и обезврежено живою силой цѣлаго, а считается нужной внѣшняя власть, чтобы извергнуть этотъ чужеродный элементъ. Является невѣріемъ въ слово Христа и Св. Духа, когда нѣтъ вѣры въ то, что каждая эпоха сумѣетъ найти свое собственное и нужное ей объясненіе и употребленіе этого слова, а счи-

тается необходимымъ держаться того, что выработала прежняя эпоха; вѣдь теперь уже не можетъ случиться, чтобы умолкъ духъ прорицанія, и вѣдь само Священное Писаніе стало и остается таковымъ лишь силой свободной вѣры, а не благодаря внѣшней санкціи.

26) Стр. 170. Сознаніе, что вопросы церкви не могутъ остановиться на той точкѣ, на которой они стояли въ то время въ большей части Германіи, и въ значительной мѣрѣ стоятъ и теперь, стало, конечно, съ того времени болѣе распространеннымъ и выразилось въ болѣе опредѣленныхъ формахъ; но какъ пойдетъ развитіе,—этого и теперь нельзя предвидѣть съ большей точностью. Одно лишь можно сказать: если нашей евангелической церкви не будутъ предоставлены условія, при которыхъ въ ней можетъ развиться свѣжій духъ, и если ограничительныя тенденціи въ отношеніи нашей высшей школы и нашего публичнаго духовнаго общенія будутъ еще продолжаться, то надежды, которымъ мы считали себя въ правѣ предаваться въ этой области, окажутся лишь пустоцвѣтами, и прекрасная утренняя заря послѣдняго времени знаменовала лишь непогоду. Тогда живое благочестіе и свобода мысли будутъ все болѣе исчезать въ духовномъ сословіи, и господство мертвой буквы наверху и узкое бездушное сектанство внизу будутъ все болѣе сближаться между собой; изъ ихъ столкновенія возникнетъ вихрь, который загонитъ многія безпомощныя души въ раскрытыя сѣти іезуитизма и доведетъ большую толпу до равнодушія—результата отупѣнія и усталости. Признаки, свидѣтельствующіе объ этомъ, достаточно ясны; но все же каждый при каждомъ случаѣ долженъ былъ бы повторять, что видитъ ихъ, обличая этимъ тѣхъ, которые не обращаютъ вниманія на нихъ.

27) Стр. 172. Это ограниченіе покажется многимъ слишкомъ узкимъ. Весьма основательное и глубокое духовное развитіе, богатый внутренній опытъ легко могутъ встрѣчаться тамъ, гдѣ отсутствуютъ богословскія знанія, которыя суть необходимое условіе для замѣщенія церковной каѳедры. Неужели такія дарованія должны всецѣло ограничиться узкимъ кругомъ домашней жизни и религіознаго вліянія въ ней? Развѣ такіе люди, если они не могутъ стоять во главѣ публичныхъ религіозныхъ собраній, не могутъ и не должны все же дѣйствовать живымъ словомъ въ болѣе свободныхъ и широкихъ кругахъ? и развѣ нельзя имъ предоставить того неизмѣримаго вліянія, которое даетъ писанное слово? На это я долженъ отвѣтить двоякое. Во-первыхъ, къ семейной жизни само собою примыкаетъ все, что въ качествѣ свободнаго общенія связано съ семейнымъ кругомъ; сообщать этому кругу свободную религіозную жизнь есть не малая задача, которая, однако, все еще недостаточно понимается и осуществляется. Если бы она надлежащимъ образомъ понималась и осуществлялась, то не могло бы случиться, чтобы въ большой части Германіи и въ особенности въ высшихъ и утонченныхъ кругахъ общества господствовало такое рѣзкое противорѣчіе между интересомъ къ религіознымъ формуламъ и богословскимъ спорамъ, и домашней и товарищескою жизнью, въ которой нельзя найти ни

слѣда явственно религіознаго характера. Такимъ образомъ, здѣсь имѣется еще большая область, на которой можетъ находить примѣненіе религіозное сознаніе. Однако болѣе широкія собранія, выходящія за предѣлы естественнаго товарищескаго общенія и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющія цѣлью составить самостоятельную общину, словомъ, всякія тайныя общества суть всегда неудачныя межеумочныя созданія, которыя издавна приносили мало пользы истинному развитію религіи, но часто созидали или таили въ себѣ болѣзненныя явленія. Во-вторыхъ, что касается религіозной дѣятельности посредствомъ писаннаго слова, то было бы, конечно, весьма худо, если бы она составляла монополію духовнаго сословія; и мнѣ кажется даже несовмѣстимымъ съ духомъ евангелической церкви, чтобы духовенству принадлежала общая цензура надъ нею. Несомнѣнно, здѣсь должна господствовать величайшая свобода; но совсѣмъ иное дѣло—вопросъ, долженъ ли каждый имѣть право сообщать такимъ путемъ свои религіозныя воззрѣнія и настроенія и полезно ли, чтобы это часто случалось. Вредъ отъ потока посредственныхъ романовъ и книжекъ для дѣтей совершенно несравнимъ съ вредомъ отъ посредственныхъ религіозныхъ сочиненій. Ибо послѣднія, въ противоположность первымъ, очевидно, являются кощунственными. И здѣсь даже выдающійся талантъ легче впадаетъ въ посредственность. Ибо то, что здѣсь должно привлекать и пролагать себѣ путь, есть субъективное пониманіе общеизвѣстныхъ предметовъ и отношеній, а это можетъ удаваться лишь при высокой степени наивной оригинальности или при истинномъ вдохновеніи, все равно, вытекаетъ ли оно изъ послѣдней глубины замкнутаго въ себѣ сознанія, или изъ возбуждающей силы широкой и подвижной жизни. Внѣ этихъ средствъ можетъ всегда получиться лишь нѣчто посредственное. Иначе обстоитъ дѣло съ опредѣленнымъ родомъ религіозной пѣсни. Этотъ родъ пѣсни былъ у насъ созданъ преимущественно мірянами всѣхъ сословій, и многое, что строгій судья призналъ бы посредственнымъ, вошло въ церковный обиходъ и тѣмъ пріобрѣло себѣ въ извѣстномъ смыслѣ безсмертіе. Однако здѣсь этому содѣйствуютъ два обстоятельства. Съ одной стороны, каждая церковная книга пѣсенъ имѣетъ лишь весьма ограниченную сферу примѣненія, и здѣсь можетъ оказаться пригоднымъ то, что не имѣетъ всѣхъ качествъ, требуемыхъ абсолютной публичностью. Многія изъ этихъ произведеній навѣрно давно погибли бы и были бы забыты, если бы они должны были сохраняться въ качествѣ чисто литературныхъ трудовъ. Съ другой стороны, при общественномъ употребленіи этого рода литературы дѣйствуетъ еще многое иное, такъ что дѣйствіе не должно принадлежать одному только поэту; его поддерживаетъ композиторъ, черезъ посредство котораго болѣе или менѣе привступаетъ и дѣйствуетъ то, что принадлежитъ къ опредѣленному ладу и всѣмъ знакомо; его поддерживаетъ община, которая вкладываетъ въ выполненіе его произведенія свое религіозное настроеніе, и литургъ, который указываетъ произведенію поэта надлежащее мѣсто въ общей связи богослуженія.

Поясненія къ пятой рѣчи.

1) Стр. 179. Такъ какъ здѣсь вопросъ, уже и ранѣе обсуждавшійся, сведенъ къ краткой формулѣ—именно къ формулѣ: множественность религій и единство церкви или общины,—то это побуждаетъ меня дать дополнительныя поясненія къ этому, повидимому, парадоксальному положенію. Здѣсь надо имѣть въ виду преимущественно двоякое. Во-первыхъ, въ каждой вѣрѣ лишь болѣе ограниченные ея участники столь тѣсно замыкаются въ своемъ общеніи, что, съ одной стороны, не хотятъ принимать никакого участія въ религіозныхъ отправленіяхъ другихъ вѣръ и, слѣдовательно, пребываютъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи ихъ природы и духа, и, съ другой стороны, изъ-за малѣйшаго отклоненія въ вѣроученіи готовы тотчасъ же основать особую общину. Напротивъ, болѣе свободные и благодарные участники какой-либо вѣры стремятся не только присутствовать въ качествѣ бездѣятельныхъ зрителей, но и по мѣрѣ возможности принимать живое участіе въ богослуженіи иныхъ религій, назначеніе котораго состоитъ вѣдь преимущественно въ религіозномъ обнаруженіи, и этимъ путемъ любовно проникнуть въ душу людей, исповѣдующихъ чуждую вѣру. Безъ наличности такого общенія между членами обѣихъ евангелическихъ церковныхъ общинъ было бы столь же невозможно думать объ ихъ соединеніи теперь, какъ и сто и триста лѣтъ тому назадъ,—даже тамъ, гдѣ онѣ болѣе всего перемѣшаны между собой; поэтому, кто одобряетъ такое соединеніе, долженъ также одобрять и это общеніе. Конечно, католикъ, напр., можетъ легче получать религіозное удовлетвореніе отъ всего евангелическаго богослуженія, въ которомъ онъ развѣ только ощущаетъ нѣкоторые пробѣлы, отчасти, по по крайней мѣрѣ, замѣняемые иными элементами, чѣмъ протестантъ отъ католическаго богослуженія, въ которомъ для него выражены положительныя черты противоположности между обѣими формами вѣры и въ которомъ онъ, слѣдовательно, находитъ многое, что не можетъ для него быть выраженіемъ его вѣры. Но все же должна имѣться возможность не только индифферентно воспринимать богослуженіе, но и многое изъ него усваивать черезъ внутреннее преобразованіе, исправленіе, приспособленіе къ своей вѣрѣ; и лишь тотъ протестантъ, который способенъ на это, можетъ сказать о себѣ, что онъ понимаетъ типъ католической вѣры и провѣрилъ свою собственную религію черезъ сравненіе съ первой. Съ этимъ связано и второе, именно что лишь стремленіе къ такому всеобъемлющему и всесвязующему общенію есть истинный и безупречный принципъ терпимости. Вѣдь если совершенно устранить возможность хотя бы отдаленнаго общенія, то не остается ничего иного, какъ признать различія въ формахъ религіи лишь неизбѣжнымъ зломъ. Совершенно такъ же терпимость во взаимныхъ отношеніяхъ между государствами, имѣющими различное устройство, основана на томъ, что между ними все же возможно общеніе; а гдѣ прекращается

послѣднее, тамъ выступаетъ сознаніе мнимаго права вмѣшиваться въ чужія дѣла, тогда какъ это вмѣшательство правомѣрно лишь тамъ, гдѣ какое-либо устройство дѣйствительно разрушающе вліяетъ на сосѣднія государства, и никогда это вмѣшательство не можетъ быть обосновано разсужденіемъ или мнѣніемъ о своемъ превосходствѣ. Но всегда только узкіе умы приписываютъ себѣ такое право; болѣе свободные же стремятся всюду завязать общеніе и тѣмъ выразить всеобщее единство человѣческаго рода, чѣмъ отнюдь не ослабляется ихъ любовь къ строю жизни ихъ родины; точно такъ же и въ области религіи истинная терпимость далека отъ всякаго индифферентизма.

2) Стр. 187. На этомъ сужденіи, конечно, лежитъ сильный отпечатокъ времени, когда впервые была написана эта книга,—того времени, когда еще не существовало никакихъ общихъ крупныхъ интересовъ, когда каждый изъ насъ оцѣнивалъ свое собственное состояніе лишь по своимъ особымъ отношеніямъ и не было ни слѣда общественнаго настроенія, когда даже французская революція, хотя въ ней и ясно обнаружился характеръ мірового событія, разсматривалась нами совершенно эгоистически и, слѣдовательно, получала весьма разнообразную и шаткую оцѣнку. Лишь позднѣе, во времена несчастія, какъ и во времена славы, мы снова узнали силу общихъ настроеній, а вмѣстѣ съ этимъ вернулись и сознаніе и утѣшеніе общей религіозности. И еще теперь легко можно измѣрять одно другимъ. Вѣдь гдѣ въ дѣлахъ отечества вмѣсто ожидаемыхъ поступковъ есть только пустыя слова, тамъ и религіозность пуста, даже если бы она казалась ревностной до суровости. И гдѣ интересъ къ улучшенію нашего состоянія вырождается въ болѣзненную партійность, тамъ и религіозность вырождается въ сектантство. Отсюда видно, что живое пробужденіе естественнаго и здороваго общественнаго чувства болѣе содѣйствуетъ ясности въ религіи, чѣмъ всякій критическій анализъ, который при отсутствіи такихъ импульсовъ слишкомъ легко становится скептическимъ, какъ на то намекаютъ дальнѣйшія слова этой рѣчи, и что ослаблять великіе общественные интересы всегда значитъ также парализовать и направлять по ложному пути религіозность. Поэтому также религіозныя общества, которыя имѣютъ тенденцію къ обскурантизму, поступаютъ хорошо, воздерживаясь отъ всякаго соприкосновенія съ иными формами религіи.

3) Стр. 188. Здѣсь я кое-что измѣнилъ, опустилъ произвольное этимологическое сопоставленіе и ограничился исторической постановкой вопроса. Вѣдь если разсматривать многообразныя дѣленія одной и той же вѣры, то очевидно, что не всѣ они равноцѣнны. А именно, тѣ изъ нихъ, которыя своеобразно измѣняютъ цѣлое, имѣютъ естественную цѣнность и существуютъ правомѣрно; всѣ же дробленія изъ-за отдѣльныхъ пунктовъ, не имѣющихъ широкаго значенія для цѣлаго,—а такова бо́льшая часть направленій, отдѣлившихся въ первые вѣка отъ общаго тѣла церкви, обязаны своимъ обособленнымъ существованіемъ лишь упорству меньшинства, отъ котораго

исходилъ этотъ расколъ; однако, кромѣ того пункта, въ которомъ они отличаются отъ другихъ, они вѣдь не пренебрегаютъ и остальнымъ, если только длительная полемика не заставляетъ ихъ всецѣло сосредоточиться на этомъ пунктѣ. Сектами же главнымъ образомъ называются,—и заслуживаютъ такого наименованія, указывающаго на добровольное выдѣленіе себя изъ цѣлаго,—тѣ направленія, которыя всецѣло углубляются въ немногія воззрѣнія, по которымъ имѣется разногласіе, и остаются чуждыми всему остальному; основой для этого, конечно, всегда является какая-нибудь отдѣльная ограниченная, но сильная въ своей ограниченности личность.

4) Стр. 190. Значеніе, которое я придаю этому разногласію, я надѣюсь, я уже достаточно объяснилъ. Но противоположность между персонализмомъ и пантеизмомъ, которое здѣсь изображается проникающимъ всѣ три ступени, даетъ мнѣ случай пояснить дѣло еще съ иной стороны. Дѣло въ томъ, что и на второй ступени—на ступени политеизма—нельзя не замѣтить этой противоположности; только она выступаетъ менѣе отчетливо, какъ и вообще во всемъ несовершенномъ противоположности менѣе интенсивны. Вѣдь совершенно ясно, какъ мало единства имѣется у большинства этихъ божественныхъ существъ въ эллинской миѳологіи, если попытаться соединить все, что встрѣчается въ ихъ исторіи—настолько мало единства, что для объясненія всего, что сообщается о какомъ-либо божествѣ, всегда необходимо ссылаться на многообразное происхожденія культа каждаго божества и на различные географическіе и духовные источники относящихся къ нему миѳовъ. И поскольку личность становится здѣсь шаткой, эти образы вступаютъ въ сферу символовъ; и многія божества чужого происхожденія, на которыя можно было перенести родныя имена только потому, что послѣднія и безъ того не обозначали опредѣленной личности, всецѣло символичны, какъ, напр., Діана Эфесская, означающая всеобщую жизнь, natura naturans, которая прямо противоположна личности. Въ египетскихъ же и въ индійскихъ системахъ базисомъ служитъ символическій или гіероглифическій элементъ; поэтому здѣсь въ основѣ религіи вообще не лежитъ личность, и такое чисто символическое выраженіе первопричинъ сознательно, собственно, не имѣетъ боговъ, а носитъ истинно пантеистическій характеръ. Но драматическое или эпическое изображеніе природы такихъ символическихъ или гіероглифическихъ существъ придаетъ имъ внѣшнюю видимость личности, и потому обѣ эти формы политеизма—персоналистическая и пантеистическая,—повидимому, сливаются между собой; тѣмъ не менѣе въ принципѣ онѣ все же ясно различимы. Уже по аналогіи мы можемъ заключить, что и на ступени хаотическаго воззрѣнія или фетишизма имѣетъ мѣсто та же противоположность; но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что здѣсь ее еще труднѣе узнать и представить, потому что эти религіозные объекты, будучи какъ бы личинками божествъ, которыя лишь при дальнѣйшемъ развитіи могутъ стать душами, почти не допускаютъ точнаго наблюденія.

5) Стр. 191. Подъ названіемъ натурализма я объединяю всѣ формы ре-

лигіи, которыя обычно обозначаются, какъ культъ природы, и которыя всѣ представляютъ въ указанномъ выше смыслѣ безличный политеизмъ. Здѣсь не исключается и культъ звѣздъ и даже культъ солнца, который лишь по внѣшности монотеистиченъ, такъ какъ расширеніе знаній о мірозданіи тотчасъ же должно его превратить въ культъ здѣздъ и, слѣдовательно, въ политеизмъ. Но это измѣненіе обычнаго словоупотребленія—вѣдь въ другихъ случаяхъ слова „натуралистъ“ и „натурализмъ“ обозначаютъ у насъ нѣчто совсѣмъ иное—я могу ближайшимъ образомъ извинить лишь тѣмъ, что, какъ я надѣюсь, каждый читатель, который только не думаетъ объ обычномъ словоупотребленіи, легко и правильно пойметъ въ связи съ другими обозначеніями тотъ смыслъ, который здѣсь имѣется въ виду. Однако я воздержался бы отъ такого словоупотребленія, если бы обычный способъ употребленія терминовъ „натурализмъ“ и „раціонализмъ“ въ почти тождественномъ смыслѣ и противопоставленія обоихъ супранатурализму не возбуждалъ во мнѣ уже тогда, какъ и позднѣе, неудовольствія и не казался мнѣ вводящимъ въ заблужденіе,—о чемъ я высказался при другомъ случаѣ. Въ это словоупотребленіе можно вложить нѣкоторый смыслъ, и притомъ болѣе правомѣрный, чѣмъ тотъ, который обычно имѣется въ виду, когда разумъ противопоставляется откровенію; но противоположность между природой и откровеніемъ не имѣетъ никакого основанія, и чѣмъ болѣе обсужденіе этого вопроса будетъ исходить изъ такого противопоставленія, которое не имѣетъ для себя также никакихъ основаній въ Библіи, о чемъ вѣдь христіанинъ долженъ всегда думать,—тѣмъ болѣе весь вопросъ будетъ затемняться.

6) Стр. 191. Ожиданіе, что еще разовьются многія политеистическія религіи, высказано не наугадъ; оно основывалось тогда на воззрѣніи, которое также намѣчено и во введеніи къ моему „Вѣроученію“, именно, что многія политеистическія системы возникли изъ потенцированнаго сліянія мелкихъ идолопоклонническихъ племенныхъ религій. Поэтому, пока еще существуютъ племена, которымъ вѣдомо только поклоненіе фетишамъ, такое историческое событіе остается мыслимымъ; а въ то время, такъ какъ христіанское миссіонерство находилось въ почти совершенной дремотѣ, это казалось мнѣ естественнымъ переходомъ къ лучшему для этихъ наиболѣе грубыхъ обществъ. Съ тѣхъ поръ эта вѣроятность значительно уменьшилась, и, напротивъ, увеличилась вѣроятность, что и эти общества могутъ быть непосредственно захвачены христіанствомъ.

7) Стр. 192. Выраженіе „ересь“ было уже нѣкогда въ чести. Не только у эллиновъ такъ назывались школы философовъ и врачей, въ которыхъ, вмѣстѣ взятыхъ, вѣдь содержалось все врачебное искусство и вся наука, но, что для насъ болѣе существенно, то же самое имя носили у эллинистовъ различныя догматическія школы іудеевъ, а что на церковномъ языкѣ установленная церковная вѣра не называется также православною или католической ересью, а это слово употребляется всецѣло для того, что от-

вергается—что этимологически совсѣмъ неправильно—это проистекаетъ, очевидно, изъ того, что въ иной связи Писаніе употребляетъ слово „еретическій" въ дурномъ смыслѣ. Здѣсь я употребляю это слово въ примѣненіи къ положительнымъ религіямъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно примѣнялось къ эллинскимъ школамъ, въ которыхъ въ совокупности содержалась вся національная философія. Ибо, конечно, плоха та философская система, которая не восприняла какого-либо подлинно философскаго элемента и не относитъ къ нему въ какой-либо формѣ всѣ остальные элементы. И такъ какъ съ положительными религіями дѣло обстоитъ точно такъ же, то можно прійти къ заключенію, что, когда всѣ онѣ разовьются, въ нихъ, вмѣстѣ взятыхъ, будетъ содержаться вся религія человѣческаго рода.

8) Стр. 193. Это „создать" нужно, конечно, понимать съ нѣкоторымъ ограниченіемъ; я писалъ это съ полнымъ довѣріемъ, что каждый самъ отъ себя сумѣетъ внести это ограниченіе. Разумѣется, моимъ мнѣніемъ не могло быть, что истинный христіанинъ лишь тотъ, кто могъ бы самъ быть Христомъ, если бы Христосъ не существовалъ уже до него. Но со мной согласятся, если я скажу, что каждый человѣкъ есть христіанинъ лишь постольку, поскольку онъ, если бы жилъ среди іудеевъ дохристіанской эпохи, выработалъ бы въ себѣ идею мессіанизма или по крайней мѣрѣ воспринялъ бы и сохранялъ бы ее, и поскольку онъ среди язычниковъ былъ бы убѣжденъ въ недостаточности чувственнаго богопочитанія и своимъ ощущеніемъ потребности въ спасеніи какъ бы притягивалъ и привлекалъ къ себѣ христіанство.—Дальнѣйшія слова вѣдь достаточно ясно показываютъ, какъ мало здѣсь дѣйствительно имѣется въ виду допущеніе, будто нѣкоторые или многіе люди носятъ въ себѣ зародыши совершено новыхъ религій лежащихъ внѣ историческихъ формъ религіи, и призваны осуществить ихъ.

9) Стр. 195. Хотя я, собственно, имѣлъ бы право надѣяться, что это мѣсто въ общей связи не легко можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, я все же не хочу оставить его безъ небольшого исправленія, которое относится и къ самой мысли, и къ ея выраженію. Что касается, во-первыхъ, выраженія, то оно съ виду придаетъ мысли такой оборотъ, какъ будто въ области религіи возможно сознательно стремиться къ открытіямъ и намѣренно что-либо создавать, тогда какъ вѣдь здѣсь все, что чисто и истинно, и тѣмъ болѣе все новое, должно проистекать непроизвольно, наподобіе вдохновенія, изъ глубины души. Но кто обратитъ вниманіе на общую мысль и на связь всего разсужденія, того эта видимость не введетъ въ заблужденіе. Что касается, во-вторыхъ, самой мысли, то она, повидимому, выражана въ слишкомъ общей формѣ, при чемъ не удѣлено достаточнаго вниманія великому различію между отдѣльными видами религіи Ибо всякая религія высшей ступени, и болѣе всего та, въ связи съ которой развилась законченная богословская система, должна быть въ состояніи обозрѣть всю свою область. Задача догматики состоитъ въ томъ, чтобы намѣтить

такія очертанія религіи, въ которыхъ не только вмѣщалось бы все, что дѣйствительно уже развито въ данной формѣ религіи, но были бы и предуказаны всѣ мѣста для новаго; и если мы обозрѣваемъ такія очертанія, то мы врядъ ли найдемъ какое-нибудь мѣсто совершенно пустымъ, а отдѣльныя мѣста будутъ лишь болѣе или менѣе заполнены. Лишь въ низшихъ формахъ религіи и въ мелкихъ сектахъ можетъ встрѣтиться то, что здѣсь утверждается; ибо въ первыхъ отдѣльныя лица слишкомъ мало разнятся между собой, чтобы подлинно дополнять другъ друга, а что касается послѣднихъ, то уже было указано, почему онѣ имѣютъ естественную тенденцію не овладѣть всей совокупностью религіознаго матеріала.

10) Стр. 198. Оппозиціонный характеръ, всецѣло проникающій эту книгу, дѣлаетъ весьма понятнымъ для всѣхъ, кто представитъ себѣ тогдашнее время, почему я преимущественно защищаю дѣло тѣхъ, кто сводятъ начало своей религіозной жизни къ опредѣленному мгновенію. Но это отнюдь не есть только попытка принудить къ молчанію противниковъ этого воззрѣнія, въ надеждѣ, что они не сумѣютъ надлежащимъ образомъ защититься. Напротивъ, позднѣе мнѣ страннымъ образомъ пришлось защищать это воззрѣніе противъ одного выдающагося человѣка, почтеннаго, нынѣ давно уже покойнаго наставника одной весьма мною цѣнимой религіозной общины, вся практика которой собственно опиралась на эту предпосылку опредѣленныхъ мгновеній нисхожденія благодати. Онъ спросилъ меня, дѣйствительно ли я вѣрю въ такія мгновенія и считаю ихъ необходимыми, такъ что меня не удовлетворяетъ постепенное и незамѣтное возникновеніе и развитіе религіозной жизни. На основаніи опыта онъ указывалъ мнѣ то, что, конечно, бросалось въ глаза каждому, кто внимательно читалъ многія біографіи людей, имѣвшихъ моменты озаренія, именно, что у большинства изъ нихъ послѣ такихъ мгновеній, когда они удостовѣряются въ божественной благодати, т.-е. когда въ нихъ зарождается самобытно-личная религіозная жизнь, рано или поздно наступаютъ вновь періоды ослабленія, когда они опять теряютъ эту увѣренность, такъ что должны еще привступить моменты подтвержденія, и, слѣдовательно, можно по праву сомнѣваться, былъ ли первый или второй изъ этихъ моментовъ истиннымъ исходнымъ пунктомъ; и изъ такого сомнѣнія само собою слѣдуетъ, что истина дана лишь въ постепенныхъ переходахъ, которые подготовляютъ такое первое мгновеніе и укрѣпляютъ его позднѣйшими. Я обратилъ его вниманіе—и это я хочу и здѣсь еще разъ напомнить, — что я не считаю этой формы единственной, а допускаю также незамѣтное возникновеніе и развитіе, но что внутренняя истина дана лишь въ единствѣ обѣихъ формъ, при чемъ только въ различныхъ случаяхъ то одна, то другая болѣе выступаетъ наружу; поэтому одно дѣло — постулировать такіе моменты, и совсѣмъ другое—требовать, чтобы каждый могъ ихъ самъ указать и засвидѣтельствовать, что помнитъ, когда они произошли,—какъ я это позднѣе развилъ также въ одной проповѣди; и на такомъ пониманіи мы со-

шлись.—Что же касается, въ частности, того, какъ дѣло здѣсь представлено, именно что такой моментъ есть всегда нѣчто чрезвычайное, и что каждая возникшая этимъ путемъ религіозная жизнь должна быть совершено своеобразной, то на это можно возразить двоякое. Во-первыхъ, что уже въ первую эпоху церкви, во времена возвѣщенія апостоловъ, встрѣчались массовыя пробужденія христіанскаго сознанія и что и теперь иногда случаются такія какъ бы эпидемическіе пробужденія, не столько среди иновѣрцевъ, сколько преимущественно среди христіанъ, благочестіе которыхъ было заглушено мірскими заботами и дѣлами. Если, поэтому, эти пробужденія нельзя считать чѣмъ-либо чрезвычайнымъ, то, во-вторыхъ, уже отсюда становится вѣроятнымъ, что не каждый ихъ результатъ будетъ чѣмъ-либо исключительнымъ и своеобразнымъ, тѣмъ болѣе, что эти пробужденія часто бываютъ реакціей противъ широко и однообразно распространенной огрубѣлости или распущенности. Это подтверждается и опытомъ, который показываетъ, что въ извѣстныя эпохи именно среди лицъ, опирающихся въ своей религіи на такія явственно рѣшающія мгновенія, господствуетъ до утомительности однообразная форма терминологіи и одинаковая, часто весьма спутанная терминологія въ отношеніи связанныхъ съ этимъ душевныхъ переживаній. Однако это тѣсно связано съ непрочностью такихъ мгновеній; и не въ этомъ смыслѣ моя рѣчь противопоставляетъ обѣ формы религіозной жизни—внезапное ея пробужденіе и постепенное развитіе. Въ послѣднемъ всегда будетъ болѣе преобладать общее единичное, проявляющееся здѣсь, создано силой общаго и подчинено послѣднему; своеобразное выступаетъ въ немъ наружу болѣе сдержанно и робко. Но таковъ же и характеръ религіозности, которая съ виду опирается на такія внезапныя мгновенія. Проповѣдники, призывающіе къ религіи, обычно выражаютъ также лишь традиціонный типъ, который именно потому, что ограничивается немногими формулами, болѣе всего способенъ потрясать тупыя души, будь то отупѣвшія отъ ожесточенія или отъ суетности. Такова сила, присущая этимъ проповѣдникамъ; и такъ какъ ихъ воззрѣніе требуетъ такихъ моментовъ, то постоянно повторяющимся требованіемъ ихъ они дѣйствительно ихъ подготовляютъ. И несомнѣнная польза этого метода состоитъ въ томъ, что въ такія неоднократныя мгновенія прорывается наружу подготовленное потрясеніе и усиливается, сливаясь между собой, сознаніе полнаго ничтожества и сознаніе божественной благодати,—хотя то и другое имѣетъ лишь весьма общій характеръ и вначалѣ остается неустойчивымъ;—этимъ постепенно укрѣпляется религіозная жизнь, которая, однако, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ указаннымъ типомъ и именно потому остается робкой и убогой. Если люди, имѣющіе такую исторію, скромно пребываютъ въ своемъ кругу, то они намъ цѣнные товарищи; и чѣмъ болѣе также и люди, которые въ мірскомъ смыслѣ высокообразованы и почитаемы, удовлетворяются въ религіозной области этой ступенью, тѣмъ болѣе трогательно это, столь же возвышающее, сколь и смиряющее явле-

ніе. Но всѣ такіе люди здѣсь не имѣются въ виду, такъ какъ въ нихъ не развилась своеобразная религіозная жизнь; и мгновенія, изъ которыхъ созидается такая своеобразная жизнь и которыя здѣсь разумѣются, носятъ совсѣмъ иной отпечатокъ. Они возникаютъ только въ людяхъ, которые уже и до того имѣли религіозное направленіе, но лишь въ хаотической и неопредѣленной формѣ. Ихъ источникъ не образуютъ слѣды внѣшнихъ возбужденій; напротивъ, изъ постоянно возобновляющагося чувства недостаточности и несоотвѣтственности того, что дается извнѣ, они подготовляются тихой внутренней мечтой и тоской, въ которой именно изъ такого отрицанія развивается нѣчто положительное, такъ что послѣднія глубины души ощущаютъ Божество и, осознавъ себя самихъ, болѣе или менѣе внезапно проступаютъ наружу. Таковы эти рѣдкія явленія, о которыхъ даже самый бѣглый наблюдатель не можетъ думать, что онъ исчерпалъ ихъ, обозначивъ какикъ-либо общимъ именемъ.

11) Стр. 205. Здѣсь, конечно, разумѣются не новыя откровенія, которыя лежали бы внѣ кругозора данной религіи; напротивъ, ни въ одной положительной религіи не можетъ существовать стремленіе къ таковымъ, ибо и стремленіе каждаго существа естественно должно носить на себѣ отпечатокъ его самобытности. И мессіаническія надежды евреевъ не были такимъ стремленіемъ къ чему-то, выходящему за предѣлы іудейства, хотя онѣ позднѣе и были осуществлены явленіемъ Христа, выходящимъ далеко за эти предѣлы. И въ этомъ, конечно, главнымъ образомъ и состоитъ своеобразная связь между обѣими этими формами религіи. Но всякая религія, въ мѣру своей жизненности, имѣетъ подобную потребность найти въ себѣ самой нѣкоторое еще непознанное божественное начало; и именно поэтому историческая устойчивость каждой вѣры, объемлющей широкую область въ пространствѣ и во времени, обусловлена тѣмъ, что она обладаетъ нѣкоторымъ нормативнымъ элементомъ, къ которому должно сводиться все новое. Гдѣ этотъ нормативный элементъ отсутствуетъ, тамъ единство религіи будетъ склонно къ распыленію; гдѣ, несмотря на его присутствіе, все же возникаютъ дробленія, тамъ крупнѣйшія изъ нихъ будутъ всегда относиться къ этому нормативному элементу. И въ этомъ смыслѣ можно, конечно, сказать, что споръ между греческой и римской церковью есть споръ между оригинальнымъ текстомъ и переводомъ, а споръ между евангелической церковью и первыми двумя есть споръ между Писаніемъ и преданіемъ.

12) Стр. 206. И это мѣсто по аналогичному основанію нуждается въ небольшомъ поясненіи, такъ какъ могло бы показаться, что здѣсь заслоняются великія всемірно-историческія религіи и достопримѣчательное отыскивается лишь въ болѣе мелкихъ организаціяхъ. Въ политической области мы, правда, привыкли къ подобнымъ вещамъ. Вѣдь многія государственныя формы великихъ народовъ кажутся намъ безпомощными и незначительными, тогда какъ устройства отдѣльныхъ городовъ съ ничтожной территоріей

восхваляются историками, какъ шедевры политическаго искусства, и служатъ предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій. Но не такъ обстоитъ дѣло въ области религіи; ибо сильная религіозная жизнь, даже стѣсненная ограниченными формами, рано или поздно все же переступаетъ границы народности, какъ это случилось даже въ іудействѣ, и ничто своеобразное и внутренне сильное въ этой области не можетъ навсегда сохранить малый объемъ. Здѣсь, однако, рѣчь идетъ собственно о томъ, что образовалось въ сферѣ великихъ формъ религіи и, въ частности, христіанства; а въ этомъ отношеніи справедливъ совсѣмъ иной законъ. Обширнымъ и широко распространеннымъ становится то, что легче всего проникаетъ въ массы, и таковымъ по общему правилу бываетъ воззрѣніе, далекое отъ всего, что кажется крайностью,—воззрѣніе, возможное лишь при заботливомъ учитываніи всѣхъ сторонъ жизни, т.-е. имѣющее въ извѣстномъ смыслѣ внѣшнее направленіе и потому, конечно, не содѣйствующее внутреннему и своеобразному развитію. Таковъ преобладающій характеръ въ христіанствѣ того, что въ старомъ смыслѣ слова мы называемъ католическимъ; и такъ какъ большинство думаетъ главнымъ образомъ объ этомъ, когда рѣчь идетъ о христіанствѣ, его характерѣ и развитіи, то мнѣ казалось умѣстнымъ здѣсь отклонить вниманіе людей, которые дѣйствительно хотятъ изслѣдовать вопросъ и въ которыхъ пробудился нѣкоторый интересъ къ религіи, отъ того, что̀ навязывается своимъ большимъ объемомъ, и направить на болѣе мелкія явленія. Но при этомъ я имѣлъ въ виду не столько еретическія направленія, которыя выражаютъ опредѣленныя односторонности, сколько отдѣльныхъ личностей въ церкви, которымъ не удалось удержаться въ посредственности, или—выражаясь мягче—въ той осторожной позиціи, съ помощью коей отдѣльный человѣкъ только и можетъ сохранить блестящее положеніе среди католическихъ элементовъ, а которые предпочли свою внутреннюю свободу и именно потому не убоялись неизвѣстности.

13) Стр. 208. Строго говоря, я никогда не держался мнѣнія, что нравственное ученіе должно быть всюду однимъ и тѣмъ же. Но здѣсь мнѣ было достаточно сослаться на общепринятый взглядъ. Мнѣ кажется, что мораль не вездѣ можетъ быть одинаковой; и всѣ эпохи показываютъ, что она никогда не была вездѣ одинаковой. Ибо форма ея по существу умозрительна, и можетъ стать повсюду одинаковой не ранѣе, чѣмъ станетъ одинаковымъ само умозрѣніе, на что не имѣется никакихъ указаній именно въ силу великой производительности послѣднихъ вѣковъ въ дѣлѣ развитія философскихъ системъ. Далѣе, и ея содержаніе не можетъ быть всюду одинаковымъ; ибо хотя каждый, излагающій нравственное ученіе, исходитъ изъ идеала чистой человѣчности, но каждый видитъ его сквозь призму своей эпохи и своей народности. Поэтому всякое общеобязательное нравственное ученіе можетъ содержать лишь самыя общія нормы, да и послѣднія лишь въ такихъ формулахъ, въ которыя можно подставлять различныя

значенія, такъ что общеобязательность будетъ скорѣе кажущейся, чѣмъ подлинной. Тѣмъ не менѣе установленное въ текстѣ положеніе сохраняетъ свою правильность потому, что мѣрило этихъ различій не одно и то же для нравственнаго ученія и для религіи. Ибо нравственное ученіе начинается всегда съ подчиненія частнаго, а, слѣдовательно, и своеобразнаго, общему, и лишь въ силу такого подчиненія своеобразное пріобрѣтаетъ право на маральное признаніе; поэтому, хотя, конечно, возможно построить столь же правильную систему нравственнаго ученія или, точнѣе говоря, ту же самую систему, на противоположной предпосылкѣ, тѣмъ не менѣе такое нравственное ученіе не смогло бы преодолѣть общераспространеннаго чувства и пріобрѣсти себѣ признаніе. Напротивъ, въ области религіи все исходитъ изъ индивидуальной жизни, и чѣмъ своеобразнѣе, тѣмъ сильнѣе, общее же возникаетъ лишь изъ замѣченнаго сродства и близости. Поэтому многіе, кто еще не осознали своихъ скрытыхъ различій, могутъ держаться одной и той же формы религіи; но одно и то же нравственное ученіе могутъ раздѣлять и тѣ, кто уже сознаютъ свои различія, если только у нихъ одинаковое пониманіе человѣческихъ отношеній; тогда какъ именно въ этомъ пониманіи между людьми, исповѣдующими одну и ту же форму религіи, могутъ имѣться столь значительныя разногласія, что для нихъ невозможно имѣть общее нравственное ученіе.

14) Стр. 217. Ничто не выдаетъ такъ сильно, съ одной стороны, отсутствія чутья къ сущности христіанства и къ самой личности Христа и, съ другой стороны, вообще отсутствіе историческаго чувства и пониманія того, какъ осуществляются великія событія и каковы должны быть личности, которыя являются ихъ подлиннымъ источникомъ, чѣмъ скептическое воззрѣніе на отношеніе апостола Іоанна къ ученію Христа; это воззрѣніе ранѣе выступало съ нѣсколько робкимъ утвержденіемъ, что Іоаннъ примѣшалъ отъ себя много чуждаго въ рѣчи Христа; теперь же, укрѣпившись въ тишинѣ и вооружившись критическими аргументами, оно дерзаетъ на болѣе сильное утвержденіе, что Іоаннъ вообще не писалъ Евангелія, а что лишь позднѣйшій авторъ изобрѣлъ этого мистическаго Христа. Но какимъ образомъ іудейскій раввинъ съ человѣколюбивымъ образомъ мыслей, съ нѣкоторой сократической моралью, съ нѣкоторыми чудесами или по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что другіе считали чудесами, и съ талантомъ высказывать разумныя сентенціи и притчи,—а вѣдь при такомъ воззрѣніи отъ него больше ничего не остается, и еще придется простить ему нѣкоторыя нелѣпости, передаваемыя другими евангелистами,—какимъ образомъ, повторяю, подобный человѣкъ могъ произвести такое дѣйствіе, какъ созданіе новой религіи и церкви,—человѣкъ, который, если бы онъ былъ таковымъ, недостоинъ былъ бы сравниться съ Моисеемъ и Магометомъ,—постигнуть это предоставляютъ намъ самимъ. Однако съ этимъ воззрѣніемъ нужно бороться болѣе ученымъ оружіемъ, и, конечно, друзья и почитатели іоаннова Сына Божія уже готовятся къ такой борьбѣ.—Если же нѣсколько

ниже въ текстѣ я говорилъ объ этой скорби христіанина (черты которой въ Христѣ намъ передаютъ и другіе евангелисты, если только сумѣть правильно понять ихъ съ помощью Іоанна), что она есть основной тонъ и христіанской гордости и христіанскаго смиренія,—то хотя всѣ согласятся, что выраженіе гордость примѣнимо и къ душевному состоянію, не заслуживающему никакого порицанія, но все же можетъ показаться нѣсколько смѣлымъ признать ее христіанскимъ настроеніемъ; вѣдь въ христіанскомъ умонастроеніи настолько существенное и преобладающее значеніе имѣетъ смиреніе, что что-либо, подобное гордости, повидимому, совсѣмъ не можетъ возникнуть въ этой области, хотя мы и не стали бы порицать такое настроеніе въ гражданской нравственности. Я не хочу ссылаться на то, что я здѣсь сопоставилъ также страхъ и любовь, тогда какъ вѣдь любовь есть признакъ христіанина, а совершенная любовь изгоняетъ страхъ, такъ что отсюда слѣдуетъ, что я имѣлъ въ виду человѣческое, т.-е. несовершенное состояніе. Нѣтъ, моя мысль состояла въ томъ, что если въ христіанинѣ отличать его личное самосознаніе, съ которымъ онъ противопоставляетъ себя Христу, отъ того самосознанія, съ которымъ онъ переживаетъ свое общеніе съ Христомъ, то первое самосознаніе, даже если божественный духъ добра уже значительно вліялъ на него, всегда можетъ быть только смиреніемъ. Послѣднее же самосознаніе, которое состоитъ въ усвоеніи всѣхъ совершенствъ Христа, должно быть противоположнымъ первому; и я не знаю обозначенія, которое сильнѣе выражало бы эту противоположность, чѣмъ слово „гордость“; а чтобы засвидѣтельствовать это чувство, мнѣ достаточно напомнить о всѣхъ возвеличеніяхъ христіанской церкви въ нашихъ новозавѣтныхъ книгахъ. Но что въ этой гордости содержится скорбь о томъ, что общеніе съ Христомъ дѣйствительно ощущается еще въ недостаточномъ объемѣ,—это ясно само собой.

15) Стр. 219. Всегда довольно рисковано, и въ особенности, какъ это здѣсь имѣется въ виду, въ отношеніи невѣрующихъ, какъ бы основывать вѣру въ Христа на что-либо единичное въ Немъ. Ибо всякой единичной чертѣ слишкомъ легко можетъ быть противопоставлена внѣшне сходная черта въ другомъ человѣкѣ, при чемъ бываетъ трудно вскрыть внутреннее и существенное различіе послѣдней отъ первой. Такъ, иной фантазеръ, мнившій о себѣ болѣе высоко, чѣмъ онъ того заслуживалъ, умиралъ за эту свою вѣру; и какъ часто заблужденіе защищалось по твердому убѣжденію и съ опасностью для жизни! Однако такая укорененность заблужденія—если только подлинный предметъ вѣры не есть все же истина, къ которой лишь присоединилось заблужденіе—основана лишь на идіонсинкразіи, которая не можетъ получить широкаго распространенія. Напротивъ, самосознаніе Христа сіяетъ отраженнымъ свѣтомъ въ вѣрѣ всей толпы Его учениковъ и въ радости всѣхъ мучениковъ этой вѣры; и такого дѣйствія, конечно, никогда не оказывалъ самообманъ какой-либо единичной души. Къ этому нужно еще присоединить, что въ этой вѣрѣ дѣло касалось не только

внутреннихъ явленій сознанія, относительно которыхъ человѣкъ всегда легче можетъ ошибаться, и не только надежды на весьма отдаленное будущее, въ отношеніи котораго открывается свободный просторъ для фантазіи; напротивъ, Христосъ долженъ былъ вѣрить, что при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, совершенно явственныхъ и легко обозримыхъ, все же непосредственно выразится божественная сила этого сознанія. Но все же обоснованіе своей вѣры на единичномъ остается всегда неполнымъ, и точно такъ же остается всегда рискованной попытка черезъ посредство единичныхъ чертъ укрѣпить вѣру въ другихъ.

16) Стр. 220. Заключительный итогъ этого разсужденія, именно, что Христосъ есть средоточіе всякаго посредничества, долженъ надлежащимъ образомъ связать все единичное въ этомъ ходѣ мыслей и пополнить его кажущіеся пробѣлы. Тѣмъ не менѣе я желалъ бы обратить вниманіе читателя на то, что въ моемъ трактованіи вопроса сознательно подчеркнуто, что если даже допускать нѣкоторое значеніе за тѣмъ различіемъ, которое въ то время имѣло большой успѣхъ, въ качествѣ великаго открытія,—именно за различіемъ между ученіемъ Христа и ученіемъ о Христѣ,—то все же идея посредничества во всякомъ случаѣ должна быть причислена къ ученію Христа, и наше ученіе о Христѣ есть не что иное, какъ сначала развитое вѣрой, а потомъ санкціонированное исторіей подтвержденіе и примѣненіе этого ученія Христа. И если я отдѣляю Его школу отъ Его религіи, то, какъ совершенно явственно свидѣтельствуетъ заключеніе, это есть лишь различное разсмотрѣніе одного и того же вопроса съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія. Ибо идея спасенія и посредничества, какъ центръ религіи—въ этомъ и состоитъ религія Христа; поскольку же отношеніе этой идеи къ Его личности есть историческій фактъ, и все историческое существованіе какъ ученія, такъ и религіознаго общества основано на немъ, я называю эту историческую сторону дѣла общеупотребительнымъ именемъ школы. А что эта школа для Христа есть лишь вторичное, первичное же—указанная идея, это явствуетъ изъ приведеннаго здѣсь, равно какъ изъ того, что сначала Онъ возвѣстилъ царство Божіе и Себя, какъ грядущаго, и лишь позднѣе—Себя, какъ пришедшаго.—Если нѣсколько далѣе въ текстѣ я говорю, что Христосъ сталъ посредникомъ для многихъ, то я прошу вспомнить, что Самъ Христосъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что Онъ отдаетъ свою жизнь, какъ искупительную плату для многихъ; изъ моихъ словъ не слѣдуетъ дѣлать ограничительный выводъ или по крайней мѣрѣ такой выводъ долженъ быть понимаемъ въ согласіи съ высказаннымъ уже мною въ иномъ мѣстѣ воззрѣніемъ, по которому дѣйствительное пережитое общеніе человѣка съ Христомъ всегда ограничено и останется таковымъ, даже если христіанство распространится по всей землѣ; напротивъ, чисто внутреннее и мистическое отношеніе Христа къ человѣческой природѣ, какъ таковой, я признаю безусловно всеобщимъ и безграничнымъ.

17) Стр. 221. То, что здѣсь сказано о Писаніи, быть можетъ, покажется

инымъ членамъ нашей церкви слишкомъ католическимъ въ виду сближенія того, что созидается въ церкви, съ Писаніемъ, тогда какъ католики признаютъ это изложеніе ультра-протестантскимъ, такъ какъ здѣсь не только не признается, что Писаніе опирается на авторитетъ церкви, но даже и объемъ самого Писанія объявляется еще не законченнымъ. Послѣднее имѣетъ лишь гипотетическій смыслъ и предназначено для болѣе рѣзкаго отдѣленія внѣшней стороны дѣла отъ внутренней. Вѣдь если бы еще теперь могла найтись книга, написанная, напр., Маркомъ или Лукой или Іудой и имѣющая всѣ признаки подлинности, то, конечно, врядъ ли намъ удалось бы единогласно рѣшить включить ее въ канонъ; тѣмъ не менѣе она все же проявляла бы свою нормативную библейскую силу, если бы она носила въ себѣ таковую, т.-е. дѣйствительно была бы Библіей. И, конечно, несомнѣнно, что именно эта сила служила опредѣляющимъ основаніемъ для церковной практики, которая установила канонъ, тогда какъ церковное постановленіе могло только подтвердить эту практику.

18). Стр. 224. Если читатель, сравнивая разныя изданія этой книги, не найдетъ этого мѣста въ предыдущемъ изданіи, то это не значитъ, чтобы оно было только внесеннымъ мною добавленіемъ; напротивъ, я предназначалъ его еще для второго изданія, но снова вычеркнулъ его тамъ, такъ какъ оно казалось мнѣ слишкомъ вызывающимъ. Теперь, когда эти времена уже прошли, оно можетъ найти себѣ мѣсто, какъ памятникъ того впечатлѣнія, которое производили на меня, да, конечно, и на многихъ, религіозныя настроенія того времени. Дѣло въ томъ, что пресыщенность непонятымъ христіанствомъ выражалась тогда у многихъ не только въ безвѣріи, которое здѣсь отрицается, ибо мнѣніе этихъ лицъ, что если христіанство лишено значенія, то не имѣетъ смысла и религія вообще, дѣлаетъ честь христіанству; у не малаго числа людей эта пресыщенность выражалась также отчасти въ стремленіи доставить внѣшнія формы бытія естественной религіи, тщетность чего уже обнаружилась въ Англіи и во Франціи, отчасти въ жаждѣ щекочущихъ новинокъ, какъ у людей, которые мечтали о символизованномъ и гностизированномъ язычествѣ, о возвратѣ къ старымъ миѳологемамъ, какъ о единственномъ спасеніи, и радовались, что фантазеръ Христосъ преодолѣнъ благодушно-трезвымъ Зевсомъ.

Поясненія къ послѣсловію.

1). Стр. 228. Это сужденіе менѣе удивитъ теперь, чѣмъ когда оно было впервые высказано. Ибо въ то время легко можно было думать глядя на одну сторону, что обѣ церкви соединятся въ невѣріи, въ индифферентизмѣ, или, глядя на другую сторону, полагать, что онѣ скоро будутъ лишь двумя различными формами суевѣрія, которыя различаются между собой лишь внѣшними и совершенно случайными чертами, такъ что

каждый отдѣльный человѣкъ столь же хорошо можетъ принадлежать къ одной, какъ и къ другой. Но въ послѣднее время рядъ событій, упоминаніе которыхъ здѣсь излишне, не только вновь оживили сознаніе реальнаго значенія этой противоположности, но и весьма отчетливо уяснили, какъ, собственно, относятся другъ къ другу обѣ эти церкви. И мы не можемъ отрицать, что подлинный центръ этой противоположности лежитъ въ Германіи; ибо въ Англіи она хотя и сильна, но имѣетъ скорѣе политическій характеръ; напротивъ, во Франціи она играетъ лишь весьма подчиненную роль. И конечно намъ, нѣмцамъ, надлежало бы прежде всего уяснить эту противоположность въ ея чистой внутренней сущности какъ исторически, такъ и умозрительно; къ сожалѣнію, объ этомъ слишкомъ мало думаютъ, и такое уясненіе и у насъ замѣняется страстной полемикой, такъ что если бы кто-либо изъ насъ захотѣлъ говорить объ этомъ предметѣ совершенно безпристрастно, то его единовѣрцы заподозрили бы въ немъ скрытаго католика, а со стороны католиковъ онъ встрѣтилъ бы навязчивыя и льстивыя попытки къ сближенію. Похвальныя явленія подлинной основательности и умѣренности, которыя получали бы признаніе, суть рѣдкія исключенія. Минуя поэтому совершенно разсмотрѣніе современнаго состоянія, я хочу въ немногихъ словахъ намѣтить, къ какому пункту, по моему мнѣнію, сводится эта противоположность, если оцѣнивать ее съ точки зрѣнія историческаго развитія. Въ обѣихъ церквахъ существуетъ безспорная склонность замыкаться другъ отъ друга и по возможности взаимно игнорировать другъ друга; объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ почти непостижимое невѣжество въ отношеніи ученій и обрядовъ противоположной церкви. Эта склонность вполнѣ естественна въ массахъ. Ибо каждая сторона находитъ достаточно религіознаго возбужденія и питанія въ своемъ узкомъ кругу, и противная сторона представляется ей если и не столь нечистой, какъ іудеямъ—приверженцы иныхъ религій (хотя часто недалеко и до такого настроенія), то по крайнй мѣрѣ совершенно чуждой. Эта склонность преобладаетъ въ спокойное время и прерывается въ массахъ лишь страстными вспышками, которыя постоянно приходится наблюдать, когда одна сторона добилась какого-либо рѣшительнаго преимущества надъ другой въ политической области или во множествѣ отдѣльныхъ случаевъ частной жизни. Но образованные слои общества, претендующіе на обладаніе историческимъ сознаніемъ, не должны раздѣлять ни указанной косной замкнутости, ни такой всегда вредной страстности. Между этими слоями въ обѣихъ церквахъ должно имѣть мѣсто живое, хотя бы и не прямое взаимодѣйствіе, пробужденное спокойнымъ изслѣдованіемъ соперничество, направленное на усвоеніе всего, что каждый признаетъ наилучшимъ въ противной сторонѣ. Ибо въ силу противоположнаго характера обѣихъ церквей каждая изъ нихъ менѣе всего воспріимчива къ тѣмъ несовершенствамъ, которыми болѣе всего обременена противная сторона. Пусть католики испытаютъ удовлетвореніе отъ того, какъ у насъ религіозное направленіе, чѣмъ болѣе оно

выступаетъ наружу, тѣмъ болѣе препятствуетъ впаденію во всякаго рода варварство; и если они не обманываютъ сами себя утвержденіемъ, что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между нами и ими, то пусть они посмотрятъ, какъ далеко они могутъ пойти въ этомъ содѣйствіи индивидуальной свободѣ. Мы же должны какъ можно болѣе страстно ограждать ту же твердую позицію, которую католическая церковь сумѣла обезпечить себѣ во всѣхъ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ съ помощью своей сильной организаціи, и должны попытаться добиться такого же единства и организованности, но именно въ нашемъ духѣ и не давая духовному сословію того положенія въ отношеніи мірянъ, которое противорѣчитъ духу нашей церкви. Такія цѣлебныя воздѣйствія дѣйствительно встрѣчаются, и отъ времени до времени люди сознаютъ ихъ результаты; однако они задерживаются косной замкнутостью массъ и прерываются моментами страстной борьбы. Поэтому цѣль этихъ воздѣйствій вѣроятно еще не скоро будетъ достигнута, а до этого момента мы еще не сможемъ сказать, что напряженность отношенія достигла предѣла и начинаетъ ослабляться. Лишь тогда у обѣихъ этихъ церквей возникнетъ общая задача оказывать живительное воздѣйствіе на почти совершенно омертвѣвшую греческую церковь, и конечно долгое время обѣ онѣ должны будутъ прилагать всѣ свои силы и средства, чтобы оживить этого мертвеца; и пока имъ это не удастся, обѣ онѣ еще не могутъ признать выполненной судьбу своего раздѣленія.

2). Стр. 228. Совершенно очевидно, что лишь рѣдко случается, чтобы въ странахъ, которыя всецѣло принадлежатъ къ одной церкви, какая либо отдѣльная личность безъ побочныхъ соображеній и искусственныхъ уговоровъ въ силу подлиннаго внутренняго влеченія переходила въ другую церковь. Точно такъ же въ мѣстностяхъ, гдѣ обѣ церкви перемѣшаны между собой, мы совершенно спокойно воспитываемъ дѣтей отъ браковъ между лицами одной вѣры въ вѣрѣ ихъ родителей, и намъ совсѣмъ не приходитъ въ голову, что они могли бы имѣть внутреннее влеченіе къ другой вѣрѣ. И если вообще различный національный характеръ христіанскихъ народовъ не остался безъ вліянія на путь, по которому пошла реформація, то развѣ нельзя допустить, что и это религіозное направленіе стало наслѣдственнымъ и врожденнымъ?—тѣмъ болѣе, что вѣдь при переходѣ въ христіанство иновѣрцевъ мы считаемъ христіанское сознаніе чистымъ и твердымъ не ранѣе, чѣмъ черезъ нѣсколько поколѣній. И поэтому для дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ можно было бы считать естественнымъ, въ качествѣ предварительной мѣры, не то, что сыновья слѣдуютъ отцу, а дочери—матери, а что каждый ребенокъ слѣдуетъ тому родителю, съ которымъ онъ и въ другихъ отношеніяхъ имѣетъ унаслѣдованныя сходства. Съ другой стороны, однако, нельзя отрицать, что генетическое отношеніе между обѣими церквами не благопріятствуетъ допущенію подлинно врожденной склонности къ какой-либо изъ нихъ, а скорѣе заставляетъ ожидать, что рѣшеніе въ пользу той или другой формы образуется на основѣ личнаго харак-

тера каждаго человѣка. При этомъ воззрѣніи для смѣшанныхъ браковъ былъ бы естественнымъ принципъ, который самъ собою соблюдается тамъ, гдѣ отсутствуетъ чуждое вмѣшательство, именно, что предварительно всѣ дѣти слѣдуютъ тому изъ родителей, который имѣетъ болѣе сильное религіозное сознаніе, такъ какъ подъ особымъ вліяніемъ этого родителя сильнѣе всего развивается соотвѣтствующій религіозный элементъ, но что потомъ спокойно и радостно ожидается, къ какой формѣ склонится каждый при растущей самостоятельности. Если бы этотъ естественный порядокъ всюду соблюдался, и если отвлечься отъ того, къ чему могутъ привести чуждые мотивы и воздѣйствія, которые почти можно назвать насильственными, то случаи перехода въ иную вѣру въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ того, какъ одна вѣра уже была съ любовью воспринята и руководила жизнью,— перехода, который всегда вноситъ нѣкоторую смуту, — были бы довольно рѣдки; они встрѣчались бы либо у такихъ личностей, которыхъ и въ остальныхъ отношеніяхъ можно считать исключеніями и какъ бы созданіями каприза природы, либо же тамъ, гдѣ неправильное руководительство религіозной жизнью ярко освѣтило бы несовершенство и односторонность уже принятой формы вѣры и тѣмъ самымъ направило бы къ противоположной вѣрѣ; и случаи послѣдняго рода еще теперь часто встрѣчаются въ обѣихъ церквахъ.

3). Стр. 230. Я думаю, что лишь для немногихъ понадобится обоснованіе самого этого сужденія, что католическая церковь не только въ старомъ смыслѣ, но и въ томъ смыслѣ, въ которомъ она противопоставляется евангелической, можетъ отбросить авторитетъ папства и отъ монархической формы перейти къ аристократической формѣ епископальной системы, при чемъ противоположность между обѣими церквами все же не будетъ устранена, и ихъ соединеніе не будетъ существенно облегчено. Столь же несомнѣнно, что именно этотъ папскій авторитетъ—будемъ ли мы разсматривать его происхожденіе или изучать направленіе, которое онъ почти всегда принималъ—болѣе всего обнаруживаетъ всѣ ложныя тенденціи, выходящія за предѣлы церковной сферы. Но замѣчательно, что почти всѣ, отпавшіе отъ нашей церкви, становятся строгими папистами. Изъ этого почти неизбѣжно приходится заключить, что они все же не восприняли въ себя подлиннаго характера католической церкви, и что имъ только суждено въ двухъ различныхъ формахъ засвидѣтельствовать свою религіозную неспособность.

4). Стр. 231. Худо, когда именно конецъ труда легко можетъ вызвать улыбку, которая способна стереть изъ сознанія болѣе раннія благопріятныя впечатлѣнія. А это можетъ здѣсь случиться въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, потому, что здѣсь высказано предположеніе, что Бонапартъ можетъ начать борьбу противъ протестантизма, тогда какъ онъ, напротивъ, позднѣе грозилъ своимъ переходомъ, и переходомъ большей части Франціи, въ протестантизмъ, и еще недавно подверглись преслѣдованію протестанты южной Франціи, какъ наиболѣе преданные ему элементы.

Во-вторыхъ, потому, что здѣсь почти предполагается, будто вся Германія принадлежитъ къ протестантской вѣрѣ, тогда какъ многіе надѣются, что рано или поздно она цѣликомъ или въ значительной своей части снова станетъ католической. Что касается перваго, то сказанное мною слишкомъ точно выражаетъ чувства, которыми мы были проникнуты въ эпоху позора, чтобы я счелъ себя въ правѣ исключить то, что было тогда написано. Такъ много было у насъ отнято, что мы имѣли право опасаться и за наше послѣднее достояніе, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ безспорно совершенно иначе велъ себя въ протестантской Германіи, чѣмъ въ католической, и отъ него не могло остаться скрытымъ, что наше религіозное и наше политическое настроеніе по существу связаны между собой. Что же касается второго, то пусть всякій остережется смѣяться слишкомъ рано; и сколь твердо убѣжденіе противной партіи, столь же твердо и мое убѣжденіе, что въ Германіи широкое распространеніе папистскаго католицизма по многимъ причинамъ необходимо связано съ впаденіемъ во всякаго рода варварство, тогда какъ свобода евангелической церкви останется среди насъ вѣрнѣйшей опорой всѣхъ благородныхъ стремленій, и что поэтому не можетъ лежать въ путяхъ Провидѣнія ослабить протестантизмъ и дать расшириться за его счетъ католицизму.

МОНОЛОГИ.

НОВОГОДНІЙ ДАРЪ.

Dr. Fr. SCHLEIERMACHER.

Dr. Fr. SCHLEIERMACHER.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Такъ какъ эта книжка вышла изъ продажи, то я не хотѣлъ препятствовать ея новому изданію. Отчасти я благодаренъ ей за то, что она въ почти неожиданной для меня мѣрѣ привлекла ко мнѣ благородныя души и доставила мнѣ друзей, обладаніе которыми мнѣ весьма дорого; отчасти же отказъ отъ новаго изданія могъ быть ложно истолкованъ, какъ отреченіе отъ книги. И потому я приношу дань благодарности этимъ страницамъ, снова вызывая ихъ къ жизни и этимъ актомъ свидѣтельствуя передъ читателями, что всѣ высказанныя здѣсь мысли попрежнему присущи мнѣ—насколько вообще образъ прошлаго существа можетъ и долженъ быть подобенъ болѣе зрѣлому человѣку. Но только при этомъ я сознаюсь, что воспроизведеніе такого образа или даже улучшеніе его представляютъ слишкомъ большія трудности въ силу опасности затемнить его внутреннюю правду незамѣтнымъ внесеніемъ позднѣйшихъ чертъ, или же нарушить отношеніе къ нему дружественныхъ читателей измѣненіями, которыя могли бы показаться произвольными. Поэтому я предпочитаю воспроизвести его со всѣми недостатками, которыя мнѣ извѣстны въ немъ, и—независимо отъ нѣкоторыхъ мелкихъ литературныхъ поправокъ, — внести только немногія измѣненія, которыя были намѣчены мною вскорѣ послѣ появленія перваго изданія и, какъ мнѣ казалось, содѣйствовали устраненію неясностей и недоразумѣній. Итакъ, если кто порицаетъ что-либо не въ изложеніи, а въ содержаніи изложеннаго, пусть онъ приписываетъ это не мнѣ въ моемъ

нынѣшнемъ состояніи, а все еще мнѣ, какъ прежнему автору. Но если найдутся люди, которые не умѣютъ понять само настроеніе и не могутъ или не хотятъ отличить то, что относится къ идеѣ человѣка, отъ того, что затрагиваетъ лишь его эмпирическое явленіе,—то я предоставлю имъ снова разогрѣть тѣ прѣсныя насмѣшки, которыя раздавались кое гдѣ и десять лѣтъ тому назадъ.

Берлинъ, апрѣль 1810 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

На вышеприведенное объясненіе я ссылаюсь при этомъ третьемъ изданіи книжки, и хотѣлъ бы только сказать еще нѣсколько словъ по адресу тѣхъ, кому дѣйствительно остался непонятнымъ замыселъ этой книжки. Человѣкъ, связанный со мной давнишней тѣсной дружбой, высказалъ весьма подходящее сюда и мѣткое сужденіе, именно, что явственная жизнь каждаго человѣка колеблется между его прообразомъ и его карикатурой. Лишь самосозерцаніе, слѣдующее первому направленію, можетъ содержать въ себѣ что-либо, заслуживающее публичнаго сообщенія; другое же направленіе теряется въ темныхъ глубинахъ единичной жизни и доходитъ до такихъ пунктовъ, которые, какъ уже сказалъ одинъ мудрецъ, человѣку было бы лучше скрывать и отъ самого себя. Здѣсь именно и представлена попытка, умолчавъ о послѣднемъ, высказать первое, съ явнымъ стремленіемъ опредѣлить точки расхожденія прообразовъ; и потому мнѣніе автора истолковывается совершенно превратно, когда его упрекаютъ въ томъ, что онъ только разукрашиваетъ себя самого и, расточая, какъ нѣкій духовный Нарцисъ, влюбленныя слова своему собственному образу, еще громко возвѣщаетъ ихъ всему міру.—Изъ указаннаго замысла вытекаетъ также то, что здѣсь самоанализъ развивается въ чисто этической формѣ, и что религіозный, въ болѣе узкомъ смыслѣ, элементъ нигдѣ не проступаетъ въ немъ. Но я не хотѣлъ бы, чтобы это указаніе было принято за

подтвержденіе мнѣнія, будто религіозное самосозерцаніе можетъ итти лишь въ противоположномъ направленіи, въ сторону карикатуры. Напротивъ, давно уже у меня возникло намѣреніе опровергнуть на дѣлѣ и это одностороннее представленіе, и дополнить эту книжку аналогичнымъ рядомъ религіозныхъ монологовъ. Доселѣ, однако, время не позволило мнѣ выполнить это.

Берлинъ, декабрь 1821 г.

Монологи.

Обращеніе.

Нѣтъ лучшаго дара, который человѣкъ могъ бы принести человѣку, чѣмъ то, что онъ говорилъ самому себѣ въ глубинѣ своей души; ибо здѣсь даруется доступъ къ самому сокровенному—возможность прямо и безъ помѣхи заглянуть въ свободное существо. И нѣтъ болѣе прочнаго дара; ибо въ твоей жизни тебѣ сопутствуетъ радость, пробужденная чистымъ созерцаніемъ друга; и внутренняя правда удерживаетъ твою любовь и влечетъ тебя не разъ возвращаться къ этому созерцанію. Нѣтъ также дара, который ты могъ бы легче оградить отъ чужихъ вожделѣній и козней: ибо въ немъ нѣтъ ничего соблазнительнаго, что могло бы привлечь вниманіе непризванныхъ или быть использовано для дурной и низкой цѣли. А если кто и стоитъ въ сторонѣ, косыми взглядами озирая наше сокровище и указывая тебѣ на признаки поддѣльности, которыхъ не воспринимаетъ твой прямой взоръ, то пусть ни критиканство, дробящее цѣльное чувство, ни плоская насмѣшка не лишаетъ тебя радости, какъ и я никогда не буду раскаиваться, что сообщилъ тебѣ мое достояніе.—Возьми же этотъ даръ, кто умѣетъ понимать тонкое вѣяніе духа! Пусть звучитъ твое внутреннее пѣніе, гармонично вторя игрѣ моихъ чувствъ! И то, что при прикосновеніи съ моей душой пронизываетъ тебя, какъ нѣжный магнетическій токъ, или потрясаетъ тебя, какъ электрическій ударъ, да будетъ освѣжающимъ возбудителемъ твоей жизненной силы!

I. Размышленіе.

Внѣшній міръ, съ его вѣчными законами и съ самыми бѣглыми его явленіями, въ тысячахъ нѣжныхъ и возвышенныхъ образовъ отражаетъ для насъ, подобно волшебному зеркалу, высшія и глубочайшія начала нашего духа. Но кто не повинуется громкимъ требованіямъ своего чувства, кто не внемлетъ тихимъ вздохамъ порабощеннаго духа,—мимо тѣхъ безслѣдно проходятъ и благодѣтельные образы, тонкія воздѣйствія которыхъ должны обострять тупое сознаніе и играючи наставлять насъ. Они даже не понимаютъ истиннаго смысла и внутренняго назначенія того, что измыслилъ ихъ собственный разсудокъ и что онъ всегда долженъ возсоздавать. Такъ, мы раздѣляемъ безконечную линію времени на равные промежутки, и точки этихъ дѣленій часто опредѣлены произвольно чисто внѣшними и случайными основаніями: онѣ совершенно безразличны для жизни, презирающей всѣ размѣренные шаги, и имъ ничто не хочетъ подчиняться,—ни зданіе нашихъ дѣлъ, ни вѣнокъ нашихъ чувствъ, ни игра нашихъ судебъ; и все же мы думаемъ, что эти дѣленія суть нѣчто большее, чѣмъ простое облегченіе для хранителей чиселъ или драгоцѣнный даръ для хронологовъ; напротивъ, у каждаго человѣка съ ними связывается строгая мысль, что возможно дѣленіе жизни. Но лишь немногіе проникаютъ въ эту глубокомысленную аллегорію и понимаютъ смыслъ постоянно повторяющагося призыва.

Человѣкъ, по мнѣнію многихъ, не вѣдаетъ ничего, кромѣ своего бытія во времени и его скользящаго паденія съ солнечной высоты наслажденія въ страшную ночь уничтоженія; выдѣляя въ сознаніи представленія и чувства и сливая ихъ

между собой, невидимая рука тянетъ нить нашей жизни, то свивая ее въ тѣсный клубокъ, то снова развивая,—и внѣ этого нѣтъ ничего. Чѣмъ быстрѣе потокъ нашихъ мыслей и чувствъ, чѣмъ богаче ихъ смѣна, чѣмъ гармоничнѣе и тѣснѣе ихъ соединеніе, тѣмъ прекраснѣе завершено великое художественное твореніе бытія; а кто еще сверхъ того можетъ механически объяснить всю эту связь и показать скрытыя пружины этой игры, тотъ стоитъ на вершинѣ человѣчности и самопознанія. Такъ они принимаютъ отраженный образъ своей дѣятельности за свое подлинное дѣяніе, внѣшнія точки соприкосновенія своей силы съ тѣмъ, что лежитъ внѣ ея—за свою глубочайшую сущность, атмосферу—за самый міръ, вокругъ котораго она образовалась. Какъ могутъ такіе люди понять призывъ, содержащійся въ томъ дѣйствіи, на которое они безмысленно глядятъ со стороны! Точка, пересѣкающая линію, не есть часть послѣдней: она касается безконечнаго столь же подлинно и непосредственно, какъ и линіи; и въ этой линіи ты можешь всюду помѣстить такую точку. Такъ и мгновеніе, въ которомъ ты дѣлишь путь жизни, не должно быть само частью временной жизни; оно должно иначе созидаться и образовываться, чтобы возбуждать въ тебѣ непосредственное сознаніе твоей связи съ вѣчнымъ и безконечнымъ; и всюду, гдѣ ты хочешь, ты можешь такъ преграждать и прерывать потокъ временной жизни. Поэтому я съ радостью вижу многозначительное напоминаніе о божественномъ въ прекрасномъ призывѣ къ безсмертному бытію внѣ области времени и внѣ подчиненія его законамъ! Но тѣ, кто не знаютъ о призваніи къ этой высшей жизни среди потока бѣглыхъ чувствъ и мыслей, не находятъ его и тогда, когда, не вѣдая, что творятъ, они измѣряютъ время и дѣлятъ земную жизнь. Пусть бы лучше они совсѣмъ не замѣчали того, что имъ надлежитъ знать! Если бы въ ихъ суетныхъ дѣлахъ совсѣмъ не сказывалось тщетное стремленіе послѣдовать возвышенному призыву, они не оскорбляли бы такъ горько моей души. Но и у нихъ бываютъ мгновенія, которыхъ они не считаютъ бѣглымъ сегодняшнимъ днемъ; однако они не умѣютъ относиться къ нимъ, какъ къ вѣчности. Часто

на мигъ, иногда на часъ, въ лучшемъ случаѣ на день они освобождаются отъ обязательства трудиться такъ рачительно, стремиться къ наслажденію и познанію такъ усердно, какъ того въ другихъ случаяхъ требуетъ отъ нихъ каждая мельчайшая часть ихъ жизни, напоминающая имъ, что она столь же скоро станетъ прошлымъ, сколь недавно была будущимъ. Тогда имъ становится противнымъ воспринимать новое или наслаждаться, дѣйствовать или созидать; они садятся у берега жизни, но могутъ только съ улыбкой проливать слезы надъ пляшущими волнами. Подобно тому, какъ мрачное безуміе закалываетъ на могилѣ мужа женщинъ и рабовъ, такъ они на могилѣ года закалываютъ тщетную жертву—день, проходящій въ пустыхъ фантазіяхъ.

Пусть не предается размышленію и созерцанію тотъ, кто все же не можетъ постигнуть въ немъ внутренней сущности духа! Пусть не стремится вырваться изъ времени тотъ, кто въ себѣ самомъ не вѣдаетъ ничего, выходящаго за его предѣлы! На какой берегъ онъ могъ бы выйти изъ этого потока, и чего бы онъ могъ достигнуть, кромѣ безплоднаго страданія и горькаго чувства уничтоженія? Онъ взвѣшиваетъ сравнительную силу наслажденій и заботъ въ прошломъ, и хочетъ слить въ единый уменьшенный образъ, подъ фокусомъ воспоминанія, свѣтъ, который еще мерцаетъ ему изъ прошедшей дали. Другой созерцаетъ плоды своей дѣятельности, и охотно вызываетъ въ воспоминаніи свою жестокую борьбу съ міромъ и судьбой; и радуясь даже малому, что̀ ему удалось осуществить, онъ видитъ разбросанными по нейтральной почвѣ безразличной дѣйствительности памятники, которые онъ создалъ себѣ изъ мертваго матеріала, хотя все осталось далеко позади его замысловъ. Третій провѣряетъ, чему онъ научился, и гордо шагаетъ по расширеннымъ и заполненнымъ житницамъ своихъ знаній, радуясь накопленному имъ богатству. О, ребяческая игра суетнаго воображенія! Одинъ забылъ о скорби, которую заставляла его переживать фантазія, и сохранить которую постыдилась память; другой забылъ о содѣйствіи, которое оказывали ему міръ и судьба, хотя теперь онъ склоненъ лишь

враждебно относиться къ обоимъ; и третій не учитываетъ стараго, которое было вытѣснено новымъ, мыслей, утраченныхъ въ размышленіи, и представленій, загубленныхъ ученіемъ; и никогда разсчетъ не бываетъ правильнымъ. Но если бы даже онъ былъ правильнымъ, какъ глубоко язвитъ меня мысль, что люди могутъ называть это самосозерцаніемъ и видѣть въ этомъ самопознаніе! Къ какимъ убогимъ плодамъ приводитъ это хваленое занятіе! Фантазія хватается за вѣрную картину прошедшаго, не скупясь, изукрашиваетъ ее новыми, лучшими чертами, рисуетъ ее на пустомъ пространствѣ ближайшаго будущаго, и часто все же со вздохомъ оглядывается назадъ на ея первообразъ. Такъ послѣднимъ плодомъ этого занятія является лишь тщетная надежда, что наступитъ лучшее время, или обычная жалоба, что уходитъ все, что̀ было такъ прекрасно, и что свѣча жизни, тая со дня на день, все больше говоритъ о скоромъ концѣ дивнаго пламени. Такъ время, жестоко карая пустыми желаніями и тщетными жалобами, клеймитъ своихъ рабовъ, хотѣвшихъ ускользнуть отъ него, и уравниваетъ худшихъ съ лучшими, уловляя и подчиняя себѣ всѣхъ одинаково легко. Кто вмѣсто дѣятельности духа, которая тайно совершается въ его глубинахъ, знаетъ и видитъ лишь ея внѣшнія проявленія,—кто, не умѣя созерцать самого себя, составляетъ себѣ образъ внѣшней жизни и ея измѣненій лишь изъ отдѣльныхъ разбросанныхъ впечатлѣній,—тотъ остается рабомъ времени и необходимости; всѣ его мысли и мечты носятъ печать времени и суть его достояніе, и даже когда онъ мнитъ созерцать самого себя, ему никогда не дано вступить въ священную область свободы. Ибо въ образѣ, въ которомъ онъ хочетъ воспроизвести самого себя, онъ становится, подобно всему остальному, внѣшнимъ предметомъ для себя; и всѣ черты этого образа опредѣлены только внѣшними отношеніями. Какъ ему представляется его бытіе, что̀ онъ при этомъ мыслитъ и чувствуетъ,—все это зависитъ отъ содержанія времени, отъ тѣхъ явленій времени, которыя коснулись его. Кто животной душою ищетъ однихъ лишь наслажденій, тому его жизнь кажется бѣдной или богатой, смотря по тому, про-

текло ли въ опредѣленный промежутокъ времени больше или меньше пріятныхъ мгновеній; и онъ созерцаетъ этотъ образъ съ удовольствіемъ или нѣтъ, смотря по тому, получилось ли въ итогѣ хорошее или худое. Кто хочетъ создать себѣ красивую и славную жизнь, зависитъ отъ сужденій другихъ о себѣ,— отъ почвы, на которой онъ стоялъ, и отъ матеріала, который судьба предоставила его труду; и такъ же обстоитъ и съ тѣмъ, кто стремится приносить пользу. Всѣ они склоняются передъ скипетромъ необходимости, надъ всѣми тяготѣетъ проклятіе всеразрушающаго времени.

То, что они чувствуютъ, глядя на жизнь, напоминаетъ мнѣ настроеніе, которое мы испытываемъ, когда искусная гармонія многообразныхъ звуковъ пронеслась мимо ушей и уже умолкла, и воображеніе терзается убогимъ отзвукомъ и скорбитъ о томъ, чего оно не въ силахъ воспроизвести. И, конечно, жизнь тоже есть бѣглая гармонія, возникшая изъ соприкосновенія преходящаго съ вѣчнымъ; но человѣкъ подобенъ музыкальному голосу, изъ котораго проистекаетъ эта гармонія, и есть непреходящій предметъ созерцанія. Предо мною стоитъ его свободное внутреннее дѣйствованіе, въ которомъ и заключается его истинное существо; и когда я его созерцаю, я чувствую себя на священной почвѣ свободы, далекимъ отъ всѣхъ недостойныхъ границъ. Поэтому мой взоръ долженъ быть направленъ на меня самого, чтобы не дать отдѣльному мгновенію протечь, какъ части времени, но чтобы удержать его, какъ элементъ вѣчности, и созерцать его, какъ свободную внутреннюю жизнь.

Лишь для того есть свобода и безконечность, кто умѣетъ различать, что въ немъ есть его собственное я и что—посторонняя примѣсь, что въ мірѣ чуждо ему и что тождественно съ нимъ,—для того, кто ясно разрѣшилъ загадку различенія того и другого и ихъ взаимодѣйствія; въ древнихъ потемкахъ этой загадки мучатся тысячи людей, покорно слѣдуя за обманчивыми призраками, ибо ихъ собственный свѣтъ погасъ. Внѣшній міръ,—міръ, лишенный духа,—есть для толпы величайшее и первое, духъ же—только временный гость въ мірѣ, неувѣренный въ своемъ мѣстѣ и въ своихъ силахъ. Для меня же духъ,

внутренній міръ, смѣло противостоитъ внѣшнему міру, царству матеріи и вещей. Не указуетъ ли сочетаніе духа съ плотью на его великое сочетаніе со всѣмъ, что подобно плоти? Не воспринимаю ли я своими чувствами силу внѣшняго міра? не ношу ли я вѣчно въ себѣ самомъ вѣчныя формы вещей? и не познаю ли я ихъ, только какъ ясное зеркало моего внутренняго существа? Люди толпы съ благоговѣніемъ и страхомъ чувствуютъ надъ собою гнетъ безконечно большихъ и тяжелыхъ массъ земной матеріи, среди которыхъ они кажутся себѣ самимъ мелкими и ничтожными; для меня же все это есть лишь великое общее тѣло человѣчества, которое принадлежитъ ему, какъ собственное тѣло принадлежитъ отдѣльному человѣку, и которое возможно лишь черезъ него и дано человѣчеству, чтобы послѣднее властвовало надъ нимъ и возвѣщало себя черезъ него. Свободная дѣятельность человѣчества направлена на него, чтобы ощущать всѣ біенія его пульса, формировать его, превращать все въ свои органы, оживлять всѣ его части и отличать ихъ присутствіемъ царственнаго духа. Такъ земля есть для меня арена моей свободной дѣйственности; и въ каждомъ чувствѣ, какъ бы ни было оно, повидимому, навязано мнѣ внѣшнимъ міромъ, даже въ чувствахъ, въ которыхъ я ощущаю общеніе съ великимъ цѣлымъ, содержится все же свободная внутренняя дѣятельность. Ничто не есть только дѣйствіе міра на меня,—нѣтъ, всегда также отъ меня исходитъ дѣйствіе на него; и не иначе чувствую я свою зависимость отъ него, чѣмъ зависимость отъ своего собственнаго тѣла. Но что̀ я поистинѣ противопоставляю себѣ, какъ единичному существу, что̀ прежде всего есть для меня міръ, отмѣченный вездѣсущностью и всемогуществомъ,—это есть вѣчное общеніе духовъ, ихъ вліяніе другъ на друга, ихъ взаимодѣйствующее развитіе,—возвышенная гармонія свободы. И ей надлежитъ преобразовывать и развивать поверхность моего существа и воздѣйствовать на меня. Здѣсь, и только здѣсь, лежитъ сфера необходимости. Мое дѣйствованіе свободно, но не мое воздѣйствіе на міръ духовъ, ибо оно подчинено вѣчнымъ законамъ. Свобода сталкивается со свободой, и то, что́ здѣсь случается, носитъ отпечатокъ ограниченія и общенія. Да, всюду

первое начало — ты, святая свобода! ты живешь во мнѣ и во всѣхъ; необходимость поставлена внѣ насъ, она есть опредѣленный отзвукъ прекраснаго столкновенія свободы, возвѣщающій бытіе послѣдней. Себя самого я могу созерцать лишь какъ свободу; то, что необходимо, есть не мое дѣйствованіе, а лишь его отраженіе—элементы міра, творенію которыхъ я содѣйствую въ радостномъ общеніи со всѣми. Ей принадлежатъ строенія, которыя я возвелъ на общей почвѣ вмѣстѣ съ другими, какъ мою долю въ твореніи, выражающемъ наши внутреннія мысли; ей принадлежитъ содержаніе то наростающихъ, то упадающихъ чувствъ; ей принадлежатъ образы, которые приходятъ и уходятъ, и все вообще, что поперемѣнно вноситъ въ сознаніе и уноситъ изъ него время, въ знакъ любовной встрѣчи духа съ духомъ, въ знакъ многообразно повторяющагося дружескаго поцѣлуя между ними. Эта пляска оръ, ея мелодія и гармонія, слѣдуетъ ритму времени; но свобода устанавливаетъ гармонію и указуетъ тональность, и всѣ нѣжные переходы суть ея созданіе; они проистекаютъ изъ внутренняго дѣйствованія и изъ собственнаго чувства самого человѣка.

Такъ свобода есть для меня источникъ всего, первое и глубочайшее начало бытія. Когда я возвращаюсь къ себѣ, чтобы созерцать ее, то мой взоръ уже удалился за предѣлы времени и свободенъ отъ границъ необходимости; исчезаетъ всякое гнетущее чувство рабства, духъ сознаетъ свою творческую сущность, для меня восходитъ свѣтъ Божества и разгоняетъ далеко вокругъ меня туманъ, въ которомъ печально блуждаютъ другіе. И какимъ я нахожу себя и познаю въ этомъ созерцаніи,—это не зависитъ отъ судьбы или счастія,—отъ того, сколько счастливыхъ часовъ выпало на мою долю, или что̀ создано или укрѣплено моей дѣятельностью, и насколько удалось внѣшнее воплощеніе воли: ибо все это есть вѣдь не я самъ, а только міръ. Пусть дѣйствіе, которое я созерцаю, было направлено на то, чтобы дать человѣчеству власть надъ его великимъ тѣломъ, питать послѣднее, обострять его органы, или мимически и художественно формировать его, какъ отпечатокъ разума и души; насколько я нашелъ его при этомъ готовымъ воспринять мою

дѣятельность, насколько легко было вліять на грубую массу и властвовать надъ нею силою духа,— все это, правда, указываетъ, насколько велико господство надъ этимъ тѣломъ свободы всѣхъ, и что̀ можетъ и что̀ не можетъ быть еще осуществлено; но этимъ не опредѣляется внутренняя сила самого дѣйствованія; самого себя я не нахожу лучшимъ или худшимъ въ зависимости отъ того, были ли внѣшнія условія дѣйствованія болѣе или менѣе благопріятными; и я не нахожу также, чтобы этимъ міръ съ желѣзной необходимостью предуказывалъ мнѣ мѣру моего значенія. И подобно тому, какъ у сильной и здоровой души физическая боль не легко отнимаетъ ея господство надъ тѣломъ, такъ и я сознаю себя свободно одушевляющимъ грубую матерію и властвующимъ надъ нею, все равно, несетъ ли это мнѣ скорбь или радость. То и другое свидѣтельствуетъ о внутренней жизни, а внутренняя жизнь есть созданіе духа и его свободное дѣло.—Или моя дѣйственность была направлена на то, чтобы опредѣлять человѣчество во мнѣ самомъ, выразить одну изъ его сторонъ въ своеобразной формѣ и точныхъ очертаніяхъ, и этимъ саморазвитіемъ одновременно развивать міръ, предоставляя общенію свободныхъ духовъ самостоятельное и свободное дѣйствованіе; для взора, обращеннаго на эту задачу, остается безразличнымъ, возникло ли непосредственно изъ этого внѣ меня что-либо, прочно утвержденное въ сознаніи другихъ людей, и связывалось ли тотчасъ же мое дѣйствованіе съ дѣйствованіемъ другихъ людей. Моя дѣятельность все же не была пустой; если только я самъ въ себѣ сталъ болѣе опредѣленнымъ и своеобразнымъ, то все же я положилъ основу и тому, чтобы дѣйствованіе другого человѣка рано или поздно столкнулось съ моимъ въ иной формѣ, чѣмъ прежде, и въ сочетаніи съ нимъ явственно воплотило мое дѣло. Поэтому созерцаніе самого себя никогда не наводитъ на меня унынія, и никогда я не пою жалобныхъ пѣсенъ о разбитой волѣ и неосуществленныхъ намѣреніяхъ, подобно тѣмъ, кто не проникаютъ въ свои глубины и мнятъ найти себя лишь въ единичномъ и внѣшнемъ.

Ясно сознавая различіе между внѣшнимъ и внутреннимъ, я

знаю, кто я есмь, и лишь во внутреннемъ дѣйствованіи я нахожу самого себя, во внѣшнемъ же—только міръ; и то и другое я хорошо умѣю различать, не теряясь подобно тѣмъ, кто, блуждая во тьмѣ, шатаются изъ стороны въ сторону. Поэтому я также знаю, гдѣ надлежитъ искать свободу и ея священное чувство, вѣчно скрытое отъ тѣхъ, чей взоръ сосредоточенъ лишь на внѣшней дѣятельности и жизни людей. Какъ бы такой человѣкъ ни углублялся въ тысячи обманчивыхъ путей созерцанія, и куда бы ни направлялъ свои мечты и мысли, даже если бы онъ легко достигалъ всего остального,—это понятіе ускользаетъ отъ его мышленія. Онъ не только слѣдуетъ явнымъ указаніямъ необходимости; въ суевѣрной мудрости и въ рабской покорности онъ долженъ искать ее и вѣрить въ нее даже тамъ, гдѣ онъ ея не видитъ; и свобода кажется ему только личиной, подъ которой то въ шутку, то ради сознательнаго обмана скрывается необходимость. Такъ такъ дѣйствованіе и мышленіе такого человѣка, порабощеннаго чувственнымъ міромъ, имѣетъ лишь внѣшній характеръ, то онъ и видитъ во всемъ лишь внѣшнюю и разъединенную сторону. И даже себя самого онъ можетъ признать лишь множествомъ бѣглыхъ явленій, изъ которыхъ одно всегда устраняетъ и разрушаетъ другое, и которыя въ совокупности не могутъ быть постигнуты; передъ его взоромъ цѣльная картина его существа растекается въ тысячи противорѣчій. Конечно, во внѣшнемъ дѣйствіи одно единичное противорѣчитъ другому, дѣйствіе устраняетъ страданіе, мышленіе разрушаетъ ощущеніе, и созерцаніе вынуждаетъ къ бездѣятельному покою живыя силы, сремящіяся вовнѣ. Но въ глубинѣ духа все едино, каждое дѣйствіе есть лишь дополненіе иного, и каждое содержитъ въ себѣ иное. И потому созерцаніе выноситъ меня также далеко за предѣлы единичнаго, которое доступно обозрѣнію въ опредѣленной послѣдовательности и точномъ отграниченіи. Нѣтъ дѣйствія во мнѣ, которое я надлежащимъ образомъ могъ бы созерцать обособленно и о которомъ я могъ бы затѣмъ сказать, что оно есть нѣчто цѣлое, Каждое дѣйствіе всегда ведетъ меня къ цѣлостному единству моего существа, ничто не раздѣлено, и всякая дѣятельность

сопровождаетъ иную; созерцаніе нигдѣ не встрѣчаетъ границъ, оно должно всегда оставаться незавершеннымъ, если хочетъ оставаться живымъ. И точно такъ же я не могу воспринять всего моего существа, не созерцая человѣчества и не уясняя себѣ своего мѣста и положенія въ его царствѣ; а человѣчество — кто способенъ мыслить его, не отдаваясь стремленію мысленно погрузиться въ неизмѣримую область всѣхъ формъ и ступеней духа?

Итакъ, лишь самосозерцаніе, и оно одно, даетъ мнѣ силы выполнить возвышенное требованіе, чтобы проводить свою жизнь не только смертнымъ въ царствѣ времени, но и безсмертнымъ въ области вѣчности, не только въ земномъ, но и въ божественномъ мірѣ. Мои земныя дѣйствія легко уносятся въ потокѣ времени, представленія и чувства смѣняются, и ни одного изъ нихъ я не въ силахъ удержать; быстро уносится и поле дѣйствія, которое я играючи подготовилъ себѣ, и на вѣрной волнѣ потокъ несетъ меня неустанно навстрѣчу новому. Но какъ только я обращаю взоръ на свое внутреннее *я*, я вмѣстѣ съ тѣмъ сознаю себя въ царствѣ вѣчности; я созерцаю жизнь духа, и ее не можетъ измѣнить никакой міръ, не можетъ разрушить никакое время, ибо она сама созидаетъ міръ и время. И мнѣ не нужно, чтобы часъ, отдѣляющій одинъ годъ отъ другого, призывалъ меня къ наслажденію вѣчнымъ и раскрывалъ мнѣ духовныя очи, которыя вѣдь у многихъ закрыты, даже когда сердце бьется и члены движутся. Кто разъ вкусилъ отъ божественной жизни, тотъ хотѣлъ бы всегда вести ее; всякое дѣйствіе должно сопровождаться созерцаніемъ таинствъ духа; и тогда во всякое мгновеніе человѣкъ можетъ также жить внѣ времени, какъ участникъ высшаго міра.

Правда, даже мудрецы говорятъ: будь умѣреннымъ и удовлетворяйся однимъ, жить есть одно дѣло, а погружаться въ глубины созерцанія—иное; когда ты быстро несешься въ потокѣ времени по міру, ты не можешь вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно созерцать свое внутреннее существо. И художники говорятъ: измышляя и творя, душа должна всецѣло растворяться въ своемъ предметѣ, и не вправѣ знать, что она дѣлаетъ. Но

мужайся, моя душа, не внемли разсудительному оклику! спѣши навстрѣчу своей цѣли! быть можетъ, она иная, чѣмъ у этихъ людей. Человѣкъ способенъ на бо́льшее, чѣмъ онъ мнитъ; но даже стремясь къ величайшему, онъ достигаетъ лишь части. Если самое тайное внутреннее мышленіе мудреца можетъ одновременно быть дѣйствіемъ на міръ вовнѣ — сообщеніемъ ему мыслей и наставленіемъ его,—то почему же это внѣшнее дѣйствіе въ мірѣ, каково бы оно ни было, не можетъ быть одновременно тихимъ созерцаніемъ дѣйствія? Если самосозерцаніе духа есть божественный источникъ всякаго творчества и искусства, и если онъ только въ себѣ можетъ найти то, что онъ воплощаетъ въ безсмертныхъ твореніяхъ, почему же при всякомъ творчествѣ и воплощеніи, которое выражаетъ всегда только его самого, онъ не можетъ обратить взоръ и на самого себя? Не раздѣляй того, что навѣки соединено, не дроби своего существа, которое не можетъ лишиться ни дѣйствованія, на знанія о послѣднемъ, не разрушая самого себя. Приводи въ движеніе все въ мірѣ и осуществляй все, что̀ можешь, отдавайся сознанію своихъ прирожденныхъ границъ, пользуйся всѣми средствами духовнаго общенія, обнаруживай своеобразное въ себѣ и налагай свой отпечатокъ на все, окружающее тебя, трудись надъ священными твореніями человѣчества, привлекай къ себѣ всѣ дружественныя души; но всегда заглядывай въ самого себя, знай, что̀ ты дѣлаешь, и постигни мѣру и форму своей дѣйственности. Мысль, въ которой они стремятся постигнуть Божество, вѣчно для нихъ недостижимое, содержитъ все же правду прекраснаго символа того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Міръ данъ духу силою его воли; высшая свобода скрыта въ его дѣятельности, которая выражается въ его многообразномъ дѣйствованіи вовнѣ; и неизмѣнно сознавая самого себя и свою тождественность въ этомъ дѣйствованіи, онъ живетъ блаженною жизнью. Итакъ, духъ не нуждается ни въ чемъ, кромѣ себя самого; и никогда созерцаніе не покидаетъ предмета, никогда предметъ не умираетъ ранѣе созерцанія. Такъ они измыслили и безсмертіе, которое они весьма нетребовательно ищутъ лишь по окончаніи времени, вмѣсто

того, чтобы искать его внутри времени и надъ нимъ, и ихъ басни мудрѣе ихъ самихъ. Вѣдь чувственному человѣку внутреннее дѣйствованіе кажется лишь тѣнью внѣшняго дѣянія, и потому они помѣстили душу навѣки въ царство тѣней, и рѣшили, что тамъ внизу ея темная жизнь состоитъ въ убогомъ отраженіи ея прежней дѣятельности. Но яснѣе Олимпа то, что скудное сознаніе изгнало въ подземную тьму, и царство тѣней есть для меня уже здѣсь прообразъ дѣйствительности. Для нихъ Божество находится внѣ временнаго міра, и они навсегда освобождаютъ человѣка по смерти отъ границъ времени, чтобы онъ созерцалъ и восхвалялъ Божество; но уже въ этой жизни духъ витаетъ надъ міромъ времени, и такое созерцаніе есть вѣчность и небесное блаженство безсмертнаго пѣснопѣнія. Посему начни уже нынѣ свою вѣчную жизнь въ неустанномъ самосозерцаніи; не заботься о томъ, что придетъ, не плачь о томъ, что ушло; но заботься не потерять самого себя, и плачь, если ты слѣпо несешься въ потокѣ времени, не храня неба въ себѣ самомъ.

2. Испытанія.

Люди боятся заглянуть въ самихъ себя, и многіе изъ нихъ рабски дрожатъ, когда они уже не могутъ подъ конецъ ускользнуть отъ вопроса, что́ они совершили, чѣмъ стали и что́ представляютъ собою. Самосознаніе страшно имъ, и исходъ его имъ невѣдомъ. Они полагаютъ, что человѣкъ можетъ легче знать другого, чѣмъ самого себя; они мнятъ, что обнаруживаютъ лишь достойную скромность, когда послѣ строжайшаго изслѣдованія допускаютъ все же возможность ошибки въ разсчетѣ. Однако, лишь воля скрываетъ человѣка отъ него самого; сужденіе не можетъ заблуждаться, если только человѣкъ дѣйствительно обращаетъ взоръ на себя. Но именно послѣдняго они и не могутъ, и не хотятъ. Жизнь и міръ связываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и, намѣренно ограничивая свой кругозоръ, чтобы не воспринять чего либо иного, они видятъ всегда лишь смутное отраженіе себя и свою пляшущую тѣнь. Другого человѣка я могу познавать лишь по его дѣйствіямъ, ибо его внутренняя жизнь сама никогда не предстоитъ моему взору. Къ чему собственно онъ стремился,—этого я никогда не могу непосредственно знать; лишь его дѣйствія я могу сравнивать между собой, и смѣю лишь неувѣренно догадываться, на что подлинно направлялся его поступокъ, и какой духъ руководилъ имъ. Но позоръ тому, кто и самого себя созерцаетъ лишь, какъ чужой—чужого! кто невѣдаетъ и своей собственной внутренней жизни и уже мнитъ себя изумительно мудрымъ, когда улавливаетъ лишь послѣднее рѣшеніе, направленное на внѣшнее дѣйствіе, и сравниваетъ его съ сопровождавшимъ его чувствомъ и съ непосредственно предшествовавшимъ ему понятіемъ! Какъ можетъ такой человѣкъ когда либо познать другого или са-

мого себя? что̀ можетъ руководить, при умозаключеніи отъ внѣшняго къ внутреннему, произвольной догадкой того, кто, не опираясь ни на что непосредственно достовѣрное, хочетъ подсчитывать одни только неизвѣстныя величины? Постоянное предчувствіе заблужденія внушаетъ ему робость; темное чаяніе, что итогъ обнаружитъ его задолженность, тѣснитъ его сердце; и безпокойно блуждаютъ его мысли изъ страха передъ той малой долей самосознанія, которую онъ, къ своему сожалѣнію, долженъ носить въ себѣ низведенной до роли надсмотрщика, и къ которой онъ долженъ иногда неохотно прислушиваться.

Они, конечно, имѣютъ основаніе опасаться, что если они честно изслѣдуютъ внутреннее дѣяніе, лежавшее въ основѣ ихъ жизни, то часто не найдутъ въ немъ разума и встрѣтятъ тяжкое нарушеніе совѣсти,—этого сознанія человѣчности; ибо кто не созерцалъ послѣдняго источника своего дѣйствія, не можетъ поручиться, что и въ непосредственномъ дѣйствіи засвидѣтельствуетъ свою принадлежность къ человѣчеству и покажетъ себя достойнымъ его. Такой человѣкъ либо никогда не начиналъ прясть нить самосознанія, либо же снова оборвалъ ее, хотя бы разъ предавшись внѣшнему представленію и нисшему чувству и отрекшись отъ того, въ чемъ яснѣе всего сказывается высшая природа; какъ же можетъ онъ знать, не впалъ ли онъ въ грубую животность? Созерцать въ самомъ себѣ человѣчество и, разъ найдя его, никогда не отвращать взора отъ него,—вотъ единственное вѣрное средство никогда не сходить съ его священной почвы и не утратить благороднаго чувства собственнаго *я*. Такова внутренняя и необходимая связь между дѣйствіемъ и созерцаніемъ, необъяснимая и таинственная лишь для глупцовъ и людей съ косными душами. Истинно человѣчное дѣяніе возбуждаетъ сознаніе человѣчности во мнѣ, и это сознаніе не допускаетъ иного дѣянія, кромѣ того, которое достойно человѣчества. Кто никогда не можетъ возвыситься до этой ясности, того тщетно гонитъ во всѣ стороны темное чаяніе; тщетно онъ воспитывается и упражняется, тщетно измышляетъ тысячи благотворныхъ искусствъ и принимаетъ рѣшенія, надѣясь насильственно вновь проникнуть

въ покинутый имъ кругъ общенія; священныя грани не размыкаются передъ нимъ, онъ остается на непосвященной почвѣ и не можетъ избѣгнуть преслѣдованій раздраженнаго божества и позорнаго чувства изгнанности изъ отечества. Устанавливать правила и предпринимать попытки въ царствѣ свободы есть всегда пустое и суетное начинаніе. Нужно единое свободное рѣшеніе, чтобы быть человѣкомъ; кто разъ рѣшился на то,— всегда останется человѣкомъ; кто перестаетъ имъ быть, тотъ никогда имъ не былъ.

Съ гордой радостью я еще вспоминаю время, когда я нашелъ сознаніе человѣчества и узналъ, что отнынѣ я никогда не утрачу его. Высокое откровеніе дано было мнѣ извнутри,— его не вызвали никакія нравственныя ученія, никакія системы мудрецовъ: долгое исканіе, неудовлетворенное ни тѣми, ни другими, было увѣнчано свѣтлымъ мгновеніемъ; свобода разрѣшила дѣйствіемъ темныя сомнѣнія. Я вправѣ сказать: съ тѣхъ поръ я никогда не терялъ самого себя. Что они зовутъ совѣстью, то невѣдомо мнѣ въ обычномъ смыслѣ; никакое чувство не караетъ меня, подобно имъ, и я не нуждаюсь въ его предупрежденіи. И съ того времени я также не стремлюсь къ той или иной добродѣтели и не радуюсь преимущественно тому или иному дѣйствію, подобно тѣмъ, кому лишь въ бѣглой жизни и въ ея отдѣльныхъ проявленіяхъ доступно — часто, къ тому же, сомнительное—свидѣтельство разума. Въ тихомъ покоѣ, съ непоколебимой наивностью я непрерывно храню въ себѣ сознаніе цѣлаго человѣчества. Охотно и съ легкимъ сердцемъ я часто созерцаю общую связь моей дѣятельности, увѣренный, что я не встрѣчу въ ней ничего, отъ чего долженъ былъ бы отречься разумъ.

Если бы это было единственнымъ, чего я требую отъ себя,— какъ давно могъ бы я предаться покою и, завершивъ свое дѣло, ждать конца! Ибо моя вѣра стоитъ для меня непоколебимо твердо, и я считалъ бы позорной трусостью, которой не вѣдаетъ моя душа, ожидать отъ долгой жизни послѣдняго подтвержденія моей увѣренности, и боязливо сомнѣваться, не случится ли что либо, что было бы въ силахъ низвергнуть

меня съ высотъ разума и погрузить въ животную темноту и чувственную обособленность. Но и мнѣ даны въ удѣлъ сомнѣнія; когда описанная цѣль была достигнута, мнѣ предстала новая и высшая цѣль; и самосозерцаніе, улавливая ее то яснѣе, то слабѣе, не всегда знаетъ, на какомъ пути я приближаюсь къ ней, въ какомъ мѣстѣ пути я стою, и колеблется въ своемъ сужденіи. Но все же оно становится болѣе увѣреннымъ и болѣе подтверждается, чѣмъ чаще я возвращаюсь къ старому изслѣдованію. Но какъ бы далека ни была отъ меня достовѣрность, я сталъ бы лишь молча и безъ жалобъ искать ея: ибо сильнѣе сомнѣній радость о томъ, что мнѣ извѣстна цѣль моихъ исканій, и что я избѣгнулъ обычнаго заблужденія, которое на всю жизнь ослѣпляетъ многихъ лучшихъ людей и препятствуетъ имъ подняться до надлежащей высоты жизни. Долгое время и я удовлетворялся тѣмъ, что нашелъ разумъ; и почитая превыше всего однородность бытія, я думалъ, что для каждаго случая есть только одна правда, что поведеніе должно быть для всѣхъ одинаковымъ, и что одинъ человѣкъ отличается отъ другого лишь своеобразіемъ своего положенія и мѣста. Человѣчность, казалось мнѣ, имѣетъ различныя обнаруженія лишь въ многообразіи внѣшнихъ дѣйствій; внутренній человѣкъ не долженъ быть своеобразно развитымъ существомъ, а всюду каждый самъ по себѣ долженъ быть равенъ другому.

Такъ лишь постепенно находитъ себя человѣкъ, и не всѣмъ доступно полное самосознаніе! Когда человѣкъ, презирая недостойную обособленность чувственной животной жизни, пріобрѣтаетъ сознаніе общечеловѣчности и подчиняетъ себя долгу, онъ не способенъ тотчасъ же поднять свой взоръ къ высшей самобытности духовнаго развитія и нравственности, созерцать и понимать природу, созданную свободой и слившуюся съ ней воедино. Большинство людей укрѣпляютъ себя въ неопредѣленномъ промежуточномъ состояніи; правда, они дѣйствительно обнаруживаютъ въ себѣ всѣ составныя части человѣчества; но всѣ, кто не восприняли мысли о своеобразіи отдѣльнаго существа, подобны грубой массѣ камня, которому не

хватало простора и покоя, чтобы, кристализуясь, достигнуть своеобразной формы. Мной же овладѣла эта мысль. Не надолго могъ я успокоиться на одномъ лишь чувствѣ свободы; я спрашивалъ, для чего же тогда нужна личность и единство текучаго преходящаго сознанія во мнѣ? И меня влекло искать высшее нравственное начало, которое открывало бы смыслъ личности. Меня не удовлетворяло убѣжденіе, что человѣчество должно существовать, какъ однородная масса, которая хотя и раздроблена въ своемъ внѣшнемъ проявленіи, но внутренне всюду тождественна. Меня удивляло, что, согласно этому убѣжденію, отдѣльные духовные образы людей пріобрѣтаютъ характеръ устойчиваго единства преходящихъ явленій безъ всякаго внутренняго основанія, лишь по внѣшнимъ причинамъ, въ силу тренія и соприкосновенія.

Такъ открылось мнѣ то, что̀ съ того времени болѣе всего возвышаетъ меня; мнѣ уяснилось, что каждый человѣкъ долженъ на свой ладъ выражать человѣчество черезъ своеобразное смѣшеніе его элементовъ, чтобы человѣчество обнаруживалось всѣми способами, и чтобы въ полнотѣ пространства и времени осуществилось все многообразіе, которое можетъ таиться въ его лонѣ. Преимущественно эта мысль возвысила меня и отдѣлила отъ нисшей и менѣе развитой окружающей среды; въ силу ея я сознаю себя лично желаннымъ и слѣдовательно избраннымъ твореніемъ Божества,—твореніемъ, которому дана особая форма и особое развитіе; и свободное дѣяніе, лежащее въ основѣ этой мысли, соединило и тѣсно сплело въ своеобразное существо элементы человѣческой природы. Если бы я съ того времени всегда столь же опредѣленно чувствовалъ и столь же упорно созерцалъ своеобразное въ себѣ, какъ я созерцалъ общечеловѣческое въ себѣ; если бы я самостоятельно осозналъ всѣ дѣйствія и ограниченія, которыя суть результатъ этого свободнаго дѣянія, и неустанно слѣдилъ за дальнѣйшимъ развитіемъ всякаго проявленія моей природы,—то я не могъ бы сомнѣваться и въ томъ, какая область человѣчества принадлежитъ мнѣ, и гдѣ мнѣ искать общей почвы для моего мѣста въ мірѣ и моихъ границъ; я долженъ

былъ бы точно измѣрить все содержаніе моего существа, знать каждую точку своихъ границъ, и пророчески вѣдать, чѣмъ я еще могу быть и стать. Однако лишь съ трудомъ и поздно человѣкъ достигаетъ полнаго сознанія своего своеобразія; не всегда онъ рѣшаетъ заглянуть въ него, и охотнѣе направляетъ взоръ на общее достояніе человѣчества, къ которому онъ уже издавна прилѣпился съ любовью и благодарностью; и часто онъ даже сомнѣвается, слѣдуетъ ли ему, въ качествѣ самобытнаго существа, какъ бы вновь оторваться отъ цѣлаго, и не рискуетъ ли онъ, смѣшавъ чувственное съ духовнымъ, снова впасть въ старую недопустимую ограниченность и замкнуться въ узкомъ кругѣ внѣшней личности; и лишь поздно онъ научается надлежащимъ образомъ цѣнить свое высшее преимущество и пользоваться имъ. Поэтому прерванное сознаніе должно долго оставаться колеблющимся; самобытное стремленіе природы часто не замѣчается, и когда яснѣе всего обнаруживаются ея границы, то взоръ часто слишкомъ легко скользитъ по этимъ очертаніямъ, и прикрѣпляется къ неопредѣленному цѣлому тамъ, гдѣ именно въ отрицаніи сказывается самобытность. Я могу быть доволенъ тѣмъ, насколько воля уже одолѣла косность, и насколько упражненіе обострило взоръ, отъ котораго ускользаетъ лишь немногое. Если теперь я свершаю что бы то ни было по собственному духу и чувству, то воображеніе, для доказательства моей внутренней опредѣленности, открываетъ мнѣ тысячи способовъ, какими здѣсь можно было дѣйствовать въ иномъ духѣ, не нарушая законовъ человѣчества; я вдумываюсь въ тысячи духовныхъ направленій, и тѣмъ отчетливѣе усматриваю свое собственное.

Но такъ какъ образъ моего *я* еще не стоитъ передо мною завершеннымъ во всѣхъ своихъ чертахъ, и такъ какъ его истинность еще не обезпечена мнѣ неразрывной связью свѣтлаго самосознанія, то и самосозерцаніе еще не можетъ итти всегда равномѣрнымъ и спокойнымъ шагомъ; оно должно намѣренно воспроизводить иногда всѣ мои дѣйствія и стремленія, всѣ исторію моего *я*, и не можетъ пренебрегать мнѣніемъ друзей, которымъ я охотно даю заглянуть въ свою душу, если

ихъ голосъ расходится съ моимъ собственнымъ сужденіемъ. Правда, я кажусь себѣ тѣмъ же самымъ, какимъ я былъ и прежде, когда возникла моя лучшая жизнь, только болѣе устойчивымъ и опредѣленнымъ. Да и какъ могъ бы человѣкъ, разъ достигнувъ независимаго и самобытнаго бытія, посреди своего развитія и совершенствованія внезапно найти въ себѣ новое направленіе? или какъ можетъ оно встрѣтиться ему безъ его вѣдома? Что намъ нерѣдко кажется такимъ непонятнымъ измѣненіемъ въ человѣкѣ, есть, конечно, либо обманчивая видимость, основанная на измѣненіи внѣшнихъ предметовъ, либо же исправленіе нашего прежняго воззрѣнія, открывающее намъ болѣе глубоко внутреннюю сущность человѣка, о которой мы раньше судили слишкомъ бѣгло и потому ошибочно. Главное же—либо я никогда не понималъ самого себя, либо же я и теперь таковъ, какимъ прежде считалъ себя; и всякое видимое противорѣчіе, если созерцаніе разрѣшитъ его, должно тѣмъ точнѣе показать мнѣ, гдѣ и въ чемъ скрыты и гармонически связаны послѣдніе концы моего существа.

Изъ всѣхъ противоположностей въ призваніяхъ и дѣятельностяхъ людей, въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и различіе ихъ натуръ, для меня лично съ наибольшей силой выступаетъ слѣдующая. Созидать въ себѣ самомъ ясный образъ человѣчества путемъ многообразной дѣятельности, или воплощать его вовнѣ съ помощью искусныхъ твореній такъ, чтобы каждый понималъ, что мы хотѣли выразить ими,—эта два направленія слишкомъ различны, чтобы они могли быть въ равной мѣрѣ удѣлены многимъ. Правда, кто стоитъ лишь въ преддверіи нравственности и, въ качествѣ новичка, лишенъ точныхъ мѣрилъ для самоограниченія, тотъ склоненъ грубо перемѣшивать то и другое, оставаясь мало производительнымъ въ обоихъ направленіяхъ; и потому и жизнь большинства людей колеблется между той и другой стороной. Но кто уже глубже проникъ въ святилище нравственности, тотъ вскорѣ будетъ преимущественно отдаваться одному стремленію, и лишь въ скудной мѣрѣ сможетъ соучаствовать въ другомъ. Лишь въ концѣ оба пути, повидимому, снова сбли-

жаются между собой, такъ что ихъ сочетаніе доступно только такому совершенству, котораго рѣдко достигаетъ человѣкъ. Могло-ли мнѣ быть сомнительнымъ, какой изъ двухъ путей я избралъ для себя? Я такъ рѣшительно избѣгалъ всегда заботы о томъ, что̀ нужно для развитія художника, и такъ страстно стремился къ тому, что̀ полезно для собственнаго развитія, что̀ ускоряетъ и укрѣпляетъ его опредѣленность,— что здѣсь мнѣ не остается никакого сомнѣнія. Художникъ съ нераздѣленной любовью влечется къ чему-либо изъ того, что̀ можетъ стать знакомъ и символомъ человѣчества; одинъ роется въ сокровищницѣ языковъ, другой преобразуетъ въ міръ хаосъ звуковъ, третій ищетъ тайный смыслъ и гармонію въ прекрасной игрѣ цвѣтовъ природы. Въ каждомъ твореніи, которое открывается имъ, они испытуютъ впечатлѣніе всѣхъ частей, связь и законъ цѣлаго, и часто болѣе наслаждаются искуснымъ сосудомъ, чѣмъ таящимся въ немъ драгоцѣннымъ содержаніемъ. Тогда въ нихъ возникаютъ новые замыслы новыхъ твореній, и эти замыслы тайно питаются въ сознаніи и растутъ, хранимые въ тихой замкнутости. Усердіе не вѣдаетъ покоя, планы и осуществленія вѣчно мѣняются. Неустанное упражненіе постепенно совершенствуетъ художественную дѣятельность, болѣе зрѣлое сужденіе укрощаетъ и обуздываетъ фантазію, и этимъ путемъ творческая природа художника идетъ къ своей цѣли— совершенству.

Мнѣ же мое чувство открыло все это лишь въ другихъ, тогда какъ моей собственной дѣятельности это остается чуждымъ. Правда, я люблю съ благоговѣніемъ созерцать творенія художниковъ; но во всякомъ художественномъ произведеніи ярче, чѣмъ искусство его творца, для меня сіяютъ отраженныя въ немъ черты человѣчности; лишь въ позднѣйшемъ размышленіи я съ трудомъ овладѣваю самимъ искусствомъ, и лишь немногое постигаю въ его сущности. Я свободно отдаюсь свободной природѣ, и когда предо мной выступаютъ ея прекрасные, многозначительные символы, всѣ они пробуждаютъ во мнѣ настроенія и мысли, но я не испытываю могущественнаго влеченія преобразить въ самостоятельное твореніе и предста-

вить въ иной, болѣе опредѣленной формѣ то, что я созерцалъ И если я долженъ что либо изобразить, то я никогда не дорожу тѣмъ, чтобы сгладить послѣдніе слѣды противодѣйствія матеріала и насильственно добиться совершенства, какъ къ тому стремится художникъ; поэтому я избѣгаю упражненія, и если я разъ выразилъ въ дѣйствіи таящееся во мнѣ, я уже не забочусь о томъ, чтобы дѣйствіе часто повторялось во все болѣе прекрасныхъ и отчетливыхъ формахъ. Свободный досугъ есть мое излюбленное божество; въ немъ человѣкъ научается съ непредвзятымъ чувствомъ понимать и опредѣлять самого себя, въ немъ мысль основываетъ свое могущество, чтобы потомъ уже легко властвовать надъ всѣмъ, когда міръ требуетъ отъ нея и дѣйствій. Поэтому также я не могу, подобно художнику, творить въ одиночествѣ; въ одиночествѣ у меня изсыхаютъ соки души и останавливается теченіе мыслей; я рвусь наружу къ многообразному общенію съ иными душами, — и не только для того, чтобы созерцать, сколько имѣется человѣческихъ чертъ, которыя надолго, а быть можетъ и навсегда, останутся мнѣ чуждыми, и что, напротивъ, можетъ стать моимъ собственнымъ достояніемъ; нѣтъ, общеніе мнѣ нужно и для того, чтобы черезъ духовный обмѣнъ все прочнѣе утверждать свое собственное существо. Ненасытимая жажда дальнѣйшаго саморазвитія не дозволяетъ мнѣ давать внѣшнее завершеніе дѣйствію, обнаруженію внутренняго содержанія; я бросаю въ міръ дѣйствіе и слово, и меня не заботитъ, проникнетъ ли сознаніе зрителей и слушателей сквозь грубую шелуху, и удастся-ли имъ найти внутреннюю мысль и мой собственный духъ въ несовершенномъ выраженіи. У меня нѣтъ ни времени, ни охоты спрашивать объ этомъ, я долженъ итти прочь съ того мѣста, на которомъ я только что стоялъ, чтобы новымъ дѣйствіемъ и новой мыслью по возможности довести до завершенія въ краткой жизни свое существо. Будучи нехудожественной душой, я ненавижу даже дважды повторяться. Поэтому я охотно свершаю все въ общеніи: при внутреннемъ мышленіи, при созерцаніи, при усвоеніи чужого я нуждаюсь въ присутствіи какого-либо любимаго существа,

чтобы за внутреннимъ процессомъ тотчасъ же слѣдовалъ духовный обмѣнъ, и чтобы сладкій и легкій даръ дружбы облегчалъ мнѣ согласоваться съ міромъ. Такъ это было, такъ это и есть теперь, и я еще настолько далекъ отъ своей цѣли, что я навсегда отказываюсь искать чего-либо за ея предѣлами. Конечно, я правъ,—и это подтверждаютъ и друзья—, исключая себя изъ священной области художниковъ. Охотно я отрекаюсь отъ всего, что̀ я получилъ отъ нихъ, если только благодаря этому я смогу признать себя менѣе несовершеннымъ въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я укрѣпился.

Итакъ, пусть снова раскроется передъ моимъ испытующимъ взоромъ широкая область человѣчества, въ которой обитаютъ тѣ, кто стремятся дѣйствовать лишь на самихъ себя, не создавая внѣ себя самодовлѣющимъ твореній,—кто мыслятъ лишь питать собственный духъ всѣмъ окружающимъ, и удовлетворяются многообразнымъ обнаруженіемъ себя самихъ согласно требованіямъ мѣста и времени. Здѣсь хочу я посмотрѣть, не найдется-ли для меня самостоятельнаго мѣста, есть ли во мнѣ нѣчто гармоничное, или же внутреннее противорѣчіе препятствуетъ завершенію облика, такъ что мое существо, будучи не въ силахъ достигнуть совершенства, вскорѣ, подобно неудачному замыслу, обращается въ пустоту и ничтожество. О нѣтъ, я вправѣ не бояться: въ глубинѣ души не возникаетъ такое грустное предчувствіе! я сознаю, какъ все сплетено между собой, чтобы составить подлинное цѣлое, я не ощущаю чуждаго элемента, который тѣснилъ бы меня, и я не лишенъ ни единаго органа, ни единаго благороднаго члена, нужнаго для самобытной жизни. Кто хочетъ развить изъ себя опредѣленное существо, тотъ долженъ быть способенъ воспринимать все, что̀ не есть онъ самъ. И здѣсь, въ области высшей нравственности, царитъ та же самая тѣсная связь между дѣйствованіемъ и созерцаніемъ. Лишь если человѣкъ въ своемъ нынѣшнемъ поведеніи сознаетъ свою самобытность, онъ можетъ быть увѣренъ, что не нарушитъ ея и въ будущемъ; и лишь если онъ постоянно сознаетъ свою обязанность созерцать все человѣчество и сопоставлять всякое иное выраженіе

послѣдняго съ своимъ собственнымъ, онъ можетъ сохранить сознаніе своей самости: ибо лишь черезъ противоположеніе познается единичное.

Первое условіе собственнаго завершенія въ опредѣленномъ кругу есть общая воспріимчивость; а какъ можетъ послѣдняя существовать безъ любви? Уже при первой попыткѣ самостоятельнаго развитія ужасное несоотвѣтствіе между даваемымъ и получаемымъ должно было бы вскорѣ разстроить душу, вытолкнуть ее изъ колеи и совершенно разрушить или же ввергнуть въ обыденщину того, кто хотѣлъ стать самобытнымъ существомъ. О любовь, притягательная сила духовнаго міра! Безъ тебя невозможны самобытная жизнь и развитіе, безъ тебя все растеклось бы въ однообразную грубую массу! Правда, тѣ, кто только и хотятъ быть такой массой, не нуждаются въ тебѣ; имъ достаточно закона и обязанности, однообразнаго поведенія и справедливости. Они не знали бы, на что́ употребить сокровище этого святого чувства. Поэтому даже малое, что́ имъ дано отъ него, они оставляютъ невоздѣланнымъ; и не понимая этой святыни, они безпечно смѣшиваютъ ее съ обычнымъ достояніемъ человѣчества, забота о которомъ опредѣлена закономъ. Для насъ же ты—первое и послѣднее. Внѣ любви нѣтъ развитія, внѣ самобытнаго развитія нѣтъ завершенной любви; одно дополняетъ другое, и оба растутъ въ неразрывной связи. Я нахожу въ себѣ соединенными оба великихъ условія нравственности! Я усвоилъ себѣ воспріимчивость и любовь, и обѣ способности развиваются все далѣе во мнѣ, явно свидѣтельствуя, что моя жизнь свѣжа и здорова, и что самобытное развитіе становится все прочнѣе. Есть ли предметъ, для котораго было бы замкнуто мое сознаніе? Друзья, которые такъ склонны признавать въ каждомъ одаренномъ другѣ мастера и художника опредѣленной науки, часто жалуются что меня нельзя принудить ни къ какому ограниченію, и что если, иногда кажется, что я серьезно хочу сосредоточиться исключительно на одномъ дѣлѣ, то всякая такая надежда оказывается обманчивой: ибо когда я достигаю какого-либо воззрѣнія, то бѣглому духу моему свойственно опять спѣшить къ инымъ предме-

тамъ. О если бы они наконецъ оставили меня въ покоѣ и поняли, что именно это и есть мое назначеніе, и что мнѣ должна быть чужда мысль развивать науку въ частностяхъ, такъ какъ я озабоченъ лишь саморазвитіемъ, хотя и съ помощью знанія, причемъ мнѣ безразлично, явится ли дальнѣйшимъ послѣдствіемъ его развитіе науки или нѣтъ! Если бы только они позволили мнѣ сохранить воспріимчивость ко всему, что̀ они такъ усердно творятъ и дѣлаютъ, и если бы они признали достойнымъ своихъ усилій то, что́ я развиваю въ себѣ черезъ созерцаніе ихъ дѣлъ! Эти друзья своими жалобами свидѣтельствуютъ лишь въ пользу меня; но въ противоположность имъ иные, хотя и отличные отъ меня, но все же, подобно мнѣ, стремящіеся проникнуть вглубь всей человѣческой жизни, жалуются, что, въ сущности, мой духъ ограниченъ, что я способенъ равнодушно проходить мимо многихъ святынь и суетнымъ исканіемъ споровъ губить въ себѣ непредвзятый глубокій взоръ. Да, я прохожу мимо многаго, но не равнодушно; да, я спорю, но лишь для того, чтобы сохранить въ себѣ непредвзятый взоръ. Такъ и не иначе долженъ я поступать въ согласіи съ своей природой, стремясь одинаково и къ заполненію, и къ расширенію своего сознанія. Гдѣ мое чувство наталкивается на нѣчто, еще невѣдомое мнѣ въ области человѣчества, тамъ я прежде всего долженъ спорить—спорить не о томъ, что нѣчто подобное существуетъ, а о томъ, что оно не таково, или не только таково, какъ оно представляется человѣку, въ которомъ я его впервые замѣчаю. Поздно пробужденный духъ, вспоминая о томъ, какъ долго онъ несъ чуждое иго, боится снова подпасть власти чужихъ мнѣній; и гдѣ въ новыхъ областяхъ предъ нимъ раскрывается неизслѣдованная жизнь, тамъ онъ готовится съ оружіемъ въ рукахъ добиваться свободы, чтобы не впасть и здѣсь, какъ это бывало раньше, въ рабскую зависимость отъ чужого вліянія. Но разъ пріобрѣтя такимъ путемъ новое воззрѣніе, я уже не нуждаюсь болѣе въ спорѣ; я охотно предоставляю существовать всѣмъ инымъ воззрѣніямъ наряду съ моимъ, и воспріимчивость мирно выполняетъ задачу ихъ истолкованія и проникновенія въ ихъ точку зрѣнія.

Такимъ образомъ, то, что часто кажется ограниченностью воспріятія, есть лишь его первое пробужденіе. Конечно, оно часто должно было обнаруживаться въ эту прекрасную эпоху жизни, когда меня коснулось такъ много новаго, когда мнѣ явилось въ ясномъ свѣтѣ то, что прежде я только смутно чуялъ и для чего я только оставлялъ въ себѣ пустое мѣсто! Часто это должно было враждебно затрагивать тѣхъ, кто были для меня источникомъ новаго знанія. Спокойно смотрѣлъ я на это, вѣруя, что и они нѣкогда поймутъ это, когда ихъ сознаніе глубже проникнетъ въ меня. И точно такъ же часто друзья не понимали меня, когда я, не споря, но и не сочувствуя, спокойно проходилъ мимо того, что въ нихъ быстро вызывало горячее и ревностное участіе. Не все сразу можетъ объять сознаніе, и тщетно мечтать о завершеніи его задачи въ единомъ дѣйствіи; оно идетъ впередъ безъ конца въ двоякомъ направленіи, и каждый человѣкъ долженъ имѣть свой способъ соединять оба направленія, чтобы тѣмъ завершить цѣлое. Мнѣ не дано, когда что либо новое соприкасается съ моей душой, пламеннымъ натискомъ сразу проникнуть въ его внутреннее содержаніе и извѣдать его до конца. Такой пріемъ не согласуется съ духовной уравновѣшенностью, которая есть основной тонъ гармоніи моего внутренняго существа. Обособить что-либо въ своемъ сознаніи значило бы для меня быть выброшеннымъ изъ средоточія моей жизни; углубляясь во что либо одно, я только сталъ бы чуждымъ чему-либо иному, не овладѣвъ все же первымъ сполна, какъ своимъ подлиннымъ достояніемъ. Я долженъ сперва сложить всякое новое пріобрѣтеніе внутри души, и затѣмъ продолжать обычную игру жизни съ ея многообразной дѣятельностью, чтобы новое сначала смѣшалось со старымъ и пріобрѣло точки соприкосновенія со всѣмъ, что уже было во мнѣ. Лишь такимъ путемъ мнѣ удается постепенно выработать себѣ болѣе глубокое и сокровенное пониманіе: размышленіе должно не разъ смѣняться практическимъ использованіемъ, пока я могу сказать, что я сполна узналъ что либо новое и проникнулъ въ него. Такъ и не иначе могу я приниматься за дѣло безъ нарушенія моего вну-

тренняго существа, ибо во мнѣ саморазвитіе и дѣятельность воспріятія должны по возможности въ каждое мгновеніе находиться въ равновѣсіи. Такимъ образомъ, я лишь медленно подвигаюсь впередъ, и мнѣ нужна была бы долгая жизнь, чтобы охватить все въ одинаковой мѣрѣ; но за то мнѣ приходится отказываться отъ меньшаго, чѣмъ другимъ: ибо что я воспринялъ, то есть мое собственное достояніе, и отмѣчено моей печатью; и чѣмъ бы моему воспріятію ни дано было овладѣть въ мірѣ, все это будетъ переработано мною и войдетъ въ мою личность.

О, насколько богаче уже стала эта личность! Какое радостное сознаніе пріобрѣтенной цѣнности, какое повышенное чувство собственной жизни и бытія даруетъ мнѣ самосозерцаніе, глядя на добычу столь многихъ прекрасныхъ дней! Не тщетной была тихая дѣятельность, которая извнѣ казалась бездѣятельно праздной жизнью; могущественно содѣйствовала она внутренней задачѣ саморазвитія. Эта задача не была бы выполнена въ такой мѣрѣ при многообразно-пестромъ общеніи и дѣятельности, которыя не соотвѣтствуютъ моей природѣ, и и еще менѣе—при насильственномъ ограниченіи моей воспріимчивости. И потому я могу только печалиться о томъ, что внутренняя сущность человѣка такъ плохо понимается даже тѣми, кто были бы способны и достойны всюду знать ее,—что даже изъ нихъ столь многіе не проникаютъ взоромъ отъ внѣшняго дѣйствія къ внутреннему движенію, или же мнятъ постигнуть послѣднее, подобно первому, изъ отдѣльныхъ разрозненныхъ частей, и потому чуютъ противорѣчія даже тамъ, гдѣ все согласовано. Развѣ такъ трудно найти подлинный характеръ моего существа? Развѣ эта трудность должна оставить навсегда невыполненнымъ самое дорогое желаніе моего сердца—все болѣе раскрывать себя всѣмъ, достойнымъ того? Да, и теперь, глубоко проникая въ свою душу, я нахожу подтвержденіе, что именно это есть влеченіе, которое сильнѣе всего движетъ мною. Это такъ, какъ бы часто мнѣ ни говорили, что я замкнутъ и холодно отталкиваю священныя предложенія любви и дружбы. Правда, мнѣ никогда

не кажется необходимымъ говорить о томъ, что̀ я дѣлалъ и что̀ со мной случалось; слишкомъ мало цѣню я все, что̀ во мнѣ принадлежитъ міру, чтобы останавливать на этомъ вниманіе того, кому я охотно раскрылъ бы свою душу. Я не говорю также о томъ, что̀ еще лежитъ во мнѣ въ темномъ и неразвитомъ видѣ, чему недостаетъ той ясности, которая отличаетъ мое подлинное достояніе. Какъ могъ бы я нести навстрѣчу другу именно то, что̀ еще не принадлежитъ мнѣ? для чего тѣмъ самымъ скрывать отъ него то, что̀ я уже дѣйствительно есмь? и какъ могъ бы я надѣяться, не возбуждая недоразумѣній, сообщить то, чего я еще самъ не понимаю? Такая осторожность не есть замкнутость или недостатокъ любви; она есть священное благоговѣніе, внѣ котораго нѣтъ и самой любви; она есть нѣжная забота о святости и ясности высшаго достоянія. Какъ только я усвоилъ себѣ что либо новое, какъ только я въ какой либо области двинулъ впередъ свое развитіе и свою самостоятельность, — не спѣшу ли я возвѣстить это словомъ и дѣломъ другу, чтобы онъ раздѣлилъ со мною радость и, воспринимая ростъ моей внутренней жизни, самъ обогащалъ себя? Какъ себя самого, люблю я друга: какъ только я признаю что либо своимъ достояніемъ, я дѣлю его съ нимъ. Но потому и я, конечно, не принимаю столь большого участія въ томъ, что̀ онъ дѣлаетъ и что̀ съ нимъ случается, какъ этого требуютъ тѣ, кто называютъ себя друзьями. Его внѣшнія дѣйствія оставляютъ меня беззаботнымъ и спокойнымъ, если я уже понимаю внутреннюю сторону, изъ которой они проистекаютъ, и знаю, что они должны быть таковыми, ибо онъ самъ именно таковъ, каковъ есть. Внѣшнее дѣйствіе, какъ таковое, имѣетъ мало отношенія къ моей любви, оно не доставляетъ ей столько пищи и не вызываетъ во мнѣ столько изумленія и радости, какъ въ тѣхъ, кто менѣе проникъ вглубь дѣйствующаго существа. И точно такъ же его исходъ не возбуждаетъ во мнѣ столь нетерпѣливаго ожиданія, какъ въ тѣхъ, для кого все зависитъ отъ счастья и удачи; исходъ этотъ принадлежитъ міру и долженъ подчиниться законамъ необходимости со всѣмъ, что изъ него слѣдуетъ; а что слѣдуетъ изъ него, что случится съ

другомъ, то онъ самъ съумѣетъ встрѣтить свободно и достойно себя. Остальное же не заботитъ меня, я спокойно смотрю на его судьбу, какъ и на свою собственную. Кто назоветъ это холоднымъ равнодушіемъ? Это есть лишь плодъ свѣтлаго сознанія того, что̀ въ человѣкѣ есть онъ самъ, и что̀ принадлежитъ міру внѣ его,—того сознанія, которое лежитъ въ основѣ моего отношенія къ самому себѣ и на которомъ покоится мое самоуваженіе и чувство свободы: долженъ ли я менѣе слѣдовать ему въ отношеніи того, что̀ касается друга, чѣмъ въ отношеніи того, что̀ касается меня самого?

Именно это и радуетъ меня, что моя любовь и дружба никогда не имѣетъ низкаго источника, никогда не направлена на чувственное благополучіе любимаго, не смѣшана ни съ какимъ пошлымъ чувствомъ, никогда не есть созданіе привычки, мягкодушія, и еще менѣе—упрямой партійности, а всегда есть чистѣйшее дѣяніе свободы и направлена только на собственное внутреннее бытіе человѣка. Я всегда былъ замкнутъ для такихъ пошлыхъ чувствъ; никогда благодѣяніе не выманивало у меня дружбы, никогда одна красота не склоняла меня къ любви, никогда состраданіе не плѣняло меня настолько, чтобы я видѣлъ въ несчастіи заслугу и признавалъ страдающаго инымъ и лучшимъ, чѣмъ онъ есть; никогда согласіе въ единичномъ не покоряло меня настолько, чтобы я обманывался о различіяхъ въ глубочайшемъ содержаніи. Этимъ въ душѣ былъ открытъ просторъ для истинной любви и дружбы, и никогда не ослабнетъ мое влеченіе заполнить его возможно богатымъ и многообразнымъ содержаніемъ. Гдѣ я замѣчаю задатокъ своеобразія въ силу наличности его возвышенныхъ заложниковъ—воспріимчивости и любви,—тамъ я нахожу и предметъ для своей любви. Я бы хотѣлъ съ любовью обнять каждое самобытное существо, начиная съ наивной юности, въ которой лишь зарождается свобода, и вплоть до самаго зрѣлаго завершенія человѣчности; каждому существу, въ которомъ я это вижу, я шлю привѣтъ любви, хотя бы намъ суждена была лишь бѣглая встрѣча, допускающая только намекъ на дѣйственное проявленіе чувства. И я никогда также не удѣляю

своей дружбы по какому-либо мірскому мѣрилу или по внѣшнему облику человѣка. Взоръ мой облетаетъ міръ и время и отыскиваетъ внутреннее величіе человѣка. Много ли или мало охватило уже теперь его сознаніе, насколько онъ подвинулся въ своемъ собственномъ развитіи, сколько дѣлъ или твореній онъ совершилъ,—все это не можетъ опредѣлять моего отношенія, и я легко утѣшаюсь при отсутствіи всего этого. Я ищу только его своеобразнаго бытія и отношенія этого бытія къ совокупной человѣческой природѣ; насколько я нахожу первое и понимаю послѣднее, настолько есть у меня любви къ нему; но доказать ему эту любовь я, конечно, могу лишь, поскольку онъ самъ меня понимаетъ. И потому-то, увы, она такъ часто возвращалась ко мнѣ непонятой! Языкъ сердца не воспринимался, какъ будто я оставался нѣмымъ; и эти люди дѣйствительно думали, что я былъ нѣмъ.

На близкихъ путяхъ часто бродятъ люди и все же не приближаются другъ къ другу; тщетно взываетъ человѣкъ, исполненный чаяній и жаждущій дружеской встрѣчи: другой не внимаетъ ему. Въ другихъ случаяхъ люди часто встрѣчаются, хотя пути ихъ далеко расходятся; и тогда кажется, будто это встрѣча навсегда, но она длится лишь мгновеніе: новое движеніе уноситъ каждаго въ иную сторону, и никто не понимаетъ, куда исчезъ его спутникъ. Это часто случалось съ моей жаждой любви; развѣ не было бы постыдно, если бы она не созрѣла, наконецъ, если бы легкая надежда не исчезла, смѣнившись мудрымъ предчувствіемъ? „Столько пойметъ въ тебѣ этотъ, и столько—тотъ; эту любовь ты можешь дать этому, но долженъ воздержаться отъ нея въ отношеніи къ тому“— такъ ко мнѣ часто взываетъ умѣренность, хотя порою и тщетно. Внутреннее влеченіе сердца не оставляетъ мѣста для разсудительности; не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы я питалъ заносчивое желаніе положить предѣлъ человѣческой отзывчивости ко мнѣ и моей любви. Я всегда предполагаю больше, чѣмъ есть, всегда возобновляю попытки и часто несу кару за свою ненасытность, теряя въ самой попыткѣ то, чѣмъ я уже владѣлъ. Но иной и не можетъ быть судьба человѣка, кото-

рый самобытно совершенствуется; и если это со мной случается, то это есть только вѣрнѣйшее доказательство, что я самобытно совершенствуюсь. Чѣмъ болѣе сознаніе направлено на общее, съ тѣмъ бо́льшимъ кругомъ людей чувствуетъ себя связаннымъ человѣкъ; и тотъ, кто ограничивается однимъ кругомъ, мнитъ, что его соучастники тождественны съ нимъ. Чѣмъ болѣе самобытно все развивается во мнѣ, тѣмъ болѣе необходима общая воспріимчивость и свободная любовь къ чужеродному развитію для того, чтобы человѣкъ могъ надолго любить и понимать меня. Подобно предполагаемой судьбѣ кометы, внутренне развитой человѣкъ соединяетъ много міровыхъ системъ, движется вокругъ многихъ солнцъ. Теперь его радостно усматриваетъ одна звѣзда, стремится его познать, и, приближаясь, онъ дружески огибаетъ ее; потомъ она опять видитъ его въ далекомъ пространствѣ, его образъ кажется ей измѣненнымъ и она сомнѣвается, остался ли онъ прежнимъ. Онъ же снова возвращается въ быстромъ бѣгѣ и встрѣчаетъ ее съ любовью и дружбой.—Гдѣ найти прекрасный идеалъ совершеннаго союза? дружбу, которая была бы одинаково совершенна у обѣихъ сторонъ? Она возможна лишь тамъ, гдѣ у того и другого воспріимчивость и любовь почти безмѣрны. Но тогда вмѣстѣ съ любовью они и сами совершенны, и тогда навѣрно близокъ часъ, который, кажется, для всѣхъ бьетъ уже раньше—часъ, когда нужно снова отдать себя безконечности и вернуться изъ міра въ ея лоно.

---

3. Міросозерцаніе.

Сумрачной старости, полагаютъ они, дозволительно предаваться жалобамъ на міръ; простительно, что взоръ предпочитаетъ обращаться назадъ, къ тому времени, когда собственная жизнь обладала полнотой силы. Радостная юность должна весело улыбаться міру, пользоваться тѣмъ, что есть, не заботясь о недостающемъ, и охотно довѣрять сладостнымъ призракамъ надежды. Но истину, по ихъ мнѣнію, видитъ, и умѣетъ судить о мірѣ лишь тотъ, кто удерживается на вѣрной серединѣ между тѣмъ и другимъ, не предаваясь ни суетной печали, ни обманчивой надеждѣ. Однако, такое спокойствіе есть лишь безсмысленный переходъ отъ надежды къ презрѣнію; и рѣчь такой мудрости есть лишь глухой отзвукъ замедляемыхъ шаговъ, которые ведутъ ихъ отъ юности къ старости; такое довольство есть обманъ превратной вѣжливости, когда человѣкъ не хочетъ выдавать свою ненависть къ міру, который скоро, вѣдь, покинетъ его, и еще менѣе хочетъ быть несправедливымъ къ самому себѣ; такая похвала есть тщеславіе, которое стыдится заблужденій,—забывчивость, не вѣдающая, чего человѣкъ жаждалъ въ предыдущее мгновеніе, и косность духа, которая скорѣе удовлетворяется бѣдностью, гдѣ нужно затратить усилія.

Я не льстилъ себѣ, когда былъ юнъ; поэтому я не мыслю ни теперь, ни когда либо льстить міру. Онъ не могъ нести мнѣ скорби, ибо я ничего не ждалъ отъ него; поэтому и я не буду изъ мести наносить ему удары. Я мало содѣйствовалъ его нынѣшнему состоянію; поэтому я не испытываю потребности находить его болѣе прекраснымъ. Но мнѣ отвратительно гнусное восхваленіе, которое несутъ ему со всѣхъ сторонъ, въ

разсчетѣ, что дѣло въ свою очередь будетъ хвалить мастеровъ. Объ улучшеніи міра такъ любитъ говорить извращенное поколѣніе, чтобы самому добиться репутаціи лучшаго и чтобы возвысить себя надъ своими отцами. И если бы дѣйствительно изъ прекраснаго цвѣтка человѣчества уже неслось сладостное благоуханіе; если бы на общей почвѣ въ неизмѣримомъ числѣ созрѣвали, преодолѣвъ всякую опасность, сѣмена самобытнаго развитія; если бы все жило въ священной свободѣ и наслаждалось ею; если бы все съ любовью обнимало другъ друга и въ дивномъ союзѣ несло все новые дивные плоды,—даже и тогда они не могли бы восхвалять состояніе человѣчества болѣе восторженно, чѣмъ теперь. Они говорятъ о нынѣшнемъ мірѣ такъ, какъ будто гремящій голосъ ихъ могучаго разума уже разорвалъ оковы невѣжества; какъ будто они уже выставили, наконецъ, искусный образъ человѣческой природы, которая раньше была отображена лишь какъ темное, едва различимое ночное видѣніе, и какъ будто таинственный свѣтъ—ахъ, идетъ ли онъ сверху или снизу?—такъ дивно освѣщаетъ все въ этомъ образѣ, что ни одно здоровое око не можетъ ошибиться ни въ его общемъ обликѣ, ни въ его отдѣльныхъ чертахъ; какъ будто, наконецъ, музыка ихъ мудрости превратила грубое хищное своекорыстіе въ покорное и общительное домашнее животное и научила его искусствамъ; и мельчайшій промежутокъ времени, который уже протекъ, былъ, по ихъ мнѣнію, полонъ новыми благами. Какъ глубоко я въ душѣ презираю поколѣніе, которое съ еще никогда не бывалымъ безстыдствомъ восхваляетъ само себя, почти не можетъ уже выносить вѣру въ лучшее будущее, и съ презрѣніемъ поноситъ всѣхъ, принадлежащихъ будущему,—и все это только потому, что этому поколѣнію осталась невѣдомой въ темной дали истинная цѣль человѣчества, и что оно не осмѣлилось приблизиться къ ней почти ни на шагъ!

Да, человѣкъ властвуетъ нынѣ надъ тѣлеснымъ міромъ; онъ изслѣдовалъ всѣ его силы, чтобы употребить ихъ на пользу своей внѣшней жизни; пространство уже не задерживаетъ дѣйствія духа на тѣло, и мановеніе воли созидаетъ всюду дѣя-

тельность, которой требуетъ духъ; все выражаетъ свое подчиненіе велѣніямъ мысли, и всюду обнаруживается присутствіе духа; вся мертвая матерія кажется оживленной, и въ сознаніи такой власти надъ своимъ тѣломъ человѣчество наслаждается еще никогда не бывалой силой и полнотой чувственной жизни. Кому достаточно этого, кто видитъ въ этомъ послѣднюю цѣль человѣчества,—пусть тотъ присоединитъ свой голосъ къ этому громкому хвалебному хору. Человѣкъ справедливо гордится теперь этимъ могуществомъ такъ, какъ никогда не могъ гордиться раньше; вѣдь какъ бы много ему еще ни оставалось свершить въ этой области, онъ достигъ уже того, что долженъ чувствовать себя властелиномъ земли, что на этой собственной его почвѣ нѣтъ уже границъ для его попытокъ, и область невозможнаго все болѣе сокращается. Общеніе, которое для этой цѣли связуетъ меня съ остальными людьми, я въ каждое мгновеніе жизни ощущаю, какъ дополненіе моей собственной силы. Каждый трудится на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, завершаетъ дѣло другого, невѣдомаго ему человѣка, и подготовляетъ работу для третьяго, который ничего не знаетъ объ его заслугахъ. Такъ общее дѣло человѣчества осуществляется взаимными усиліями на всемъ земномъ шарѣ; каждый ощущаетъ дѣйствіе чужихъ силъ, какъ свою собственную жизнь, и, подобно электрической искрѣ, искусная машина этого общенія проводитъ каждое слабое движеніе одного человѣка черезъ цѣпь съ тысячью звеньевъ и, усиливая его на пути, доводитъ до цѣли, какъ будто всѣ эти звенья суть его собственные члены, и все, что̀ они свершили, есть его собственное дѣло, выполненное въ одно мгновеніе. И это чувство жизни, возвышаемой общими усиліями, присуще мнѣ съ бо̀льшей силой и полнотой, чѣмъ тѣмъ, кто его такъ громко восхваляютъ. Моего чувства не стѣсняетъ обманчивая сила ихъ смутнаго мнѣнія, что не всѣ равномѣрно наслаждаются тѣмъ, что̀ всѣ помогали создавать и сохранять. Ибо всѣ они теряютъ только въ силу безмыслія и косности въ созерцаніи; привычка со всѣхъ взимаетъ свою дань, и всюду, гдѣ я высчитываю сравнительную величину ограниченности и силы, я нахожу

одну и ту же формулу, лишь различно выраженную, и на всѣхъ распространяется равная мѣра наслажденія. Но и при этомъ условіи я низко цѣню все это чувство; мои мечты не сводятся къ желанію, чтобы міръ сталъ еще немного лучше въ этомъ отношеніи; и если бы этимъ исчерпывалось все дѣло человѣчества, и оно нечестиво затрачивало бы на эту задачу всю свою священную силу,—то я видѣлъ бы въ этомъ мучительную гибель. Нѣтъ, мои требованія не останавливаются скромно на этомъ улучшеніи отношенія человѣка къ внѣшнему міру, даже если бы оно было доведено до высочайшей вершины совершенства! Къ чему же эта высшая власть надъ матеріей, если она не содѣйствуетъ собственной жизни самого духа? Что хвалитесь вы этимъ внѣшнимъ общеніемъ, если оно не содѣйствуетъ общенію самихъ душъ? Здоровье и сила, конечно,—высокія блага; но развѣ вы не презираете каждаго, кто пользуется ими только для пустого блеска? Развѣ человѣкъ—только чувственное существо, которое можетъ сполна удовлетвориться даже высшимъ чувствомъ своей плотской жизни—ибо земля есть вѣдь его плоть? Развѣ достаточно духу того, что онъ обитаетъ плоть, сохраняетъ и расширяетъ ее и сознаетъ свою власть надъ ней? А вѣдь только на одно это направлены всѣ ихъ стремленія, на одно это опирается ихъ безмѣрная гордость. Они поднялись въ сознаніи человѣчности лишь настолько, что отъ заботы о тѣлесной жизни и благополучіи отдѣльнаго лица возвысились до заботы о равномъ благополучіи всѣхъ. Къ этому сводится для нихъ добродѣтель, справедливость и любовь; въ этомъ они громогласно прославляютъ побѣду надъ низменнымъ своекорыстіемъ; въ этомъ для нихъ—конецъ всей мудрости; лишь такія звенья они въ силахъ разрывать въ цѣпи невѣдѣнія, лишь этому долженъ помогать каждый и для этого предназначено все общеніе. Какая превратная задача для духа—посвящать всѣ свои силы, въ интересахъ другихъ, тому, чѣмъ онъ охотно пренебрегаетъ для себя во имя высшаго блага! Какая извращенность сознанія—видѣть добродѣтель въ пожертвованіи высшимъ благамъ ради столь низменнаго идолослуженія!

Покорись же, душа, жестокой судьбѣ, которая заставила тебя увидѣть свѣтъ въ эту худшую и темную пору! Для твоего влеченія, для твоей внутренней дѣятельности мало можно ожидать отъ такого міра! И твое общеніе съ нимъ ты будешь ощущать не какъ увеличеніе, а всегда лишь какъ ограниченіе твоей силы. Такъ случается со всѣми, кто вѣдаютъ лучшее и хотятъ его. Сердце иного человѣка жаждетъ любви; ему ясно предносится, каковъ долженъ быть другъ, съ которымъ онъ можетъ связать себя черезъ обмѣнъ мыслей и чувствъ для взаимнаго воспитанія и духовнаго совершенствованія,—какова должна быть возлюбленная, которой онъ можетъ всецѣло отдаться и у которой можетъ найти полную жизнь; но если счастливый случай не даетъ ему найти ихъ въ кругу его внѣшней жизни, на равной общественной ступени, то предназначенныя другъ для друга души тщетно вздыхаютъ всю свою краткую жизнь, терзаемыя однимъ желаніемъ, Ибо все еще сковываетъ человѣка его внѣшнее общественное положеніе, мѣсто, которое не добывается имъ, а предназначено ему въ этомъ убогомъ общеніи, и человѣкъ крѣпче привязанъ къ этому мѣсту, чѣмъ растеніе—къ своей материнской почвѣ. Почему это такъ? Потому, что они беззаботно гнетутъ высшую духовную жизнь, чтобы тѣмъ вѣрнѣе, какъ они надѣются, насладиться нисшей жизнью. Поэтому не можетъ расцвѣсти ни радостное общеніе, ни свободная общественная жизнь; поэтому они ведутъ странный, почти монастырскій образъ жизни, обособившись въ мелкихъ, душныхъ кельяхъ, и живутъ скорѣе по сосѣдству другъ съ другомъ, чѣмъ совмѣстно; поэтому они избѣгаютъ всякаго крупнаго союза, составляя лишь жалкое подобіе послѣдняго изъ многихъ мелкихъ; и какъ отечество смѣхотворно раздроблено, такъ же раздроблено и всякое отдѣльное общество въ немъ. Правда, есть люди, которые способны открытой душой воспринимать внутреннюю сущность человѣчества и разумно созерцать его различныя формы, или впитать въ себя природу и съ любовью прильнуть къ ея тайнамъ. Но они окружены дикой пустыней или безплодной пышностью, въ которой вѣчное однообразіе не

даетъ питанія запросамъ духа; воображеніе, загнанное внутрь себя, впадаетъ въ болѣзненное состояніе, духъ поглощаетъ самого себя въ ложныхъ грезахъ, и рождающая сила исчерпываетъ себя въ уродливыхъ созданіяхъ; благопріятный вѣтеръ не уноситъ человѣка любовно въ лучшій климатъ, и нѣтъ благодѣтельнаго друга, который заботился бы объ утоленіи жаждущаго и приводилъ его къ плодотворнымъ источникамъ познанія. Злосчастную судьбу чернаго раба, оторваннаго отъ отчей страны и любимыхъ сердецъ и осужденнаго на низкій трудъ въ далекой чужбинѣ,—эту судьбу ходъ міра ежедневно уготовляетъ лучшимъ людямъ, которымъ не дано уйти къ невѣдомымъ друзьямъ въ свою истинную родину, и которые въ тяжкой работѣ истребляютъ свою внутреннюю жизнь среди пустынной, вѣчно чуждой имъ обстановки. Есть люди, которыхъ внутренне влечетъ стремленіе созидать художественныя творенія; но имъ не дано отбирать свой матеріалъ и осторожно и безъ вреда удалять изъ него непригодное, или, когда намѣченъ стройный и величественный планъ, завершить и отдѣлать его до конца во всѣхъ его частяхъ. Даетъ ли имъ кто-либо недостающее, предоставляетъ ли щедро свои запасы, или завершаетъ своими руками неоконченное? Нѣтъ, каждый долженъ стоять поодиночкѣ и предпринимать то, что ему не удается! воплощенію человѣчности, созиданію прекрасныхъ твореній недостаетъ того общенія талантовъ, которое уже давно осуществлено во внѣшней работѣ человѣчества! Художникъ замѣчаетъ бытіе другихъ людей лишь въ скорби, когда ихъ оцѣнка порицаетъ въ его твореніи то, что̀ чуждо ихъ генію, и ему суждено извѣдать, что дѣйствіе его собственнаго прекраснаго достоянія преграждается требованіемъ иного! Тщетно ищетъ человѣкъ въ общеніи съ людьми облегченія и помощи въ томъ, что̀ есть для него величайшее. Плоды, которые земля приноситъ въ разныхъ мѣстахъ, описываются тысячами людей; я могу въ одно мгновеніе узнать, гдѣ мнѣ найти какую-либо вещь, въ которой я нуждаюсь, а въ слѣдующее мгновеніе счастливецъ можетъ уже обладать ею; но лишь немногіе способны находить души, съ помощью которыхъ можетъ процвѣтать ихъ внутренняя жизнь,

и для этого нѣтъ общенія въ мірѣ; никто не занятъ тѣмъ, чтобы сближать людей, которые нуждаются другъ въ другѣ. И требовать такой помощи есть даже безуміе и соблазнъ возлюбленнымъ сынамъ нашего времени; а чуять высшее и болѣе тѣсное общеніе умовъ и желать содѣйствовать ему вопреки обычной ограниченности и мелкимъ предразсудкамъ—есть суетное мечтательство. По ихъ мнѣнію, лишь неразумное желаніе, а не нужда заставляетъ насъ чувствовать тѣснящія насъ грани; преступная лѣность, а не отсутствіе благотворнаго общенія внушаетъ человѣку недовольство міромъ и заставляетъ его пустыя желанія блуждать въ далекой области невозможнаго. Но невозможно это только для того, чей взоръ на низкой плоскости нынѣшняго дня объемлетъ лишь ограниченный горизонтъ. Я долженъ былъ бы предаться скорбному отчаянію и потерять вѣру, что человѣчество когда либо приблизится къ своей цѣли, если бы моя тупая фантазія была прикована лишь къ реальному и къ его ближайшимъ слѣдствіямъ.

Все, что принадлежитъ къ лучшему міру, стонетъ въ тяжкомъ рабствѣ! Всѣ зачатки духовнаго общенія низведены до служенія земному общенію; что̀ полезно послѣднему, ограничиваетъ духъ и наноситъ ущербъ внутренней жизни. Когда друзья заключаютъ союзъ между собой, изъ этого должны были бы проистечь дѣянія, превышающія духъ отдѣльнаго человѣка; каждый долженъ былъ бы предоставить каждому итти туда, куда влечетъ его духъ, и лишь помогать ему указаніемъ на его пробѣлы, не подмѣняя его мыслей своими собственными. Такъ каждый находилъ бы въ другомъ жизнь и питаніе и всецѣло осуществлялъ бы свои задатки. Но какъ происходитъ это въ мірѣ? Для земныхъ услугъ одинъ готовъ помогать другому, жертвуя собственнымъ благополучіемъ; сообщать знанія и жизненный опытъ, чувствительно сострадать скорби и облегчать ее есть для нихъ высшее. Но и въ дружбѣ таится всегда вражда противъ внутренней природы друга; они хотѣли бы отдѣлить недостатки друга отъ его существа, а недостаткомъ въ немъ они считаютъ все, что̀ было бы недостаткомъ въ нихъ самихъ. Такъ каждый долженъ жертвовать своей самобыт-

ностью другому, и оба искупаютъ свое сходство съ другимъ измѣной самому себѣ, если только твердая воля не остановитъ этой порчи, послѣ чего ложная дружба долго болѣзненно колеблется между споромъ и согласіемъ или внезапно обрывается. Горе тому, кто обладаетъ мягкой душою, когда къ нему привязался другъ! Бѣдняга мечтаетъ о новой и сильной жизни, радуется прекрасному времени, проходящему въ сладостномъ общеніи; и онъ не замѣчаетъ, какъ въ мнимомъ благополучіи духъ его расточаетъ себя и впадаетъ въ долги, пока не изсякнетъ его внутренняя жизнь, обезсиленная и стѣсненная со всѣхъ сторонъ. Таковъ видъ многихъ лучшихъ людей, въ которомъ едва возможно узнать очертанія ихъ подлиннаго существа; они искалѣчены дружеской рукой и отягощены чуждыми придатками.—Сладостная любовь связуетъ мужа и жену, и они готовятся создать собственный очагъ. Подобно тому, какъ самобытныя существа исходятъ изъ лона ихъ любви, такъ изъ гармоніи ихъ натуръ должна создаться новая общая воля; тихій домъ съ его работами, порядками и радостями долженъ свободно свидѣтельствовать объ этой волѣ! Однако всегда и повсюду мнѣ суждено видѣть обезчещеннымъ прекраснѣйшій человѣческій союзъ! Загадкой остается для нихъ ихъ собственное дѣйствіе, когда они заключаютъ этотъ союзъ; каждый по прежнему сохраняетъ свою волю, попеременно властвуетъ одна сторона надъ другою, и печально каждый втайнѣ подсчитываетъ, перевѣшиваетъ ли выгода союза ту потерю чистой свободы, которой онъ стоилъ; и наконецъ каждый смотритъ на другого, какъ на свой рокъ, и въ чувствѣ холодной необходимости угасаетъ пылъ любви. Всѣхъ подъ конецъ равный подсчетъ приводитъ къ равному итогу—пустотѣ. Каждое жилище должно было бы быть прекраснымъ тѣломъ, дивнымъ созданіемъ самобытной души, и обнаруживать собственную форму и черты; но почти всѣ они становятся въ тупомъ однообразіи пустынной могилой свободы и истинной жизни. Дѣлаетъ ли она его счастливымъ, живетъ ли она всецѣло для него? Дѣлаетъ ли онъ ее счастливой, готовъ ли онъ для нея на все? Находятъ ли оба высшее счастіе въ пожертвованіи собой для

другого? О не терзай меня, образъ скорби, глубоко таящейся позади ихъ радости, признакъ близкой смерти, которая морочитъ ихъ этой послѣдней пустой видимостью жизни!—Куда дѣлись древнія сказанія мудрецовъ о государствѣ? Гдѣ сила, которую должно давать человѣку это высочайшее развитіе бытія, гдѣ сознаніе, которое долженъ имѣть каждый,—сознаніе себя частью разума, воображенія и могущества родины? Гдѣ любовь къ этому высшему самозданному бытію,—любовь, которая готова скорѣе пожертвовать узкимъ личнымъ сознаніемъ, чѣмъ потерять это бытіе,—которая скорѣе рискуетъ жизнью, чѣмъ допускаетъ убійство отчизны? Гдѣ предусмотрительность, заботливо стерегущая, чтобы искушеніе не коснулось отчизны и не погубило ея души? Гдѣ самобытный характеръ каждаго государства, гдѣ дѣла, въ которыхъ онъ возвѣщаетъ себя? Такъ далеко нынѣшнее поколѣніе отъ всякаго чаянія истиннаго смысла этой стороны человѣчества, что люди мечтаютъ о лучшемъ общественномъ организмѣ, совсѣмъ какъ объ идеалѣ человѣка; и кто живетъ въ государствѣ, старомъ или новомъ, тотъ мечтаетъ облечь въ его форму всѣ другія государства; и мудрецъ въ своихъ трудахъ намѣчаетъ для будущаго образецъ государства и надѣется, что нѣкогда все человѣчество ко своему благу будетъ почитать этотъ образецъ, подобно символу; и всѣ вѣрятъ, что лучшее государство—то, которое менѣе всего ощущается и менѣе всего даетъ ощутить нужду въ своемъ существованіи. Кто, такимъ образомъ, считаетъ величественнѣйшее созданіе человѣка, съ помощью котораго онъ долженъ подняться на высшую ступень бытія, лишь необходимымъ зломъ, неизбѣжнымъ механизмомъ, имѣющимъ цѣлью скрыть или обезвредить недостатки людей, тотъ долженъ вѣдь ощущать, лишь какъ стѣсненіе, то, назначеніе чего—даровать высшую силу бытія.

Низменный источникъ всѣхъ этихъ великихъ бѣдствій состоитъ въ томъ, что у людей можно найти воспріимчивость лишь къ внѣшнему общенію чувственнаго міра, и что они хотятъ все измѣрять этимъ внѣшнимъ общеніемъ и все приспособить къ нему. Въ общеніи чувственнаго міра всегда неиз-

бѣжно взаимное ограниченіе; человѣкъ, который хочетъ продолжить и расширить свое тѣло внѣшнимъ владѣніемъ, долженъ предоставить другому просторъ для того же самаго; гдѣ одинъ стоитъ, тамъ граница для другого, и каждый изъ нихъ спокойно допускаетъ это лишь потому, что онъ не въ силахъ одинъ владѣть міромъ, и что чужое тѣло и достояніе можетъ пригодиться и ему. На это направлено и все остальное: умноженіе внѣшняго обладанія имуществомъ и знаніемъ, охрана и помощь противъ рока и бѣдъ, объединеніе, умножающее силы въ борьбѣ противъ другихъ—только это ищетъ и находитъ нынѣшній человѣкъ въ дружбѣ, бракѣ и отчизнѣ; онъ не ищетъ помощи и усиленія въ дѣлѣ внутренняго развитія, обогащенія новой внутренней жизнью. Въ этомъ, напротивъ, его стѣсняетъ всякое общеніе, въ которое онъ вступаетъ, начиная съ первой связи въ цѣляхъ воспитанія, когда юный духъ, вмѣсто того, чтобы получить просторъ для жизни и усмотрѣть міръ и человѣчество во всемъ его объемѣ, ограничивается чужими мыслями и уже рано пріучается къ долгому рабству жизни. О, жалкая нищета посреди богатства! Безсильная борьба лучшей души, ищущей нравственности и духовнаго развитія, съ этимъ міромъ, который вмѣсто нихъ признаетъ лишь право и велѣніе, вмѣсто жизни даетъ лишь мертвыя формулы, вмѣсто свободной дѣятельности любитъ лишь правило и привычку, и гордится высокой мудростью, когда ему удается счастливо устранить какую-нибудь устарѣлую форму и создать что-либо новое, что кажется жизнью, но скоро само станетъ тоже формулой и мертвой привычкой! Что могло бы спасти меня, если бы у меня не было тебя, божественная фантазія, и если бы ты не давала мнѣ вѣрнаго чаянія лучшаго будущаго!

Да, культура разовьется изъ варварства, и жизнь—изъ мертваго сна! и они уже на-лицо, начала лучшаго бытія. Не всегда высшая сила будетъ дремать въ потаенномъ состояніи; духъ, одушевляющій человѣчество, рано или поздно разбудитъ ее. Если теперь земная культура людей возвысилась надъ той дикой властью природы, когда человѣкъ еще робко бѣжалъ отъ всякаго проявленія ея силъ,—то не бо́льшій промежутокъ

можетъ отдѣлять блаженное время истиннаго общенія душъ отъ нынѣшней дѣтской поры человѣчества. Первобытный рабъ природы не повѣрилъ бы въ это грядущее господство надъ нею и не понималъ бы возвышенныхъ чувствъ въ душѣ провидца, чающаго это господство; ибо у него отсутствовало даже представленіе о такомъ состояніи, къ которому онъ не испытывалъ влеченія. Такъ и нынѣшній человѣкъ не понимаетъ, когда кто-либо указываетъ ему на иныя цѣли и говоритъ объ иныхъ союзахъ и иномъ общеніи между людьми; онъ не постигаетъ, чего лучшаго и высшаго можно еще хотѣть, и не опасается, что нѣкогда наступитъ состояніе, которому суждено глубоко устыдить его гордость и его косное довольство. Если изъ того убожества, въ которомъ даже взоръ, обостренный первыми успѣхами, едва замѣчалъ зачатки лучшаго состоянія, все же возникло нынѣшнее прославленное благополучіе,—и если среди нашей нынѣшней хаотической дикости взоръ, тѣсно окруженный уже падающимъ туманомъ, прозрѣваетъ первые элементы лучшаго міра,—то неужели не возникнетъ изъ нынѣшняго состоянія, наконецъ, самъ этотъ лучшій міръ, возвышенное царство культуры и нравственности? Это царство придетъ. Къ чему мнѣ неувѣренно отсчитывать часы, которые еще протекутъ, и поколѣнія, которыя еще пройдутъ до этого? Какое мнѣ дѣло до времени, съ которымъ, вѣдь, не чувствуетъ себя связанной моя внутренняя жизнь?

Человѣкъ принадлежитъ къ міру, который онъ помогалъ созидать; этотъ міръ объемлетъ всю совокупность его желаній и мыслей, и лишь по ту сторону его онъ—чужестранецъ. Кто доволенъ нынѣшней жизнью и не ищетъ иной, тотъ—современникъ раннихъ полуварваровъ, заложившихъ первую основу его міра; онъ живетъ продолженіемъ ихъ жизни, съ удовлетвореніемъ наслаждается завершеніемъ того, чего они хотѣли; а то лучшее, что они не могли объять, не можетъ объять и онъ. Такъ я—чужестранецъ для образа мыслей и жизни нынѣшняго поколѣнія, пророческій гражданинъ грядущаго міра, влекомый къ нему живой фантазіей и сильной вѣрой и принадлежа къ нему каждымъ своимъ дѣйствіемъ и каждой

мыслью. Дѣйствія и страданія нынѣшняго міра оставляютъ меня равнодушнымъ; лежа глубоко подо мной, онъ кажется мнѣ малымъ, и взоръ легко обозрѣваетъ извилистые круги его пути. Возвращаясь отъ всѣхъ потрясеній въ области жизни и науки къ одной и той же точкѣ и сохраняя прежній обликъ, нынѣшній міръ ясно обнаруживаетъ свою ограниченность и малый объемъ своихъ стремленій. Все, что возникаетъ изъ него самого, не можетъ подвинуть его впередъ, а лишь движетъ постоянно въ прежнемъ кругу; и я не могу радоваться всему этому, и никакая благопріятная видимость не внушаетъ мнѣ пустого, обманчиваго ожиданія. Но гдѣ я вижу искру скрытаго пламени, которое рано или поздно истребитъ старое и возродитъ міръ, тамъ я ощущаю трепетъ любви и надежды, какъ бы влекомый къ возлюбленнымъ знаменіямъ дальней отчизны. И гдѣ я стою, тамъ должно быть видимо священное пламя, горящее чуждымъ свѣтомъ,—грозное предостереженіе суевѣрнымъ рабамъ современности, для разумѣющихъ же—свидѣтельство власти духа. Пусть съ любовью и надеждой приблизится каждый, кто, подобно мнѣ, принадлежитъ будущему, и пусть всѣ дѣйствія и рѣчи каждаго тѣснѣе смыкаютъ и расширяютъ прекрасный свободный союзъ заговорщиковъ во имя лучшаго будущаго!

Но и это міръ затрудняетъ по мѣрѣ силъ и стѣсняетъ всякое познаніе дружественныхъ умовъ, надѣясь загубить сѣмя лучшаго будущаго. Дѣяніе, возникшее изъ чистѣйшей мысли, даетъ просторъ для тысячи разныхъ толкованій; и часто случается, что самое безхитростное поведеніе въ духѣ нравственности принимается за смутное мірское сознаніе. Слишкомъ многіе украшаютъ себя ложной видимостью лучшаго, чтобы можно было довѣриться каждому, въ комъ хотѣлось бы видѣть лучшее; съ справедливымъ маловѣріемъ не рѣшается подчиниться первой видимости тотъ, кто ищетъ братьевъ по духу; такъ единомышленники часто не узнаютъ другъ друга при встрѣчѣ; ибо міръ и время сдерживаютъ смѣлость довѣрія. И потому, мужайся и надѣйся! Не ты одинъ пустилъ корни въ глубокой почвѣ, которой нѣкогда суждено выйти на поверх-

ность; всюду зрѣютъ сѣмена будущаго! Продолжай попрежнему искать всюду, гдѣ можешь: еще многихъ ты встрѣтишь и постигнешь, кого, быть можетъ, долго не узнавалъ. Такъ и ты будешь еще познанъ многими: вопреки міру, недовѣріе и подозрѣніе въ концѣ исчезаетъ, когда одинаковое поведеніе неизмѣнно повторяется, и одинаковое чаяніе шлетъ частые призывы благочестивому братскому сердцу. Только смѣло налагай печать духа на каждое дѣйствіе, чтобы близкіе могли найти тебя; только смѣло высказывай міру мнѣнія сердца, чтобы и дальніе услышали тебя.

Правда, волшебство языка тоже служитъ болѣе міру, чѣмъ намъ. Языкъ даетъ міру точные знаки и прекрасный избытокъ для всего, что мыслится и чувствуется въ мірскомъ духѣ; онъ есть чистѣйшее зеркало времени, художественное твореніе, въ которомъ открывается духъ времени. Для насъ онъ еще грубъ и неразвитъ и есть трудное средство общенія. Какъ долго онъ сперва препятствуетъ духу достигнуть самосозерцанія! Въ силу языка, духъ уже принадлежитъ міру, прежде чѣмъ находитъ самъ себя, и долженъ сначала медленно вырываться изъ его сѣтей; и если онъ, наконецъ, вопреки всѣмъ заблужденіямъ и извращеніямъ, которыя привилъ ему языкъ, достигаетъ, наконецъ, истины,—какъ коварно измѣняетъ тогда свою борьбу языкъ и тѣсно замыкаетъ духъ, чтобы онъ никому не могъ сообщить себя и ни отъ кого не могъ получить питаніе. Долго ищетъ онъ среди избыточнаго обилія, пока находитъ вѣрный знакъ, подъ охраной котораго можетъ отослать свои глубочайшія мысли; но тотчасъ же враги ловятъ этотъ знакъ, вкладываютъ въ него ложное толкованіе, и боязливо недоумѣваетъ получатель, отъ кого первоначально исходитъ это посланіе. Иногда издалека приходитъ отвѣтъ одинокому; но онъ вынужденъ сомнѣваться, означаетъ ли этотъ отвѣтъ то, что онъ разумѣетъ подъ нимъ, и написанъ ли онъ рукой друга или врага. Зачѣмъ языкъ долженъ быть общимъ достояніемъ для сыновъ духа и для дѣтей міра! Зачѣмъ дѣти міра выказываютъ такую любознательность въ дѣлѣ высокой мудрости! Но нѣтъ, имъ не удастся смутить или запугать насъ! Это есть вели-

кая борьба за освященныя знамена человѣчества, которыя мы должны сохранить для лучшаго будущаго и грядущихъ поколѣній,—борьба, которая рѣшаетъ все; но это есть и вѣрная игра, надъ которой не властны счастье и случай, и въ которой выигрышъ дается всегда лишь силѣ духа и истинному искусству.

Нравственность человѣка должна быть одѣяніемъ и покровомъ его внутренняго своеобразія, нѣжно и многозначительно должна она облекать каждый благородный образъ и, возвѣщая размѣренность его членовъ, сопровождать каждое его движеніе. Нужно только сознавать святость этого благороднаго художественнаго творенія, нужно ткать его все болѣе прозрачнымъ и тонкимъ и все тѣснѣе облекаться въ него; тогда неизбѣжно будетъ положенъ конецъ искусственному обману, и легко будетъ изобличить нечестивую, пошлую натуру, если она захочетъ являться въ благородномъ и возвышенномъ образѣ. Знатокъ при каждомъ движеніи отгадываетъ ростъ и силу даже скрытыхъ членовъ; тщетно магическое одѣяніе обманчиво скрываетъ пустое мѣсто: при каждомъ быстромъ шагѣ одѣяніе легко разлетается, и вскрывается внутреннее несоотвѣтствіе. Такъ и постоянство и соразмѣрность нравственности должны стать и дѣйствительно станутъ безошибочнымъ признакомъ внутренняго существа духа, тайнымъ привѣтствіемъ, по которому узнаются лучшіе люди. Языкъ долженъ отображать самыя сокровенныя мысли духа; онъ долженъ передавать высочайшее созерцаніе и самое тайное размышленіе духа объ его собственномъ дѣйствованіи; и изумительная музыка языка должна истолковывать цѣнность, которую духъ приписываетъ каждому своему дѣйствію, открывать самобытную скáлу его любви. Правда, другіе люди могутъ злоупотреблять знаками, которые мы посвящаемъ высшему, и подмѣнять святыню, на которую указуютъ эти знаки, своими мелочными мыслями и ограниченнымъ умонастроеніемъ; но рѣчь мірского существа звучитъ въ иномъ тонѣ, чѣмъ рѣчь посвященнаго; иначе, чѣмъ у мудреца, и въ иную мелодію сочетаются у раба времени знаки мыслей; иное признаетъ онъ первичнымъ, и выводитъ изъ него то, что для него болѣе незнакомо и далеко. Пусть

только каждый дѣлаетъ языкъ своимъ подлиннымъ достояніемъ, художественнымъ цѣлымъ, такъ чтобы взаимозависимость и переходы, связь и послѣдовательность точно соотвѣтствовали строенію его духа, и гармонія рѣчи передавала акцентъ сердца, основной тонъ умонастроенія. Тогда среди обыденнаго языка возникнетъ еще священный и тайный языкъ, и непосвященный не сможетъ ни понимать его, ни подражать ему, ибо лишь во внутреннемъ настроеніи лежитъ ключъ къ его уразумѣнію; каждый краткій переходъ въ игрѣ мыслей, каждый рядъ аккордовъ въ рѣчи будетъ изобличать непосвященнаго.

О, если бы мудрые и благіе стали постигать другъ друга по нравственному облику и рѣчи! Если бы недоразумѣнія были вскрыты, если бы была проведена основная грань и выявилась внутренняя распря,—то и побѣда была бы ужъ близка, взошло бы лучшее солнце: ибо свободное сужденіе и непредвзятое чувство юныхъ поколѣній должно было бы склониться къ лучшей сторонѣ. Вѣдь только многозначительное движеніе возвѣщаетъ присутствіе духа, и только чудеса свидѣтельствуютъ о рожденіи божественнаго образа. И потому должно обнаружиться, что нѣтъ сознанія внутренняго дѣйствованія тамъ, гдѣ отсутствуетъ прекрасное единство нравственности и гдѣ послѣдняя имѣется лишь какъ холодное представленіе, какъ выбѣленная безформенность; должно обнаружиться, что не вѣдаетъ самобытнаго развитія и никогда не созерцалъ въ себѣ внутренней сущности человѣчества тотъ, у кого прочная твердыня языка, вынесенная извнутри наружу, распадается на мелкіе обломки, у кого сила рѣчи, которая должна потрясать душу, затрачивается на пустое безмысліе и плоскую красоту, и высокая музыка рѣчи превращается въ праздную игру звуковъ, неспособную выразить самобытную сущность духа. Жить гармонично и слѣдовать простой и прекрасной нравственности можетъ лишь тотъ, кто, ненавидя омертвѣлыя формулы, ищетъ своеобразнаго развитія и потому принадлежитъ грядущему міру; истиннымъ художникомъ рѣчи можетъ стать лишь тотъ, кто свободнымъ взоромъ созерцаетъ самого себя и овладѣлъ внутреннимъ существомъ человѣчности.

Изъ тихаго всемогущества этихъ чувствъ, а не изъ нечестивой насильственности тщетныхъ покушеній должно, наконецъ, проистечь благоговѣніе передъ высшимъ,—начало лучшей поры жизни. Содѣйствіе ему да будетъ моимъ дѣломъ въ мірѣ! этимъ я уплачу свой долгъ міру и выполню свое призваніе. Такъ моя сила соединяется съ дѣломъ всѣхъ избранныхъ, и мое свободное дѣйствованіе помогаетъ человѣчеству приближаться къ его цѣли на вѣрномъ пути.

4. Горизонты.

Правда ли, что всѣ мы блуждаемъ на землѣ, повинуясь чуждой силѣ и не вѣдая будущаго? что густая завѣса скрываетъ отъ человѣка то, чѣмъ ему суждено стать, и что слѣпая власть судьбы, или хотя бы чуждый произволъ высшаго провидѣнія—то и другое въ этомъ отношеніи казалось бы мнѣ одинаковымъ—играютъ нашими рѣшеніями, какъ и нашими желаніями? О, конечно, если рѣшенія суть только желанія, то человѣкъ есть игрушка случая! Иные люди способны находить себя самихъ только въ смѣнѣ бѣглыхъ чувствъ и отдѣльныхъ мыслей, какъ ихъ созидаетъ дѣйствительность; вся ихъ жизнь исчерпывается невѣрнымъ обладаніемъ внѣшними предметами, головокружительнымъ созерцаніемъ вѣчнаго вихря, въ которомъ они сами движутся вмѣстѣ съ своимъ достояніемъ, и никогда они не проникаютъ глубже въ свое собственное существо; руководимые то однимъ, то другимъ отдѣльнымъ чувствомъ, они видятъ всегда лишь единичное и внѣшнее и хотятъ обладать имъ и относиться къ нему, какъ имъ велитъ ощущеніе даннаго мига. У такихъ людей судьба можетъ враждебно похищать предметы ихъ желаній и играть ихъ рѣшеніями, которыя заслуживаютъ быть игрушками; они могутъ жаловаться на непрочность, ибо въ нихъ самихъ ничто не прочно; собственная слѣпота кажется имъ густой завѣсой, и, конечно, должно быть темно тамъ, гдѣ не сіяетъ свѣтъ свободы; и они, очевидно, должны стремиться узнать, зависитъ ли господствующая надъ ними измѣнчивость отъ единой воли, управляющей всѣми волями, или отъ безстрастнаго дѣйствія столкновенія многихъ силъ,—и это стремленіе остается тщетнымъ, ибо то и другое они мнятъ такъ,

какъ ихъ нельзя мыслить. Ужасъ долженъ охватывать человѣка, если онъ никогда не достигаетъ овладѣнія самимъ собой, если каждый лучъ свѣта, падающій на безконечный хаосъ, показываетъ ему, что онъ—не свободное существо, а только одинъ изъ зубцовъ великаго колеса, которое въ своемъ вѣчномъ вращеніи увлекаетъ его и всѣхъ остальныхъ. Только надежда,—вѣчно возвращающаяся, вопреки всему опыту и сознанію, надежда на счастливую перемѣну или на конечное милосердіе можетъ быть его единственной опорой.

Благословенно мнѣ,—въ каждое мгновеніе, когда я вижу трепетъ рабовъ, вновь благословенно мнѣ, возлюбленное сознаніе свободы! благословенно тихое спокойствіе яснаго духа, съ которымъ я весело привѣтствую грядущее, не какъ своего властителя, а какъ свое собственное достояніе, хорошо вѣдая, что̀ оно есть и что̀ несетъ съ собой. Отъ меня оно ничего не скрываетъ, ко мнѣ оно приближается безъ притязанія на владычество. Судьба властвуетъ лишь надъ измышленными богами, которые не имѣютъ основанія воздѣйствовать на себя, и надъ худшими изъ смертныхъ, которые не хотятъ воздѣйствовать на себя,—но не надъ человѣкомъ, который, какъ и надлежитъ, направляетъ на себя свое дѣйствованіе. Гдѣ граница моей силы? Гдѣ же могла бы начинаться во мнѣ ужасная чуждая область? Невозможно для меня лишь то, что̀ исключено первичнымъ дѣяніемъ моей внутренней свободы, сліяніемъ ея съ моей природой. Я не способенъ лишь на то, что̀ противорѣчитъ этой свободѣ; но могу ли я и хотѣть того, что̀ уничтожало бы строгую волю, въ силу которой я есмь я? Кому представляется чуждой властью это ограниченіе, которое есть условіе и сущность его бытія, его свободы и воли, тотъ, на мой взглядъ, есть жертва страннаго недоразумѣнія.—И развѣ въ этихъ предѣлахъ что либо ограничиваетъ меня тѣснѣе? Да, если бы я, даже въ области нравственности и культуры, когда либо стремился къ тому или иному опредѣленному результату, если бы какое либо единичное дѣйствіе когда либо было цѣлью моего хотѣнія,—то эта цѣль, въ мгновеніе, когда я хочу овладѣть ею, могла бы ускользнуть отъ меня, и я нашелъ бы себя подчиненнымъ чуж-

дой власти. Но если бы я пожелалъ обвинить въ этомъ судьбу, то я упустилъ бы изъ виду главнаго виновника—самого себя. Но никогда со мной не можетъ случиться ничего подобнаго! Вѣдь я всегда живу сознаніемъ всего своего существа. Мое единственное желаніе—все болѣе становиться тѣмъ, что̀ я есмь; всякое дѣйствіе есть особое обнаруженіе этого единаго желанія; и такъ какъ я всегда могу дѣйствовать, то я и всегда могу дѣйствовать именно въ этомъ направленіи, и въ составъ моихъ дѣяній не входитъ ничто, чуждое этого мотива. Итакъ, пусть будетъ, чему суждено быть! Доколѣ я все направляю исключительно къ этой цѣли, всякія внѣшнія условія и внѣшнія формы жизни для меня безразличны или даже одинаково цѣнны, если только они выражаютъ природу моего существа и даютъ мнѣ новый матеріалъ для его внутренняго развитія и роста; доколѣ мой духовный взоръ непрерывно сосредоточенъ на этомъ цѣломъ, и все единичное является для меня лишь въ связи съ послѣднимъ,—доколѣ я не теряю изъ виду того, что я прерываю, и всегда хочу даже того, чего не дѣлаю, а то, что̀ дѣлаю, отношу къ общей цѣли моей воли,—до тѣхъ поръ моя воля властвуетъ надъ судьбой и умѣетъ свободно использовать любые ея дары для своей цѣли. Откуда берется эта измѣнчивость человѣческой жизни, которую они такъ тягостно ощущаютъ, какъ не изъ общенія свободныхъ существъ? Она, слѣдовательно, есть созданіе свободы и мое собственное созданіе. Какъ могъ бы я участвовать своимъ дѣйствованіемъ въ ея подготовленіи для другихъ, если бы не требовалъ ея и для себя отъ другихъ? Да, я громко требую ея! пусть время несетъ мнѣ многообразный матеріалъ для дѣйствованія, для совершенствованія и обнаруженія моего существа! Я ничего не боюсь; всякій порядокъ и всякое внѣшнее условіе имѣетъ для меня одинаковую цѣну. Все, что можетъ возникнуть изъ общей дѣятельности людей, пусть коснется меня, пусть возбуждаетъ и движетъ меня, получая въ свою очередь отъ меня новое движеніе; и въ характерѣ моего воспріятія и впечатлѣнія я всегда найду свою свободу и съумѣю развивать черезъ обнаруженіе свою самобытность.

Есть ли это пустой самообманъ? Кроется ли за этимъ чув-

ствомъ свободы лишь безсиліе? Такъ обыденныя души толкуютъ то, чего онѣ не понимаютъ. Но пустая болтовня самоуниженія давно смолкла для меня; въ этой распрѣ между ними и мной въ каждое мгновеніе судьей является дѣйствіе. Они всегда жалуются, когда видятъ, что время проходитъ, боятся его прихода и остаются попрежнему внутренне неразвитыми, сохраняя при всей измѣнчивости внѣшней жизни одну и ту же обыденную натуру. Есть ли хоть одинъ примѣръ, въ отношеніи котораго они были бы вправѣ отрицать, что могли бы иначе встрѣтить случившееся съ ними? И потому мнѣ было бы легко еще сильнѣе сокрушить ихъ среди ихъ скорби, и вырвать у покаянной души признаніе, что то, въ чемъ они оплакиваютъ внѣшнюю силу, было лишь ихъ собственной внутренней косностью, и что они, въ сущности, не хотѣли того, что̀ они лишь мнили хотѣть. И, показавъ имъ эту низменную ограниченность ихъ собственнаго сознанія и собственной воли, я легко могъ бы научить ихъ вѣрить въ сознаніе и волю.

Но научатся ли они этому или нѣтъ,—вѣра, что ничто, встрѣчающееся мнѣ, не можетъ задержать роста моего внутренняго развитія и отклонить меня отъ цѣли моего дѣйствованія,—эта вѣра жива во мнѣ своей дѣйственной силой. Съ того времени, какъ разумъ овладѣлъ моимъ бытіемъ и мнѣ стали присущи свобода и самосознаніе, я бродилъ по многообразнымъ путямъ жизни. Въ наслажденіи юношеской свободой я съумѣлъ отбросить ложную личину,—плодъ долгой и тяжелой работы кощунственнаго воспитанія; я научился оплакивать краткую жизнь большинства людей, которые, даже если имъ удалось то же самое, потомъ снова отдаются новымъ цѣпямъ; я научился презирать тѣхъ, кто чувствуютъ себя безсильными и отжившими уже въ самую могучую пору жизни, кто уже потеряли послѣднее воспоминаніе о краткой грезѣ свободы, не вѣдаютъ судьбы юности, которая только что начинаетъ наслаждаться этой свободой, и хотѣли бы остаться вѣрными старому порядку. Въ чужомъ домѣ мнѣ открылось сознаніе прекраснаго человѣческаго общенія; я видѣлъ, какъ свобода облагораживаетъ и правильно выявляетъ нѣжныя тайны человѣческаго бытія, кото-

рыя всегда остаются темными для непосвященнаго—для того, кто скорѣе лишь выноситъ ихъ, какъ неизбѣжныя оковы природы, чѣмъ почитаетъ ихъ. Въ пестромъ хаосѣ мірскихъ различій я научился пренебрегать видимостью и подъ каждымъ одѣяніемъ познавать природу и понимать разные языки, на которыхъ она выражается въ каждомъ кругу. Созерцая великія броженія, тихія и громкія, я научился понимать духъ людей и видѣть, какъ они привязаны всегда лишь къ внѣшнему покрову; и въ тихомъ одиночествѣ, которое было мнѣ уготовлено, я созерцалъ внутреннюю природу, всѣ цѣли, которыя ставитъ человѣчеству его идея, и всѣ отправленія духа въ ихъ вѣчномъ единствѣ, и научился въ живомъ созерцаніи правильно оцѣнивать мертвыя слова школъ. Я ощущалъ радость и скорбь, мнѣ вѣдома всякая печаль и всякая улыбка; и во всемъ, коснувшемся меня, съ тѣхъ поръ, какъ я подлинно живу, я черпалъ новое для моего внутренняго существа и пріобрѣталъ силы, питающія внутреннюю жизнь!

И потому да будетъ мнѣ прошлое залогомъ будущаго; вѣдь это будущее есть то же, что̀ и прошлое, и можетъ ли оно причинить мнѣ что либо иное, если я самъ остался тѣмъ же? Отчетливо и ясно я вижу предъ собою содержаніе своей жизни. Я знаю, въ какой мѣрѣ мое существо уже развилось до прочнаго и замкнутаго своеобразія; и я сохраню это своеобразіе черезъ равномѣрное всестороннее дѣйствованіе, въ которое я вкладываю все единство и всю полноту своей силы. Могу ли я не радоваться всему новому и многообразному, если оно снова и на новый ладъ подтверждаетъ мнѣ истину моего сознанія? Или я уже настолько увѣренъ въ самомъ себѣ, что не нуждаюсь въ такомъ подтвержденіи, а имѣю право на неизмѣнность покоя? Нѣтъ, попрежнему я привѣтствую страданіе и радость и все, что міръ называетъ благомъ и бѣдствіемъ, ибо все это на свой ладъ осуществляетъ мою цѣль и открываетъ мнѣ содержаніе моего существа! И если я только достигну этого,— какое мнѣ дѣло до счастія!—Я знаю также, чего я еще не усвоилъ, я знаю области, гдѣ я еще витаю въ неопредѣленно общемъ и уже давно болѣзненно ощущаю отсутствіе собствен-

наго воззрѣнія и собственнаго правила. Противъ всего этого уже давно выступаетъ моя сила; и нѣкогда мнѣ удастся объять это дѣйственностью и созерцаніемъ, и тѣсно связать со всѣмъ, что уже есть во мнѣ. Мнѣ предстоитъ еще изслѣдовать науки, безъ знанія которыхъ не можетъ завершиться мое воззрѣніе на міръ. Многіе образы человѣчности еще чужды мнѣ; есть поколѣнія и народы, которые я лишь поверхностно знаю по чужимъ изображеніямъ; моя фантазія не можетъ самобытно проникнуть въ ихъ умонастроеніе и сущность, и они не занимаютъ опредѣленнаго мѣста въ моемъ созерцаніи ступеней человѣческаго развитія. Многіе роды дѣятельности, болѣе далекіе моему существу, еще непонятны мнѣ, и мнѣ часто недостаетъ самостоятельнаго сужденія о ихъ связи со всѣмъ, что велико и прекрасно въ человѣчествѣ. Все это я усвою совмѣстно или одно за другимъ; предо мной разстилаются прекраснѣйшіе горизонты. Сколько благородныхъ натуръ, которыя совсѣмъ иначе, чѣмъ я, развили въ себѣ человѣчность, я могу созерцать вблизи! Сколькими многосвѣдущими людьми я окруженъ, которые изъ гостепріимства или тщеславія подносятъ мнѣ въ прекрасныхъ сосудахъ золотые плоды своей жизни и заботливо пересаживаютъ на родину растенія чуждыхъ временъ и странъ. Можетъ ли судьба заковать меня и преградить мнѣ доступъ къ этой цѣли? Можетъ ли она отказать мнѣ въ средствахъ саморазвитія и удалить меня отъ легкаго общенія съ дѣятельностью нынѣшняго поколѣнія и съ памятниками прошлаго? Можетъ ли она изгнать меня изъ прекраснаго міра, въ которомъ я живу, въ дикія пустыни, куда не доходятъ свѣдѣнія объ остальномъ человѣчествѣ, гдѣ въ вѣчномъ однообразіи меня тѣсно окружаетъ со всѣхъ сторонъ пошлая природа, и гдѣ среди спертаго, испорченнаго воздуха взоръ не встрѣчаетъ ничего прекраснаго и опредѣленнаго? Правда, со многими это случалось; но мнѣ это не можетъ встрѣтиться; я противоборствую тому, передъ чѣмъ склонялись тысячи людей. Лишь продавая самъ себя, человѣкъ попадаетъ въ рабство, и лишь того судьба смѣетъ купить, кто самъ себѣ назначаетъ цѣну и самъ себя выставляетъ на рынкѣ. Что увлекаетъ легкомысленно человѣка съ того мѣста, гдѣ хо-

рошо его духу? Что̀ заставляетъ его съ трусливымъ безумiемъ отбрасывать отъ себя свои лучшiя блага, подобно тому, какъ морякъ бросаетъ чужое имущество въ бушующiя волны? Все это—только позорная жажда внѣшней прибыли, соблазнъ чувственнаго вожделѣнiя, котораго уже не удовлетворяетъ старый выдохшiйся напитокъ. Какъ можетъ со мной случиться что-либо подобное, при моемъ презрѣнiи къ такимъ тѣнямъ! Съ трудомъ и усердiемъ я завоевалъ себѣ мѣсто, на которомъ я стою сознательно, и съ упорствомъ я создалъ собственный миръ, въ которомъ можетъ процвѣтать мой духъ; можетъ ли бѣглый соблазнъ страха или надежды разорвать эту крѣпкую цѣпь? можетъ ли суетная мишура увлечь меня изъ родины, изъ круга любимыхъ друзей?

Но сохранить себѣ этотъ миръ и все крѣпче связаться съ нимъ есть не единственное, чего я требую; меня влечетъ и къ новому миру. Не мало новыхъ связей надлежитъ еще установить, и новые законы еще невѣдомой любви должны опредѣлять мое сердце, чтобы открылось, какъ все это согласуется между собой въ моемъ существѣ. Я испыталъ дружбу всякаго рода; чистыми устами я прикасался къ сладостному счастью любви, и я знаю, что̀ подобаетъ мнѣ въ томъ и другомъ, и вѣдаю законъ моей нравственности. Но святѣйшiй союзъ еще долженъ поднять меня на новую ступень жизни, я долженъ слиться въ одно существо съ возлюбленной душой, чтобы моя человѣчность еще проявила свое прекраснѣйшее дѣйствiе на человѣчество. Я долженъ еще узнать, какъ развивается во мнѣ просвѣтленная высшая жизнь послѣ возрожденiя свободы, и какъ возрожденный человѣкъ зачинаетъ новый миръ. Я долженъ проникнуть въ тайны правъ и обязанностей отцовства, чтобы и высшая сила, осуществляющая свободу въ отношенiи свободныхъ существъ, не дремала во мнѣ, чтобы я могъ показать, какъ вѣрующiй въ свободу умѣетъ охранять и оберегать юный разумъ, и какъ въ этой великой проблемѣ ясный духъ умѣетъ распутывать прекраснѣйшее сплетенiе собственнаго и чужого. Не завладѣетъ ли мною судьба именно здѣсь, въ этомъ любимѣйшемъ желанiи моего сердца? Не отомститъ

ли мнѣ здѣсь міръ за упорство моей свободы, за высокомѣрное презрѣніе къ его могуществу? Гдѣ живетъ она,—та, съ которой мнѣ надлежитъ связать нить своей жизни? Кто скажетъ мнѣ, куда я долженъ направиться, чтобы отыскать ее? вѣдь достиженіе столь высокаго блага стоитъ всякихъ жертвъ и всякихъ усилій! И найду ли я ее свободной, или, если она будетъ подвластна чужому закону, который преградитъ мнѣ доступъ къ ней, то съумѣю ли я освободить ее отъ него? И если я добуду ее себѣ,—то развѣ непостижимое не играетъ часто самой сладостной и вѣрной любовью и препятствуетъ тому, чтобы съ правомъ супруга сочеталось радостное имя отца? Здѣсь, наконецъ, каждый стоитъ на границѣ между произволомъ и таинствами природы, и мы не смѣемъ даже желать побѣдить своей волей эти таинства. И если прежде чужая свобода и ходъ міра тщетно пытались стѣснить меня, то на этотъ разъ я покоряюсь имъ. На многое способенъ здѣсь человѣкъ, и многое преодолѣваетъ сила воли и строгое стремленіе. Но если надежда и стремленія тщетны, если все здѣсь противодѣйствуетъ мнѣ,—побѣжденъ ли я здѣсь судьбою? дѣйствительно ли она тогда воспротивилась росту моей внутренней жизни и смогла ограничить своимъ упрямствомъ мое развитіе? Невозможность внѣшняго дѣйствія не стѣсняетъ внутренняго дѣянія; и болѣе, чѣмъ себя и ту, кого я жду, я пожалѣлъ бы міръ: вѣдь онъ лишился бы одного изъ прекрасныхъ и рѣдкихъ примѣровъ, одного изъ явленій, которыя заносятся въ настоящее изъ добродѣтельной старины или изъ лучшаго будущаго, и на которыхъ онъ могъ бы оживить и согрѣть свои мертвыя понятія. Мы, хотя и невѣдомо, принадлежимъ другъ къ другу, и воображеніе уноситъ насъ въ нашъ общій рай. Не тщетно созерцалъ я многіе образы женской души и ознакомился съ прекрасными путями ея тихой жизни. Чѣмъ дальше я самъ стоялъ отъ границъ брачной жизни, тѣмъ болѣе тщательно я изслѣдовалъ ея священную область; я знаю, что въ ней правомѣрно и что—нѣтъ, я мысленно прослѣдилъ всѣ формы нравственныхъ отношеній въ бракѣ, которыя вскроетъ лишь далекое свободное будущее, и я точно знаю,

какія изъ нихъ подобаютъ мнѣ. Поэтому я знаю и невѣдомую женщину, съ которой я могъ бы тѣсно связать себя на всю жизнь; и я уже вжился въ ту прекрасную жизнь, которая намъ предстоитъ. И если теперь, скорбя въ пустынномъ одиночествѣ, я многое долженъ устраивать и начинать, таить въ себѣ и скрывать въ молчаніи, и отъ многаго долженъ отказываться, въ маломъ и великомъ,—то все же мнѣ всегда живо предносится, какъ все это будетъ иначе и лучше въ той жизни. И такъ же навѣрно чувствуетъ и та, которая такъ устроена, что можетъ любить меня и что я могу удовлетворить ее,—гдѣ бы она ни находилась: одинаковое влеченіе, которое не есть одно пустое желаніе, возвышаетъ и ее, какъ и меня, надъ пустынной дѣйствительностью, для которой она не создана; и если бы внезапно насъ свело волшебство, то ничто не было бы намъ чуждымъ, и мы легко и радостно шли бы по новому жизненному пути, какъ будто насъ вынуждаетъ къ нему сладостная привычка. Поэтому и безъ такого волшебства мы не лишены этого высшаго бытія въ насъ; мы все же созданы для такой жизни и развили ее въ себѣ, и только внѣшнее ея выявленіе недоступно намъ и міру.

О если бы люди умѣли пользоваться этой божественной силой фантазіи, которая одна только освобождаетъ духъ, возноситъ его надъ всякимъ насиліемъ и ограниченіемъ, и безъ которой кругъ человѣческой жизни боязливо замыкается узкими предѣлами! Много ли затрагиваетъ каждаго въ краткомъ теченіи жизни? Сколько сторонъ въ человѣкѣ должны были бы остаться неопредѣленными и неразвитыми, если бы его внутренняя дѣятельность направлялась лишь на то немногое, съ чѣмъ онъ дѣйствительно сталкивается во внѣшнемъ мірѣ! Но люди столь чувственны въ своей нравстенности, что даже себѣ самимъ довѣряютъ только тамъ, гдѣ внѣшнее воплощеніе дѣйствія есть для нихъ порука истинности ихъ сознанія. Тщетно стоитъ среди великаго общенія человѣчества тотъ, кто самъ себя такъ ограничиваетъ! Для него безполезна возможность созерцать дѣйствія и жизнь людей; и ему суждено безнадежно жаловаться на косную медлительность міра и на вялость его движеній.

Такой человѣкъ всегда желаетъ для себя новыхъ отношеній, новыхъ внѣшнихъ возбудителей дѣятельности, и новыхъ друзей, послѣ того, какъ прежніе друзья, насколько могли, уже оказали дѣйствіе на его душу; и всюду жизнь кажется ему слишкомъ медленной. Но если бы даже жизнь ускорила свой ходъ и захотѣла повести его тысячью новыхъ путей, развѣ могъ бы онъ въ короткій промежутокъ времени исчерпать безконечность? То, чего эти люди не могутъ помыслить даже въ желаніи, я пріобрѣтаю внутренней дѣятельностью своей фантазіи. Она восполняетъ мнѣ то, что̀ недостаетъ дѣйствительности; въ силу ея я усваиваю себѣ каждое отношеніе, которое я встрѣчаю у другихъ; духъ внутренне движется, преобразуетъ все въ согласіи съ своей природой, и предвосхищаетъ съ вѣрнымъ чувствомъ, какъ онъ сталъ бы дѣйствовать. Обыденныя сужденія людей о чужой жизни и дѣятельности,—сужденія, высчитанная на основаніи пустыхъ формулъ мертвыми буквами,—суть, конечно, плохая опора; и позднѣе они дѣйствуютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ они прежде судили. Но если творчествомъ фантазіи руководитъ внутренняя дѣйственность—а такъ это должно быть всюду, гдѣ есть истинная жизнь,—и если предвосхищенное дѣяніе есть чистое сознаніе этой внутренней дѣйственности,—тогда созерцаніе чужого повліяло на духъ, какъ если бы это чужое было дѣйствительно его собственнымъ достояніемъ, и онъ самъ проявилъ свое дѣйствіе вовнѣ. Такъ я и впредь, какъ и доселѣ, буду овладѣвать всѣмъ міромъ въ силу этой внутренней дѣятельности, и я лучше использую все въ тихомъ созерцаніи, чѣмъ если бы и внѣшнее дѣйствіе должно было въ быстрой смѣнѣ сопровождать всякій образъ. Такъ всякое отношеніе запечатлѣвается глубже, оказываетъ болѣе опредѣленное дѣйствіе на духъ, и въ свободномъ, непредвзятомъ сужденіи проявляется чище отпечатокъ собственнаго существа. И то, что потомъ дѣйствительно приноситъ внѣшняя жизнь, есть лишь подтвержденіе и испытаніе прежняго, болѣе богатаго внутренняго опыта; но развитіе духа не ограничено убогой мѣрой внѣшней реальности. Поэтому я столь же мало жалуюсь на медлительность судьбы, какъ и на ея слишкомъ

быстрый и извилистый ходъ. Я знаю, что моя внѣшняя жизнь никогда не выразитъ и не воплотитъ всесторонне моего внутренняго существа. Никогда не предоставитъ она мнѣ широкаго поприща, гдѣ мое дѣйствіе затрагивало бы благо тысячи людей, и гдѣ я могъ бы внѣшнимъ образомъ доказать, что все на свѣтѣ есть для меня ничто по сравненію съ единымъ изъ высокихъ и священныхъ идеаловъ разума. Никогда, быть можетъ, я не вступлю въ открытую распрю съ міромъ и не смогу показать, какъ мало нарушаетъ внутренній покой и тихое единство моего существа все, что міръ можетъ дать мнѣ или взять у меня. Но я надѣюсь, что я въ себѣ самомъ вѣдаю свое отношеніе къ такимъ событіямъ, ибо душа моя давно уже подготовлена и развита для всего этого. Такъ, живя въ тихомъ уединеніи, я все же стою на широкой, обильной дѣйствіями аренѣ міра. Такъ, союзъ съ возлюбленной душой уже заключенъ въ душѣ одинокаго, прекрасное общеніе существуетъ и образуетъ лучшую часть жизни. Такъ я навѣрно удержу и любовь друзей, мое единственное драгоцѣнное достояніе, что̀ бы ни случилось въ будущемъ со мной или съ ними.

Люди обыкновенно боятся, что дружба не будетъ длиться долго; измѣнчивой кажется имъ душа, другъ можетъ стать инымъ, а вмѣстѣ съ старымъ настроеніемъ исчезаетъ и старая любовь, и вѣрность есть рѣдкое благо. Они правы: вѣдь поскольку они вообще вѣдаютъ что либо за предѣлами полезности, каждый изъ нихъ любитъ въ другомъ лишь легкій покровъ, облекающій душу, ту или иную добродѣтель, подлинный внутренній смыслъ которой они никогда не изслѣдуютъ; и если это растекается передъ ними въ волнахъ жизни, то они не стыдятся послѣ многихъ лѣтъ признаваться, что они ошиблись въ человѣкѣ. Мнѣ не дана ни прекрасная внѣшность, ни что либо иное, способное сразу плѣнять сердца людей; и все же каждый, не проникшій въ мое внутреннее существо, измышляетъ себѣ такую видимость. И вотъ, во мнѣ любятъ то доброе сердце, котораго я не хотѣлъ бы имѣть,—то скромность, которая есть во мнѣ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ они думаютъ,—то даже разсудительность, которую я отъ души презираю. Поэтому такая

любовь уже часто покидала меня; но она и не принадлежитъ къ тому достоянію, которое мнѣ дорого. Мое достояніе есть лишь то, что̀ я самъ создалъ и что̀ я вѣчно съизнова добываю себѣ; какъ могъ бы я считать своимъ то, что̀ возникаетъ изъ этой видимости, измышленной ихъ тупымъ зрѣніемъ? Моя совѣсть чиста: я не обманываю ихъ; но поистинѣ, я не допущу, чтобы ложная любовь преслѣдовала меня долѣе, чѣмъ это выносимо для меня. Мнѣ стоитъ хоть разъ проявить свое внутреннее существо такъ, чтобы не оставалось мѣста для недоразумѣній,—мнѣ достаточно хоть разъ подвести ихъ къ тому, что̀ я таю, какъ драгоцѣнность, въ своей душѣ, и что̀ для нихъ невыносимо,—и я освобожденъ отъ мученія сознавать, что меня считаютъ своимъ и любятъ тѣ, кто должны были бы отвернуться отъ меня. Охотно я возвращаю имъ свободу, плѣненную ложной видимостью. Но я не сомнѣваюсь въ тѣхъ, кто хотятъ любить дѣйствительно меня самого, мое внутреннее существо; крѣпко объемлетъ ихъ моя душа и никогда не покинетъ. Они познали меня, они созерцаютъ духъ, и, разъ полюбивъ его, какъ онъ есть, они должны любить его все глубже и вѣрнѣе, чѣмъ болѣе онъ развивается и выявляется передъ ними.

Въ этомъ достояніи я столь же увѣренъ, какъ въ своемъ бытіи; и я не потерялъ еще ни одного существа, любовь котораго была мнѣ дорога. Ты, кому суждено было покинуть нашъ кругъ въ свѣжемъ расцвѣтѣ юности, посреди быстрой радостной жизни,—да, я смѣю обратиться къ возлюбленному образу, который живетъ въ моей душѣ живетъ вмѣстѣ съ моей жизнью, любовью и скорбью—никогда не покидало тебя мое сердце моя мысль прослѣдила твое дальнѣйшее развитіе, какъ ты самъ осуществилъ бы его въ себѣ, если бы пережилъ новое пламя, возжегшее міръ; твое мышленіе соединилось съ моимъ, и бесѣда любви между нами, взаимосозерцаніе душъ никогда не прекращается и продолжаетъ дѣйствовать на меня, какъ будто ты живешь рядомъ со мной, какъ бывало. И вы, возлюбленные друзья, что пребываете еще въ этомъ мірѣ лишь вдали отъ меня и часто шлете мнѣ свѣжій образъ вашего духа и вашей

жизни,—что значитъ для насъ пространство? Мы долго были вмѣстѣ и все же были болѣе далеки другъ отъ друга, чѣмъ теперь: ибо что̀ есть близость, какъ не общеніе душъ? Чего я не вижу въ вашей жизни, то я представляю себѣ; вы близки мнѣ во всемъ, что̀ есть во мнѣ и вокругъ меня и что̀ должно жизненно затрагивать вашъ духъ; и немногія слова подтверждаютъ мнѣ все или наводятъ на вѣрный слѣдъ, гдѣ еще возможно заблужденіе. А вы, окружающіе меня нынѣ съ сладостной любовью, вы знаете, какъ мало меня мучитъ желаніе блуждать по землѣ; я твердо стою на своемъ мѣстѣ и не покину своего прекраснаго достоянія — возможность въ каждое мгновеніе обмѣнивать съ вами мысли и жизнь; гдѣ есть такое общеніе, тамъ—мой рай. Если надъ вами властвуетъ иная мысль, да будетъ такъ: для насъ все же нѣтъ удаленности.— Но смерть? Что же такое смерть, какъ не бо̀льшая удаленность?

Мрачная мысль, неумолимо сопутствующая каждой мысли о жизни и будущемъ! Конечно, я могу сказать, что друзья не умираютъ для меня; я вбираю въ себя ихъ жизнь, и ихъ дѣйствіе на меня никогда не прекращается; но меня самого убиваетъ ихъ смерть. Жизнь дружбы есть прекрасный рядъ аккордовъ, основной тонъ которыхъ смолкаетъ, когда другъ покидаетъ міръ. Правда, тонъ этотъ продолжаетъ еще звучать въ длительномъ внутреннемъ эхо, и музыка не прерывается; но вмѣстѣ съ другомъ умерла созвучная гармонія, для которой я былъ основнымъ голосомъ и которая принадлежала мнѣ, подобно тому, какъ гармонія во мнѣ принадлежала ему. Мое воздѣйствіе на него прекратилось, часть жизни погибла. Своей смертью каждое любящее существо убиваетъ другихъ, и у кого умерло много друзей, тотъ подъ конецъ самъ умираетъ отъ ихъ руки, когда его духъ, отторгнутый отъ своего вліянія на людей, которые были его міромъ, и оттѣсненный назадъ къ себѣ самому, начинаетъ самъ себя пожирать. Двоякимъ бываетъ неизбѣжный конецъ человѣка. Погибнуть долженъ тотъ, у кого непоправимо нарушено равновѣсіе между внутренней жизнью и внѣшнимъ бытіемъ. Погибнуть долженъ и тотъ, у

кого оно иначе нарушено,—кто, достигнувъ послѣдняго завершенія своей самобытности, окруженный неисчерпаемо богатымъ міромъ, не имѣетъ уже никакой задачи для внутренней дѣятельности; всецѣло завершенное существо есть Богъ, оно уже не можетъ выносить бремени жизни, для него нѣтъ мѣста въ мірѣ человѣчества. Итакъ, смерть необходима; приближеніе къ этой необходимости да будетъ дѣломъ свободы, и способность желать смерти да будетъ моей высшей цѣлью! Я хочу тѣсно и крѣпко прильнуть къ друзьямъ и охватить все ихъ существо, чтобы каждый, покидая меня, сладостными муками приближалъ меня къ смерти; и я хочу достигать все большей завершенности, чтобы этимъ путемъ душа все болѣе приближалась къ желанію смерти. Изъ обоихъ этихъ началъ всегда состоитъ смерть человѣка, и потому не всѣ друзья меня покинутъ, и никогда также я не достигну полной завершенности. Въ прекрасной соразмѣрности, въ согласіи съ природой моего существа я буду со всѣхъ сторонъ приближаться къ этой цѣли; это счастіе обезпечено мнѣ моимъ внутреннимъ покоемъ, и моей тихой, богатой мыслями жизнью. Для существа, подобнаго моему, высочайшее благо состоитъ въ томъ, чтобы внутреннее совершенствованіе переходило и во внѣшнее воплощеніе, ибо, завершаясь, каждое существо приближается къ своей противоположности. Мысль оставить въ художественномъ твореніи мое внутреннее существо, и съ нимъ—весь дарованный мнѣ образъ человѣчества, тождественна для меня чаянію смерти. Какъ только я началъ сознавать полный расцвѣтъ моей жизни, во мнѣ возникла эта мысль; теперь она растетъ съ каждымъ днемъ и приближается къ опредѣленности. Я знаю, въ силу свободнаго рѣшенія я оторву эту мысль еще недозрѣвшей до конца отъ нутра своей души, пока жизненное пламя еще не выгорѣло во мнѣ. Но если бы я далъ ей созрѣть, если бы я далъ завершиться этому творенію, тогда, какъ только вѣрное отображеніе явилось бы въ міръ, мое собственное существо должно было бы погибнуть: оно было бы завершеннымъ.

---

5. Юность и старость.

Бой часовъ и движеніе солнца на небѣ отсчитываютъ мнѣ часы и годы, и я знаю, что, живя, я неустанно приближаюсь къ смерти. Но приближаюсь ли я и къ старости,—къ той безсильной, тупѣющей старости, на которую такъ горько жалуются всѣ, когда незамѣтно исчезаетъ счастье радостной юности и гордое чувство внутренняго здоровья и полноты? Почему же они даютъ исчезнуть золотой порѣ и со вздохомъ подставляютъ шею добровольно избранному ярму? Я также нѣкогда думалъ, что мужу не подобаютъ уже права юности; я хотѣлъ пріучить себя къ бóльшей тишинѣ и осмотрительности, и, мудро поставивъ себѣ цѣлью отреченіе, подготовиться къ болѣе мрачной порѣ жизни. Но духа не могли удовлетворять тѣсныя границы, и вскорѣ я сталъ раскаиваться въ обѣднѣвшей трезвой жизни. Тогда, на первый же призывъ, ко мнѣ вернулась радостная юность, и съ тѣхъ поръ она всегда держитъ меня въ своихъ спасительныхъ объятіяхъ. И если бы я теперь зналъ, что вмѣстѣ съ потокомъ времени отъ меня унесется юность, то я лучше добровольно бросился бы навстрѣчу смерти, чтобы страхъ передъ вѣрнымъ зломъ не отравлялъ мнѣ всякое благо, доколѣ, наконецъ, мое безсильное бытіе не приведетъ меня къ еще худшему концу.

Но я знаю, что этого не можетъ быть—ибо это не должно быть. Неужели духовная жизнь, свободная и неизмѣримая въ своей основѣ, должна изсякнуть у меня ранѣе, чѣмъ земная жизнь, которая уже при первомъ біеніи сердца содержала въ себѣ зародыши смерти? Неужели фантазія не будетъ вѣчно направлена съ своей обычной полной силой на прекрасное?

Неужели исчезнетъ легкое и радостное сознаніе, и душа не будетъ такъ быстро и любовно склоняться къ добру? Неужели я долженъ со страхомъ внимать волнамъ времени и видѣть, какъ онѣ меня подтачиваютъ и буравятъ, пока я не распадусь на части? Скажи же, сердце, сколько разъ до этого конца мнѣ будетъ дано счесть тотъ промежутокъ времени, который только что истекъ, пока во мнѣ была эта отчаянная мысль? И если бы я могъ сосчитать это, то тысяча или одинъ разъ было бы мнѣ одинаково мало. О глупецъ, мнящій по признакамъ времени прорицать о силѣ духа, мѣриломъ котораго никогда не можетъ быть время! Вѣдь и небесныя тѣла въ одинаковое время не проходятъ одинаковыя части своего пути, и ты долженъ искать высшаго мѣрила, чтобы понять ихъ движеніе; неужели духъ долженъ подчиняться болѣе убогимъ законамъ, чѣмъ они? Но онъ и не слѣдуетъ имъ. Многими рано завладѣваетъ ворчливая, нищая, безнадежная старость, и враждебный духъ срываетъ цвѣтокъ ихъ юности, едва только онъ распустился; у другихъ долго сохраняется сила духа, и сѣдую главу возвышаетъ и украшаетъ пламя очей и радостная улыбка устъ. Почему я не могу въ счастливой борьбѣ отражать нападеніе скрытой смерти еще дольше, чѣмъ тотъ, кто долѣе всѣхъ сохранялъ полноту жизни? Почему я не могу, не считая годовъ и не внимая разрушенію тѣла, силою воли удержать у себя до послѣдняго вздоха возлюбленную богиню юности? Въ чемъ же, если не въ волѣ, основаніе этого различія между людьми? Развѣ духъ имѣетъ опредѣленную мѣру и величину, что можетъ расточить и исчерпать себя? Развѣ дѣйствіе истребляетъ его силу, и развѣ онъ теряетъ что либо при каждомъ своемъ движеніи? Тѣ, кто долго наслаждаются жизнью,—развѣ они—скупцы, мало тратившіе свою силу на дѣйствія? Въ такомъ случаѣ всякая радостная и свѣжая старость была бы постыдна и позорна: ибо презрѣнія заслуживаетъ тотъ, кто скупится въ юности.

Если бы такова была судьба и мѣра человѣка, то я хотѣлъ бы лучше стиснуть въ узкій промежутокъ то, на что способенъ духъ; я хотѣлъ бы имѣть краткую жизнь, чтобы оста-

ваться юнымъ и свѣжимъ, пока это возможно! Для чего слабо разливать лучи свѣта по широкой плоскости? Сила духа не проявляетъ себя въ этомъ и ничего не осуществляетъ. Для чего беречь дѣйственность и растягивать ее въ длину, если при этомъ ты долженъ ослабить ея внутреннее содержаніе и если въ конечномъ итогѣ все же не можетъ получиться больше, чѣмъ ты имѣлъ съ самаго начала? Лучше блестяще расточить жизнь въ немногіе годы, чтобы ты могъ наслаждаться своей силой и обозрѣвать, чѣмъ ты былъ. Но не такова наша судьба и мѣра: такой земной законъ не можетъ загнать духъ въ свои формулы. На чемъ можетъ сломиться его сила? что̀ теряетъ онъ отъ своего существа, когда дѣйствуетъ и сообщаетъ себя? что̀ можетъ истребить его? Яснѣе и богаче, сильнѣе и здоровѣе чувствую я себя теперь послѣ каждаго дѣйствія: ибо въ каждомъ дѣяніи я усваиваю нѣчто изъ общаго питательнаго матеріала человѣчества, и, растя, мой образъ пріобрѣтаетъ бо̀льшую опредѣленность. И обусловлено ли это только тѣмъ, что я теперь еще подымаюсь на высоту жизни? Конечно, да; но когда же внезапно измѣнится это прекрасное соотношеніе? когда же я начну не расти въ дѣяніи, а, напротивъ, гибнуть? и какъ будетъ мнѣ возвѣщенъ этотъ великій поворотъ? Если онъ наступитъ, то я долженъ буду познать его; а если я его познаю, то лучше мнѣ умереть, чѣмъ въ долгомъ убожествѣ созерцать на себѣ самомъ человѣческое ничтожество.

Исчезновеніе мужества и силы есть зло, которое творитъ себѣ самъ человѣкъ; старость есть пустой предразсудокъ, позорный плодъ темнаго вымысла, будто духъ зависитъ отъ тѣла! Но я знаю, что это—вымыселъ, и его гнилой плодъ не отравитъ мнѣ здоровой жизни. Развѣ духъ обитаетъ въ волокнахъ тѣла и тождественъ съ ними, такъ что долженъ самъ терять гибкость и становиться мумiей, когда они костенѣютъ? Оставимъ тѣлу, что̀ принадлежитъ ему. Когда органы чувствъ тупѣютъ, и отображеніе картины міра слабѣетъ, то неизбѣжно тупѣетъ и воспоминаніе, и многія удовольствія и наслажденія становятся слабѣе. Но развѣ это есть жизнь духа? развѣ это

есть юность, вѣчности которой я поклоняюсь? Для чего же другіе люди рядомъ со мной имѣютъ лучшее тѣло и болѣе острые органы чувствъ? развѣ они не будутъ около меня, какъ и теперь, готовые къ любвеобильнымъ услугамъ? Печаль о разрушеніи тѣла есть моя послѣдняя забота; какое мнѣ дѣло до него? И развѣ несчастіе для меня, если я сегодня забуду о томъ, что̀ было вчера? Развѣ мелкія событія одного дня образуютъ мой міръ? Развѣ представленія единичнаго и реальнаго въ узкомъ кругѣ, который опредѣленъ присутствіемъ моего тѣла, есть вся сфера моей внутренней жизни? Кто въ нисшемъ сознаніи не вѣдаетъ высшаго назначенія, кому юность любезна лишь тѣмъ, что она даетъ больше чувственнаго богатства, тотъ имѣетъ основаніе оплакивать нищету старости! Но кто смѣетъ утверждать, что сила и полнота великихъ священныхъ мыслей, которыя духъ творитъ изъ себя, также зависитъ отъ тѣла, и что воспріятіе истиннаго міра требуетъ употребленія внѣшнихъ органовъ? Развѣ для созерцанія человѣчества я нуждаюсь въ глазѣ, нервъ котораго уже теперь, въ серединѣ жизни, начинаетъ тупѣть? Или нельзя любить тѣхъ, кто достоинъ любви, безъ того, чтобы кровь, которая уже теперь движется медленнѣе, быстрымъ потокомъ проносилась сквозь узкіе сосуды? Или сила воли зависитъ отъ силы мускуловъ, отъ мозга могучихъ костей? Или мужество—отъ чувства здоровья? Вѣдь это чувство обманываетъ и тѣхъ, у кого оно есть; смерть таится въ незамѣтныхъ уголкахъ, внезапно бросается оттуда на человѣка и объемлетъ его съ наглымъ смѣхомъ. Развѣ мнѣ мѣшаетъ, что я уже знаю, гдѣ она обитаетъ? Или повторяющаяся боль и страданія всякаго рода могутъ настолько угнетать духъ, что онъ уже неспособенъ къ своему собственному, внутреннему дѣланію? Но вѣдь противодѣйствовать этимъ страданіямъ есть тоже его дѣло, и они также служатъ поводомъ, чтобы въ сознаніи зарождались великія мысли. Для духа нѣтъ зла въ томъ, что лишь измѣняетъ направленіе его дѣятельности.

Да, я хочу сохранить до позднихъ лѣтъ неослабленный духъ, и никогда не должна исчезнуть свѣжая бодрость жизни; что

радуетъ меня нынѣ, должно радовать меня всегда; воля должна остаться твердой, а фантазія—живой, и я не допущу, чтобы что либо вырвало изъ моихъ рукъ волшебный ключъ, отмыкающій мнѣ таинственныя врата высшей жизни, и чтобы во мнѣ погасло пламя любви. Я не хочу видѣть пугающее многихъ безсиліе старости; я даю обѣтъ могучаго презрѣнія ко всякому бѣдствію, которое не затрагиваетъ цѣли моего бытія, и себѣ самому я клянусь сохранить вѣчную юность.

Но не отрекаюсь-ли я, вмѣстѣ съ худымъ, и отъ хорошаго? Развѣ старость, по сравненію съ юностью, есть только слабость? Что́ же почитаютъ люди въ сѣдинахъ, даже въ тѣхъ, которыя не сохранили ни слѣда вѣчной юности—этого прекраснѣйшаго плода свободы? Ахъ, часто въ нихъ почитаютъ только то, что воздухъ, которымъ они дышали, и жизнь, которую они вели, были подобны погребу, въ которомъ трупъ дольше сохраняется отъ разложенія; часто народъ почитаетъ ихъ, какъ святыя мощи. Духъ подобенъ для нихъ виноградному соку, которое, какъ они мнятъ, даже при плохой породѣ становится лучше и цѣнится выше, когда старѣетъ. Но нѣтъ, они такъ много говорятъ объ особыхъ добродѣтеляхъ позднихъ лѣтъ, о трезвой мудрости, о холодной разсудительности, о полнотѣ опыта и объ изумительной, спокойной завершенности въ знаніи пестраго міра. Прелестная юность есть для нихъ лишь преходящій цвѣтокъ человѣчества, старость же и все, что́ она несетъ духу, есть зрѣлый плодъ. Лишь тогда духъ до конца очищенъ воздухомъ и солнцемъ, лишь тогда достигаетъ полной зрѣлости внутреннее ядро человѣческой природыи готово для наслажденія разумѣющихъ. О сѣверные варвары, невѣдающіе лучшаго климата, гдѣ одновременно блещетъ и плодъ, и цвѣтъ, и оба всегда соперничаютъ между собой своей роскошью! Развѣ земля такъ холодна и сурова, что духъ не можетъ подняться до этой высшей красоты и завершенности? Конечно, не каждый обладаетъ всѣмъ прекраснымъ и благимъ; но дары раздѣлены между людьми, а не между періодами жизни. Каждый есть особое растеніе; но что́ бы онъ ни былъ, онъ всегда можетъ одновременно цвѣсти и приносить плоды.

Все, что́ можетъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, все это человѣкъ можетъ имѣть и сохранять одновременно; онъ это можетъ—и долженъ.

Откуда приходятъ къ человѣку разсудительная мудрость и зрѣлый опытъ? даются ли они ему свыше, и требуетъ ли высшее предопредѣленіе, чтобы онъ получалъ ихъ не раньше, чѣмъ отцвѣтетъ его юность? Я чувствую, какъ я ихъ теперь пріобрѣтаю; именно движущая сила юности и свѣжая жизнь духа создаетъ ихъ. Озираться во всѣ стороны,—вбирать все въ нутро души, преодолѣвать силу отдѣльныхъ чувствъ, такъ чтобы ни слеза радости, ни слеза печали не туманила духовнаго взора и не затемняла его образовъ,—быстро переходить отъ одного къ другому и въ своихъ дѣйствіяхъ ненасытно изображать черезъ внутреннее подражаніе дѣйствія другихъ—въ этомъ и состоитъ бодрая жизнь юности, и это же есть созрѣваніе мудрости и опыта. Чѣмъ подвижнѣе фантазія, чѣмъ быстрѣе дѣятельность духа, тѣмъ скорѣе растетъ и созидается и мудрость, и опытъ. И когда они уже возникли, неужели тогда человѣку не подобаетъ болѣе та бодрая жизнь, которая ихъ создала? Развѣ онѣ когда-либо бываютъ завершенными, эти высокія добродѣтели? и если онѣ возникли въ юности и силою юности, то развѣ онѣ не нуждаются всегда въ той же силѣ, чтобы все далѣе расти и осуществляться? Но съ пустымъ лицемѣріемъ люди обманываютъ себя въ отношеніи своего прекраснѣйшаго блага, и глубочайшая основа этого лицемѣрія есть ограниченность и невѣдѣніе. Подвижность юности, полагаютъ они, есть дѣло того, кто еще ищетъ, а искать не подобаетъ тому, кто стоитъ у конца жизни; онъ долженъ украшать себя мудрой тишиной, этимъ священнымъ символомъ завершенія, и спокойствіемъ сердца, какъ знакомъ полноты разсудка; человѣкъ въ старости долженъ вести себя такъ, чтобы уже не казаться ищущимъ и не сойти въ могилу среди насмѣшекъ надъ своимъ тщетнымъ начинаніемъ. Такъ говорятъ эти люди; но ихъ мудрый покой есть лишь косная неподвижность, и пусто ихъ спокойное сердце. Лишь кто искалъ дурного и пошлаго, пусть славится тѣмъ, что онъ

все нашелъ! Безконечно то, что я хочу познать и охватить, и лишь въ безконечномъ рядѣ дѣйствій я могу всецѣло опредѣлить самого себя. Я хочу никогда не потерять чувства, которое гонитъ человѣка впередъ, и желанія, которое, никогда не удовлетворяясь тѣмъ, что уже было, всегда идетъ на встрѣчу новому. Слава, которой я ищу—это знать, что моя цѣль безконечна, и все же никогда не останавливаться въ своемъ движеніи,—знать, что на моемъ пути встрѣтится мѣсто, которое поглотитъ меня, и все же ничего не измѣнять въ себѣ и вокругъ себя, и не задержать шага передъ нимъ. Поэтому человѣку подобаетъ вѣчно двигаться съ безпечнымъ веселіемъ юности. Никогда я не буду считать себя старымъ, пока я не буду завершеннымъ; и никогда я не буду завершеннымъ, потому что я знаю свою обязанность и хочу ея. И не можетъ также быть, чтобы красота старости и юности противоборствовали другъ другу; ибо не только въ юности вырастаетъ то, изъ-за чего они славятъ старость, но и старость въ свою очередь питаетъ свѣжую жизнь юности. Вѣдь всѣ признаютъ, что юность лучше расцвѣтаетъ, когда о ней заботится зрѣлая старость; такъ и собственная внутренняя юность человѣка украшается, когда онъ достигъ того, что даруетъ духу старость. Опытный взоръ скорѣе обозрѣваетъ сущее, скорѣе воспринимаетъ все тотъ, кто уже знаетъ много сходнаго, и горячѣе должна быть любовь, проистекающая изъ высшей ступени собственнаго развитія. Такъ сила и радость юности должны остаться у меня до конца. До конца я хочу каждымъ своимъ дѣйствіемъ растить въ себѣ силу и жизненность, и каждымъ актомъ саморазвитія увеличивать свою любовь. Я хочу сочетать юность со старостью, чтобы и старость обладала полнотой и была проникнута живительной теплотой. На что же жалуются люди въ старости? Во всякомъ случаѣ не на то, что есть необходимое слѣдствіе опыта, мудрости и развитія. Развѣ сокровище хранимыхъ мыслей притупляетъ воспріимчивость человѣка и лишаетъ для него прелести новое, какъ и старое? Развѣ мудрость со своимъ твердымъ словомъ подъ конецъ становится робкимъ сомнѣніемъ, задерживающимъ всякое дѣй-

ствіе? Развѣ саморазвитіе есть самосожиганіе, превращающее духъ въ мертвую массу? То, на что они жалуются, есть лишь отсутствіе въ нихъ юности. Отчего же имъ недостаетъ юности? Потому что въ юности имъ недоставало старости. Двоякимъ должно быть это сочетаніе. Уже теперь въ могучемъ духѣ должна быть сила старости, чтобы она могла удержать въ тебѣ юность; тогда позднѣе юность будетъ охранять тебя противъ недостатковъ старости. Тотъ унижаетъ самого себя, кто сначала хочетъ быть юнымъ, а потомъ старымъ, кто сначала хочетъ признавать лишь то, что̀ они восхваляютъ, какъ черты юности, а позднѣе слѣдовать лишь тому, въ чемъ они видятъ духъ старости; жизнь не выноситъ такого раздѣленія своихъ началъ. То и другое есть двойственная дѣятельность духа, которая должна совмѣщаться во всякое время; и развитіе и совершенство состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ все живѣе сознавалъ ихъ различіе и ясно отдѣлялъ задачу каждой изъ нихъ.

Для самого растенія высшее есть цвѣтокъ, прекрасное завершеніе индивидуальнаго бытія; для міра высшее въ немъ есть плодъ, оболочка для сѣмени грядущихъ поколѣній, даръ, который должно приносить каждое самобытное существо, чтобы чужая природа могла пріобщить его къ себѣ. Такъ и для человѣка радостная жизнь юности есть высшее, и горе ему, когда она уходитъ отъ него; но міръ требуетъ, чтобы онъ сталъ старымъ, дабы возможно скорѣе созрѣли его плоды. Ты долженъ разъ навсегда упорядочить свою жизнь. То, чему слишкомъ поздно научаетъ людей старость, куда насильственно влечетъ ихъ время въ своихъ оковахъ,—то, въ силу свободнаго избранія могучей воли, пусть уже теперь лежитъ въ основѣ твоего отношенія ко всему, что̀ есть міръ. Гдѣ цвѣтокъ жизни добровольно зачинаетъ плодъ, тамъ да будетъ этотъ плодъ сладостнымъ наслажденіемъ міру; и пусть скрыто лежитъ въ немъ оплодотворенное зерно, которое нѣкогда разовьется для новой самобытной жизни. Что̀ ты даруешь міру, да будетъ плодомъ, легко отдѣляющимся отъ растенія. Но не жертвуй въ ложномъ великодушіи ни малѣйшей частью своего существа!

Не давай вскрывать своей сердцевины, не давай срывать съ себя ни единаго листка, который вбираетъ для тебя питаніе изъ окружающаго міра! Но и не созидай въ гнѣвѣ обманчиваго нароста, безформеннаго и не дающаго питанія, если гдѣлибо тебя разъѣдаетъ губительный червячокъ; нѣтъ, все, что̀ не есть для тебя самого ростъ твоей формы или развитіе новыхъ органовъ, да будетъ истиннымъ плодомъ, созданнымъ внутренней любовью духа, какъ свободно воздвигнутый памятникъ юношеской жизни. И если самобытная жизнь уже создала этотъ плодъ, пусть онъ постепенно выступаетъ наружу изъ своихъ покрововъ; и тогда пусть онъ развивается далѣе согласно законамъ внѣшняго дѣйствованія. Тогда пусть позаботится о немъ мудрость и трезвая разсудительность, чтобы дѣйствительно пошло на пользу міру то, что̀ добровольно посвятила ему любовь. Тогда осмотрительно взвѣшивай средства и цѣль, заботься и озирайся кругомъ съ мудрой боязливостью, провѣряй свою силу и работу, дорого цѣни свои усилія, и жди терпѣливо и безъ досады счастливаго мгновенія.

Горе, если юность во мнѣ, свѣжая сила, опрокидывающая все, что̀ ее стѣсняетъ, легкость души, вѣчно стремящаяся впередъ, посвятила себя дѣлу старости, и съ плохимъ успѣхомъ въ чуждой области внѣшней дѣятельности растрачивала силу, которую она отнимаетъ у внутренней жизни! Такъ могутъ погибать лишь тѣ, кто не вѣдаютъ всего богатства жизни и, не понимая священнаго влеченія, хотятъ быть юными во внѣшей дѣятельности. Они хотятъ, чтобы плодъ созрѣлъ въ одно мгновеніе, подобно тому, какъ цвѣтокъ раскрывается въ одну ночь; одно рѣшеніе вытѣсняетъ другое, и ни одно изъ нихъ не завершается; и въ быстрой смѣнѣ противоположныхъ средствъ разрушается каждое начатое дѣло. И когда они такъ въ тщетныхъ попыткахъ расточили лучшую половину жизни, и ничего не сдѣлали и не осуществили именно тамъ, гдѣ дѣйствованіе и осуществленіе было ихъ единственной цѣлью,—то они проклинаютъ легкость души и быструю жизнь, и имъ остается только старость,—слабая и нищая старость, какъ она должна быть тамъ, гдѣ юность изгнана и истреблена. Я не буду зло-

употреблять юностью, чтобы она не ушла и отъ меня; я не буду пользоваться ею въ чуждой области для неподходящаго ей дѣла; я буду удерживать ее въ границахъ ея царства, чтобы ея не коснулась никакая порча. Но въ этомъ царствѣ она должна властвовать нынѣ и всегда съ нестѣсненной свободой; и никакой законъ, имѣющій право повелѣвать лишь внѣшней дѣятельности, не долженъ ограничивать мою внутреннюю жизнь.

Всякое дѣйствованіе во мнѣ и на меня, не принадлежащее міру и образующее лишь мое собственное развитіе, пусть носитъ вѣчно цвѣтъ юности, и развивается съ прекрасной безпечной радостью, слѣдуя лишь внутреннему влеченію. Не подчиняйся никакому порядку, который предписывалъ бы тебѣ, когда ты долженъ созерцать или постигать, когда ты долженъ скрываться въ себѣ или, наоборотъ, проявлять себя! радостно пренебрегай всякимъ чуждымъ закономъ, и отгоняй всякую мысль, которая хочетъ обозначить въ мертвой буквѣ свободную измѣнчивость жизни! Не слушайся, когда тебѣ говорятъ, что сначала должно быть закончено это, а потомъ—то! Иди впередъ легкими шагами, какъ и когда тебѣ это нравится: вѣдь въ тебѣ живетъ и сохраняется все, что ты свершаешь, и ты находишь все это, когда возвращаешься назадъ. Не давай себя запугивать мыслью о томъ, что̀ получится, если ты теперь примешься за то или это! Изъ всего этого не получится ничего иного, кромѣ тебя самого: ибо все, что̀ ты можешь хотѣть, принадлежитъ къ твоей жизни. Не желай быть умѣреннымъ въ дѣйствованіи! Сохраняй всегда бодрую жизнь; никакая сила не пропадаетъ, кромѣ той, которую ты, не использовавъ, задерживаешь въ себѣ. Не желай сегодня чего-либо только для того, чтобы имѣть возможность завтра желать иного! Стыдись, свободный духъ, чтобы въ тебѣ одно служило другому; ничто не должно быть средствомъ въ тебѣ, ибо одно столь же цѣнно, какъ и другое; и чѣмъ ты стремишься стать, становись ради него самого. Не поддавайся безсмысленному обману, будто ты долженъ хотѣть того, чего ты не хочешь! Не позволяй міру повелѣвать тебѣ, когда и что̀ ты долженъ совершать для него. Гордо насмѣхайся надъ этимъ

безсмысленнымъ притязаніемъ, мужественный юноша, и не терпи гнета. Все есть твой свободный даръ: ибо въ твоемъ внутреннемъ дѣйствованіи должно возникнуть рѣшеніе что либо дѣлать для міра; и не дѣлай ничего, кромѣ того, что̀ съ свободной любовью и радостью проистекаетъ изъ нутра души. Не допускай, чтобы твоей любви ставили какія-либо границы, чтобы ей предписывали мѣру, характеръ и длительность! Вѣдь она есть твое достояніе: кто можетъ требовать ея? Вѣдь ея законъ таится только въ твоей душѣ: кто же смѣетъ тамъ повелѣвать? Стыдись въ самомъ святомъ слѣдовать чужому мнѣнію! Стыдись ложнаго стыда, что они не поймутъ, когда ты скажешь вопрошающему: вотъ источникъ моей любви! Что бы ни случалось внѣ тебя, не давай стѣснять себя въ полнотѣ и радости своей внутренней жизни! Кто пожелалъ бы смѣшивать несовмѣстимое, и угрюмо смотрѣть на себя самого? Не скорби, если ты не можешь быть чѣмъ либо, или дѣлать что либо! Кто пожелалъ бы съ пустыми желаніями глядѣть на невозможное, или корыстнымъ взоромъ смотрѣть на чужое благо?

Такъ свободно и радостно движется моя внутренняя жизнь! Когда и какъ время и судьба могли бы научить меня иной мудрости? За міромъ я оставляю его права: я стремлюсь къ порядку и мудрости, къ разсудительности и умѣренности во внѣшнемъ дѣйствованіи. Да къ чему мнѣ и пренебрегать тѣмъ, что̀ легко и съ готовностью дается, что̀ добровольно проистекаетъ изъ моего внутренняго существа и дѣйствованія? Все это безъ труда и въ изобиліи пріобрѣтаетъ тотъ, кто созерцаетъ міръ; но созерцаніемъ самого себя человѣкъ пріобрѣтаетъ и то, что унынie и слабость не могутъ приблизиться къ нему: ибо изъ сознанія внутренней свободы и ея дѣятельности возникаетъ вѣчная юность и радость. Этимъ я завладѣлъ, съ этимъ я никогда не разстанусь; и потому я съ улыбкой смотрю, какъ слабѣетъ свѣтъ моихъ очей, какъ пробивается сѣдина въ свѣтлыхъ кудряхъ. Что̀ бы ни случилось, мое сердце не сожмется: до смерти останется свѣжимъ пульсъ моей внутренней жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Личность и воззрѣнія Фр. Шлейермахера. Вступительная статья переводчика I

Предисловіе переводчика L

Указатель содержанія „Рѣчей о религіи“ LIII

Указатель содержанія „Монологовъ“ LVIII

Рѣчи о религіи LXI

Предисловіе автора къ третьему изданію LXIII

Первая рѣчь. Самооправданіе 1

Вторая рѣчь. О сущности религіи 24

Третья рѣчь. О религіозномъ воспитаніи. 112

Четвертая рѣчь. Объ общественномъ началѣ въ религіи, или о церкви и священствѣ 138

Пятая рѣчь. О религіяхъ 176

Послѣсловіе 226

Поясненія къ „Рѣчамъ о религіи“ 233

Поясненія къ первой рѣчи 235

Поясненія ко второй рѣчи 239

Поясненія къ третьей рѣчи 257

Поясненія къ четвертой рѣчи 261

Поясненія къ пятой рѣчи. 293

Поясненія къ послѣсловію 305

Монологи. Новогодній даръ 311

Предисловіе автора ко второму изданію 331

Стр.

Предисловіе автора къ третьему изданію 315
Обращеніе 317
1. Размышленіе 318
2. Испытанія 330
3. Міросозерцаніе 348
4. Горизонты 364
5. Юность и старость 378

Замѣченная опечатка.

На стр. 128, строка 10 сверху *напечат.:* къ людямъ, *слъд. читать:* людямъ.

ИЗДАНІЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

Г. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. Перев. *С. Гессена.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ и М. В. Шикъ.* Подъ редакціей *С. В. Лурье.* Цѣна 2 руб. 50 коп.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. Цѣна 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Сборникъ статей. Цѣна 1 руб.

А. А. КИЗЕВЕТТЕРЪ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. Цѣна 50 коп.

Изданія Д. Е. ЖУКОВСКАГО:

Петръ Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 г.).

Въ числѣ статей, между прочимъ, напечатаны:

„Великая Россія“, „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, „Интеллигенція и революція“, „Интеллигенція и народное хозяйство“, „Интеллигенція и національное лицо“, „Религія и соціализмъ“, „Герценъ“, „Левъ Толстой“ и „17-го октября 1909 г.“ (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. И. Гучкова).

Страницъ 619. Цѣна 3 руб.

С. Л. Франкъ.

ФИЛОСОФІЯ и ЖИЗНЬ.

Этюды и наброски по философіи культуры.

Содержаніе: „Ницше и этика любви къ дальнему“.— „Проблема власти“.—„Философскія предпосылки деспотизма“. „Личность и вещь“.— „Этика нигилизма“ и друг.

Страницъ 389. Цѣна 2 руб.

Складъ изданій: Спб. т-во „Общественная Польза“, Невскій, 40, кв. 43. Москва, „Русская Мысль“, Ваганьковскій пер., 3.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Контора и книжный складъ „Русской Мысли".
Москва, Ваганьковскій пер., 3.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.

2011111319